САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

К 80-летию со дня рождения
П. П. Толочко

ПОЧЕТНЫЕ ДОКТОРА УНИВЕРСИТЕТА

Петр ТОЛОЧКО

УКРАИНА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ

ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018

ББК 63.3(4Укр)+66.2(4Укр)
Т52

Научный редактор

А. С. Запесоцкий, член-корреспондент Российской академии наук,
академик Российской академии образования,
ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
заведующий кафедрой философии и культурологии,
доктор культурологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Толочко, П. П.

Т52 Украина между Россией и Западом: историко-публицистические очерки / П. П. Толочко ; науч. ред. А. С. Запесоцкий. — СПб. : СПбГУП, 2018. — 592 с. — (Почетные доктора Университета).

ISBN 978-5-7621-0973-4

В издании публикуются тексты очерков, лекций, выступлений выдающегося украинского историка и археолога, академика Национальной академии наук Украины, иностранного члена Российской академии наук, Почетного доктора СПбГУП П. П. Толочко.

Автор таких острополитических книг, как «Украина в оранжевом интерьере», «Украина в огне евроинтеграции», «Заблудшие», размышляет над наиболее злободневными проблемами украинской жизни суверенного периода. Данное исследование посвящено взаимоотношениям Украины и России, неожиданно ставшим остро конфронтационными. Главная причина этого — политика националистической элиты Украины, взявшей курс на интеграцию страны в европейское сообщество и НАТО и провозгласившей его новым цивилизационным выбором. Две так называемые революции — «оранжевая» (2004) и «достоинства» (2013–2014) — по сути, не только привели к противостоянию Украины с Россией, но и обострили отношения внутри украинского общества, запустили механизм государственного и территориального распада.

Книга серии «Почетные доктора Университета», публицистическая по форме и историко-исследовательская по содержанию, адресована ученым, преподавателям, студентам, а также всем, кому не безразличны отношения двух родственных народов — украинского и русского, имеющих единый биологический и культурный корень.

ББК 63.3(4Укр)+66.2(4Укр)

ISBN 978-5-7621-0973-4

© Толочко П. П., 2018
© СПбГУП, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. С. Запесоцкий. Петр Толочко: ученый и гражданин 8

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА 16

Глава 1. УКРАИНА И РОССИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСЫ 21

1. Не «наша» история 21
2. Какую историю учат украинские студенты и школьники? 36
3. Древняя Русь — общее прошлое восточнославянских народов 47
4. «Слава шведским освободителям!» 57
5. Уроки декабризма 69
6. Галицкие русины между Австро-Венгрией и Россией в начале XX века 75
7. Вглядываясь в Октябрь 1917 года 79
8. «Поклонимся за тот великий бой» 83

Глава 2. УКРАИНСКО-РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ ПОД УГРОЗОЙ 91

1. На того ли «коня» поставил князь Владимир? 91
2. Украинская православная церковь — церковь соседней державы? 99
3. От Москвы к Константинополю 105
4. Чем не угодил украинским националистам патриарх Кирилл? 114

Глава 3. УРОКИ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА 118

1. Национально-освободительная борьба или гражданская война? (Бульба-Боровец против Бандеры) 118
2. Об «Исповеди украинца» Виктора Полищука 129
3. «Национализм означает войну» 137

Глава 4. УКРАИНА В 1991–2010 ГОДАХ 149

1. Государство или страна? 149
2. Государство и свобода 170
3. Какой Россией пугают украинцев? 179

Глава 5. ИНТЕГРАЦИЯ УКРАИНЫ В ЕС И НАТО 187

1. Президенты-западники 187
2. Отрыв от России 192
3. Потери на евроинтеграционном пути 201

Глава 6. КИЕВСКИЙ МАЙДАН-2 И ЕГО ТРАГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ 215

1. Евромайдан, или Варвары в городе 215
2. «Гірше ляха свої діти її розпинають» 225
3. Победа Майдана — поражение Украины 233
4. Режим Януковича сокрушили, а что дальше? 241
5. А дальше — народное восстание Юго-Востока Украины 252
6. Синдром распада 262
7. «Зачем Кремлю бунт Юго-Востока Украины?» 268
8. Со своими людьми надо договариваться, а не воевать 276

Глава 7. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ НА НЕЗАВИСИМОЙ УКРАИНЕ 287

1. Национальная идея 287
2. Свобода и патриотизм по-украински 299
3. Народ и элита на новой Украине 331
4. Угрожает ли русский язык украинскому? 356
5. Украина — антитеза России? 385
6. Украинцы, конечно, не русские, но еще меньше — европейцы 395
7. Федерализация Украины: угроза распада или путь консолидации? 406
8. «В ненависти к русским мы проклинаем и самих себя» 422

Глава 8. УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ТЕКСТЫ. ВЫСТУПЛЕНИЯ В СПбГУП 445

1. Диалог или монолог культур и цивилизаций? 445
Выступление на IX Международных Лихачевских научных чтениях, 14 мая 2009 года
2. О проблеме внутрикультурного диалога 452
Выступление на X Международных Лихачевских научных чтениях, 13 мая 2010 года
3. «Русский мир» и Украина 460
Выступление на XII Международных Лихачевских научных чтениях, 17 мая 2012 года
4. Империи как вершины мирового культурного развития 466
Выступление на XIII Международных Лихачевских научных чтениях, 16 мая 2013 года
5. Глобализация по-евро-американски и крушение традиционного мироустройства 476
Выступление на XIV Международных Лихачевских научных чтениях, 15 мая 2014 года
6. Евроинтеграционная драма Украины 487
Выступление на XV Международных Лихачевских научных чтениях, 14 мая 2015 года

7. Украина: западноевропейское будущее без восточнославянского прошлого? 497
Выступление на XVI Международных Лихачевских научных чтениях, 19 мая 2016 года
8. Откуда пошла Русская земля? 509
Лекция, прочитанная в СПбГУП на Дне знаний, 1 сентября 2016 года
9. «Нас ждет то, что мы сделаем сами» 534
Выступление на XVII Международных Лихачевских научных чтениях, 18 мая 2017 года
10. Культура Руси X–XIII веков 542
Лекция, прочитанная в СПбГУП на Дне знаний, 1 сентября 2017 года
11. Киев и Новгород: у истоков Древней Руси 553
Лекция, прочитанная в СПбГУП 16 декабря 2017 года
12. «Не дразните медведя» 572
Выступление на XVIII Международных Лихачевских научных чтениях, 17 мая 2018 года

Послесловие 579

Именной указатель 583

ПЕТР ТОЛОЧКО: УЧЕНЫЙ И ГРАЖДАНИН

I

Автор данной книги Петр Петрович Толочко — советский, украинский ученый мирового уровня, отметивший в этом году восьмидесятилетний юбилей. Выдающийся историк-медиевист и археолог, академик Национальной академии наук Украины и иностранный член Российской академии наук.

Открывая мировому сообществу прошлое, исследования историков экстра-класса закладывают фундамент для осмысления настоящего. Труды академика Толочко не просто подтверждают это известное правило, но и являются одним из символов актуальности исторической науки. Предлагаемая вниманию читателя книга предоставляет ему возможность систематизировать свои взгляды на трагические события современной истории Украины и найти ответы на многие актуальные вопросы.

Книга выходит в серии «Почетные доктора Университета», в которой ранее вышли сборники академиков РАН Абдусалама Гусейнова, Вячеслава Степина, Дмитрия Лихачева, поэта Андрея Вознесенского, писателя Даниила Гранина и других выдающихся людей.

Основная задача серии — донести до читающей аудитории, особенно до молодежи, студенчества, мысли, идеи, размышления личностей, которых мы считаем персонифицированными символами университетских ценностей и идеалов. Ведь присвоение звания Почетного доктора — высшая форма признания современника университетским сообществом СПбГУП.

II

Петр Толочко избран Почетным доктором Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов 1 июля 2016 года. 1 сентября 2016 года состоялись церемония его чествования в этом качестве и занесения имени академика на памятную доску.

Петр Петрович — человек с твердой научной и нравственной позицией, взглядами гуманиста и патриота, которые он последовательно отстаивает как в научных кругах, так и в публичной сфере, что подчас требует немалого

мужества. Именно в деятельности таких людей понятия «служение науке» и «патриотизм» обретают наивысший смысл. И в этом плане жизнь академика Толочко для молодежи — замечательный пример для подражания.

Петр Толочко родился 21 февраля 1938 года в селе Пристромы Переяслав-Хмельницкого района Украинской ССР. О себе он в шутку говорит так: «Я чистый украинец-репаный из села, и у меня в родословной одни украинцы: Толочко отец, дед по фамилии Хмельницкий и бабка из рода Шевченко». Репаный в переводе с украинского означает «темный, малограмотный». Это характеризует начальную точку того тяжелейшего и блестящего пути, который прошел Петр Толочко в Советском Союзе — стране, предоставлявшей большие возможности всем слоям общества.

В детские годы история не была его страстью. По признанию Петра Петровича, интерес к предмету сформировался постепенно. Свое влияние оказали школьная учительница Галина Митрофановна и брат, учившийся на историка в Киевском пединституте. В 1960 году «парубок Петро» окончил историко-философский факультет Киевского государственного университета им. Тараса Шевченко.

После непродолжительной работы научным сотрудником в Музее украинского искусства П. П. Толочко перешел в Институт археологии Академии наук УССР, с которым и оказалась связана вся его дальнейшая судьба. Начав свою научную карьеру в должности младшего научного сотрудника, он последовательно был ученым секретарем института, старшим научным сотрудником, заведующим отделом археологии Киева. С 1987 по 2017 год Петр Петрович Толочко — директор Института археологии Национальной академии наук Украины.

Кандидатскую диссертацию на тему «Историческая топография древнего Киева» он защитил в 1966 году. С докторской все было сложнее. Работа на тему «Киев и Киевская земля в период феодальной раздробленности Руси XII–XIII веков» была представлена в Институт истории Академии наук УССР в 1976 году. Однако его директор — бывший секретарь горкома партии Арнольд Шевелев — поручил сотрудникам рассмотреть вопрос о проявлении в ней национализма. Его насторожила фраза «Киев — мать городов русских», что в те времена считалось большой крамолой. В итоге докторская степень Петру Петровичу была присуждена лишь через пять лет.

Петр Толочко — автор свыше 500 научных работ и 25 монографий. С 1989 года является ответственным редактором журнала «Археология». В 1990 году ученый был избран академиком Национальной академии наук Украины, где с 1993 по 1998 год исполнял обязанности вице-президента. В 2011 году Петр Петрович стал иностранным членом Российской

академии наук. Он также является членом Европейской академии и Международного союза славянской археологии, членом-корреспондентом Центрального немецкого института археологии.

С 1998 по 2006 год П. П. Толочко был народным депутатом Верховной рады Украины III и IV созывов. Избирался в Раду Петр Петрович по спискам «Блока Юлии Тимошенко», но со временем понял, что это деструктивная сила, и покинул его ряды. Будучи первым заместителем председателя Комитета Верховной рады по вопросам науки и образования, академик Толочко содействовал принятию закона, согласно которому наука должна финансироваться на уровне 1,7 % от ВВП страны. Увы, этот закон ни разу не был выполнен даже наполовину.

Петр Петрович Толочко награжден советским орденом «Знак Почета», российским орденом Дружбы, украинским орденом князя Ярослава Мудрого III, IV и V степеней. Дважды — в 1983 и 2002 годах — удостаивался государственных премий Украины в сфере науки и техники.

III

А. С. Пушкин, анализируя «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, заметил, что это исследование «есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека». Эти слова применимы и к научному творчеству академика Толочко. Петр Петрович считает, что момент истины наступает тогда, когда оценочные критерии включают не только научный принцип историзма, но и этику исследователя, в основе которой — совестливое отношение к прошлому. Жить по совести в бессовестное время невероятно трудно. А Толочко — обладатель, как сказал Андрей Вознесенский, «активной совести». Этот человек даже в самых трудных обстоятельствах остается честен перед самим собой и любым временем. У него особое чутье на правду. Лакей пера — это не про него.

Конечно, с взглядами Толочко далеко не все согласны, особенно новые манкурты. В шестидесятые годы прошлого века был популярен роман Чингиза Айтматова «И дольше века длится день», в котором писатель рассказал о манкуртах — особой категории людей, попавших в плен: захватчики полностью стирали их память о предыдущей жизни и превращали в бездушных рабов, слепо подчинявшихся новым хозяевам.

Особенность современных манкуртов — не в том, что память им изменила, а в том, что они изменяют ей, когда считают это выгодным. С настойчивостью, достойной лучшего применения, они сочиняют альтернативную историю, тешащую самолюбие тех или иных хозяев. Конечно, таким не по пути с Петром Толочко — позиция ученого вызывает у них неприятие.

Что делать академику Толочко в этой ситуации? Как быть? Физическое противостояние для него неприемлемо. Петр Петрович никогда не был участником майданов, более того, не симпатизировал им. Он считает, что «такие бурные события, которые впоследствии определяются понятием „революция“, ничего хорошего обществу не приносят» (с. 16). Это страшная, опустошительная сила, которая порождает разрушения, страдания, смерть.

Академик Толочко отстаивает свои убеждения с помощью слов и воспринимает критику оппонентов в свой адрес с христианским смирением. Но оставляет за собой право на собственные мысли и критическое отношение к своим оппонентам. Думается, можно назвать такие отношения с людьми «золотым правилом Толочко».

IV

Научная позиция академика основывается на том, что Древняя Русь была общей этнической и культурной прародительницей современных России, Украины, Беларуси, это общее прошлое восточнославянских народов. В те времена существовала единая русская (древнерусская) народность. «Древним русичам, — пишет Толочко, — и в страшном сне не могло присниться, что когда-то они будут украинцами, белорусами и русскими» (с. 48). Современные попытки развести по разные стороны русских и украинцев противоестественны. «Поскребите хорошенько украинца — и вы обнаружите русского» (с. 400). И наоборот.

Толочко предлагает любопытный вариант правописания слова «русский», отсылающий к словам «Русь» и «Россия». Прилагательное, образованное от слова «Русь», логично писать с одним «с» — руский. И соответственно «русский» в значении «российский» — с двумя «с» (с. 115).

Характерно, что образ Русской земли, или Святой Руси, в произведениях древнерусской литературы ни разу не был подменен каким-либо другим. С необыкновенной силой идея единой Родины прозвучала в гениальной поэме «Слово о полку Игореве». Главным героем «Слова» является не князь, а вся русская земля. И в былинном эпосе образ русской земли неотделим от образа ее столицы — Киева. Илья Муромец отправляется на богатырском коне, чтобы постоять за стольный Киев-град, за Святую Русь.

Существует много исторических фактов, свидетельствующих о том, что русичи воспринимали Древнюю Русь как единую страну, общую Родину.

Нет оснований предавать забвению и общее восточнославянское родство. Ведь история — это не просто чередование эпох и времен, но и галерея исторических портретов. Как убедительно показывает ученый, биографии многих русских и в то же время украинских святых, героев,

деятелей культуры и искусства, ученых, политических деятелей — еще один аргумент славяно-православной идентичности.

В качестве ярчайшего примера органичного соединения традиций русской и украинской культур академик приводит Н. В. Гоголя. Он родился в местечке Великие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии. В 19 лет окончил Нежинскую гимназию и отправился в Санкт-Петербург. Его первая опубликованная книга «Вечера на хуторе близ Диканьки» написана на русском языке с использованием малороссийского наречия. Вместе с тем значителен вклад Гоголя в развитие русской литературы и языка. Хрестоматийным стало выражение, приписываемое Достоевскому, что все мы вышли из гоголевской «Шинели». Так малоросс Гоголь или великоросс? Даже он не смог ответить на этот вопрос: «Сам не знаю, какая у меня душа».

И в советское время этнические украинцы — легендарные артисты, писатели, режиссеры (И. Козловский, К. Паустовский, Н. Островский, С. Бондарчук) — созидали общую культуру, поэтому невозможно разделить их по городам и весям без ущерба для исторической правды.

Общая культурная идентичность была свойственна и ученым. Великий мыслитель, основоположник учения о биосфере В. И. Вернадский осознавал свою корневую связь с Украиной («Украина — мое родное племя») и выступал за нерасторжимое единство братских народов. В письме сыну Вернадский писал, что не разделяет русских и украинцев: «Это два лика нашего народа. Для меня русская и украинская культура есть проявление одного большого целого».

И в политике, как убедительно показывает Петр Петрович, сложилась аналогичная ситуация. Украинцы были сотворцами российской государственности и культуры. Одним из идеологов преобразований Российской империи был Ф. Прокопович — соратник Петра I. Во всех правительствах России, начиная с Елизаветы Петровны, украинцы (братья Разумовские, А. Безбородко и др.) занимали ключевые посты. В советское время выходцы с Украины были не только вторыми лицами в государстве, как К. Ворошилов, Н. Подгорный, но и первыми — Н. Хрущев, Л. Брежнев.

Важный вывод Толочко состоит в том, что поликультурность обогащает народы, имеет преимущество перед монокультурностью. Монокультурность непродуктивна: «По отдельности мы можем меньше, чем вместе». Тем нелепее выглядят современные попытки превратить культурное развитие России и Украины из диалога в монологи (с. 33–35).

В отличие от многих специалистов по Древней Руси, сосредоточившихся исключительно на предмете своего исследования, Толочко пытливо вглядывается в историю XX века и сегодняшний день через увеличительное стекло прошлого.

В 2017 году отмечалось столетие Октябрьской революции. Недостатка в комментариях защитников и противников события, оказавшего огромное влияние на все мировое сообщество, не было. Не остался в стороне и Петр Толочко. Он считает, что революции совершаются не по злой воле пассионарных гениев или демонов, а потому, что в обществе накапливается критическая масса непримиримых противоречий, разрешить которые посредством мирного диалога невозможно. В этом смысле общество сродни природе, которая тоже время от времени переживает различные катаклизмы (извержение вулканов, смерчи, тайфуны и т. п.).

Приняв эту обоснованную П. П. Толочко закономерность, бессмысленно кипеть благородным гневом и искать ответчиков за произошедшее с Россией в 1917 году, пытаться принять чью-либо сторону. Петр Петрович приводит близкие ему строчки М. Волошина: «А я стою один меж них / В ревущем пламени и дыме / И всеми силами моими / Молюсь за тех и за других».

Академик Толочко решительно выступает против переписывания истории Великой Отечественной войны. Охотников до этого много не только на Украине, но и в России, вплоть до переоценки преступлений власовцев (с. 88). Многие современные СМИ переполнены потоками вранья. Толочко внимательно отслеживает развязные публикации фрондирующих «интеллектуалов» и дает им достойный отпор. Так, он подробно разбирает выступление одного из «всадников без головы», с «ученым видом знатока» доказывающего «вечную вражду украинцев к России» (с. 396).

Для мыслителя такого масштаба, как Толочко, важно показать не только несостоятельность конкретного ошибочного материала, но и объяснить природу таких публикаций. В связи с этим чрезвычайно интересен раздел книги о государстве и свободе. Притчей во языцех стало утверждение, что государство и свобода — антиподы. Как только ни пытались ненавистники опорочить историю СССР. Но после распада Советского Союза регламентация жизни уступила место сомнительной свободе, скорее даже вседозволенности, ориентиры общества сбились. Свобода, не сдерживаемая государством в определенных границах, по сути, привела к хаосу (с. 174).

Академик Толочко делает интересный вывод: истинной свободы больше не там, где меньше государства, а наоборот: там, где его больше, там, где этот институт уважается обществом, осознается как необходимое условие его стабильности, где свобода отождествляется не с анархией, но с уважением конституционных порядков и гражданской нравственностью (с. 179).

Недопустимо конъюнктурное, спекулятивное отношение к памяти. Память ни в одном этимологическом словаре не отождествляется со злопамятью или печальной памятью. Наоборот, она понимается в широком смысле — как способность помнить прошлое в целом, понимать причинно-следственную связь явлений и событий и давать им научное толкование. В значительной степени память является синонимом разума (с. 161). Разума без памяти не существует.

Ученый переосмысливает сложившиеся стереотипы. Например, П. П. Толочко убедительно доказывает, что государства-империи — закономерный этап в развитии человечества, которые к тому же демонстрируют необычайную культурно-историческую эффективность (с. 471).

Или другой стереотип — теория человекоцентризма, которой многие восхищались. Академик Толочко пишет, что это скорее модная, чем верная концепция. В социально структурированном обществе человек не может быть центром бытия. Он — существо социальное, коллективное, и личные интересы индивидуума не должны стоять выше общинных, иначе не было бы социального развития, общество не смогло бы создать гражданских форм жизни (с. 394).

Философ И. Ильин утверждал, что «национальное духовное единство», или «великое духовное „мы"», является сущностью Родины. В теории человекоцентризма нет великого духовного «мы», но есть множество «я». Дескать, сначала обустрою себя, а потом и Родину, если останутся силы и средства (с. 395). Но ставить Родину на второе место после себя недостойно настоящего гражданина.

Думается, читателю интересно будет познакомиться и с тем, как ученый трактует патриотизм. В его основе — любовь к Родине. Не к царю или президенту, режиму или политической элите, а к «родному пепелищу», «отеческим гробам». Эти чувства не терпят публичной суеты, они глубоко личные, интимные. О патриотизме не надо кричать с трибуны (с. 321) — его нужно реализовывать в делах.

Настоящее и будущее своей страны волнует академика Толочко не меньше, чем прошлое. Он категорически против вступления Украины в НАТО, считая это противоестественным развитием событий. Курс на тесное экономическое и политическое сотрудничество Украины с Россией для него не имеет альтернативы. По мнению ученого, достойное будущее Украина сможет построить, только опираясь на собственное историко-культурное прошлое.

Характерно, что ученый считает решение Богдана Хмельницкого объединиться с единоверной и единокровной Россией единственно правильным. Он категорически отрицает популярную ныне в чиновном Киеве точку зрения, что Украина якобы была колонией в составе Российской империи: «Российская империя созидалась усилиями и украинцев

в том числе. Если мы просмотрим всю историю, то окажется, что украинцы были полноправными соавторами, сотворцами империи в том обличье, в котором она явлена миру».

Петр Толочко также не разделяет огульного охаивания советского периода в истории страны, считая, что именно в то время была создана великая Украина: «Если бы не было Советского Союза, неизвестно, было бы вообще такое государственное образование», — пишет Петр Петрович.

В то же время ученый с пониманием относится к евроинтеграционным стремлениям соотечественников, полагая, что одно вовсе не исключает другого.

V

Не сомневаюсь, что думающий читатель найдет для себя в этой книге ответы и на другие острые вопросы, касающиеся Украины.

В завершение хочу сказать следующее. Позиция сегодняшней украинской власти является радикально-прозападной. Позиция Толочко, изложенная в этой книге, очевидно контрастирует с политикой киевских чиновников и их окружения. В связи с этим она по контрасту может восприниматься как пророссийская. Однако при внимательном рассмотрении эта позиция оказывается проукраинской, основанной на научной объективности и гражданской честности. Не приходится сомневаться в том, что именно за этой позицией — будущее Украины.

Данную книгу отличает редкая особенность — она написана прекрасным русским языком. Мастерство изложения соответствует глубине идей. Безупречная логика построения материала позволяет П. П. Толочко донести свои мысли до каждого читателя. Все это вызывает наше восхищение автором: этот человек сочетает в себе верность науке, своему призванию с любовью к Родине, бесстрашие в отстаивании своих взглядов — с самоотверженным служением идеалам добра и справедливости.

Таков наш Почетный доктор академик Толочко, перешагнувший в этом году 80-летний рубеж и находящийся в поре активной мудрости.

Наш Университет ждет от Вас, Учитель, новых исследований и публикаций:

Не оставляйте стараний, маэстро,
Не убирайте ладони со лба.

А. С. Запесоцкий,
ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН,
доктор культурологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В предлагаемой книге — мое личное восприятие «суверенного» периода нашей истории и его личностные оценки. Не испытываю иллюзий по поводу того, что мои мысли во всех случаях объективны, хотя я, разумеется, и стремился к этому. Наверное, они вызовут неприятие многих моих оппонентов. Ничего неестественного в этом нет. Признаю за ними такое право и восприму критику в свой адрес с христианским смирением. Но точно такое же право оставляю и за собой — на собственные мысли и критическое отношение к своим оппонентам.

Я не был участником майданов. Более того, даже не симпатизировал им. Считал и считаю, что такие бурные события, которые впоследствии определяются понятием «революция», ничего хорошего обществу не приносят. Как правило, они отбрасывают его на многие годы назад. Известно ведь, что в канун так называемой «оранжевой революции» Украина вышла на устойчивое экономическое развитие с 10–12 % годового роста валового внутреннего продукта. После прихода к власти майданных революционеров экономика страны просто обрушилась. Ситуация немного улучшилась при президенте В. Януковиче и премьер-министре Н. Азарове, но Майдан-2 вновь пустил экономику под откос.

Один из крупных государственных и хозяйственных деятелей «дооранжевой» поры на мой вопрос, в чем феномен такого резкого обрушения, ответил, что он в тотальной смене кадров. С приходом к власти В. Ющенко, а затем и П. Порошенко в одночасье лишились работы десятки тысяч квалифицированных управленцев всех уровней — от столицы до села. Их заменили идейными соратниками новых президентов. Министрами, руководителями областей, районов, учебных заведений, медицинских учреждений и других организаций стали люди, которые в большинстве своем в своей предыдущей жизни не руководили ничем. Новые кадры не имели ни знаний, ни опыта, нередко даже и соответствующего образования, как у министров юстиции и здравоохранения. Заменить опыт революционной идейностью было невозможно.

Для десятков тысяч людей это была драма. Некоторые из них были отстранены от работы, которую умели делать, другие, нередко не имеющие понятия, как она делается, — приставлены к ней. Конечно, для страны это было губительно. Ее вновь ввергли в любительский эксперимент. Основным его смыслом явилось патриотическое единомыслие. Те, кто не разделял национал-радикальных убеждений «оранжевого» режима, объявлялись манкуртами, непатриотами. Все силы были направлены не на экономическое развитие страны, в которой комфортно жилось бы ее гражданам, а на создание единого и единомысленного гуманитарного пространства — этнократического в своей основе. Наиболее ортодоксальные его сторонники заговорили об особой гордости от того, что родились украинцами. Нашлись и такие, которые провозгласили лозунг «Украина — для украинцев».

Любовь к себе родимым неизбежно привела националистов к враждебному восприятию других. Прежде всего, разумеется, русских, которые являлись постоянным источником несчастий для бедных украинцев. Достается полякам и евреям, поставленным в один негативный ряд с русскими, а также коммунистам без оглядки на их этничность. По существу, на Украине развязана настоящая война по всему идеологическому фронту. При этом ее инициаторов нисколько не волнует, что позиции с противоположной стороны заняты не «злими воріженьками», а своими же согражданами, которые обладают такими же суверенными правами на свой идеологический суверенитет, как и их самозваные судьи.

Националистическое идеологическое безумие проникло практически во все области гуманитарного знания: в историю, этнологию, культуру, религию. Все, что раньше было белым, теперь объявляется черным. И наоборот. Нас стали энергично убеждать, что настоящей истории мы не знаем, истинного происхождения украинцев — тоже, по-украински говорить также не умеем. То, что мы считали украинским языком, в действительности — русифицированный суржик. Натуральный же язык сохранила украинская диаспора. Из оценочных критериев исчезли не только научный принцип историзма, когда все явления исследуются в тесной связи с конкретными условиями, их породившими, но и этика исследователя. В ее основе — совестливое отношение к прошлому, право выбора которого нашими предками не должно подвергаться ревизии. Утверждать, что они не имели к нему непосредственного отношения и что оно навязывалось им всякий раз агрессивными чужестранцами, — значит не верить в их историческую правосубъектность. Это и несправедливо, и оскорбительно по отношению к прошлым поколениям украинцев.

Новый социальный заказ вызвал к жизни творческую активность большого числа историков-любителей, ранее занимавшихся строительством мостов, проволочным волочением, юриспруденцией и другими видами деятельности, далекими от исторической науки. В полном соответствии с природой дилетантов они необычайно активны, сами верят в то, что говорят, и с мессианской настойчивостью убеждают в этом других. Издают книги, выступают в периодической печати, на телевидении. Им внимают, восторгаются их откровениями и не задумываются о том, почему инженер-мостостроитель или волочильщик проволоки делает «открытие» не в своей профессиональной области, которой он занимался всю жизнь, а там, где он абсолютный дилетант.

Услышав от такого горе-историка, что, к примеру, русский и украинский народы не родственны, более того, русские вообще не славяне, заинтересованные слушатели испытывают восторг. И опять же нисколько не задумываются над тем, отчего носители фамилий, оканчивающихся на -ов и -ова, на Украине — чистокровные украинцы, а в России — даже не славяне. Абсурд? Разумеется, но еще и стыд. Как говорил известный киногерой, за державу обидно.

Все мы стали свидетелями яростной кампании по переименованию населенных пунктов, улиц и площадей, снесению памятников деятелям советского времени, которую проводил В. Ющенко сотоварищи и продолжает П. Порошенко. Причем делается это без какого-либо обсуждения и официальных решений, совершенно не считаясь с тем, что далеко не все граждане Украины разделяют такой радикализм. Такими же волевыми решениями устанавливались и новые памятники.

Еще одно явление, которое безжалостно эксплуатирует национально-сознательная элита, политическая и творческая, — это историческая память. На Украине при Кабинете министров создан Институт национальной памяти. Оказалось, однако, что национал-радикалов интересует не вся память народа, а только та ее часть, которая связана с трагическим прошлым Украины. С необъяснимым упорством и последовательностью в сознание украинцев внедряется комплекс народа-страдальца, народа-мученика. По инициативе В. Ющенко страна перманентно отмечала «юбилеи» каких-то трагедий: Батуринской 1709 года, Крут 1918 года, голодомора 1932–1933 годов, Быковни 1940–1941 годов и др.

При этом властям казалось недостаточным, чтобы эту скорбь испытывали только украинцы, и они пытались превратить ее во вселенскую. С этой целью В. Ющенко и его министры вояжировали по миру и упрашивали правительства других стран признать голодомор геноцидом украинского народа. У них это не получалось, они нервничали, видели

в этом козни Москвы, но не унимались. Несогласных с голодомором как геноцидом украинцев решили привлекать к суду.

Не обошли «оранжевые» своей патриотической заботой и язык, точнее, языки — украинский и русский. Первый принялись реформировать, чтобы максимально приблизить к галицко-диаспорному диалекту, а второй пытались вообще лишить гражданства на Украине. Объявили его имперским, языком чужой страны, а в конечном счете назвали иностранным. Им не было дела до того, что русский язык является органической частью украинской культуры, поскольку многие наши выдающиеся интеллектуалы были его сотворцами. Что знание его не унижает народ, а возвышает его. Что он не может быть на Украине иностранным и потому, что является родным по меньшей мере для 8,5 миллионов граждан.

С комиссарской решительностью национал-радикалы вытесняют русский язык из употребления. Издают указы и постановления об обязательном дублировании русскоязычных фильмов, запрещают использовать русский язык на телевидении, не останавливаясь даже перед нарушением европейского законодательства, в частности Европейской хартии региональных языков или языков национальных меньшинств. Это нельзя оправдать никакими ссылками на то, что все делается в интересах защиты украинского языка. Ведь в данном случае нарушаются элементарные права человека, причем не одного, а многих миллионов этнических русских граждан Украины. И никого это на демократическом Западе, где в качестве государственных мирно уживаются два и три языка, не волнует.

Между тем борьба с русским языком, преследующая цель дистанцирования от России, преодоления ее традиционного присутствия в украинской культуре, является одновременно и борьбой с собственными гражданами, которые, как и этнические украинцы, имеют право на свой родной язык: учить на нем детей, смотреть фильмы и телепередачи, читать книги и газеты. При этом ведь никто из них не подвергает сомнению государственный статус украинского языка.

Если мы попытаемся свести все действия властей к единой формуле, она может быть выражена словами: «Подальше от России и поближе к цивилизованной Европе». По сути, это было сверхзадачей В. Ющенко, для осуществления которой он и был призван. Выполнить ее ему не удалось. В его оправдание можно сказать, что эта задача действительно чрезвычайно сложна.

В этой сфере он достиг лишь личного успеха: свои связи с Россией он таки порвал. Не знаю, насколько он гордился этим фактом, а вот тем, что его не взяли в Европу, был, как свидетельствует Кондолиза Райс,

огорчен до слез: «Во время встречи с украинским президентом Виктором Ющенко в кулуарах Давоса я сказала ему, что шансы на предоставление Украине ПДЧ очень невелики. Сидя в крошечном шале́ (небольшом сельском домике в швейцарском стиле. — *П. Т.*) и наблюдая за тем, как колени очень высокого Ющенко практически прижаты к его подбородку, я внезапно осознала: у нас появилась проблема. Украинский президент чуть не плакал: „Это будет катастрофа, трагедия — если мы не получим ПДЧ“, — умолял он».

Более успешным в реализации действий, направленных на отрыв Украины от России, оказался П. Порошенко. Он и Соглашение об ассоциации Украины с ЕС подписал, и безвизовый режим получил, и за создание Украинской автокефальной православной церкви принялся. И все ради того, чтобы разорвать вековые связи двух родственных народов.

Мне, всю свою жизнь занимающемуся историей Древней Руси, бывшей общей этнической и культурной прародительницы нынешних России и Украины, невозможно согласиться с такой политикой украинских властей. Европейская интеграция не должна вычеркнуть из памяти украинцев общевосточнославянское родство с русскими и белорусами, не должна стать непреодолимой преградой для традиционных связей двух стран и их народов. Против этого — память о наших святых и героях, о нашей общей вековой борьбе за славяно-православную идентичность, как, впрочем, и наши нынешние семейно-родственные связи. Учитывая все это, не сомневаюсь в том, что в противостоянии с Россией Украина не обретет счастья.

Глава 1
УКРАИНА И РОССИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСЫ

1. НЕ «НАША» ИСТОРИЯ

Экскурс в историческое прошлое двух родственных народов обусловлен нынешним его искажением в учебниках и учебных пособиях для украинских средних и высших учебных заведений. Уже выросло целое поколение на так называемом новом прочтении истории, изменившим ее до неузнаваемости. Главный его смысл заключается в том, что общая с Россией история была вовсе и не «нашей». Обретения превратились в потери, нерушимая дружба двух родственных народов стала их извечной враждой. Более чем трехсотлетнее пребывание Украины в едином с Россией государственном образовании (Российской империи и Советском Союзе) квалифицировано как колониальное, в течение которого Украина была не субъектом истории, но объектом.

Все это трудно оценить даже как историческое невежество, поскольку историки, оплакивающие горькую судьбу украинцев, определенно знают, что особо унижаемыми и притесняемыми они никогда не были. Их положение было не хуже, а в отдельные периоды и значительно лучше, чем положение русских. Знают также и о том, что российская общественная мысль не считала малороссов отдельным от русских народом. Подтверждением этому является тот факт, что малороссы наравне с великороссами принимали участие в строительстве общего государства, становились канцлерами, министрами, сенаторами, крупными военачальниками

и даже первыми руководителями страны, что имело место в советское время. И, по сути, вплоть до обретения независимости не испытывали от своего малороссийства и украинства комплекса неполноценности.

Известно, сколь значителен вклад украинцев в формирование русской (может, правильнее говорить — общерусской) культуры. В XVII–XVIII веках особое место принадлежало Киево-Могилянской академии. Ее воспитанники, позже ставшие известными учеными, оказали огромное влияние на развитие русского просвещения и духовности. Интеграция украинских интеллектуалов в общерусский историко-культурный процесс, начавшийся со времени вхождения Украины в состав России (и даже еще раньше) и продолжавшийся вплоть до развала Советского Союза в 1991 году, был столь органичным и глубоким, что сегодня невозможно без оскорбления памяти наших знаменитых предков развести их деяния (как и их самих) по национальным квартирам.

При внимательном изучении прошлого оказывается, что даже русский язык, являющийся ныне яблоком раздора между «сознательными» и «несознательными» украинцами, нам не чужой. И тем более не иностранный, до чего додумалось образовательное ведомство в «оранжевое» безвременье. Не говоря уже о том, что он родной для 8,5 млн русскоэтничных граждан Украины, более того — и создавался украинцами: в XVII — первой половине XVIII века — в значительной степени ими, в XIX и XX веках — в том числе ими.

По признанию известного российского ученого-языковеда С. Н. Трубецкого, уже при патриархе Никоне «киевская редакция церковнославянского языка вытеснила московскую в богослужебных книгах... Так что тем церковно-словянским языком, который послужил основанием для „славяно-российского“ литературного языка петровской и послепетровской эпохи, является именно церковнославянский язык киевской редакции»[1].

---

[1] *Трубецкой С. Н.* К украинской проблеме // Евразийский современник. Париж, 1927. Кн. 5. С. 165–184.

Совершенно невероятные вещи происходят на Украине и в области исследования этнической истории. Здесь нашли благодатное поле для заявления своей патриотической преданности не только люди, ничего в этой проблеме не смыслящие, но и откровенные расисты. Даже сняли фильм, в котором поведали миру, что на основании анализа ДНК неоспоримо доказывается не только исконная европейская древность украинцев, но и их «арийскость».

И все эти потуги предпринимаются только для того, чтобы доказать, что украинцы в своем генотипе не имеют ничего общего с русскими. Должен огорчить доморощенных «арийцев», что ни биология, ни антропология не имеют никакого отношения к культурной этноидентификации. Если мы на основании этих наук будем определять истинных украинцев, тогда окажется, что многие выдающиеся деятели, имена которых вошли во все энциклопедии и справочники как украинские, не окажутся таковыми. Среди них будут П. Могила, В. Баранович, И. Гизель, Н. Бантыш-Каменский, И. Мартос, Н. Гоголь, М. Драгоманов, В. Антонович, В. Липинский, С. Ефремов и многие другие. Не выдержат тест на истинную украинскость В. Кочубей, И. Выговский, И. Мазепа, С. Петлюра, П. Скоропадский и, страшно сказать, даже Д. Донцов — идеолог украинского интегрального национализма.

Но это же абсурд. Цивилизованная Европа, куда мы непрестанно стремимся, такой ерундой не занимается. Принадлежность к тому или иному народу там определяется не по составу крови или форме черепа, а по интегрированности в культуру в широком значении этого слова, а также по тому, кем человек себя осознает.

Несколько перефразировав известное изречение классика, можно сказать, что моя малороссийская душа исполнилась гордостью. Разумеется, за Украину. Сколько талантливых людей она дала миру! Но и за Россию тоже. Ведь это в ней в трудную годину находили приют украинские переселенцы. И именно в России многие из них обретали всероссийскую (всесоюзную) и мировую славу.

В украинской национально-патриотической литературе, а нередко и в речах политических деятелей можно встретить утверждения, что ареал расселения украинцев на востоке значительно шире ее нынешних государственных границ, что и воронежское Подонье, и Кубань — это украинские земли. Из этого делается вывод, что Украина в совместной жизни с Россией потеряла часть своих исконных земель. Едва ли не первым, кто высказал эту неверную мысль, был П. Чубинский, заявивший в своей песне «Ще не вмерла Україна», ставшей ныне государственным гимном Украины, что ее территориальные пределы простираются «От Сяну до Дону». Его последователи прибавили сюда еще и Кубань.

Действительно, украинцы проживают в означенных регионах. Но не на своих землях, а на исконных российских, куда массово переселялись в течение XVII–XVIII веков. Известно, насколько значительным был переселенческий поток в Россию во времена господства на Украине польской шляхты. От ее невыносимого гнета украинцы переселялись под защиту московских властей на Путивльщину, Белгородчину и Воронежчину. Полных статистических данных об этом переселении у нас нет, но едва ли будет большим преувеличением сказать, что количество переселившихся исчислялось десятками тысяч. Не желая терпеть польского засилья, в Россию уходили семьями, общинами и даже полками, как Черниговский полк во главе с полковником Иваном Дзиговским (1003 казака с женами и детьми были расселены на Острогожчине). В 1649 году в Белгород переселился с семьей брат Богдана Хмельницкого Григорий, покровительство которому оказал царь России Алексей Михайлович.

В отдельных приграничных регионах России выходцы из Малороссии численно даже превосходили русских. Это видно, в частности, из Отписки путивльского воеводы Н. Плещеева, в которой говорится: «Ныне (в 1649 г.) в Путивле и Путивльском уезде литовских (украинских. — *П. Т.*) людей больше твоих государевых людей». Аналогичная ситуация имела место на Кубани, куда в 1792 году с разрешения императрицы Екатерины II было переселено «войско Коша верных казаков Запорожских», переименованное в 1860 году в Кубанское войско.

В реальности нынешняя восточная граница Украины проходит значительно дальше, чем это могло быть, исходя из политических реалий XVII–XVIII веков. При Юрии Хмельницком и по его просьбе к Малороссии отошла Новгород-Северщина, ранее входившая в состав Московского государства. Впоследствии украинскими оказались города российской юрисдикции Путивль и Глухов, а также Слобожанщина, находившаяся преимущественно под управлением Белгородского воеводства и Разрядного приказа.

Часто, говоря о том или ином деятеле науки и культуры России или Советского Союза, мы оказываемся в затруднении при определении его национальной принадлежности. Русский он или украинский? Не обходится здесь и без национальных патриотических предпочтений. В украинской историографии употребляют прилагательное «украинский», а в русской — «русский». Приходится даже читать, правда, как правило, в украинских изданиях, что они (русские) почему-то называют нашего писателя (или ученого) русским. Квалифицируется это как синдром имперскости со всеми вытекающими из этого негативными оценками. Причем за основу национального соотнесения берется не творчество, не интегрированность в конкретную культурную среду, а место рождения или биологическая этничность.

Не всегда нас удовлетворяет и определение «русско-украинский». Между тем ко многим деятелям государства, науки и культуры только такое прилагательное и применимо — практически ко всем украинцам, начинавшим свою политическую карьеру на Украине, а завершившим в России во времена Советского Союза. Правда, в данном случае часто употребляется более нейтральный термин — «советский государственный деятель».

Что касается представителей из области литературы и искусства, то здесь мерой всему является характер творчества. Конечно, С. С. Гулак-Артемовский является русским певцом и артистом. Об этом говорят его более чем двадцатилетняя служба в оперных театрах Санкт-Петербурга и Москвы, широкий русский песенный и оперный репертуар. Но ведь он пел

и украинские песни, к тому же написал знаменитую (первую) украинскую оперу «Запорожец за Дунаем», а значит, был также украинским певцом и композитором.

В советское время яркий пример двухкультурной принадлежности явил И. С. Козловский. Начав свой певческий путь с хора Киевского Михайловско-Златоверхого монастыря (как и С. С. Гулак-Артемовский), затем он пел в Полтавском музыкально-драматическом театре и Харьковском оперном театре. С 1926 года до конца жизни пел в Большом театре СССР. Вошел в историю русского искусства как несравненный исполнитель партий Ленского и Юродивого, русских старинных романсов. Но кроме них в репертуаре И. С. Козловского всегда были украинские народные песни и романсы, а также арии из опер С. Гулака-Артемовского и Н. Лысенко. Примером трепетного отношения певца к украинской песне может служить его необычайная требовательность к музыкальным записям. Некоторые, в частности романс «Коли розлучаються двоє», он записывал несколько раз.

Мы привыкли к тому, что писатель и поэт Е. Гребинка является классиком украинской литературы, одним из ее зачинателей вместе с Г. Квиткой-Основьяненко. Но оказывается, что свои произведения он писал и на русском языке, а его песни «Очи черные» и «Помню, я еще молодушкой была» принесли ему всероссийскую славу. Поют их до сих пор, правда, не всегда отмечая авторство. И стоит ли недоумевать, а тем более огорчаться по поводу того, что он вошел в историю как украинский и русский поэт и писатель?

Среди выходцев с Украины — народных артистов СССР, внесших огромный вклад в развитие русского искусства, я могу назвать и Б. С. Ступку. Наверное, это не очень понравится украинским националистам: как же так — ведь более украинского актера, чем Б. Ступка, и представить невозможно?! Но гениальный человек никогда не умещается в узкие этнокультурные рамки, в том числе и Богдан Ступка. Он, как справедливо выразился Евгений Евтушенко, «актер планетарного масштаба». В российском кинематографе Б. Ступка блестяще сыграл десятки ролей, один Тарас Бульба чего стоит,

за что получил много различных призов на кинофестивалях: «Золотую розу», «Нику», «Триумф», был избран членом Российской киноакадемии. Одним из его любимых писателей был А. Чехов. В Москве Б. С. Ступка бывал часто и охотно, называл ее театральной Меккой интеллектуальных и духовных сил Советского Союза. Можно согласиться с народным артистом СССР М. Ульяновым, который отмечал: «Украина может гордиться своим сыном. Богдан Ступка достойно представляет ее в России».

Примерно то же самое можно сказать о Л. Ф. Быкове. Он украинский актер и режиссер. Но разве можно представить российский кинематограф 1950–1970-х годов без его блистательного в нем присутствия как актера и режиссера? Его картины «В бой идут одни „старики“» и «Аты-баты, шли солдаты» и сегодня составляют золотой фонд советского и российского кино.

Нельзя представить российский культурный процесс и без А. П. Довженко, который с 1934 года и до конца жизни жил и работал в Москве. В годы Великой Отечественной войны он снял несколько документальных фильмов («Буковина — земля украинская», «Битва за нашу советскую Украину», «Победа на Правобережной Украине»), написал публицистические статьи, сценарии новых фильмов («Украина в огне»). После войны снял фильм «Мичурин», который критика оценила как событие в советском кинематографе, а также «Прощай, Америка», вышедший на экраны только в 1995 году. Написал сценарии фильмов «Поэма о море», «Повесть пламенных лет» (режиссер Ю. Солнцева), «Зачарованная Десна» (режиссер Ю. Солнцева). Много сил отдавал подготовке кадров, преподавал во ВГИКе.

У А. П. Довженко был свой критический взгляд на советско-партийную действительность, но он никогда не переносил его на отношение к русской культуре. Его творчество, в том числе домосковского периода, свидетельствует о том, что русский язык для него был таким же родным, как украинский.

Говоря о знаменитых украинцах в России и их вкладе в развитие русской культуры, мы, переполненные чувством

гордости за это обстоятельство, не всегда осознаем, что далеко не все они попадали в нее, полностью сформировавшись творчески. Большинство обретало свое лицо уже в России, участие которой в обучении и воспитании украинских талантов трудно переоценить. Практически все украинские музыканты и художники XVIII–XIX веков высшее образование получили в России, а затем за рубежом. Причем государство всегда брало на себя все материальные и организационные затраты.

Приведем несколько примеров такого участия имперской России в судьбе украинских талантов.

Первый относится к композитору Д. С. Бортнянскому. Украинские музыковеды нередко обижаются на то, что в российских изданиях он именуется русским композитором. Но так ли уж несправедливо это определение? Особенно если принять во внимание, что с Украины он уехал в десятилетнем возрасте, музыкальное образование получил в Петербурге, а затем в Италии, всю последующую жизнь провел в Санкт-Петербурге. Конечно, его творчество оказало влияние на развитие украинской хоровой культуры. Но такое же, а может, и большее влияние Бортнянский оказал на российскую музыкальную жизнь последней четверти XVIII — первой половины XIX века. Это хорошо осознавали российские композиторы, и не случайно П. И. Чайковский в 1882 году озаботился публикацией его 10-томного творческого наследия. В 20-е годы XX века в России увидели свет светские произведения Д. Бортнянского.

Может быть, более показательна в этом отношении судьба художника А. П. Лосенко, начинавшего хористом в Глуховской певческой школе и затем (за красивый голос) приглашенного в Петербург. Когда Лосенко потерял голос, его могли отправить обратно на Украину или он мог затеряться в столице. Но этого не случилось. Люди, отвечавшие за его судьбу, определили юношу на учебу к художнику-портретисту Аргунову, где он обнаружил талант художника. А. П. Лосенко продолжил свое образование за государственный счет за границей, во Франции и Италии, и стал выдающимся русским живописцем.

Одну из славных страниц в историю русской и украинской культур вписал С. С. Гулак-Артемовский, родившийся на Киевщине в 1813 году. После обучения в Киевской духовной семинарии пел в митрополичьем хоре в Софийском и Михайловско-Златоверхом храмах Киева. Здесь его услышал композитор М. Глинка, пригласил в Санкт-Петербург в придворную капеллу и занялся дальнейшим образованием молодого певца. Он же принял решение отправить С. Гулака-Артемовского на стажировку в Италию. После возвращения в 1842 году в Санкт-Петербург С. Гулак-Артемовский был зачислен солистом в Императорскую оперу, на сцене которой блистал 22 года. Имел не только певческий, но и композиторский талант. В 1863 году написал первую национальную украинскую оперу «Запорожец за Дунаем».

Ярким примером органичного соединения традиций русской и украинской культур является творчество Н. В. Гоголя. Еще при жизни его личность вызывала острые споры. Кто он — малоросс или великоросс? Особую актуальность они приобрели в наше время, правда, преимущественно в украинском общественном мнении. Между тем спорить по существу не о чем. Несомненно, Н. В. Гоголь является великим русским писателем. У него нет ни одного произведения, написанного по-украински, а его вклад в развитие русской литературы и языка столь значителен, что оказался под силу лишь немногим писателям русского происхождения[1].

Прибыв в Петербург в 19-летнем возрасте, Гоголь попал под опеку выдающихся русских писателей: В. Жуковского, А. Пушкина, П. Вяземского, П. Плетнева и других. Они были не только заинтересованными слушателями первых сочинений Н. В. Гоголя, но и участливыми критиками, советчиками. Известно, что А. Пушкин, прослушав «Тараса Бульбу», посоветовал молодому писателю развернуть эту эпопею шире и даже набросал ее план. Он же подсказал Гоголю и сюжет «Мертвых душ». Одновременно петербургские учителя-наставники (в большей мере В. Жуковский) заботились о продолжении

[1] *Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем. Из литературных воспоминаний // Данилевский Г. П. Соч. 9-е изд. СПб., 1902. Т. 14. С. 92–100.

Гоголем образования. Перефразировав известное выражение, что русская литература вышла из «Шинели» Гоголя, можно сказать, что сам он вышел из «шинелей» Пушкина, Жуковского, Плетнева и других выдающихся петербургских писателей.

Е. Гребинка в советских энциклопедиях назван не только украинским, но и русским поэтом и писателем. Рожденный на Украине в 1812 году, он уже в 1833 году оказался в Санкт-Петербурге. Здесь познакомился с А. С. Пушкиным и был введен им в круг литераторов, сотрудничавших в журнале «Современник». Писал произведения на украинском и русском языках. Знаменитым стал после написания песен «Помню, я еще молодушкой была» и «Очи черные, очи страстные», которые любимы и в наше время.

Заметный след в истории русской культуры оставил П. А. Кулиш. Бо́льшую часть жизни он прожил в Санкт-Петербурге. Большинство произведений написал на русском языке. Наиболее известные — «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца», «Евгений Онегин нашего времени», «Петр Иванович Березин и его семейство», «История воссоединения Руси».

Видимо, справедливо в этом контексте упомянуть и еще одного петербургского украинца — Т. Г. Шевченко, который также внес вклад в развитие русской художественной культуры. Все его прозаические произведения написаны на русском языке, причем на превосходном русском, определенно родном ему. Свидетельством этому является его дневник, также написанный на русском языке. Это разговор наедине с собой, не рассчитанный, как утверждал Тарас Григорьевич, на печать. Стоит ли доказывать, что такие душевные исповеди не пишутся на чужом языке? Несомненно, русскоязычные повести Т. Г. Шевченко, как и его дневник, дают основания считать его не только украинским, но и русским писателем.

Полагаю, что в споре за обладание тем или иным русским гением украинского происхождения следует обязательно учитывать обстоятельства, в которых он состоялся. Кроме, разумеется, характера, содержания и языка произведений. Ориентация только на биологическую этничность здесь со-

вершенно неприемлема. Тем более что у многих выходцев с Украины, связавших свою жизнь и творчество с Россией, она была не только украинской. К примеру, С. Полоцкий — белорус, Кочубеи происходили от крымско-татарского мурзы Кучук-Бея, А. Н. Вертинский, С. П. Королев — русские, М. Бернес, Э. А. Быстрицкая, И. Д. Кобзон — евреи. Тем не менее все они имеют непосредственное отношение к Украине: одни — по факту рождения и полученного там образования, другие — по причине длительного проживания и изначальной интегрированности в украинский культурный процесс.

Четко определить их этнокультурную принадлежность просто невозможно. И, может быть, прежде всего из соображений нравственности. Поскольку мы никогда не можем быть уверены в том, что наша нынешняя идентификация того или иного деятеля (государства, науки, культуры) будет соответствовать его собственному самоопределению. И совершенно нет никакой уверенности в том, что если бы у нас появилась возможность задать им вопрос, какова их культурная идентичность, мы получили бы однозначный ответ.

Как известно, на этот вопрос Н. В. Гоголь не мог ответить даже самому себе. «Сам не знаю, какая у меня душа», — восклицал он. Художественные произведения он писал исключительно на русском языке. Был уверен, что так и надо. Призывал к этому своих земляков, оказавшихся в России. Недоумевал, почему Т. Г. Шевченко пишет по-украински. И вместе с тем хорошо знал украинский (известно его письмо на украинском языке), любил свою малую родину, ее историю, воспевал ее в своих произведениях «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Тарас Бульба». Русский язык для него был не чужим, не языком соседнего народа и уж никак не оккупанта, как его именуют нынешние националисты, а своим, родным.

Как справедливо утверждал крупнейший украинский филолог и культуролог Д. Н Овсянико-Куликовский, творить художественно можно только на родном языке, но не на искусственно усвоенном. С этим невозможно поспорить, следует только заметить, что у человека может быть два родных языка.

В российской и советской действительности такими были национальный язык и русский, или, как утверждал А. Потебня, для русских, украинцев и белорусов — общерусский. Вряд ли можно сомневаться в том, что если бы Гоголь решил написать произведение на украинском языке, оно было бы столь же художественным, как и русскоязычное. И прежде всего потому, что оно было бы написано также на родном языке.

Ярким примером двухкультурной идентичности был выдающийся русский ученый В. И. Вернадский. Украина и Россия для него являлись нерасторжимым единством. Он писал в письме сыну в 1922 году: «Я не разделяю русских и украинцев. Это два лика нашего народа. Для меня русская и украинская культура есть проявление одного большого целого». При этом он вполне осознавал свою корневую связь с Украиной: «Украина — мое родное племя», — написал он еще в юности[1].

Примеры двойной языковой, а следовательно, и культурной идентичности выходцев с Украины, чья жизнь (в том числе творческая) проходила в России, можно приводить бесконечно. Во времена Российской империи это М. А Максимович, П. А. Кулиш, М. О. Бодянский, в советское время — А. П. Довженко, И. С. Козловский, Б. А. Руденко, С. Ф. Бондарчук, В. В. Бортко, А. В. Петренко, В. С. Лановой, Р. Г. Виктюк и многие другие.

Следует сказать, что феномен двухкультурной идентичности был характерен не только для имперского (или союзного) уровня, но и для национального, причем как в среде творческой элиты, так и в широких кругах населения. И причиной этому была не насильственная русификация, о чем без устали твердят националисты, а глубокие традиции этнокультурного и исторического родства русских и украинцев.

Международные Лихачевские научные чтения, проводимые СПбГУП на высоком уровне (их организует ректор, член-корреспондент РАН А. С. Запесоцкий), в которых я неоднократно принимал участие, предполагают и обширную культурную

[1] Страницы биографии В. И. Вернадского / сост. Н. В. Филиппова. М., 1981. С. 33.

программу. Так, я не раз имел счастье слушать солиста Мариинского театра, народного артиста РФ В. Г. Герелло. Обратив внимание на его совершенно безакцентное пение на русском и украинском языках, я спросил у него, как ему, этническому украинцу, живется в рамках двухкультурной идентичности. Улыбнувшись, он, ничуть не раздумывая, ответил: «Нормально живется, вполне комфортно». После чего добавил, что за свою певческую карьеру ему никогда не приходилось сталкиваться с неприятием его украинского репертуара в России. «Украинские песни и романсы, — сказал певец, — так же близки русскому слушателю, как и русские».

В суверенное время на Украине русскому языку не оказывается никакой административной поддержки. Наоборот, происходит его методическое выдавливание из употребления, но большинство украинцев упрямо не желают с ним расставаться. Почему? Видимо, потому, что инстинктивно чувствуют, что с уходом русского языка они станут духовно беднее, что оборвется нить, связывающая их с общим восточнославянским прошлым, в том числе с нашими великими земляками, создававшими его вместе с русскими и белорусами.

Смею думать, что украинскому интеллектуалу, не страдающему комплексом неполноценности, абсолютно ясно, что поликультурность народа — его преимущество, особенно в нынешнем глобализованном мире, да и в прошлом тоже. К примеру, попытки сделать Киев монокультурным представляются контрпродуктивными. Этот город никогда не был таким. Согласно данным переписи населения 1874 года, русский язык считали родным 38 %, украинский — 30,2 %. Для значительного числа киевлян родными были польский язык и еврейский (идиш). Такое положение сохранялось вплоть до Октябрьской революции 1917 года. И, как оказалось, не помешало раскрыться таким гениям украинской культуры, как И. С. Нечуй-Левицкий, Н. В. Лысенко, М. Л. Кропивницкий, братья Тобилевичи, Н. Садовский, И. Карпенко-Карый, П. Саксаганский, Леся Украинка и др. А может быть, и помогло, поскольку известно, что для развития таланта нужна высокоинтеллектуальная конкурентная среда.

Сегодня в ортодоксальных украиноэтнических кругах, пытающихся диктовать свое ви́дение прошлого и будущего Украины, использование русского языка приравнивается чуть ли не к измене национальным интересам. Некоторые не в меру ретивые борцы за украинскую чистоту не стесняются заявлять, что те, кто говорит на русском языке, должны или перейти на украинский язык, или уехать в Россию. При этом, судя по всему, нисколько не задумываются над тем, что такой депортации подлежит если не половина населения Украины, то точно не менее 8,5 миллионов человек, назвавших себя во время последней переписи этническими русскими. И ехать им никуда не надо, поскольку с времен дедов-прадедов живут на своей родной земле: в исторической Новороссии, в Донбассе, Крыму, которые стали Украиной согласно правительственным декретам. И намного раньше, чем нынешний «оплот» украинства — Галичина. И пора бы уже это понять украинским националистам и украинскому политическому руководству, которое никак не реагирует на столь скандальные заявления.

Я не знаю, что движет этими людьми, но убежден, что не пожелание добра Украине. Анализируя в эмиграции неудачный опыт строительства украинского государства, Павел Скоропадский одну из главных причин видел в национальной нетерпимости, неспособности подняться над своими предубеждениями относительного всего русского. По сути, именно эти предубеждения и стали причиной восстания С. Петлюры, поднятого против гетмана. Как будто оправдываясь перед потомками, П. Скоропадский писал: «Но тут разница между мной и украинскими кругами та, что последние, любя Украину, ненавидят Россию: у меня же этой ненависти нет»[1].

Казалось бы, в начале XXI века такая дилемма (любить или ненавидеть) вообще не должна обсуждаться. На огромном количестве примеров мы могли убедиться, что язык не является условием наличия или отсутствия патриотизма. Ведь родина — это не только язык, но и место рождения, обитания, могилы предков, пленительные воспоминания. К сожалению,

[1] *Скоропадський П.* Спогади. Київ ; Філадельфія, 1995. С. 233.

эту простую истину мы никак не поймем. И отсюда наши извечные беды. Вместо того чтобы решать фундаментальные проблемы развития, украинские политические круги продолжают спекулировать на языке, этничности, патриотизме. Опыт Украинской Народной Республики и нынешней 27-летней независимости убеждает, что на этом пути у Украины нет будущего.

Наши потомки не будут мучительно раздумывать над национальной принадлежностью деятелей культуры, науки, государства времен независимости. Все они украинские. Но выиграла ли от этого хоть что-нибудь Украина?

После развала Советского Союза и обретения Украиной независимости подпитка российской науки и культуры украинскими кадрами практически прекратилась. Русским судить, как это отразилось на их жизни, но для нас очевидно, что без органической связи с российской культурой развитие украинской культуры и науки не стало более успешным. За все годы своей государственной суверенности Украина, к сожалению, так и не смогла предъявить миру поэтов и писателей, равных М. Рыльскому, В. Сосюре, М. Стельмаху, певцов, равных Д. Гнатюку, Е. Мирошниченко, А. Соловьяненко, ученых, равных Б. Патону, П. Костюку, В. Глушкову. Список этот, разумеется, намного длиннее. И сколько бы мы ни упивались счастьем избавления от диктата Москвы, неумолимые реалии жизни свидетельствуют, что по отдельности мы можем меньше, чем вместе.

Резкий обрыв многосотлетних традиций взаимообмена и взаимообогащения, отказ от единого историко-культурного пространства, потеря конкурентной научной и культурной среды не могли пройти бесследно. И если самоизоляция от России и дальше будет основным смыслом нашей суверенной жизни, надеяться на достижение Украиной хотя бы того же уровня научного и культурного развития, который она имела в прошлом, практически невозможно.

2. КАКУЮ ИСТОРИЮ УЧАТ УКРАИНСКИЕ СТУДЕНТЫ И ШКОЛЬНИКИ?

В 2008 году по инициативе Министерства образования и науки был сделан заказ на новые учебники истории Украины. После обретения государственного суверенитета это был уже не первый призыв написать правдивую историю нашей страны. Прежние мотивировались тем, что ученики и студенты не могут учиться по советским учебникам, в которых история Украины представлена тенденциозно, к тому же не как самостоятельная, а как часть имперской истории России и Советского Союза. Что и говорить, мотивы действительно убедительные. Труднее понять нынешний призыв. Новые учебники написаны, история Украины освещена в них в полном соответствии с национал-патриотическим социальным заказом. По сравнению с той историей, что была представлена в учебниках советского времени, она изменилась до неузнаваемости.

Новый заказ можно было бы понять, если бы он обусловливался требованиями более профессионального подхода к освещению истории, ухода от ее политизации и мифологизации, а также от непомерной идеологизации, во многих случаях граничащей с национальной нетерпимостью. Но, оказывается, причина вовсе не в этом, а в том, что учебники были написаны в основном до прихода к власти «оранжистов» и не в полной мере отвечают их представлениям о прошлом Украины. Можно себе представить, каким будет это новое поколение учебников.

Однако пока новые учебники еще не написаны, посмотрим, какую историю сейчас изучают наши ученики и студенты, насколько ее изложение в учебниках суверенного времени освобождено от тех пороков, которыми страдали советские учебники, и какова их объективность. Если иметь в виду профессиональный уровень, то он стал намного ниже, если идеологический — то он примерно такой же. Разумеется, с той лишь разницей, что тогда идеология была коммунистической, а теперь — этнонационалистической. Во многом у них общая сти-

листика, что объясняется, по-видимому, живучестью традиций, а также тем, что новую историческую концепцию создают все те же услужливые историки, которые создавали и старую, советскую.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с учебными пособиями, — это немыслимая нетребовательность их авторов к научности. Можно согласиться с тем, что история — учебная дисциплина не тождественна истории — академической науке. Определенно у них разные задачи, а следовательно, и разный уровень обобщений. Но чтобы одна не вытекала из другой, не пользовалась ее достижениями, а почти целиком уходила в область мифологических представлений об историческом процессе — такого даже и в поруганном социалистическом прошлом не было.

Примером одного из таких мифов является нынешнее повсеместное увлечение трипольской археологической культурой. Она бесспорно яркая, но вполне первобытная, ничего общего с первыми мировыми цивилизациями не имеющая и сама не являющаяся таковой. Изучается более ста лет. Распространена на территории трех современных стран — Румынии, Молдовы и Украины. Несомненно, ее население участвовало в сложных этногенетических процессах на нынешней территории Украины в VI–III тысячелетиях до н. э., но считать его праукраинским, что имеет место в масскультурной исторической литературе, нет никаких оснований. Однако сомнения в этом, мягко говоря, не поощряются, наоборот, официальными идеологами объявляются проявлением непатриотизма.

В «оранжевую» пятилетку ситуация осложнялась еще и тем, что увлеченным любителем и коллекционером трипольских древностей был президент Украины В. Ющенко. С его легкой руки и под его патронатом собрания частных коллекционеров кочевали по музеям мира и представлялись как созданные древними украинцами. Разумеется, в учебниках истории для средней и высшей школы иной интерпретации, чем вышеизложенная, не могло быть по определению. Можно себе представить, с каких времен начиналась бы в учебниках история украинцев, если бы Виктор Андреевич увлекался

не трипольскими древностями, а, скажем, палеолитическими орудиями труда.

Аналогичная мифологизация имеет место практически в каждом периоде древней истории. Во всех случаях побудительным мотивом является стремление рассматривать ее исключительно через украинскую этническую призму, что логически ведет к ее идеализации. По существу, в новых учебниках история представлена не такой, какой она была, и даже не такой, какой она могла бы быть, а такой, какой ее хотели видеть нынешние этноидеологи. При этом многие из них искренне убеждены, что на современном этапе развития украинской государственности и народного самосознания создание национальных мифов просто необходимо. Как сказал мне один из талантливейших украинских поэтов, это тот случай, когда ложь во благо. Непонятно только, какое благо могут извлечь современники из ими же созданных мифов о своем прошлом. Разве что несколько скрасить нынешние реальные неудачи воображаемыми достижениями далеких пращуров.

Видимо, именно этим можно объяснить появление в учебниках рассказов о древнейшем украинском государстве «Аратта», которое старше Шумера и Аккада, о становлении украинской монархии в скифское время, заселении славянами Северной Африки и Ближнего Востока, Велесовой книге, украинцах — создателях Киевской Руси...

Начиная с истории Киевской Руси мифы постепенно утрачивают свое позитивное содержание и превращаются в страшные сказки о невыносимо трудной судьбе Украины, особенно во времена после присоединения к России и до распада Советского Союза. В новых учебниках Украина представляется исключительно как жертва российского империализма, в течение более чем 300-летнего периода находившаяся на положении колонии, эксплуатируемой и притесняемой москалями.

Стоит ли говорить, что эта ложь точно не во благо?! Ведь она формирует в обществе негативное историческое самосознание, воспитывает комплекс исторической неполноценности, неуверенности в собственных созидательных способностях. Ведь

если не было успехов в прошлом, если бы несчастными украинцами не помыкал и не унижал их только ленивый, то какая может быть уверенность, что в будущем все будет по-другому? Так и прививается целому народу чувство социально-психологической несостоятельности. А еще — безответственности за прошлое, которое якобы было вовсе и не его прошлым, к которому он имел отношение только как пассивная жертва. Объединение 1654 году Украины с Россией, оказывается, навязали нам лукавые москали, социализм на Украину принесли на штыках тоже они. В 1932–1933 годах они же устроили украинцам страшный голодомор, а в 1941–1945 годах втянули в свою войну с Германией.

Получается как в той пословице: «Я не я, и хата не моя». Но это плохая услуга собственному народу. Изъятие его прошлого из исторического контекста России и Советского Союза превращает Украину из субъекта истории в ее объект.

Разумеется, это не так. Вот только в новых учебниках истории вы не найдете свидетельств того, что украинцы были такими же сотворцами российской государственности и культуры, как и русские, что одним из авторов, выражаясь современным языком, проекта Российской империи был соратник Петра I, бывший ректор Киево-Могилянской академии, профессор Ф. Прокопович, что практически во всех правительствах России, начиная с Елизаветы Петровны, на вторых ролях находились украинцы (братья Алексей и Кирилл Разумовские, сын Кирилла Алексей Разумовский, А. Безбородко, В. Кочубей). В советское время выходцы с Украины были не только вторыми лицами в государстве, как К. Ворошилов, Н. Подгорный и другие, но и первыми — Н. Хрущев, Л. Брежнев.

Как же можно утверждать, что это была не наша история? Как можно говорить о колониальном статусе Украины? Где еще представители угнетенного народа имели такой доступ к управлению страной, становились канцлерами, министрами, сенаторами, крупными военачальниками и другими высокопоставленными чиновниками метрополии? Сказанное никак не согласуется с колониальным статусом Украины. Его не могло быть уже хотя бы потому, что российская общественная

мысль в имперское и советское время не считала малороссов и украинцев отдельным от русских народом.

Еще бо́льшим было участие украинцев в созидании общерусской культуры. В XVII веке на этом поприще трудились Е. Славинецкий, А. Сатановский, в XVIII — С. Яворский, Ф. Прокопович, Дм. Ростовский (Туптало), Д. Левицкий, В. Боровиковский, А. Лосенко, в XIX — О. Бодянский, М. Максимович, Н. Гоголь, Н. Костомаров, в XX — И. Козловский, К. Паустовский, Н. Островский, С. Бондарчук и многие другие. Взаимопроникновение культур двух родственных народов было столь значительным и органичным, что мы и сегодня не всегда можем с достаточной степенью убедительности, а главное, без ущерба для исторической правды разделить многих деятелей истории, культуры, науки между Россией и Украиной.

К сожалению, обо всем этом в наше время не принято писать и говорить. Поэтому и можно услышать от молодых людей, к примеру, сомнения в легитимности Переяславской рады, на которой не было принято никакого юридического документа об объединении Украины и России. Это они прочитали в новых учебниках, авторы которых прибегают к элементарному шулерству. Ведь знают же, что Переяславская рада и не должна была принимать никаких юридических актов, потому что они были приняты раньше, в 1653 году: прошение гетмана Б. Хмельницкого о принятии Малороссии в российское подданство и решение Земского собора России о его удовлетворении. Знают и тем не менее лукаво роняют в молодые души зерна сомнений.

С таким же лукавством авторы утверждают, что советская власть и социализм Украине были навязаны исключительно большевиками России. Это оттуда пришли «несметные» орды Муравьева и принесли на своих штыках ненавистный бедным украинцам социализм. Хотя, если бы они были честны перед историей, то должны были бы сказать, что за советскую власть сражались десятки тысяч украинцев под предводительством украинских полководцев — Щорса, Боженко, Пархоменко, Коцюбинского, Антонова-Овсеенко и других, что их поддер-

жало большинство украинского населения. Это впоследствии признал видный деятель украинской революции В. Винниченко.

Историческая правда также заключается в том, что социалистическую идею исповедовали и утверждали в своем творчестве такие выдающиеся украинские интеллектуалы, как И. Франко, М. Драгоманов, Леся Украинка. Были социалистами, как известно, и отцы-основатели Украинской Народной Республики — Грушевский, Винниченко, Петлюра.

Конечно, они мечтали не о таком социализме, какой был в Советском Союзе. Но ведь то же самое можно сказать и о русских интеллектуалах. Никто не предполагал, что воплотившаяся мечта человечества о социальной справедливости наряду с несомненными достижениями явит и чудовищные уродства — репрессии, ГУЛАГ. Однако и в этих трагических событиях повинны не только москали, но и мы, украинцы. Можно сказать, что многие наши соотечественники воспользовались «благоприятной ситуацией», чтобы свести счеты друг с другом.

То же можно сказать и о трагическом голоде 1932–1933 годов, унесшем миллионы украинских жизней. Кроме Украины страшная беда постигла и другие зерносеющие регионы Советского Союза: Кубань, Подонье, Поволжье, Северный Казахстан. Признавая это, некоторые украинские историки утверждают, что больше всего жертв было все же на Украине. А коль скоро это так, значит, мы имеем дело с явлением геноцида против украинского народа.

Характерно, что особенно активны в осуждении этого явления диаспорные украинцы, а также те из наших соотечественников, кто происходит из западных регионов Украины, где не было голодомора. Правда, были другие проблемы, вытолкнувшие миллионы украинцев западных земель Украины в Канаду, США и другие страны Нового Света, но об этом национал-патриоты предпочитают не вспоминать.

Вполне конкретен и адрес палачей — конечно, это Москва. Нам бы задуматься над тем, почему именно из Украины «выгребли» хлеба больше, чем из других регионов. Не наши ли

соотечественники повинны в этом? Ведь из Москвы не было видно крестьянских чуланов и ям с зерном. Но для этого надо хотя бы немного подумать, а для обвинения москалей этого делать не нужно — они заведомо виноваты во всем.

Еще более безнравственным в новых учебниках выглядит отношение к Великой Отечественной войне, а также к событиям, ей предшествовавшим и за ней последовавшим. Практически произошла их тотальная переоценка. Уравнены в ответственности жертва и ее палач. Война объявлена не нашей. Герои-освободители, получившие признание и уважение всей Европы, спасенной ими от фашистской чумы, унижены реабилитацией и героизацией западноукраинских националистов, сотрудничавших с немцами. Пакт Молотова–Риббентропа трактуется как преступный тайный сговор двух агрессоров, а послевоенное мироустройство — как порабощение Советским Союзом народов Восточной Европы.

От некоторых склонных к абстрактному теоретизированию историков и политологов приходится слышать, что пересмотр взглядов на Вторую мировую войну и ее итоги неизбежен и нормален. Мол, это общеевропейская тенденция. Возможно. Но если это нормально для Европы, которая войну проиграла, то совсем ненормально для Украины, получившей в результате возможность соединить практически все свои западноукраинские земли с Великой Украиной.

Пересматривать взгляды надо тогда, когда вы согласны пересмотреть и результаты. В случае с Украиной это означает вернуть земли тем странам, от которых они были «незаконно» отторгнуты согласно преступному пакту Молотова–Риббентропа, и признать довоенные границы. Если мы не намерены этого делать — а судя по судебной тяжбе с Румынией за остров Змеиный, так оно и есть, — тогда следует прекратить это безнравственное фарисейство. А то, господа национал-патриоты, как-то не очень порядочно получается: пользоваться подарками и одновременно поносить дарителя.

Совершенно по-новому освещается теперь и националистическое движение на Западной Украине в годы Второй мировой войны. Оказывается, это они, а не Советская армия

и советские партизаны являются истинными освободителями Украины. «Оранжевая» власть в лице президента озаботилась установлением дней празднования «доблестных» ОУН-УПА, присвоила их предводителям (и даже их детям) звание «Герой Украины», а чуткие на социальный заказ историки быстро нашли этим указам историческое обоснование. И, разумеется, никакой объективности, сплошная апологетика. Практически ничего о непримиримых противоречиях между отдельными ветвями националистов, сопровождавшихся междоусобной братоубийственной войной. Ничего о жестоком терроре по отношению к мирному населению, в первую очередь к национальным меньшинствам и так называемым схиднякам. Ничего о борьбе с советскими партизанами и, конечно же, тесном сотрудничестве с немцами, которое началось еще в предвоенную пору, когда Германия только готовилась к войне с Советским Союзом и создавала собственную «пятую колонну».

Тема коллаборационизма обсуждалась на международной конференции в Париже, причем не только украинского, но и европейского, поскольку это позорное явление имело место во время Второй мировой войны почти в каждой воюющей стране. И что характерно, ни в одной из них коллаборанты не были оправданы. Прощены, но не реабилитированы и не героизированы. Коллаборационизм осужден на Нюрнбергском процессе, и в демократических обществах считается неприличным подвергать этот юридический и нравственный императив пересмотру.

На Украине (в большей мере на Западной) все не так благополучно с нравственностью, поэтому отношение к коллаборационизму совсем другое. На нем воспитывается молодое поколение. Львовские школьники штудируют биографию лидера ОУН Степана Бандеры и заявляют, что хотели бы быть такими же мужественными и смелыми, как он. Удивительно, что демократический Запад, в том числе Польшу, чьи соотечественники больше других испытали на себе «героизм» бандеровцев, долгое время не волновала эта профашистская идеология «оранжевой» Украины.

Украина имеет непростую историю, можно сказать, две разные истории. Ту, которая была общей с Россией и Белоруссией, и ту, которая является общей с рядом западных стран — Польшей, Литвой, Австро-Венгрией, Румынией. Так вот, если первая в новейших исторических работах, в том числе в учебниках, представляется как непрерывная цепь страданий несчастных украинцев, своеобразная «черная дыра» и пропащее время, то вторая излагается вполне сочувственно, как приемлемая альтернатива. Все в этой истории было лучше. В составе Польской империи Украина являлась чуть ли не равноправным учредителем Речи Посполитой. В либеральной Австро-Венгерской империи тоже чувствовала себя достаточно комфортно. Не испытывала такого гнета, какой имел место в «тюрьме народов» России, ни в социально-экономическом, ни в национально-культурном отношении.

И ничего о том, что украинцы в этих государственных образованиях были людьми второго сорта, что ни в одном из них не получали такого доступа к государственному управлению, какое имели их соплеменники в России, что польские «либералы» посредством Брестской унии отняли у них веру отцов и дедов, навязали католицизм, а австро-венгерские — заключали их в концентрационные лагеря Терезино и Таллергоф. Если так хорошо было украинцам в названных странах, тогда чем объяснить, что они постоянно стремились их покинуть. Почему тогда Богдан Хмельницкий увел Украину из польского «рая» и вверг в российский «ад», а миллионы западных украинцев бежали из либеральной Австро-Венгрии за океан?

Негативный ряд и вопросы «почему?» можно продолжить, но не это является моей целью. В сведении счетов с историей нет никакого смысла. Она была такой, какой была, и мы должны не судить ее, а извлекать из нее уроки. При этом речь идет об обеих историях: об общей с Россией и Белоруссией и общей с рядом западных стран. Определившаяся на нынешней Украине тенденция их сталкивания и противопоставления, а также объявление одной из них лучшей и навязывание всей стране ее цивилизационных ценностей чрезвычайно опасны для нынешнего развития. Они, по сути, являются

главным препятствием на пути формирования украинской политической нации, чреваты непредсказуемыми разрушительными последствиями в будущем. Если мы считаем, что являемся единым народом и единой страной, необходимо как можно быстрее отказаться от культивирования войны с собственной историей и ранжирования ее на хорошую свою и плохую чужую.

Надо наконец понять, что нельзя до бесконечности искать «белые пятна», ковырять старые раны и превращать это мазохистское занятие чуть ли не в основной государственный приоритет. Невозможно бесконечно рыдать над своим прошлым, пытаясь при этом превратить нашу национальную скорбь во вселенскую, как это имеет место с голодом 1932–1933 годов, который мы навязчиво просим признать геноцидом украинского народа на уровне Организации Объединенных Наций. Просим с таким исступленным упорством, как будто это признание способно воскресить невинные жертвы, при этом совершенно не считаясь с тем, что приобретения от этой геноцидной «суеты» несоизмеримы с потерями. Их цена — ухудшение и без того уже испорченных украинскими националистами отношений с Россией, а также углубление раскола в украинском обществе.

Если национально озабоченной элите очень хочется иметь в нашей стране пример геноцида, признанный мировым сообществом, попробовала бы она предъявить ему другие трагические события, скажем, еврейские погромы в период петлюровской атаманщины в 1918–1919 годах или массовое истребление поляков, евреев и русских украинскими националистами в 1941–1945 годах. Убежден, что такие ходатайства найдут понимание у мирового сообщества.

Еще одной общей особенностью исторических учебников и пособий является то, что все они независимо от фамилий, значащихся на обложках, скроены практически по единому идеологическому образцу. Никакого разномыслия и вариативности. Все однозначно, как в былые, ныне поруганные времена. Что это — общее прозрение, приведшее к познанию единой истины, отсутствие вкуса и навыков к размышлению или

банальное следование известной пословице «кто платит деньги, тот и музыку заказывает»?

Ответ очевиден и свидетельствует о том, что далеко не все благополучно в сфере образования в украинском королевстве. Если авторы учебников не способны размышлять, а учителя по определению этого делать не могут, иначе потеряют работу, то кто же научит этому учеников?

Когда-то выдающийся отечественный историк В. Ключевский утверждал, что задача высшего образования — не столько дать учащимся системные знания, сколько научить их думать. Теперь, оказывается, этого не нужно вовсе. Наглядным подтверждением сказанного является новая система определения уровня знаний — она полностью рефлекторная. Школьник или абитуриент занят не тем, чтобы понять суть явлений, о чем уже никто и не спрашивает, а тем, чтобы запомнить дату или однозначную оценку факта, которые нужны при компьютерном тестировании. Поступив в университет (институт), приученный к угадыванию, такой студент не станет утруждать себя чтением книг, не говоря уже о документах, но, нажав нужные клавиши компьютера, отыщет необходимый ему минимум в Интернете.

Все это сделано якобы для того, чтобы избежать коррупции при поступлении в вузы. Не знаю, насколько в наше время это злободневный вопрос, когда широко распространено контрактное обучение, а вузов едва ли не больше, чем абитуриентов. Фактически новая система не только отстраняет вузы от набора студентов, но и выказывает им недоверие в этом. И непонятно, почему они так безропотно ее приняли. Неужели и там утрачен интерес к размышлению и профессорско-преподавательскому корпусу безразлично, кого для пятилетнего обучения направит им средняя школа — бездумных потребителей этноидеологического единомыслия или небезразличных искателей исторической правды, способных к самостоятельному осознанному выбору?

Мне могут возразить, что идеология — это естественная оценочная система взглядов на свое прошлое, и без нее не создаются учебники истории ни в одной стране. Это так, но идеологии

бывают разные. Одно дело — идеология формирования позитивного образа своей страны на основании отбора позитивных исторических фактов, другое — идеология, основывающаяся на бесконечном поиске «белых пятен», на предъявлении обществу исключительно темных страниц его прошлого и на поиске врагов. У нас для этой цели даже был создан Украинский институт национальной памяти, причем не в системе академической или университетской науки, а при Кабинете министров как своеобразный исторический комиссариат. По сути, это аналог Института истории партии при ЦК КП Украины. Но это значит, что идеология нашего отношения к прошлому определяется не научной исторической мыслью, а недомыслием государственных чиновников. Этого нет в других странах, которые принято называть цивилизованными и с которых мы как будто берем пример.

Возможен ли выход из (безрадостного) положения, созданного в системе школьного и вузовского изучения отечественной истории? В условиях националистического идеологического диктата, конечно, невозможен. В стране, где малейшее расхождение с линией правящего режима объявляется непатриотичным и, более того, изменой украинским интересам, когда в этой измене постоянно обвиняются даже майданные соратники, наивно рассчитывать на появление историков, способных создать позитивный взгляд на отечественное прошлое, абстрагируясь от сиюминутной конъюнктуры.

3. ДРЕВНЯЯ РУСЬ — ОБЩЕЕ ПРОШЛОЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Дата юбилея русской государственности, отмечавшегося в 2012 году, в определенной мере условна. Здесь с одинаковым правом можно было бы назвать целый ряд дат: 852 год, когда начала *«прозывати Русская земля»*; 860 год, когда Русь предприняла поход на Константинополь; 862 год, когда на Русь были приглашены варяжские князья.

Но этот юбилей абсолютно безусловный. Причем он не только российский, но и украинский, и белорусский. Ведь речь

идет о временах, когда нас нынешних еще не было, но существовала единая русская (древнерусская) народность. Именно она создала фундамент нашего будущего развития. Древним русичам и в страшном сне не могло присниться, что когда-то они будут украинцами, белорусами и русскими. Убежден, что поиск идентичности (чем ныне заняты многие в трех суверенных странах), которая соответствовала бы нынешнему дню, по отношению к периоду Древней Руси научно несостоятелен и этически безнравствен. Это сродни отречению от своего прошлого, нашей общей истории — начиная с первых ее веков и до монголо-татарского нашествия.

Для подтверждения вышесказанного я остановлюсь лишь на нескольких сюжетах древнерусского прошлого. Начать мне хотелось с выяснения места и роли в истории Руси двух ее главнейших центров — Киева и Новгорода. Оба города стояли у истоков Древнерусского государства и оба являлись важнейшими скрепами его единства.

При взгляде на карту легко убедиться, что Киев и Новгород располагались на противоположных окраинах восточнославянского мира. Однако, учитывая, что между ними находился знаменитый торговый путь «из варяг в греки», который одновременно являлся своеобразной территориальной и экономической осью ранней Руси, местоположение обоих городов было стратегически безупречным. Новгород контролировал выход в Балтику, а Киев — в Черное море.

Они органически зависели один от другого, и возникла жизненная необходимость в том, чтобы оба города находились, выражаясь фигурально, в одних руках, что практически и имело место. На первых порах киевские князья держали в Новгороде своих посадников, которые продолжали их политику. Позже, начиная со Святослава, в Новгород на княжение посылали сыновей великих киевских князей, которые также по сути исполняли роль киевских посадников. В бурное время феодальной раздробленности судьба новгородского стола чаще всего зависела от судьбы киевского. Смена власти в Киеве, как правило, приводила и к смене князя в Новгороде.

Не будет преувеличением считать, что Киев и Новгород представляли собой как бы двуединое политическое средоточие Руси. Убедительным подтверждением этому является тот факт, что только эти два города не закрепились за какой-либо княжеской ветвью, но в течение всего древнерусского периода считались общединастическим наследием всего княжеского рода.

Особенно прочными связи Киева и Новгорода были в период правления Владимира Святославича и Ярослава Владимировича. Перед тем как занять киевский стол, оба княжили в Новгороде, считали его своим городом и использовали связи с ним для укрепления южнорусского региона. Произнеся знаменитую фразу *«Се не добро, еже есть малъ городъ около Киева»*, Владимир Святославич развернул строительство крепостей по Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне. Для их заселения и службы в них привлек лучших мужей *«от словень и от кривичь, и от чуди, и от вятичь»*[1], то есть из тех земель, которые были подвластны Новгороду. Во многом с помощью новгородцев укрепил свои позиции в Киеве и Ярослав.

Видимо, в благодарность за это оба князя постоянно участвовали в судьбе Новгорода. Это был второй после Киева город, в котором было проведено крещение. Причем, как и в Киеве, это было сделано по приказу Владимира Святославича. Первые школы «учения книжного» для детей «нарочитой чади» были основаны в Киеве и Новгороде. Ярослав дал Новгороду юридический кодекс — «Правду Ярослава», которая затем послужила основой «Русской Правды». После возведения Ярославом Мудрым Софии Киевской, одноименный храм был воздвигнут и в Новгороде, причем строили его те же мастера-архитекторы, что и киевский.

После 30-х годов XII века, несмотря на то что новгородское боярство добилось права «вольности в князьях», последние, как и прежде, ставились из Киева. Это были сыновья или братья великих киевских князей. Конечно, роль новгородцев

[1] Повесть временных лет / подгот. текста Д. С. Лихачева ; пер. Д. С. Лихачева, Б. А. Романова. М. ; Л., 1950. Ч. 1. С. 83.

в выборе себе князя была существенной, однако нельзя не заметить, что их желание часто согласовывалось с тем, кто в тот момент занимал киевский стол. Несомненно, политическая связь Новгорода и Киева была тем прочнее, чем сильнее становились позиции великого киевского князя.

Участие Киева в политической жизни Новгорода не ограничивалось только утверждением на его столе своих ставленников. Нередко киевские князья пытались поддержать традиционный порядок этих поставлений, лично посещая Новгород. В летописях отмечены визиты князей Изяслава Мстиславича, Ростислава Мстиславича, Святослава Всеволодовича и других. Нередко, как в случаях с Изяславом Мстиславичем и Святославом Всеволодовичем, киевские князья оказывали своим сыновьям военную помощь и даже отправляли новгородские дружины против неприятелей. Визиты великих князей в Новгород заканчивались заключением с новгородцами «порядов» — договоров о взаимной верности. Об одном из них, заключенном Ростиславом Мстиславичем, имеется свидетельство в летописи.

До сих пор речь шла о киевских инициативах единения двух старейших городов Руси. И можно думать, что Новгород был больше объектом, чем субъектом политических отношений. В действительности это не так. Новгородские летописи сохранили целый ряд важных свидетельств о том, что и в Новгороде отношения с Киевом считались приоритетными. Не случайно новгородцы часто принимали участие в событиях, связанных с борьбой за киевский стол.

Приведу несколько показательных примеров. В 1136 году с миротворческой миссией в Южную Русь было отправлено новгородское посольство во главе с посадником Мирославом. *«В лѣто 6643. Ходи Мирославъ посадникъ из Новгорода мирить кыянъ съ черниговци... сильно бо възмялася вся земля Русская»*[1]. Примирить киевских и черниговских князей ему не удалось, и тогда из Новгорода на Русь отправилось новое посольство во главе с архиепископом Нифонтом, которое достигло успеха: *«И Божиею волею съмиришася»*[2].

[1] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 23.

[2] Там же. С. 24.

Особое значение для развития киевско-новгородских связей имеют события 1214 года. Из Киева новгородскому князю Мстиславу Мстиславичу была направлена просьба помочь справиться со своевольством черниговского князя Всеволода Чермного. Мстислав собрал вече на Ярославовом дворе и призвал новгородцев выступить в поход против Всеволода. Ответив согласием, новгородцы затем, уже на марше, из-за разногласий со смолянами изменили свое решение. Повторное обращение Мстислава не возымело действия, и тогда он продолжил путь на юг с небольшой дружиной. Новгородцы тем временем вновь собрались на вече. На нем посадник Твердислав обратился к вечу с призывом: *«Яко, братие, страдали дѣды наши и отчи за Русьскую землю, тако, братье, и мы поидимъ по своемь князи»*[1]. Этот аргумент оказался решающим, и новгородцы присоединились к Мстиславу.

В данном летописном рассказе важным является не столько факт участия новгородцев в южнорусской княжеской усобице, сколько осознание ими своего органического единства с Русской землей и Киевом. Они решили постоять за них потому, что так поступали их отцы и деды.

Особым постоянством отличались церковные связи Киева и Новгорода. Все новгородские владыки поставлялись на епископскую (архиепископскую) кафедру в Софии Киевской при участии митрополита и великого князя. Этот канонический ритуал неукоснительно соблюдался вплоть до вторжения в пределы Руси монголо-татар. Известны также пастырские посещения Новгорода киевскими митрополитами. Одно из них, состоявшееся в 1251 году, имело чрезвычайно важное значение не только для церковной, но и для общественно-политической жизни. Есть достаточно оснований полагать, что во время этого посещения на церковном соборе в Новгороде митрополит Киевский Кирилл, епископы Новгородский Долмат и Владимиро-Суздальский Кирилл вместе с князем Александром Ярославичем (Невским), обладавшим с 1249 года ханским ярлыком на владение Киевом и Русской землей, провозгласили Владимира Святославича святым. Этот канонизационный акт

[1] Новгородская первая летопись... С. 53.

был заказом времени. Русская земля в широком значении этого термина, которую собрал и просветил князь Владимир, оказалась в смертельной опасности и нуждалась в его покровительстве, теперь уже как святого.

Таким образом, истории было угодно, чтобы два древнейших и великих города Руси — Новгород и Киев — не только положили начало государственной консолидации восточных славян, но и явили им сакральное знамя для борьбы за возрождение Руси в условиях монголо-татарского порабощения.

Бесспорно, судьбоносным событием в восточнославянской истории было принятие христианства. Тем самым Киевская Русь вошла в Византийское содружество наций, приобщилась к одной из наиболее развитых мировых культур. В наше время некоторые околонаучные круги, особенно на Украине, пытаются поставить под сомнение значимость этого великого события. А был ли выбор князя Владимира Святославича удачным? Мол, если бы он принял христианство не из Константинополя, а из Рима, то сегодня мы достигли бы того же уровня материального благополучия, что и католическая Европа.

Но история не знает сослагательного наклонения. Было так, как было. И, конечно же, выбор Владимира был оптимальным. В X веке Византия была наиболее развитым государством мира, достигшим вершин практически во всех сферах жизни: в экономике, политике, культуре. Бесспорно, влияние Византии на Русь было огромным. С христианством на Руси установилась церковная централизация страны во главе с митрополитом Киевским, епископами удельных городов, монастырями и приходскими храмами. Русская православная церковь содействовала распространению грамотности, появлению монастырского летописания, развитию церковной архитектуры и изобразительного искусства, в том числе мозаики и фрески. Она же взяла на себя ответственность за духовное просвещение народа, воспитание в нем чувства единой родины.

Примеров этому много, но, возможно, наиболее характерный приводится в Ипатьевской летописи в статье за 1189 год. В предыдущем году венгерский король оккупировал Галичину, что вызвало резкую реакцию митрополита Никифора.

Он обратился к киевским соправителям Святославу и Рюрику, чтобы они вышли в поход и защитили свою отчину. *«Се иноплеменьницы отъяли отчину вашю; а лѣпо вамъ было потрудитися»*[1]. Приведенные слова церковного иерарха свидетельствуют о том, что для православной церкви Русь, несмотря на княжеские распри, оставалась единой страной, защита неприкосновенности которой являлась обязанностью великих киевских князей.

Большая политическая и правовая традиция православной церкви, принесенная на Русь из Византии, позволила ей быстро стать органической частью государства и взять на себя некоторые его функции. Церковная организация в принципе соответствовала системе княжеского правления. Во главе ее находился митрополит Киевский, назначавшийся, как правило, Патриаршим Синодом. Епархиями, которые в XII–XIII веках территориально приближались к удельным княжествам, управляли епископы, ставившиеся митрополитом киевским и великим князем. С момента принятия христианства до монголо-татарского нашествия на Руси было учреждено 16 епархий. За это время образовалась довольно обширная сеть приходов и монастырей. В отличие от положения великих киевских князей, старшинство которых нередко носило номинальный характер, авторитет митрополитов был непререкаем. Их верховная власть над всеми епархиями Руси не подвергалась сомнению. Стоит ли доказывать, что Русская православная церковь была одной из важнейших скреп территориального и государственного единства Руси?

Еще один фактор, способствовавший объединению русских земель, — княжеская династия Рюриковичей. Сегодня появляется много рассуждений о том, свои князья стоят у истоков русской государственности или чужие. Мне кажется некорректной такая постановка вопроса. Чужим был только Игорь, и то относительно, поскольку с юных лет воспитывался в восточнославянской среде. От его брака с псковитянкой Ольгой родился Святослав, а от внебрачной связи последнего

[1] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 2 : Ипатьевская летопись. М., 1962. Стб. 663.

с ключницей Ольги Малушей — Владимир, в жилах которого текло уже три четверти славянской крови. Таким образом, киевская княжеская династия, хотя и была варяжской по происхождению, быстро стала славянской, не мыслившей себя вне интересов государства, во главе которого оказалась. Когда варяжские наемники, помогавшие Владимиру и Ярославу утвердиться в Киеве, потребовали непомерную плату, они не только не были одарены киевскими князьями с щедростью родственников, но и вообще оказались нежелательными персонами в Киеве.

Как бы мы ни относились к Рюриковичам, невозможно отрицать того факта, что именно они на протяжении многих столетий собирали и обустраивали огромные пространства Восточной Европы. А это почти 1,5 миллиона квадратных километров — от Новгорода до Киева и от Карпат до Волго-Окского междуречья. Они же установили юридический распорядок на этих землях.

При знакомстве с отечественной историографией нетрудно заметить, что одним из главных вопросов, который она пыталась разрешить со времен Н. М. Карамзина, был следующий: когда же распалась Киевская Русь? Можно сказать, это наш эксклюзив. Историков Польши, Венгрии, Германии, Франции и других европейских стран, строй власти которых в Средневековье не отличался от древнерусского, эта проблема никогда не волновала.

Здесь нет места для подробного анализа выводов историков, да и особой необходимости тоже, поскольку он выполнен мной в отдельной работе. Следует только напомнить, что рубежами этого «распада» определены различные даты: 1054 год (смерть Ярослава Мудрого), 1097-й (проведение Любечского княжеского съезда), 1132-й (смерть Мстислава Великого), 1169-й (взятие Киева войсками союзников Андрея Боголюбского), начало XIII века, когда, согласно В. О. Ключевскому, Киев и Киевщина уступают свое место Суздальщине и ее столице Владимиру[1].

---

[1] *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII вв. Киев, 1980. С. 12–21.

Конечно, лучшего аргумента в пользу единства Руси, чем предложенная множественность дат, и придумать невозможно. Это бесспорное свидетельство того, что историки так и не нашли объективных причин для «распада», потому что их не было в реальной жизни. Распри между князьями и неповиновение младших старшим, в том числе великим киевским князьям, не являлись особенностью какого-либо исторического этапа, а были характерной чертой строя древнерусской власти и административно-территориальной структуры с X по XIII век[1].

При этом в центре междукняжеских конфликтов всегда находился Киев и принадлежавший ему великокняжеский домен. Князья боролись не за самостоятельность, но за старейшинство на Руси. Все они четко осознавали, что являются «единого деда внуками». Место киевского стола в государственно-политической системе Руси хорошо определено в ответе черниговского князя Ярослава Всеволодовича на предложение Рюрика Ростиславича и Всеволода Большое Гнездо не претендовать на Киев. Черниговские князья согласились не добиваться его у Рюрика и Всеволода, но не хотели отказываться от него навсегда: *«Ажь ны лишитися его велишь отъинюдь, то мы есмы не Угре, не Ляхове, но единого дѣда есмы внуци; при вашем животе не ищемъ его, аж по васъ, кому Богъ дасть»*[2].

О том, что Древняя Русь сохраняла свое государственное единство в XII — начале XIII века, свидетельствует также система дуумвирата — одновременного соправительства в Киеве князей из соперничавших за него семейств Мономаховичей и Ольговичей, не желавших уступать первенство. Соправительство на киевском столе, который занимали не безместные изгои, а князья, владевшие двумя огромными княжествами,

---

[1] Объяснение настойчивого поиска отечественными историками времени распада Руси, по-видимому, кроется в том, что, будучи воспитанными на традициях русского абсолютизма и советского централизма, они пытались найти нечто похожее и в Средневековье, не отдавая себе отчета в том, что там государство было принципиально иным.

[2] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 689. Подробнее о характере княжеского правления см.: *Толочко П. П.* Власть в Древней Руси X–XIII вв. СПб., 2011. Гл. 1. Князь ; Гл. 3. Княжеские съезды.

несомненно, содействовало государственно-политическому единству всей Руси.

Может показаться парадоксальным, но единство Руси проявлялось даже и в той нестабильности, которую порождали властные претензии порфирородных представителей княжеского рода. В их бесконечных противоречиях, вооруженных конфликтах, перемещениях от стола к столу воспитывалось чувство органической общности не только княжеского рода, но и всей страны.

В заключение посмотрим, какой представлялась Русь в народном самосознании. Присутствуют ли в нем какие-нибудь признаки распада единой Родины? Ведь для объективного осмысления данной темы неизмеримо более важны мнения современников, чем взгляды историков из далекого будущего. Оказывается, ни на одном этапе истории единство Руси ими не ставилось под сомнение. Образ Русской земли или Святой Руси в произведениях письменности ни разу не был подменен каким-либо другим, менее общим. И это независимо от того, кто написал — киевлянин митрополит Иларион или черниговец игумен Даниил. Первый прославил Владимира за то, что тот крестил Русь и создал ее «единодержавство», а второй в далеком Иерусалиме назвал себя *«Руские земли игуменом»* и поставил на гробе Господнем *«кандило от всея Русьские земли»*. Представление о единой Родине прочитывается и в «Повести временных лет». Обращаясь к князьям Святополку и Мономаху с призывом подумать о Русской земле, митрополит Киевский Николай заявил: *«Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли»*[1].

С необыкновенной силой идея единой Родины прозвучала в гениальной поэме «Слово о полку Игореве». В литературе неоднократно отмечалось, что главным героем «Слова» является не кто-либо из князей, а вся Русская земля. По мнению Д. С. Лихачева, такое ощущение Родины связано с народной стихией[2]. Поразительно, но чувство Русской земли как еди-

[1] Повесть временных лет. Ч. 1. С. 174.

[2] *Лихачев Д. С.* Национальное самосознание Древней Руси. М. ; Л., 1945. С. 63.

ной Родины оставалось в сознании русских людей даже тогда, когда по ней пронесся монголо-татарский смерч. В «Слове о погибели Русской земли» автор говорит о «светлой и красно украшенной» Русской земле с великими городами и дивными селами, церковными домами и грозными князьями.

Вполне созвучны исторической письменности и литературе идеи эпической поэзии, нашедшие свое выражение в былинах. В отличие от исторических персонажей, принадлежавших конкретному времени, былинные живут и действуют в продолжение всей древнерусской эпохи. Все они — защитники Русской земли, которая, как и в письменных источниках, в былинах называется святой. Часто в былинном эпосе образ Русской земли как бы сливается с образом ее столицы — Киева. Илья Муромец отправляется на богатырском коне, чтобы постоять *«за стольный Киев-град, за Святую Русь»*.

В большинстве своем былинные богатыри не имеют четкого географического приурочивания. Русский народ, собирая и обобщая типичные черты духовного и физического совершенства своих лучших представителей, намеренно создавал образы общерусских богатырей как стражей Русской земли, хранителей ее единства[1].

Из всего сказанного видно, что русские люди воспринимали Древнюю Русь как единую страну, единую Родину — от ее возникновения в IX веке до разгрома монголо-татарами в 30–40-е годы XIII века.

4. «СЛАВА ШВЕДСКИМ ОСВОБОДИТЕЛЯМ!»

Примерно таким был пафос подготовки к инициированному президентом Украины В. Ющенко празднованию 300-летия Полтавской битвы. По его недомыслию оно должно было стать уникальным явлением в европейской, а может, и в мировой истории, когда жертва воздает благодарение насильнику, в том числе воздвижением ему триумфального монумента, увенчанного статуей Карла XII.

[1] Подробнее об этом см.: *Толочко П. П.* Древнерусская народность. Воображаемая или реальная. Киев, 2010. С. 280–286.

Поводом к разговору об этом послужила небольшая дискуссия между двумя видными украинскими литераторами, свидетелем которой мне довелось стать. Один из них (Б. И. Олийнык) выразил свое возмущение политической и нравственной инфантильностью определенной части украинцев, которая не только хлебом-солью встречает оккупантов, но и ставит им памятники. Был назван и конкретный оккупант — Карл XII, которому, согласно указу президента Украины, к знаменательной дате должны были воздвигнуть памятник. Другой (И. Ф. Драч) возмутился сказанным и заявил: «А что, Петр I разве не был оккупантом? А ему памятник на поле Полтавской битвы стоит».

В этой интеллигентной словесной пикировке, не получившей продолжения, убедительнее выглядел первый дискутант. Его утверждение о том, что Карл XII был оккупантом, по существу не было оспорено и вторым, который только заметил, что таким же был и Петр I. Первая часть этого признания особенно значима, тем более из уст сторонника президентской инициативы юбилейных торжеств, не возражавшего против сооружения памятника Карлу XII. Это невольное признание того, что памятник собирались поставить-таки действительно оккупанту.

Прослушав диалог, я подумал, что эта тема заслуживает более обстоятельного обсуждения, поскольку таких людей, как второй дискутант, кстати, очень мной уважаемый поэт, на Украине много. А есть и те, кто вообще считает Карла XII освободителем Украины, а Петра I — оккупантом. Первым среди них, надо полагать, являлся В. Ющенко, которому так хотелось почтить память шведского короля. Одна экзальтированная дама с особым энтузиазмом поделилась со мной известием, что на торжествах в Полтаве будто бы предполагается участие и венценосной шведской особы — не то самого короля, не то его супруги.

Ах, какая радость! И почему тогда не озаботиться установкой на Украине памятника, скажем, немецким оккупантам, дважды в течение XX века приносивших «волю» украинцам, и не пригласить на его открытие кого-то из родственников кай-

зера Вильгельма II. Последняя акция имела бы даже больший смысл, так как именно немцы вынудили Центральную Раду (М. Грушевского) издать IV Универсал, провозгласивший независимость Украины, поскольку хотели получить оккупационное приглашение от суверенного государства.

Однако вернемся к приведенным определениям и посмотрим, какое из них отвечает действительности. Для этого необходимо предпринять хотя бы небольшой экскурс в историю. Что представляла собой в то время Украина в государственном и административно-территориальном отношении? Ответ несложен и фактически известен даже наиболее ортодоксальным украинофилам.

Со времен Переяславской рады 1654 года Украина, главным образом Левобережье, вошла в состав Российского государства на правах автономии. Несмотря на все сложности совместного проживания, в том числе имевшее место небезосновательное недовольство казачьей верхушки москалями, официально договорные документы о вхождении Украины в состав России не были денонсированы ни Украиной, ни Россией. Сохраняли юридическую силу прошение Богдана Хмельницкого о принятии войска Запорожского под высокую царскую руку и решение Земского собора от 1653 года о его удовлетворении. Не были отменены и присяжные акты на верность русскому царю, состоявшиеся в 1654 году в Переяславле, Киеве, а также во всех полковых и сотенных городах Украины.

В 1686 году между Россией и Польшей был заключен «Вечный мир», по которому Левобережье, Киев и Запорожье закреплялись за Россией. Гетман Самойлович был недоволен тем, что царское правительство пожертвовало Правобережьем Украины. Об этом недовольстве благодаря доносу, подписанному в том числе Иваном Мазепой, узнали в Москве. Самойлович был арестован, сослан в Сибирь, а Мазепа, поддержанный царским воеводой В. Голицыным, получил гетманские клейноды, при этом подписал Коломакские статьи и присягнул на верность московским царям. И это несмотря на то, что новое соглашение сильно ограничивало его гетманскую автономию, а Гетманщину объявляло, по сути,

частью «Их Царского Пресветлого Величества Самодержавной Державы».

Можно, разумеется, сокрушаться по этому поводу, как это принято сегодня в официальной исторической литературе. Можно даже искать оправдание действиям Мазепы. Но остается незыблемым фактом то, что ко времени вторжения в пределы Российской империи войск Карла XII Украина представляла собой часть российского государственного пространства, а ее гетман был поданным царя. Причем не просто подданным, но верным другом и соратником. В беседах с писарем П. Орликом, предостерегая того от измены, Мазепа замечал: «Знаешь ты, в какой я у царского величества милости, не поменяют там меня на тебя». Иван Степанович знал что говорил. Когда в феврале 1708 года в Москву от Кочубея и Искры пришло донесение о возможной измене гетмана, Петр I не только не поверил ему, но и выдал доносчиков Мазепе «яко верному человеку». По его распоряжению Кочубей и Искра были казнены, а Петр I направил ему грамоту, в которой обещал сохранять его в милости и не поддаваться наветам клеветников.

Петр продолжал считать Мазепу своим соратником, а тот уже разрабатывал планы об измене, переходе под протекцию нового сюзерена. По-видимому, слава непобедимого полководца, которая шла впереди шведского короля, застила престарелому гетману разум. Он надеялся, что шведы триумфально прошествуют через Смоленск на Москву и захватят ее. Но события приняли иной оборот, не просчитанный Иваном Степановичем. При этом своим старшинским единомышленникам он неоднократно заявлял: «Положитесь на мой убогий разум, больше все равно не придумаете. Я, по милости божьей, разума больше имею, чем вы все».

Оказалось, что гетман переоценил себя. Узнав о том, что Карл XII вместо похода на Москву повернул на юг, Мазепа в отчаянии воскликнул: «Дьявол его сюда несет!» Он срочно послал к Петру I генерального есаула Д. Максимовича с изложением своих опасений: поскольку часть малороссийских войск находится за пределами Украины, оборонять ее в случае нападения шведов будет некому. Петр заверил гетмана, что для за-

щиты Украины он направит войска под командованием Б. Шереметева.

Удивительно, какую сложную игру вел Мазепа. Практически одновременно с просьбой к Петру защитить Украину он направил в шведский лагерь инструкцию, составленную по латыни, но без печати и подписи, в которой выражал радость по случаю прихода Карла на Украину и просил протекцию себе, войску Запорожскому и всему народу и освобождение от тяжкого московского ига. Шведам была предложена войсковая помощь в борьбе против русских. Отсутствие печати и подписи на инструкции свидетельствовало о том, что Мазепа не был уверен в своем предприятии и оставлял за собой возможность отказаться от нее.

Петр I по-прежнему верил Мазепе и спешил послать войска на Украину. Его действия и через 300 лет выглядят безупречными. Защита собственной страны от вторгшегося в ее пределы завоевателя являлась священной обязанностью государя. К тому же он не мог оставить в беде своего многолетнего друга и соратника. Можно представить, какой была бы реакция нынешних украинских национал-патриотов, если бы события сложились по-другому: Петр не дал бы отпора шведам, и те оккупировали бы всю Гетманщину. Определенно русского царя обвинили бы в предательстве Мазепы.

А теперь посмотрим, каким было поведение Карла XII и его доблестного воинства на территории Украины и воспринимало ли ее население этих далеких пришельцев как освободителей.

Не имея сил продолжать наступление на Москву и испытывая большие затруднения с обеспечением армии продовольствием в опустошенном ею же Могилевском крае, Карл XII решил повернуть на юг, на Украину. Не для того, чтобы освободить ее от «тяжкого московского ига», на что надеялся престарелый украинский гетман, а чтобы получить возможность обеспечить шведскую армию продовольствием. Как полагают шведские биографы Карла XII, так называемый украинский фактор, воплощенный в предательстве гетмана Мазепы, «маячившего» на неизвестной Украине, на его решение повернуть на юг не имел никакого влияния.

В октябре 1708 года армия Карла XII, насчитывавшая более 30 тысяч человек, перешла Десну и оказалась на Украине. Надежды на украинское гостеприимство, обещанное в том числе и Мазепой, не оправдались. Один из близких соратников короля Адлерфельд свидетельствовал: «Мы неожиданно очутились в необходимости постоянно драться как с неприятелями, так с жителями того края, куда мы вошли». Другой участник этого похода, Иоахим Лют, в своих мемуарах называл местное население злым и недоброжелательным по отношению к шведам. Их фуражирам оказывалось ожесточенное сопротивление. Одно из них состоялось в Пирятине под руководством казачьих сотников — братьев Лукьяна и Василия Свичек. Достоянием истории стало поражение шведов под небольшим полтавским городом Веприк, гарнизон которого состоял из двух батальонов пехоты, одной сотни драгун и 400 украинских казаков. Аналогичное сопротивление шведам оказывали и другие полтавские городки: Лохвица, Зиньков, Опишня, не говоря уже о самой Полтаве. И везде вместе с русскими сражались украинские казаки. В шведских тылах военные действия вели казаки нового гетмана И. Скоропадского, избрание которого поддержали миргородский полковник Д. Апостол, корсунский А. Кондиба, компанейский Г. Галаган, генеральный хорунжий И. Сулима и многие другие казацкие старшины.

Первый биограф Карла XII, капеллан Е. Нурдберг, оправдывал жестокое обращение шведов с мирным населением тем, что последние очень недоброжелательно относилось к шведам и не давали им фураж. На что великий французский просветитель Вольтер откликнулся такими словами: «Если украинские крестьяне могли бы повесить крестьян Эстъётланда, завербованных в полки, которые считают себя вправе прийти издалека, чтобы похищать у них пропитание, их жен и детей, то духовники и капелланы этих украинцев тоже имели бы право благословлять их правосудие?»

В действительности союзниками шведов были только небольшие казачьи отряды Мазепы и Гордиенко, но вследствие их полного разложения шведы использовали этих людей в подсобных работах, в качестве землекопов, дровосеков, носиль-

щиков во время осады Полтавы. К тому же и эту работу они выполняли неохотно. Как отмечал шведский историк П. Энглунд, «их боевой дух дошел до нижней отметки, было трудно заставить запорожцев исполнять приказы, они прямо-таки готовы были взбунтоваться».

Столь унизительное положение мазепинцев в шведском стане объясняется тем, что им просто не доверяли, как и самому Ивану Степановичу, которому не разрешили даже участвовать в сражении с русскими. Накануне битвы храбрый гетман на великолепной лошади и при полном вооружении прискакал к Карлу, но тот приказал ему немедленно вернуться к обозам, заявив, что у Мазепы слабое здоровье. Большего унижения трудно было придумать.

Можно обидеться за оскорбленную гетманскую честь, если бы мы не знали, что у Карла XII были все основания не доверять Мазепе. Уже находясь в шведском лагере и, видимо, убедившись в безнадежности своей затеи, гетман начал плести новую интригу. Через миргородского полковника Д. Апостола он обратился к Петру I с предложением возобновить с ним союз и выдать Карла. Вслед за Апостолом к Петру был направлен и полковник Галаган с тем же предложением. Только после этого царь будто бы поверил Мазепе и приказал написать ему письмо, в котором содержалось обещание вернуть гетману «прежний уряд». Разумеется, в том случае, если бы тому удалось выдать или самого Карла, или хотя бы «прочих знатнейших». Об этих переговорах стало известно Карлу. За Мазепой был установлен строгий контроль. Он постоянно находился «под караулом», без разрешения которого не мог и шагу ступить.

Т. Таирова-Яковлева в своей монографии, вышедшей в 2007 году, симпатизируя своему герою, пишет о том, что в поступке Мазепы нет ничего необычного и тем более предосудительного. Прежде всего потому, что так поступали и другие гетманы. К сожалению, это правда. Ни верностью, ни постоянством украинские гетманы действительно не отличались. Но разве это может служить оправданием? Особенно памятуя о том, что измена Мазепы обернулась потерей украинской

государственности. Интригуя до последнего часа, он, конечно же, думал прежде всего о себе, своем благополучии, а не об интересах родного края. Если бы он думал о своем крае, то не совершил бы столь необдуманного и спонтанного поступка, а потом не пытался бы исправить его изменой уже Карлу XII даже посредством выдачи последнего Петру I. О каких убеждениях и идеалах может идти речь? И почему они никак не проявлялись у Мазепы в течение двадцати лет правления Гетманщиной?

У названной исследовательницы есть еще одно любопытное утверждение, что Мазепа перед наступлением шведов заключил с ними соглашение исключительно для того, чтобы спасти Украину от разорения как русскими, так и шведскими войсками. Не правда ли, оно очень созвучно с высказыванием одного из дискутантов, о котором речь шла вначале? Оба оккупанты!

Но это утверждение простительно для эмоционального этнопатриота, не обремененного знанием фактов истории, и совсем необъяснимо для специалиста. Как можно ставить в один ряд завоевателя чужой земли и защитника своей? Конечно, пребывание большого войска на той или иной территории обременительно для населения. Но ведь русского войска здесь могло и не быть, не приди сюда шведы. И разорение украинской земли было бы меньшим, если бы Мазепа озаботился не заключением соглашения с оккупантом, а вместе с русскими встал на защиту родной земли.

Как известно, нет пророка в своем Отечестве. Поэтому в оценке двух сил, столкнувшихся в 1709 году под Полтавой, сошлюсь на авторитет чужестранцев. Согласно Вольтеру, под Полтавой сошлись две разные ипостаси человеческого характера, два антипода. По одну сторону — Карл XII, любитель опасности ради удовольствия, по другую — царь Петр I, осторожный политик, воевавший в интересах своего государства и народа. Один — безрассудный, от рождения расточительный; другой — расчетливый и целеустремленный... Один — рискующий прошлым, другой — будущим... Если бы Карл XII был убит, то это была бы просто потеря человека, и Швеция оста-

лась бы такой, какой была... Если бы был убит Петр I, то с его смертью разрушилось бы все его дело, а значит, погибла бы и Россия.

Классик шведской литературы А. Стриндберг резко выступил против шовинистов и пангерманистов, пытавшихся прикрепить на свои штандарты имя «последнего викинга» Скандинавии и использовать его для борьбы со «славянской опасностью с Востока». Чтить своих государственных деятелей, утверждал он, — это прекрасно, но «обожествлять губителя страны могут позволить себе только сумасшедшие». Современный шведский историк С. Уредссон, говоря о положительной оценке Карла XII представителями новой исторической школы, называет ее шокирующей и объясняет, что ее основой послужили страх и презрение к России и русским.

Не этими ли чувствами руководствовались и нацисты гитлеровской Германии, видевшие в Карле XII идейного предшественника, обратившего свой меч против «славянских варваров» на востоке. Риббентроп, выражая недовольство по поводу неприсоединения Швеции к «Антикоминтерновскому пакту», утверждал, что шведы утратили дух Карла XII. Близкий к печально известному ведомству доктора Геббельса историк О. Хайнтц называл шведского короля ни больше ни меньше как спасителем европейской цивилизации от «славянской угрозы».

Что и говорить, в «хорошей» компании оказался президент Украины, воспылавший энтузиазмом воздвигнуть памятник этому борцу со «славянскими варварами». В их числе ведь были и украинцы. Морально акт В. Ющенко сродни поступку его идейного предтечи И. Мазепы. Это тоже измена. Если не России, в неприятии которой украинский президент последователен, то определенно памяти наших предков, которые не смирились со шведской оккупацией и с оружием в руках отстаивали честь и независимость родной земли.

По мнению некоторых историков, исповедующих принцип нового прочтения истории, празднование 300-летия событий, связанных с военно-политическим выступлением гетмана Украины Ивана Мазепы и заключения украинско-шведского

союза, должно было содействовать утверждению в памяти украинцев осознания своей отдельности от русских, выведению украинской истории за пределы имперского нарратива и даже якобы интеграции Украины в Европу. Такие утверждения, необычные для историков, не содержат здравого смысла.

Должны же они знать, что никакого украинско-шведского союза не существовало. На этот счет нет не только межгосударственного договора, скрепленного подписями гетмана Мазепы и Карла XII и их печатями, но и какого-либо письменного свидетельства. Также не зафиксировано, на каких условиях Мазепа перебежал к шведскому королю. Мы знаем только о заявлении, вложенном писарем П. Орликом в уста гетмана, что он «не желал и не хотел христианского кровопролития, но намеревался, придя в Батурин с шведским королем, писать к царскому величеству благодарственное за протекцию письмо» и объявить в нем о переходе под протекцию «короля шведского». А еще Мазепа будто бы надеялся на то, что его новый статус будет оформлен юридически отдельным соглашением Карла XII с Петром I. П. Орлик назвал эти надежды безумием.

Из сказанного следует, что Мазепа не составил ни письменного заявления о выходе из российского подданства, как это сделал в свое время гетман Иван Выговский, ни договора с Карлом XII о государственном статусе Гетманщины под шведским суверенитетом. Исследователи полагают, что такое соглашение было заключено постфактум, когда Мазепа фактически уже не был гетманом, и оно не могло иметь формы межгосударственного юридического акта.

Разумеется, не существует ни одной возможности вывести украинскую историю за пределы российского имперского контекста. Это не под силу ни директивным распоряжениям «оранжевых» властей, ни услужливым историкам, занимающимся «деконструкцией мифологем и стереотипов». На протяжении более чем трехсот лет Украина (кроме западных земель) входила в единую с Россией государственно-политическую систему, и этому, как говорится на Украине, «немає ради». Можно как угодно оценивать этот исторический период, отречься

от участия выдающихся украинцев в созидании Российской империи, наконец, заявить, что это была не наша история, как многие и делают, но это ровным счетом ничего не будет значить для нашего прошлого. Его следует изучать, объяснять (по возможности честно), а не заниматься немыслимым выведением за пределы. Оно там навечно.

Смешно полагать, что унизительное «приседание» перед шведами поможет в реализации наших евроинтеграционных процессов. Интегрироваться ведь нам предстоит не в абсолютистскую Европу начала XVIII века, а в цивилизованную — начала XXI века. Для этого недостаточно предъявить ей химеру украинско-шведского союза времен Карла и Мазепы. Нужны иные аргументы, которых у нас пока нет. А с таким отношением к истории их вообще может не быть.

Особое место в торжествах по случаю 300-летия Полтавской битвы президент Украины предполагал отвести Батуринской трагедии. Это явствует из сказанного им на Всеукраинском форуме интеллигенции: «Не буде 300-річчя Полтавської битви, якщо не буде 300-річчя Батуринської трагедії. Це дві сторони медалі. Ми повинні дати правдиву інформацію». Несмотря на некоторую стилистическую шероховатость фразы, с ее смыслом невозможно не согласиться. Конечно, мы должны знать правдивую информацию, в том числе о том, почему гетман бежал из собственной столицы в шведский лагерь, определив тем самым ее будущую трагическую судьбу. Безусловно, мы обязаны отдать дань уважения невинным жертвам Батурина. Сомнение вызывает только односторонняя адресность сочувственной памяти. А разве жертвы многих городков и сел Полтавщины, разоренных и сожженных шведскими фуражирами, не заслуживают нашего поминовения? А умершие от голода во время многомесячной шведской осады жители Полтавы неужели менее нам дороги?

Почему нашим национал-патриотам и президенту не пришла в голову мысль о том, что всех этих жертв, как и самой Полтавской битвы, могло вообще не быть, не приди на украинскую землю из далекой заморской страны завоеватели с мечом?

В новейших работах, особенно тех, которые призваны подвести под юбилейный указ президента соответствующую идеологическую основу, недобросовестно эксплуатируется тезис об этническом противостоянии русских и украинцев. Жестокость Петра I, в том числе Батуринская трагедия, объясняется не тем, что Мазепа, будучи царским подданным, преступил клятву своему суверену, а тем, что царь якобы вообще ненавидел все украинское. Банальная измена возводится в ранг подвига на почве отстаивания национальных интересов.

Разумеется, это упрощенное представление об истории. Петр I, созидавший империю, одинаково жестоко относился ко всем своим подданным. На костях сотен тысяч русских мужиков он построил новую столицу. Был беспощаден к изменникам. Не пожалел даже своего сына Алексея, когда тот решил предать его дело. Рубил головы и посылал на виселицу российских губернаторов, когда их уличали в казнокрадстве. Отдал под трибунал и разжаловал в солдаты крупных военачальников, допустивших преступную небрежность и панику во время сражений. И определенно не задумывался об этничности своих жертв.

Но Петр I не делал ничего из ряда вон выходящего. Жестокость, как пишет Д. Гранин, была в духе того времени. Колесовали и секли головы во всех странах. Таким же беспощадным был и король просвещенной Швеции Карл XII. В письме генерал-лейтенанту Реншёльду он писал: «*Населенный пункт, в котором совершено нападение на шведский отряд, должен быть сожжен дотла... Жителей деревень, которых вы схватите, при малейшем подозрении... следует повесить, чтобы они боялись и знали, что если нас разозлить, то не будет пощады даже для детей в колыбели... Недавно я приказал сжечь целый город, а его жителей повесить*». Это был польский город Торунь. В полном соответствии с этой королевской инструкцией вели себя шведы и на Украине.

Я обратился с просьбой к президенту отменить, пока было не поздно, указ об этом нелепом праздновании вместе со шведами их национального позора. Тем более что к нему мы имеем очень косвенное отношение. В Полтавской битве на сторо-

не Карла XII не принимал участия ни один украинский казак. Следовательно, мы не могли засчитать себе в актив даже поражение, которое можно было бы объявить, как в случае с Крутами, своей победой. Он, как и следовало ожидать, этого не сделал.

Как я и предполагал, в торжествах не приняли участия не только венценосные, но и просто чиновные шведские гости. Иначе им пришлось бы принести извинение русским и украинцам за действия своего авантюрного земляка. Это событие было достойно отмечено украинцами вместе с русскими. Это ведь была наша общая победа.

5. УРОКИ ДЕКАБРИЗМА

19 ноября 2010 года Посольство Российской Федерации в Киеве в рамках телевизионного проекта М. Швыдкого «Культурная революция» организовало интеллектуальную дискуссию на тему роли и уроков декабризма. В ней приняли участие известные политические деятели, писатели, историки, творческая интеллигенция. Основное направление содержательного разговора, определенное М. Швыдким, свелось к ответу на главный вопрос — чем было для России декабристское движение? Прогрессивным явлением, пошатнувшим устои царского абсолютизма, или простым бунтом представителей военно-дворянского сословия, не имевшим позитивных последствий для жизни страны? А может, даже отрицательным, поскольку декабристское движение послужило основанием для изоляции от общества (казнями и ссылкой) наиболее передовой части русской военной элиты и наступления николаевской реакции.

М. Швыдкой поднял вопрос о нравственной ответственности предводителей декабристского восстания перед тысячами солдат, которые поверили им, пошли за ними, в том числе на Сенатскую площадь, но были преданы своими вождями и также отправлены на каторгу.

Русский писатель Д. Быков значительно расширил хронологические и нравственные рамки дискуссии, предположив,

что явление декабризма имеет цикличность в истории. Оно якобы повторилось в 1930-е годы в судьбе Тухачевского и его поколения, а в начале XXI века — в судьбе Ходорковского и Лебедева. Во всех названных случаях причиной антивластного бунта якобы было чувство собственного достоинства, протестующего против превращения личности в бессловесное быдло.

Аналогии, хотя и любопытные, к тому же поддержанные ярким писательским воображением, исторически, конечно же, совершенно некорректные. Ничего общего у Тухачевского, а тем более у Ходорковского с декабристами нет.

Бывший министр иностранных дел Украины П. Порошенко продлил аналогический ряд еще дальше, до так называемой «оранжевой революции» 2004 года в Киеве. Это тоже не вполне адекватная аналогия. Но все же более корректная, чем предложенная Д. Быковым, хотя бы потому, что, как и движение декабристов, киевский ноябрьско-декабрьский путч был организован людьми, принадлежавшими к правящему сословию и также оказавшимися несостоятельными. Вожди декабризма начали предавать свое движение еще до Сенатской площади, вожди «оранжистов» — после площади Незалежности, то есть уже после победы над ненавистным режимом президента Л. Кучмы.

Роднит столь отдаленные явления и то, что ни декабристы, ни «оранжисты» не имели альтернативной программы переустройства государственной системы правления. Первые предлагали ту же монархию, только конституционную, вторые — то же президентство, только без неограниченных полномочий. Даже при очень большом желании назвать эти прожекты революционными нельзя.

В ходе дискуссии никто не вспомнил о том, что в одном ряду с декабристским восстанием 1825 года стоит февральский переворот 1917 года. Он ведь тоже произошел внутри системы. Путч против несостоятельного царя организовали люди, находившиеся возле трона. Они же (Гучков, Шульгин) вынудили Николая II подписать манифест отречения от престола, но... в пользу брата Михаила. Царское окружение дружно предало Николая II, но, как ему казалось, не монархию. Это действи-

тельно не входило в его планы, но когда Гучков объявил о царе Михаиле Романове, рабочие его чуть не растерзали. Вскоре последовало отречение Михаила от престола. К этому его вынудил Керенский, ставший затем председателем Временного правительства.

При желании можно найти и другие аналогии декабризма, благо, отечественная история никогда не отличалась бесконфликтным эволюционным течением. Периодически она переживала социальные катаклизмы, неизменно влиявшие на исторический процесс. Однако более важно определить место этих потрясений в общем потоке истории, а также, как говорили раньше, выяснить их движущие силы. Социологические клише, согласно которым социально-политические конфликты разделяются на прогрессивные и реакционные, здесь вряд ли применимы. При внимательном рассмотрении окажется, что в них было и то и другое, и неизвестно, что в конечном счете матери-истории более ценно или, наоборот, вредно.

П. Порошенко, упомянув о событиях ноября-декабря 2004 года, отметил, что народ вышел на площадь и сказал свое слово. Примерно так же оценивались конфликты прошлого и с позиций исторического материализма. Народ больше не мог терпеть гнета капиталистов и помещиков или засилья чужеземцев и брался за оружие. И, казалось бы, спорить с этим невозможно. Действительно народ выходил на площадь и действительно брался за оружие.

Но спонтанно ли и по своей инициативе? И был ли он един в этом порыве? Анализ событий, связанных с социально-политическими кризисами, показывает, что практически всегда народ провоцировала, организовывала и управляла им определенная социальная (политическая) группа. То ли отстраненная от государственного управления, то ли полагавшая, что занимает в нем место, не подобающее ее возможностям.

Чтобы народ мог взяться за оружие, кто-то должен был ему дать его. Как это было во время февральского путча в Петрограде, когда народные дружины получили оружие из государственных арсеналов. Чтобы народ в холодные месяцы

осени-зимы 2004 года смог проявить свой решительный протест на киевском Майдане, кто-то должен был обеспечить его теплой одеждой, горячим питанием, палатками, биотуалетами, подъемными на дорогу из какого-нибудь галицкого городка в Киев, наконец, чуть ли не круглосуточной развлекательной программой.

А теперь давайте зададимся вопросом: имели ли вожди майданов, будь то Сенатский, Незалежности или Дворцовый, моральное право отождествлять свои интересы с интересами народа? Определенно нет. Ссылки на волю народа являются обыкновенной политической демагогией. Не было в отечественной (да и в мировой) истории ни одного бунта или революции, которые поддерживались бы всем народом. Практически всегда социальные кризисы вызывали раскол в обществе, разводили его представителей по разные стороны баррикад. Нередко заканчивались братоубийственными гражданскими войнами, что имело место в послереволюционных России и Украине.

Я не принадлежу к тем, кто к месту и не к месту употребляет слово «революция», потому что, во-первых, далеко не каждый социальный или национальный кризис соответствует этому понятию, во-вторых, революция — это всегда трагедия для страны, народа и элиты (даже той, которая спровоцировала или поддержала так называемые революционные преобразования). Нередко это просто потерянные в экономике, культуре, социальной сфере годы и десятилетия.

Оказывается, это справедливо и по отношению к такому локальному социальному конфликту, как «оранжевая революция». Это убедительно показал в своей книге «Зламане десятиліття» Л. Кучма. Украина к 2004 году после долгих лет кризиса достигла устойчивого экономического развития практически во всех областях народного хозяйства. Рост внутреннего валового продукта исчислялся двузначными цифрами и достигал 12–14 %. После майданного мятежа в ноябре-декабре 2004 года и прихода к власти «оранжевых» политиков экономика Украины вновь обрушилась до уровня 1990-х годов. Можно только предполагать, насколько далеко продви-

нулась бы Украина, не будь этой немыслимой «оранжевой революции».

Еще более катастрофические последствия имел социальный конфликт в России, длившийся с 1917 по 1920 год. Страна, которая по темпам экономического развития к 1913 году достигла уровня развитых европейских держав, за годы революций и Гражданской войны превратилась в руины. Оказалась разрушенной не только экономическая, но и культурная основа жизни. Интеллектуальная элита, ненужная новому режиму, была уничтожена или бежала за границу. Могли ли предвидеть Родзянко, Гучков, Милюков, Керенский и другие, чем для них закончатся их собственные усилия по расшатыванию царского трона?

Противоположным ожиданиям оказалось и влияние событий 14 декабря 1825 года. В ходе дискуссии историк В. Пастухов высказал мысль, что декабристы вынудили Николая I провести некоторые либеральные реформы, в действительности же они только убедили его продолжить реакционно-охранительную политику. Мятеж на Сенатской площади (как и на Украине) вызвал у Николая I неприятие не только революционного, но и либерального движения. Следствием этого стало учреждение высшей политической и уголовной полиции, знаменитого впоследствии Третьего отделения, а также жандармских округов по всей стране во главе с генералами. *«Революция на пороге России*, — говорил Николай I, — *но, клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохраняется дыхание жизни, пока, Божией милостью, я буду императором»*.

В исторических исследованиях советского периода социальные движения всегда оценивались с классовых позиций. По сути, эта традиция сохранилась и в наше время, поскольку историки и политики чаще всего говорят о народном характере того или иного конфликта и его спонтанном проявлении. В действительности и в прошлом, и в настоящем все представлялось не так однозначно. На определенной стадии развития конфликт неизменно приобретал межсословные или межклассовые антагонистические черты. Но начало ему, как правило, положили противоречия внутри правящей политической

элиты, по разному представляющей будущее страны и свое место в нем. Та или иная группа не может самостоятельно реализовать свои политические амбиции, поэтому обращается за помощью к народу. Иногда, как в 1917 году, это заканчивается катастрофой не только для тех, против кого направили народ, но и для тех, кто призвал его в помощь.

Хорошо об этом написал в «Окаянных днях» И. Бунин. Отвечая одному из русских эмигрантов, утверждавших, что Россию погубила власть, не считавшаяся с чаяниями народа, он решительно не согласился с этим: *«Не народ начал революцию, а вы. Народу было совершенно наплевать на все, чего мы хотели, чем мы были недовольны. Не врите на народ — ему ваши ответственные министерства, замены Щегловитых Малянтовичами и отмены всяческих цензур были нужны, как летошный снег, и он это доказал твердо и жестоко, сбросивши к черту и Временное правительство, и Учредительное собрание, и все, за что гибли поколения лучших русских людей»*.

Казалось бы, исторический опыт продемонстрировал достаточно примеров, чтобы общество могло понять, что эволюционный путь развития продуктивнее революционного. Однако ни на одном этапе истории оно такого понимания не обнаруживает и уроков из декабризма как кризисного явления не извлекает. Это наводит на мысль, что социальные и политические кризисы в обществе закономерны в такой же мере, как и периоды мирного существования.

Означает ли это, что дискуссии, подобные состоявшейся по инициативе и при участии посла Российской Федерации на Украине М. Зурабова, лишены смысла? Определенно нет. Они нужны и ценны тем, что вовлекают в интеллектуальные раздумья значительное число людей, содействуют нравственному постижению прошлого как органической составляющей нашей историко-культурной идентичности. Особенно важны подобные размышления для нас, украинцев, не избалованных разномыслием и постепенно утрачивающих чувство своей сопричастности к нашей общей с русскими истории.

6. ГАЛИЦКИЕ РУСИНЫ МЕЖДУ АВСТРО–ВЕНГРИЕЙ И РОССИЕЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

После объявления Австро-Венгрией войны России в 1914 году главным театром военного противостояния стала Восточная Галичина, где у каждой стороны были свои интересы. Борьба здесь велась не только за территорию, но и за насельников этого края. Австрийцы называли их украинцами, а русские — русинами, что исторически было более правильно. Восточная Галичина в древнерусское время была частью территории Галицкого княжества и именовалась Русью. Это название надолго закрепилось за этой территорией и населением, на ней проживавшим, по сути, до вхождения Восточной Галичины в состав Советского Союза (административно — в Украинскую Советскую Социалистическую Республику) в 1939 году согласно пакту Молотова–Риббентропа.

С этим названием Восточная Галичина выступает в творчестве писателя Ивана Франко («Ти, брате, любиш Русь, / Як хліб і кусень сала»), а также в народном творчестве («Було в батька три сини і всі троє русини»). По существу, русины справедливо считали себя частью единого восточнославянского племени, расселившегося от Карпат до Тихого океана, и поэтому испытывали симпатии к России. В свою очередь, Россия стремилась оказывать поддержку русинским братьям. В 1902 году в Санкт-Петербурге было создано Галицко-русское благотворительное общество, насчитывавшее к 1914 году 700 членов. Для поддержания культурологической деятельности русофилов Галичины Россия ежегодно выделяла 85 тысяч рублей: на эти средства организовывались библиотеки-читальни, издавались газеты и книги.

Австро-Венгрия, в состав которой входила Восточная Галичина, не могла смириться с влиянием России и в противовес историческому русинству принялась организовывать украинофильское движение. Проект дерусинизации края стал одним из важнейших государственных приоритетов. Ставка была сделана на грекокатолическое духовенство, которое под руководством митрополита Андрея Шептицкого превратилось

в государственных пропагандистов украинства, а также на лояльных к этому проекту профессоров-историков. Один из них — М. С. Грушевский, приглашенный из Киева во Львовский университет заведовать кафедрой истории Восточной Европы. Не исключено, что его приглашение сопровождалось определенными идеологическими обещаниями, учитывая его молодость и отсутствие профессорского звания. Галицкая москофильская газета «Русский голос» писала тогда, что М. Грушевский обязался воплотить в жизнь политическую программу Вены. Его альтернативная концепция украинской истории, которую он вскоре и создал, подтвердила правоту «Русского голоса».

Так, усилиями австро-венгерских властей единый русинский этнос Восточной Галичины был разделен на два — русинов и украинцев. Первые были преимущественно православного вероисповедания, вторые — грекокатолического. Успех австрийского проекта превращения русинов в украинцев был тем значительнее, чем бо́льшую поддержку оказывали ему австрийские государственные власти, а также польская местная администрация. Эта поддержка выражалась прежде всего в жестоком подавлении русофилов.

К 1910 году в Восточной Галичине были закрыты все русофильские организации, библиотеки-читальни переданы украинским политическим партиям. Грекокатолические иерархи, поощряемые властями, отменили юлианский календарь, а также кириллический алфавит, заменив его латиницей. Репрессиям подвергались все, кто проявлял симпатии к православию и России. Чтобы оказаться в австрийской тюрьме, иногда было достаточно просто быть русином, что по ассоциации приравнивалось к русскому. Раздавались и призывы (от генерала Римля) беспощадно уничтожать русофилов.

Особую роль в разгроме русофилов сыграли единокровные земляки-украинцы, которые занимались доносительством на них и физическими расправами над ними (в частности, сечевики). Речь идет о легионе Украинских сечевых стрельцов, созданном Австро-Венгрией для борьбы с российскими войсками. В большей мере сечевики выполняли диверсионно-терро-

ристическую работу в тылу русских войск. То есть делали то, чем в годы Великой Отечественной войны занимались их идейные последователи — ОУН-УПА.

Фактически война с Россией была для Австро-Венгрии удобным поводом разгромить русофильское движение. Казалось, что воплотить этот замысел Австро-Венгрия не сможет. Надежду вселяло наступление российских войск. Овладев Восточной Галичиной (известный Брусиловский прорыв), русские создали Галицкое генерал-губернаторство во главе с генералом Г. А. Бобринским. По свидетельству современников, русские вели себя в Галичине достаточно лояльно, не сжигали селений и не занимались их грабежом. Население края в целом симпатизировало им. По воспоминаниям М. М. Пришвина, посетившего Восточную Галичину, в тылу русской армии было вполне безопасно.

В генерал-губернаторстве был провозглашен принцип веротерпимости, сохранялись сильные позиции польских помещиков, католической и грекокатолической церквей. Это было не то, на что рассчитывали русофилы: они были недовольны лояльностью новых властей по отношению к их противникам. Справедливости ради следует сказать, что к радикальным украинофилам применялись и репрессии: их выселяли в глубинные районы России. Был арестован и А. Шептицкий.

Российское генерал-губернаторство просуществовало меньше года. Под натиском австро-венгерских войск России пришлось оставить Восточную Галичину. Вместе с российскими войсками ее покинули 200 тысяч русинов. Вернувшиеся в край австро-венгры развернули настоящий террор против русинов. Именно русины были объявлены главными виновниками поражения австрийцев в сентябре 1914 года и подверглись массовым арестам. Австро-Венгрия с полным правом может считаться родоначальницей первых концентрационных лагерей в Европе. В двух из них — Талергофе и Терезине — было замучено и уморено более 60 тысяч русинов. Об этом с документальной точностью рассказывается в книге В. Ваврика о Талергофе. Именно в этом лагере был уничтожен цвет русинской и русофильской интеллигенции.

Надо признать, что русское общественное мнение не было единым в отношении защиты русинов Восточной Галичины. Разумеется, доминировала точка зрения об особой роли России в защите всех славянских народов, которым грозила опасность потери идентичности в Австро-Венгерской и Оттоманской империях. Известно, что за эту «мессийность» Россия расплачивалась сотнями тысяч своих воинов. По сути, только благодаря этому болгары и сербы обрели свою государственность. Но среди русских государственных деятелей, особенно консервативного толка, была распространена и другая точка зрения. Наиболее четко ее выразил член Госсовета, бывший министр внутренних дел России П. Н. Дурново в записке Николаю II в феврале 1914 года. Первая мировая война еще не началась, а Дурново уже предвидел негативные последствия участия в ней России. В частности, он считал, что Россия будет ввергнута в беспросветную анархию и начнется ее распад. О Восточной Галичине он сказал: «Нам явно невыгодно во имя национального сентиментализма присоединять к нашему Отечеству область, потерявшую с ним всякую живую связь. Ведь на ничтожную горсть русских по духу галичан сколько мы получим поляков, евреев, украинизированных униатов?» Дальше П. Дурново объяснил, почему это будет иметь негативные последствия для России: «Украинское или мазепинское движение сейчас у нас не страшно, но не следует давать ему разрастаться, увеличивая число беспокойных украинских элементов».

Очевидно, крах Российской империи наступил не потому, что она присоединила Восточную Галичину. Но это событие определенно не добавило ей стабильности, поскольку было сопряжено с многочисленными жертвами русских солдат и огромными материальными потерями. В чем-то предостережения П. Дурново оказались пророческими и для последующих времен.

7. ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА

Прошло 100 лет после российской Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. Срок вполне достаточный для того, чтобы воспоминания не были отягощены излишними эмоциями и предубеждениями. К сожалению, этого не произошло. Просматривая посвященные этим событиям фильмы, телевизионные шоу, читая исторические исследования, можно заметить, что и сегодня страсти кипят. Спорящие стороны бывают настолько взволнованны, как если бы революция произошла недавно и непосредственно коснулась их судеб. Сторонники левой идеи по-прежнему не сомневаются в позитивном влиянии революции на жизнь российского общества, тогда как люди, придерживающиеся либеральных взглядов, убеждены в том, что это была трагедия в жизни страны и народа.

Разумеется, лучше избегать революционных потрясений. Но они случались и будут случаться независимо от нашего к ним отношения. Причем не по злой воле отдельных пассионарных гениев или демонов, а оттого, что в обществе периодически накапливается критическая масса непримиримых противоречий, разрешить которые посредством мирного диалога оно не может. В этом отношении общество сродни природе, которая тоже время от времени переживает различные катаклизмы: извержение вулканов, смерчи и тайфуны.

Приняв эту закономерность как объективную данность, бессмысленно кипеть благородным гневом, искать единственных ответчиков за произошедшее в 1917 году и пытаться принять чью-либо сторону. В гражданских конфликтах — а революции такими и являются — не бывает только правых и только виноватых, поэтому тенденция связывать трагедийность революционных и послереволюционных событий исключительно с большевиками, которая возобладала после развала Советского Союза, не может быть ни объективной, ни справедливой.

Российскую империю, которую идеализируют нынешние российские либералы, представляя ее чуть ли не страной всеобщего благоденствия, разрушили вовсе не большевики. Это

деяние — целиком на совести правящей царской элиты: депутатов Думы, генералитета и даже некоторых членов царской династии. Это они, воспользовавшись стачечным движением рабочих Санкт-Петербурга и других городов, решили, что монархическая система правления себя исчерпала и должна быть заменена республиканской (разумеется, в буржуазно-демократическом обличии). Это они вынудили царя Николая II отречься от престола, не отдавая себе отчета в том, что вынимают закладной камень всего государственного здания.

На их совести или в том числе на их совести гибель царской семьи. С февраля по ноябрь 1917 года было достаточно времени, чтобы вывезти ее за пределы России, но буржуазное Временное правительство, состоявшее из околотронных деятелей, упорно содержало членов царской семьи в стране под домашним арестом. Ссылки на объективные трудности, связанные с организацией эмиграции царской семьи, — негодное оправдание. Особенно если учесть, что сами члены Временного правительства и бравые царские генералы сумели уехать из России.

Разрушители монархии оказались неспособны заменить ее новой, более прогрессивной государственностью. Не удалось им овладеть и народной стихией, направить ее в конструктивное русло. Не нашлось у них и сколько-нибудь привлекательных для народа лозунгов, которые превратили бы его в союзника новых правителей. Не отказались они и от участия России в страшной и непопулярной в народе мировой бойне. После февральских событий страна была ввергнута в политический и экономический хаос и стремительно деградировала.

Объективно в стране назрел заказ на силу, которая остановила бы эти разрушительные процессы. Ею оказалось партия большевиков во главе с В. И. Лениным. Чтобы перехватить революционную инициативу, ей не потребовалось сверхусилий. Провозгласив начало вооруженного восстания, большевики бескровно овладели властью. Видимо, это обстоятельство дает возможность многим утверждать, что 7 ноября (25 октября по старому стилю) 1917 года в России произошел баналь-

ный переворот, а не революция. В обычном сознании революция не может быть без крови и жертв. И тем не менее это была настоящая социальная революция, может быть, даже больше отвечающая этому понятию, чем Февральская.

Февральская революция ликвидировала монархию, но не изменила общественного и политического строя страны, тогда как Октябрьская сломала старую буржуазную систему и заменила ее новой — социалистической. Ее лозунги «Земля — крестьянам», «Фабрики — рабочим», а также выход России из мировой войны обеспечили большевикам широкую народную поддержку.

В современной историографии третьим этапом Октябрьской революции признается Гражданская война. На Санкт-Петербургском международном культурном форуме в 2017 году мне довелось услышать литературное сравнение: Октябрьская революция и Гражданская война — как столкновение коллективного Шарикова с коллективным Преображенским. Смысл этой метафоры прозрачен, но совершенно некорректен. Во-первых, потому, что Гражданскую войну развязал не «Шариков», а «Преображенский». Ее могло и не быть, если бы российские властная и военная элиты не начали защищать старую Россию, которую они по своей глупости разрушили и потеряли свое привилегированное место в ней. Войну с большевиками возглавили блестящие царские генералы и высшие офицерские чины, которые равнодушно восприняли акт царского отречения и не стали защищать корону, на верность которой присягали.

Казалось, у большевиков и принявших их сторону рабочих, крестьянских и солдатских Советов не было реальных шансов противостоять хорошо обученной армии, возглавляемой царскими генералами (Корниловым, Деникиным, Красновым, Врангелем, Колчаком, Юденичем и др.). К тому же на помощь им пришли и страны Антанты. Но большевики, сформировавшие Рабоче-крестьянскую Красную армию, не только устояли, но и победили. При этом сохранили Российскую империю, наполнив ее совершенно иным социальным и административно-территориальным содержанием. Стоит ли доказывать, что

это было бы совершенно невозможно, если бы их не поддержали широкие народные массы.

Если первые две фазы российского общественного кризиса завершились сравнительно быстрой и мирной сменой власти, то третья оказалась кровавой и продолжительной. И почему-то, как само собой разумеющееся, все ее жертвы были зачислены на счет красных, то есть большевиков. Согласиться с этим совершенно невозможно. Был не только красный террор, но и белый. По мнению специалистов, первый унес больше миллиона человеческих жизней, а второй — не менее 600 тысяч. Известен приказ генералов Корнилова, Краснова и других: «Пленных не брать». Поразительно, но Гражданская война была не только классовой, но и идеологической. Она развела по разные стороны баррикад людей одного сословия. В противостоящих друг другу армиях часто сражались отцы и дети или родные братья.

Конечно, это была всенародная российская трагедия. О ней можно и до́лжно сожалеть, но напрасно искать правых и виноватых, а тем более примерять на себя роль их судей (даже через сто лет). Это понимали многие современники тех трагических событий, причем лучше, чем некоторые нынешние интеллектуалы. Примером сказанному могут быть удивительные строки выдающегося русского поэта Максимилиана Волошина:

И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас — тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами».

А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

Поэт понимал, что у каждой стороны была своя правда, за которую умирали люди, но также чувствовал, что истиной не обладали ни те, ни другие. Вот и молился за всех и в своем коктебельском доме спасал от гибели «и красного вождя, и белого офицера».

Крах Советского Союза дал многим основание высказать ему вдогонку свои осуждения и проклятья. Но если бы мы были немного объективны, то должны были бы признать и достижения СССР. Не стану их перечислять — они известны. Остановлюсь на одном, являющемся своеобразным долгим эхом Октябрьской революции. Речь идет о создании Советского Союза по национально-территориальному принципу. Это была идея В. И. Ленина, которую он последовательно претворил в жизнь. В результате в условиях союзного государства получили развитие государственные институты, культура, наука, образование, литература многих национальностей. Может показаться парадоксальным, но именно советская власть подготовила их к самостоятельной государственной жизни.

В качестве наиболее яркого примера могу привести родную Украину. До Октябрьской революции ее вообще не было на политической карте Российской империи. Как государственно-политическое образование она появилась только при создании большевиками Советского Союза, причем со значительными территориальными приобретениями. Ко времени развала союзного государства в 1991 году Украина входила в десятку наиболее развитых европейских стран.

Сегодня, когда проводится реставрация капиталистической системы, Украина оказалась отброшенной во вторую сотню в рейтинге стран по всем показателям. Определенно гражданам Украины есть над чем задуматься. Не является ли это следствием в том числе полного, часто агрессивного отрицания советского периода, разрыва традиций с прошлым.

8. «ПОКЛОНИМСЯ ЗА ТОТ ВЕЛИКИЙ БОЙ»

Выдающемуся русскому историографу Н. М. Карамзину принадлежат удивительные по своему гуманистическому смыслу слова: «Пепел мертвых не имеет других защитников, кроме нашей совести». Они приходят на ум всякий раз, когда знакомишься с новой правдой о Великой Отечественной войне. Пишут ее национал-патриоты, либералы, демократы

всех мастей. Ссылаются на архивные документы, ранее неизвестные или недоступные для изучения, на право людей знать все, как оно было в действительности, а не только то, что содержится в советской историографии. При этом уверяют, что делают это из лучших побуждений, желая докопаться до истины. В действительности они занимаются откровенным очернительством великого подвига советского народа, сумевшего победить в страшной войне, освободить себя и народы Европы от фашистского порабощения.

Особых масштабов деформация памяти о Великой Отечественной войне достигла после развала Советского Союза, но начала формироваться уже на заключительном этапе его существования, в годы так называемой перестройки. Все началось с обвинений И. Сталина и его окружения в преступных просчетах перед войной, продолжилось поношением полководческих способностей советских военачальников, в том числе маршала Победы Г. Жукова, которые будто бы воевали не умением, а числом, и закончилось официальным извинением за пакт Молотова–Риббентропа.

На суверенной Украине это трагическое и великое событие было объявлено войной России с Германией или Сталина с Гитлером. Название «Великая Отечественная» стало запретным. Жертва и ее палач были уравнены в ответственности. Герои-победители унижены реабилитацией и героизацией людей, сотрудничавших с гитлеровскими головорезами, послевоенное мироустройство объявлено порабощением народов Европы Советским Союзом. К числу оккупированных национал-идеологи отнесли и саму Украину, что совершенно немыслимо. Ведь она была составной частью страны-победительницы и по определению не могла сама себя оккупировать.

В дискуссиях с украинскими национал-патриотами, в том числе с профессиональными историками, нередко приходится слышать, что пересмотр взглядов на Вторую мировую войну и даже ее итогов неизбежен и нормален. Такая тенденция, утверждают они, имеет место и в европейской исторической науке. К сожалению, действительно имеет. Но если это нормально для Европы, которая войну проиграла, то не нормаль-

но для Украины, которая в результате присоединила практически все свои западные земли. Пересматривать итоги можно (или нужно) тогда, когда за декларациями следуют реальные дела. В случае с Украиной они должны заключаться в возврате западноукраинских территорий тем странам, от которых они были «незаконно» отторгнуты согласно «преступному» пакту Молотова–Риббентропа, и в признании довоенных границ.

На одной телепередаче небезызвестного Савика Шустера, умело сеющего на киевском телевидении семена раздора между Украиной и Россией, молодой галицкий депутат Верховной рады, спровоцированный ведущим, клеймил сговор Сталина и Гитлера, позволивший Москве оккупировать Западную Украину. Одновременно он был возмущен и тем, что западные соседи до сих пор считают эти земли своими и даже делают по этому поводу официальные заявления. Но чем он возмущен? Если украинские националисты беспрестанно заявляют о преступном сговоре двух агрессоров, а ввод советских войск называют не иначе как оккупацией Западной Украины, тем самым они сами дают основания соседям для этих претензий. Конечно, это не что иное как черная неблагодарность: проклинать дарителя и одновременно не испытывать никаких угрызений совести за пользование его дарами.

По-новому освещается теперь и националистическое движение на Западной Украине в годы Второй мировой войны. Из учебников по истории ученики средних школ и студенты узнают о том, что истинными освободителями Украины являются не Советская армия и партизаны, а солдаты УПА. В знак особой благодарности «оранжевая» власть учредила в их честь общенациональный праздник, а вождям присвоила звание «Герой Украины». Чувствующие социальную конъюнктуру историки оперативно переписали учебники.

Практически ничего не говорится о непримиримых противоречиях между отдельными националистическими течениями, сопровождавшихся братоубийственной войной. Ничего о жестоком терроре мирного населения, в первую очередь национальных меньшинств (поляков, евреев, русских),

а также так называемых схидняков — украинцев из Центральной и Восточной Украины. Ничего о борьбе с советскими партизанами и, конечно, ни слова о тесном сотрудничестве с фашистами, которое началось еще тогда, когда Германия готовилась к войне с Советским Союзом и создавала собственную «пятую колонну». Как известно, командное звено УПА прошло обучение в немецких военных школах, а многие руководители националистического движения имели военные звания вермахта.

Мне довелось участвовать в работе международной конференции, проводившейся в Париже, где обсуждалась тема сотрудничества с фашистами, причем не только на Украине, но и в других европейских странах, поскольку это постыдное явление в годы Второй мировой войны имело место в каждой стране, оккупированной немцами, и даже в России. Но, что характерно, ни в одной из них это сотрудничество не было оправдано. Прощено — да, но не героизировано. Коллаборационизм осужден на Нюрнбергском процессе, и в демократическом обществе считается неприличным подвергать пересмотру этот юридический и нравственный императив. По крайней мере, так было раньше.

На Украине переоценка событий Великой Отечественной войны обрела статус одного из основных государственных приоритетов уже в период правления президента В. Ющенко. Именно тогда Советская армия, освободившая от фашизма Европу, впервые была объявлена оккупационной, как и немецкая. Украина изображалась не иначе как жертва двух агрессоров. Не страна-победительница, внесшая достойный вклад в сокрушение фашизма и ставшая одной из основательниц ООН, а исключительно как трагическая жертва. Единственным ее защитником было названо националистическое движение. В учебниках истории его описание занимает основной объем, тогда как о советских партизанах говорится походя, более того, о том, что в составе Вооруженных сил Советского Союза сражались миллионы украинцев, чаще всего вовсе не говорится.

Поразительно, что из более чем шести миллионов украинцев, погибших на фронтах Великой Отечественной и Второй мировой войн, сотен тысяч украинских советских партизан, героически сражавшихся с немецкими оккупантами, В. Ющенко не нашел никого достойного звания героя Украины. Для него и его националистических единомышленников героями стали только те, кто боролся против России.

К сожалению, перелицовка истории Великой Отечественной войны имеет место и в российской историографии. На этом поприще активно трудятся известные «болотные» демократы-либералы. Они вполне солидаризуются с украинскими коллегами. Для них победа в той войне не была великой, поскольку одержана многочисленными жертвами и большой кровью. Мне довелось услышать, как на эту тему на российском телевидении кощунственно высказывались Н. Сванидзе и А. Ципко. Правда, при этом они не уточнили, сколько же надо было пролить крови, чтобы победа могла считаться великой, и не объяснили, почему ее измеряют лишь количеством жертв, а не их подвигом и тем историческим значением, которое она имела для всей Европы, спасенной от фашистской чумы.

Недавно из передачи известного российского публициста К. Сёмина стало известно, что в Санкт-Петербургском институте истории РАН была защищена докторская диссертация, посвященная Российской освободительной армии генерала А. Власова. Ее автор, некий К. М. Александров, предложил Ученому совету полностью апологетическое исследование, основное содержание которого сводится к тому, что в появлении такого движения виноват сталинский режим. А сражалось оно не столько против Советской армии, сколько против преступной коммунистической системы. Таким образом, стараниями дипломированного историка генерал Власов и его воинство из предателей, изменивших присяге своему народу, были переведены в разряд героев, борцов за европейское будущее России.

Публицист искренне удивился, что это исследование встретило чуть ли не единодушную поддержку Диссертационного совета: из 18 его членов только один проголосовал против.

Но удивляться, по сути, нечему. К. М. Александров в положительной оценке предательства А. Власова не одинок и не является первопроходцем. У него есть весьма авторитетные предшественники, в частности А. Солженицын, который, отметив необычность для мировой практики явления, когда «несколько сот тысяч молодых людей... подняли оружие на свое Отечество в союзе со злейшим его врагом», предложил задуматься над тем, «кто ж больше виноват — эта молодежь или седое Отечество?»

Писатель лукаво сместил акценты на молодежь, тогда как вопрос должен адресоваться не столько ей, сколько тем генералам и полковникам, которые, будучи обласканы советской властью и лично И. Сталиным (как в случае с А. Власовым), попав в плен к немцам, спасали свои шкуры, предавая страну и народ. Генерал Карбышев, несмотря на издевательства, не пошел на сотрудничество с гитлеровцами, а генерал Кирпонос, оказавшись в окружении, как и Власов, не сдался, а предпочел смерть фашистскому плену.

Некоторое время назад генерал Власов удостоился благожелательной оценки и от Архиерейского синода Русской православной церкви заграницей, который призвал к взвешенной оценке его сотрудничества с гитлеровцами, поскольку оно якобы преследовало цель уничтожения «безбожного большевизма». Святым отцам неважно, что эта цель достигалась убийством советских солдат и партизан (этим власовцы отличились в Белоруссии) или потоплением в крови Варшавского восстания.

Можно было бы не придавать особого значения докторскому труду К. М. Александрова, если бы положения данной работы оставались только его личным мнением. Но, будучи поддержаны авторитетом Диссертационного совета академического института, они обрели статус объективного знания, которое непременно будет отражено в учебниках и учебных пособиях по истории России.

В одной из передач программы «Бесогон» Никиты Михалкова, которая лишает душевного равновесия либеральную интеллигенцию Москвы, а у некоторых ее представителей

(Н. Сванидзе) и вообще вызывает истерику, автор сформулировал вопрос: «Украина для России — зеркало или опыт?» Прямого ответа на него он не дал. Представляется, что как зеркало, так и опыт. На Украине и в России проходят во многом схожие процессы, разница только в том, что на Украине они обрели статус государственной идеологической доктрины, а в России им пока не так благоприятствуют.

В удивительной песне А. Пахмутовой и М. Львова, посвященной подвигу советского народа в Великой Отечественной и Второй мировой войнах, есть такие слова: «Всем миром, всем народом, всей землей / Поклонимся за тот великий бой». Это обращение к человеческой совести, которая, по определению историка, только и может быть защитницей «пепла мертвых». К великому сожалению, сегодня мы не можем сказать, что поклонение «славным командирам и бойцам», павшим на кровавой войне, имеет всенародный и тем более всемирный характер. С каждым годом сокращается число памятных мест, увенчанных мемориальными монументами, куда десятилетиями люди возлагали цветы и перед которыми склоняли головы. Особенно масштабное выкорчевание исторической памяти происходит на Украине. Ее примеру активно следуют страны Балтии и Польша. Здесь не только сносят памятники советским воинам, но и нередко оскверняют их могилы.

В одной из передач на российском телевидении (кажется, в программе П. Толстого) польский политолог объяснил, что виной этому — неправильная политика Советского Союза, оставившего в Польше после освобождения от фашистов свои оккупационные войска. Если бы войска тогда ушли, то ничего подобного сейчас не было бы. Конечно, это отговорка, причем совершенно бесчестная. Что получается? Польшу и поляков Советский Союз обидел уже после окончания Второй мировой войны, а они вымещают свою злобу на солдатах, которые положили свои жизни за их освобождение от фашистских захватчиков. Объективно это глумление над памятью не только 600 тыс. советских солдат, погибших на польской кровавой ниве, но и своих предков, которые встречали их с цветами как

долгожданных избавителей от страшной фашистской беды. Неужели не стыдно?

Более последовательны в этом прибалты, которые считают освободителем не Советскую армию, а немецкую. Но и это не может быть оправданием кощунства по отношению к солдатам, павшим во время войны на прибалтийской земле. Этого не должна позволять элементарная человеческая совесть. Но что поделаешь, если она отсутствует у властей Балтийских государств.

В заключение несколько слов о том, как реагирует на поведение своих новых членов и кандидатов просвещенная Европа. По существу, никак. У чужих она замечает и соломинку в глазу, а у своих не видит и бревна. Но ведь снос памятников воинам Советской армии — это не просто вандализм, а результат смены идеологии. В некоторых из вышеназванных стран идеология обретает национал-социалистическое содержание. Публичная солидаризация с ней демонстрируется фашистскими символами на касках и нарукавных шевронах, маршами по центральным улицам столиц в военной форме вермахта или ночными факельными шествиями, напоминающими гитлеровские.

Эпическое спокойствие Европы невольно позволяет предположить, что это для нее приемлемо как некий реванш за поражение во Второй мировой войне. Все хорошо, что плохо для России как правопреемницы Советского Союза. Но ведь точно так же она вела себя и в конце 1930-х годов, когда в Германии и некоторых других странах утверждалась фашистская идеология. К чему это привело — известно.

Глава 2
УКРАИНСКО–РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ ПОД УГРОЗОЙ

1. НА ТОГО ЛИ «КОНЯ» ПОСТАВИЛ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР?

На независимой Украине оживился интерес к роли и месту православия в историческом развитии Украины. К сожалению, он имеет специфическую направленность — доказать, что именно православие является главной причиной отставания Украины от цивилизованного Запада. В качестве примеров, подтверждающих этот тезис, приводятся в том числе данные о доходах на душу населения. В странах, входящих в римско-католическую цивилизационную общность, они существенно выше, чем на Украине. Иногда можно услышать, что Владимир Святославич поставил не на того «коня». Вот если бы он принял христианство не из Константинополя, а из Рима, то сегодня мы достигли бы такого же уровня развития, что и западные страны.

Вряд ли подобные рассуждения спонтанны. Невольно вспоминается высказывание одного из заокеанских идеологов развала Советского Союза и стран социалистического содружества З. Бжезинского: *«После разрушения коммунизма единственным врагом Америки осталось русское православие»*. Террористический акт, произошедший 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, показал, что этот идеолог глубоко заблуждался.

Но жизнь убеждает нас в том, что эти слова не были брошены на ветер. Практически во всех

православных странах, как по мановению волшебной палочки, стали появляться так называемые автокефальные православные церкви, а на Украине — даже две.

Разрушительная для православия работа продолжается. Свое место в этой деятельности находит и тезис о неконкурентоспособности восточного христианства, его консервативности, неспособности адаптироваться к новым историческим реалиям. Параллельно с «модернизационными» процессами в православии в духовную жизнь украинцев внедряются, как говорил когда-то И. Нечуй-Левицкий, нахрапом, ценности католицизма и протестантизма разных мастей, других нетрадиционных для Украины вероисповеданий. Как грибы после дождя, появляются на территории канонического православия католические и протестантские храмы. Вокруг них объединяются вчерашние православные. Причем эти церкви не испытывают недостатка в средствах, им покровительствуют иностранные спонсоры, их поддерживают имущие украинцы, в том числе принадлежащие к политической элите.

Новые «мессии» с завидным упорством ведут агитационную работу среди православного люда, пользуясь внутренним нестроением в стане православной церкви. Они пытаются превратить региональные религиозные объединения во всеукраинские, а их кафедры разместить в Киеве — историческом центре восточнославянского православия.

Вряд ли следует доказывать, что отречение от отеческой веры не относится к числу человеческих добродетелей. Оно сродни отказу от своих предков, их духовности, обычаев, культуры. Но мы живем в демократической стране, Конституция нам гарантирует свободу исповедания любой религии, как и неисповедание в принципе, поэтому суверенное право украинских граждан никем и ничем, кроме собственной совести, не может быть ограничено. Я лишь хочу показать, что навешенный на православную церковь ярлык консервативности и обвинение ее в том, что именно она ответственна за наше отставание от цивилизованного католического Запада, несправедливы.

Здесь необходим исторический экскурс. Формально церковный раскол в христианстве произошел в 1054 году, но факти-

чески две его ветви окончательно разошлись еще в IX веке, при патриархе Фотии и папе Николае I. Здесь не место говорить о причинах раскола, которые были не только богословскими. Для нас важен сам факт независимого существования двух христианских церквей с IX века: Римской католической и Византийской православной.

Исходя из логики современных теоретиков о меньших структурообразующих потенциях православия, следовало бы предположить, что Византия IX и последующих веков в своем развитии должна была отставать от римско-католического Запада. В действительности же ничего подобного не было. Наоборот, Византия, как и раньше, была впереди Рима. Здесь процветали наука и образование, литература, искусство, архитектура. Императоры Македонской династии, а затем и их преемники из династии Комнинов выделяли значительные средства на сооружения дворцов и храмов в Константинополе и других центрах империи. На этот период приходится целый ряд достижений в живописи, в частности создание больших мозаичных комплексов (Новый монастырь на о. Хиосе), развитие иконописи, искусства книжной миниатюры. Византийский шелк считался лучшим в мире.

Если сравнить страны, вошедшие в византийское православное содружество, в частности Болгарию, принявшую восточное христианство в IX веке, и Киевскую Русь, крещенную в конце X века, со странами католического Запада, то можно с уверенностью сказать, что первые ни в чем не уступали вторым. Такого храма, как св. София Киевская, в XI веке не было во всей Западной Европе или, говоря словами митрополита Илариона, *«во всем полунощи земном, от востока до запада»*. Ни в одной западной стране не было создано и такой цельной истории собственной страны, какой является «Повесть временных лет».

К сожалению, православный мир в первой половине XIII века подвергся страшному разорению. В 1204 году по инициативе папы Иннокентия III крестоносцы штурмом взяли Константинополь, разграбили город, разрушили его стены, дворцы и храмы. В пламени пожаров погибли библиотеки,

архивы. Византия была расчленена и фактически превращена в сумму карликовых государств. Ее богатства послужили основой для процветания Венеции и других католических стран Европы.

Так папский Рим поквитался с Константинополем за инициированный им раскол христианской церкви и выход Константинопольского патриархата из канонического и административного подчинения римскому Престолу. Месть оказалась слишком жестокой, не соизмеримой с проступком. Только на исходе XX века Папа Иоанн Павел II принес православным извинения за зло, содеянное его давними предшественниками.

Довершили разгром Византийского государства и его православной церкви орды султана Мухаммеда (Мехмеда) II. В 1453 году Константинополь был захвачен и сожжен. Большинство его жителей было истреблено или попало в плен. Некогда цветущая православная держава прекратила свое существование. Надо ли специально доказывать, сколь невосполнимый урон это событие нанесло мировому православию?

Западный мир и католическая церковь не подвергались столь суровым испытаниям и не понесли ощутимых потерь. История не знает сослагательного наклонения, но еще неизвестно, в каком положении пребывала бы сегодня католическая церковь, если бы Рим оказался на месте Константинополя, а Папа Римский — в положении Константинопольского патриарха, фактически пленника в своей бывшей стране.

Несколькими десятилетиями позже не менее страшная беда постигла и православную Русь. Монгольский смерч, пронесшийся по русским землям в 1237–1240 годах, разрушил огромную европейскую страну. Были сожжены крупнейшие города, в том числе столица Руси Киев. Истребленной оказалась, выражаясь современным языком, практически вся правящая элита древнерусского общества, а также значительная часть православного духовенства. Русский народ, сильно разреженный кривой монгольской саблей, оказался, по сути, обезглавлен. Это отбросило его назад в развитии на целую историческую эпоху.

Что касается русского православия, то оно также сильно пострадало. Монголы надолго отрезали Русь от православной Византии, хотя и ослабленной, но еще живой, оборвали внутренние церковные иерархические связи. Официальной резиденцией митрополитов оставался Киев, но жить там было трудно. Монголы боялись возрождения древней столицы Руси и делали все возможное, чтобы этого не случилось. В первые десятилетия монгольского владычества высшие иерархи Русской православной церкви спасались от террора завоевателей в постоянных пастырских разъездах по русским землям, а в конце XIII века и вовсе переселились во Владимир-на-Клязьме под защиту княжеской власти.

Монгольское завоевание Руси, последующее ее расчленение между Золотой Ордой, Великим княжеством Литовским и Польшей нарушило естественное течение истории восточнославянских земель. Они оказались на положении колоний. Понадобилось много времени и усилий, чтобы освободиться от чужеземной зависимости. Раньше всего это удалось Северо-Восточной Руси, где уже с XIV века формировалось централизованное государство. В XVII веке освободилась от зависимости и Южная Русь — Украина. Длительная борьба за независимость, вылившаяся в Освободительную войну 1648–1654 годов под руководством гетмана Богдана Хмельницкого, завершилась победой украинского народа. После длительного перерыва народ вновь обрел государственность и защитил свою православную веру.

И тем не менее в новый этап своей истории Украина вступила, заметно изменившись духовно. Теперь в ней наряду с исконным православием, которому покровительствовало казачество, появился и католицизм, пришедший сюда вместе с польской шляхтой. Религиозная ситуация на Украине усложнилась после Брестской унии 1596 года, породившей еще одну христианскую церковь.

Риму на исходе XVI века наконец удалось реализовать свои унийные домогательства, имевшие место еще в середине XIII века. Тогда Папский Престол пожаловал Даниила Галицкого королевской короной, однако склонить к унии

с Римской церковью так и не смог. Даниил никак не отреагировал на предложения Рима, а затем, не получив поддержки в борьбе с монголами, вовсе прекратил с ним какие бы то ни было отношения.

Формально в Бресте 1596 года было провозглашено объединение православной и католической церквей, в действительности же произошел еще один церковный раскол, теперь уже в русском (украинском) православии. Новообразованную церковь хитро назвали грекокатолической, но фактически она была просто католической, поскольку и канонически, и иерархически входила в структуру Папского Престола.

Трудно сказать, руководствовались ли правилом «как лучше» православные иерархи (Потий, Терлецкий и другие), которые согласились на унию, но очевидно, что и в то время, и в исторической перспективе их деяния объективно нанесли Украине много вреда. Брестская уния разделила не только православную церковь, но и украинский народ. Униаты, пользуясь покровительством Рима и Варшавы, изначально заняли агрессивную позицию по отношению к православным. Последние подвергались преследованиям и потеряли в это время даже собственную митрополию. Возродить ее удалось только в 20-е годы XVII века при помощи иерусалимского патриарха Феофана и активной поддержке гетмана П. Сагайдачного. Вековое соперничество православия и католичества, приобретавшее иногда весьма уродливые формы, изнуряло духовные силы украинского народа и не позволяло ему консолидироваться.

Когда этноидеологи новой Украины пытаются выставить православию исторический счет, им следует вспомнить не только нашу давнюю драматическую историю, но и новейшую, связанную с социалистическим экспериментом в Советском Союзе. За годы советской власти православная церковь понесла тяжелый урон. Безжалостно уничтожался ее клир. Разрушались церкви и храмы, в пламени атеистических костров сгорали иконы, богослужебные книги, церковная утварь переплавлялась в слитки или распродавалась за рубеж. Коммунистическое государство стремилось прервать вековые право-

славные традиции, отстранить церковь от участия в созидании духовно здорового общества. Это было трагическое заблуждение, поскольку таким образом разрушалась одна из опор государства, может быть, самая важная.

Все сказанное убедительно свидетельствует о том, что православие менее всего ответственно за все, что происходило с его верными подданными в далеком и недалеком прошлом. Оно само подвергалось испытаниям, и в этом отношении на всех этапах истории разделяло с народами и странами драматическую судьбу.

В беседе с журналистом одной уважаемой на Западе украинской газеты я услышал следующее: *«Но не станете же Вы отрицать, что все преуспевающие цивилизованные страны Запада находятся в лоне Римско-католической церкви?»* Разумеется, не стану, так же как не буду отрицать созидательную функцию церкви. Но только не считаю это обстоятельство решающим на пути достижения западными странами лидирующего положения в мире.

Когда проводится эта, как полагают ее авторы, достойная наследования параллель, она, как правило, подкрепляется примерами таких стран Запада, как США, Германия, Великобритания, Франция и другие. При этом упускается из виду, что католический мир не ограничивается ими — он значительно шире. К нему также принадлежат страны Латинской Америки, Черного континента, которые далеки от процветания. В то же время ряд развитых стран может быть продолжен Японией, Южной Кореей, Сингапуром, Тайванем, странами Арабского Востока. В последнее время впечатляющие успехи демонстрирует Китай. Как известно, католицизм не является традиционной религией в этих странах, а следовательно, не ему они обязаны своим прогрессом.

В каждом случае среди условий, содействовавших опережающему развитию тех или иных стран, религиозный фактор играл далеко не определяющую роль. Говоря о странах так называемого цивилизованного Запада, который неодолимо притягивает к себе наших национал-патриотов, не следует забывать, что они достигли столь впечатляющих успехов не только

благодаря собственным ресурсам и усилиям. Начиная с эпохи Великих географических открытий почти все они стали крупнейшими колониальными империями со всеми вытекающими последствиями. В их закрома потекли несметные богатства (природные и созданные народами покоренных регионов) Америки, Африки, Индостана, Восточной Европы. В метрополиях они овеществлялись в величественных храмах, великолепных дворцовых комплексах, произведениях искусства, промышленных предприятиях, научных открытиях. Используя современные термины, можно сказать, что в промышленный прогресс и культурное развитие стран Западной Европы в течение многих столетий инвестировал весь остальной мир.

В определенной мере эти тенденции сохранились и в наше время. Они не такие несправедливые, как раньше, однако процесс перетекания мировых ресурсов в страны «золотого миллиарда» продолжается. Только теперь он осуществляется под лозунгом глобализации и занимаются этим не империи-государства, а империи-компании.

В заключение несколько слов о моральной стороне поднятой здесь проблемы. Допустим, вопреки вышесказанному западный мир действительно обязан своим процветанием несравненным структурообразующим возможностям католической церкви. Означает ли это, что нам следует оставить веру предков и немедленно присоединиться к той, которая обеспечит более быстрое вхождение в круг цивилизованных стран? На мой взгляд, здесь нет проблемы выбора. Для подавляющего большинства украинцев это неприемлемо. «Перезвать» их, как говорили древние летописцы, от православия к католицизму (или протестантизму) не удастся. Однако попытки изменить эту более чем тысячелетнюю традицию, как показывает собственный опыт, оборачиваются для украинского народа драматическими потрясениями, духовным и этнокультурным разломами.

То, что происходит сегодня в религиозной жизни Украины, совершенно не отвечает интересам украинского общества. Будем честны перед собой и признаем, что церковные манипуляции в прошлом и настоящем фактически привели к об-

разованию двух украинских народов: западноукраинского, исповедующего католицизм (грекокатолицизм), и восточноукраинского, придерживающегося православия. У них разные традиции, культурно-исторические ценности, различное представление о будущем Украины. Один видит ее исключительно в западноевропейском содружестве, другой не мыслит ее существования в отрыве от России и Беларуси.

К сожалению, этот разлом не только не преодолевается в условиях суверенного государственного развития Украины, но еще более увеличивается. Помогают в этом как внутренние, так и внешние доброхоты: одни — не ведая, что творят, другие — ведая. Есть свои заслуги на этом поприще и у В. Ющенко, который в течение всего президентского срока пытался «оторвать» Украинскую православную церковь от Русской.

2. УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ — ЦЕРКОВЬ СОСЕДНЕЙ ДЕРЖАВЫ?

Со времени обретения Украиной государственной суверенности не утихают дискуссии о статусе Украинской православной церкви, традиционно состоящей в каноническом единстве с Московским патриархатом. Каких только эпитетов не удостоивалась она от национал-патриотов: «церковь соседней державы», «московская церковь» и даже «чужая церковь». Постоянное шельмование своих же людей сопровождается призывами к властям определиться с «чужой церковью» и наконец создать на Украине единую православную церковь. Некоторое время ее называли «национальной», потом, осознав нелепость такого определения, заговорили о единой поместной православной церкви.

Ситуация действительно не вполне нормальная. Мы имеем три православные церкви: одну — каноническую и две — отколовшиеся от нее, не признанные вселенским православным сообществом. Конечно, было бы лучше, если бы на Украине существовала единая поместная православная церковь. Ведь церковный раскол — это и раскол в обществе. Но как этого достичь?

Призывы к государственному вмешательству в этот деликатный вопрос не только контрпродуктивны, но и вредны. Люди, обеспокоенные нынешним положением в украинском православии, должны бы знать, что вмешательство никогда не способствовало единству, наоборот, оно порождало новые расколы. В 1596 году это привело к тому, что единый восточнославянский православный мир разделился на православных и грекокатоликов, в 1991-м — к образованию двух православных церквей: Украинской православной Московского патриархата и Украинской православной Киевского патриархата. Аналогичное вмешательство властей Украинской народной республики в 1919 году спровоцировало появление Украинской автокефальной церкви.

Удивительно, что с требованиями к властям покончить с существованием на Украине «церкви соседней державы» выступают люди, которые считают себя демократами и даже отцами новой Конституции Украины. А в ней, в статье 35, четко прописано не только право на свободу совести и вероисповедания, но и «отделенность церкви от государства». В таком случае для кого принималась Конституция? И чем может быть оправдана нетерпимость к своим соотечественникам? Социологи квалифицируют это явление как социальную патологию, которая всегда проявляется в поисках чужих и обвинении их во всех смертных грехах.

Чем же неугодна Украинская православная церковь, возглавляемая Блаженнейшим митрополитом Киевским и всея Украины Владимиром, национал-патриотам? Отсутствием лояльности к государству? Неприятием национального выбора Украины? Отстаиванием интересов соседнего государства?

Слава богу, таких обвинений пока не слышно. Как свидетельствуют многочисленные заявления радетелей единства украинского православия, главной претензией к Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП) является ее каноническое единство с Русской православной церковью (РПЦ). Только поэтому она для них — церковь соседнего государства. Но это определение не только неправильное, но и оскорбительное для миллионов украинских граждан, на-

ходящихся в лоне УПЦ. Ее высшие иерархи — украинцы, проповеди ведутся на безукоризненном украинском языке, они призывают к миру и согласию в нашем общем доме. А ее прихожане — граждане Украины.

Стоит ли доказывать, что аргумент пагубности для Украины канонического единства УПЦ и РПЦ надуман. Единство, выражающееся в поминании на первом месте патриарха Московского, ни в чем не ограничивает суверенитет УПЦ, тем более всей Украины. Многие, вероятно, забыли, что согласно решениям Архиерейского собора РПЦ от 30–31 января 1990 года Украинская православная церковь перестала быть экзархатом Московской патриархии и получила независимость в управлении. Произошло это еще тогда, когда возглавлял УПЦ митрополит Филарет.

Не будучи церковным человеком, не могу поручиться, что этой самостоятельности достаточно. Но определенно знаю, что силовое ускорение этого процесса в принципе неприемлемо. К традициям и канонам в церковных делах невозможно подходить с мерками светских людей, которые разрешают себе несколько раз за жизнь кардинально менять свои убеждения и на каждом этапе утверждать, что они истинные. Церковные деятели так поступать не могут. Не должны.

Когда в 1991 году часть высших иерархов Украинской православной церкви провозгласила полную независимость от РПЦ, это вызвало неприятие большинства верующих. Оказалось, что это была драматическая ошибка, которая принесла украинскому православию много моральных потерь. Были поставлены под сомнение духовные основы церкви, а ее отдельные ответвления стали заботиться прежде всего о делах мирских, чем Божьих. Конечно, все это произошло не без вмешательства в церковные дела высоких государственных чиновников, мало сведущих в силе духовных традиций и вообще далеких от веры, несмотря на то что они стали усердно осенять себя крестом и отстаивать многочасовые церковные службы со свечками в руках.

Надо быть честными и называть вещи своими именами. Претензии к УПЦ Московского патриархата определенных

кругов украинской интеллигенции и политиков обусловлены не просто ее каноническим единством с другой церковью, а именно с Русской православной. Нет ни малейшего сомнения в том, что ее каноническое (да и административное) соединение с любой другой церковью, например с Константинопольским патриархатом или римским Папским Престолом, не вызвали бы протеста.

Не высказываются же претензии к Украинской грекокатолической церкви в том, что она не наша. А ведь она не только канонически, но и административно подчинена Римской католической церкви, управляется иерархами, поставленными римским Престолом. Еще более это справедливо по отношению к Украинской католической церкви, которая также является составной частью Римской, а большинство ее руководителей имеют иноземное происхождение.

В аналогичном положении пребывают на Украине и другие христианские и нехристианские конфессии и их представители — протестанты, мусульмане, иудеи. По логике защитников идеи «независимой Украине — независимая церковь», власть должна определиться относительно всех «не наших» церквей, а не только УПЦ МП.

Да и вообще, почему бы не объединить всех украинских христиан в единую национальную церковь? В свое время такую идею обсуждали митрополиты Андрей Шептицкий и Иван Огиенко. При некоторой схожести мнений церковные иерархи разошлись в главном — в содержании национальной церкви и ее форме.

Шептицкий полагал, что национальной церковью для украинцев должна быть «вселенская вера Христова». А поскольку Христос двух церквей не основывал, настоящей церковью является католическая во главе с Папой Римским, и служить интересам украинского народа она должна исключительно христианскими методами.

Огиенко отдавал предпочтение православию и именно его считал национальной церковью украинцев, при этом неограниченно расширяя пределы ее церковной компетенции, в частности, участие в формировании сознательной украинской на-

ции, воспитание верующих в духе преданности своему народу, любви к своим обычаям, церкви, языку. Как казалось Огиенко, именно Православная национальная церковь «воспитала наиболее чистый национальный тип украинца». Конечно, такой подход порождал множество вопросов и сомнений. Что такое наиболее чистый национальный тип? Какой же тогда тип украинца воспитала грекокатолическая церковь?

В конечном счете церковные иерархи сошлись в том, что на Украине действуют две национальные церкви, хотя такое положение они не считали нормальным. Эта ситуация, по А. Шептицкому, свидетельствует о нездоровье народа, с которым необходимо справиться. Преодолеть его, однако, не удалось ни тогда, ни в последующие времена. Наоборот, это нездоровье ухудшилось, и сегодня мы имеем на Украине по меньшей мере пять христианских церквей, оспаривающих право на выражение общеукраинских интересов.

В чем же кроется причина прогрессирующей церковно-христианской раздробленности на Украине? Как мне кажется, в отходе от понимания христианства как вселенского и космополитического явления, а также в неоправданном придании ему национальных черт. Именно этот фактор стал причиной главного раскола христианства в 1054 году на две самостоятельные церкви. Восточная (византийская) в основу положила национально-культурные традиции эллинизма, западная (римская) — римское культурное наследие. Свою отрицательную роль в этом расколе сыграли политические интриги и экономические интересы. Непримиримая вражда двух близких христианских церквей привела к тому, что в 1204 году одна из них (византийская) была разгромлена другой (римской).

Аналогичным образом произошел раскол христианства на Украине. При вмешательстве Папского Престола и королевской власти Польши жители западных земель, согласно Брестскому церковному собору (Унии) 1596 году, перешли под омофор Папы Римского. Бо́льшая часть украинцев осталась предана вере отцов, а следовательно, и Константинопольскому патриархату. Акция, преследовавшая, казалось бы, цель

единения украинских христиан на римской правоверной основе, обернулась расколом.

Нет сомнений в том, что объективно Брестская уния сыграла негативную роль в истории Украины. Она разделила единый народ на два, которые с этого времени оказались в двух хотя и родственных, но все же различных цивилизационных системах. Последствия этого разделения Украина ощущает до сих пор.

В. Липинский отмечал, что в светской борьбе за Украину нам поможет не та *«религия и церковь, которая будет наиболее „национальная“ и наиболее „украинская“, не та, которая вберет в себя наибольше элементов земного, светского, политического, но та, которая лучше научит своих верных исполнять вечные и общечеловеческие законы творческой общественной морали»*.

Конечно, объединение христианских церквей (даже только православных) в общую украинскую церковь — сложная задача, а на национально-государственных принципах — просто невозможная. В свое время А. Шептицкий предостерегал от превращения церкви в государственное и казенное учреждение, как это было в России. Казалось бы, надежным гарантом против огосударствления церкви выступает Конституция, в частности в статье 35 записано: *«Ни одна религия не может быть признана государством как обязательная»*. Однако в реальной жизни церкви соревнуются за приближение к власти.

На юбилейной конференции, посвященной 400-летию митрополита Киевского Петра Могилы, предстоятель Украинской православной церкви Киевского патриархата патриарх Филарет провозгласил тезис, согласно которому *«церковь не может существовать без государства, а государство — без церкви»*. Утверждение по меньшей мере спорное. Жесткой связи этих институций — Божьего и земного — не должно быть. История знает примеры, когда они в течение длительного времени обходились одна без другой.

Сказанное не означает отрицания какой-либо связи церкви и государства. Она существует и должна быть, но не организационно-административная, а духовно-нравственная. Государ-

ство обязано гарантировать церкви условия свободного развития, а церковь должна содействовать государству силой духа, моральности, благословения его добрых деяний на благо народа. Разумеется, для этого необходим высокий нравственный авторитет церкви. Чего, к сожалению, нет в настоящее время на Украине. Церковь расколота, и нет силы, которая смогла бы преодолеть кризис в украинском православии. Призывы к государству навести в этой сфере порядок, что имело место при В. Ющенко, по меньшей мере некорректны. Не кесарево это дело — наводить порядок в Божьем доме.

Мало чем может помочь и так называемая сознательная украинская интеллигенция, создающая некие клубы, озадаченные объединением христианских церквей. Как показывает исторический опыт, помощь представителей светской интеллигенции церкви, как правило, приносила больше вреда, чем пользы. На этом основании В. Липинский категорически возражал против взаимного вмешательства светских и церковных людей в их дела. *«Когда бы мы стали требовать от священников, чтобы они делали наши мирские дела, чтобы они рясы перепоясали мечами и за плуги и фабрики взялись, а мы, люди светские, будем со своими священниками ругаться, какая религия лучше и какая нам быстрее Украину построит, то при такой организации нашей борьбы за нацию и государство мы ни государства не построим, ни нацией не станем, а только деморализуем и скомпрометируем церковь»*.

Что, собственно, мы успешно и делаем.

3. ОТ МОСКВЫ К КОНСТАНТИНОПОЛЮ

Прошение Президента Украины В. Ющенко к Константинопольскому патриарху Варфоломею I учредить на Украине единую поместную православную церковь, независимую от Московского патриархата, начиналось словами: «Ваша Всесвятость, благословите!» На получение такого благословения были брошены все интеллектуальные усилия «оранжевой» власти. Патриарху Варфоломею на Украине были оказаны

почести, которых не удостоивался ни один зарубежный руководитель страны. В Бориспольском аэропорту его встречал, а затем и постоянно сопровождал по Киеву сам Виктор Андреевич. Город украсили сотни билбордов с портретами высокого стамбульского гостя. На торжественном праздновании 1020-летия крещения Киевской Руси, которое происходило на Софийской площади, президент заявил, что патриарх Варфоломей приехал к себе домой.

При виде этой коленопреклоненной суеты президента и его окружения невольно возникало ощущение нашей национальной неполноценности. Да, православие пришло к нам из Константинополя, но отмечали-то мы юбилей нашего крещения. Следовательно, в первую очередь это наш праздник, а не личный патриарха Варфоломея. В этом случае на билбордах были бы более уместны портреты предстоятелей православных церквей России, Украины и Беларуси, они бы воспринимались верующими Украины более естественно, чем двусмысленные парные изображения Варфоломея и президента (то ли оба гости Украины, то ли оба ее хозяева?).

Особенно органично смотрелись бы билборды с портретами патриарха Московского Алексия II, являющегося главой Русской православной церкви, на чьей канонической территории и совершались праздничные действа. Вот он-то действительно приехал бы к себе домой. Но, видимо, у властей предержащих на этот счет было другое мнение, как и у их некоторых не слишком интеллигентных сторонников, которых телекамеры зафиксировали за постыдным занятием срывания единичных портретов патриарха Алексия.

Я не вполне убежден, что на праздничном подиуме, напоминавшем главный алтарь Софийского собора, рядом с патриархом Варфоломеем обязательно должен был находится президент. А вот в чем уверен абсолютно — там должен был стоять предстоятель Украинской православной церкви Московского патриархата митрополит Киевский и всея Украины Владимир. В отсутствие патриарха Алексия II именно он являлся духовным хозяином юбилейных торжеств. Видимо, было бы уместным и его приветственное слово к участникам празд-

неств, в том числе к зарубежным церковным иерархам. Между тем он сам оказался гостем на своем празднике — слова ему не дали. И это притом что именно Блаженнейший Владимир был инициатором этого юбилея.

Обращаясь к патриарху Варфоломею за благословением, президент неоднократно подчеркивал, что тем самым будет восстановлена историческая справедливость. Ведь изначально Киевская митрополия находилась под юрисдикцией Константинопольской патриархии. О неправедности отрыва Украинской православной церкви от Константинополя говорил и патриарх Варфоломей, чем укреплял надежду Виктора Андреевича на то, что он услышит просимое благословение...

Здесь уместно совершить небольшой экскурс в историю и посмотреть, насколько обоснованны сетования В. Ющенко и патриарха Варфоломея на несправедливость изменений в иерархии православного мира и по чьей вине они случились.

Первая трещина в отношениях между Константинопольским патриархатом и Московской митрополией появилась после того, как патриарх Митрофан и император Иоанн Палеолог подписали Флорентийскую унию с римским Престолом, а на Московскую митрополию был поставлен униат Исидор. Православная Русь не могла с этим смириться. В Москве справедливо расценили это как предательство православной веры и ее канонических правил. На полный разрыв с Константинополем Москва тогда не решилась, но оспорила у патриархата право на поставление в Россию митрополитов. 15 декабря 1448 года был созван Собор русских епископов, который поставил на митрополичью кафедру рязанского епископа Иону.

Надо сказать, что это был не первый случай избрания русских митрополитов Собором русских епископов. Во времена Киевской Руси таких поставлений было три: при Ярославе Мудром — митрополит Иларион, при Изяславе Мстиславиче — митрополит Клим и при Даниле Галицком — митрополит Кирилл. Тогда тоже не произошло канонического разрыва

Русской православной церкви с Константинопольской. К тому же после каждого из этих самовольных поставлений патриархия восстанавливала свое древнее право присылать на Русь митрополитов-греков.

В 1453 году православная Византийская империя прекратила свое существование — ее уничтожили турки. Патриарх превратился в пленника в своей бывшей стране. Город, давший наименование его титулу, стал называться иначе — Стамбулом. По сути, патриарх стал рабом мусульманина-султана, который завладел правом инвеституры и передачи патриарху инсигний его сана. Большинство православных храмов, в том числе знаменитый Софийский собор, более 900 лет являвшийся патриаршей кафедрой и главным храмом всего православного мира, было превращено в мечети. Фактически не стало и православных мирян, которые были истреблены завоевателями.

В Москве небезосновательно сложилось убеждение, что православная вера греков подверглась еще бо́льшим испытаниям, чем после подписания Флорентийской унии. Русским казалось, что в чистом виде она сохранилась только у них и с падением Константинополя столицей православия теперь должна стать Москва. Разумеется, ни о каком поставлении московских митрополитов в Стамбуле не могло быть и речи, так как в этом случае они получали бы свои полномочия из рук раба неверного султана.

С этого времени начался длительный период борьбы Москвы за учреждение собственного патриархата, растянувшийся более чем на столетие. Церковь — настолько традиционная и консервативная структура, что перемены в ней происходят чрезвычайно медленно, причем обязательно на законных канонических основаниях. При этом достичь независимости невозможно без согласия матери-церкви. Это только церковным неофитам кажется, что для этого достаточно монаршей воли или благословения другой церкви.

Если В. Ющенко был всерьез озабочен созданием украинской поместной церкви, независимой от Московского патриархата, то ему следовало обхаживать не патриарха Варфоломея,

а патриарха Алексия, как это делал русский царь Федор Иоаннович. Из Москвы в Константинополь было подано прошение на патриаршество. После этого в Москву пригласили патриарха Иеремию, которого окружили таким вниманием, какого не оказывали ни одному православному патриарху. Разумеется, были богатые застолья и щедрые царские дары. Затем последовало заманчивое предложение: чтобы Иеремия, оставаясь Вселенским патриархом, одновременно стал бы и Московским. В конце концов после длительных переговоров, в том числе в царских палатах, Иеремия отказался от такого предложения, но дал свое согласие на учреждение Московской патриархии.

26 января 1589 года в Успенском соборе Кремля состоялся церковный акт поставления патриарха Московского. Из трех кандидатов (митрополит Иов, архиепископ Новгородский Александр и архиепископ Ростовский Варлаам) царь выбрал Иова. После этого его благословил патриарх Иеремия, произнесший: *«Благодать Пресвятого Духа нашим смирением имеет тя патриархом Богоспасаемого и царствующего града Москвы и всея великой России»*. Над Иовом была совершена полная архиерейская хиротония с возложением рук всех епископов. Патриарх Иеремия возложил на него воротную золотую икону.

Торжественный акт поставления патриарх Иеремия затем подтвердил Уложенной грамотой, или Хрисовулом, которая была скреплена подписями Иеремии и Иова и их печатями, а также подписями всех митрополитов и епископов, присутствовавших на освящении.

Как видим, все канонические формальности при поставлении Московского патриарха были соблюдены. Можно, разумеется, утверждать, что патриарха Иеремию вынудили к этому. И это будет правдой. В одном из письменных свидетельств того времени говорится, что Иеремия «нехотя» рукоположил патриарха для России. Но ведь рукоположил и не отказался впоследствии от этого освящения. Более того, в 1590 году на Константинопольском православном соборе поставление Иова Московским патриархом получило подтверждение. Об этом

свидетельствовала грамота, подписанная Константинопольским патриархом Иеремией, Антиохийским — Иоакимом, Иерусалимским — Сафронием, а также 42 митрополитами, 19 архиепископами и 20 епископами.

На грамоте не было только подписи патриарха Александрийского Мелетия, в связи с чем Константинопольский собор 1590 года не всеми признавался полным. Однако на аналогичном соборе, состоявшемся в 1593 году, Мелетий Александрийский не только согласился с учреждением Московской патриархии, но и обосновал это в 28-м правиле Халкидонского собора. За патриархом Московским Иовом признавалось пятое место среди патриарших кафедр, а российский царь номинально приравнивался к византийскому василевсу.

Так завершился длительный путь создания Московской патриархии, юрисдикция которой, однако, не распространялась на все восточнославянские земли. Вне ее влияния оставалась Киевская митрополия, власть над которой сохранял Константинопольский патриархат. Это продолжалось еще почти целое столетие. Положение изменилось только в 1686 году, когда, согласно «Вечному миру» с Польшей, Левобережная Украина с Киевом отошла к России. Разумеется, это не могло не отразиться и в церковных делах.

Так как бо́льшая часть канонической территории Киевской митрополии оказалась в составе Русского государства, возник вопрос о ее новой церковной юрисдикции. Точнее, относительно новой, поскольку после переселения митрополитов киевских в город Владимир в конце XIII века именно отсюда осуществлялось управление всей Русской православной церковью в течение длительного времени.

Вряд ли стоит доказывать, что в составе единоверной России Украинская православная церковь получила большие возможности для развития. Церковные иерархи начали перетекать из польской части Украины в русскую. Среди них был и епископ Волынский Гедеон Четвертинский, ставший вскоре главой Украинской православной церкви. В 1686 году Московская патриархия «высвятила» его на митрополита Киевского, что нашло понимание и в Константинопольском патриархате.

В 1687 году патриарх Дионисий с согласия других патриархов прислал грамоту, утверждавшую новый порядок, который сохраняется и до наших дней.

Такова правда истории. С ней можно не соглашаться, не принимать ее, считать, что она нас ни к чему не обязывает, но желательно все-таки знать ее. Как и то, что патриарх Константинопольский считается первым православным иерархом только по чести. По значению же таковым уже давно является патриарх Московский как глава самой большой православной общины в мире. После объединения русских церквей (отечественной и зарубежной) он де-факто обрел вселенский статус. Эти знания, возможно, уберегли бы светских властителей от публичной демонстрации ужасающего дилетантизма. И они не пытались бы в одночасье решить то, на что в прошлом порой не хватало и целого столетия, и, разумеется, не испытывали бы неприятных разочарований.

«Их Всесвятость», как известно, не благословил В. Ющенко в его мечтах. И не потому, что не сочувствовал им. Просто, в отличие от президента, он знал о канонической нелегитимности такого благословения и его негативных последствиях для всего православия — как вселенского, так и украинского, которое могло испытать еще один раскол. Поэтому патриарх в своем выступлении на Софийской площади настойчиво объяснял, чем являются для православной церкви каноны, духовная идентичность, историческая память и традиции. На вечернем приеме, состоявшемся на Софийском подворье, патриарх Варфоломей, выступавший в неестественной для себя роли одного из хозяев (вместе с президентом), выразил надежду, что будущий юбилей крещения Украинская православная церковь отметит единой.

Пожелание вполне корректное, и путь к его достижению несложен. Для этого достаточно двум отколовшимся от матери-церкви ветвям вернуться в ее лоно. И не нужно придумывать новую церковную организацию. В. Ющенко называл ее и поместной, и национальной одновременно, смешав грешное с праведным. Христианство (и православие в том числе) не знает национальных церквей — только поместные. Но ведь

на Украине именно такая церковь и существует. Речь может идти об ее автокефальном статусе. Определенно это было бы благом для Украины, но достичь его в условиях церковного раскола, а также нигилистического отношения к каноническому праву и церковным традициям со стороны властей очень трудно.

Дело, начатое В. Ющенко, нашло своего сторонника в лице президента П. Порошенко, который придал ему статус государственного приоритета, важного для Украины так же, как безвизовый режим со странами Евросоюза. Он лично обратился с прошением автокефалии украинской церкви к Константинопольскому патриарху Варфоломею и получил одобрение своих действий от Верховной рады. Поддержку ему поспешили выразить также три экс-президента Украины: Л. Кравчук, Л. Кучма и В. Ющенко. От этой светско-церковной суеты создается такое впечатление, что все проблемы в украинской действительности уже успешно решены и для полного народного счастья не хватает только церковной автокефалии.

В этой просительной суете возник один пикантный вопрос: для какой Украинской православной церкви П. Порошенко просит автокефалию? У нас их три, причем одна из них уже называется автокефальной. Если для всех трех, тогда необходимо, чтобы они выразили на этот счет свое соборное согласие. Если для единой поместной, то в этом случае, прежде чем ставить Константинопольского патриарха в неудобное положение, необходимо достичь единства собственными усилиями и вести переговоры от священноначалия единой православной церкви Украины.

Но, пожалуй, самым существенным здесь является адресат обращения за автокефалией. Если придерживаться буквы и духа канонического церковного права, то прошение надо подавать не в Константинопольскую патриархию, с которой Украинская православная церковь не имеет административно-управленческой связи, а в Московскую, в которой Киевская митрополия находится с 1686 года.

Как показывает опыт прошлого, такие церковные проблемы требуют длительного обсуждения, иногда столетнего. В оправ-

дание нынешних украинских властей следует сказать, что вмешательство «кесарей» в это Божье дело имело место всегда, но практически никогда не содействовало церковному единству — всегда порождало новые расколы.

К сожалению, нынешние украинские власти, и прежде всего президент П. Порошенко, не желают учитывать уроков истории. С последовательностью, достойной лучшего приложения, они продолжают вносить раздор в украинское общество. Особенно наглядно это проявилось в дни празднования православными верующими 1030-летия Крещения Руси. Все три православные церкви Украины отметили его раздельно и в разное время. Наиболее масштабные торжества состоялись у канонической Украинской православной церкви, находящейся в молитвенном единстве с Московским патриархатом и возглавляемой Блаженнейшим митрополитом Онуфрием. Крестный ход от памятника святому равноапостольному князю Владимиру до Киево-Печерской лавры — святыни восточнославянского православия — собрал 250 тысяч верующих со всей Украины. Могло быть и больше, если бы местные власти не чинили препятствий верующим УПЦ МП в их намерении посетить Киев. Киевский патриархат собрал на порядок меньшую молитвенную аудиторию.

Как должен был повести себя в этих специфических для Украины условиях президент П. Порошенко? Более разумно было бы направить всем православным общее поздравление с Днем Крещения и не осложнять празднование своим «державным» присутствием. Если он не мог пересилить желание явить себя православному люду, то можно было поучаствовать в праздничных действах всех трех церквей. Так поступал второй президент Украины Л. Кучма. Единственное, чего П. Порошенко не должен был делать, — принимать участие в праздничных мероприятиях только одной церкви. Прежде всего чтобы показать себя общенациональным лидером, ответственным за единство страны и народа, а не регионально-групповым. Но он поступил именно так вопреки здравому смыслу. Осчастливил своим присутствием только Киевский патриархат. Судя по телевизионной картинке, запечатлевшей

его в одном строю с патриархом Филаретом, Порошенко был весьма доволен собой, по-видимому, нисколько не задумываясь о том, что тем самым он выглядел президентом только этой части украинцев. В недалеком прошлом такой поступок назвали бы политическим недомыслием, но в данном случае так не скажешь. Конечно, это сознательная позиция П. Порошенко и, можно даже сказать, сознательно-вызывающая ее публичная манифестация. Как гражданин, наверное, он имел на это право, как президент — определенно нет. Интуитивно это понимают большинство украинских граждан, определяя уровень своего доверия к нему десятью процентами. И возникает закономерный вопрос: а по Сеньке ли шапка?

4. ЧЕМ НЕ УГОДИЛ УКРАИНСКИМ НАЦИОНАЛИСТАМ ПАТРИАРХ КИРИЛЛ?

Яркая речь Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Ассамблее «русского мира» вызвала резкую отповедь украинских националистов. Двое из них, Ю. Черноморец и С. Сидоренко, усмотрели в выступлении посягательство на независимость и самобытность украинской нации. Они наделили слова Святейшего о «русском мире» исключительно политическим смыслом, тогда как он говорил о делах духовных, Божеских. Подменив предмет дискуссии, они, по сути, принялись спорить не с патриархом, а с собственным вымыслом. Их заявления свелись к обвинениям в стиле «вы снова хотите сделать из нас колонию».

Но ничего подобного в патриаршем обращении не было. Вряд ли такие выпады являются гласом украинского народа. Это частное мнение отдельных людей, которые имеют на него суверенное право. Плохо не то, что они его высказывают, а то, что это право реализуется ими столь постыдным и недостойным образом — с полным искажением слов патриарха Кирилла.

О чем была речь Святейшего? Мною она воспринимается как духовное, философское осмысление содержания *восточнославянской православной цивилизации*. Она действитель-

но созидалась русскими, украинцами, белорусами, а в более ранние эпохи — единым древнерусским народом, населявшим земли Киевской Руси. Эта цивилизация является нашим общим достоянием.

Мне понятны заинтересованность и боль патриарха. Ведь речь идет не только о православном единстве — духовной традиции с едиными церковными праздниками, святынями и даже святыми, что, разумеется, чрезвычайно важно, но и о единстве культурном, которое сплотило три восточнославянских народа и ковалось на протяжении всей их истории вплоть до 1991 года.

Ни один из этих народов не был в состоянии в одиночку создать такое самобытное и яркое явление, как православная восточнославянская цивилизация. В ней все общее — это, если хотите, медицинский факт. И если мы отнесемся к истории ответственно, то должны признать, что общими являются как наши обретения, так и наши потери.

Русским, украинцам, белорусам нельзя отказываться от общего прошлого. Это неприемлемо с точки зрения здравого смысла и морали. Такой шаг будет предательством по отношению к нашим предкам, которые и подумать не могли, что мы когда-нибудь разделимся и будем отстаивать свои региональные ценности, причем в таком недостойном виде.

Здесь необходимо разобраться в причинах начавшейся в украинском обществе дискуссии. Я, много лет занимаясь проблемами этнического развития в эпоху Киевской Руси, пришел к выводу, что в основе историографического непонимания и предубежденности многих украинских исследователей зачастую лежит всего лишь терминология.

Была Древняя Русь, и есть нынешняя Россия. В отношении обоих понятий используется одно прилагательное «русский». Хотя определение «русский», отсылающее к слову «Русь», значит не то же самое, что определение «русский», отсылающее к России. Я давно предложил писать прилагательное, образованное от слова «Русь», с одним «с» — «руский» и соответственно «русский» в значении «российский» — с двумя «с». Такая дифференциация важна во избежание столь частых

ныне восклицаний: «А вы, русские, опять хотите все под себя подгрести, загнать нас в свою империю».

Представляется, что смешение этих понятий во многом явилось причиной того непонимания, о котором говорилось в ассамблейной речи Святейшего.

Украинские национал-патриоты перевели выражение «русский мир» как российский, подразумевая российскую государственность. Тогда как патриарх имел в виду тот мир, который исконно был на Руси. Тот православный мир, который созидался еще в нашем общем состоянии, когда не было ни украинцев, ни русских, ни белорусов, а был единый древнерусский народ — *мир русский*. Это понятие — не изобретение российской имперской идеологии, являющейся, согласно проекту закона о ее запрещении на Украине, формой национал-социализма: оно было сформулировано еще древнерусским общественным мнением. Наиболее четко — в послании Владимирского и Суздальского епископа Симона монаху Печерского монастыря Поликарпу. Говоря о епископах, вышедших из «Печерского монастыря Пречистой Богоматери», первым Симон назвал епископа Ростовского Леонтия, которого «Бог прославил нетлением; он был первый на Руси святитель, которого, после многих мучений, убили неверные. Это третий гражданин Русского мира»[1].

Вот почему патриарх говорил, что надо развивать и украинские, и белорусские, и русские культуру и язык, одновременно подчеркивая, что они суть составные части единого *русского* (но не *российского!*) мира.

Во избежание такой терминологической двусмысленности, когда реально существуют два «русских мира» (нынешний — российский и русский — в смысле цивилизационный), целесообразнее употреблять более нейтральный термин и, кажется, более точный — *восточнославянский православный мир*.

Конечно, восточнославянский мир — особая цивилизация (только полный невежда может не признавать этого), и,

[1] Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. / под ред. Д. С. Лихачева. СПб., 1997. Т. 4 : XII в.

безусловно, ей угрожает глобализация. Причем она угрожает не только православному миру, но и всем цивилизациям, не согласным с тем, что в качестве единого глобализаторского центра будут выступать цивилизации западнохристианского облика.

Патриарх Кирилл выразил обеспокоенность за судьбу нашей общей цивилизации. Я разделяю эту обеспокоенность, как, думаю, и многие украинцы.

Глава 3
УРОКИ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

1. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ИЛИ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА? (Бульба-Боровец против Бандеры)

После прихода к власти на Украине «оранжевой» команды во главе с В. Ющенко резко изменилось отношение к националистическому движению на Западной Украине в годы Великой Отечественной войны. Состоялась его фактическая реабилитация на уровне верховной власти, свидетельством чего стало присвоение одному из видных проводников ОУН-УПА, гауптштурмфюреру Роману Шухевичу звания Героя Украины. Этот беспрецедентный акт вызвал возмущение общественности на Украине и настоящий шок у наших ближайших соседей на Западе и Востоке.

Президент и его идеологические единомышленники мотивировали переоценку этого неоднозначного явления в нашей истории тем, что оно весьма тенденциозно освещено в советской исторической науке, поэтому, мол, настало время отказаться от его демонизированного образа. С этим можно было бы согласиться, если бы «героические» действия националистов были описаны только в исследованиях советского времени, которые в необъективности сегодня не обвиняет разве что ленивый. К счастью, они неплохо представлены и в националистических изданиях, которые выходили на Западе. Помещенные в них аутентичные документы, а также свидетельства участников этого движения содержательно не слишком

диссонируют с тем, что рассказывают о нем документы и свидетельства очевидцев с советской стороны. Оценки, естественно, диаметрально противоположные.

Как известно, ОУН-УПА не представляли собой монолитного и идеологически единого движения, включая три течения: бандеровцев, бульбовцев и мельниковцев, которые вели друг с другом непримиримую борьбу. Она, согласно утверждениям самих же участников, была не чем иным, как гражданской войной, в которую было втянуто и мирное население. Особенно враждебными были отношения между бульбовцами и бандеровцами. Последние даже издали приказ истреблять всех бульбовцев так же, как немцев, большевиков и поляков.

Поводом к этому послужило открытое письмо Т. Бульбы-Боровца к С. Бандере, опубликованное в центральном печатном органе Украинской народной революционной армии (под руководством Т. Бульбы) 10 августа 1943 года. В нем в довольно резкой форме высказан отказ подчиняться *«руководству партии, которая начинает строительство государства с вырезания национальных меньшинств и бессмысленного сожжения их селений»*. *«При ваших методах отстрела украинцев из Красной армии, бывших украинских коммунистов, комсомольцев, удушения лучших людей,* — утверждал Бульба, — *вы не мобилизуете армии»*. *«Ваши проводники, отвергая какие бы ни было переговоры и согласие, требуют абсолютного подчинения исключительно руководству Вашей ОУН. Они откровенно заявляют, что для достижения своей партийной диктатуры не поколеблются начать братоубийственную войну, даже если бы она стоила украинскому народу не сотни, а целые миллионы жертв»*.

Далее Бульба обвинил бандеровскую ОУН в том, что она организована на фашистских принципах беспрекословной диктатуры одной партии и сотрудничает с немцами: *«Мы не могли подчиняться правительству, которое провозгласило Украинское государство за плечами немецкой армии»*.

В ответ на это письмо руководитель бандеровской Службы безопасности Николай Лебедь (псевдоним Максим Рубан)

19 августа 1943 года издал приказ об активизации борьбы с бульбовцами. В нем был оглашен смертный приговор лично Т. Бульбе и его ближайшему окружению. В результате бульбовская УНРА была разгромлена бандеровцами, большинство бойцов истреблено. Т. Бульбе удалось спастись, а вот его жена Анна Боровець попала в руки головорезов Лебедя и была замучена до смерти.

Однако вернемся к обвинениям Т. Бульбой бандеровцев в террористической деятельности. Насколько они мотивированы и находят ли подтверждение в свидетельствах других участников так называемых освободительных движений на Западной Украине? Нынешние апологеты бандеровщины утверждают, что данные о зверствах националистов по отношению к мирному населению, а также их соратников по общему делу, которые содержатся в работах советских авторов, сплошь сфальсифицированы. В действительности ничего этого не было, поэтому не стоит повторять эти кагэбэшные агитки.

Можно и не повторять. Чтобы составить объективное представление о кровавом терроре лебедевской Службы безопасности (СБ), достаточно данных, которые содержатся в националистических изданиях (разных сборниках), а также в «Летописи УПА». Практически во всех воссоздается зловещий образ этой структуры. Они различаются только в том, на что она была похожа. По свидетельству одних, СБ напоминала советское ЧК, другие убеждены, что она была организована по немецкому образцу. Большинство командиров — бывшие курсанты немецкой полицейской школы в Закопане (Польша), обучавшиеся в ней в 1939–1940 годах. И были ими преимущественно галичане.

Как полагал один из ведущих деятелей ОУН-УПА Макс Скорупский, *«СБ и ее деятельность — это наиболее черная страница истории тех лет. Горше не могло быть, так как полиция сама была законом и судом»*. Целиком созвучно этому мнение А. Шуляка, который в работе «Во имя правды» ввел понятие «рубановщина» как явление террора в националистической среде. *«Эта система надзора и ликвидации жертв на ос-*

новании решений самого СБ — без какого-либо суда — была позорная и ужасная». Бандеровцы, по мнению названного автора, *«загнали оппозицию под землю, и в эту категорию попадали все, кто не был сторонником бандеровщины»*.

Под беспощадный нож бандеровской СБ попали действительно все. Свои поселяне, которых уничтожали только за то, что кто-то из них критически высказался о методах борьбы. Убивали целыми семьями, сжигали живьем в хатах. *«Достаточно было кому-то высказать свое мнение, которое не полностью согласовывалось с тезисами нашей пропаганды,* — вспоминал М. Скорупский, — *и ночью такой человек исчезал. Теперь с такими „судами“ даже не прячутся, людей вешают и убивают просто на их дворах»*.

Приводятся и примеры таких «судов». Так в с. Шепетовке без суда и следствия повесили Василия Федорука, его жену Татьяну, брата Михаила, убили Наталку, жену В., и его старую мать Христю. Больше всего, как замечает Скорупский, доставалось так называемым схиднякам, которых убивали просто так, на всякий случай. Во время рейдов на восток *«расстреливали вместе с семьей и жгли дома тех, кто отказывался идти в УПА»*.

Согласно Шуляку, *«ужаснейшая трагедия разыгралась с пленными Красной армии, тысячи которых жили и работали в селах Волыни... Бандеровцы придумали такой метод их истребления. Приходили ночью к дому, брали пленного, выводили во двор и заявляли, что они советские партизаны и хотели, чтобы он шел с ними. При несогласии грозили расстрелом. Тех, кто соглашался на это, здесь же и расстреливали»*.

По свидетельству М. Скорупского, *«СБ сначала расстреливала и всех советских партизан, но позже мы увидели, что это идиотизм, так как таким способом надо было выстрелять всех схидняков, которые были в советской „партизанке“ и в Красной армии, а с кем же тогда делать революцию против советов?»* Служба безопасности проводила массовые чистки и в самой УПА. Прежде всего это касалось мельниковцев и бульбовцев, но ликвидации также подлежали ненадежные

элементы в подразделениях, контролируемых ОУН Бандеры. Практически в каждом из них (даже в самом мелком) были назначены «политруки» от СБ, власть которых ничем не ограничивалась. В сущности, на все националистическое движение была распространена диктатура одной партии. Только на Дубенщине СБ убила более 30 активных членов ОУН.

В конце марта 1943 года руководитель СБ Лебедь издал приказ о радикальной зачистке украинской территории от польского населения. Формальным поводом послужило то, что поляки сотрудничали с немцами, а на самом деле бандеровцы реализовали один из пунктов львовского Акта провозглашения Украинского государства, по которому Украина объявлялась страной только для украинцев. После сожжения польского села Куты и уничтожения его жителей, как свидетельствует М. Скорупский, *«ежедневно, как только садилось солнце, небо купалось в зареве пожаров. Это пылали польские села»*.

Следовательно, это подтверждает справедливость обвинения Т. Бульбы-Боровца, считавшего недопустимым истребление польского гражданского населения и других национальных меньшинств, которое к тому же осуществлялось под маркой УПА, да еще якобы по приказу Бульбы.

К сожалению, искренние признания участников освободительных движений не сопровождаются объективной оценкой ужасного бандеровского террора. Только некоторые из них считали его следствием национал-фашистской идеологии ОУН. Большинство, в том числе уже упоминавшиеся М. Скорупский и А. Шуляк, едва ли не единственным источником зла, которое принесло много горя и ненависти, считали Николая Лебедя-Рубана. Это он и его партийная преступная клика — утверждали названные авторы, — как сумасшедшие, проливали братскую кровь, но *«во всех этих позорных преступлениях не виновны ни героические бойцы УПА, ни старшины УПА, ни рядовые исполнители СБ»*. Шуляк назвал Лебедя-Рубана «высочайшим держимордой УПА».

Но если был высочайший, то были и низшие. Конечно, не все в УПА ответственны за кровавый террор СБ, однако очевидно, что нет никаких оснований оправдывать людей, кото-

рые исполняли преступные приказы своего вождя и запятнали себя кровью сотен тысяч невиновных жертв. И может ли быть прощение за это?

Для наших современников, склонных к идеализации и даже героизации ОУН-УПА, приведу слова Ивана Ольхового, одного из воинов отдела УПА на Дубенщине. В разговоре с подпольщицей Олей Горошко он сказал: *«На боевой плоскости УПА вела хрустальную работу, если на нее смотреть свысока или издалека. Надо подойти вплотную, чтобы увидеть все другое, что издалека совсем не видно. В низах наших действий полным ходом разгуливали человеческие страсти, злоба, ненависть, зависть и желание убогого показать свою силу... Мы почти сознательно содействовали злу и разрешали позорить все то, что должно быть святым»*.

Несколько слов относительно обвинения Т. Бульбой бандеровцев в сотрудничестве с немцами. К сожалению, оно также находит свое подтверждение в реальных фактах, хотя грешны в этом были не только они, но и все националистическое движение Западной Украины. Позднее разные ветви ОУН-УПА обвиняли друг друга в сотрудничестве с гестапо и в том, что на Украину они прибыли в начале войны Германии с Советским Союзом в немецких обозах. В значительной степени это соответствует действительности, ведь с самого возникновения ОУН пользовалась поддержкой соответствующих разведывательных служб вермахта. Значительная часть старшинской верхушки будущей УПА в 1939–1940 годах прошла военную подготовку в немецких лагерях и даже получила соответствующие чины немецкой армии.

После оккупации Польши до нападения Германии на Советский Союз в Кракове действовал Украинский центральный комитет под руководством профессора В. Кубийовича, который работал с разрешения и под защитой немецкой администрации. В 1939–1940 годах украинская молодежь при его содействии привлекалась к службе в немецком подразделении «Веркшутце» в Кракове, где проходила военную и идеологическую подготовку. Часть этой молодежи была направлена на работу в Германию, где овладевала немецким языком. В целом

вся верхушка ОУН видела в немцах своих союзников в борьбе за независимую Украину и с радостью встретила весть о начале войны.

На первых порах немцы действительно, как утверждают сами националисты, сочувствовали их делу. Под их покровительством 30 июня 1941 года во Львове был подписан Акт провозглашения Украинского государства во главе с С. Бандерой и председателем краевого правления Я. Стецько. О том, какими были взаимоотношения членов ОУН с немцами, свидетельствуют слова приветствия в этом акте: *«героической немецкой армии и ее фюреру Адольфу Гитлеру»*. Вслед за этим аналогичные приветствия: *«творцу и вождю великой Германии Адольфу Гитлеру, славной германской непобедимой армии»* — послало Собрание украинцев западных земель Украины. Представитель С. Бандеры и все присутствующие «горячо и искренне» приветствовали офицеров немецкой армии и, в свою очередь, услышали приветствие их представителя, профессора Коха, который призывал к *«тесному сотрудничеству с немецкой армией под водительством великого вождя немецкого народа — Адольфа Гитлера»*.

Немцы вначале поддержали и «Полесскую сечь» Т. Бульбы, которая вполне легально развернула свою деятельность на Волыни без какого-либо сопротивления новых хозяев края. Более того, Бульба надеялся, что ему *«удастся удержать в украинских руках возможность общественной и военной деятельности под немецкой оккупацией»*. Следовательно, он надеялся на согласие и сотрудничество с немцами. Иллюзии исчезли, как только на Волыни было налажено гражданское немецкое правление, в котором не было места ни Бульбе, ни его Сечи. Пришлось переходить на подпольное положение, прятаться в лесах и отныне видеть в немцах не союзников, а врагов. И даже спорадически вести с ними борьбу, масштабы которой тем не менее были весьма скромными, чтобы они могли нанести серьезный вред оккупационной власти.

Другим было отношение к сопротивлению немцам со стороны ОУН А. Мельника. До 1943 года она принципиально не желала прибегать к так называемой «партизанке», мотивируя

это тем, что основное внимание должно быть сосредоточено не на сегодняшней борьбе с немцами, а на будущей — с москалями. Инструкции, которые приходили из Львова, сводились к тому, что «разворачивать „партизанку“ нецелесообразно», чтобы не оказывать содействия в разваливании Восточного фронта. *«Чем дольше длится война с Москвой, тем лучше, тем больше она* (Москва. — *П. Т.*) *исчерпывается»*. При этом ссылались на Запад, который придерживается аналогичной тактики и не спешит высаживать десант во Франции.

Так же относилась к ведению партизанской борьбы с немцами и ОУН Бандеры — она избегала ее до начала 1943 года. Более того, рассылала на места воззвания, в которых «партизанка» объявлялась преступлением против своего народа. Только в 1945 году группа Бандеры–Лебедя объявила себя основоположницей УПА и зачинательницей борьбы с немцами.

Позднее разные отделы ОУН-УПА соревновались за право быть первым в инициировании этой борьбы, но в действительности было не о чем спорить. И те и другие, в сущности, скорее имитировали борьбу. По воспоминаниям ее участников, к оружию они прибегали, когда нужно было освободить из тюрем своих товарищей, брошенных туда немецкой жандармерией, или пополнить запасы сахара, который хранился на складах, охраняемых немцами. Как правило, в этих акциях отряды УПА теряли по три-четыре воина, что свидетельствует о небольших масштабах операций. При этом стычки происходили не с военными частями и не ради того, чтобы пустить под откос эшелон с оружием для фронта, как это делали советские партизаны, а с немецкой жандармерией и польскими полицаями.

Эта борьба была как минимум странной, так как не препятствовала оуновцам поддерживать вполне мирные переговорные отношения с немцами и заключать с ними соглашения о сотрудничестве. Такие переговоры, в частности, состоялись между мельниковцами и немцами в г. Луцке в ноябре 1943 года. Стороны пришли к соглашению, что повстанцы «имеют право организовывать вооруженные силы для борьбы против советских партизан и других диверсионных банд,

которые уничтожают украинское население». С этой целью был сформирован «Украинский легион», который действительно боролся с советскими и польскими партизанами.

В конце 1943 — в начале 1944 года примеру мельниковцев последовали бандеровцы. В г. Кременце они провели переговоры с немецким командованием кампфгруппы Прютцманом, с которым заключили мирное соглашение. Согласно этому документу, руководство УПА обязалось не воевать с немцами, а те обещали то же самое со своей стороны. Кроме того, бандеровцы получили от немецкого командования пароль, по которому их должны были беспрепятственно пропускать в немецкий тыл.

Переговоры с немцами вел и Т. Бульба-Боровец. Они проходили в октябре-декабре 1942 года. Немецкую сторону представляли ровенский гебитскомиссар доктор Беер и командир полиции Волыни и Подолья подполковник СС доктор Пюц. К сожалению для Бульбы, его условия сотрудничества, в отличие от бандеровских и мельниковских, были вне компетенции названных должностных лиц, поэтому переговоры завершились ничем. Возможно, если бы они состоялись в 1943 или 1944 году, Бульба, Беер и Пюц были бы менее амбициозны в своих претензиях. Но в 1942 году они еще не теряли надежды на лучшее развитие событий.

В 1944 году отношение немцев к УПА стало еще более толерантным, можно даже сказать, союзническим. Немецкие командиры постоянно вели переговоры с командованием отдельных повстанческих отрядов, снабжали оружием с обязательным условием, чтобы те использовали его для борьбы с Красной армией. *«Нашей задача*, — как вспоминают участники тех событий, — *было приготовиться как можно лучше к борьбе с новым оккупантом. О стычках с немецкой армией никто уже и не думал»*.

Ради справедливости следует сказать, что об этих стычках националисты не думали и раньше. Теперь же, в 1944 году, между ними и немцами было достигнуто полное согласие. Отступая, немцы вооружали отряды УПА для продолжения борьбы с ненавистными тем и другим Советами. Фактически между

сторонами восстановился альянс, который наблюдался в 1939–1941 годах.

Таким образом, ОУН-УПА не воевали на два фронта. У них был лишь один фронт, по их терминологии — «советский», конечно, если не считать выступлений против мирного населения. В 1941 году на УПА немецким командованием была возложена задача преследовать и уничтожать советские части, которые оказывались в окружении, как это происходило в Полесье, где этим занимались вполне легальные воинские формирования под руководством Т. Бульбы. В более поздних воспоминаниях участники этой кампании сожалели лишь о том, что им так и не удалось *«уничтожить советские части, так как они спешно отошли под нажимом украинско-белорусских партизанских соединений через реку Припять»*. Бандеровцы, о чем уже говорилось, тысячами отстреливали советских воинов, отставших от своих воинских частей и проживавших на оккупированных немцами территориях среди местного населения.

Был у ОУН-УПА и еще один враг — советские партизаны. Нынешние националисты, добиваясь реабилитации своих предшественников, иногда вопрошают: «Если раньше украинские повстанцы и советские партизаны находили согласие, то почему же его нельзя достичь их потомкам?» В действительности никакого согласия не было и не могло быть, поскольку для националистов, особенно бандеровцев, партизаны были Советами, большевиками и схидняками, подлежавшими уничтожению. Впрочем, переговоры между ними действительно велись. Как вспоминал М. Скорупский, ковпаковцы предлагали совместно бороться с фашистскими захватчиками или хотя бы не воевать между собой, но «на это никто (из участников переговоров от бульбовцев и бандеровцев. — *П. Т.*) не согласился».

Рассказывая о «Карпатском рейде» С. Ковпака на запад с целью уничтожения нефтяных промыслов в Дрогобычском бассейне, снабжавших топливом немецкие механизированные части на Восточном фронте, М. Скорупский замечает: *«Во время этого марша в одну и другую сторону больше всего*

соединению вредили немецкие самолеты и украинские партизаны». На объединенные отряды С. Ковпака «славные вояки» нападать не смели, поскольку, по их собственному признанию, не имели такой силы, а вот отдельным подразделениям ковпаковцев наносили ощутимые удары. Так, в Суражском лесу в июле 1943 года отделы УПА разбили партизанский отряд Бегмы. По свидетельству М. Скорупского, бой продолжался весь день и всю ночь. Когда он закончился и повстанцы в конце концов захватили партизанский лагерь, «место его было покрыто трупами».

Аналогичное столкновение солдат УПА с советскими партизанами произошло поздней осенью 1943 года в районе с. Мачулянки, что на правом берегу р. Случь. Высшее командование УПА приказало очистить край от советских партизан и направило против них свыше 600 бойцов. После жестокого боя, понеся многочисленные потери, повстанцы в панике отступили, так и не выполнив задачу.

В воспоминаниях Николая Лебедя, полковника М. Омелюсика и других руководителей ОУН-УПА тема борьбы с советскими партизанами занимает одно из центральных мест. Разумеется, они героизируют себя, поэтому говорят не только о действительном, но и вымышленном. Полковник Г. Омелюсик сообщает, что соединение С. Ковпака, которое насчитывало две тысячи бойцов, было полностью уничтожено ими в Галичине. По свидетельству М. Лебедя, красные партизаны С. Ковпака были разгромлены отделами УПА еще на Волыни. Правда, это не помешало партизанам дойти до самого Прикарпатья, где против них выступила так называемая «Украинская народная самооборона», созданная по приказу руководства ОУН, «чтобы не дать Ковпаку овладеть Карпатами».

В этом случае важно не столько то, отвечают ли действительности свидетельства националистов о причиненном советским партизанам ущербе, сколько их признания в том, что именно УПА была той силой, которая солидаризировалась с немцами в борьбе против советских партизан. Независимо от того, какими мотивами руководствовались командиры националистов, объективно борьба с советскими

партизанами вредила делу освобождения Украины от немецких захватчиков.

Из приведенных материалов со всей очевидностью следует, что на Западной Украине в годы Великой Отечественной войны имело место не столько национально-освободительное движение, сколько настоящая гражданская война. Война между разными националистическими партиями и их вооруженными формированиями. Война с собственным народом и с национальными меньшинствами. Война с советскими партизанами и так называемыми схидняками. В этих условиях ОУН-УПА, даже если бы они действительно хотели, не имели возможности объединиться с целью общей борьбы с немцами.

В завершение приведем еще несколько строк из вышеупомянутого письма Т. Бульбы-Боровца к С. Бандере: *«Товарищи националисты! Как вам не стыдно и где ваша национальная мораль и достоинство толеровать такие преступления? Кто из честных революционеров может сегодня распределять функции на Украине, если она дымится в пожарищах и подплывает кровью? Кто еще сегодня может мечтать о тех ваших должностях, если ежедневно тысячи гибнут от террора и голода? Неужели сегодня важнее то, кто будет руководить Украиной, а не то, чтобы общими силами спасти ее от полнейшего порабощения? Государственная власть не выгодное место, а ответственнейшая тяжелая служба Родине»*.

Не правда ли, сказанное актуально и сегодня?

2. ОБ «ИСПОВЕДИ УКРАИНЦА» ВИКТОРА ПОЛИЩУКА

Обращаясь время от времени к теме националистического движения на Украине 1939–1950 годов, я ни разу не встретил упоминаний о книге Виктора Полищука «Горькая правда. Преступность ОУН-УПА (исповедь украинца)». Прочитал ее сравнительно недавно и был совершенно потрясен. Ничего более обстоятельного (основанного на исторических фактах и научно осмысленного) мне ранее не приходилось читать.

Организация украинских националистов и созданная ее Украинская повстанческая армия представлены в ней как антинародные и преступные образования, запятнавшие себя террором, истребившие десятки тысяч сограждан. Невозможно читать без слез и содрогания раздел I части II книги, где описаны факты бандеровской кровавой жатвы во имя «свободной Украины». На многих десятках страниц очевидцы рассказывают леденящие душу истории об одиночном и массовом мордовании поляков, украинцев, евреев, советских воинов, совершенных бандеровцами с невообразимой жестокостью. То, что сделали ОУН-УПА во время войны на Волыни и в Галичине, пишет В. Полищук, следует квалифицировать как народоубийство[1].

В описании Дерманской трагедии, когда бандеровцы сбрасывали в колодцы не только трупы, но и живых людей, автор привел поэтические строки Д. Павлычко (1959):

Будешь Украина
Долго помнить...
Выколотые глаза,
Глаза заряницы.
Будешь помнить
Дерманские колодцы[2].

К сожалению, память была недолгой. Даже Д. Павлычко, «переодевшийся» ныне в бандеровскую униформу, забыл о том, что писал о тех трагических событиях. Независимая Украина, точнее, ее националистические политическая и творческая элиты, не только не стыдится содеянного ОУН-УПА, но буквально с первых суверенных лет развернула кампанию по реабилитации и героизации ее членов. В. Полищук привел поразивший его пример, когда посол Украины в Канаде Л. Лукьяненко, выступая в г. Гамильтоне по случаю 50-летия УПА, от имени народа и президента Украины поздравил воинов УПА в Канаде и заявил, что он гордится их вкладом в борьбу за национальную независимость. В. Полищука удивило это

[1] *Полищук В.* Горькая правда. Преступность ОУН-УПА (исповедь украинца). Киев, 2011. С. 377.

[2] *Павлычко Д. В.* Быстрина : сб. поэзий. Киев, 1959. С. 138.

заверение «от имени». Он даже предположил, что Л. Лукьяненко злоупотребил своим служебным положением.

Что касается президента (им тогда был Л. М. Кравчук), то позже он заявил, что носил передачи бандеровцам, поэтому Лукьяненко, видимо, не погрешил против правды. А вот что касается народа, то от его имени посол не имел права говорить. Определенно народ его на это не уполномочивал. Думаю, если бы Полищук писал свою книгу во время президентства В. А. Ющенко, то он удивился бы еще больше, ознакомившись с его указами о реабилитации ОУН-УПА и присвоении звания «Герой Украины» их руководителям С. Бандере и Р. Шухевичу.

Президент В. Ющенко и его политические единомышленники мотивировали переоценку роли ОУН-УПА тем, что она тенденциозно представлена в советской историографии и уже пора отказаться от их демонизированного образа. Позже в сознание украинцев начали активно внедрять мысль, что за массовым убийством поляков на Волыни, вероятнее всего, стоит советская власть. Сегодня эту провокационную нелепость эксплуатируют и некоторые польские политические деятели, а также политологи.

Книга В. Полищука, кстати, совсем не сторонника советского строя, убедительно развенчивает попытки облагородить ОУН-УПА. «Замысел истребления поляков, — по мнению автора, — был сформулирован еще в 1929 году в постановлениях I Конгресса украинских националистов. Поэтому вину за истребление, по меньшей мере, 100 тыс. польского населения в Западной Украине несут идеологи украинского национализма»[1]. В. Полищук обстоятельно проанализировал труд Дмитрия Донцова «Национализм», вышедший в 1926 году, и рекомендовал его для изучения всем украинским интеллигентам. Главным образом потому, что ОУН взяла на вооружение националистическую доктрину Д. Донцова: «Жажду власти, догматизм, фанатизм, аморальность, творческое насилие, вождизм»[2].

---

[1] *Полищук В.* Указ. соч. С. 375.
[2] Там же. С. 108.

Чтобы читатели могли лучше понять сущность теории украинского национализма Донцова, В. Полищук приводит наиболее характерные его высказывания. *«Национальный фанатизм — это оружие сильных народов, которым совершаются великие поступки»; «Закон экспансии... существовал, существует и будет существовать»; «Общество, которое отбрасывает завоеванное, находится в состоянии упадка»; «Борьбе за существование чуждо моральное понятие справедливости. Только филистеры*[1] *могут полностью отбрасывать и морально осуждать войну, убийство, насилие»*.

Эти и другие мысли, составляющие сущность «Национализма» Донцова, по убеждению В. Полищука, наглядно демонстрируют «бесчеловечную, антигуманную, преступную теорию украинского национализма, преступную теорию и практику ОУН-УПА». Перефразировав В. Маяковского, В. Полищук подытожил: «Говорим „украинский национализм Дм. Донцова“, а подразумеваем идеологию ОУН»[2]. Его идеи нашли воплощение в документах I Конгресса украинских националистов, состоявшегося в Вене. Приведем здесь лишь две статьи из его итоговых постановлений: *«Только полное устранение всех займанцев с украинских земель откроет возможности для широкого развития украинской нации»; «Полное устранение всех займанцев с украинских земель, которое наступит в ходе национальной революции, откроет возможности развития украинской нации»*.

В. Полищук призывает нас прочитать приведенные тексты несколько раз, чтобы «хорошо понять их содержание» и найти ответ на вопрос, «кто и почему начал мордовать поляков на Волыни в 1943 году»[3].

Об этих преступлениях бандеровцев свидетельствуют и их боевые соратники. Т. Бульба-Боровец, руководитель националистического движения на Волыни, в открытом письме С. Бандере от 10 августа 1943 года в резкой форме заявил о неподчинении *«руководству партии, которая начинает стро-*

---

[1] Филистер — ограниченный, невежественный и лицемерный человек.
[2] *Полищук В.* Указ. соч. С. 118, 122.
[3] Там же. С. 124.

ительство государства с вырезания национальных меньшинств и бессмысленного сожжения их селений». В ответ на это письмо руководитель бандеровской Службы безопасности головорез Николай Лебедь 19 августа 1943 года издал приказ, в котором был оглашен смертный приговор Т. Бульбе и его ближайшему окружению.

Приведем еще одно свидетельство о зверствах бандеровцев, принадлежавшее их идейному соратнику Максу Скорупскому. *«СБ и ее деятельность — это наиболее черная страница истории тех лет... Система надзора и ликвидации жертв на основании решений самого СБ — без какого-либо суда — была позорная и ужасная». «Больше доставалось схиднякам, которых убивали просто так, на всякий случай»*. Что касается поляков, то после издания в марте 1943 года приказа Лебедя об очищении от них украинской территории их убийства обрели массовый характер. Как свидетельствует Макс Скорупский, *«ежедневно, как только садилось солнце, небо купалось в зареве пожаров. Это пылали польские села»*.

Подводя итоги анализу донцовского интегрального национализма, В. Полищук отметил, что он «был и является идеологией ОУН — всех трех ее фракций. Украинский национализм — не обычный национализм, это национализм со своей доктриной и философией»[1]. Как следует из «Уклада ОУН», одобренного Большим собором украинских националистов 27 августа 1939 года в Риме, донцовская доктрина была положена в основу ее организационной структуры и практической деятельности. При назначении полковника Андрея Мельника преемником первого вождя националистической Украины Евгения Коновальца был подтвержден принцип *«Украина — для украинцев»*, а также соборный характер государства: *«Не оставить ни кусочка украинской земли в руках врагов и чужестранцев! ...Только кровь и железо рассудят нас с врагами»*[2].

---

[1] *Полищук В.* Указ. соч. С. 133.

[2] Виктор Полищук приводит цитату по книге: Мирчук П. Очерк истории ОУН. Мюнхен, 1968. С. 580.

Отдельные разделы книги В. Полищук посвятил идейным и материальным спонсорам националистического движения. В отличие от распространяемых в наше время (в диаспоре и на Украине) высказываний, что ОУН-УПА вели борьбу на два фронта — с советами и немцами, он на конкретных документах убедительно показал, что они задолго до начала Второй мировой войны находились под покровительством немецких фашистов. С 1934 года между немецкой разведкой и Евгением Коновальцем шли тайные переговоры, во время которых было решено, что за услуги, оказываемые им немецкой разведке, ОУН будет получать 110 тысяч немецких марок. Немцы в специальных школах в Австрии, Германии и Польше вели подготовку офицерских кадров для националистов. На службе у них состояли даже националистические вожди, имевшие в немецкой разведке (абвере) клички: Андрей Мельник — Консул I, Степан Бандера — Консул II. Агентом абвера был также ближайший соратник Бандеры Рихард (Рико) Ярый. Через Гданьск немцы поставляли националистам оружие.

После развязывания Германией войны с Советским Союзом немцы использовали украинских националистов для диверсионной деятельности и саботажа на территории СССР. Вскоре в результате переговоров служащих абвера Ганса Коха, Теодора Оберлендера, Георга Герулиса с членом РП ОУН и по совместительству агентом абвера Рихардом Ярым на базе дружин украинских националистов были сформированы батальоны «Нахтигаль» и «Роланд» во главе с немецкими и украинскими командирами. С украинской стороны батальоном «Нахтигаль» командовал Роман Шухевич, батальоном «Роланд» — Евгений Побегущий.

Бойцы батальонов были одеты в немецкую униформу и имели немецкие знаки отличия. Сколько-нибудь серьезного военного влияния, как пишет В. Полищук, они не оказывали, в основном вели диверсионную и террористическую деятельность, убивали евреев, поляков, коммунистов. Во Львов батальон «Нахтигаль» вошел с лозунгом Степана Бандеры *«Народ! Знай! Москва, Поляки, Жидва — это твои враги. Ничтожь их»*. Первыми пострадали поляки и евреи. С 1 по 7 июля

1941 года «Нахтигаль» вместе с полицией и СБ ОУН уничтожили во Львове 3 тысячи поляков и евреев. Позже оба батальона были переформированы в националистическое подразделение им. Е. Коновальца и отправлены в Белоруссию для борьбы с красными партизанами. В том числе на их совести — трагедия белорусского села Хатынь.

Еще одно воинское подразделение украинских националистов, сформированное гитлеровцами в марте 1943 года и получившее название «дивизия СС „Галичина“», находилось у них на службе и также исполняло полицейские функции. По мнению В. Полищука, немцы уготовили дивизии роль пушечного мяса, что и подтвердилось в бою под Бродами в июле 1944 года. На протяжении двух-трех дней она потеряла 7 тысяч воинов из 11 тысяч. По свидетельству очевидцев, в действительности не было никакого боя. Советская армия уничтожила дивизию с воздуха и артиллерийским огнем. Ее остатки немцы перебросили под Вроцлав, а затем отправили на подавление словацкого восстания и борьбу с партизанами Иосипа Броза Тито в Словении.

В. Полищук отмечает чрезвычайно важную деталь относительно названия дивизии. На украинском кладбище к западу от Торонто установлен памятник воинам дивизии с надписью «Борцам за волю Украины» и аббревиатурой «ІУД», то есть Первая украинская дивизия. В действительности такого названия у нее никогда не было. Слова «Украина», «украинец», «украинский» по решению Гиммлера были запрещены к использованию под угрозой наказания. Солдаты дивизии должны называться не украинцами, а галичанами[1].

Идейным вдохновителем создания дивизии считается губернатор дистрикта Галичина Отто Вехтер, считавший ее отдельной страной, в которой проживает население, имеющее «свое специфическое сознание». «Наблюдая за галичанами на Западе, — пишет В. Полищук, — могу прийти к выводу, что Отто Вехтер не был далек от правды: у галичан какая-то отдельная психика, другой способ мышления. Либо полностью прав Отто Вехтер, либо галичане не выросли еще из племенного способа

[1] *Полищук В.* Указ. соч. С. 387.

мышления и пытаются навязать его остальной Украине, пытаются „присоединить“ Украину к Галичине»[1].

И надо сказать, что у них это неплохо получается. По сути, сегодня идеологически Украина превратилась в большую Галичину.

Нынешние идеологи националистического движения на Западной Украине, пытаясь как-то его оправдать, продолжают уверять, что бандеровцы (мельниковцы и бульбовцы) вели борьбу на два фронта — против Советов и немцев. Не имея возможности отрицать то, что ОУН-УПА изначально были под покровительством немецкой разведслужбы (абвера), они уверяют, что после того, как гитлеровское руководство не признало Акт провозглашения Украинского государства, принятый 30 июня 1941 года во Львове, их пути разошлись. В. Полищук на конкретных примерах показывает, что тесное сотрудничество ОУН-УПА с немецкими захватчиками продолжалось вплоть до капитуляции Германии. ОУН С. Бандеры еще в 1943 году рассылала воззвания, в которых так называемая антинемецкая «партизанка» объявлялась преступлением против своего народа. Аналогичным было и поведение ОУН А. Мельника, считавшей, что «разворачивать „партизанку“ против немцев нецелесообразно, чтобы не содействовать разваливанию Восточного фронта». В 1944 году отношение немцев к УПА стало еще более толерантным. Они постоянно снабжали повстанческие отряды оружием с обязательным условием, чтобы те использовали его для борьбы с Красной армией. «*Нашей задачей*, — вспоминали участники тех событий, — *было подготовиться как можно лучше к борьбе с новым оккупантом. О стычках с немецкой армией никто уже и не думал*».

В некоторых местах книги, а также в отдельном разделе В. Полищук пишет об угрозе возрождения украинского национализма: «Вижу, что ОУН на Украине начинает возрождаться. В этом вижу опасность. Поэтому не могу молчать»[2]. Эти слова написаны в 1992 году. Что сказал бы их автор сегодня, если бы узнал о сожженных одесситах в Доме профсоюзов, увидел

[1] *Полищук В.* Указ. соч. С. 380–381.
[2] Там же. С. 348.

ночные факельные шествия националистических молодчиков в Киеве, Одессе, Харькове, Львове, кощунствование на могиле освободителя Киева и Украины от немецких захватчиков генерала Н. Ф. Ватутина?

«Я сознаю, — пишет В. Полищук, — ненависть в мой адрес со стороны сознательных и несознательных оуновцев, упистов. Однако лелею надежду, что и среди них найдутся такие, которые признают за мной право... ОУН-УПА — это не весь украинский народ... Книга адресована тем украинцам, которые родились после 1935 года и которые знают об ОУН-УПА из фальсифицированной истории... Пусть эта книга станет попыткой очистить украинский народ от преступных действий части его племени»[1].

В заключение краткого введения в книгу В. Полищука «Горькая правда. Преступность ОУН-УПА (исповедь украинца)» хотелось бы обратиться к украинцам, в том числе к тем, кто разделяет националистическую идеологию, с настоятельной просьбой прочесть эту честную исповедь истинного патриота Украины, можно сказать, крик души, израненной трагическими преступлениями националистов и болеющей за будущее украинского народа. Прочесть и задуматься. Принесет ли Украине и украинцам счастье тот путь, по которому шли ОУН-УПА?

3. «НАЦИОНАЛИЗМ ОЗНАЧАЕТ ВОЙНУ»[2]

Если попытаться честно ответить на вопрос, что является главной внутренней причиной трагического кризиса на Украине (конца 2013 — первой половины 2014 г.), нам придется признать, что это национализм. Его пламя вспыхнуло на киевском Майдане, когда революционные вожди открыто объявили себя последователями С. Бандеры и вывесили черно-красные знамена. Крайнюю националистическую ориентацию Майдана

[1] *Полищук В.* Указ. соч. С. 18–19.

[2] Высказывание принадлежит Франсуа Миттерану, президенту Франции в 1981–1995 годах.

подтвердили и его лозунги: «Україна понад усе!», «Україна — для українців», «Москалів — на ножі» и другие.

Люди, исповедующие такую идеологию, не видят в ней ничего плохого. Национализм, утверждают они, — это любовь к своей Родине, ее языку, традициям, культуре. Но это в идеале. В реальной жизни, что со всей очевидностью показал Майдан, «утверждение» такой любви сопровождается нетерпимостью, ненавистью, а нередко и физическим насилием по отношению к другим этническим группам, которые также любят свой язык и культуру. Примеров этому в нашей украинской действительности немало, и, может быть, наиболее трагический из них связан с деятельностью украинских националистов во время Второй мировой и Великой Отечественной войн, когда их гипертрофированная любовь к украинской нации стоила жизни сотням тысяч поляков, евреев и русских.

С момента восстания жителей Юго-Востока Украины официальная киевская пропаганда именует их не иначе как террористами и сепаратистами. Что касается первого определения, то оно, совершенно очевидно, не отвечает действительности: ни о каком терроризме не может быть и речи. До прихода отрядов «Правого сектора»[1] и так называемой Национальной гвардии на Донетчине и Луганщине не прозвучало ни одного выстрела и не погиб ни один человек. Когда мирные жители одного из сел Юго-Востока спросили генерала Крутова, зачем он привел сюда войска, тот ответил: «Чтобы защитить вас от террористов». Это вызвало у них дружный смех. «Не надо нас защищать от нас самих», — сказали они и попросили генерала покинуть их землю.

Второе определение — «сепаратисты» — становилось все более корректным, по мере того как официальный Киев отказывался слышать жителей восточных областей и вместо переговоров направил туда военную армаду, состоящую из десятков тысяч солдат, сотен танков и бронемашин, дальнобойных пушек, самолетов, вертолетов, начал убивать своих же граждан. Тогда люди и начали высказываться о нежелании жить в стране, которая стала для них мачехой. Они активно поддержали

[1] Организация запрещена на территории Российской Федерации.

образование Донецкой и Луганской народных республик, подтвердив это посредством областных референдумов.

Несмотря на их юридическую нелегитимность, фактически создание ДНР и ЛНР отразило настроение жителей Юго-Востока Украины. Эти референдумы можно признавать или не признавать, что и делают временные киевские власти, но от них нельзя отмахнуться. Это, по сути, мандат народа, выданный лидерам края для проведения политики в интересах его жителей. Одновременно это убедительный ответ официальной киевской пропаганде на то, что на Юго-Востоке большинство населения поддерживают центральную власть и только незначительное меньшинство бунтует.

Особенную остроту ситуация приобрела после жестокой расправы боевиков «Правого сектора» над одесситами 2 мая 2014 года. В народе сожжение десятков людей в Доме профсоюзов назвали одесской Хатынью. Очевидцы этого страшного убийства свидетельствуют, что так в Одессе над мирными людьми не издевались даже фашисты. Временные киевские власти, как уже не раз делали, поспешили заявить, что трагедия произошла по вине самих жертв: они сами себя подожгли.

Но как можно утверждать такое?! Неужели у них совсем нет совести и чести? В телевизионных кадрах показано, что трагедия в Одессе — дело рук националистов. На них видно, как группа девушек, повязавших себя украинскими флагами, разливала в бутылки так называемый «коктейль Молотова», а молодые парни в черных одеждах бросали их в окна Дома профсоюзов. Другие стреляли в тех, кому удавалось выбраться из горящего здания. Позже начали говорить, что люди не столько погибли от огня, сколько задохнулись от неизвестного газа. Но разве это что-то меняет и хоть как-то обеляет киевские власти? А то, что одесское смертоубийство — на их совести, сомнений быть не может. Это подтвердил и бывший руководитель одесской милиции, в информированности которого вряд ли стоит сомневаться.

Аналогичную кровавую расправу чернорубашечники учинили и в Мариуполе. Разъезжая по городу на бронемашинах,

они хладнокровно расстреливали мирных жителей. Под их карающую руку попали и местные милиционеры, проявившие солидарность со своими земляками[1].

Я уже отмечал, что привлечение боевиков киевского Майдана к подавлению восстания на Юго-Востоке Украины может превратить гражданский конфликт в межэтнический и межкультурный. Сегодня это уже свершившийся факт[2].

Бандеровцы действительно пытаются установить свои порядки в русскокультурном и православном регионе, при этом не щадят тех, кто не согласен с их националистическими убеждениями — ни чужих, ни своих. Согласно свидетельствам жителей, боевики «Правого сектора» учинили казнь над военнослужащими-срочниками под городом Привольное только за то, что те отказались воевать с народными ополченцами Юго-Востока. Аналогичная трагедия произошла и под г. Волновахой, где особо «отличился» батальон «Донбасс», сформированный за деньги И. Коломойского.

В своей нетерпимости к инославным нынешние националисты последовательно идут по стопам своего духовного вождя С. Бандеры. Как известно, националистическое движение 1940-х годов не представляло собой монолитного единства. В нем действовали три течения, которые вели непримиримую борьбу друг с другом. Полагая, что Украинская народная революционная армия под руководством Т. Бульбы недостаточно выражает национальные интересы, руководство бандеровцев отдало приказ истреблять всех «бульбовцев» точно так же, как большевиков и поляков. Имели место и вооруженные столкновения между бандеровцами и мельниковцами — также на почве националистических предпочтений.

---

[1] Отмеченные кровавые расправы над мирными жителями Донетчины и Луганщины внесены в книгу военных преступлений киевских властей, опубликованную российскими и европейскими журналистами на русском и английском языках.

[2] Убедительным подтверждением сказанному является создание Православной армии Донбасса, о чем было объявлено ее командующим 11 июня 2014 года. Нет никакого сомнения в том, что название нового формирования ополченцев является симметричным ответом на участие в карательных акциях на Юго-Востоке Украины отрядов «Правого сектора», состоящих преимущественно из галичан грекокатолического вероисповедания.

Ничего нового: национализм во все времена ассоциировался с нетерпимостью и террором.

Точно выразил суть национализма премьер-министр Канады Пьер Трюдо: «Вне зависимости от окраса — правого или левого — националисты являются политическими реакционерами, поскольку они склонны считать всеобщее благо достоянием конкретной этнической группы или религиозного верования, а вовсе не благо для всех людей... Вот почему националистическое правительство по своей природе является нетерпимым, дискриминационным и в конечном счете тоталитарным».

Во время президентской выборной кампании к ополченцам Юго-Востока начали применять новое определение — «бандиты». По-видимому, чтобы вызвать негативное к ним отношение у широкого круга украинцев, не очень информированных по поводу того, за что борются эти люди. Разумеется, это тоже не отвечает действительности. Ополченцы восточных регионов Украины в точности повторяют действия вооруженных сотен киевского Майдана, поэтому заслуживают такого же отношения. И если одни — герои, то героями являются и другие: они тоже отстаивают свои убеждения и свое право на национально-культурную идентичность.

В целом поведение ополченцев является даже более благородным. В отличие от националистов, они защищают свое право не на чужой земле, а на своей, при этом никому не навязывают свой образ жизни и язык. И будь временные киевские власти умнее, трагического конфликта вообще можно было избежать. Но в Киеве отказались слушать и слышать своих граждан с Юго-Востока и не вступили с ними в переговоры. Решили, что уладят конфликт при помощи военной силы.

Многие на Украине возлагали большие надежды на президентские выборы и поддержали кандидатуру П. Порошенко, полагая, что он сможет остановить братоубийственную войну. К этому располагали его миротворческие майданные усилия, умение находить общий язык со всеми президентами Украины и опыт работы в правительстве. И хотя его предвыборная риторика была жесткой, люди надеялись, что после избрания он

подобреет. К сожалению, все, кто так думал, ошиблись. Еще не получив официального вердикта Центральной избирательной комиссии о своей победе, П. Порошенко заявил, что «антитеррористическую операцию необходимо активизировать и довести до полной победы. И длиться она должна не месяцы, а часы». Также П. Порошенко пообещал, что все ее участники уже с 26 мая 2014 года будут получать по одной тысяче гривен в день. Не уточнил, правда, кто будет выплачивать такие деньги: он из своих сбережений, нажитых непосильным трудом, или государство из заемных миллиардов, которые получит от Запада[1].

После этой жесткой речи первого лица страны о войне до победного конца заговорила и вся идеологическая рать. «Антитеррористическая операция будет вестись до тех пор, пока не будут уничтожены все бандиты на Донетчине и Луганщине». Чувствуете степень жесткости формулировки? Не «прекратят сопротивление» или «сложат оружие», а «пока не будут уничтожены». Такая угроза вызывает страх. То есть людей можно уничтожать только потому, что они хотят жить своей жизнью, говорить на своем языке, изучать свою историю, чтить своих героев, молиться в своих церквях.

Судя по всему, эта угроза вполне реальна. Уничтожать «бандитов» или донецких «изгоев» будут не атомным оружием, как рекомендовала одна экзальтированная политическая дама, но тоже смертоносным: танками, боевой авиацией, системой «Град». Перед таким оружием ополченцы с автоматами Калашникова, конечно же, не устоят. Но что это будет за победа и над кем? Над своим народом?

То, что новый президент Украины не бросает слов на ветер, подтвердили события, произошедшие 27 мая 2014 года, когда ракетно-бомбовому удару подверглись Донецкий международный аэропорт и городские кварталы вблизи него. Аналогичные удары неоднократно наносились по городам Славянску и Луганску. Жертвы стали исчисляться не десятками, как раньше,

[1] Из анонимных интервью украинских гвардейцев, рассказывавших о плохом снабжении обмундированием, отсутствии регулярного питания и походных кроватей, можно сделать вывод, что обещанные деньги до них так и не дошли.

а сотнями[1]. Причем это только начало решительных действий. Страшно подумать, что будет, если они продолжатся с той же интенсивностью.

Создается впечатление, что власти не отдают себе отчета в том, что творят. Разумными их действия определенно не назовешь. Они убивают не внешнего врага, а своих граждан, разрушают не чужие города и селения, а свои, при этом даже не пытаясь поговорить с людьми, понять их просьбы и требования. Такую жестокость можно было бы объяснить, если бы Киев решил расстаться с мятежными регионами и нанести им материальный урон. Но разрушение своей страны находится за пределами здравого смысла. Ведь война когда-нибудь закончится, и нужно будет восстанавливать все разрушенное, направляя на эти цели и без того небогатые украинские ресурсы.

Но, пожалуй, самый печальный результат этой войны — то, что население Юго-Востока уже никогда не будет считать себя украинцами. Впрочем, судя по жестокости, с которой подавляется восстание, таковыми их не считают и украинские власти.

После оглашения результатов выборов президента мой коллега сказал: «Сколько говорили об угрозе украинского национализма, а на поверку оказалось, что ее-то и нет. Два националиста, Ярош и Тягнибок, вместе получили голосов меньше, чем один еврей Рабинович».

Это озадачивающее замечание было бы справедливым, если бы президентом избрали, скажем, Симоненко, Царева или Тигипко. Но избрали Порошенко, националистическое мировоззрение которого не отличается от взглядов Тягнибока или Яроша. Все трое — активные герои Майдана. Да и следующих за Порошенко в списке претендентов на президентское кресло Тимошенко и Ляшко также трудно назвать интернационалистами. Так что, даже принимая во внимание, что явка избирателей составила лишь 60 % от общего числа, приходится признать, что в украинском обществе

[1] Со слезами на глазах об этом свидетельствуют те, кому удалось выбраться из осажденных городов и убежать в Россию.

в настоящее время преобладают националистические и антирусские настроения.

Хорошо это или плохо? Если бы Украина была моноэтничной страной, можно было бы сказать, что хорошо. Но на Украине в ее современных границах проживает целый ряд других этносов, в том числе русский, насчитывающий (по последней переписи населения) 8,5 миллионов человек, что не позволяет считать такое определение безусловным. Столь явное политическое преобладание титульного этноса в полиэтничном и поликультурном обществе скорее свидетельствует о неблагополучии во внутриукраинских межэтнических отношениях и отсутствии в них разумного баланса.

Практически одновременно с украинскими проходили выборы в Европарламент. Неожиданно для многих в разных странах поддержку получили депутаты от националистических партий. Во Франции Национальный фронт, возглавляемый Марин Ле Пен, занял 25 % депутатских мест. Партия независимости Соединенного Королевства во главе с Найджелом Фаражем — более 27 %. Прошли в Европарламент националисты ФРГ и некоторых других стран. По мнению ряда политических деятелей ведущих европейских стран, в частности президента Франции Ф. Олланда, министра иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайера, националисты в европейском парламенте создают угрозу единству Европы. Не вызывают восторга у европейских политиков и успехи националистов внутри их стран.

Но то, что плохо для Европы, по немыслимой логике европейских деятелей, хорошо для Украины. Помните, в каком восторге от киевского Майдана была вся Европа? А между тем он имел не только антироссийский, но и ярко выраженный националистический характер. Его вожди не только не скрывали того, что он совершается под националистическими знаменами и лозунгами, но и всячески подчеркивали это. Поразительно, что западные демократы не видят ничего предосудительного и в развязывании украинским националистическим правительством войны с собственным народом. Ежедневно гибнут десятки и сотни людей, в том числе мирные жители, а просве-

щенная Европа делает вид, что этого не видит и ни о чем таком не слышит. С призывами прекратить братоубийство на Украине постоянно выступает только Россия.

Можно себе представить, какой была бы реакция Запада, если бы президент В. Янукович послал войска с целью усмирения восставшей Западной Украины, в течение нескольких месяцев не подчинявшейся центральной власти. Даже робкие попытки разгона киевского Майдана вызывали бурю возмущения в западных столицах. В. Януковичу и его окружению неустанно грозили санкциями. Теперь же американские и западные политики утверждают, что проведение антитеррористической операции законно, так как оно обусловлено необходимостью сохранить единство страны.

Но это заблуждение. *При помощи военной силы можно сохранить территориальную целостность страны, но не ее единство. Единства Украине не могут принести ракетно-бомбовые удары и убийство своих сограждан. Ведь единство покоится не на военной силе, а на духовном единомыслии и братолюбии, как писал Т. Шевченко.*

В одной из телевизионных передач, транслировавших заседание администрации и. о. президента В. Турчинова, прозвучало уничижительное определение восставших Юго-Востока как колорадов. Это было сказано руководителем администрации господином Пашинским с нескрываемой издевкой, как будто речь шла не о своих же гражданах (которые ничем не хуже, чем он), а о насекомых, которых не жалко убивать. Слушая это, я не мог избавиться от мысли, что уже слышал подобное. И я вспомнил: примерно так — тараканами — в американской и западной пропаганде называли повстанцев в африканских странах, в частности в Руанде.

То, что ныне происходит на Украине, большинству украинцев не могло привидеться в самом страшном сне. Не исключено, что его прогнозировали американские и западноевропейские стратеги, давно вынашивавшие идею вовлечения Украины в систему западных экономических и военно-политических отношений. Понимая, что сделать это при существовавшем режиме будет нелегко, Запад решил совершить

на Украине государственный переворот. При этом ставку сделал на украинские националистические силы, не скрывавшие своих антипатий к России и симпатий к Западу.

Но США и их западноевропейские союзники поторопились. Осуществив насильственное свержение законной власти — президента В. Януковича, они получили значительно меньше, чем рассчитывали и что действительно могли бы получить, если бы дождались очередных президентских выборов.

В спешке они не учли того, что Украина неоднородна как в национальном, так и в цивилизационном отношении. Территориально она собрана сравнительно недавно из разноэтничных частей, а население так и не сложилось в единую нацию. Даже в давние времена, когда Украина была более единой этнически, она не могла четко определиться, на кого ориентироваться. Одна часть политической элиты всегда выступала за союз с Москвой, другая — с Варшавой, третья — со Стамбулом. Что говорить о Новом времени, когда рядом государственных актов к ней были присоединены большие регионы, населенные русскими людьми. Вот они-то и сказали свое веское слово: «Идите в свою Европу, а мы не хотим».

Тем более что националисты, как только пришли к власти, сразу запретили русский язык и стали навязывать всей Украине галицкую культурно-историческую традицию. Фактически это послужило началом современного сепаратизма. *Не Крым и Юго-Восток его породили, а Западная Украина и Киев.*

Известный русский культуролог Н. С. Трубецкой, изучая природу русского национализма, утверждал, что «чрезмерное повышение русского национального самолюбия способно восстановить против русского народа все прочие народы в государстве, то есть обособить русский народ от других». И далее: «Крайний националист, желающий во что бы то ни стало, чтобы русский народ был единственным хозяином у себя в государстве... должен примириться с тем, чтобы границы этой „России“ совпали с границами сплошного великорусского населения». В конечном счете Н. С. Трубецкой пришел к выводу, что «крайний русский националист оказывается

с государственной точки зрения сепаратистом и самостийником»[1]. Замените в высказывании слова «Россия» и «русский» на «Украина» и «украинец» — и это уже будет отвечать современным украинским реалиям.

Весьма поучительным в вопросе о национализме может быть мнение известного украинского идеолога и государственного деятеля В. Липинского: «Нация — это все жители данной земли и все граждане данного государства». «Когда я пишу — мы украинские националисты, то это значит, что мы хотим Украинского государства, включая все классы, языки, веры и племена украинской земли». А теперь сравните вышесказанное с нынешней практикой националистов и увидите, что в ней нет ничего общего с тем, что предлагал В. Липинский.

Готовя этот материал, я прочитал статью американской журналистки Энн Эпплбаум под названием «Национализм — это именно то, что нужно Украине»[2]. Из текста явствует, что автор совершенно не знает истории. На Украине национализм уже неоднократно получал распространение, и ничего, кроме бед, он не приносил. Не только украинцам, но в еще большей мере полякам, евреям и русским. Не ориентируется непрошеная радетельница новой Украины и в том, что такое Юго-Восток, иначе не написала бы, что «Донецк, Славянск, Краматорск — это земля без национализма... Люди живут там по воле случая. Их родители, бабушки и дедушки приехали на восток Украины по прихоти советских чиновников, у них нет привязанности ни к какому народу, ни к какому государству».

Можно только удивляться тому, как человек, отличающийся вопиющей исторической безграмотностью, берется рассуждать о том, что полезно Украине. То, что мы сегодня называем Юго-Востоком Украины, в прошлом являлось частью

---

[1] *Трубецкой Н. С.* Общеевразийский национализм // Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. М., 1993. С. 91 и след.

[2] Энн Эпплбаум известна резко критическим отношением к Советскому Союзу и России, которую, по ее мнению, необходимо остановить и удержать. По утверждению немецкого журнала «Spiegel», журналистка оказывает большое влияние на своего супруга — министра иностранных дел Польши Радослава Сикорского, одного из наиболее решительных сторонников введения жестких экономических санкций против России.

исторической Новороссии. Только с образованием Советского Союза и действительно по прихоти советского чиновника В. Ленина этот край вошел в состав Украины. Никакие бабушки и дедушки нынешних жителей Юго-Востока на Украину не переселялись, они испокон веков жили и живут на своей земле. Это, выражаясь фигурально, не они пришли на Украину, а она пришла к ним.

Распространен там и национализм, только не украинский, а русский. Иначе за что они отдают свою жизнь?! Правда, их национализм действительно покоится не на ненависти к другим, а на уважении к себе, своей истории и традициям. Меня тронуло до слез, когда один из ополченцев, потерявший своих товарищей в бою с боевиками «Правого сектора», заявил: «Я желаю Украине благоденствия и процветания, но прошу и нам дать возможность определить свою судьбу».

Можете ли вы представить, чтобы что-то подобное сказал ортодоксальный украинский националист? Конечно, нет. Для него человек другой национальности, не разделяющий его убеждений и не говорящий на украинском языке, — кровный враг, которого следует принудить к повиновению или уничтожить. Поэтому националисты и заявили от имени правительства, что война будет длиться до уничтожения последнего «бандита».

Что и говорить, это путь в никуда, тупик. Без переговоров Украине из него не выйти.

Глава 4
УКРАИНА В 1991–2010 ГОДАХ

1. ГОСУДАРСТВО ИЛИ СТРАНА?

Двести лет назад известный русский философ Константин Аксаков подал императору Александру II «Записку о внутреннем состоянии России», в которой разделил понятия «страна» и «государство». До этого они считались синонимами. К. С. Аксаков просил обратить внимание именно на страну, точнее, на народ, его внутреннюю самобытность, культуру, веру. Он, разумеется, не сомневался в том, что Россия является государством, но в данном случае его интересовали не институты власти, а глубинная народная жизнь. Наверное, и после К. Аксакова многие интеллектуалы не ставили знака равенства между понятиями «страна» и «государство», но в обиходном употреблении они продолжали существовать как тождественные по смыслу.

На Украине, обретшей государственную независимость, оба этих понятия, по сути, слились в одно — «держава». Оно до того нам понравилось, что употребляется и к месту, и не к месту. К примеру, сообщая о прибытии на Украину какой-либо зарубежной делегации, радио- и теледикторы неизменно говорят: «Сьогодні в нашу державу з офіційним візитом прибула делегація...» Далее следует объяснение, из какой страны. Но, оказывается, и погода у нас тоже державная: «В наступні три доби, — с энтузиазмом утверждает симпатичная ведущая этой рубрики, — в нашій державі очікується потепління».

Нельзя сказать, что вышеприведенные и подобные им выражения неправильны в содержательном плане, но они некорректны в языковом смысле. Люди, употребляющие в речи эти слова, не чувствуют различия между понятиями «страна» и «государство». Страна — это территория, занимаемая тем или иным народом, обладающим внутренней самоорганизацией, языковым и культурным единством, верой, традициями. Государство — форма политического обустройства страны, включающая различные институты власти. Поэтому и делегации, и мороз или потепление, конечно же, «прибывают» не в государство, а в страну.

Применимы ли названные понятия к суверенной и независимой Украине? Первое — «страна» — несомненно. С ним ассоциируется конкретное территориальное пространство, зафиксированное в соответствующих юридических актах и других документах. Что касается второго понятия — «государство», то здесь не все однозначно. Внешне как будто все нормально — есть все необходимые атрибуты и символы украинской государственности: флаг, герб (пусть малый), гимн, политические институты власти. Украину как суверенное государство признало мировое сообщество.

Казалось бы, какие могут быть сомнения? И тем не менее они есть, причем не только у вечно сомневающейся интеллигенции, но и у простых людей. Неоднократно приходилось слышать возмущенные высказывания по поводу отсутствия адекватной реакции властей на незаконное блокирование «оранжевыми» правительственных учреждений в 2004 году. «А что вы хотите, — заявляли тогда многие, — государства-то нет». И спорить с таким определением было трудно. От легкого дуновения псевдореволюционного «оранжевого» ветерка украинская державность рассыпалась, как карточный домик. Институты власти не только не смогли уберечь страну от анархического хаоса, обеспечить права тех сограждан, которые определенно нарушались в ходе протестных акций, но и защитить самих себя. Под несмолкаемые стенания «оранжевых» революционеров об отсутствии в стране свободы проходил процесс разрушения еще не окрепшей украинской государ-

ственности. Его логическим завершением явился незаконный, не прописанный ни в каких юридических документах третий тур президентских выборов в ноябре 2004 года. Всем управляла революционная целесообразность.

Поразительно, что наши европейские и заокеанские учителя демократии не только не были озадачены попранием конституционной законности на Украине, но и откровенно содействовали ему. В недели «оранжевого» путча они зачастили на Украину, чтобы выступить на революционном Майдане и морально поддержать, как тогда часто говорили, спонтанный порыв народа к свободе. У страны еще были законные президент (пусть и выдворенный за пределы Киева), парламент, Кабинет министров, но западные ревнители законности уже не считались с ними. Реальной властью для них были вожди «оранжевого» путча, и только их они и поддерживали. Как впоследствии выяснилось, не только морально, но и материально. Об этом откровенно рассказали сенаторы США, а также российский олигарх Б. Березовский, не получивший внятного разъяснения от «оранжевых» революционеров, куда были потрачены его десятки миллионов долларов.

Не менее разрушительными для украинской государственности оказались и события весны-лета 2007 года, когда президент В. А. Ющенко начал штамповать указы о роспуске Верховной рады и досрочных парламентских выборах. Законных оснований для них не было, только та же революционная целесообразность. Почувствовав, что антикризисная коалиция начала набирать силу, и опасаясь, что в таких условиях ему не удастся реализовать все обещания, данные западным покровителям, президент прибег к неконституционным действиям, которые и в страшном сне не могли присниться его предшественнику Л. Д. Кучме.

И как же отреагировал на это Запад? Да по существу никак. Откровенно взять под защиту своего подопечного он не решился — слишком явными были нарушения им действующей Конституции. На «пожурить», как говорят в Одессе, тоже не хватило мужества. В этом случае пришлось бы изменить правилу, согласно которому свой сукин сын все равно остается своим,

что бы он ни совершил. В Киеве в это время был уже и другой Майдан — красно-розово-синий, но ни один западный конгрессмен и правозащитник так и не появился на его трибуне. Запад сохранял олимпийское спокойствие, не бился в истерике, как в 2004 году, а ограничивался дипломатическими замечаниями, что все это — внутреннее дело Украины.

Конечно, это прискорбно, но не неожиданно. К политике двойных стандартов Запада мы уже привыкли. И какое дело Западу до становления нашей государственности? Чем она аморфнее, тем ему легче реализовать свои планы по втягиванию Украины в НАТО, превращению ее в рынок сбыта своей продукции, источник дешевой рабочей силы.

В данном случае больше, чем позиция Запада, нас должно беспокоить наше внутреннее отношение к государственности. После досрочных неконституционных выборов в Верховную раду Украины 2007 года все принялись анализировать их результаты. Убежден, что в этом нет смысла. Ведь все было прогнозируемо. Получили ту же, выражаясь шахматной терминологией, патовую позицию, которую имели и до выборов. Теперь, правда, с микроскопическим перевесом «оранжевых», который не давал и слабых надежд на конструктивную работу законодательного органа.

Анализировать следует не последствия, всякий раз одинаковые, а их причины, к чему мы оказываемся не готовыми. Если бы это было не так, мы признались бы хотя бы самим себе, что череда неконституционных действий осени 2004 года, а также весны и лета 2007 года стала возможна только потому, что Украина как государство еще не состоялась.

В странах с давними государственными традициями, где чуть ли не с молоком матери впитывается уважение к законам и порядку жизни, события, подобные украинским, невозможны по определению. Нарушение Конституции в них сопряжено в лучшем случае с отрешением от должности, даже наивысшей, в худшем — с судебным преследованием. В странах же, где отсутствуют традиции государственности, для оправдания таких действий, оказывается, достаточно заявить, что Конституция несовершенна. Так, как это сделал президент Украины

В. А. Ющенко, который в статусе народного депутата сам же ее и принимал.

Поразительно, что это не стало чрезвычайным происшествием в жизни страны. За исключением руководителей Коммунистической и Социалистической партий П. Н. Симоненко и А. А. Мороза, все остальные политические силы восприняли президентский произвол как заурядное явление, не требующее острой общественной реакции. Юридические властные институции — прокуратура, Верховный и Конституционный суды, испытывавшие, правда, невероятный административный прессинг, — не нашли в себе мужества защитить Конституцию. Министерство юстиции Украины было последовательно в заявлениях о незаконности «разгонных» президентских указов, но дальше констатации дело не пошло. Еще меньше принципиальности проявили Кабинет министров Украины и «Партия регионов» Украины, возглавляемые В. Ф. Януковичем. Согласившись на досрочные выборы парламента, они фактически разделили с президентом ответственность за нарушение государственного порядка в стране.

По сути, и президент со своей командой, и премьер-министр со своей продемонстрировали одинаковый уровень правосознания. И те и другие не увидели ничего предосудительного в том, что Конституция и законы оказались ненужными при разрешении конфликта интересов двух противостоящих политических сил. Их легко подменили внеюридическими соглашениями двух или трех высших политических деятелей страны. Это называется «жить не по законам, а по понятиям».

В такой ситуации не стоит ранжировать меру вины. Она лежит и на тех, кто инициировал неправедные действия, и на тех, кто с ними согласился. Один из литературных героев И. Я. Франко в похожей ситуации сказал: «Ось так взяв би довбню та й по голові, одних за те, що кров людську п'ють, а других за те, що не бороняться».

Это в наших традициях — не замечать того, чего не хочется замечать или что не согласуется с политической конъюнктурой. Проще убеждать себя в том, что украинский этнос — древнейший в мире, а его государственность ведет отсчет еще

с арийских времен. Но, как гласит восточная мудрость, сколько ни произноси слово «халва», во рту слаще не станет.

История реальная (а не воображаемая) не демонстрирует непрерывности отечественной государственности не только с таких невообразимо древних времен, но и в исторически обозримых. После разрушения монголо-татарами в конце 30-х — начале 40-х годов XIII века Киевской Руси собственная государственность у нас появилась только в конце XVI — первой половине XVII века. Точнее сказать, в это время определились некоторые ее черты. Об украинском государстве можно говорить лишь после национально-освободительной войны 1648–1654 годов под руководством Богдана Хмельницкого.

К сожалению, и в это казацкое время, которое ныне чуть ли не канонизируется национал-патриотическим общественным мнением, украинская государственность развивалась сложно и противоречиво. Фактически у нее были три независимых центра: Гетманщина, Правобережная Украина и Запорожье, причем ни один из них не предполагал независимого существования. Все были привержены в лучшем случае идее автономии под протекторатом могущественного сюзерена. Гетманат в большей мере ориентировался на Москву, правобережные гетманы — на Варшаву или Стамбул, Запорожская Сечь — попеременно на все три названные столицы и на Бахчисарай.

Особенно проблемной для государственного развития Украины оказалась Запорожская Сечь. Возникнув как мощный очаг сопротивления господству на украинских землях Речи Посполитой, а также татарским набегам, Сечь со временем превратилась в деструктивную силу, не признававшую законопорядка у себя и не позволявшую установиться порядку на территориях, контролируемых другими двумя центрами.

Можно утверждать, что уже во времена Богдана Хмельницкого не было необходимости в существовании Сечи. Образовалось относительно большое казацкое государство с центром в Чигирине, и именно оно должно было стать единым государствообразующим средоточием украинского народа. Понимал ли это Богдан Хмельницкий? Если и не в той мере, как

это понятно теперь, то определенно был не в восторге от ничем не сдерживаемой запорожской вольницы. В большей мере дестабилизирующую роль Запорожской Сечи осознавал гетман И. Мазепа. Он неоднократно жаловался в Москву на своеволие запорожцев, не желавших следовать порядку. В свою очередь, запорожцы в пику И. Мазепе пошли на мировую с крымскими татарами, с которыми гетман находился в состоянии войны. Чтобы поставить низовое войско под контроль, он заложил и построил Новобогородицкую крепость, ставшую предшественницей Днепропетровска (ныне — Днепра). Ее строительство велось такими быстрыми темпами, что, по словам И. Мазепы, «запорожцы и осмотреться не могли». Разумеется, они понимали, зачем гетман построил крепость у них под боком, и были этим крайне недовольны. После того как в 1689 году они заключили мирный договор с татарами, И. Мазепа подверг Запорожье настоящей блокаде. Во все украинские города он разослал приказ не пускать туда запорожцев, равно как и никого из украинцев не пускать в Запорожье.

Трудно сказать, могли ли названные гетманы силой ликвидировать запорожскую вольницу и были ли у них такие намерения, но то, что этого не случилось, не пошло на пользу украинской государственности. Вплоть до конца XVIII столетия Запорожская Сечь, постоянно менявшая свою политическую ориентацию, продолжала оставаться дестабилизирующей силой по отношению к Украине.

Еще одним фактором, не позволявшим консолидироваться Украине как государству, был провинциализм гетманской власти. По существу, ни один из гетманов, в том числе лучший из них — Богдан Хмельницкий, не смог осознать того, что единственной столицей их государства должен быть Киев. Казалось, приблизился к такому пониманию Богдан Хмельницкий: он называл Киев «містом нашим столичным», после победы над польской шляхтой торжественно въехал в него через Золотые ворота, но превратить этот символ в реальную действительность так и не смог.

Об этом можно только сожалеть. Ибо если бы политическая власть оказалась в такой же степени приверженной древним

традициям, как церковная, и избрала бы своей резиденцией Киев, имевший де-факто статус столицы, не исключено, что у украинской государственности была бы более счастливая судьба.

Приведенный исторический экскурс был необходим, так как традиции государственной полицентричности, разнонаправленной внешней ориентации, неспособности подняться до уровня осознания общенациональных интересов сохраняются, к сожалению, и в наше время. По сути, отношение к нынешней «гетманской» булаве осталось прежним. Многим она не дает покоя. Не случайно ныне стало популярным старинное выражение «где два украинца, там три гетмана». И борьба за гетманство идет во многом схожими методами, чаще всего не сообразуясь с правилами.

Печально, но и результат мы имеем почти тот же самый. Уже 27 лет Украина развивается суверенно, но ее политическая элита так и не справилась с трудной задачей государственного строительства. Она не смогла объединить общество, определить общенациональные приоритеты, структурировать институты власти, выработать нерушимые правовые основы жизни и, собственно, сама не консолидировалась в единую политическую силу.

Реально на Украине правят бал несколько конкурирующих политико-экономических корпораций, которые, поочередно приходя к власти, принимаются строить свое государство, совершенно не сообразуясь с принципами преемственной ответственности, но обязательно с ярко выраженной региональной провинциальностью, будь то днепропетровской, донецкой или галицкой.

Удивительно, как это похоже на те далекие казацкие времена, о которых говорилось выше. Тогда тоже наши славные гетманы и старшины не мыслили Украинское государство иначе как через призму хуторов. Отличие заключается лишь в том, что старые гетманы превращали свои хутора в столицы, а нынешние превращают столицу в свои хутора. Общеукраинского проекта строительства государства не было тогда и нет теперь!

А как обстоят дела со страной? К сожалению, тоже не очень благополучно. Дело в том, что в нынешних государственных границах Украина существовала не всегда. Это результат длительного государственно-административного собирания земель.

В цивилизационном отношении нынешняя Украина состоит из двух частей: коренной восточнославянской в границах лесостепной и южнополесской зон и степной, колонизированной восточными славянами. До этого ее полновластными хозяевами были ирано- и тюркоязычные народы: в I тысячелетии до н. э. — киммерийцы, скифы, сарматы, в I–II тысячелетии н. э. — авары, венгры, болгары, печенеги, торки, половцы, татары. Только к концу XVIII века Россия, преодолев сопротивление Крымского ханства и Турции, распространила на эти земли свой суверенитет. На это время приходится и массовое переселение сюда выходцев с территории Российской империи, причем не только украинцев, но и русских (может быть, русских в большей мере).

Административно украинскими эти земли стали только в марте 1918 года, когда по настоянию В. И. Ленина в состав Украинской Советской Республики вошла Донецко-Криворожская Советская Республика, находившаяся ранее в составе РССР. В юбилейный год 300-летия воссоединения Украины с Россией по предложению Н. С. Хрущева Верховный Совет СССР передал в состав Украинской ССР Крым, который с 1921 по 1944 год обладал статусом автономии, а затем до 1954 года — области в составе Российской Федерации.

Исторические условия формирования степной зоны нынешней Украины обусловили необычайную этнографическую пестроту ее населения. Преобладающим этносом здесь уже с конца XVIII века стали русские. Украинцы составили вторую по численности группу, крымские татары — третью. Кроме них, на этих землях проживали греки, армяне, болгары, немцы, представители других народов. Языком межэтнического общения был русский. И дело здесь не столько в русификаторской политике царской России или Советского Союза, что модно подчеркивать в наше время, сколько в том, что этот

регион длительное время был составной частью России и в нем преобладало русское население. Даже по последней переписи населения этническими русскими считают себя 8,5 миллионов человек, подавляющее большинство которых проживает на Юго-Востоке Украины и, разумеется, в Крыму.

Более однородны в этническом отношении лесостепная и южнополесская части Украины. Именно здесь на базе древнерусского этнокультурного наследия сформировался украинский народ. К сожалению, в процессе исторического развития он не сохранил своего цивилизационного единства, как и государственно-территориального. Фактически он разделился на два украинских народа. Центрально- и восточноукраинский сохранил свою византийско-православную идентичность и с 1654 года пребывал в составе Российской империи, а потом и Советского Союза. Западноукраинский в результате решения Брестского унийного собора 1596 года фактически перешел в католицизм и в течение всей последующей истории находился в составе Польши, Австро-Венгрии, Румынии, Словакии.

К большой Украине эти западные земли были присоединены только в 1939–1945 годах. В сентябре 1939 года, согласно пакту Молотова–Риббентропа, в состав Советской Украины вошла Галичина, а после окончания Великой Отечественной войны — Закарпатье и Северная Буковина. Ни одна из этих земель ранее не составляла административно-территориального единства с Украиной.

После получения государственного суверенитета широкое распространение получил тезис об особой украинской ментальности. Это скорее еще один миф, чем объективная реальность. Единой украинской ментальности не существует в природе. Это справедливо даже по отношению к этническим украинцам. В то время как население Центральной и Восточной Украины находится в лоне традиционного православия и тяготеет к России и другим славянским странам византийско-православной цивилизационной системы, население Западной Украины — католическое в своем большинстве — пребывает в сфере римско-католического культурного притяжения. Отдельную

группу составляют жители Юго-Восточной Украины, которые исторически и культурно более близки к русским, чем к западным украинцам. Кроме того, среди граждан Украины есть и представители крымско-татарского народа, цивилизационно принадлежащего к мусульманской культурно-исторической общности.

Сказанное убедительно свидетельствует о региональной культурно-исторической и духовной пестроте нашей страны. Образно говоря, фактически имеются четыре разные Украины с собственной историей, религиозной принадлежностью, традициями. Шестьдесят лет их сосуществования в современных административно-территориальных и 27 лет суверенного развития — небольшой срок, чтобы выработались сильные традиции государственности и произошла консолидация страны.

К сожалению, опыт суверенного периода и особенно последних четырех лет не вселяет уверенности в том, что мы подготовлены к решению непростых задач по консолидации Украины как государства и страны. Более того, многое указывает на то, что сложный и противоречивый опыт исторического развития просто игнорируется ныне правящей политической элитой. Особенно показательным примером является «оранжевая революция», разделившая народ Украины на национально сознательную и несознательную части. Печальнее всего, что граница между ними обрела четкие географические очертания. Третий нерегламентный тур выборов президента, а затем и незаконные досрочные выборы в Верховную раду в 2007 году, по сути, закрепили этот разлом.

Стоит ли доказывать, что это печальные результаты? Слишком дорогая цена президентства и «оранжевого» политического преобладания. Если мы действительно хотим, чтобы Украина была единой в государственно-территориальном отношении, нам крайне необходимо уважительно относиться к нашим разным историям. Речь идет не об их взаимном признании, чего, вероятнее всего, никогда не произойдет, но о взаимном смирении с ними. При этом следует отбросить как непродуктивные и вредные попытки ранжировать эти разные истории на первосортные и второсортные.

До сих пор ничего подобного у нас не получалось. Внешне как будто никто не против достижения согласия в общем украинском доме, но установиться оно должно, как уверены «оранжевые» руководители страны, на определенных условиях. Я бы назвал их условиями реванша — идеологического, культурно-исторического и даже этнического. При этом обязательно с осуждением и проклятием чужого прошлого, совершенно не считаясь с тем, что оно может быть кому-то близко, а проклятья — оскорбительными.

Примеров этому в нашей суверенной жизни — великое множество. Приведу относительно свежий, связанный с открытием на Украине Музея советской оккупации, получившим восторженное одобрение президента В. А. Ющенко. Ни он, ни его многочисленные советники даже не задумались над тем, как это событие отзовется в душе их соотечественников. Хотя они знают, что значительная часть украинцев не разделяет такой радикальной оценки недавнего прошлого. И не потому, что идеализирует его, а потому, что считает его собственной историей. Несколько поколений искренне верили в коммунистические идеалы. К тому же именно советская власть собрала воедино великую Украину, подняла ее до уровня наиболее развитых стран мира. Как страна-победительница над фашистской Германией, она заняла достойное место в Организации Объединенных Наций. Так нравственно ли отрекаться от своего прошлого и предавать его анафеме?

Инициаторы и вдохновители этой провокационной затеи должны понимать, что в нашей истории было много явлений, которые общественностью воспринимаются неоднозначно. К ним относятся, например, Брестская уния 1596 года, которая разделила единый православный украинский народ на два и негативные последствия принятия которой мы ощущаем до сих пор. В этом же ряду находятся и ОУН-УПА, которые запятнали себя сотрудничеством с фашистской Германией и террором по отношению к мирному населению Украины и ее соседей. И как отреагировал бы глава государства, если бы на Украине был создан музей преступлений ОУН-УПА? Впрочем, о чем это я? Разве указ президента о праздновании годов-

щины УПА и присвоении командиру диверсионного батальона «Нахтигаль» гауптштурмфюреру СС Роману Шухевичу звания «Герой Украины» не является убедительным ответом на мой наивный вопрос?

На каждое действие всегда находится противодействие. Удивительно, что эта простая истина оказывается недоступной для наших национал-радикалов и их вельможных покровителей. Они с маниакальным упорством продолжают ковыряться в старых ранах и оплакивать прошлое, даже то, к которому не имеют никакого отношения. Для этого даже был создан Институт памяти, который корректнее было бы назвать «Институт злопамяти», поскольку его задачей является исследование исключительно драматических страниц истории одной части Украины. К примеру, об узниках австро-венгерских концентрационных лагерей «Талергоф» и «Терезин» или кровавом терроре населения Прикарпатской Руси в годы Первой мировой войны общественность этого института ничего слышать не хочет.

Следует отметить, что ни в одном этимологическим словаре термин «память» не отождествляется со злопамятью или печальной памятью. Наоборот, он понимается в широком значении — как способность помнить все прошлое. Причем не просто помнить, но и понимать причинно-следственную связь явлений и событий, давать им научное толкование. Фактически память является синонимом разума. Именно такова народная память, отраженная в исторических летописях, былинах, думах, песнях. Эту память давно и плодотворно изучают гуманитарные институты Национальной академии наук Украины, и не было никакого смысла создавать специализированный институт, к тому же при администрации президента.

Как правило, государственное развитие теснейшим образом связано с национальным. Этнополитические консолидационные процессы помогают становлению государственности, а последняя, в свою очередь, создает условия для формирования политической нации или гражданского общества. Исторически мы не имели ни того, ни другого. Различные части нынешней Украины веками жили в разных государственных

образованиях. И даже если говорить только об украинском этносе, то и в этом случае невозможно утверждать, что он составляет единую нацию. А ведь кроме него Украину населяют и другие народы, в том числе такие крупные, как крымские татары и русские.

Поэтому расхожее выражение нашего президента «моя нация» может восприниматься не иначе как со значительной долей иронии. Нации, о чем подробнее речь пойдет далее, нет — ни украинской этнической, ни украинской политической. Можно говорить лишь о народе Украины, который представляет совокупность этнокультурных общностей с различными ценностными ориентациями. В то время как жители Восточной и Центральной Украины, которые исторически долгое время пребывали в составе Российской империи и Советского Союза, в большинстве своем поддерживают идеи солидарности с родственными русским и белорусским народами, жители Западной Украины, веками находившиеся в составе Польши, Австро-Венгрии, Румынии и Словакии, живут воспоминаниями и мечтами о Европе.

По сути, речь идет не просто о региональной направленности симпатий украинцев, но об их цивилизационном самоощущении. Одни осознают себя частью византийско-православной культурной традиции, другие — римско-католической. Этим во многом определяются и их ценностные предпочтения.

Сказанное не позволяет согласиться с утверждением, что Украину поделили политики — она разделена исторически. Виной политиков является то, что они в угоду своим властным амбициям закрепили этот раздел. Некоторые горячие головы, претендующие на общенациональное лидерство, предлагали даже отгородить Юго-Восток Украины колючей проволокой. Впоследствии пришлось объяснять, что их не так поняли, и даже надеть футболки донецкого футбольного клуба «Шахтер».

Постоянным дестабилизирующим фактором украинской государственной жизни является проблема русского языка. Исторически сложилось так, что де-факто он издавна обрел статус второго языка Украины. И причина этого заключается

не столько в русификаторской политике царской России или Советского Союза, что сегодня подчеркивается национал-радикалами, сколько в том, что в процессе территориального расширения Украина вобрала в себя крупные регионы, населенные этническими русскими.

Игнорирование этого фактора, что имеет место в нашей «оранжевой» действительности, является величайшим заблуждением, свидетельствующим об отсутствии у ныне правящей элиты чувства государственной ответственности перед страной. «Проблемы русского языка на Украине не существует», — заявляет президент и тем самым уподобляет себя страусу, прячущему голову в песок. Если нет, тогда почему закрываются русские школы, почему русский язык объявляется на Украине иностранным?

Я уже неоднократно честно признавался, что не уверен в необходимости юридического уравнивания русского языка с украинским на общегосударственном уровне. Будучи международным и более конкурентным, русский язык может потеснить украинский. Это стало бы невосполнимой потерей, с которой я не могу смириться.

Но чем угрожает государственному статусу украинского языка признание русского официальным в отдельных регионах? Когда областные советы Юга и Востока Украины на подведомственных им территориях начали объявлять русский язык вторым официальным, я подумал: «Слава богу! Жизнь сама нашла решение этой непростой проблемы». Теперь отпадает необходимость перед каждыми очередными и внеочередными выборами будировать вопрос о придании русскому языку общегосударственного статуса.

Но не тут-то было. Из Киева послышался грозный возглас, что такие решения облсоветов заслуживают адекватной реакции со стороны прокуратуры и судов. Вскоре она последовала, после чего облсоветы послушно исполнили монаршую волю. При этом промолчали и Кабинет министров, и «Партия регионов», которая перед очередными выборами в парламент обещала государственную защиту русского языка. Перед внеочередными выборами она вновь вспомнила об этом, но всерьез

это уже никто не воспринял. В результате все оказались несостоятельны в рациональном решении проблемы русского языка. И не надо быть провидцем, чтобы предположить, что эта проблема и впредь будет яблоком раздора в общественно-политической жизни Украины. Также полную несостоятельность власти предержащие продемонстрировали и продолжают демонстрировать в церковных делах.

Приходится с сожалением констатировать, что мы, украинцы, не научились брать историческую ответственность за свое прошлое. Все, что в нем есть хорошее, — наше, а плохое навязано недоброжелательными соседями.

Следует ли доказывать, что отречение от своего прошлого, пусть и в единстве с прошлым других народов, не только безнравственно, но и оскорбительно для украинского народа? Ведь он был не только объектом истории, но и ее субъектом. Идея объединения не была навязана нам Россией — она изначально была украинской: исходила от казацкой старшины и была актуальна для Украины в конце XVI — первой половине XVII столетия. Российскую империю строили не только москали, но и украинцы.

Идеологами реформ Петра I были выдающиеся украинцы Феофан Прокопович, Стефан Яворский, Арсений Сатановский и прочие. В 50-е годы XVIII века девять из десяти членов Священного Синода были выходцами с Украины. Правой рукой императрицы Елизаветы был украинец Алексей Разумовский. Его брат Кирилл почти два десятилетия возглавлял Петербургскую императорскую академию наук. Сын Кирилла, Алексей Разумовский, был сенатором и министром образования России. Князь А. Безбородко был канцлером в правительстве императрицы Екатерины II. Князь В. Кочубей был председателем Государственного Совета и Комитета министров во времена правления Николая I.

Полный перечень представителей Украины в государственных структурах Российской империи занял бы много места, и едва ли есть необходимость утомлять этим читателя. Сказанное об участии образованных людей Украины в создании Российской империи, конечно, не является основанием для ее

идеализации. Было и много плохого, но если быть честными, то мы должны разделить с русскими ответственность за ее несовершенство.

Украинцы также внесли значительный вклад в формирование русской культуры. По грамматике Мелетия Смотрицкого московские студенты учились вплоть до конца XVIII столетия. Приблизительно сто профессоров Славяно-греко-латинской академии в Москве, преподававших в течение XVIII века, были воспитанниками Киево-Могилянской академии. Феофан Прокопович инициировал учреждение Императорской академии наук в Петербурге. Много выходцев с Украины стали выдающимися русскими музыкантами (М. Березовский, С. Гулак-Артемовский), художниками (Д. Левицкий, В. Боровиковский, О. Лосенко, И. Мартос, И. Репин), историками (Д. Бантиш-Каменский, Ю. Венелин, О. Бодянский), литераторами (М. Гоголь, В. Короленко).

Процесс интеграции украинских интеллектуалов в русскую культуру был настолько органичным и глубоким, что и сегодня без ущерба для исторической правды и нравственности мы не можем разделить многих выдающихся деятелей науки и культуры между Украиной и Россией.

Исключительно как жертва рассматривается Украина и в составе Советского Союза. При этом источником зла считается все та же Россия. Именно оттуда пришли бесчисленные орды Муравьева, которые принесли на штыках ненавистный украинцам социализм. О том, что за советскую власть воевали десятки тысяч украинцев под предводительством украинских полководцев Щорса, Боженко, Пархоменко, Ворошилова, Коцюбинского и других, а власть Советов поддержало большинство населения Украины, умалчивается.

В действительности Украина была не только жертвой (как и Россия), но и соавтором социалистической идеи. Весомый вклад в ее реализацию внесли многие выдающиеся деятели украинской культуры — Т. Шевченко, И. Франко, Л. Украинка и другие. Социалистами, как известно, были и «отцы» Украинской Народной Республики М. Грушевский, В. Винниченко, С. Петлюра. Конечно, они мечтали не о таком социализме,

который получился в Советском Союзе, но то же самое можно сказать и о русских интеллектуалах. И негоже теперь всю ответственность взваливать на россиян. Достаточно нагрешили и мы, украинцы.

То же можно сказать и о трагическом голодоморе 1932–1933 годов, который унес миллионы украинских жизней. Кроме Украины, страшная беда случилась и в других зерносеющих регионах Советского Союза: на Кубани, в Подонье, Поволжье, Северном Казахстане. Признавая это, некоторые украинские историки считают, что больше всего жертв было именно на Украине. А поскольку это так, значит, мы имеем дело с этногеноцидом украинцев. Нам бы задуматься над тем, почему именно с Украины «выгребли» наибольшее количество хлеба. Не наши ли соотечественники виноваты в этом? Ведь из Москвы не было видно крестьянских ям с зерном. Но для этого необходимо хотя бы немного напрячь мозги, а для обвинения москалей этого делать не нужно.

Опыт нашего суверенного бытия не вселяет оптимизма в то, что в условиях унитаризма мы сможем найти оптимальные формы «сожительства» разных регионов. Фактически мы имеем дело с консервацией региональной своеобразности и стремлением возвести к общеукраинскому идеалу ценности одного из регионов. По сути, в течение всего периода независимости наблюдалось доминирование политической элиты одного из регионов. Со временем правления президента Л. Кучмы ассоциируется преобладание в высших коридорах власти выходцев из Днепропетровщины. Претензии В. Януковича на президентский пост были квалифицированы как попытка донецкого клана заменить днепропетровский. Вместе с тем приход к власти команды В. Ющенко расценивается как победа национально сознательного Запада над национально несознательным Югом и Востоком Украины. Причем во всех случаях речь идет не только о политическом, но и об экономическом и культурном доминировании. После победы так называемой «померанчевой революции» определилась тенденция всеукраинизации западноукраинских цен-

ностей и проявления нетерпимости к другим культурно-историческим традициям.

Ярким примером сказанному может быть установление указом президента В. Ющенко Дня «оранжевой революции» как общеукраинского праздника. Безусловно, это ошибочное решение. Общеукраинские праздники должны объединять украинцев, а не разъединять их. Новый праздник в сущности консервирует раскол Украины, который в значительной мере образовался в результате «оранжевой революции».

Ничего иного, кроме стремления преодолеть доминирование образа жизни, ориентированного исключительно на западноукраинские ценности, такое положение вещей вызвать не может. Пройдет некоторое время, и верх возьмет, скажем, донецкая политическая элита, недовольными окажутся галичане, а может, и те же днепровцы, которые на новом цикле захотят взять реванш. Вот так и будем мы тратить силы не на строительство Украины как европейского цивилизованного государства, а на достижение кланово-региональных преференций. Непременным спутником этих соревнований станут подозрения и обвинения, что кто-то живет за чужой счет или является меньшим патриотом неньки Украины.

Во избежание этого в будущем Украине нужно изменить форму государственно-политического и административно-территориального устройства, перейти от унитарной к федеративной форме государства. Когда-то, еще на заре нашей суверенности, с такой идеей выступал В. М. Чорновил, который предложил создать Галицкую ассамблею. Тогда от этой идеи отказались, но хватило ума не обвинить ее автора в сепаратизме. В 2004 году такие предложения, инициированные политическими лидерами Юго-Восточного региона, были расценены новой властью как проявления сепаратизма.

В ходе представления главы администрации Донецкой области президент В. А. Ющенко в своем весьма эмоциональном выступлении заявил, что эти идеи принадлежали «больным людям», которые «будут отвечать перед судом за ту маячню, которую они привнесли в украинское общество». Вслед за этой угрозой и в самом деле последовали аресты отдельных

политических лидеров: Е. Кушнарева, Б. Колесникова. Их вызвали в прокуратуру дать объяснение относительно сепаратизма, а потом арестовали якобы за экономические злоупотребления.

Не думаю, что В. А. Ющенко и его политические соратники (среди которых есть и дипломированные юристы) не понимали разницы между федерализмом и сепаратизмом. На митингах в Донецке, Луганске, Харькове и Северодонецке ни о каком сепаратизме речи не было. Люди говорили о региональной специфике и пытались определиться со своими экономическими и политическими интересами. Обвинение в сепаратизме, очевидно, имеет целью подавить в зародыше идею федерализма, реализация которой, безусловно, ограничит монаршие полномочия президента и сделает невозможным клановый характер центральной власти.

Ничего крамольного в идее украинского федерализма нет. Цивилизованный Запад, в который мы стремимся попасть любой ценой, демонстрирует нам бесспорные преимущества такого государственного устройства. Именно так устроены Великобритания, Германия, Австрия, Швейцария, Бельгия, Канада, США (основной политический наставник Украины) и много других стран, в конце концов, и наш сосед — Россия. Да и Украина — не целиком унитарное государство, как записано в Конституции, ведь в ее состав входила Автономная Республика Крым, что, не случись государственного переворота, нисколько не угрожало государственному и территориальному единству Украины.

Потенциальным претендентам на высший государственный пост не следует беспокоиться по поводу некоторого сужения властных полномочий в условиях федерализма. Сохраненных полномочий вполне достаточно для руководства страной. К тому же проблема не только в форме государства, но и в формате личности, его возглавляющей. Можно быть непререкаемым общенациональным лидером в федеративной стране и «полудержавным властелином» в унитарной, примером чему является наша «оранжево-революционная» действительность.

Убежден, Украина в конце концов придет к федерализму. При этом необходимо осознать то, что административно-территориальная структура Украины претерпит коренные изменения. Вместо нынешних областей целесообразно создать 10–11 земель в соответствии с историческим районированием: Среднее Приднепровье, Сиверия, Слобожанщина, Волынь, Подолье, Галичина, Таврия, Донетчина, Новороссия, Запорожье, Крым. Каждая из федеральных земель в этом случае была бы значительной территориальной, экономической и демографической структурой в государстве, способной к самодостаточной организации внутренней жизни. Земли имели бы свои правительства и парламенты, на базе которых формировались бы федеральные законодательные и исполнительные органы власти, в том числе вторая палата федерального парламента, о которой в свое время говорил президент Л. Д. Кучма.

Очевидно, к классическому европейскому федерализму Украина придет нескоро. Но относительная отдаленность его установления не означает, что мы должны целиком сосредоточиться на «разбудове» унитаризма и бояться даже мысли о федеративном устройстве государства. Опыт мировой истории убеждает, что унитаризм в условиях, сходных с украинскими, нежизнеспособен. Чрезмерная властно-административная централизация, проводимая на принципах абсолютизации ценностей (культурно-исторических, этнонациональных, конфессиональных), характерных лишь для одного из регионов, рано или поздно приводит к краху системы. Более приемлемыми оказываются формы государственности, которые не только не подавляют региональное самоуправление, но и являются его прямым продолжением.

Следовательно, альтернативой нескольким Украинам, о которых говорилось выше, может стать единая Украина, но не унитарная, а федеративная.

2. ГОСУДАРСТВО И СВОБОДА

В течение длительной эволюции в общественном сознании утвердилась мысль, что государство и свобода являются несовместимыми антиподами. История не знает примера, когда общество было бы удовлетворено объемом гражданских свобод и не роптало бы по поводу их притеснений авторитарным государством. Причем каждому поколению казалось, что именно на его долю выпали наибольшие испытания.

Острее других противоречие между государством и свободой осознавалось творческой элитой общества. А. С. Пушкин называл свое время «жестоким веком» и гордился тем, что даже в этих условиях ему удалось прославить свободу и «милость к падшим призывать». И. Я. Франко ассоциировал государство, отнявшее у людей свободу, с огромной гранитной стеной, которую им надлежало сокрушить. Для Леси Украинки метафорическим образом государства была «ночная тьма», а свободы — «рассветные огни», зажигавшиеся рабочим людом.

Сладкое слово «свобода» периодически овладевало умами угнетенных и униженных, выводило их на улицы и площади и даже побуждало браться за оружие. Происходили революции, ввергавшие народы в гражданское противостояние. Когда их дым рассеивался, оказывалось, что государство не становилось лучше, а свободы — больше.

Ярким примером этому стала и наиболее близкая к нам по времени «оранжевая революция» на Украине. Помнится, В. А. Ющенко на революционной трибуне произнес сакраментальную фразу: «Наконец-то мы стали свободными». Слово «мы» определенно относилось к людям Майдана, поскольку сам он и его окружение были свободными и до «революции». Майдан откликнулся на слова вождя тысячеголосьем одобрения, хотя вряд ли для него главным жизненным дефицитом являлась свобода. Можно думать все-таки, что участники многонедельных протестов на центральной площади страны надеялись на улучшение своей жизни.

Вскоре стало понятно, что новая власть не лучше прежней, из которой она и вышла. Свои личные интересы, о чем поведал один из пламенных революционеров, ей оказались ближе, чем интересы «освобожденного» из «кучмовской неволи» народа.

В размышлениях диссидентствующих интеллектуалов финального этапа существования Советского Союза постоянно слышались заклинания, что свободы больше там, где меньше государства. Тиражируя эту далеко не бесспорную мысль и расшатывая тем самым государственные устои, никто из них не захотел озадачиться естественным вопросом: зачем человечество придумало себе эту головную боль? Продолжало бы жить без государственной организации, в условиях первобытной свободы. Но в том-то и дело, что на определенном этапе свобода стала тормозить прогрессивное развитие и ее регламентация была вызвана жизненной необходимостью.

Вначале (а затем и параллельно с государством) эти функции выполняла церковь, взявшая на себя ответственность за нравственное воспитание общества. Ее роль, однако, не стала всеобъемлющей. Исторический опыт свидетельствует, что далеко не все люди склонны жить по вере или заповедям Божьим. Это справедливо даже по отношению к верующим, жизнь которых проходит преимущественно между грехом и покаянием. Не случайно у нашего православного народа родилась пословица «не согрешишь — не покаешься». Что говорить о тех, для кого вероисповедальная принадлежность являлась лишь символом их национальной и культурной самоидентификации?

Там, где не действовало убеждение словом Божьим, требовалось принуждение государевой властью. В ходе эволюции государство обретало различные формы: от военной демократии через демократию Античности, монархический абсолютизм к демократии, но уже республиканской. Несмотря на разные формы, сущностно институт государства всегда был инструментом господства меньшинства над большинством. Можно много рассуждать о несправедливости такого порядка, мечтать об идеальном государстве, одинаково справедливом

по отношению ко всем своим подданным, но пока существует несовершенное общество, его государственность будет такой же. Она ведь не что-то инородное, навязанное людям силой, но органический продукт их внутреннего развития. Государство и общество являются как бы зеркалом одно для другого. Перефразировав известное изречение, можно сказать, что каждый народ имеет такое государство и такую свободу, которые он заслуживает.

Постоянно предъявляя претензии к государству как душителю свободы, общество в целом и его лучшие представители в частности не всегда отдавали себе отчета в том, что именно оно обеспечивало условия развития экономики, просвещения, культуры. Будь государство действительно тираническим деспотом, каким его всякий раз представляли в глазах общественного мнения, оно оставило бы после себя пустыню. Но этого не происходило. Более того, по прошествии времени оказывалось, что чем жестче были государственные порядки, тем больших достижений добивалось общество во всех жизненных проявлениях.

Какую блестящую культуру создали, к примеру, рабовладельческие государства Античности. Человечество и сегодня восторгается афинским Акрополем и римским Колизеем и, конечно же, за давностью лет не переживает из-за того, что все это было построено в результате жестокой эксплуатации рабского труда. Греция и Рим являлись крупными рабовладельческими государствами, подчинившими значительные территории. В эпоху Средневековья их преемницей стала Византийская империя, а также ряд крупных европейских государств, унаследовавших традиции византийско-православной и римско-католической культур.

Их можно было бы назвать душителями свободы покоренных народов, так же как царскую Россию называли «тюрьмой народов». И, наверное, в определенной мере это было бы справедливо. Огромные ресурсы провинций, в том числе людские, направлялись в метрополию на строительство великолепных дворцов и храмов, развитие экономики, культуры, содержание армии. Однако такая оценка не совсем объективна. Па-

разитируя на покоренных народах, эти государства не только брали, но и отдавали. Регионы имперского владычества вовлекались в систему экономических связей, окрашивались в культурные цвета своих метрополий. Разумеется, речь идет о провинциальных вариантах культур, но и в этом случае жизнь провинций приобретала немыслимое в условиях их независимости ускорение. В последующие периоды истории некогда покоренные народы оказывались значительно выше в своем развитии, чем их более «счастливые» соседи, которых миновала такая судьба.

В общественном сознании закрепился еще один стереотип, согласно которому авторитарное государство особенно губительно для творческой элиты. Иллюстрируется он, как правило, примерами репрессий по отношению к наиболее выдающимся ее представителям. За ними следили тайные сыскные ведомства, их творчество подвергалось жесткой цензуре, неподконтрольные властям интеллектуалы испытали на себе карательные санкции. Так поступали все государства, хотя и с разной степенью строгости. В нашем старом Отечестве (и во времена монархического абсолютизма, и в период Советского Союза) список пострадавших за свои убеждения интеллектуалов внушителен. Многие из них — личности европейского и мирового масштаба. Казалось, не подвергнись они гонениям — их талант мог расцвести еще более пышно. Но история, как известно, не знает сослагательного наклонения, а ее опыт убеждает, что наивысшие проявления человеческого духа приходились как раз на время жесткого государственного правления.

С каким энтузиазмом отечественные диссидентствующие интеллектуалы критиковали советские порядки, якобы не дававшие свободно развиваться не только обществу, но и его творческой интеллигенции. При этом они не замечали очевидного факта: вершину интеллектуальной пирамиды в Советском Союзе составляла именно творческая интеллигенция — ученые, писатели, артисты, художники. Многие из них обрели мировую известность. Именно такое отношение государства к науке, просвещению, культуре способствовало тому, что наша

страна за короткое время превратилась в одну из развитых мировых держав.

С распадом Советского Союза жесткая регламентация жизни уступила место сомнительной свободе, скорее даже вседозволенности. В одночасье в различных сферах жизни исчезло уважение к авторитетам, причем не только к нынешним, но и к прошлым. На авансцену вышли люди, которые, не будучи причастны к достижениям предшествующего периода, принялись всячески их поносить. Ориентиры общества сбились. Свобода, не сдерживаемая государством в определенных границах, по сути привела к хаосу. При этом оказалось, что нарушилось и поступательное развитие. Общество интеллектуально и нравственно оскудело. Ничего равноценного, не говоря уже о лучшем, в таких, казалось бы, благоприятных условиях оно не смогло сделать и практически во всех сферах откатилось на десятилетия назад. Причем не только в пределах «колониальной» периферии, но и в самой «метрополии», то есть в России. На верху социальной пирамиды оказались новые буржуа, обретшие свои сказочные богатства неправедным путем благодаря крушению государства.

Чрезвычайно интересные социологические данные о зависимости нравственного состояния общества и государственности получены в России. Вину за снижение морально-нравственного уровня в стране 76 % опрошенных возложили на государство; то же количество участников опроса полагает, что оно же должно и исправить положение. Характерно, что фрондирующие интеллектуалы вроде журналиста В. В. Познера продолжают иронизировать по поводу роли государства в жизни общества, а простые люди именно с ним связывают надежды на лучшее будущее. И, безусловно, правы они, а не Познер. Иначе зачем тогда обществу нужно государство?

Разумеется, процессы деградации не являются особенностью только постсоветских стран. Они присущи и другим народам, оказавшимся неспособными сохранить (или создать) прочную государственность. Взамен везде общество получало иллюзорную свободу, но при этом погружалось в пучину соци-

ального, экономического хаоса и интеллектуально-нравственного обнищания.

Чем это объяснить? Прежде всего тем, что структурированное государство в неизмеримо большей степени, чем его аморфный аналог, сообщает обществу порядок, правила общежития, определяет перспективу развития, а главное — максимально мобилизует для этого его же ресурсы. При этом срабатывает, видимо, и эффект преодоления диктата. Жесткость государственной системы является своеобразным раздражителем для истинно творческой личности, которая неизбежно вступает с ней в интеллектуальное соревнование, часто платит за это своим жизненным комфортом, но никогда — свободой. Речь идет, разумеется, о внутренней свободе личности, а не о дарованной ей государством.

К сожалению, на независимой Украине представление о свободе не отвечает его истинному значению. От некоторых коллег-историков приходилось слышать, что теперь-то они напишут истинную правду, чего им не позволялось раньше. И действительно пишут совершенно противоположное тому, что писали и на чем преуспели в ненавистном прошлом. Определенно они неискренни и сейчас, поскольку ими движет не правда истории, а все то же подобострастное желание угодить сильным мира сего. Лучше бы вообще ничего не писали ни тогда, ни теперь.

Можно ли представить на месте нынешних «прозревших», скажем, историка Н. И. Костомарова, который принялся бы переписывать свои труды после смерти царя Николая I, или историка С. Ф. Платонова, занявшегося бы тем же после Октябрьской революции 1917 года? Будучи лично свободными, они не согласовывали свое творчество с правящим режимом, даже если это не нравилось последним. С. Ф. Платонову и многим его коллегам пришлось заплатить за это жизнью.

Истории неизвестны государственные режимы, которые не любили бы комплиментарного к себе отношения интеллектуальной элиты. Однако призвание последней состоит не в том, чтобы тешить самолюбие сильных мира сего, а чтобы быть им оппонентом, причем независимо от того, какова в данный

момент форма государственного правления — либерально-демократическая или авторитарная. Если этой исторической миссии она не выполняет, тогда, по сути, теряет и право называться элитой.

Т. Г. Шевченко писал то, что думал, в условиях наивысшего расцвета абсолютной монархии. Страшно даже предположить, что было бы, если бы он не обладал внутренней свободой. Обрела бы Украина такого апостола правды и свободы? Но мы знаем, к сожалению, и другие примеры, когда правнучатые коллеги Шевченко по поэтическому цеху верой и правдой служили советскому режиму, а после его крушения перелицевались в национал-патриотов и вновь оказались востребованы государством.

Конечно, для таких людей (историков, поэтов или политиков) свобода — не что иное, как высочайшее соизволение. Для Пушкина, Шевченко, Франко и других она органически связана с такими понятиями, как «совесть», «порядочность», «долг», для нынешних «прозревших» такой зависимости не существует, поэтому у них возможно такое странное отречение: только от содеянного, но не от полученного за это содеянное (званий, премий, орденов и др.). Да и от содеянного не столько самими, сколько другими, иначе пришлось бы отречься от себя, на что так никто и не решился.

Мы имеем специфически украинское представление о государстве. Как показали годы независимости, для нас это не органический институт внутреннего развития, а благоприобретенная форма независимого правления, причем в значительной мере персонифицированная. Так называемая «розбудова держави» сводится не к выработке незыблемых юридических основ, которые должны покоиться на глубинных отечественных (в широком значении этого слова) традициях государственности и пользоваться уважением в обществе, а к поиску удобной для той или иной политической группировки и ее вождей формы властвования.

В свое время рвавшаяся к власти оппозиция инициировала законодательное ограничение полномочий президента Л. Д. Кучмы. Однако как только забрезжила надежда занять

этот высокий пост самой (затем она действительно его получила), стала делать все, чтобы вернуть прежний объем полномочий. Конечно, нет гарантий, что, потеряв пост после очередных выборов, эта политическая сила вновь не реанимирует идею урезания «царских» полномочий президента. То есть она пытается строить государство под себя, а не встраивается в его стабильную структуру.

Как показал опыт «оранжевой революции» 2004 года, украинская государственность еще не построила прочного гражданского фундамента. И дело здесь не в том, что бедные люди вышли протестовать на улицу (в этом нет ничего неестественного), а в том, что на улицу их вывели богатые для достижения своих властных амбиций и что богатые спровоцировали «улицу» на акции неуважения к государству и его институтам. Яркий пример — блокирование государственных учреждений, в которых находилась легитимная власть. В конечном счете это было неуважением к свободе, которая якобы отстаивалась на Майдане. Но о какой свободе можно говорить, если Киев жил в состоянии психологического террора (парализованный транспорт, вой сирен, бессонные ночи киевлян, не разделявших анархического энтузиазма Майдана)? Свобода «революционеров» явно вышла за те границы, где начиналась свобода людей с другими убеждениями.

Если такие конфликты происходят в странах, которые принято называть демократическими, то они разрешаются там посредством или переговоров, или (если переговоры невозможны) адекватного силового противодействия толпе, вышедшей за рамки закона. В таких случаях в ход идут испытанные аргументы демократии — дубинки, водометы, слезоточивый газ. Недавний пример — события в Венгрии, где на пути оппозиции встала ответственная за судьбы общества и государства власть, не позволившая меньшинству дестабилизировать политическую ситуацию в стране.

Украинское государство не обладает такой устойчивостью. От легкого псевдореволюционного ветерка в 2004 году оно рассыпалось. Ныне государство также спокойно взирает, как готовится новая революция. Ее организаторы разъезжают

по стране, ведут агитацию за весенний поход на Киев, целью которого является устранение нынешней власти, а последняя не может внятно объяснить обществу даже то, законны ли эти действия. Как не было сделано этого и в случае с захватом оппозиционными депутатами электрощитовой в здании Верховной рады, а ведь это, по сути, был внутрипарламентский Майдан, своеобразный пролог к весенним событиям.

Разумеется, ничего хорошего в этом нет ни для власти, ни для оппозиции. У обеих под ногами зыбкая почва. Уличная, или майданная, стихия способна еще более ослабить и без того шаткие государственные устои, но не укрепить их. Современная история знает немало примеров (преимущественно в так называемых странах третьего мира), когда аморфное государство порождает не свободу и справедливость, а постоянное насилие, перманентный гражданский хаос. Государство, периодически сотрясаемое акциями социальной смуты, провоцируемыми безответственной оппозицией, может считаться таковым очень условно. Украинской политической элите уже пора преодолеть состояние недоросля и понять это.

К сожалению, ничто не указывает на то, что отечественная государственность способна преодолеть трудности роста. Путь, характеризующийся балансированием полномочий ветвей власти, чем Украина занята уже несколько лет, непродуктивен. Ни к чему, кроме как к параличу государственного управления, он не может привести. По сути, такого баланса нет нигде, и уж точно его нет на цивилизованном Западе, куда наши национал-патриоты стремятся всей душой.

Общество всегда нуждается в харизматическом лидере. И не важно, как он называется: царь, король, президент или канцлер. Главное — чтобы в его руках была сосредоточена вся полнота исполнительной власти и ответственность за нее. По сути, ничего нового придумывать не нужно. Если мы хотим, чтобы таковым был президент, можно взять образец США, если хотим, чтобы первым лицом в стране стал премьер-министр, следует обратиться к опыту ФРГ или Великобритании.

Из вышесказанного следует вывод: истинной свободы больше не там, где меньше государства, а, наоборот, там, где его больше, там, где этот институт уважается обществом, осознается как необходимое условие его стабильности, а свобода отождествляется не с анархией, но с уважением конституционных порядков и с гражданской нравственностью.

3. КАКОЙ РОССИЕЙ ПУГАЮТ УКРАИНЦЕВ?

В старину говорили, что в России две беды — дураки и дороги. Этот афоризм ныне с удовольствием повторяют украинские националисты, не отдавая себе отчета в том, что он в равной мере относился и к Украине, являвшейся частью империи. Не знаю, как теперь в России обстоит дело с традиционными бедами, но на Украине они определенно имеют место. К сожалению, к ним добавилась третья беда — это Россия.

Именно ее национально озабоченные политики и идеологи обвиняют во всех смертных грехах. Так было в течение всего суверенного существования Украины, но особенно активно официальная антироссийская политика стала проводиться при президенте В. А. Ющенко и его «оранжевых» соратниках. Негативное отношение к России превратилось для них в главный идеологический приоритет. Трудно даже представить, чем они оправдывали бы свое неумение управлять страной, если бы не было России (причем не столько реальной, сколько выдуманной).

Передачи украинских телеканалов напоминают тревожные сводки предвоенного времени. На одном из них всерьез обсуждают тему войны с Россией, на другом назойливо повторяют известную пословицу «хочешь мира — готовься к войне»; на третьем с удовольствием показывают маневры авиационных и бронетанковых подразделений на крымском и яворовском полигонах.

Поразительно, но Россию нередко обвиняют даже в невозможном (исходя из здравого смысла). Например, вспомним газовые договоренности между Украиной и Россией. Несмотря

на заверения сторон, что схемы поставок газа на Украину и его транзита в Европу в 2009–2010 годах прозрачные, президентская команда приложила максимум усилий для того, чтобы поставить это под сомнение. Не остановились даже перед тем, чтобы поиронизировать над первыми лицами России, сравнить их с добрым и злым полицейскими. Добрым назвали премьер-министра В. Путина, который пообещал не применять к Украине штрафных санкций за недобор газа, а злым — президента Д. Медведева, заявившего о необходимости руководствоваться положениями заключенного контракта. Последовало разъяснение Ю. Тимошенко, которая, будучи премьер-министром, подписывала договоренности, что возможный недобор газа предусмотрен контрактом. Следовательно, между позициями первых лиц России принципиальных расхождений не было. После этого политологи и журналисты принялись ругать Россию за то, что она (Газпром) не желает платить аванс за транзит газа в Европу.

Читая газетные публикации и просматривая телевизионные передачи на газовую тему, трудно было не заметить, что президент и его команда глубоко разочарованы конструктивной позицией России, не предъявляющей Украине штрафных санкций за недобор газа. Это лишало их повода для обвинения северного соседа в газовом шантаже, а заодно и Ю. Тимошенко — в предательстве государственных интересов. Но и после всех разъяснений средства массовой информации пестрели провокационными высказываниями: «Россия не спешит давить на газовую кнопку». Казалось бы, должны радоваться этому обстоятельству, но нет, с нетерпением ждали нажатия кнопки.

Более успешно и изощренно на поле провоцирования конфликтных ситуаций между Украиной и Россией трудится кочующий по странам и телевизионным каналам журналист Савик Шустер. В одной передаче (от 11 сентября 2009 г.) на канале «Украина» он предложил для обсуждения провокационный вопрос о возможности войны между Россией и Украиной. То, что подавляющему большинству украинцев и русских не может привидеться и в страшном сне, С. Шустеру каза-

лось вполне вероятным. Не случайно он с игривым упорством озадачивал этим вопросом каждого собеседника. Судя по их подбору, а среди них были известные российские диссиденты В. Буковский и Е. Киселев, С. Шустер рассчитывал на положительный ответ. Но его не последовало (даже от В. Буковского). Свой длинный и в целом оскорбительный по отношению к России монолог, которому с нескрываемым удовольствием внимал ведущий, он заключил тем, что Россия не решится на полномасштабный военный конфликт с Украиной, правда, будто бы исключительно из-за слабости ее армии.

С. Шустера, судя по всему, такой ответ удовлетворил не полностью, и он продолжил донимать своим страшным вопросом других участников передачи. В финале возможность такой войны отвергли и зрители, присутствовавшие в студии.

То есть провокация не удалась? По результатам как будто не удалась, но по ходу передачи — вполне. Сколько гадостей в адрес России и ее руководства удалось вытянуть С. Шустеру только из одного В. Буковского. Не стеснялись в высказываниях и другие участники передачи, особенно из близкого окружения президента В. Ющенко. Вспомнили и августовский конфликт 2008 года России с Грузией, в котором вопреки очевидным фактам обвинили Россию.

Отдельно хотелось бы сказать о феномене С. Шустера и его «просветительской» миссии на Украине. Это не первый российский журналист и шоумен, получивший работу на украинском телевидении. Но один из немногих, кто так органично вписался в «оранжевый» идеологический контекст Украины. Ему позволено вести передачи на русском языке, конечно же, из-за его идеологической позиции. Если бы он придерживался иных взглядов и был хотя бы немного лояльнее к России, его карьера как украинского тележурналиста не имела бы перспектив. Известно, что российский ведущий Дмитрий Киселев ненадолго задержался на киевском телевидении, причиной этому стала его профессиональная и человеческая порядочность.

Не знаю, насколько искренен С. Шустер в своей миссии и кем она на него возложена, но нет сомнений в том, что главные

его задачи — сеять семена вражды между Россией и Украиной, а также агитировать за европейский выбор Украины. Зная биографию С. Шустера, этому не приходится удивляться. Все логично и естественно. Удивительно другое: кто содействует ему в этом и каким образом он оказался на телеканале «Украина», держателями и хозяевами которого являлись члены «Партии регионов»? Как можно объяснить этот странный альянс западника Шустера и, казалось бы, пророссийской политической силы? Ирония этого странного сотрудничества заключалась также в том, что шустеровское телешоу умело «мочило» не только Россию, но и саму партию Регионов.

Не успел украинский обыватель вздохнуть с облегчением от того, что войны Украины с Россией не будет, как его огорошило нервическое воззвание украинской интеллигенции к мировой общественности, опубликованное в «Голосе Украины» 11 сентября 2009 года. Ее благородный гнев вызвал проект закона Российской Федерации о регламентации применения вооруженных сил за пределами страны, принятый Государственной Думой в первом чтении. Тон и смысл воззвания такой, будто речь идет не о юридическом документе, еще не обретшем силу закона, а о решении России вторгнуться на Украину.

Накануне этого заявления мне довелось услышать профессиональный комментарий по поводу российского закона от бывшего министра обороны Украины А. С. Гриценко. Из него следует, что, во-первых, этот закон не упрощает, а усложняет процедуру принятия решения о применении военной силы за пределами России, во-вторых, что Россия в этом не является пионером. Такие законы приняты в США и странах — союзниках Америки. И было бы хуже, если бы таких законов не было.

Не исключено, что люди, подписавшие это воззвание, могли и не знать того, что сказал Гриценко. Но организаторы этой акции и редакция газеты определенно это знали. Чем вызвана тогда их общая встревоженность? Военные базы США расположены во многих странах, Америка ведет войны по всему миру. Но украинскую национал-патриотическую интеллиген-

цию это не волнует. И не секрет, что она в протестных акциях против США не была замечена. Ее суверенная совесть восстает только против того, что делает Россия, причем даже не делает, а только намеревается.

Но на Украине распространяются вести и более тревожные. К примеру, что Россия уже находится в состоянии войны с Украиной и якобы даже объявила ее. «Россия объявила войну Украине, — заявила украинский филолог О. Пахлевская, — как последнему плацдарму демократического движения на постсоветской территории». Надо полагать, что все другие «плацдармы» она уже завоевала, если Украина осталась последним.

При чтении таких откровений впору ущипнуть себя. Не во сне ли все это привиделось? Нет, не во сне. И газета, опубликовавшая эту нелепую страшилку, вполне реальная — «День», известная своей приверженностью интеграции Украины в западный мир. Не стану оспаривать право редактора и редколлегии на такую политическую ориентацию. Следует только заметить, что это не отменяет элементарной профессиональной порядочности. А она требовала от редакции сопроводить столь нелепое утверждение ссылкой на соответствующий документ, в котором содержится это «объявление». Если такового у редакции нет, то она была обязана убрать из авторского материала это провокационное заявление, чтобы не вводить в заблуждение своих читателей.

К сожалению, безответственные заявления, не основанные на документах и реальных фактах, для «оранжевой» пропаганды стали нормой. Этим грешат как рядовые бойцы «оранжевого» идеологического фронта, так и «генералы». Примеров этому — великое множество. Приведу один из них.

На телешоу под названием «Майдан», состоявшемся на украинском «5 канале» (принадлежащем П. Порошенко) 13 сентября 2009 года, заместителю председателя Верховной рады Украины Н. В. Томенко был задан следующий вопрос: «Как вы считаете, визит патриарха Московского Кирилла на Украину был церковным или политическим?» Ответ последовал мгновенно, как будто был продуман заранее: «Конечно,

политическим», — ответил молодой политик. При этом никаких доказательств этому не привел. Если не считать таковыми ссылку на слова патриарха о естественном единстве украинского и русского православия, вышедших из единой киевской купели, что является объективной исторической истиной. После этого пустился в привычные рассуждения о том, что Россия противится созданию единой Украинской православной поместной церкви.

Что подвигло Н. Томенко на такое заключение, сказать трудно. Патриарх для этого не дал ни малейшего повода. Как будто предвидя будущие обвинения, он на телевизионной встрече с украинскими и российскими деятелями науки и культуры специально подчеркнул, что церковь должна быть вне политики. Ни одна из его проповедей перед верующими Украинской православной церкви не содержала политического мотива. В молитвенных богослужениях этого не могло быть по определению.

Что касается поместной церкви, то в разговоре с президентом В. Ющенко патриарх отметил, что на Украине была и есть православная поместная церковь. От нее откололись две ветви, что требует урегулирования. Необходимо восстанавливать утраченное единство.

Наблюдая за идеологической пропагандой «оранжевой» власти, нетрудно заметить ее характерную особенность. Ни дня без негативной информации о России. Если нет для этого свежего повода, оживляются старые, вплоть до преступного пакта Молотова–Риббентропа. При этом политологи и журналисты в своих комментариях прибегают или к прямому искажению фактов, или к их лукавому передергиванию. Все подчинено цели утвердить в умах украинцев мысль, что Россия — враг Украины.

Вот, к примеру, что предложил прокомментировать ведущий «5 канала» коммунисту П. Н. Симоненко 15 сентября 2009 года. Это было сообщение корреспондента о том, что Государственная Дума РФ одобрила проект закона о применении военной силы за рубежом, в том числе на территории Украины. Неискушенный слушатель, услышав такое, мог подумать,

что в названном проекте закона содержится адресное указание на нашу страну. Даже если он не принадлежит к числу недругов России, это непременно должно вызвать у него негативные эмоции. На это и рассчитано шулерское лукавство корреспондента и ведущего телепрограммы. И тот, и другой точно знали, что в документе ничего не говорится об Украине, и тем не менее намеренно перемешали объективную информацию и свои домыслы.

Примерно так украинские официальные пропагандисты говорили и о событиях на Кавказе в августе 2008 года. В лучшем случае называли их российско-грузинским военным конфликтом, жертвой которого стала ни в чем не повинная Грузия. Я был в Южной Осетии буквально через несколько дней после этой скоротечной войны и своими глазами видел, во что «доблестное» воинство Саакашвили превратило город Цхинвал — он напоминал Сталинград времен Великой Отечественной войны. Здание, в котором находились российские миротворцы, было похоже на знаменитый дом Павлова в Сталинграде. Мир признал, что это была авантюра Саакашвили, а наши «оранжевые» кумовья продолжали рассказывать о российской агрессии.

Одноизвилинную ненависть к России молодчиков из партии «Свобода» (возникшей в Галичине), называющих эту страну не иначе как «стратегическим врагом Украины», комментировать не хочется. Удивляет не столько их хуторянский национализм, близкий к нацизму, сколько то, что они пользуются широкими возможностями, в том числе финансовыми, для его пропаганды.

Из сказанного видно, что инициатива конфронтации с Россией, как правило, к сожалению, исходила от политического режима президента В. Ющенко. Стремясь непременно интегрироваться в европейское сообщество и полагая, что единственным препятствием к этому является Россия, он и его единомышленники делали все, чтобы убедить своих граждан в ее извечной враждебности к Украине. Нельзя сказать, что таких настроений не было в годы президентства Л. Кучмы, но тогда они не пользовались откровенной государственной

поддержкой. Сам Леонид Данилович, хотя и написал книгу «Украина — не Россия», никогда не был русофобом, умел строить взаимовыгодные и равноправные отношения с Россией.

У меня никогда не было предубеждения по отношению к Западу. Можно и интегрироваться, но не такой ценой. Для меня неприемлема атмосфера вражды к России, как и называние сторонников дружеских с ней отношений «пятой колонной». Ведь, исходя из такой ущербной логики, те, кто стремится в ЕС и НАТО, являются «пятой колонной» США и Запада. Но в таком случае вся Украина состоит из двух «пятых колонн». Не слишком ли опасное деление?

Предположим, что Украину через некоторое время таки переведут из европейской прихожей в гостиную. Разве это отменит существование России и ее географическое соседство с Украиной? Разумеется, нет. Тогда зачем нужно провокационно-задиристое поведение? Нельзя так утверждать суверенность страны. Можно принять, что у украинских националистов, происходящих преимущественно из Галичины, отсутствует чувство этнического родства с русскими. Но невозможно понять, почему они игнорируют тот факт, что происхождение нынешних русских на одну треть связано с украинским этносом, а украинцев на треть — с русским. Политически это разные народы, но биологически, по существу — один, имеющий общий генетический корень.

Убежден, необходимо прекратить бередить старые раны, действительные и выдуманные, перейти от сведения исторических счетов с прошлым и навешивания ярлыков исключительно на Россию к строительству действительно суверенной и экономически развитой Украины, причем добрососедской по отношению к России. Жить надо, руководствуясь не эмоциями, что присуще нам, украинцам, а здравым смыслом. Как говорится, не плюй в колодец... Не надо придумывать себе врага и тратить свои скромные силы на борьбу с ним. Это небезопасно прежде всего для самой Украины — можно и надорваться.

Глава 5
ИНТЕГРАЦИЯ УКРАИНЫ В ЕС И НАТО

В глобальном соревновании за Украину между Россией и США–ЕС победа досталась евро-американцам. Они были более последовательны в подготовке на Украине своих сторонников, тогда как Россия уповала преимущественно на традиционное этническое родство русских и украинцев, полагая, что оно и без дополнительных стимулов будет нерушимым и никуда украинцы не денутся. Такое представление оказалось глубоко ошибочным.

Наблюдая за драматичным украинским евроинтеграционным процессом, который привел, к большому сожалению, к территориальным потерям и многочисленным человеческим жертвам, трудно отрешиться от мысли, что брак между Европой и Украиной совершается скорее по расчету, чем по любви. Причем с украинской стороны — копеечному, рассчитанному на возможность бедным людям без приложения собственных усилий обрести европейские стандарты жизни, а богатым — легализовать свои европейские счета и «хатынки». У американских и натовских стратегов ставки куда более крупные, можно сказать, геостратегические. Свято веря в доктрину Бжезинского, что без Украины Россия не может быть великой державой, они упорно добиваются ее полного отрыва от России.

1. ПРЕЗИДЕНТЫ–ЗАПАДНИКИ

Лавры главного евроинтегратора в западный мир, несомненно, увенчают пятого президента Украины П. Порошенко. У него эта навязчивая

идея обрела статус главного государственного приоритета. Он реализует ее, не считаясь с тысячелетними традициями культурных, этнических и экономических связей Украины с Россией и Беларусью и, что не менее существенно, без учета меняющегося европейского мира. Той Европы, о которой мечтает президент и его майданные соратники, уже нет, она трещит по швам: ее покинула Великобритания, и нет гарантии, что этот процесс не будет иметь продолжения. Меняется и отношение Европы к России. Судя по всему, старые страны европейского сообщества постепенно отказываются от конфронтации и возрождают сотрудничество с Россией, а господин Порошенко все еще пребывает в плену иллюзий об их вечной непримиримости. Это тот случай, когда хочется быть святее Папы Римского.

Размышляя над своими евроинтеграционными успехами, Порошенко произнес любопытный спич: «В ЕС набирают популярность евроскептические взгляды. И когда в отдельных странах ЕС царит евроскептицизм, пусть они у нас поучатся, как любить Европу, как бороться за европейские ценности, как реформировать государство»[1]. Не уверен, что, услышав это послание, европейцы ринуться на Украину, чтобы научиться любить самих себя. Да и украинский опыт реформирования государства их вряд ли вдохновит. Услышав последнюю фразу, один мой приятель сказал: «Не понимаю, как можно учиться реформированию того, чего у нас нет». Конечно, если бы президент думал прежде всего о реальных интересах своей страны, то он должен был объясниться в любви к ней, а не к Европе.

И все же, несмотря на особую любовь П. Порошенко к Европе, придется признать, что посильную лепту в процесс евроинтеграции внесли и четыре его предшественника. На заре своей государственной суверенности Украина заявила о внеблоковом статусе. Но затем постепенно и независимо от политического окраса президентских команд стала все реже вспоминать о своей декларации. Во времена президентства Л. Д. Кучмы Верховная рада приняла закон об основах внешней полити-

[1] Газета «Факты». 2016. 22 нояб.

ки, в котором курс на сближение с ЕС и НАТО был объявлен одним из важнейших государственных приоритетов. Правда, в нем оговаривалось, что наряду с этим Украина остается верной и стратегическому партнерству с Россией.

После так называемой «оранжевой революции» конца 2004 — начала 2005 года и прихода к власти президента В. А. Ющенко о стратегическом партнерстве с Россией забыли, одновременно развернув беспрецедентную агитационную кампанию за вхождение Украины в ЕС и НАТО. Объявили даже всеукраинский натовский всеобуч. По распоряжению Министерства образования и науки Украины новый 2008 учебный год в общеобразовательных школах начался с урока, посвященного Североатлантическому альянсу. Чувствовалось, что «оранжевыми» властями выполнялось негласное обещание, данное американским и натовским чиновникам, к определенному сроку подготовить Украину к членству в НАТО.

По существу мало что изменилось в вопросе о европейской интеграции и во время правления президента В. Ф. Януковича. В полном согласии с оппозицией власть вела активную пропаганду европейских ценностей и образа жизни. Народ убеждали в том, что после подписания Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС он обретет все возможности, которыми обладают европейцы. На обоснованные предостережения ведущих украинских и российских экономистов (В. Мунтияна, С. Глазьева, В. Гееца и др.) о том, что Украина в случае ее включения в европейскую систему политических и хозяйственных отношений потеряет основные технологические производства, превратится в рынок сбыта для европейских товаров, а также в резервуар дешевой рабочей силы, старались не обращать внимания, как и на предупреждения России о невозможности сохранения с Украиной нынешнего уровня экономической кооперации в случае подписания Соглашения об ассоциации с ЕС.

В. Янукович и его окружение прозрели только за несколько дней до Вильнюсского саммита, где должно было состояться подписание этого соглашения. То ли не прочитали раньше многостраничного текста, то ли были невнимательны

к содержанию, то ли, что более реально, до последних дней надеялись на многомиллиардную помощь Европы. Полагали (и надо сказать, не без основания), что отрыв Украины от России стоит того, чтобы быть хорошо оплаченным.

Оказалось, однако, что европейский золотой дождь над Украиной и не должен был пролиться. Кроме демократических европейских ценностей, ничего более существенного обещано не было. Команда В. Януковича решила отложить подписание соглашения на некоторое время, пока не будут более четко определены объем и условия экономической помощи от ЕС, а главное — статус зон свободной торговли с Россией и Западом.

Бесконечно муссирующиеся идеологами нынешнего режима слухи, что В. Янукович вообще не собирался подписывать Вильнюсское соглашение, — «святая» неправда. К этому шагу его подтолкнул Запад, отказав в какой-либо помощи. Без нее трудно было сверстать бюджет Украины на 2014 год. Обращение за кредитом к России стало вынужденной мерой. Можно сказать, что сам Запад развеял иллюзии В. Януковича о безальтернативности его европейского выбора.

Оказалось, что не мы выбираем, а нас выбирают. Опасаясь, что Украина может выскользнуть из их рук, США и Запад прибегли к чрезвычайным мерам.

Совместно с украинской оппозицией, ими же и вскормленной, они устроили в центре Киева так называемый Евромайдан. С его трибуны евро-американские чиновники призывали украинцев к свободе и демократии, а фактически — к восстанию против законной власти. По сути, Майдан, центр управления которым, как теперь выяснилось, находился в Посольстве США на Украине, на долгие месяцы стал альтернативной властью. Ярким примером этому может служить синхронный штурм двенадцати областных администраций, последовавший 23–24 января 2014 года, из которых девять оказались в руках майдановцев. После оставления Киева президентом В. Януковичем в ночь с 21 на 22 февраля 2014 года власть полностью перешла в руки Майдана. Именно с его одобрения Верховная рада утвердила временное правительство и временного

президента Украины. Правда, суверенными действия Майдана можно назвать весьма относительно. Судя по телефонному разговору посла США на Украине Д. Пайетта и помощника госсекретаря В. Нуланд, именно США принимали решение, кто должен возглавить новую власть в Киеве.

После этого уже не было никаких препятствий к подписанию Соглашения об ассоциации с ЕС. 21 марта 2014 года премьер-министр А. Яценюк в присутствии лидеров 28 стран — членов ЕС поставил под ним свою подпись. Правда, только под его политической частью, но это уже было и не столь существенно. Всем стало ясно, что за политической ассоциацией неизбежно последуют и все остальные: экономическая, военная и другие. 27 июня 2014 года пятый президент Украины П. Порошенко подписал соглашение полностью, без всяких оговорок и сомнений. Вероятно, веря в то, что это лучший выбор для Украины, но без совета с украинским народом и без оглядки на его историческое прошлое.

Определенно из всех украинских президентов наиболее убежденным западником является П. Порошенко. Он готов раствориться в европейских ценностях сам и растворить в них всю Украину. С каким нескрываемым удовольствием он демонстрирует в зарубежных поездках знание английского языка. Говорит на нем даже в тех случаях, когда обычно первые лица страны и министры иностранных дел пользуются национальным языком. В своем евроинтеграционном усердии П. Порошенко готов пожертвовать даже своим личным достоинством. Свидетельство тому — его семилетние заверения в том, что Украина в самое ближайшее время получит безвизовый режим со странами ЕС. Первые мы имели счастье услышать еще в январе 2010 года, когда он был министром иностранных дел. В интервью журналу «Корреспондент» Порошенко обещал, что украинцы уже в 2011 году смогут ездить в Европу без виз. Затем уверял, что это случится в первый год его президентства. Потом перенес срок на 2015 год. В сентябре 2016 года сообщил, что ждать осталось недолго, каких-нибудь несколько недель. Последнее (правда, в этом нет уверенности) обещание отсылало нас к 2017 году.

Примечательно, что, назначая очередной срок, президент никак не комментировал свои предыдущие обещания. И нам, гражданам, непонятно, то ли он обманывал нас, то ли его обманывали европейские друзья.

Из вышесказанного видно, что безвизовый режим превратился для П. Порошенко в важный государственный приоритет, хотя он таковым не является. На жизнь украинцев безвизовый режим не окажет ни малейшего влияния. Их подавляющему большинству, с трудом сводящему концы с концами, абсолютно все равно, будет введен безвизовый режим или нет. Воспользоваться им они не смогут. Возможно, это упростит поездки богатых украинцев в Европу, имеющих там «хатынки» и банковские счета, но они и до этого не испытывали особых затруднений, так как практически все являются обладателями дипломатических паспортов.

Боюсь ошибиться, но, вероятно, обещания президента вообще не станут реальностью. Настоящего безвизового режима, который существует между странами ЕС, Украина никогда не получит. Формально и исключительно в пропагандистских целях он может быть объявлен, но сведется, скорее всего, только к отмене платы за визу и штампа в паспорте. В остальном разрешительная процедура останется неизменной. Как и раньше, нужно будет подавать полное информационное досье на желающего поехать в Европу и ждать консульского решения. Когда книга готовилась к печати, стало известно, что вожделенный «безвиз» Украине таки дали, правда, Европейский союз утвердил положение, дающее право отменить его при определенных условиях.

2. ОТРЫВ ОТ РОССИИ

«Что плохого в том, что Украина посредством ассоциации получит возможность более тесного экономического сотрудничества с Евросоюзом?» — постоянно вопрошают национал-евроинтеграторы. Там передовые технологии, которых у нас нет, и огромный рынок с более чем полумиллиардным

населением. Трудно возразить такому убедительному аргументу. Но это только часть правды. Вся правда заключается в том, что Украина меньше всего интересует Евросоюз и США как экономический партнер. Единственное, что для них важно, — обрести политического и военного союзника, получить в лице Украины такой антироссийский таран непосредственно у ее границ.

Решение этой задачи объективно сопряжено с коренными изменениями самой Украины. По замыслу натовских стратегов, она в новом своем статусе не может оставаться добрым и дружественным соседом России. Иначе натовский плацдарм на ее территории просто невозможен. В связи с этим предпринимаются попытки переформатировать традиционную жизнь Украины во всех областях: в политической, экономической, военной и даже культурной.

В евроинтеграционном раже новые руководители Украины не останавливаются перед чувствительными экономическими потерями от отказа от российского рынка. До Майдана торговый оборот между Россией и Украиной почти равнялся торговому обороту Украины со всеми странами ЕС. К концу 2015 года он сократился в пять раз, а после вхождения Украины в беспошлинную торговую зону Евросоюза и вовсе устремился к нулю. В результате оказались разрушенными целые отрасли украинской промышленности: космическая, авиационная, судостроительная, в значительной мере — химическая и др. После отказа России от беспошлинной торговли с Украиной и введения ответных зеркальных украинских мер экономическая ситуация ухудшится. Особенно если учитывать, что доля России на рынке Украины в 2015 году составляла 16,37 %, а Украины на рынке России — только 2,7 %.

Действительно, Европейский союз имеет несоизмеримо больший рынок, чем Евразийский, и, наверное, мог бы стать для Украины более привлекательным. Но при одном условии — что ЕС действительно предоставит Украине режим наибольшего благоприятствования, а также вложит средства в модернизационные проекты на Украине. Но этого не происходит. Пока посещающие Украину европейские и американские

чиновники ограничиваются советами и рекомендациями относительно проведения реформ, а не реальными инвестициями в экономику Украины.

В канун 2016 года премьер-министр А. Яценюк с энтузиазмом поведал украинцам, что наступает «год настоящей европейской интеграции», чему будет содействовать вхождение Украины в «наибольший, европейский, рынок». По сути, то же самое он произносил и с майданной трибуны. Но если тогда это еще можно было как-то понять, то после почти двухлетнего пребывания на столь ответственном посту страны (2014–2016) и доведения ее до банкротства новые оптимистические обещания многими были восприняты как свидетельство его профнепригодности. Не исключено, правда, что премьер просто обманывал своих сограждан. Ведь не мог же он не знать, что настоящая евроинтеграция в экономической сфере рассчитана не на один год, а на десять лет. Что и после этого останутся квоты и нетарифные ограничения на поставки украинской продукции в ЕС. Что уже после подписания Соглашения об ассоциации с ЕС экспорт с Украины в страны Евросоюза сократился на 30 %, а квота украинского зерна на европейском рынке составляла всего 0,9 миллиона тонн. Судя по массовым протестам украинских фермеров в декабре 2015 года, вылившихся в том числе в блокирование автострад, никто не поверил в премьерские сказки.

Следующей областью украинских коренных изменений является идеология. Здесь преследуется та же цель — полный отрыв от России и адаптация к европейским демократическим стандартам. Яркой демонстрацией этого является принятый Верховной радой закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и запрете пропаганды их символики».

Можно сказать, прошлись катком по коммунистической идеологии, запретили не только ее символы (пятиконечную звезду, серп и молот), но и нынешнюю Компартию Украины. Трудно сказать, является это самодеятельностью майданных младореволюционеров, стремящихся всеми силами понравиться своим западным хозяевам, или последние надоумили

их на это, но совершенно очевидно, что столь немотивированный идеологический радикализм не принесет ничего хорошего Украине.

Нет сомнения, что, принимая этот закон, нынешние власти Украины стремились как можно дальше дистанцироваться не столько от своего коммунистического прошлого, сколько от России, с которой оно отождествляется. Убедительным подтверждением этому является вторая часть вышеупомянутого закона, касающаяся запрета национал-социалистической (нацистской) символики. Она в несколько раз меньше, чем первая и по существу формальная. Некоторые нацистские символы то ли по неграмотности законотворцев, то ли по определенному умыслу вообще не попали в список запрещенных.

Но абсурд заключается даже не в этом, а в том, что формально нацистские символы были осуждены только тогда, когда они фактически стали приметой новой украинской жизни, запестрели на касках и нарукавных шевронах солдат из добровольческих отрядов, борющихся с донецкими сепаратистами, когда националистическая идеология ОУН-УПА получила статус официальной на Украине. На знамени ОУН-УПА — портрет С. Бандеры, который тесно сотрудничал с национал-социалистами Третьего рейха. Сегодня именно он стал символом новой Украины. В Галичине ему возводятся памятники, его именем называются улицы, школы, его день рождения отмечается ночным факельным шествием в Киеве, Львове, Днепре (бывшем Днепропетровске), Одессе и других городах, напоминающим шествия национал-социалистов в 1930-е годы. На фактах из его биографии воспитывается молодое поколение.

Наверное, в этом не было бы ничего драматичного, если бы С. Бандера являлся героем для всей Украины, а его националистическая идеология разделялась всеми украинцами. Но этого не было в прошлом и нет сегодня. Для большей части украинского общества национализм Бандеры совершенно неприемлем. Его решительно отвергают этнические украинцы, проживающие в центре, на востоке и юге страны, граждане Украины, принадлежащие к другим этническим группам:

русские, поляки, евреи, на себе испытавшие в годы Великой Отечественной войны все ужасы радикального национализма. Стоит ли доказывать, что насильственное утверждение такой идеологии раскалывает украинское общество, провоцирует скрытое и открытое сопротивление?

Не знаю, насколько корректным является определение военного мятежа в Донбассе как этнической гражданской войны, о чем в порыве откровенности пишут национально сознательные патриоты, но несомненно то, что одной из главных его причин, как и выхода Крыма из состава Украины, стала их этнокультурная несовместимость с галицким национализмом.

Власти США и Евросоюза выступили с решительной поддержкой Украины в связи с понесенными ею территориальными потерями, обвинили во всем Россию, наказали ее экономическими санкциями — и ни слова не сказали о собственной вине. Если бы в конце 2013 года они не проявили столь откровенного нетерпения в связи с отсрочкой подписания Украиной Соглашения об ассоциации с ЕС, не подтолкнули так называемый Евромайдан 22 февраля 2014 года к вооруженному государственному перевороту, не было бы отделения Крыма и мятежа в Донбассе. Подобные сепаратистские мысли не приходили на ум жителям названных регионов в условиях политической стабильности в стране.

Одним из последствий интеграции Украины в Европу, как теперь становится понятно, должно стать изменение ее цивилизационной идентичности. Многие помнят, как Янукович вместе с политическими оппонентами постоянно твердил о том, что европейский выбор для Украины — не только безальтернативный, но еще и цивилизационный. Вначале казалось, в том числе автору этих строк, что все это от элементарного непонимания содержания понятия «цивилизация». Даже странно было это слышать, зная, что наш цивилизационный выбор в пользу христианского православия был сделан Владимиром Святым еще в конце X века. Но постепенно прояснилось, что это не от неграмотности, а от стремления интегрироваться с католической и протестантской Европой не только политически и экономически, но и культурно.

По сути, эта тенденция исподволь утверждалась на Украине в течение всего периода независимости. Свидетельством тому было превращение Украинской католической церкви из региональной институции во всеукраинскую. Ее сакральный центр из Львова был перенесен в Киев, причем на левый берег Днепра, что должно было символизировать распространение этой церкви на восток. Заметно оживились на Украине Римско-католическая и протестантская церкви.

Одновременно с этим велась системная работа по расколу украинского православия. К этому приложили руку и первые лица государства, одержимые идеей создания на Украине единой поместной православной церкви Украины, независимой от Московского патриархата. Из этой затеи ничего не вышло. К единству не пришли, но еще больше раскололи украинское православие. Теперь на Украине три православные церкви, оспаривающие друг у друга право не только на всеукраинскость, но и на имущественное наследие, что сопровождается ожесточенным противостоянием, нередко с трагическими последствиями.

Поразительно, что подогревается этот раскол людьми, не имеющими никакого отношения к православию. Их лозунг «Независимой Украине — независимая православная церковь» ничего общего с радением за неньку Украину не имеет. Это циничное политиканство, направленное на эрозию православной общности. Примечательно, что такая претензия предъявляется только к Украинской православной церкви, пребывающей в молитвенном единении с Русской. Ничего похожего не высказывается по отношению к тем украинским церквям и конфессиям, которые связаны с зарубежными центрами не только канонически, но и административно.

Практически полный разрыв между Украиной и Россией произошел в культурной и научной сферах. Появились черные списки невъездных на Украину российских артистов, музыкантов, писателей, запретные перечни российских фильмов, литературных произведений. Даже раздаются призывы очистить украинские библиотеки от «русскоязычной макулатуры».

Постепенно прекратились научные контакты, академические и университетские, не стало централизованного обмена литературой, прекращено функционирование двусторонних научных комиссий, проведение конференций. От этого плохо всем, но в большей мере это негативно отражается на уровне украинской науки и культуры, которые заметно провинциализируются. Наверное, в области точных и естественных наук потери, вызванные разрывом связей с Россией, с течением времени (и то длительного) можно будет компенсировать налаживанием связей с Западом. Но в области гуманитарных наук, в частности исторических, где у нас единый предмет исследования, такая компенсация в принципе невозможна. Правда, судя по тому, что финансирование науки год от года сокращается, эта сфера не является приоритетной ни для украинского руководства, ни для его западных опекунов.

В системной работе, направленной на отрыв Украины от России, большое место отводится переоценке их исторического прошлого. Новые этноисторики и этноидеологи фактически изъяли Украину из общевосточнославянского и общероссийского исторического контекста. В учебниках для средней школы и вузов теперь утверждается, что украинцы генетически не имеют ничего общего с русскими, что объединение с Россией в 1654 году было навязано нашим предкам коварными москалями, что советскую власть на штыках принесли на Украину русские большевики, что никакой Отечественной войны у украинцев не было, что пакт Молотова–Риббентропа, в результате которого удалось присоединить к Украине ее этнические регионы, не что иное, как преступный сговор двух агрессоров, а освобождение народов Европы от фашистской чумы было их порабощением Советским Союзом...

Можно сказать, произошла тотальная перелицовка украинской истории. Из полноправного субъекта украинцы по недомыслию национал-патриотов превращены в объект. Но, во-первых, это совершенно расходится с объективной реальностью, которая неоспоримо свидетельствует, что они — такие же сотворцы общей истории, как и русские. Во-вторых, это плохая

услуга нынешнему украинскому обществу, поскольку формирует в нем негативное историческое самосознание, воспитывает комплекс неполноценности. Ведь если народ в прошлом переживал только беды и несчастья, то где гарантия, что в будущем будет иначе. Это слишком дорогая цена за призрачную возможность стать европейско-интегрированными.

Об уровне межгосударственных отношений Украины и России можно судить также по трагикомическому происшествию у Посольства РФ в Киеве, когда министр иностранных дел Украины Дещица распевал матерные частушки, поносящие президента России В. Путина. Окружавшая его майданная толпа буквально выла от восторга, а на лице украинского посла в Российской Федерации Ельченко (теперь представителя Украины в ООН), стоявшего рядом, читалось неподдельное удовольствие от выходки шефа. Трудно сказать, что именно послужило причиной снятия Дещица с должности министра: то ли новое слово в мировой дипломатии, то ли его несоответствие стало очевидным, но доподлинно известно, что за свою художественную самодеятельность он не подвергся осуждению. Негласно это было воспринято как одобрение слогана на высшем уровне, и он появился на билбордах некоторых партий во время избирательной кампании в Верховную раду. И снова никакой реакции от официальных властей, в том числе от президента П. Порошенко, который за это время неоднократно встречался с В. Путиным.

Нанесло ли это какой-нибудь урон президенту В. Путину, я не знаю, а вот имиджу Украины — несомненно. Не по-европейски это, господа патриоты. Уважающее себя государство не может опускаться до низменного площадного уровня.

Но что поделаешь, если нынешняя украинская действительность столь богата на разные несуразности. Еще один пример — строительство оборонительной стены на границе с Россией. Когда-то известный гоголевский герой мечтал построить мост вдоль реки. Мог ли он вместе со своим создателем Николаем Васильевичем предположить, что у этой нелепой идеи найдутся последователи на новой Украине? А ведь нашлись. Правда, строить они решили не мост, а стену, и не вдоль реки,

а вдоль украинско-российской границы. Но в целом оба проекта объединяет их немыслимая нелепость. Хорошо, если бы молодые украинские руководители ограничились только мечтами, как Манилов, но нет, они решили воплотить свою мечту наяву. Идею прорыть глубокий ров между Украиной и Россией поддержал днепропетровский губернатор Коломойский (занимал пост в 2014–2015 гг.), а премьер-министр А. Яценюк заявил, что эта стройка станет общенациональной и одним из государственных приоритетов.

Можно ли, находясь в здравом уме, полагать, что эта оборонительная линия послужит надежной защитой страны в случае военного конфликта? Конечно же, нет. Такие сооружения не выполняли возлагавшихся на них задач ни в древности, ни в Средневековье. Даже знаменитая Китайская стена, представлявшая собой действительно мощное военно-инженерное сооружение, не стала преградой для вторжения в Китай монголов. Что же говорить о сегодняшнем дне?

Конечно, стена вдоль украинско-российской границы в военном плане будет совершенно ничтожным сооружением, причем она разделит не столько враждующие режимы, сколько родственные народы. Для обычных людей, живущих по обе стороны стены, это будет действительно непреодолимая преграда. А коль скоро это так, нужно было бы спросить у них, хотят ли они такой защиты от родного государства. Ведь после сооружения стены (а она может пройти и посредине населенных пунктов) произойдет разрыв не только хозяйственных, но и родственных связей. Мать и сын могут оказаться по разные стороны.

Можно было бы не обращать внимания на причуды властей, если бы это было копеечное предприятие. Но «стройка века» обойдется Украине, а точнее украинцам, в десятки миллиардов гривен. Как стало известно из информационного сообщения телеканала «Украина» от 19 сентября 2016 года, правительство выделило на возведение этого сооружения 4 миллиарда гривен. По плану возведение оборонительной линии должно быть завершено в 2018 году, однако на конец 2016 года было исполнено только на 12 %. Стоит ли доказывать, что такие расходы в бедной стране, в которой миллионы граждан не могут свести кон-

цы с концами, не имеют средств, чтобы заплатить за квартиру и купить лекарства, — безнравственное безумие[1].

Но, как неоднократно заявляли новые «керманичи» Украины, за независимость надо платить. За независимость от России, по-видимому, никаких денег не жалко. Только непонятно, почему это должен оплачивать украинский народ, а не миллионеры и миллиардеры, имеющие «хатынки» на лазурном берегу и скрывающие свои капиталы в островных офшорах?

3. ПОТЕРИ НА ЕВРОИНТЕГРАЦИОННОМ ПУТИ

Если мы попытаемся честно ответить на вопрос, стоит ли интеграция Украины в Европу тех потрясений и жертв, которые страна уже принесла на ее алтарь, — ответ может быть только отрицательным. А если отвечать еще откровеннее, то придется признать, что именно насильственная евроинтеграция явилась источником всех бед и несчастий, которые переживает ныне страна. Из двадцати семи лет самостоятельности по меньшей мере двенадцать Украина прожила в состоянии «революционных» потрясений. Стоит ли доказывать, сколь отрицательно это сказалось на всем ее развитии: государственном, экономическом, научно-технологическом и социальном?

Две «революции», 2004 и 2014 годов, фактически запустили механизм системного распада, прежде всего территориального, но также и государственно-институционального. Разумеется, ничего нового в этом нет. Это родовая черта всех государственных переворотов. Здесь не нужно приводить примеры из мировой истории, достаточно и отечественных. Именно так были разрушены Российская империя и Советский Союз. К сожалению, этот драматический опыт украинские евроинтеграторы не усвоили и решили повторить его — теперь уже в собственной суверенной стране, которая показалась им

[1] Согласно телевизионному каналу «NewsOne» и радио «Эра», обратившихся 20 сентября 2016 года к населению с вопросом, стоит ли достраивать стену между Украиной и Россией, были получены следующие ответы: «не стоит» 78 %, «стоит» 22 %. Народ оказался разумнее своих руководителей.

недостаточно украинской. В результате развалили ее. Сделать это оказалось нетрудно, поскольку и до Майдана она не представляла собой нерушимый монолит ни в территориальном, ни в национально-культурном отношениях. Крым отдали без какого-либо сопротивления, а за Донбасс уже положили тысячи молодых жизней, и неизвестно, не окажутся ли эти жертвы столь же напрасными, как и майданные.

Когда писались эти строки, на Юго-Востоке Украины установилось зыбкое перемирие, а по сути — положение «ни войны, ни мира». Правительственные войска и ополченцы вяло обмениваются небольшими партиями военнопленных, предпринимают малоуспешные попытки убрать с передовой тяжелое вооружение, а между этими паузами продолжают обстреливать друг друга. Каждая сторона обвиняет в нарушении перемирия другую, а миссия ОБСЕ не исполняет своей роли беспристрастного наблюдателя.

Трудно сказать, есть ли у этого гражданского конфликта военное решение. Теоретически, учитывая несоразмерность военных и людских потенциалов сторон, наверное, есть. Но ведь это еще тысячи, а может быть, и десятки тысяч жертв. И полное разрушение всей инфраструктуры Донбасса. Получится, что Украина вернет себе только территорию, но без экономики и — что самое страшное — без людей. Значительная их часть уже покинула родные пепелища, другая покинет их при возобновлении полномасштабных военных действий, третья сгорит в горниле братоубийственной войны. Не слишком ли высокая цена за европейскую безальтернативность? Как-то в приватной беседе с Л. Д. Кучмой, ведущим от имени Украины переговоры с представителями самопровозглашенных республик, я задал ему вопрос: осознает ли он, что без закона об амнистии боевикам Донбасса достигнуть мирного урегулирования вообще не удастся? Он ответил встречным вопросом: «А как можно объявлять амнистию людям, у которых руки по локоть в крови?» Конечно, это не частное мнение, но официальная позиция украинских политических властей, причем появившаяся, что называется, на марше, уже после подписания Минских соглашений, в которые эта амнистия была

включена. Да и как без нее? В гражданском конфликте руки по локоть в крови у обеих сторон, и по существу обе нуждаются в прощении, если собираются жить дальше вместе. Фактически именно амнистия может быть основанием для решения и всех других проблем, разделяющих Донбасс с Украиной.

Недавний пример национального примирения явила миру Колумбия. Там нашли в себе волю закончить пятидесятилетнюю гражданскую войну между правительственными войсками и партизанским движением, унесшую 250 тысяч человеческих жизней. Обе стороны, надев белые одежды, заключили мир и попросили взаимного прощения. Разве это не может быть примером для Украины?

Кажется, необходимость примирения на Юго-Востоке осознают уже и наши американские наставники. Не случайно помощник госсекретаря США В. Нуланд на встрече с фракциями Верховной рады Украины 26 апреля 2016 года заявила, что Госдеп настаивает на том, чтобы Украина внесла изменения в конституцию, где был бы определен особый статус оккупированных территорий Донецкой и Луганской областей, провела в ближайшее время выборы и обеспечила амнистию боевикам. Хотя Минские соглашения и плохи, отметила она, но Украина как государство на них согласилась. Позже, в сентябре 2016 года, вице-президент США Д. Байден заявил, что Украина согласна предоставить отдельным районам Донецкой и Луганской областей особый статус. Заявление это было сделано после его встречи с П. Порошенко и, видимо, основано лишь на обещании украинского президента.

Если сказанное В. Нуланд и Д. Байденом о необходимости выполнения Минских соглашений не сопровождалось какими-то тайными оговорками и действительно отражало позицию США, то непонятно, почему украинские власти не спешат следовать этим указаниям. На чем основано их ослушание? Или для себя они уже решили, что с разоренным войной краем лучше расстаться, чем его восстанавливать?

Для всех здравомыслящих людей абсолютно ясно, что нужны серьезные и прямые переговоры. Ополченская сторона неоднократно заявляла, что готова к ним, последний раз —

после выборов гражданских органов управления самопровозглашенными республиками. К сожалению, правительственная сторона наотрез отказывается от каких-либо прямых переговоров. Это тем более странно, что в конце 2013-го — начале 2014 года, когда вожди Майдана были в том же положении, что и нынешние донецкие сепаратисты, их чуть ли не каждый день принимал президент Янукович, которому они выставляли условия для разрешения конфликта. Теперь, придя к власти, они не терпят оппозиции. Ополченцы для них — террористы и сепаратисты. Еще хуже, что таковыми официальный Киев считает и всех жителей мятежных регионов. Но если это действительно так, возникает закономерный вопрос: зачем они нужны Украине?

Не вызывает сомнения, что такая непреклонность правительственной стороны заведомо неконструктивна и проигрышна. С Юго-Востоком не хотели разговаривать, даже когда никаких «террористов» не было и в помине. Были обычные федералисты, требовавшие большей культурной и экономической самостоятельности для Донбасса. Ответом на это стала так называемая антитеррористическая операция, поспешно и плохо организованная майданными младореволюционерами. К чему привела такая близорукость центра — очевидно всем. «Не даете нам федеральных прав, — заявили лидеры мятежных областей, — тогда мы вообще не хотим жить с вами». При этом они ссылались на международное право народов на самоопределение. Из федералистов дончане и луганчане превратились в сепаратистов, в чем прямая заслуга майданных властей.

Я не сторонник сепаратизма. Бесконечное дробление целого на части не приносит в международные отношения ничего, кроме хаоса. Создание самопровозглашенных государственных образований на небольших территориях, несомненно, станет долговременным очагом напряженности как в регионе, так и в мире. Что делать жителям этих территорий? Неужели им остается существовать только за счет гуманитарных конвоев из России?

К сожалению, власти новой Украины не имеют практического проекта, который стал бы одинаково привлекательным для всех регионов. Фактически страна пребывает в состоянии хаоса и распада. В ней царит атмосфера взаимной подозрительности, нетерпимости и даже ненависти. Появилась своеобразная каста «непререкаемых», которая одна только и знает, что для Украины хорошо, а что плохо. Причем это «знание» нередко подкрепляется силой оружия, которое в небывалом количестве разошлось по стране.

По большому счету, в майданное и послемайданное время стал вполне очевидным процесс распада молодой украинской государственности. Это проявилось в формировании из майданных активистов частных воинских подразделений, в выходе из юрисдикции центральной власти четырнадцати областей Украины, объявивших руководителей администраций, назначенных президентом В. Януковичем, нелегитимными и заменивших их своими избранниками. То же самое произошло с областными радами народных депутатов. Позже, когда был свергнут законный президент и к власти пришли руководители Майдана, аналогичное неповиновение продемонстрировали Юго-Восточные области Украины. Как неоднократно заявляли новые власти Донецкой и Луганской областей, они ничего нового не изобрели и всему научились у своих западноукраинских коллег.

О распаде государственности убедительно свидетельствует так называемая антитеррористическая операция на Юго-Востоке Украины. Для наведения конституционного порядка туда были отправлены не только подразделения вооруженных сил, но и добровольческие батальоны. Командир каждого такого подразделения был подотчетен не столько министру обороны, сколько своему работодателю. Трудно сказать, сколь эффективной оказалась такая средневековая организация вооруженных сил на поле боя, но в том, что она разрушительна для государства, нет ни малейшего сомнения. Из сообщений украинской прокуратуры, которые иногда становились достоянием общественности, следовало, что неконтролируемое поведение военных атаманов создавало для власти ряд проблем.

По свидетельству генпрокурора В. Яремы, бойцы батальона «Айдар» были замечены в мародерстве, похищении и убийстве людей. А киевский прокурор С. Юлдашев заподозрил айдаровцев даже в подготовке государственного переворота. Реакция комбата была мгновенной и вполне революционной. Его речь свелась не к тому, что за такие слова клеветнику придется отвечать в суде, а к тому, что после сказанного ему небезопасно будет появляться на улицах Киева.

Если такие заявления стали возможны по отношению к высокому правительственному чиновнику, призванному следить за порядком и законностью в столице, что уж говорить о каких-то предпринимателях, которые безропотно платили «храбрым воинам» мзду за их ратные подвиги. Так же раскрепощенно вели себя и другие комбаты, практически не принимая во внимание, что в стране есть президент, Верховная рада, суды и прокуратура.

Достаточно вспомнить хотя бы события лета и осени 2016 года в Киеве, когда активисты разных политических и военных образований — «свободовцы», «правосеки», ветераны батальонов «Айдар», «Донбасс» и других — вершили собственное правосудие. Врывались в дипломатические учреждения России и забрасывали их петардами, осаждали народные суды и освобождали своих коллег от наказания за содеянные проступки, учинили расправу с поджогом над журналистами телеканала «Интер». По сути, эти акции были не чем иным, как продолжением Майдана-2. Не случайно в советское время пели: «Есть у революции начало, нет у революции конца». А нет его по двум причинам. Власть не может прекратить самосуд национал-радикалов или не желает этого делать, будучи идейно родственной им. Обе версии свидетельствуют об аморфности украинской государственности. В правовом и демократическом государстве не может быть теневой власти.

Многие командиры добровольческих батальонов, как и активисты Майдана, были избраны депутатами Верховной рады Украины, что заметно радикализировало этот орган. Нередкими в нем стали силовые выяснения отношений. О распаде государственности свидетельствовали скандалы в правитель-

стве и в окружении президента, «атаманщина» командиров добровольческих батальонов, «мусорная люстрация», подрывы ЛЭП и т. п.

Похоже, что этот управленческий хаос был на руку западным опекунам Украины, поскольку создавал благодатную почву для их востребованности и в этой области. Наблюдая за тем, как встречали высшие государственные чиновники вице-президента США Д. Байдена, трудно отрешиться от мысли, что именно он и являлся верховным сувереном Украины. Характерно, что до его последнего приезда в ноябре 2015 года в прессе широко распространились слухи о скорой отставке премьера А. Яценюка. Радикальной партией был организован даже «мини-Майдан» у стен Кабинета министров. Однако после его отъезда об этом «требовании народа» все в одночасье позабыли. «Мини-Майдан» был свернут. Премьер-министр остался цел и невредим. И, видимо, не случайно мудрый народ сочинил поговорку: «Вот приедет Байден — Байден нас рассудит».

Отставка А. Яценюка, как полагали в США, была еще не ко времени. А вот отставки с поста генерального прокурора В. Шокина они требовали со всей решительностью. Некоторая медлительность П. Порошенко, не желавшего расставаться со своим протеже, вызвала у Д. Байдена раздражение. В американском журнале «Atlantic» вице-президент даже пригрозил Украине экономическими санкциями: «Петро, Вы не получите свой миллиард, если не отправите в отставку генпрокурора».

Свидетельством деградации украинской государственности явилось также широкое привлечение на ответственные управленческие посты — министерские, губернаторские, прокурорские и другие — иностранцев. Не обязательно американцев, но непременно их ставленников. Президент немедленно награждал их украинским гражданством, правда, от этого они не становились украинцами. Практически никто из них не мог связать и двух-трех фраз на «соловьиной мове». В критические моменты, как в случае скандала между министром А. Аваковым и губернатором М. Саакашвили, государственные

чиновники общались на «ненавистном» русском языке. К сожалению, некоторые из них руководили ведомствами, не имея соответствующего профильного образования. И судя по тому, что экономика и финансы (при министрах-иностранцах) оказались в упадке, руководили не лучше украинцев.

Объясняя назначение иностранных «ловцов счастья и чинов» на высокие правительственные должности, президент Порошенко отметил, что эти люди не связаны на Украине родством и кумовством, следовательно, не будут коррумпированы. Аргумент более чем сомнительный, но если руководствоваться им, логично было бы распространить это условие также на премьера, президента и народных депутатов — в их среде ведь тоже не обходится без кумовства и коррупции. Правда, из обнародованной видеозаписи конфликта между Саакашвили и Аваковым выяснилось, что коррумпированность не является специфической особенностью одних лишь украинцев. Грузин и армянин, судя по их взаимным обвинениям в воровстве, также не лишены этого порока.

После отставки А. Яценюка ушли и его министры-иностранцы, что косвенно свидетельствовало о провале эксперимента. Правда, вместо одних пришли другие. Теперь уже в аппарат президента. Его советниками и представителями в Кабинете министров были назначены пенсионеры поляк Бальцерович и чех Миклош, которые получили право на привлечение в качестве советников и других иностранцев. Насколько продуктивным окажется этот эксперимент, покажет время. Смущает только, что эти специалисты, несмотря на высокие аттестации их реформаторских способностей, уже давно не востребованы даже у себя в отечестве. Генеральный прокурор Польши Збигнев Зебро в связи с назначением Бальцеровича выразил Украине свое сочувствие.

Из сказанного следует, что послемайданная Украина обладает весьма относительной государственностью вообще и украинской в частности. Определенно евро-американские наставники не озабочены такими сантиментами, как самолюбие и достоинство украинцев, поэтому нисколько их не щадят. Казалось бы, наших национал-патриотов, которые при каждом

удобном случае вспоминают о тысячелетней украинской государственности, это должно оскорблять. Однако не оскорбляет. Если интегрироваться в Европу, то можно обойтись и без национальной гордости. И без суверенитета.

К сожалению, на Украине такими «мелочами», как суверенитет страны, не слишком озабочены. Помнится, в бытность свою министром обороны Ю. И. Еханурoв с обезоруживающей прямотой заявлял: «Украина осуществила свой геостратегический и цивилизационный выбор — это участие в общеевропейской и региональной системах коллективной безопасности, членство в Европейском союзе и Организации Североатлантического договора». И это было сказано тогда, когда по всем социологическим опросам соотношение сторонников и противников вхождения Украины в НАТО выражалось цифрами 20 и 80 %.

Удивительно, как в те времена политическое окружение президента В. Ющенко комментировало столь высокий процент противников НАТО на Украине. Единственной причиной этого, по его мнению, была неосведомленность украинцев об этой чуть ли не благотворительной организации. Знали бы они о НАТО больше — результат опросов был бы другим. Чтобы устранить этот пробел в знаниях украинцев, власти решили заняться их просвещением. Объявили своеобразный натовский всеобуч. Министерство образования издало распоряжение открыть учебный 2008 год в общеобразовательных школах единым уроком, посвященным Североатлантическому альянсу.

Надо сказать, адепты НАТО взялись за трудную задачу. Ведь, как говорят в народе, черного кобеля не отмоешь добела. При всем желании нельзя назвать военные действия блока, приведшие к расчленению Югославии, к разрушению государственности Ирака, Ливии, к возникновению гражданских и религиозных конфликтов в Афганистане, Сирии и других странах, благотворительными акциями. Это международный разбой, сеющий смерть и разрушения. И вовсе не ради свободы и демократии, которых будто бы не было в названных странах, но исключительно ради получения доступа к их

природным ресурсам, к повсеместному созданию марионеточных режимов. Как правило, намного худших, чем были так называемые диктаторские, но зато послушных Вашингтону и Брюсселю.

Конечно, отчасти украинцы об этих «подвигах» США и НАТО наслышаны. Возможно, чего-то они не знают. Но не только о НАТО. Не все они знают и о других международных организациях. О том же СНГ, ЕврАзЭс, Таможенном союзе России, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Армении, Шанхайской организации сотрудничества. Отчего же тогда украинские власти озаботились лишь натовским всеобучем? Казалось бы, дайте своему народу полную информацию обо всех международных союзах (экономических, политических и военных), а затем обратитесь к нему за советом, с каким из них он хотел бы связать свое будущее.

Но так вопрос на Украине никогда не формулировался. Власти не советовались со своим народом, а советовали ему, куда он должен идти. Причем нередко прибегали к манипуляциям, выдавая свои желания за народное мнение. Разумеется, под натиском мощной пропаганды, а также в связи с резким ухудшением отношений с Россией, которая была объявлена главной угрозой для Украины, отношение украинцев к НАТО претерпело значительные изменения. К середине 2016 года, как полагают социологи, число сторонников этого военного блока сравнялось с числом противников или даже превысило его. Казалось бы, самое время провести референдум и заручиться поддержкой народа, но власти и теперь не решаются на него. То ли не уверены в социологических данных, то ли общественное мнение по-прежнему не является для них решающим в этом вопросе.

Да и к чему эта показная демократия, если Украина дефакто уже в НАТО? Не в пример ЕС, альянс оказывает Украине регулярную финансовую поддержку в проведении военных реформ, поставляет военное снаряжение и электронное оборудование, на постоянной основе обучает украинских солдат военному ремеслу, выделяет деньги на укрепление пограничной инфраструктуры. Он не собирается дожидаться, пока

украинские вооруженные силы будут отвечать всем стандартам НАТО, и в сентябре 2014 года подписал соглашение о формировании «Литовско-польско-украинской бригады». Кроме того, Украина заключила договоры о сотрудничестве с тремя прибалтийскими странами, а также с Польшей, что узаконило получение ею военной помощи от НАТО. Территория Украины уже стала местом проведения масштабных военных учений стран альянса. В 2015 году на полигонах Львовской области совершенствовали свою военную выучку войска США, Канады, Германии, Бельгии, Великобритании, Турции, Польши и других стран. В 2016 году на Украине были проведены морские учения стран НАТО. Известно также, что генсек Йенс Столтенберг провел переговоры в Киеве о доведении сектора обороны Украины до полновесных стандартов НАТО.

Из информации, время от времени появляющейся в открытой прессе, становится очевидным, что брюссельские натовские чиновники являются лишь исполнителями замыслов американских стратегов. Если называть вещи своими именами, придется признать, что НАТО — это прежде всего США. Они определяют военно-организационную структуру альянса, его цели и задачи, устанавливают объемы национальных бюджетов на его нужды, размещают на его территории свои воинские подразделения и военные базы.

Мне уже приходилось писать об откровениях бывшего министра иностранных дел Украины Б. И. Тарасюка, за которым закрепилось прозвище Стипендиат НАТО. В ответ на высказываемые опасения, что со вступлением Украины в НАТО на ее территории появятся военные базы альянса, он заявил, что этого не будет, и популярно разъяснил, что базы эти американские и размещаются не по решению альянса, а на основании двусторонних соглашений между США и отдельными европейскими странами. Это действительно так. Подтверждением являются, в частности, военные базы противоракетной обороны в Румынии и Польше. Но что это меняет по существу? Украина, связанная военными обязательствами в рамках НАТО, тоже может заключить с США соглашение на размещение аналогичной базы.

В одном из интервью генерал Полторак вскоре после своего назначения на должность министра обороны Украины заявил, что вопрос о военных базах США на территории Украины пока не стоит на повестке дня. Совершенно очевидно, что это «пока» не исключает того, что вопрос встанет в будущем, после того как Украина оформит свое членство в НАТО. А может быть, и раньше. «Обнадеживающее» для нынешних украинских властей заявление сделал госсекретарь США Д. Керри, отметив, что США «рассчитывают получить на Украине дополнительные возможности», которых требуют их национальные интересы. Не исключено, что президент Украины П. Порошенко, обратившийся к президенту США Б. Обаме с просьбой о военной помощи, уже обсудил с ним такую перспективу. В послемайданные годы США выделяли Украине на укрепление армии по 300 миллионов долларов. В 2017 году по решению сената эта сумма была увеличена до 500 миллионов долларов. Деньги предназначались на закупку американского вооружения и на укрепление обороноспособности. Министр обороны США Эштон Картер, заместитель госсекретаря Виктория Нуланд, а также посол США на Украине Джеффри Пайетт уточняли, на что именно будут потрачены эти средства: США поставят Украине более двух тысяч приборов ночного видения, 130 бронеавтомобилей, оборудование радиосвязи, медицинское снаряжение, а также подготовят более одной тысячи украинских пограничников. Из откровений бывшего генерального секретаря НАТО и нынешнего советника президента Украины Андерса Расмуссена следует, что вскоре Запад и НАТО начнут поставлять Украине летальное вооружение.

В начале сентября 2016 года Пентагон назначил советником министра обороны Украины отставного американского генерала Джона Абизанда. Затем на аналогичную должность был определен бывший командующий сухопутными войсками Великобритании генерал Ник Паркер. Горькая ирония этих назначений, свидетельствующая о весьма ограниченной суверенности Украины, заключается в том, что они произведены не в Киеве, а в Вашингтоне и Брюсселе. Можно сказать, мини-

стру обороны Украины С. Полтораку назначили наставников с правом решающего голоса.

Разумеется, странам, входящим в НАТО, приходится и самим нести немалое бремя расходов на содержание военного блока. Согласно его уставу, каждая страна должна выделять для этого 2 % национального бюджета. Не все члены альянса выдерживают столь высокую норму. Это вызывает недовольство у США, и не случайно президент Б. Обама напомнил об этом своим европейским союзникам.

Возможно, Украина, не будучи формально членом НАТО, не подпадает под это общее правило, но как страна, стремящаяся к натовским стандартам, негласно должна ему следовать. И определенно пытается это делать. Как заявил министр обороны С. Полторак, военный бюджет Украины на 2016 год «очень хороший». Без сомнения, ничего подобного не мог бы сказать руководитель ни одного другого министерства и ведомства. На образование, науку, здравоохранение, социальную сферу, культуру средств катастрофически не хватает, а военный бюджет «очень хороший». Судя по цифрам, расходы на военное ведомство в 2017 году повышены.

Возникает вопрос: почему, несмотря на такое тесное военное сотрудничество Украины и НАТО, альянс не спешит оформить этот «брак» юридически? Нам не сказали, как в случае с ЕС, что это случится не ранее чем через 25 лет, но и не обнадежили более коротким сроком. Обещание, что это станет возможным, как только Украина в военном отношении будет отвечать стандартам НАТО, по меньшей мере неискреннее. Маленькие Балтийские государства — Латвия, Литва и Эстония — вряд ли отвечали этим стандартам, но уже давно стали членами НАТО. При желании или при необходимости процесс стандартизации можно растянуть на неопределенно долгое время. На Украине всегда найдется что-то, что не отвечает натовским стандартам.

Свидетельством этому является и заключенное 8 сентября 2016 года соглашение о военном сотрудничестве министерств обороны Украины и США. Согласно информации пресс-секретаря украинского военного ведомства Д. Гуцуляка, оно

рассчитано на пять лет и предусматривает четыре направления, два из которых связаны с реализацией оборонной реформы и с созданием современных вооруженных сил, иными словами, подчинены задачам достижения натовских стандартов. Так что по меньшей мере пять лет до вхождения в НАТО нам гарантированы.

Похожими планами поделился и министр иностранных дел Украины П. Климкин. Он заявил, что Украина поставила перед собой цель — достичь стандартов НАТО к 2020 году. Правда, следующее его утверждение о том, что альянс — единственная на сегодня структура, основанная на украинских ценностях, практически делает ненужной эту пятилетку дорастания до его стандартов.

Похоже, НАТО, как и ЕС, не хочет формализовать отношения с Украиной, чтобы не обременять себя какими-либо военными обязательствами. К примеру, воевать на Юго-Востоке Украины. Конечно, это чревато для альянса неизбежным столкновением с Россией. Западу, разумеется, это ни к чему. Он вынужден считаться с мнением России, которая категорически не приемлет вхождения Украины в военный блок, считая его, мягко говоря, недружественным. К тому же от такого неопределенного юридического статуса Украины Запад ничего не теряет. Де-факто она уже находится на положении натовской страны, возможно, даже в большей степени, чем иные «старожилы» блока. Но зато перед Россией Запад сохраняет лицо. Жаль, что этого не понимают наши политические и государственные деятели, периодически облачающиеся в полевую форму на учениях со своими натовскими союзниками и повторяющие как заклинание, что Украина будет членом НАТО.

Глава 6
КИЕВСКИЙ МАЙДАН–2 И ЕГО ТРАГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ[1]

1. ЕВРОМАЙДАН, ИЛИ ВАРВАРЫ В ГОРОДЕ

Ноябрьско-декабрьский протестный мятеж 2013 года в Киеве, как и предшествовавшее ему ожидание подписания Соглашения об ассоциации с ЕС, имеют удивительно близкие исторические и литературные аналогии. Одна из них содержится в стихотворении греческого поэта Константиноса Кавафиса, которое называется «В ожидании варваров». *«Чего мы ждем, собравшись здесь на площади? — Сегодня в город прибывают варвары. — К чему теперь Сенат с его законами? Вот варвары придут и издадут законы. — Зачем так рано Император поднялся? Зачем уселся он у городских ворот на троне? — Сегодня в город прибывают варвары, и Император ждет их предводителя».*

Не правда ли, поведение Верховной рады, правительства и президента незадолго до мятежа чем-то напоминало поведение римского Сената, консулов и императора? Все чего-то ожидали. Но если герои стихотворения так и не дождались варваров, чем были несказанно огорчены, то ожидания киевлян оправдались: к ним варвары таки пожаловали. Поразительно, но если Сенат и император только собирались приветствовать варваров и вручать им пергаментные свитки, в которых были начертаны «торжественные звания и титулы», то Верховная рада, правительство и президент успешно это

[1] Тексты этой главы в основном публиковались в киевском «Еженедельнике-2000» во время Майдана-2 и по его свежим следам.

исполнили. Они дружно приветствовали собравшихся на Майдане Незалежности. Торжественных званий и титулов как будто не обещали, по крайней мере публично, но эпитетами борцов за европейские ценности и свободы, несомненно, наградили.

Намеренно ли украинские власти подыгрывали мятежному Майдану, рассчитывая смягчить гнев собравшихся, или просто от безволия и бессилия — неизвестно, но эффект от их приветствий получился явно противоположным тому, на который они рассчитывали. Варвары восприняли все это как поощрение к более радикальным действиям.

Вскоре число собравшихся увеличилось. К студентам, отпущенным с занятий ректорами вузов, присоединились «вуйки» из Галичины. И если на первых порах студенты призывали убрать с площади партийные символы и стяги, то теперь вполне комфортно чувствовали себя рядом с ними. Студенческую молодежь нисколько не смутило даже то, что площадь заполыхала бандеровскими красно-черными полотнищами.

Непосредственным поводом для протеста послужила приостановка интеграции Украины в Европейское сообщество. Не отмена ее, не отказ от так называемого нового цивилизационного выбора Украины, что устраивало бы добрую половину населения, а только временная остановка на этом «безальтернативном» пути. Казалось бы, отчего впадать в истерику (она наблюдалась не только в рядах оппозиции, но и в политических кругах Евросоюза)? Не сегодня, так через полгода или год. Но, в отличие от киевских властей, оппозиция и Запад ждать не желают. Им подавай Украину сегодня. Как в том анекдоте — «хоть тушкой, хоть чучелом», но немедленно. И тем и другим плевать на то, что Украина находится в тяжелейшем экономическом положении, что разрыв отношений с Россией и другими странами Таможенного союза приведет (уже приводит) к исчезновению целых отраслей производства, а следовательно, к потере сотен тысяч рабочих мест.

Попытка президента В. Януковича обсудить вопрос о возможной европейской компенсации потерь Украины на постсоветском рыночном пространстве не нашла отклика со стороны высших еврочиновников. Некоторые из них даже называли

циничным намерение Киева интегрироваться в Европу за счет Европы же. «Мы даем вам свободу и цивилизацию, а вы говорите о каких-то деньгах». Возмущались и поведением России, которая ввела ограничительные меры в сфере экономических связей с Украиной, — и опять-таки не прозвучало ни слова о том, что эти потери компенсирует Евросоюз. Ведь его рынок, о чем без устали твердят украинские евроинтеграторы, неизмеримо больший, чем рынок России и Таможенного союза.

Не спешит оказать помощь Украине и Международный валютный фонд. «Вот если вы увеличите на 50 % тарифы на газ для населения, повысите на 40 % цены на электроэнергию, а еще заморозите зарплаты, пенсии и стипендии, то, может быть, что-то и получите», — говорит он. Но вот это действительно цинизм. Повышать до уровня европейских предлагается не зарплаты, а коммунальные тарифы. Видимо, это делается в расчете на провоцирование недовольства народа нынешней властью, которая, несмотря на все старания понравиться Западу, определенно не рассматривается им в качестве партнера на будущее. У него есть более надежные и последовательные ученики.

Однако вернемся к варварам. За время своего таборного стояния они многое успели. Оккупировали центральную часть Киева и превратили ее в помойку. Мне часто приходилось пересекать площадь Независимости и подземные переходы по дороге к метро и обратно. Антисанитария ужасающая. Непонятно, почему молчит санитарно-эпидемиологическая служба Киева. Неужели ей безразлична судьба протестующих, которые, находясь в такой грязи длительное время, к тому же по соседству с бомжами, наверняка подхватят инфекции и с некоторыми из них не расстанутся никогда?

Организаторы протестных акций, как и их европейские покровители, постоянно обращались к украинской власти с просьбами не применять силу в отношении мирных граждан, которые вышли на площадь только потому, что у них украли европейскую мечту. Но, во-первых, трудно назвать этот выход мирным. Благо, есть телевидение, которое показывало, как протестанты, вооруженные цепями, арматурой, «коктейлями Молотова», дымовыми шашками и газовыми баллончиками,

штурмуют здание Администрации президента. В качестве тарана задействовали даже огромный бульдозер. А во-вторых, об этой мечте говорили только в первые дни. В дальнейшем лозунги протестующих были другими, напрямую связанными с требованиями смены власти. Чувствовалось, что три оппозиционных вождя — А. Яценюк, В. Кличко и О. Тягнибок — после некоторой растерянности все-таки возглавили Майдан в своих властных интересах.

Если называть вещи своими именами, вся энергия протестующих была направлена на силовой захват власти. Частично это и произошло. Штурмом, сопровождавшимся взломом дверей и разбиванием окон, были взяты Киевская городская администрация и Верховная рада. Глава администрации был изгнан из своего рабочего кабинета, а вместо него революционный Майдан назначил комендантом Киева Н. Катеринчука. Позднее вожди Майдана отменили такое решение, по-видимому, осознав всю его абсурдность.

Примерно по такому же сценарию развивались события вокруг Кабинета министров. Призывы к его штурму бросали в народ так называемые полевые командиры. Они же повели туда людей. Здание было взято в круговое оцепление, служащих не допускали на рабочие места. После этого Ю. Луценко цинично заявил на телекамеру: «Можно считать, что все работники Кабмина присоединились к протестующим». Захватить Кабинет министров не удалось не потому, что у вождей Майдана не было желания, а потому, что не было сил. К этому времени власть уже не питала никаких иллюзий относительно целей так называемых мирных акций и стала хоть немного сопротивляться.

Казалось, худшее миновало и протестные акции сменились ненасильственными действиями. Ничего экстраординарного как будто не предвещал и воскресный (8 декабря) «марш миллионов». Тем не менее именно он увенчался немыслимым для людей, стремящихся в Европу, вандализмом — разрушением памятника В. И. Ленину в Киеве[1]. Как видно из хроникальных

[1] Впоследствии такая же участь постигла памятники Ленину в других городах Украины. Кроме них, поруганию подверглись памятники, в том числе надмогильные, воинам Великой Отечественной войны.

съемок, молодчики из профашистской партии «Свобода» торжествовали, круша кувалдами скульптуру. Их языческое неистовство не позволяло им задуматься, что разбивают они памятник культуры, великое произведение искусства, творение выдающегося русского скульптора С. Меркурова.

Вскоре выяснилось, для чего националисты так тщательно разбивали памятник на мелкие куски. Оказывается, для того, чтобы заработать деньги. Интернет заполнили объявления, за сколько гривен можно приобрести тот или иной кусок скульптуры, которая была изваяна из редкого материала — карельского кварцита. Те, что побольше, оценивались в 1000 гривен, что поменьше — в 500. Цену за голову так и не назначили.

Здесь я вынужден снова вспомнить варваров древности. В 410 году они (вестготы) под предводительством своего вождя Алариха овладели Римом и в течение трех дней грабили Вечный город. Больше всего досталось мраморным статуям. Полагая, что этот камень, не известный им ранее, ценнее самих статуй, захватчики разбивали их на куски и забирали в качестве трофеев.

Не правда ли, недавние киевские события весьма напоминают те далекие исторические? Разница лишь в том, что для тех варваров Рим был чужим городом, а для нынешних Киев, казалось бы, должен быть родным. Впрочем, возможно, что и чужим. Как свидетельствуют очевидцы, бесчинствовали над памятником в основном галичане. Уверен, что коренные киевляне не могли позволить себе такое кощунство в родном городе. Интересно, как бы реагировали галицкие националисты, если бы в их родных городах Львове, Тернополе и Ивано-Франковске такие же молодчики из Юго-Восточной Украины принялись громить памятники Бандере или Шухевичу?

Говорят, что пришедшие на следующий день к месту памятника ветераны плакали от увиденного. Думаю, подавляющее большинство киевлян старшего поколения разделяют их горе. От себя скажу, что В. И. Ленин не заслужил от украинцев такой «благодарности» уже хотя бы потому, что при формировании Советского Союза настоял, чтобы к Украине отошла

Донецко-Криворожская республика. А это был наиболее развитый промышленный регион России, который и по сей день является экономическим донором, в том числе для Галичины. Можно устраивать революции, если кто-то каждый день идет в забой, обслуживает сталепрокатные станы, выпускает электровозы, моторы для авиации, сельхозтехнику, строит космические ракеты. Представьте себе на минуту, что ныне представляла бы собой Украина, если бы В. И. Ленин согласился с предложением оставить этот край в составе РСФСР.

Говоря о варварах в городе, я отдаю себе отчет в том, что не все, участвующие в протестных акциях, заслуживают такого определения. Вожди Майдана при каждой акции вандализма пытаются свалить вину на неких провокаторов. Это якобы они захватывали городскую администрацию, нападали на защитников Администрации президента, подогнали на ее штурм огромный бульдозер, крушили памятник В. И. Ленину[1].

Но ведь это элементарное фарисейство. Протестанты отваживались на радикальные действия только потому, что их благословляли на это вожди Майдана. Это они постоянно призывали переходить от разговоров к решительным действиям. Они же давали установки блокировать административные здания в центре Киева, перекрывать улицы и строить баррикады. Если бы это было не так, то захваченные провокаторами здания горадминистрации и Дома профсоюзов следовало бы освободить, не дожидаясь решения суда. Иной должна была быть реакция верхушки оппозиции и на задержание милицией этих самых провокаторов. Вместо того чтобы требовать их немедленного освобождения, стоило бы просить наказать их по всей строгости закона за дискредитацию благородного дела. Но нет — как только эти провокаторы оказывались в руках милиции, они немедленно превращались в мирных защитников свободы и демократии.

Наблюдая за тем, что говорит и делает оппозиционная верхушка, трудно было избавиться от мысли, что именно она и яв-

[1] Вскоре националисты перестали ссылаться на неких «провокаторов» и объявили настоящую войну памятникам В. И. Ленину. Их массовое разрушение получило неофициальное название «ленинопад».

ляется главным провокатором, инициирующим все масштабные столкновения на киевских площадях. В еженедельнике «2000» уже сообщалось, насколько публичные высказывания А. Яценюка расходились (мягко говоря) с реальными фактами. Свежий пример такой же безответственности продемонстрировал Н. Томенко. «Документ, подписанный в пятницу президентами Украины и России, — заявил он, — должен быть немедленно опубликован». Далее, предположив, что это могло быть соглашение о присоединении к Таможенному союзу, нардеп квалифицировал это как «возможное государственное предательство».

Представляете, какую гневную реакцию людей, мечтающих о евроинтеграции и открыто провозглашающих свои цели на киевских площадях, должно было вызвать такое заявление? На это и рассчитывали. Ибо нельзя же предположить, что Н. Томенко не знал о заявлениях пресс-службы президента Украины и помощника президента России Д. Пескова о том, что на встрече двух президентов не только не подписывались какие-либо документы о Таможенном союзе, но и вообще не обсуждалась эта тема. Вот это и есть настоящая провокация.

Другой народный депутат А. Бригинец распространил на своей странице в соцсети «Фейсбук» страшилку, будто в военной части города Василькова «пьяные офицеры угрожают мирным активистам», которые третьи сутки блокируют военный городок. То, что это заявление не подкреплено никакими фактами, нардепа нисколько не волновало. «Я сказал, а вы оправдывайтесь». Это тоже провокация.

Весьма показательно, кого называют народом представители оппозиции. Оказывается, только тех, кто разделяет их радикальную идеологию. На майданах (в Киеве, Львове, Тернополе, Ивано-Франковске) собирался украинский народ, чтобы выразить поддержку евроинтеграции. Митинги в том же Киеве, Харькове, Севастополе, Симферополе, Донецке и других городах Юго-Востока Украины в поддержку действий властей пренебрежительно именовались сборищем «титушков», а часто и «пятой колонной» России. Не являлись народом

Украины и все сотрудники правоохранительных органов. Детей, которые вышли протестовать, бить нельзя, а таких же детей, которые обеспечивали хоть какую-то жизнедеятельность центра города, бить можно. Это не наши дети.

Как же вы, господа руководители оппозиционных партий, думали управлять страной, если для вас украинцами являются только ваши сторонники?

Доморощенных провокаторов активно поддерживали провокаторы из стран Евросоюза. Сколько их перебывало на трибуне Майдана, сколько страстных призывов прозвучало из евросоюзных уст! Некоторые (В. Нуланд) даже раздавали на площади пряники и булочки. Я представляю, какой гвалт учинила бы оппозиция, если бы на митинге сторонников Партии регионов выступил кто-либо из чиновников Таможенного союза с призывом вступить в это объединение. Самыми корректными были бы высказывания о вмешательстве России в дела суверенного государства. От Евросоюза на Майдане и вне его прозвучали десятки таких призывов. Но никакого стороннего вмешательства оппозиционеры здесь не видят.

Да что там оппозиционеры. Не хотели видеть этого и украинские власти. Я был поражен реакцией министра иностранных дел Л. Кожары на слова заезжего телешоумена С. Шустера, подбросившего в затухающий костер дискуссии слова премьер-министра России Д. Медведева о том, что выступления на Майдане чиновников Евросоюза определенно подпадают под определение внешнего вмешательства. «Вы согласны с такой оценкой?» — спросил ведущий министра. Тот без всякой дипломатии ответил, что не согласен. И добавил, что украинские власти сами приглашали их на Майдан. «Мы так спланировали работу Совета министров иностранных дел ОБСЕ, чтобы у министров было время для встреч со сторонниками евроинтеграции на Майдане», — подчеркнул он.

Эти слова показались мне попыткой спасти репутацию, поскольку еврочиновники, судя по всему, свои походы в народ ни с кем не согласовывали. Но если сказанное министром действительно правда, тогда это очень похоже на самоубийство.

Разумеется, политическое. Не могли же украинские руководители рассчитывать на то, что гости поддержат их перед митингующими?

Возможно, откровеннее всех позицию Евросоюза выразил президент Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу, обратившийся с призывом «ко всем гражданам (Украины. — *П. Т.*) не поддаваться чувству поражения, иметь мужество бороться с негативными силами». Стоит ли расшифровывать, кого имели в виду под определением «негативные силы»? Далее он сообщил, что говорил по телефону с В. Януковичем и призывал его не использовать силу против людей, которые «в морозную погоду пишут новую историю для Европы». 11 декабря с аналогичными требованиями к президенту непосредственно обратились заместитель Баррозу К. Эштон и помощник госсекретаря США В. Нуланд. Последняя в телеинтервью заявила, что в разговоре с В. Януковичем она выразила решительный протест в связи с ночным нападением милиции на митингующих и добавила, что «теперь он знает, что надо делать».

Так случилось, что я оказался свидетелем этого «знания» президента. На моих глазах милиция спешно покидала свои позиции, а демонстранты загоняли ее в стоящие там же автобусы и нещадно избивали палками. Позже по телевидению была показана аналогичная сцена перед зданием городской администрации, где «мирные демонстранты» поливали милицию из пожарных бранспойтов, бросали в нее дымовые шашки и распыляли газ. Кто-то из «мирных» в этой суматохе потерял даже пистолет.

Я не принадлежу к числу горячих сторонников президента. Очевидно, есть доля его вины в том, что с ним так обращались третьеранговые евро-американские чиновники. Но, как говорил известный киногерой, мне за державу обидно. Все их походы в народ, менторские нотации украинским властям, равно как и угрозы арестов активов, однозначно указывают на то, что для них Украина — никакая не суверенная страна. Де-факто — подмандатная американо-еэсовская территория. И вряд ли стоит так окрыляться нашему оппозиционному триумвирату. Если кто-то из входящих в него, не дай бог,

станет президентом Украины, он будет обладать ровно таким же объемом суверенитета, каким обладал В. Янукович.

И не только во внешних делах, но и во внутренних. Ибо если гражданское неповиновение президенту В. Януковичу и его правительству на Западной Украине — это нормально, то почему должно быть ненормальным аналогичное поведение жителей Юго-Востока Украины по отношению к президенту и правительству, которых изберет нынешняя оппозиция?[1]

Майданные события в разных городах стали по сути публичной манифестацией существования двух Украин. Между ними и без того есть объективные исторические различия. Политические катаклизмы, которые провоцируют украинские националисты с завидной периодичностью, не только не способствуют преодолению противоречий, но еще больше их обостряют. Только на первый взгляд кажется, что баррикады на Крещатике разделяют власть и оппозицию. Они разделяют Украину. И как бы вам, господа евроинтеграторы, не доиграться до раскола страны. Что это реально, показывают примеры Югославии, Молдовы и других стран.

В заключение — об украинской евромечте. Во-первых, она не всеобщая. По меньшей мере у половины украинцев этой навязчивой идеи нет. Во-вторых, она не стоит того, чтобы из-за нее разрушать мир и согласие в украинском обществе. Той Европы, о которой мечтают наши евроинтеграторы, уже давно не существует. Ее раздирают внутренние противоречия. Можно сказать, что так называемый цивилизованный Запад — уже на одну четверть Восток. Процесс его мусульманизации стремительно ускоряется, вызывая беспокойство у коренных жителей и руководителей многих стран. Я не думаю, что в этом новом для нас мире мы хоть когда-нибудь станем своими.

Может быть, нам не стоит (я адресую этот вопрос в равной мере и властям, и оппозиции) так бездумно отказываться от нашего традиционного цивилизационного выбора? Ему более тысячи лет. Сделал его Владимир Святой, и у нас нет мо-

[1] Ко времени написания этих строк ничего подобного на Юго-Востоке Украины еще не было.

рального права от него отрекаться. Как бы не стать Украине перекати-полем, оторванным от корней, которое ветер гоняет в разные стороны.

2. «ГІРШЕ ЛЯХА СВОЇ ДІТИ ЇЇ РОЗПИНАЮТЬ»

Ах, как точно гениальный Тарас Шевченко определил нашу родовую особенность! Две «революции» суверенного периода существования Украины подтверждают ее со всей драматической очевидностью. Только-только забрезжит надежда на лучшее будущее, как тут же находятся люди, «горячо любящие Украину», которые с непостижимым безумием душат эту надежду в своих объятиях.

Так было в 2004 году, когда в момент наивысшего за время независимости экономического развития (при 12 % роста ВВП) грянула «оранжевая революция», так произошло и теперь. С большим трудом Украина начала выходить из кризиса, в который погрузилась во времена «оранжевого» правления, и в это время вновь оказалась ввергнутой в бездну гражданского противостояния. При помощи того же Майдана и практически тех же (за небольшим исключением) политиков, которые уже неоднократно демонстрировали свою полную профнепригодность.

Как и в 2004 году, в 2013-м на Украине не было объективных причин для столь драматического конфликта. Жили мы небогато, но лучше, чем в «оранжевое» пятилетие. Регулярно выплачивались зарплаты, пенсии и стипендии, которые к тому же год от года увеличивались. Постепенно возрождались сельское хозяйство и промышленность. Отказались подписывать соглашение об ассоциации с Европой? Так, во-первых, не навсегда, а во-вторых, потому, что для Украины оно было бы разорительным. Об этом многократно предупреждали наших властных евроромантиков ведущие отечественные экономисты.

Предположим, что нынешняя власть вообще не подпишет это соглашение. Это ее право. И никакой трагедии в этом

не будет. Не было же бунта против «оранжевой» власти из-за того, что она не подписала этот документ. Да и новая власть не за горами. В оппозиции есть возможность после мартовских выборов президента в 2015 году убедить народ в своей политической состоятельности, получить мандат на правление и спокойно сделать то, чего не смогли сделать предшественники.

Оказалось, однако, что ждать оппозиция не хочет. Ассоциироваться надо немедленно и любой ценой. Не желают ждать и Европа с Америкой, которые открыто поддержали киевский Майдан. И из своего «демократического» далека, и с «революционной» киевской трибуны. Сколько перебывало на ней западных эмиссаров, чтобы вдохновить «украинский свободолюбивый народ»! А то, что Майдан такового не представляет, что народ живет не только в Галичине, но и на Слобожанщине, в Донбассе, Одессе, Крыму, — ни оппозицией, ни ее евро-американскими наставниками во внимание не принимается вовсе. Это по меньшей мере цинично.

Я не являюсь адептом нынешней власти. Она определенно заслуживает критического к себе отношения[1]. И тем не менее я не могу согласиться с той вакханалией, которая происходит сегодня на Украине. В сущности, совершается государственный силовой переворот. Предпринимается попытка прийти к власти неконституционным и недемократическим путем. При помощи «коктейлей Молотова», разгрома центральной части Киева, формирования так называемых отрядов самообороны, захвата правительственных зданий. И отпереться от этого не удастся ни майданникам, ни их покровителям. Все это задокументировано на теле- и кинопленках. В том числе горящие, как факелы, милиционеры.

Поразительно, но западные блюстители демократии как будто не видят всего этого. Постоянно предостерегают от применения силы только власть. При этом недвусмысленно намекают, что в случае ослушания могут применить и санкции:

[1] Осенью 2010 года, убедившись в том, что В. Янукович в моих советах не нуждается, я вышел из Гуманитарной рады при президенте, о чем уведомил его администрацию в письменной форме, а также разместил заявление на сайте Института археологии НАН Украины.

заблокировать зарубежные счета, а также запретить въезд в США и Западную Европу. К оппозиции, творящей беззаконие, таких требований не предъявляется. Ей все дозволено. Даже неофашистские факельные шествия под бандеровскими флагами и лозунгами.

От многих оплачиваемых Западом политологов и, разумеется, от самих оппозиционеров приходится слышать, что вся проблема заключается в том, что президент В. Янукович сосредоточил в своих руках неограниченную власть. Суды, прокуратура, силовые структуры и все остальное — под ним. Возможно, формально это и так, но фактически никакой неограниченной властью он не обладал. Майдан — лучший тому свидетель. Оказалось, достаточно легкого дуновения митингового ветерка, чтобы и сам президент, и все подведомственные ему силовые структуры оказались в состоянии полного паралича. Министерство обороны поспешило успокоить протестующих, заявив, что армия не будет вмешиваться в этот конфликт, а в Министерстве иностранных дел и вовсе стали собирать присяжные подписи на верность Майдану.

По сути, требования вернуть Конституцию 2004 года — это лишь предлог в оправдание нынешних неконституционных действий. Даже если бы это требование было удовлетворено немедленно, оно не принесло бы мира на украинскую землю. У нас уже имеется аналогичный опыт. В 2004 году к президенту Л. Кучме были те же претензии и те же требования. Он пошел навстречу «оранжевым» предводителям и 4 декабря подписал парламентско-президентскую Конституцию. И что, после этого прекратились протестные акции? Ничуть. Революционный Майдан стоял до тех пор, пока в третьем туре В. Ющенко не одержал победу на президентских выборах.

Решение о проведении третьего тура показало, что Конституция была нам вовсе не нужна. Она третьего тура не предусматривала. Юридически он был нелегитимен, следовательно, нелегитимными были и его результаты. Не нужна Конституция и нынешним оппозиционерам. Ни в президентско-парламентской, ни в парламентско-президентской нет статьи, которая давала бы право на досрочное переизбрание действующего

президента. Тем не менее три лидера Майдана — потенциальные претенденты на эту должность — требуют именно таких выборов.

Печально, что властная междоусобица политических и олигархических элит так больно бьет по интересам народа и страны. Она разрушает украинскую государственность, а фактически — и само государство. Что иное означают революционный захват областных администраций на Галичине, выдворение из них глав госадминистраций и передача властных полномочий местным советам? Если называть вещи своими именами, это провозглашение независимости от центральной власти Киева и фактически — выход из общеукраинской государственной структуры.

Представьте себе на минуту, что по галицкому пути пошли бы области Юга и Юго-Востока Украины и тоже ликвидировали бы у себя органы президентской власти. Что бы случилось с украинским государством? Естественно, оно бы уже распалось. Поэтому, каким бы парадоксальным это ни казалось, сегодня хрупкое государственное единство Украины держится не на националистическом Западе, а на так называемом «зросійщеном» Юге и Юго-Востоке.

Кстати, именно эти регионы создают для всей страны добавочный продукт, который распределяется в том числе и на Галичину, способную производить не больше половины своего потребления.

Поразительно, что Майдан, черпающий революционные кадры преимущественно на Западной Украине и являющийся гарантом его нынешнего независимого статуса, очень ревностно следит за тем, чтобы ничего подобного не произошло на Юге и Юго-Востоке. Недавно по представлению депутата фракции «Батькивщина» Генеральная прокуратура открыла расследование по так называемому крымскому сепаратизму. Только за то, что в Крыму заявили о стремлении обеспечить мирное развитие региона в случае продолжения «майданниками» государственной дестабилизации Украины[1]. На Галичине

[1] Впоследствии оказалось, что там действительно были сильные сепаратистские настроения. Но нейтрализовать их следовало не угрозами и запрета-

установили свои порядки, отличные от порядков всей Украины, и ни один депутат от «Батькивщины», «Удара» или «Свободы» не обратился в прокуратуру. Не сделали этого, к сожалению, и депутаты от КПУ и Партии регионов. А крымчан готовы судить только за намерения, к тому же в собственной интерпретации.

Поразительно, но ни исполнительная власть, ни народные депутаты от большинства никак не реагируют и на формирование украинскими националистами так называемых отрядов самообороны. Недавно комендант Майдана и по совместительству народный депутат Украины Парубий заявил, что уже сейчас численность их бойцов достигает 12 тысяч, а в недалеком будущем составит 40 тысяч. Видимо, не дают покоя названному деятелю лавры командующего УПА Шухевича.

Можно предположить, что Парубий блефует и выдает желаемое количество «самообороронцев» за действительное. Но ведь такие отряды действительно сформированы. Их строевые марши по Киеву — наглядное тому подтверждение. Конечно, они незаконны, и случись такое в любой демократической стране, местного «Парубия» надолго бы определили, как у нас говорят, в места не столь отдаленные. У нас же это приветствуется европейскими демократами, которые горячо пожимают руки национал-радикалам и позволяют тем целовать свои.

Похоже, в стане оппозиции нет ни одного умного человека, который бы остановил или хотя бы предостерег вошедших в революционный раж «полевых командиров» Майдана. Ведь то, что они делают, разрушительно для страны. Должен же кто-то из них понимать, что ответом на появление «самообороронцев» будет формирование таких отрядов на Юге и Юго-Востоке Украины. Они уже создаются и называются народными дружинами. И собрать их названный регион может не меньше, чем западный. А дальше что, гражданская «горячая» война?

В связи с этим я хотел бы обратиться ко всем, кому дорога Украина, с просьбой возвысить свой голос в ее защиту. Нельзя позволять безответственным людям играть с огнем. Все мы

ми, в частности регионального статуса русского языка, а, учитывая интересы крымских жителей, проведением с руководством автономии серьезных переговоров, предоставлением Крыму реального федерального статуса.

должны отдавать себе отчет в том, что галичанская игра в независимость действительно может привести к необратимым последствиям, к распаду страны. Крым в значительно большей степени, чем Львовская, Ивано-Франковская или Тернопольская области, имеет право на суверенитет, поскольку является автономной республикой. То же самое можно сказать и об Одессе, озаботившейся, как явствует из статьи народного депутата Украины С. Кивалова, разработкой собственной автономной конституции — сначала будто бы временной, «позволяющей жителям Одесчины более-менее спокойно дожить до лучших времен, когда в государстве установятся закон и порядок». Но при определенных обстоятельствах не исключено, что и постоянной. Из разговоров с запорожскими казаками стало ясно, что они также очень недовольны «диктатом молодчиков Майдана». С учетом того, что традиции вольности на Запорожье ничуть не слабее, чем на Галичине, вскоре можно ожидать и от этого региона более четкого определения своей позиции.

Когда-то, еще в конце 1990-х годов, я высказал мысль, что Украине не обойтись без федерализации государственно-территориального устройства. Только не на нынешней административной основе, а на исторической, согласно земельному районированию: Поднепровье, Северщина, Волынь, Слобожанщина, Галичина, Новороссия, Донбасс, Таврия и т. д. Поддержки я тогда не встретил, напротив, был обвинен в сепаратизме. В наше время эта идея имеет уже много сторонников, но также не воспринимается властями предержащими как приемлемая для Украины — все из-за того же опасения сепаратизма[1]. Ссылки на то, что такое политическое устройство характерно для многих стран Запада, куда нашу политическую элиту неодолимо влечет, не производят должного воздействия ни на оппозицию, ни на власть.

Между тем нынешний Майдан неоспоримо доказал (и, возможно, именно в этом будет его историческая заслуга), что федерализация страны — это единственный выход из непре-

[1] В своей инаугурационной речи новоизбранный президент Украины П. Порошенко с воодушевлением заявил, что Украина была, есть и будет унитарной державой.

кращающихся взаимных региональных претензий (кто-то «не патриот», а кто-то «нахлебник») и псевдореволюционных потрясений. При такой административно-территориальной структуре государства регионы будут в большей мере ориентированы на внутреннюю жизнь, на развитие экономики и достижение самообеспечения, что, без сомнения, положительно скажется и на экономике всей Украины, и в конечном итоге — на ее внутриполитической стабилизации.

Как известно, нет пророка в своем отечестве. Поэтому сошлюсь здесь на мнение известного английского профессора Джона Милбэнка, который полагает, что федеральное решение государственной системы гораздо более целесообразно с точки зрения сохранения плюрализма. Идея создания небольших независимых регионов, по его мнению, приводит к ксенофобии. Валлийские язык и культура развиваются более успешно, чем ирландские, несмотря на то что Уэльс является частью Соединенного Королевства[1].

Однако вернемся на Майдан. Сколько мифов уже создано о его главных действующих лицах! В частности, их пытаются разделить на «умеренных» и «экстремистов». К первым якобы относятся руководители трех парламентских партий — «Батькивщина», «Удар» и «Свобода». Ко вторым — руководители «Правого сектора», «Спільної справи» и др.

Конечно, это не так. Все участники протестного Майдана делают общее дело и в одинаковой мере причастны ко всему, что происходит, будь то бульдозер на Банковой улице, «коктейли Молотова» и пожарища на улице Грушевского или штурмы правительственных и административных зданий в Киеве и областных центрах. И одинаково ответственны за все бесчинства так называемых экстремистов. Кстати, когда последние оказываются в руках милиции и правосудия, они вдруг теряют свой экстремистский статус и превращаются в мирных активистов, немедленного освобождения которых добиваются «умеренные» вожди Майдана. Это одно из их главных требований

[1] *Милбэнк Дж.* Регионы, нации и глобальный порядок // Этнос: нормы и ценности в эпоху глобализации : науч. конф., Лондон, 14 октября 2013 г. СПб., 2014.

к власти, для выполнения которого Верховной радой даже был принят специальный закон.

Нет сомнения, что именно Яценюк, Кличко и Тягнибок осуществляли оперативное руководство Майданом. Но не стратегическое планирование — здесь они простые пешки в крупной игре киевских олигархов и американо-европейских наставников. Не случайно после каждой встречи с президентом В. Януковичем и его окружением майданные вожди брали паузу — якобы для совета с Майданом, а в действительности для того, чтобы выслушать решение своих спонсоров, идейных и финансовых.

Майдан — дорогостоящее предприятие. И если прекратить его финансирование сегодня, от революционного энтузиазма галицких «вуйков» уже завтра не осталось бы и следа. Все они вернулись бы, как говорили на Руси, «в домы своя». Поэтому В. Януковичу и его команде надо было вести переговоры не с Яценюком, Кличко и Тягнибоком, а с теми, кто их финансирует и выставляет впереди себя. Надо полагать, эти люди им хорошо известны.

К сожалению, в этой большой геополитической игре, которая уже унесла несколько человеческих жизней и фактически превратила Украину в подмандатную территорию ЕС, интересы простых украинцев не учитываются вовсе. Нет сомнения, что именно они, а не олигархи от власти и оппозиции, ощутят на себе все негативные последствия этой всеразрушающей борьбы за «европейские ценности». Уже ощутили бы, если бы не финансовая помощь России.

Но надолго ли ее хватит, если мы и дальше будем не созидать, а разрушать? Общий ущерб, нанесенный Киеву, уже исчисляется десятками миллионов. Утверждают, что один из активных участников Майдана, человек не бедный, заявил, что компенсирует городу все убытки. Я в этом не уверен, но дай бог, чтобы я ошибся. Это было бы справедливо, поскольку и разрушали центральную часть города тоже за его деньги. Представляете, сколько хорошего можно было бы сделать в Киеве, если эти суммы сложить и обратить на добрые дела?

Живя недалеко от площади Независимости и нередко бывая там, я постоянно слышал скандирование приветственного

клича бандеровцев «Слава Украине! Героям слава!». Содержательно никакого неприятия он у меня не вызывает. Но даже и тысячекратное его повторение не способно сколько-нибудь эту славу умножить. Она же создается не истерическими воплями на революционных «майданах», а упорным трудом всех граждан Украины, каждым на своем месте. Нам стоит наконец это осознать и перестать периодически распинать свою страну.

P. S. Один из героев повести И. Франко «Борислав сміється» говорил: «Оце взяв би в руки довбню, ходив би від хати до хати, та й по голові, одних за те, що кров людську п'ють, а других за те, що не бороняться». В сегодняшних условиях можно сказать: одних за то, что разрушают государство, а других за то, что не способны его защитить. В исторической перспективе обе стороны будут за это ответственными.

3. ПОБЕДА МАЙДАНА — ПОРАЖЕНИЕ УКРАИНЫ

В статье «Варвары в городе» я выразил опасение, что баррикады на Крещатике разделяют не власть и оппозицию, а Украину. Фактически две Украины: Западную и Юго-Восточную. Последующие и происходящие ныне события подтвердили это со всей драматической очевидностью. Чтобы предвидеть такие последствия антигосударственного мятежа, не надо обладать особой прозорливостью. Надо иметь хоть немного здравого смысла. У вождей оппозиции, называвших украинским народом только западных украинцев и следовавших только их воле, такового, к сожалению, не оказалось вовсе. Нет ни малейших сомнений в том, что все цели, заявленные на Майдане, могли быть достигнуты ненасильственным путем в результате очередных президентских выборов в марте 2015 года.

То, что оппозиция и поддерживающие ее политики Запада не захотели ждать, обернулось немыслимой трагедией для всей Украины. Сегодня только и разговоров, что о вине В. Януковича и его окружения в гибели жертв Майдана. При этом жертвами почему-то называются только погибшие с одной стороны —

с майданной. О погибших с другой стороны победители и не вспоминают. Им не возлагают цветы, не ставят свечи, не призывают причислить к лику героев. А между тем и те и другие в равной мере оказались жертвами властных амбиций. Одни — оппозиционных вождей, другие — властей предержащих. При этом ни с той, ни с другой стороны люди, отдававшие приказы стрелять, не получили даже царапин. На смерть посылали других. Более того, в критические моменты противостояния они сами чудесным образом оказывались вне полыхавшего конфликта. Таким образом, все жертвы Майдана на совести власти и оппозиции. Или оппозиции и власти. И те и другие, несомненно, окажутся перед праведным судом Истории.

В компании с ними на скамье подсудимых будут и американо-европейские «демократы», которые с неимоверным старанием раздували всеукраинский пожар. Сколько их перебывало на мятежной трибуне Майдана! Некоторые госдеповские дамочки даже уподобляли себя Иисусу Христу и одаривали людей хлебом. Ободряющие речи звучали также из Западных столиц. Квалифицировать это только как вмешательство в украинские дела — слишком мягко. Имея за плечами печальный опыт Балкан и Ближнего Востока, западные политики не могли не знать, чем может обернуться их навязчивое наставничество, призывы защищать демократию и европейские ценности. С изумительным цинизмом они называли Майдан мирным даже тогда, когда его сторонники силой захватывали административные здания, нещадно избивали милицию арматурой и швыряли в нее «коктейли Молотова». Так что, господа евро-американские демократы, имейте мужество признать и свою вину за украинские жертвы.

За жертвы и за попрание тех самых демократических ценностей, к которым призываете украинцев. Ведь у себя дома вы ничего подобного нашему Майдану не допускаете. Мы все свидетели того, как в США жестоко расправились с участниками акций «Захвати Уолл-стрит» или в ФРГ — с протестующими в Гамбурге. Одних избили и надели наручники, других также избили и смыли бранспойтами с улиц. Почему же вам так нравится такое у нас? Неужели дело только в том, чтобы

отомстить В. Януковичу и его окружению за непредвиденное ослушание?

Майдан победил, утвердил новую власть. А. Яценюк, получивший пост премьер-министра, назвал процедуру формирования Кабинета министров беспрецедентной в истории Украины. К сожалению, это не совсем так. Традиции майданного выбора власти у нас давние, еще с казацких времен. Именно так выбирались тогда многие гетманы и атаманы. Прежним рубили головы, новым вручали булавы. Ярким примером тому может служить избрание в 1621 году гетмана П. Сагайдачного, ставленника Польши. Прибыв из Варшавы в казацкий стан под Хотином и заявив, что привез милости от польского короля, он смог так расположить к себе казаков, что те тут же провозгласили его новым гетманом. Старого немедленно заковали в кандалы и затем по приказу Сагайдачного отрубили ему голову.

Поразительно, что в XXI веке нас вдохновляют те давние, почти средневековые традиции. И не радоваться надо этому, как происходило на Майдане, а огорчаться. Ведь это еще одно убедительное свидетельство того, что нынешняя украинская государственность весьма непрочна. Об этом же говорит и персональный состав майданных министров. Идеологически они представляют только одну силу, а территориально — практически только один регион. О профессионализме министров нечего и говорить. Может ли такое правительство рассчитывать на всеукраинское признание? Вопрос риторический.

В Верховной раде избрали также и. о. президента страны, которым стал председатель парламента А. Турчинов. Такой объем полномочий и не снился прежним президентам. В том числе В. Януковичу, которого оппозиция обвиняла в диктаторстве. Но здесь есть одна существенная незадача. У многих у нас и за рубежом такое избрание вызывает серьезные вопросы. Ведь Украина де-юре имеет всенародно избранного президента. От власти он не отрекся, а среди законных оснований для лишения его должности нет такого пункта, как «самоустранение». В момент принятия Верховной радой столь странного решения он находился в Харькове, следовательно,

при исполнении своих служебных обязанностей. И если руководствоваться Конституцией, а не революционной целесообразностью, просто отмахнуться от этого обстоятельства невозможно.

Можно по-разному относиться к бегству президента из мятежного Киева — как к проявлению трусости или как к желанию спасти жизнь членам своей семьи. Но совершенно очевидно, что тем самым он лишил оппозицию удовольствия применить к данному случаю конституционное положение «в случае смерти президента». А то, что некоторые горячие головы оппозиции не исключали такой возможности, было вполне определенно заявлено на ночном телешоу небезызвестного Савика Шустера. Все, кто смотрел эту передачу, помнят, сколь резкую реакцию это вызвало у первого президента Украины Л. Кравчука, вынужденного покинуть студию.

Многие утверждают, что в этот критический момент нашей истории единственным легитимным органом власти стала Верховная рада. Формально и юридически — наверное, но не морально и нравственно. Здесь она продемонстрировала полную несостоятельность. Нам всем, а особенно избирателям Юго-Востока Украины, должно быть стыдно за депутатов-регионалов. Одни из них загодя оставили тонущий властный корабль, другие сдались на милость победителей позже. При этом и те и другие дружно отреклись от всего содеянного режимом В. Януковича, как и от него самого.

Как это характерно для нашей украинской ментальности! Даже признав, что ничего необычного в таком поведении народных избранников нет, трудно избавиться от чувства горечи. Не хватило мужества сложить депутатские полномочия, что было бы справедливо: если они сами признали преступными деяния своего вождя, то должны были бы по крайней мере разделить с ним вину. Как править страной и сколачивать себе состояния — так вместе с В. Януковичем, а как отвечать — так только ему одному. Интересно, были бы мы осчастливлены столь пламенной разоблачительной речью руководителя фракции Партии регионов А. Ефремова, если бы победителем оказался В. Янукович?

Сейчас Верховная рада штампует свои решения с невиданным ранее единогласием. Возможно, оттого, что работает под присмотром Майдана, часть которого переместилась с бронетранспортеров поближе к стенам законодательного органа — определенно, для острастки, хотя такая стимуляция, судя по единодушию депутатов, вовсе не требуется. С лихвой бы хватило и какого-нибудь одного «Сашка Білого».

Нет сомнения, что под присмотром Майдана пройдут и майские выборы президента. Вполне предсказуем и их исход. И Западом они будут признаны самыми демократичными. Как это было в 2005 году, когда под присмотром того же Майдана был проведен третий тур выборов президента, не предусмотренный Конституцией.

Можно восторгаться Майданом, как это делает часть украинского общества, а можно и задуматься, отчего у нас именно он является основным властным органом. А если задумаемся, то придется признать, что за все годы независимости мы так и не смогли создать государство, которое стояло бы на твердом юридическом основании. Конституцию меняем под каждого нового президента. Никак не можем определиться с формой государственности. С одинаковым энтузиазмом народные избранники поочередно вводят то президентско-парламентскую, то парламентско-президентскую форму правления. Принимают законы, которые служат интересам не государства и народа, а олигархических кланов, находящихся у власти. Некоторые законы принимаются так же быстро, как и отменяются, — что характерно, тем же составом законодателей, всякий раз демонстрирующих свою «принципиальность».

Родимыми пятнами клановой государственности являются коррупция, взяточничество и казнокрадство. Охотно верю утверждениям новой власти, что старая совершенно погрязла в этих грехах и оставила ей (и всем нам) пустую казну. Правда, если бы сами были честны, то признали бы, что этой пустоте весьма поспособствовало и многомесячное стояние Майдана. Недаром же народ придумал к этому случаю частушку: «Мы не сеем и не пашем, на майданах мирно пляшем». Даже для

развитой экономики такой социально-политический кризис не прошел бы бесследно, для нашей он и вовсе разрушителен.

Возвращаясь к заявлению А. Яценюка, следует отметить, что оно почти в точности повторяет аналогичное заявление Н. Азарова в 2010 году, что тогдашнее правительство получило от «оранжевых» предшественников пустую казну. При сохранении клановой непрозрачной системы управления страной мы не раз услышим такие заявления и в будущем.

Чтобы убедить общественность в коррумпированности В. Януковича и его окружения, новые власти организовали экскурсии в Межигорье, показали хоромы генерального прокурора, других представителей власти. Конечно, это производит удручающее впечатление. Так барствовать в бедной стране, где миллионы людей не могут свести концы с концами, абсолютно безнравственно. И у меня нет никакого сожаления по поводу экспроприации этих усадеб и дворцов в пользу государства.

Но тут есть одно маленькое «но». В точно таких же, а иногда и более роскошных дворцах обитают и вожди оппозиции (теперь уже новой власти). Некоторые из них — под стать Белому дому в Вашингтоне. Возведены они также не исключительно на зарплаты. Почему бы активистам Майдана не проложить свои экскурсионные маршруты и туда? Думаю, они набрались бы впечатлений не хуже тех, что испытали в Межигорье. Да и широкой общественности можно было бы показать, как живут ее нынешние руководители, так радеющие за благополучие простых украинцев.

Сегодня новая власть возмущается тем, что происходит на Юго-Востоке Украины, расценивая это как проявление сепаратизма. Если не знать, что, будучи оппозицией, она поощряла то же самое на западе и в центре Украины, можно было бы и присоединиться к этому возмущению. Но мы же знаем, как ранее выходили из подчинения центральной власти Киева западноукраинские области. Как силой захватывались здания госадминистраций и явочным порядком учреждались какие-то «народные рады». Как подвергались унижениям и даже предавались публичной казни представители президентской власти.

Конечно, это был очень плохой пример, о чем в еженедельнике «2000» заявляли многие авторы. Но тогда простая истина, что живущие в стеклянном доме не должны бросаться камнями, почему-то не приходила в голову оппозиции. Прозрела она только тогда, когда сама стала властью и столкнулась с аналогичной проблемой.

Но как теперь объяснить людям Юго-Востока, что их действия опасны для целостности страны, если они всего лишь повторяют действия прежней оппозиции на Западной Украине, которые тогда не воспринимались как что-то неприемлемое? Как можно убедить не создавать военизированные отряды самообороны на Юго-Востоке, если сами создали такие на западе страны и в Киеве и с их помощью пришли к власти? Задача чрезвычайно трудная, если вообще осуществимая.

Недавно мне довелось услышать интервью председателя Верховного совета Крыма господина Константинова, который спокойно заявил, что крымчане всему научились у бывших киевских оппозиционеров и только повторяют их более ранние действия. Как тут не вспомнить мудрую пословицу «что посеешь, то и пожнешь»?

Три месяца бурлили в мятежах Запад и Центр Украины, теперь настала очередь Юго-Востока. Тогда отказывались признавать власть президента В. Януковича, теперь отказываются признавать власть, которую учредил Майдан. Считают ее нелегитимной. По большому счету, люди, живущие на Юго-Востоке, боятся власти, которая утверждает в стране ценности только одного украинского региона, отказывая всем остальным в праве на изучение своей истории, на родной для доброй половины украинцев русский язык, уничтожает монументы Великой Отечественной войны, памятники русским политическим, военным и культурным деятелям. Еще больше усугубляют этот страх телевизионные кадры казни волынского губернатора, секретаря львовского обкома КПУ, публичные унижения сотрудников правопорядка, рейды отрядов «Правого сектора» в юго-восточные города для захвата административных учреждений.

Скорая на принятие решений новая власть спешит с осуждением Юго-Востока, называя все происходящее там прояв-

лениями сепаратизма. Это и несправедливо, и политически неграмотно. Требования большей самостоятельности регионов, федерального административно-территориального устройства, языковой и культурной автономии не имеют с сепаратизмом ничего общего. До сих пор ни одна область и даже Автономная Республика Крым не заявляли о выходе из состава Украины[1].

Вместо того чтобы усугублять накал страстей, нужно срочно принимать меры для стабилизации ситуации. Первым и непременным условием внутреннего мира в стране является упразднение Майдана. Необходимо немедленно разоружить его военизированные формирования и отправить людей по домам. Одновременно надо отменить решение Верховной рады об упразднении закона о языках Кивалова–Колесниченко. Он был совершенно безвреден для украинского языка, но несколько повышал статус русского. Не до уровня второго государственного, как обещала Партия регионов, но до официального регионального. Думаю, в современных условиях этого хватит для умиротворения Юго-Востока. Завтра он может потребовать большего.

Верховная рада и новое правительство должны срочно разработать систему законоположений о постепенной федерализации страны, которая бы учитывала исторические, культурные и хозяйственные особенности всех ее регионов. Необходимо раз и навсегда отказаться от несбыточной мечты превратить Украину в Великую Галичину. Надо законодательно признать, что мы разные и такими останемся в обозримом будущем. Если не продумать федерализацию, что называется, сверху, она осуществится снизу. Но тогда не исключено, что с ощутимыми потерями для Украины в целом.

Для всех здравомыслящих людей совершенно ясно, что Украина нуждается в серьезных и системных преобразованиях. Без этого у нее как у суверенного и демократического государства будущего нет. Продемонстрируют ли новые власти должный уровень здравомыслия?

---

[1] Сказанное было справедливо на момент написания этого материала. Со временем, не встретив ни малейшего понимания со стороны официального Киева, граждане Юго-Востока Украины заговорили о присоединении к Российской Федерации или о независимом государственном статусе, как, например, в самопровозглашенных народных республиках (Донецкой и Луганской).

4. РЕЖИМ ЯНУКОВИЧА СОКРУШИЛИ, А ЧТО ДАЛЬШЕ?

События, наступившие после насильственного отстранения от власти В. Януковича, которые продолжали сотрясать Украину, с убедительной очевидностью показали, что новая власть не справлялась с трудными задачами достижения внутригражданского мира и согласия. Происходило это в значительной степени оттого, что изначально было допущено множество системных ошибок. Среди них: формирование правительства из представителей одного региона и приверженцев одной идеологии; отмена закона о языках и призыв с высокой парламентской трибуны к гонениям на русский язык; ориентация на историко-культурные традиции и смыслы одной лишь мононациональной Галичины; преследование всех инакомыслящих; сохранение Майдана как одного из центров новой государственной жизни и наконец упорное нежелание видеть и слышать своих же сограждан на юго-востоке страны.

Цель победителей, демонстрирующих столь жесткий стиль поведения и не способных к великодушию, достаточно ясна: запугать всех несогласных с новой идеологической линией. Достигнута ли она? Можно сказать, что да. Только этот испуг привел не к тем последствиям, на которые рассчитывали новые горе-идеологи. Жители юго-востока страны, даже брошенные своими политическими «вождями», неожиданно проявили способность к сопротивлению националистическому диктату. Напуганные перспективой окончательной потери своей культурно-исторической идентичности, они смело выступили на защиту своих прав — языковых, культурных, экономических и политических.

Благо, что изобретать формы этой борьбы им не пришлось. Всему научились у прежней оппозиции — и многотысячным протестным акциям, и захватам государственных учреждений, и назначениям своей «революционной» администрации. Правда, так и не достигли уровня той брутальности, которая была явлена на Западной Украине — с казнью губернаторов и «правосекторной» диктатурой, символом которой стал теперь уже

широко известный Сашко Билый, обвешанный с ног до головы холодным и горячим оружием[1].

Думающим людям этот прецедент казался тогда очень опасным для стабильности государственного развития Украины, о чем они и писали в еженедельнике «2000». Ибо если самовольный выход Западного региона страны из подчинения центральной конституционной власти, инициированный тогдашней оппозицией, считался нормальным, то почему аналогичные действия Юго-Восточного региона по отношению к новой власти должны оцениваться иначе? Тем более что многим на Украине юридический статус новых властей представляется сомнительным. И обосновать, что это не так, при ныне здравствующем президенте страны, находившимся во время государственного переворота в Харькове, чрезвычайно трудно. Юридически — и вообще невозможно.

В одной из статей о Майдане я отметил, что, возможно, его единственное историческое значение состоит в том, чтобы окончательно показать нежизнеспособность унитарной формы государственно-территориального устройства Украины. Там же я перечислил ряд срочных мер, необходимых для стабилизации общественно-политической ситуации в стране. Среди них назвал и постепенное законодательное оформление федеративных форм государственного устройства, которые учитывали бы исторические, культурные и хозяйственные особенности регионов. Если этого не сделать «сверху», оно осуществится «снизу», но тогда не исключено, что с весьма ощутимыми потерями для Украины. Как в воду глядел.

Давно уже не тешу себя мыслями, что рассуждения о судьбах страны представляют хоть какой-то интерес для украинских политических деятелей. Каждая новая власть уверена, что она лучше всех знает, как нужно обустроить жизнь на Украине. Нынешняя определенно полагает, что всеми процессами следует управлять из киевских коридоров власти. Тех, кто с этим не согласен, клеймит сепаратистами и при-

[1] Позже он был убит своими же недавними соратниками, которые, придя к власти, сочли его поведение компрометирующим их. Так начала подтверждаться старая истина, что революция пожирает своих детей.

зывает к ответу. Голоса регионов, даже те, что раздаются на Юго-Востоке страны, Киев не слышит. Вместо того чтобы вникать в проблемы, вызывающие массовые протесты граждан, и пытаться их разрешить, власть прибегает к угрозам наказания всех «сепаратистов», где бы они ни были. От этого их якобы не спасет даже Россия. В подтверждение серьезности своих намерений власть направляет в города Юго-Востока страны новых губернаторов, а также военизированные отряды «Правого сектора».

И то и другое — результат политического недомыслия. Народ Юго-Востока, оскорбленный равнодушием официального Киева, не принял его решений. Чужаки не были признаны своими. Прежде всего это относится к военизированным отрядам «Правого сектора», которые публично декларируют свою идеологическую преемственность от Бандеры и Шухевича. Новые киевские политики не могут не знать, что для большей части украинских граждан неприемлемы и эти персонажи, и их идеология, а карательные акции их нынешних сторонников (как в Харькове) не принесут украинскому обществу ничего, кроме раскола. Неужели и вправду идейные убеждения новой власти напрочь лишили ее здравого смысла?

К сожалению, даже промежуточный итог такой политики весьма печален. Напуганный Крым вообще отплыл от украинского берега. Конечно, всем нам трудно смириться с новой реальностью. Но следует признать, что мы сами за нее в ответе. Без сомнения, ничего такого не случилось бы, если бы оппозиция и поддерживавшие ее западноамериканские наставники не форсировали силовой захват власти и дождались очередных выборов президента в марте 2015 года.

Более того, избежать этого можно было и посредством строгого соблюдения соглашения В. Януковича с лидерами оппозиции от 21 февраля 2014 года, скрепленного подписями послов Германии, Франции и Польши. По сути, оно являлось свидетельством немедленной капитуляции Януковича, но юридически должно было оформиться досрочными выборами в ноябре 2014 года. Это произошло бы очень скоро, но оппозиция не захотела ждать ни дня. В стране произошел государственный

переворот, который и повлек за собой сепаратистские настроения и всем известные события в Крыму.

Как сказал один мудрый человек, «слишком горевать за Крымом не стоит». Он никогда не был украинским, а его жители никогда не любили Киев. А насильно, как известно, мил не будешь. Как пришел, так и ушел. И бог с ним. Сейчас нужно не горевать об утраченном, а думать над тем, как не потерять еще больше. И не по причине какой-то особой агрессивности России, а из-за отторжения национал-социалистических жизненных ценностей жителями исторических регионов Донетчины и Новороссии. Вместо того чтобы угрожать им различными карами, нужно их понять и по возможности удовлетворить их требования. Они в такой же степени законны, как и требования западных украинцев. Угрозы «сепаратистам» и даже посадки некоторых из них в тюрьмы делу не помогут.

За что их наказывать? Об отделении как будто речи не идет[1]. А наказывать за то, что граждане Украины, имеющие русскую этническую или культурную самоидентификацию, требуют повысить статус их родного языка, не позволяет Конституция. Если для нас, украинцев, справедливо, что родной язык является душой народа, то это справедливо и для русских. И обладают ли центральные власти Киева юридическим или моральным правом лишить этой души по меньшей мере восемь с половиной миллионов этнических русских граждан Украины?

Совершенно неприемлем здесь и печально известный львовский лозунг «чемодан — вокзал — Россия», поскольку русские Юго-Востока исконно живут на своей земле. Это не они пришли на Украину, а она пришла к ним, когда при образовании СССР в ее состав по настоянию В. И. Ленина была включена Донецко-Криворожская республика.

Проблемы этнокультурной идентичности непросты. И если к ним чувствительны украинцы, то так же чувствительны и русские. Как, впрочем, и другие народы Украины. Это обязана понимать даже крайне национально ориентированная украинская власть. Она должна быть одинаково близкой

[1] Так было в момент написания этого материала.

всем народам, проживающим в административных границах Украины, а не только этническим украинцам, или даже только западным украинцам. Все граждане Украины должны быть уверены в том, что родина является для них не мачехой, а матерью. К сожалению, обе послереволюционные власти — нынешняя «правосекторная» и «оранжевая» 2005–2010 годов — так и не смогли убедить своих сограждан в одинаковом к ним отношении.

Некоторая надежда на большую лояльность киевских властей к жителям Юго-Востока появилась после речи А. Яценюка, произнесенной на русском языке, в которой прозвучали обещания некоторых уступок. Разумеется, этого было недостаточно, но все же могло показаться, что от политики кнута временные властители решили перейти к политике пряника. Однако очень быстро выяснилось, что это не так. Кнут и дальше остается главным аргументом убеждения. Председатель Совета национальной безопасности А. Парубий объявил о намерении введения с Россией визового режима и выхода из СНГ, о судебных санкциях применительно к тем гражданам Украины, которые будут посещать Крым без разрешения Киева. А незадачливый губернатор Донецкой области С. Тарута и вовсе решил отгородиться от российских соседей глубоким рвом.

С учетом преобладавших тогда эмоций такое чиновничье рвение можно понять. Однако стоило подумать и о последствиях. Нетрудно было догадаться, что санкции больнее всего ударят по населению Юго-Востока страны и, следовательно, еще больше ухудшат общественно-политическую ситуацию в этом регионе.

Вслед за вопросом «за что наказывать?» следует другой: «кого наказывать?». Произнося устрашившую Юго-Восток фразу, А. Яценюк определенно имел в виду таких людей, как «народный губернатор» Донетчины П. Губарев или лидер одесских протестующих А. Давидченко. Их вскоре арестовали. Со стороны и. о. премьер-министра это было и не гуманно, и не по-джентльменски, ибо речь шла о его верных учениках, можно сказать, младших коллегах. Они всему научились у него и его соратников. Если сравнивать действия учителей

и учеников с правовых позиций, то у Губарева и Давидченко они куда более основательны. А. Яценюк, В. Кличко и О. Тягнибок не признавали законную конституционную власть, а они — власть, сотворенную на «революционном» Майдане, следовательно, с юридической точки зрения незаконную.

Трудно сказать, понимают ли новые руководители, что адресное наказание нескольких лиц не решает проблемы. Устранить протесты на Юго-Востоке Украины не удастся, даже если взять под стражу сотни тысяч или миллионы граждан этого региона. Ведь по логике А. Яценюка, они также подпадают под определение «сепаратисты». Тогда как это сделать?

Невозможность этого, судя по всему, осознавала прежняя власть, которая даже не пыталась применить к зачинщикам антиправительственных выступлений на западе страны административных мер воздействия. А ведь содержательно протесты в обоих регионах практически не отличаются. Их жители предъявили властям свои региональные требования. И нельзя сказать, что в одном случае они были справедливы, а в другом — нет. Однако что касается ценностных ориентаций, они совершенно различны. Запад Украины убежден, что так же, как он, должна жить вся страна, тогда как Юго-Восток полагает, что имеет право на свои региональные языковые, культурные и экономические особенности.

Различны и методы борьбы. Правительству В. Януковича противостояла хорошо организованная сила, возглавляемая влиятельными парламентскими партиями «Батькивщина», «Удар» и «Свобода». Новым властям пытается оппонировать народная стихия, практически не имеющая поддержки какой-либо политической структуры.

На первый взгляд, было бы логично, если бы во главе протестных акций Юго-Востока страны встала Партия регионов. Ведь она целиком обязана этому региону и самим своим существованием, и тем, что почти четыре года являлась правящей. Этого не случилось. Не будучи идеологической, эта партия, целиком сосредоточенная на своих бизнес-интересах, оказалась (за единичными исключениями — Царев, Колесниченко, Добкин, Коновалюк) совершенно безнравственной. Как толь-

ко определилось преимущество бывшей оппозиции, регионалы растворились среди победителей. Сегодня уже и непонятно, кого они представляют в Верховной раде.

Население Юго-Востока переживает не лучшие времена. Оно запугано «правосекторным» агрессивным напором и растеряно. От отчаяния люди выходят на протестные акции в Донецке, Харькове, Луганске, Одессе, пытаются хоть как-то сформулировать свои требования и выдвинуть из своей среды новых лидеров. Собираются десятками тысяч, не имея совершенно никаких организационных структур. А их избранники, которые еще вчера чувствовали себя хозяевами жизни, поджав хвосты, покорно штампуют в Верховной раде новые законы. При этом, очевидно, впечатленные вооруженными формированиями вокруг Рады, ведут себя так, как будто всегда разделяли цели партий Яценюка, Кличко и даже Тягнибока. На одном из заседаний последний, обращаясь к регионалам, заявил: «И не дай бог вам проголосовать против». Имелось в виду голосование по проекту очередного закона в редакции новой власти. Бог и не дал.

Я не знаю, как долго может продлиться единомыслие торжествующих победителей и переметнувшихся на их сторону побежденных. Но совершенно убежден, что оно не способствует поиску более оптимальных форм сосуществования. Не только нынешняя, но и все предыдущие власти суверенной Украины не обременяли себя размышлениями о том, сформировалась ли в стране стабильная конституционная государственность. Жили по примерам запорожской вольницы и махновщины. Теперь прибавились еще и традиции бандеровщины.

Конституцию меняли едва ли не под каждого президента, при этом никогда не жили по ней. Одних президентов переизбирали досрочно (Л. Кравчук), других — незаконно (В. Ющенко), третьих — незаконно отстраняли (В. Янукович). За два десятилетия независимого существования организовали два силовых переворота, названных романтическим словом «революция». Всякий раз заявляли своей целью очищение власти от коррупции и казнокрадства, но проходило время — и оказывалось, что она недостижима. Один клан богатых у державного

руля сменялся другим, а новое качество власти так и не появлялось. Будучи региональными по своему происхождению (днепропетровским, галицким, донецким и вновь галицким), кланы пытаются навязать всей Украине свои семейно-земляческие ценности, будь то экономические или идеологические, что вызывает отторжение у значительной части населения. Не знаю, какой клан придет на смену галицкому, но уверен, что при сохранении нынешней формы государственного устройства он неизбежно придет.

Я уже отчаялся быть услышанным, но в очередной раз повторю, что унитарная форма государства в такой разноликой стране, как Украина, которая собрана из разных частей уже в период новейшей истории, себя исчерпала. Она могла бы существовать в условиях диктатуры, но в демократическом обществе не имеет перспектив. Неприятие федеративного устройства украинской политической элитой трудно объяснить рационально, особенно если учесть, что ее вожделенной мечтой является интеграция в европейское сообщество, где большинство стран структурировано на федеральной основе.

В чем преимущество федеративной системы? Прежде всего, в устранении периодического прихода к власти региональных политико-бизнесовых элит, так называемых семей, что до сих пор являлось основным дестабилизирующим фактором социально-политического развития страны. Не менее существенным положительным результатом станет региональная самодостаточность как в сфере экономики, так и в культурно-исторической области. При таком положении исчезнут причины для взаимных упреков в нахлебничестве одних и в непатриотизме других.

Регионы станут суверенными по отношению друг к другу. Хотят на Галичине почитать Бандеру и Шухевича, ставить им памятники, маршировать под черно-красными флагами и пребывать в вероисповедальном единстве с Римом — это их право. Но точно такое же право должно быть и у Донбасса — чтить своих героев, ставить им памятники, говорить на русском языке, исповедовать православие и находиться в каноническом единстве с Русской православной церковью. Уверен, что при

такой административно-территориальной структуре государства не было бы столь острых конфликтов регионов между собой и с центральной властью.

Есть ли надежды на построение на Украине стабильной государственности? На том пути, по которому идет национальная политическая элита, — определенно нет.

Удивительно, но Украина сегодня почти в точности повторяет печальный опыт своего далекого прошлого, в котором у нее уже было два центра государственности. Один из них представляли гетманские столицы, другой — Запорожье, являвшееся, по сути, хортицким постоянно действующим «майданом». И как бы мы ни романтизировали запорожскую вольницу, часто даже именуя ее казацкой республикой, ее роль в истории украинской государственности была скорее отрицательной, чем положительной.

Убедительным свидетельством тому является история взаимоотношений центральной гетманской власти Украины и Низового казацкого войска. Уже после того как Богдану Хмельницкому удалось создать казацкую державу с центром в Чигирине, Запорожье объективно стало его своеобразным антагонистом. Оно постоянно вмешивалось в дела Гетманщины, часто, не согласуясь с центральной властью, заключало сепаратные договоры с Крымским ханством, избирало на своих радах альтернативных гетманов. Так случилось в 1692 году, когда при живом Иване Мазепе Запорожье, поддержанное крымским ханом, избрало гетманом Украины Петрика. Конечно, все это дестабилизировало еще не окрепшую украинскую государственность и явилось едва ли не главной причиной политической и экономической разрухи второй половины XVII века, получившей название Руины.

Нельзя сказать, что гетманские правительства не понимали деструктивной роли хортицкой вольницы. Уже Богдан Хмельницкий предпринимал значительные усилия для ограничения ее влияния на Гетманщину, однако долговременного действия они не имели. Его менее успешные преемники вообще не могли оказать сколько-нибудь реального противодействия запорожской вольнице. Не справился с ней и Мазепа, лучше других

украинских гетманов понимавший анахронистичность хортицкого «майдана». Хотя и прилагал для этого значительные усилия.

В 1688 году на р. Самаре он заложил Новобогородицкую крепость по проекту голландского инженера Вазеля, которая задумывалась как гетманский форпост против запорожской вольницы. В Запорожье это понимали и открыто осуждали действия Мазепы. Известны также его универсалы, запрещавшие запорожцам приезжать в города Украины, а жителям этих городов — в Запорожье. Блокированию хортицких «рыцарей» должна была послужить еще одна крепость — Каменный Затон, которую Мазепа возвел вблизи Запорожья.

Несомненно, все эти мероприятия несколько сдерживали своевольство запорожцев, но кардинально проблемы не решали. На ликвидацию Сечи Мазепа так и не отважился, главным образом потому, что опасался ухода казаков в низовья Днепра или к Черному морю, откуда они могли бы совершать еще худшие набеги и разорения с благословения турок. Правда, узнав летом 1703 года, что запорожцы намеревались, соединившись с крымской ордой, идти войной на него, гетман обратился к Петру I с просьбой решить запорожскую проблему «ласково», а если это не удастся, предлагал бросить в Запорожье несколько десятков бомб[1].

Предложенный экскурс в прошлое наглядно показывает, сколь драматичной оказалась роль Запорожья для становления украинской государственности. К сожалению, опыт истории редко усваивается в качестве урока. Сейчас на дворе XXI век, а Украина будто вернулась в XVI–XVIII века. Вновь одновременно существуют два центра государственности: официальная власть и майданная вольница. Казалось, с устранением «антинародного» режима В. Януковича и избрания «демократического» правительства Майдан должен был прекратить свое существование. Этого, однако, не произошло. Реальные вожди Майдана полагают, что он еще не выполнил своей исторической миссии. Еще следует присмотреть за вре-

[1] *Таирова-Яковлева Т. Г.* Мазепа. М., 2007. С. 150–151.

менной властью, потом за выборами постоянной, а там, глядишь, и за ее действиями[1].

Конечно, такой двоевластный центризм не может долгое время быть бесконфликтным. Обязательно возникнут противоречия. Судя по последним заявлениям и. о. премьер-министра А. Яценюка и руководителя «Правого сектора» Д. Яроша о разоружении «самообороронцев», а также по претензиям Майдана к и. о. президента А. Турчинову, они уже имеют место. Дальше будут только нарастать. Для государственности Украины, а главное, для единства страны это, несомненно, обернется драматическими последствиями. Симптомы появляются на наших глазах.

На Юго-Востоке страны по примеру «Правого сектора» формируются аналогичные отряды самообороны. Сегодня еще не вооруженные, но что будет завтра, можно только предполагать. Как центральным властям на это реагировать? Объявить их незаконными и применить силу? Но тогда надо поступить так же и с западноукраинскими отрядами самообороны, забаррикадировавшимися на киевском Майдане и уже вооруженными. Судя по всему, А. Яценюк и его соратники не смогут этого сделать, поскольку сами являются порождением Майдана. Но тогда не смогут запретить и самооборону Юго-Востока страны.

Яркими примерами правления двоевластия являются захваты банков и предприятий, партийных офисов, проектных институтов, решения каких-то «революционных трибуналов» об отстранении от должностей специалистов, которые являются членами Партии регионов, кулачные расправы над теми, кто имеет иное представление о демократии и свободе слова, чем то, которое исповедуют националисты.

Особое место среди хаоса, в который неотвратимо погружается страна, занимает инцидент с избиением народными депутатами от партии «Свобода» И. Мирошниченко, А. Ильенко, Б. Бенюком президента Первого телевизионного канала Украины А. Пантелеймонова. А били его только за то, что он позволил фрагментарную трансляцию выступления В. Путина

[1] Это предположение полностью подтвердилось. Даже после избрания президента Украины Майдан не намерен ни разоружаться, ни расходиться.

и концерта на Красной площади. Поразительно, но это бесчинство фиксировалось телекамерой, а затем было выложено в Интернет на всеобщее обозрение. Определенно, для устрашения потенциальных ослушников: будете себя плохо вести — придем и к вам.

5. А ДАЛЬШЕ — НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ ЮГО-ВОСТОКА УКРАИНЫ

Предыдущий материал озаглавлен вопросом «Режим Януковича сокрушили, а что дальше?». Ответ на него сравнительно быстро дала драматическая украинская действительность. На Юго-Востоке Украины возник политический и этнонациональный кризис. И не сам по себе, а как следствие многомесячного киевского Майдана и государственного переворота 22 февраля 2014 года.

Когда в ноябре 2013 года в Киеве и городах Западной Украины вспыхнули антиправительственные выступления, Юго-Восток страны пребывал в состоянии безмятежной дремоты. Евроинтеграторам он не симпатизировал, но и решительного противодействия им не оказывал. Собирался на вялые митинги в Харькове, Донецке и Луганске и даже посылал своих людей в Киев на так называемый Антимайдан, но все это не воспринималось всерьез ни украинской политической оппозицией, ни ее американскими и европейскими наставниками.

Созревание Юго-Востока Украины происходило медленно, по мере того как киевский Майдан все больше и больше определялся со своей националистической природой и брутально утверждал ее по всей Украине. Не считаясь ни с кем и ни с чем, запрещал русский язык, разрушал памятники государственным деятелям советского периода и героям Великой Отечественной войны, переносил в Киев символы бандеровского движения, включая портреты самого Бандеры, скандировал «Україна понад усе», что являлось калькой нацистского лозунга «Deutschland über alles». Наиболее ортодоксальные нацио-

налистические деятели вполне отчетливо выражали свое негативное отношение к «москалям, ляхам и жидам».

Поразительно, что этого не замечали западные политические деятели, толпами приезжавшие в Киев и с трибуны Майдана призывавшие «мирных киевских демонстрантов» отстаивать свои права. Понять их, разумеется, можно. Все, что было направлено против неожиданно ослушавшегося В. Януковича и содействовало отрыву Украины от России, было и демократично, и приемлемо. А вот кого совершенно невозможно понять — так это отечественных спонсоров Майдана еврейского происхождения. Что у них общего с идеологией интегрального украинского национализма? Чем им так приглянулись члены партии «Свобода», «Правого сектора» и других экстремистских организаций, откровенно заявляющие, что они идейные преемники С. Бандеры и Р. Шухевича? Или полностью забыли о недалеком прошлом и напрочь лишились чувства самосохранения?

Отдают ли себе отчет новые власти Украины, что идеология Майдана не может быть навязана всей стране? Судя по всему, нет. Иначе самое первое, что они сделали бы, получив власть, — разоружили бы «революционеров» и отправили их по домам. Этого не произошло. Более того, теперь последние структурировались в воинские подразделения, которые, по утверждению Д. Яроша, находятся во всех регионах Украины, якобы даже в Крыму. О том, что они заказывают музыку в Киеве, нечего и говорить. По утверждению одного остроумного социолога, власть и «Правый сектор» действительно обсуждают тему разоружения, только никак не могут определиться, кто кого должен разоружить.

Справедливости ради следует сказать, что «шалости» «правосеков» после их утверждения в правительственных кабинетах бывших оппозиционеров уже не воспринимаются Западом с таким нескрываемым восторгом, как это было при президенте В. Януковиче. Когда после убийства правоохранительными органами Сашка Билого отряды самообороны Майдана потребовали отставки А. Авакова и пошли на штурм Верховной рады, известная евродемократка К. Эштон назвала это

неприемлемым. Вслед за Эштон выразили свою озабоченность действиями «Правого сектора» министерства иностранных дел ФРГ, Франции и Польши. Обращаясь к официальному Киеву, они попросили «дистанцироваться от экстремистов». Что вкладывали европейские дипломаты в мягкое пожелание «дистанцироваться», сказать трудно. Но выглядит все это по меньшей мере странно. Во-первых, потому, что речь идет все о тех же «мирных» евромайдановцах, мужеством которых европейцы восхищались еще вчера. А во-вторых, потому, что нынешнее их поведение не идет ни в какое сравнение с недавним, когда центр Киева пылал в пожарищах, а милиционеры горели, как факелы, от «коктейлей Молотова». Но тогда Запад не считал это экстремизмом и рукоплескал таким действиям.

Судя по всему, «дистанцироваться» не получится. И потому, что этого не желают сами экстремисты, и потому, что новые власти, будучи их порождением, обойтись без них не могут. Особенно в усмирении жителей Юго-Востока страны, которые пытаются повторить путь майданного Киева и городов Западной Украины. В Харькове, Донецке, Луганске и других городах они собирают свои майданы, захватывают госучреждения, строят баррикады. Все это происходит под красными советскими и трехцветными российскими флагами, что четко отражает идеологические предпочтения жителей региона.

Трубадуры новой власти не скрывают своего возмущения такой символикой. Называют протестантов пророссийскими сепаратистами. Что касается пророссийскости населения Юго-Востока, то она очевидна. Однако вместо того чтобы постоянно клеймить протестующих, не лучше было бы задуматься над тем, кто и что делает их пророссийскими. Почему они не вели себя так при всех предыдущих президентах, даже при националисте В. Ющенко? Может быть, причина вовсе не в них, а в совершенно неприемлемой для русскоязычного и русскокультурного Юго-Востока националистической идеологии? Неплохо было бы задуматься и над тем, все ли на Украине так стремятся интегрироваться в западный католический и протестантский мир. Он ведь, скажем нейтрально, не близок

миру православия. Людей Юго-Востока просто пугает перспектива нового цивилизационного выбора Украины, о котором неустанно твердят им из Киева.

Но если нельзя исповедовать веру предков, молиться на церковнославянском языке, учиться на русском языке, смотреть русскоязычные телевизионные передачи и фильмы, чтить свою историю и своих героев, тогда возникает естественный вопрос: а зачем жить в такой стране? На индивидуальном уровне его можно решить, уехав в другую страну (как уже поступили тысячи наших соотечественников). На коллективном — заявив о том, что нужно учитывать интересы не одного, а всех регионов страны. Если эти законные требования игнорируются, возникают сепаратистские тенденции. Разумеется, для государства они неприемлемы, поскольку угрожают его целостности, но при умной политике их можно избежать. К сожалению, нынешнюю политику украинской власти таковой не назовешь.

7 апреля 2014 года, потеряв надежду, что требования федеративного устройства страны в Киеве будут услышаны, в Донецке и Луганске провозгласили народные республики. Очевидно, что никаких юридических последствий эти провозглашения иметь не могут. Для реализации таких актов нужны полноценные народные референдумы (как это произошло в Крыму). Но их проведения новые власти Киева решительно не хотят. Даже по вопросам о придании русскому языку статуса государственного и о федерализации страны.

Власти не желают даже обсуждать эту тему. Вместо этого некоторые политики (А. Турчинов, А. Аваков) заявляют о проведении на Юго-Востоке антитеррористической операции. И это притом, что никаких террористических действий со стороны жителей региона нет и в помине. Захваты административных зданий происходят мирно и с согласия милиции. Для осуществления своих замыслов Киев привлекает не только силы правоохранительных органов, но и боевиков «Правого сектора», которые как раз и являются террористами. На их счету убийства милиционеров, ранения градоначальников, избиения прокуроров, народных депутатов, кандидатов в президенты (как

это имело место, в частности, в Николаеве и Киеве с О. Царевым). Они занимаются грабежами банков, поджогами партийных офисов, усадеб представителей старой власти, вымогательством денег и тому подобным.

Привлечение этих людей к участию в военных действиях по усмирению мирных протестантов Юго-Востока с позиции здравого смысла кажется невероятным. Это прямой путь к превращению социального конфликта на Украине в межэтнический, а по существу — в межцивилизационный. Он непосредственно столкнет украинских националистов преимущественно католического вероисповедания с гражданами русской культуры и православной идентичности.

А как умеют усмирять непокорных боевики «Правого сектора», показали их расправы над мирными митингующими в Николаеве. По свидетельствам очевидцев, десятки людей с пулевыми и иными ранениями попали в больницы. Не обошлось без кровопролития и в харьковской расправе. А. Аваков похвалялся, что его доблестные воины очистили здание областной администрации от протестующих за 18 минут без единого выстрела. Однако и не вполне мирно. Из телекартинки, показывавшей этот аваковский «подвиг», видно, как десятки людей брошены на асфальт с выкрученными за спину руками в наручниках. У некоторых окровавленные лица. Теперь их судят за сепаратизм.

Как здесь не воскликнуть: «А судьи кто?» Я имею в виду не простых районных судей, а тех, кто дал им указания, как судить харьковских активистов. Удивительно все это. Ведь еще вчера сам А. Аваков был таким же активистом на киевском Майдане, и будь тогдашние власти под стать нынешним, сидеть бы ему не в министерском кабинете, а в том же казенном доме, куда он отправляет своих оппонентов.

Здесь мне представляется уместным остановиться на корректности определения «сепаратизм» по отношению ко всему, что происходит на Юго-Востоке Украины. В реальной жизни его просто нет. Есть требования федерализма. Даже и провозглашение народных «республик» не свидетельствует о том, что речь идет об отделении. Из заявлений новых лидеров Харько-

ва, Донецка, Луганска и других городов следует, что их волнует культурная и административно-хозяйственная автономия этих регионов. Достичь ее они хотят в соответствии с Конституцией, получив право на проведение областных референдумов.

Но власти даже слушать не хотят о референдумах. Как заявил недавно харьковский градоначальник Г. Кернос, никаких референдумов по вопросам сепаратизма не может быть. Харьков — это неотъемлемая часть Украины. Примерно так интерпретируют требования населения Юго-Востока и хозяева киевских коридоров власти, а вслед за ними — политологи и журналисты, спешащие продемонстрировать свои верноподданнические чувства. Все в один голос твердят о сепаратизме.

В действительности федерализация страны ничего общего с сепаратизмом не имеет. При ней и Харьков, и другие города Юго-Востока останутся неотъемлемой частью Украины. Сепаратизм — это разделение целого на части, а федерализм — форма государственного устройства целого. Не думаю, что этой простой истины не понимают новые киевские власти. Они путают и подменяют понятия намеренно, чтобы дискредитировать народные протесты на Юго-Востоке. Корректно называть протестующих Юго-Востока федералистами. Но за это их нельзя привлекать к судебной ответственности.

А вот чего они действительно не понимают, так это того, что без выполнения требований федерализма Украина как демократическое государство не имеет будущего. По крайней мере, спокойного, без региональных конфликтов. В унитарной форме, с единой националистической идеологией, единым языком и едиными культурными ориентациями она нормально жить не сможет. Это несовместимо с ее разноликой культурной идентичностью. Даже в пределах одного украинского этноса она различна. В сущности, у нас два украинских субэтноса: центрально-североукраинский и западноукраинский. Их формирование происходило в различных исторических условиях. За длительный период раздельного существования каждый обрел свои существенные отличия, причем не только культурные, но и ментальные.

Центрально-североукраинский субэтнос неизменно развивался на православной духовной и культурной традиции, берущей свое начало в Киевской Руси. После Переяславской рады 1654 года это развитие происходило в тесном единении с этнически и духовно родственным русским народом. Историческим мифом для населения этой части Украины является героика казацкого прошлого, с которой в народе ассоциируется защита национальной и религиозной идентичности. Главным событием той героической эпохи является Национально-освободительная война украинского народа против шляхетской Польши под предводительством гетмана Богдана Хмельницкого.

Западноукраинский субэтнос в значительной степени обязан своим формированием Брестской церковной унии 1596 года, в результате которой он был тесно интегрирован в римско-католический цивилизационный мир. В нем он пребывает и сейчас. Административно он вплоть до Второй мировой войны входил в состав западноевропейских государств — Польши (Речи Посполитой) и Австро-Венгрии. Содержанием национального мифа этого края, несмотря на то что он позже других воссоединился с Украиной, является вера в свое украинское мессианство, в свои особые заслуги в достижении государственной независимости. Одним из его главных символов является националистическое движение времен Второй мировой войны под руководством С. Бандеры. Не случайно именно его идеи и его портретные изображения стали в конечном итоге символом киевского Майдана.

Есть у нас и третий субэтнос, который можно назвать русско-украинским. Находится он на Юго-Востоке и целиком обязан территориальному формированию Украины как республики Советского Союза. При его образовании в состав Украины были включены Донецко-Криворожская республика, а также Новороссия. Историческим мифом здесь является память об освоении этого края Россией и убеждение, что он является органической частью «русского мира». Ярким свидетельством того, что он живет в ментальности нынешних граждан Юго-Востока Украины, может быть движение за сохранение

и восстановление символов российского прошлого, в частности памятников Екатерине II, Г. Потемкину, герцогу Ришелье и другим.

Разумеется, эти субэтносы не полностью друг другу чужды. У них много общего. В большей мере это относится к центрально-североукраинскому и юго-восточному субэтносам. Оба формировались в сходных исторических условиях и сохранили память о своем едином прошлом еще со времен Киевской Руси. Свидетельством этому являются, в частности, памятники князьям Святославу, Владимиру Святому, Ярославу Мудрому, Владимиру Глебовичу, Игорю Святославичу и другим, установленные в Киеве, Севастополе, Харькове, Новгород-Северске, Запорожье, Переяславле-Хмельницком. Нельзя сказать, что киевско-русское прошлое совсем не сохранилось в памяти западного региона, однако в реальной жизни его глубина редко простирается дальше эпохи правления Даниила Галицкого, который неизменно представляется как король Галицко-Волынской державы. Чрезвычайно важным для западных украинцев является и то, что королевская корона Даниилу была принесена из Рима, от папы.

Отмеченные субэтнические особенности, культурные и ментальные, были в значительной мере сглажены в условиях советской действительности с ее интернационализмом и жестким авторитаризмом. Можно было ожидать, что с обретением Украиной государственной независимости внутренняя консолидация получит новый импульс. К сожалению, этого не произошло. Постепенно возобладала тенденция утверждения ценностей лишь одного субэтноса — западноукраинского. Центрально-североукраинский был объявлен этноидеологами русифицированным, а русско-украинский юго-восточный и вовсе заклеймен «пятой колонной» России.

Тем не менее создается впечатление, что для новых киевских властей и их американо-европейских наставников пророссийская ориентация населения Юго-Востока явилась неожиданной. Ведь они были убеждены, что все украинцы спят и видят себя в «цивилизованной Европе». Оказалось, что это далеко не так. Добрая половина, если не бо́льшая часть,

не представляет себя в отрыве от России и в более широком смысле — от восточнославянской цивилизационной общности. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть хотя бы один телевизионный репортаж с площадей Донецка или Луганска, на которых развеваются русские триколоры, видны лозунги «Россия, Украина, Беларусь — это есть Святая Русь», слышно многотысячное скандирование «Россия, Россия!».

Это объективная украинская реальность, которую невозможно изменить с помощью судебных расправ над инакомыслящими или военной силы. Когда писались эти строки, киевские власти объявляли жителям Юго-Востока ультиматум за ультиматумом, после истечения сроков которых правоохранительным силам разрешалось применять огнестрельное оружие. Очень хотелось бы надеяться, что этого безрассудства не произойдет, ибо тем самым будет нанесен страшный урон государственности Украины. Может быть, даже роковой. Удивительно, что этого не понимают торжествующие киевские победители, тогда как это ясно даже простому горожанину, защищающему свои убеждения на баррикадах Луганска. В интервью российскому телеканалу «24» один из них сказал, что если официальный Киев устроит здесь кровопролитие, о таком государстве, как Украина, на Юго-Востоке можно будет вообще забыть[1].

Поразительно, что в этот драматический момент украинской истории совершенно не было слышно американских и европейских демократов. Ни один из них не заявил о недопустимости применения силы к мирным протестующим и не пригрозил санкциями А. Турчинову, А. Яценюку и их соратникам, как это имело место по отношению к В. Януковичу и его команде. Не исключено, что силовой вариант подавления юго-восточных протестных акций был даже согласован с западными «демократами». Ведь тесная координация действий украинской власти с руководством США и стран НАТО особенно не скрывается.

В беседе с министром иностранных дел России С. Лавровым государственный секретарь США Д. Керри заявил: «Мы

[1] К сожалению, именно это и произошло. Власти применили оружие, и кровь на Юго-Востоке пролилась.

ничего не предпринимаем по отношению к Украине без консультаций с ее легитимной властью». Стоит ли добавлять, что и украинская власть ничего не предпринимает без консультаций с легитимной властью США? Примечательно, что жесткое заявление и. о. президента А. Турчинова последовало сразу после тайного посещения Киева директором ЦРУ США господином Д. Бреннаном[1].

Утвердив в Киеве своих ставленников, которые немедленно подписали политическую часть соглашения об ассоциации Украины с Евросоюзом, США и Запад, казалось бы, воплотили свою евроатлантическую мечту. Фактически они оторвали Украину от России. Но отчего это не принесло им успокоения? Отчего президент Б. Обама и его европейские союзники так разнервничались и чуть ли не объявили экономический крестовый поход против России? Неужели вправду рассчитывали, что она будет рада их самоуправству у своих границ? Можно предположить, что наибольшим разочарованием для США явилось то, что завоеванный ими приз не включал в себя военно-морской базы в Севастополе. Они, видимо, уже предвкушали, как их военные корабли будут швартоваться в его бухтах. И надо же — такая незадача.

Украинцев, разумеется, переживания американских и натовских стратегов должны волновать в последнюю очередь. Для нас важно, чтобы их геополитическая авантюра не завершилась распадом государственного единства Украины. Сегодня оно под угрозой, что, кажется, не вполне осознают киевские младореволюционеры. Будущее Украины в значительной степени зависит от того, сумеют ли киевские власти понять Юго-Восток, признать его законные требования и закрепить их в новой Конституции.

Ситуация требует неординарных и быстрых решений, иначе то, что было возможно вчера, окажется недостижимым завтра. Разумеется, само по себе неплохо, что в разрешении украинского кризиса примут участие международные посредники. Но их вмешательство не может заменить внутриукраинского

[1] Только спустя несколько дней Госдепартамент США признался в том, что директор ЦРУ посещал Киев.

диалога — не телевизионного, а непосредственного, между представителями киевской власти и лидерами протестных движений Юго-Востока. Отказ и. о. премьер-министра А. Яценюка, находившегося в Донецке 11 апреля 2014 года, от такого диалога свидетельствует о его политической незрелости, о непонимании им всей серьезности момента и своей ответственности перед Украиной. То же самое можно сказать и об и. о. президента страны А. Турчинове, который, вместо того чтобы наладить переговоры с Юго-Востоком, посетить мятежные города, подписал приказ об «антитеррористической военной операции».

Скорее всего, при помощи силы священную для Киева унитарность можно сохранить. Но стоит ли жертвовать ради нее внутриукраинским миром и согласием? В том, что разбуженное самосознание Юго-Востока уже никогда не смирится с единой националистической идеологией, не может быть никаких сомнений.

6. СИНДРОМ РАСПАДА

Всем здравомыслящим людям абсолютно ясно, что между Киевом и самопровозглашенными республиками Донбасса нужны серьезные и прямые переговоры. Ополченцы неоднократно заявляли, что готовы к ним, в последний раз — после выборов гражданских органов управления в самопровозглашенных республиках. К сожалению, правительственная сторона наотрез отказывается от каких-либо прямых переговоров, хотя находясь в аналогичном статусе во время майданного мятежа, его «вожди» чуть ли не ежедневно встречались с В. Януковичем. Выборы 2 ноября 2014 года она не признала, а ополченцы для нее — по-прежнему террористы и бандиты. По сути, таковыми официальный Киев считает и всех жителей мятежных регионов. А это уже миллионы террористов. Но если это действительно так, тогда возникает закономерный вопрос: зачем они нужны Украине?

Без сомнения, такая непреклонность правительственной стороны заведомо неконструктивна и проигрышна. Киевские власти не хотели разговаривать с Юго-Востоком, даже когда никаких «террористов» не было и в помине. Были обычные федералисты, требовавшие большей культурной и экономической самостоятельности Донбасса. Ответом на это стала так называемая антитеррористическая операция (АТО), спешно организованная новыми руководителями страны, вынесенными наверх Майданом. Организованная, надо сказать, совершенно бездарно и без какого-либо понимания серьезности возникшей проблемы.

К чему привела такая близорукость центра, видно всем. «Не даете нам федеральных прав, — заявили лидеры мятежных областей, — тогда мы вообще не хотим жить с вами». При этом они сослались на международное право народов на самоопределение. Из федералистов дончане и луганчане превратились в сепаратистов, в чем немалая заслуга майданных властей.

Я не являюсь сторонником сепаратизма. Бесконечное дробление целого на части не приносит в международные отношения ничего, кроме хаоса. Создание самопровозглашенных государственных образований на небольших территориях, несомненно, станет долговременным очагом напряженности как в регионе, так и в мире. Да и как им жить? Неужели только за счет «гуманитарных конвоев»? Но дело зашло слишком далеко. Последние решения президента и правительства о финансовой блокаде территорий, подконтрольных ополченцам, лишающие людей средств к существованию, разумеется, не прибавят властям симпатий. Если эти решения, фактически ставящие мятежные территории вне украинской юрисдикции, не отменить, то процесс их суверенизации может стать необратимым.

К сожалению, новая Украина не имеет проекта, который был бы одинаково привлекательным для всех регионов. По сути, она пребывает в состоянии хаоса и распада. В ней господствует атмосфера взаимной подозрительности, нетерпимости и даже ненависти. Появилась каста «непререкаемых»,

которая знает, что для Украины хорошо, а что плохо. Причем это «знание» нередко подкрепляется силой оружия, которое в огромном количестве разошлось по стране.

Несмотря на ритуальные заклинания, суть которых заключается в том, что Майдан сплотил нацию и принес долгожданную свободу, реальность свидетельствует о противоположном. Примером тому является, в частности, новый закон о люстрации. Премьер-министр А. Яценюк, воодушевленный его принятием Верховной радой, объявил, что люстрация коснется миллиона чиновников, служивших прежнему режиму. Ему почему-то не пришло в голову, что служили они не В. Януковичу, а Украине. Наверное, не все были одинаково хороши. Но тогда стоило бы увольнять только их, а не всех подряд. При президенте В. Ющенко люстрации было подвергнуто 18 тысяч чиновников, работавших при Л. Кучме, и все мы были свидетелями того, как страна в одночасье потеряла управляемость. Изгнание миллиона чиновников нанесет ей такой урон, от которого она не сможет оправиться и через десятилетие. Об этом стоило бы подумать, но оказалось, что некому.

Не совсем понятно, кто окажется обладателем люстрационного «волчьего билета»: только чиновники, служившие при В. Януковиче, или все те, кто работал при других президентах или даже в советское время? И будут ли исключения, например, для тех, кто вовремя сориентировался и перешел на сторону Майдана или, что еще существеннее, стал его спонсором? А если будут, тогда как объяснить людям, почему люстрации не подлежит президент, служивший министром в правительстве Януковича? Или депутаты Верховной рады, работавшие в то время?

Наверное, на все эти вопросы украинцы получат ответы уже в скором времени. А пока дай бог пережить стыд за так называемую «мусорную люстрацию», когда майданные праведники отлавливают госчиновников и народных депутатов, бросают их в мусорные баки европейского производства и возят по улицам. Все это делается под улюлюканье и хохот толпы и при полном молчании цивилизованной Европы, которая так

ревностно следила за соблюдением прав человека при Януковиче. Никакого осуждения этого плебейского развлечения новых демократов не последовало и от официальных властей. И зря. Не ровен час, через какое-то время ситуация в стране изменится, и тогда в мусорных баках могут оказаться нынешние чиновники.

Государственная власть не замечает и надругательства над памятниками прошлого. Идет их массовый и никем не контролируемый демонтаж. И не только памятников В. Ленину, которого майданные революционеры объявили врагом украинского народа, но и памятников другим советским деятелям. Уничтожают и оскверняют памятники героям Великой Отечественной войны. В Одессе беснующиеся националистические молодчики отпилили голову монумента выдающегося советского полководца Г. Жукова, нисколько не задумываясь над тем, какой огромный вклад внес этот человек в дело освобождения народов, в том числе украинского, от фашизма. Все это делается столь вызывающе, как будто на Украине нет ни законов, ни власти.

Наверное, не все монументы прошлого представляют собой выдающиеся произведения искусства. Многие, очевидно, не заслуживают того, чтобы занимать в городах значимые места. Но ведь восстанавливать историческую справедливость можно и не столь брутально. Примите соответствующее постановление Кабинета министров и городских советов, получив предварительное экспертное заключение специалистов, а затем демонтируйте. Нет нужды делать это с языческой жестокостью, полностью уничтожая памятники. Поставьте их где-то в другом месте, как память о нашем прошлом — для кого-то ненавистном, а для кого-то и родном. С этим тоже нужно считаться, если, конечно, не ставить своей целью развал страны.

В разговоре со мной один из сторонников тотального сноса памятников заметил, что «народ с одобрением воспринимает сокрушение советских идолов». Аргумент, надо сказать, неубедительный, хотя внешне и справедливый. Да, многие одобряют. С восторгом наблюдают, как тросовыми удавками

срывают статуи с пьедесталов. Но посмотрите кадры советской кинохроники, запечатлевшие разрушение православных храмов в 1930-е годы, и вы увидите то же самое народное ликование. Теперь оказывается, что надо было не ликовать, а плакать. Так что ссылки на народ не годятся. Это тот случай, когда народ может совершить ошибку. Особенно если его соответствующим образом подготовили.

Еще одним свидетельством распада украинской государственности являются частные воинские формирования. Часть из них образована «Правым сектором» из майданных активистов, другая — олигархами и некоторыми народными депутатами в ходе подготовки антитеррористической операции на Юго-Востоке.

Парадокс ситуации заключается в том, что храбрые командиры добровольческих батальонов, немного повоевав в Донбассе, затем решили, что обрели право заседать в Верховной раде.

И пришли в нее. Избирались в большинстве случаев по партийным спискам. Объявили во всеуслышание, что технику этого дела не знают, но с помощью советников-консультантов смогут в нем разобраться. О том, что, возможно, целесообразнее было бы избирать в Раду учителей, а не учеников, они вряд ли задумывались. К тому же не вполне понятно, как руководить оставленными батальонами из киевского далека.

Видимо, своеобразной заменой нахождения на передовой для некоторых комбатов — народных депутатов будет появление в Верховной раде вооруженными, по примеру небезызвестного Сашка́ Билого, который ходил на заседание Ровенской рады с автоматом, пистолетом и боевыми ножами. Нечего и говорить, что это будут убедительные аргументы в споре с оппонентами. Но, скорее всего, в таких обстоятельствах оппонентов у комбатов и вовсе не будет.

Собственно, их уже нет. Такой вывод можно сделать из реакции властей на заявления комбатов о том, что те намерены не допустить к принятию присяги тех народных депутатов, которые голосовали за «преступные» законы 16 января 2014 года. Точнее, из полного отсутствия какой-либо реакции.

Никто из них даже не пожурил комбата Ю. Березу за то, что тот пообещал из каждого такого народного депутата сделать Кутузова, то есть выбить глаз, или комбрига Д. Яроша, назвавшего оппозиционный блок в новом парламенте «антиукраинским бандформированием», которое нужно «вынести» из парламента.

А как же быть с демократией и свободой, которые мы якобы завоевали на Майдане? Или завоевали не для всех, а только для себя? Но ведь таких депутатов, которым, по мнению комбатов, не место в Верховной раде, не один-два, а около семидесяти. А это значит, что за ними стоит несколько миллионов избирателей, с чьим волеизъявлением не намерены считаться майданные революционеры. Так, может быть, их тоже надо куда-то «вынести», чтобы не мешали строить свободное националистическое государство? Но на дворе ведь не тридцатые годы прошлого века. И вряд ли эти миллионы безропотно воспримут такие действия комбатов. Последним, очевидно, трудно просчитать последствия своего экстремизма, они этому не учились (или не учились вовсе), но чиновники на Печерских холмах должны бы это понимать. Почему тогда все дружно молчат? Включая президента, гаранта конституционных прав. Не оттого ли, что властью своей обязаны не столько народу, сколько революционному Майдану? Он же может и отнять ее у них. Угроза гипотетического «третьего Майдана» постоянно витает в воздухе. Именно ее и боятся.

Все это происходит на фоне отсутствия в стране высших моральных авторитетов. Раньше таковыми были государство и церковь, но теперь и этого нет. Государство утратило твердое юридическое основание, перестав быть таковым, а церковь сама переживает трудные времена внутренних расколов. Основная конфессия Украины — Украинская православная церковь, пребывающая в каноническом единстве с Русской православной церковью, подвергается шельмованию и нападкам, как чужая. И это при том, что ее клир и миряне — граждане Украины. В то же время новых руководителей страны нисколько не смущает, что ряд христианских конфессий Украины находится в прямом административном

управлении зарубежных церквей. Не смущают их ни различные секты протестантского и тоталитарного толка, расцветшие пышным цветом, ни их пасторы и прихожане, занявшие ряд руководящих кресел страны. Стоит ли доказывать, что над традиционной православной идентичностью Украины нависла серьезная угроза?

Одной из визитных карточек постмайданной Украины являются самосудные расправы, причем не только над рядовыми гражданами, но и над высокопоставленными — крупными государственными чиновниками и народными депутатами, не выказавшими симпатий к происходящим событиям. Перефразировав известное выражение о равенстве всех перед законом, можно сказать, что нынче на Украине все равны перед беззаконием. Это характерная черта не демократии, а охлократии.

Как относятся ко всему происходящему евро-американские учителя и благодетели Украины? Они не устают восторгаться процессом ее приобщения к европейским демократическим ценностям. Ни мародерства, ни избиения народных депутатов, ни «мусорной люстрации», ни обнищания людей они в упор не замечают. Да и зачем? Судьбы Украины и ее граждан их совершенно не волнуют. Пока в стане национальной правящей элиты сохраняется антироссийская истерия, в ней все будет их устраивать. А то, что государство находится в состоянии полураспада, для них даже лучше. Сильное государство могло «проявить характер», а слабое будет безропотно следовать в кильватере американской политики.

7. «ЗАЧЕМ КРЕМЛЮ БУНТ ЮГО-ВОСТОКА УКРАИНЫ?»

Такими риторическими вопрошаниями запестрели украинские средства массовой информации в связи с восстанием жителей Юго-Востока Украины. Не берусь утверждать, что Россия не симпатизирует этому движению и каким-то образом не оказывает ему поддержку. Правда, ее высокопоставленные

чиновники это отрицают. Да и официальный Киев пока что не смог привести сколько-нибудь убедительных доказательств на этот счет. Ссылки на российское вооружение повстанцев несерьезны, поскольку такое же находится и в украинской армии. Ничего существенного не принесла в этом плане и акция днепропетровского губернатора И. Коломойского, пообещавшего за каждого пойманного российского диверсанта 10 тыс. долларов. Судя по поступающим в СМИ сведениям, миллиардеру не грозит разорение от их массовых поимок.

Не подвергая сомнению право журналистов, политологов и политических деятелей Украины на любые предположения, тем не менее считаю уместным задать вопрос: почему бунт Западной Украины не вызвал у них аналогичного беспокойства? Не помню, чтобы несколько месяцев назад кто-либо из национал-патриотов задавался вопросами «зачем США и Западу бунт Западной Украины?» или «зачем ЦРУ США государственный переворот в Киеве?». Или они не знали, кто был истинным вдохновителем Евромайдана?

Разумеется, знали. Как знали это и все остальные граждане Украины, постоянно слышавшие, как американские и западноевропейские эмиссары с трибуны Майдана побуждали протестующих к решительным действиям против законных органов власти. Теперь выясняется, что Запад его и подготовил. Ударные отряды так называемой самообороны прошли хорошую военную выучку в тренировочных лагерях Западной Украины, Польши и Балтийских стран. Да и учились на американские деньги. Об этом поведала миру небезызвестная заместительница госсекретаря США В. Нуланд, частая и желанная гостья киевского Евромайдана. Оказывается, с 1991 года США предоставили Украине 5 миллиардов долларов для развития гражданского общества. Якобы США специально не финансировали Майдан — он возник стихийно, как результат стремления гражданского общества Украины к свободе и демократии.

Многие полагают, что Нуланд выдала нам не все секреты Белого дома. В действительности он потратил на украинские «революции» значительно бо́льшую сумму. Но ведь и пять миллиардов долларов — деньги немалые, тем более

что давались они не всей Украине, а только своим сторонникам. Если бы нечто подобное обнаружилось со стороны России, то на Украине и на Западе определенно сказали бы, что финансировалась «пятая колонна» России. О США и Западе такого не скажут: они ведь давали деньги на развитие гражданского общества.

О том, кто осуществлял на Украине государственный переворот и кто пожинает его плоды, свидетельствуют визиты в Киев директора ЦРУ Д. Бреннана (этот визит был тайным) и вице-президента США Д. Байдена. Последний, усевшись в кресло председателя Верховного совета Украины, которое ему показал посол США, заявил: «Мы и дальше будем помогать Украине. Не президент Обама и я, а весь американский народ». Правда, не уточнил, спрашивали ли они с президентом американский народ об этом. Помощь в размере 18 миллионов долларов не очень впечатляет, однако если учесть, что она предназначается не всем украинцам, а только тем, кто поддерживает идеалы западной свободы и демократии, — это уже немало. Национальная гвардия и батальоны «Правого сектора» в обмен на нее могут совершить многое для усмирения Юго-Востока страны.

Вслед за американцами деньги на развитие гражданского общества на Украине выделили Канада (9 миллионов долларов) и Япония (800 тысяч евро). Наверное, и другие сателлиты США скинулись «на благое дело». То, что эти подачки не приносят Украине ничего, кроме вреда, что Запад уже «доразвивал» ее гражданское общество до состояния гражданской войны, в расчет не принимается.

Цель в данном случае оправдывает средства. А свою истинную цель США и страны ЕС не скрывают: оторвать Украину от России и интегрировать в НАТО. Украина рассматривается ими не как суверенное государство, у которого могут быть свои интересы, а как территория для размещения натовской военной инфраструктуры. Украине уже предложен план действий по членству, который будет утвержден на сентябрьской сессии НАТО 2014 года. Нынешнее украинское руководство устами и. о. президента А. Турчинова выразило удовлетворе-

ние этим обстоятельством. И снова — без какого бы то ни было совета с народом. Александру Валентиновичу хочется в НАТО, а мне не хочется, и почему я обязательно должен следовать его воле? Может быть, все-таки надо провести всенародный референдум?[1]

Убежден, что большинство украинского народа не хочет, чтобы Украина стала разменной монетой геополитических амбиций США и НАТО. Обещанная ей так называемая прифронтовая стабильность может обернуться фронтовой катастрофой. Б. Обама в Брюсселе заявил: «Мы должны демонстрировать готовность платить за активы, содержание персонала и обучение, за все, что необходимо для наличия у НАТО авторитетной и эффективной силы сдерживания. Принять в этом участие обязаны все».

Как видим, Украине придется еще и платить за создание «эффективной силы сдерживания». О том, кого следует сдерживать, понятно и без уточнения. Конечно же, Россию. Будто это она развертывает военные базы на Кубе или в Никарагуа, будто это ее военные корабли бороздят приграничные территориальные воды США, будто это ее военные контингенты высаживаются в сопредельных с США странах для проведения военных учений. И если не лицемерить, Обаме следовало бы сказать, что все должны платить за установление мирового господства США.

Единственным препятствием на этом триумфальном пути США и НАТО является Россия. Ее-то и обвиняет американский президент в украинском кризисе, в невыполнении Женевского заявления по Украине, хотя, согласно его содержанию, обязательства России в точности такие же, как и обязательства США. В нем сказано, что разоружению подлежат все незаконные формирования на Украине. Следовательно, и те, что на Юго-Востоке, и те, что в Киеве. Если за разоружение одних должна отвечать Россия, то других — США. Поэтому у Б. Обамы нет никакого морального права делать виноватой только

[1] Швейцарская конфедерация дважды проводила референдумы о вхождении в Европейский союз, и дважды швейцарский народ сказал «нет». Так и живут вне Европейского союза, не испытывая от этого никаких комплексов. И живут хорошо.

Россию, да еще и вводить против нее экономические санкции вместе со своими европейскими союзниками.

Последним, будь они самостоятельными в своих поступках, стоило бы не бездумно потакать своему политическому патрону, а предупредить его о возможных драматических последствиях такой «ковбойской» политики. Россия, пусть и «региональная держава», как уверяет незадачливый американский президент, но все же не Югославия и не Афганистан. И вряд ли она позволит говорить с ней на языке ультиматумов. В ответ можно нарваться на крупные неприятности.

Возможно, США не слишком беспокоятся по поводу военного конфликта, возникшего за десятки тысяч миль от их границ, но для европейцев он может оказаться катастрофическим. Видимо, следует прислушаться к тем политическим деятелям Западной Европы, которые предостерегают от бездумного следования в кильватере политики США. Как заявили социалистические партии Великобритании и Германии, «Европа вновь стоит на краю пропасти, и даже маленькой искры будет достаточно для трансформации регионального конфликта в глобальное пожарище».

Поспешное введение экономических санкций против России не оставляет сомнений в том, что эту искру США хотели бы высечь на украинской земле. После каждого очередного визита американских высокопоставленных чиновников киевские власти становятся все смелее и решительнее. Сперва объявили антитеррористическую операцию на Юго-Востоке, а затем перевели ее в так называемую активную фазу. Против собственного народа брошены десятки тысяч военных, сотни танков и бронемашин, системы залпового огня и даже авиация. Если не знать, что вся эта армада направлена на подавление мирных протестов жителей края, можно подумать, что в пределы Украины вторглись иноземные войска и надо срочно спасать отечество.

Нет ни малейшего сомнения, что на столь вызывающую авантюру киевские власти не отважились бы, не получи они добро от своих американских наставников. В советское время у нас был лозунг «Народ и армия едины», который полностью

соответствовал действительности. В суверенной Украине армия оказалась антагонистом народа. Она его расстреливает. Можно только представить, какое возмущение «демократического» Запада вызвала бы такая военная акция по отношению к мятежной Западной Украине, будь она организована законной властью президента В. Януковича.

Теперь же все те, кто предостерегал его от применения силы против «мирных» демонстрантов и постоянно угрожал санкциями, не только не осуждают своих подопечных, но и оправдывают их. Заняв, как говорят на Украине, «в Сірка очі», та же Нуланд заявляет, что нельзя сравнивать события на киевском Майдане и на Западной Украине с происходящим на Юго-Востоке. Там были мирные люди, выступившие против коррумпированной власти и за европейские ценности, а здесь — террористы и сепаратисты, угрожающие целостности страны. Первые захватывали госучреждения и удерживали их с разрешения властей, а вторые таких разрешений не имеют.

Но ведь это циничная демагогия. Правительство В. Януковича никаких разрешений на захват и удержание госучреждений майдановцам не выдавало. Может быть, это сделала власть, сменившая законную, но это то же самое, как если бы Майдан разрешил сам себе, поскольку и члены нынешнего правительства работают с его разрешения. В таком случае аналогичное разрешение имеют и протестующие на Юго-Востоке, которые там являются властью. Степень легитимности обеих властей (киевской и донецкой) практически одинакова. «Как аукнется, так и откликнется».

Многих поразило интервью П. Порошенко 27 апреля 2014 года. В нем претендент на президентский пост заявил: «Если на Юго-Востоке не понимают ни украинского, ни русского языка, тогда, может быть, поймут язык силы». Это прозвучало очень жестко, тем более что от столь интеллигентного и всегда уравновешенного политика чего-то такого трудно было ожидать. И, разумеется, совсем не справедливо. Названные традиционные языки там, конечно же, прекрасно понимают. Но вся беда в том, уважаемый Петр Алексеевич, что ни вы, ни ваши майданные соратники ни на одном из этих языков

разговаривать с жителями края не желаете. Вы упорно не хотите слышать их требований.

Судя по вышеприведенному заявлению, для П. Порошенко Юго-Восток — не совсем Украина. Это нечто вроде колониальной периферии, к тому же русскоэтничной, с которой можно разговаривать и на языке силы. Это с украинцами следует договариваться, а русским можно диктовать.

Надо сказать, что жители Донетчины и Луганщины очень чутко улавливают эту свою «второсортность» в представлении киевских националистических властей. И такое отношение их оскорбляет. Как выразился один луганский шахтер, «для Киева мы просто рабы, которым милостиво позволяется работать в шахтах и на металлургических предприятиях, но ничего не разрешается просить или требовать». И это очень похоже на правду. Если бы это было не так, то лидеры недавней оппозиции, ставшие ныне де-факто руководителями страны, обязательно попытались бы понять, чего хотят люди на Юго-Востоке. Без переговоров это невозможно. А опыт таких переговоров у них имеется. Не так давно они сами выдвигали президенту В. Януковичу различные требования и чуть ли не через день договаривались с ним в его рабочем кабинете. Отчего же они так быстро обо всем забыли и стали недоступны для новых оппозиционных сил?

Если не вдаваться в детали, все требования населения Юго-Востока Украины можно свести к двум основным: языковая (культурная) автономия и федеративный статус регионов. Ничего странного и тем более крамольного в этих требованиях нет. Так живут многие народы и государства, в том числе и те (США, ФРГ, Великобритания), на которые пытается равняться Украина. Причем жители Юго-Востока хотят сделать это законно, посредством проведения областных референдумов. Без сомнения, при наличии непрерывного переговорного процесса удалось бы найти взаимоприемлемые для сторон решения. И если исходить из интересов единства страны, другого пути, кроме как садиться за стол переговоров, нет.

При этом у властей предержащих должно быть понимание того, что если не дать людям необходимого, они потребуют

«лишнего». Фактически уже требуют, постоянно апеллируя к России или заявляя о независимом государственном статусе Юго-Востока. И не следует относиться к этому легкомысленно. Приднестровье, Косово или Абхазия показали, что это вполне реально. Так что нельзя терять времени. Необходимо срочно договариваться.

К сожалению, официальные киевские политики или не осознают всей степени серьезности конфликта, или же им не дают вступить в переговоры с лидерами Юго-Востока американские наставники, подталкивающие к силовому разрешению кризиса. В результате на все просьбы и требования Юго-Востока Киев ответил антитеррористической операцией. Это наихудшее, что можно было придумать. Учитывая, что ударную силу воинских подразделений представляют отряды «Правого сектора», военный конфликт приобрел ярко выраженные черты межэтнического и даже межцивилизационного. Боевики «Правого сектора» не скрывают, что являются последователями националистического движения под руководством С. Бандеры. Жители Донетчины и Луганщины решительно не воспринимают такую идеологию, что делает их для карательных отрядов не просто чужими, а враждебными. А если так, то можно и стрелять. И не случайно первые потери защитники блокпостов под городом Славянском понесли как раз от боевиков «Правого сектора». Последние также расправлялись с мирными демонстрантами в Харькове, Донецке, Мариуполе, Одессе и других городах.

Не минула чаша сия и кандидатов в президенты Украины. Не считаясь с их неприкосновенностью, по сути, равной президентской, боевики «Правого сектора» чинили над некоторыми из них самосуд, не позволяя свободно перемещаться по стране (О. Царевым, М. Добкиным, П. Симоненко). Стоит ли доказывать, что в таких условиях президентские выборы не станут ни всеукраинскими, ни демократическими? «Избранный» президент будет признан не всей Украиной. И будь это при В. Януковиче, евро-американские радетели свободы сделали бы уже не одно гневное заявление о невозможности проведения выборов. Сейчас они как воды в рот набрали. Ничего не видят

и ничего не знают. Наоборот, грозят России новыми санкциями, если выборы не состоятся. (Будто это она их проводит.)

Какое-то время казалось, что ставка на боевиков «Правого сектора» в деле усмирения жителей Юго-Востока является результатом элементарного политического недомыслия А. Турчинова, А. Яценюка и их ближайшего окружения. Позже выяснилось, что это не так. Это их сознательный выбор, продиктованный инстинктом самосохранения, поскольку на регулярную армию надежд нет: она в соотечественников стрелять не желает.

Однако для ситуации в целом это не столь существенно. Принципиально важно только то, что военной силой нельзя одержать победу над собственным народом. Униженное и оскорбленное самосознание жителей Юго-Востока никогда не смирится с попранием их прав на свою культурно-историческую и цивилизационную идентичность.

Необходимо срочно, пока еще антитеррористическая операция не перешла границы здравого смысла и не привела к массовым убийствам повстанцев, прекратить ее. Иначе независимо от того, «нужен Кремлю бунт Юго-Востока» или не нужен, Россия может выступить на защиту жизней своих соплеменников[1]. Тем более что последние постоянно взывают к этому. Такой вариант, судя по всему, устраивал бы США, которые всячески провоцируют Россию на жесткую реакцию, — но никак не Украину.

8. СО СВОИМИ ЛЮДЬМИ НАДО ДОГОВАРИВАТЬСЯ, А НЕ ВОЕВАТЬ

Примерно так думает большинство украинцев, слушая фронтовые сводки с Юго-Востока Украины о многочисленных человеческих жертвах и разрушениях. К сожалению, есть не-

[1] Только Россия и выступала с призывами к украинским властям прекратить военную кампанию против Юго-Востока страны. Только ее голос в защиту жителей края был слышен в ООН. Обращалась Россия (от имени Государственной думы) и к европейским организациям, в частности к ОБСЕ, но так и не была услышана.

мало и таких, у которых, как говорят в народе, руки чешутся. Когда президент П. Порошенко объявил о временном прекращении боевых действий и начале консультаций с лидерами самопровозглашенных республик, в стане ортодоксальных националистов случилась настоящая истерика. «Как это возможно?! — закричали они. — Никаких переговоров с бандитами и террористами быть не может! Разговаривать с ними следует только на языке силы!»

Категорически против перемирия выступили командиры и бойцы батальонов, созданных на основе майданных сотен «Правого сектора» и получивших финансирование от нескольких украинских миллиардеров. 28 июня 2014 года они устроили возле президентской резиденции протестный митинг с требованием отмены перемирия. Позже, на народном вече, собранном на майдане Незалежности, они по сути предъявили президенту ультиматум, пригрозив ему судьбой В. Януковича. Не удержались от осуждения перемирия и некоторые экс-руководители Украины, правда, не уточнили при этом, воюют ли с сепаратистами их сыновья и внуки.

Досталось и второму президенту Л. Кучме, который якобы не имел права садиться за один стол с сепаратистами. Ему пришлось даже оправдываться, что, во-первых, его миссия была не переговорная, а только консультативная, а во-вторых, он и другие члены киевской делегации поехали в Донецк не по своей инициативе, а по просьбе президента.

Следя за этим конфликтом, невозможно было не заметить, что он никак не согласуется со здравым смыслом. Не зря же в народе издавна бытует пословица «худой мир лучше доброй ссоры». И если есть даже самая слабая надежда уладить конфликт без кровопролития, то почему бы не попытаться это сделать? И почему такая попытка должна вызывать у нормальных людей неприятие? Неужели целостность страны будет тем прочнее, чем больше за нее погибнет людей?

А ведь гибнут люди с обеих сторон — и правые, и виноватые, и даже не имеющие никакого отношения к этому трагическому конфликту. Причем последние — в значительно бо́льших масштабах. Сколько смертельного горя уже

пришло в семьи Славянска, Краматорска и близлежащих селений. Жертвы среди мирных жителей исчисляются сотнями. Страшно, что гибнут дети. А сколько беженцев породила эта чудовищная война? Определенно, несколько сотен тысяч. В сущности, это гуманитарная катастрофа. И не случайно действия П. Порошенко по мирному урегулированию были одобрительно встречены президентами России и Франции, а также канцлером Германии.

К сожалению, состояние «ни мира, ни войны» длилось недолго. Вечером 30 июня 2014 года президент Порошенко прервал его и объявил о возобновлении антитеррористической операции. Истинных мотивов перемены настроения президента мы не знаем, однако не исключено, что это решение появилось в результате давления — внутреннего и внешнего. Внутреннее заключалось в демарше военных, сражающихся на Юго-Востоке, чье мнение президент не мог проигнорировать. Внешнее определенно исходило от США, что, в сущности, никогда ими не скрывалось. Представительница Государственного департамента Мари Харф с милой улыбкой сообщила представителям прессы, что накануне госсекретарь Дж. Керри имел разговор с П. Порошенко и выразил поддержку его решению.

Конечно, хорошо, что хотя бы неделю на Юго-Востоке меньше стреляли и гибло меньше людей. Но если мы попытаемся вникнуть в позиции сторон военного конфликта, то окажется, что сколько-нибудь реальных шансов перерасти в серьезные переговоры консультации не имели. И прежде всего потому, что ни та ни другая стороны не располагали возможностями для каких-либо компромиссов. У президентской делегации на руках был мирный план Порошенко, очень похожий на ультиматум, и, разумеется, ничего иного предложить противоположной стороне она не могла. А основным условием руководства ополченцев был отвод правительственных войск за пределы Луганщины и Донетчины, что представлялось совершенно нереалистичным.

Еще одним фактически непреодолимым препятствием к серьезным переговорам стала непреклонная позиция киевских властей касательно принципиальной невозможности до-

говариваться с «террористами и сепаратистами». Назвать ее реалистичной совершенно невозможно. Когда речь идет о целостности страны, а тем более о возможных человеческих жертвах, амбиции не должны брать верх над здравым смыслом.

Разумеется, никто не может настаивать, чтобы в таких переговорах с киевской стороны принимали участие первые руководители страны. Но их вполне могла вести делегация во главе, например, с вице-премьером или руководителем президентской администрации. И говорить она, конечно, должна с лидерами протестного движения на Юго-Востоке. А с кем же еще? В аналогичной ситуации, имевшей место в Киеве, В. Янукович не отказывался встречаться с организаторами Майдана. Правда, они были депутатами Верховной рады. Но в таком же статусе пребывает и О. Царев, являющийся одним из руководителей самопровозглашенных республик.

А то, что без обстоятельных переговоров проблему Юго-Востока не решить, должно быть понятно всякому непредубежденному правительственному чиновнику. Разумеется, если исходить из того, что живут там не какие-то «колорады», как глумливо называли жителей региона представители временной украинской власти, а такие же граждане, как на западе страны, с такими же правами на свой духовно-культурный и экономический суверенитет. Ничего неестественного и тем более противозаконного в таких требованиях жителей Донетчины и Луганщины нет. Они не превышают того, что де-факто признается за жителями Галичины.

Конечно, лучше всего региональные интересы защищены в государствах с федеративным административно-территориальным устройством. Как показывает исторический опыт, это пока лучшая модель человеческого общежития. Она широко распространилась в мире и доказала бо́льшую жизнеспособность, чем унитарная. И неправда, что такая модель обязательно предполагает разноэтничность регионов, как утверждают украинские политики. Федеративная Республика Германия состоит из земель, населенных одним народом. В таком же положении находится и Австрия. В целом моноэтничными федерациями являются Индия, Бразилия, Мексика, Аргентина

и другие страны. Разумеется, там есть и национальные меньшинства, но не их наличие обусловило федеративное устройство этих стран.

На Украине, особенно в последнее время, федерализм превратился чуть ли не в бранное слово, которого стали бояться. Для властей предержащих оно является синонимом сепаратизма, следовательно, несет потенциальную угрозу целостности страны. «Вот введем эту форму государственного устройства — и обязательно распадемся». Разумеется, в жизни ничего исключить нельзя, особенно при нашем отношении к законности и порядку. Но никакой предопределенности распада федерализм в себе не содержит. Панически боящимся федерализма политикам стоило бы задаться простым вопросом: а почему эта государственная форма не привела к распаду США, ФРГ и многих других стран? Швейцария — вообще конфедерация, и неплохо существует.

Разумеется, федерализм — тоже не идеальная форма государства, но она, несомненно, более комфортна для жизни людей. Но думать об этом мы не хотим, поэтому превратили унитаризм в некую священную корову, к которой нельзя даже прикасаться. А ведь именно при нем мы потеряли Крым и получили восстание на Юго-Востоке. А согласились бы вовремя с требованиями этих регионов предоставить им право на языковую и хозяйственную автономию — и ничего бы не случилось. Правда, не надо было еще и совершать государственного переворота, который поставил под сомнение легитимность новой власти. Почему то, что можно в центре, нельзя в регионах?

Надо сказать, что проявления сепаратизма не имеют прямой и опосредованной связи с формой государственно-территориального устройства. Они имеют место как в федеративных странах (Бельгии, Канаде), так и в унитарных (Испании, Великобритании, Италии). Но во всех названных странах процедура суверенизации отдельных земель или штатов четко прописана в конституциях: только через народные референдумы. В некоторых странах это требует общенационального согласия. В Канаде был проведен референдум о государствен-

ной самостоятельности Квебека, но ее сторонники не собрали большинства голосов. Нет гарантии, что более успешными будут предстоящие референдумы в Каталонии и Шотландии, где также нет подавляющего большинства в пользу отделения. В Бельгии фламандская и французская общины перманентно выясняют, «кто в доме хозяин», но на «развод» так и не решаются.

Из сказанного следует, что бояться федерализма нет оснований. Наоборот, необходимо внимательнее присмотреться к его опыту. Во многом эта форма государственного устройства более справедлива, поскольку способна учесть интересы различных регионов и этнических общин. Она исключает жесткую централизацию управления, а главное, общенациональную унификацию на основе ценностей какого-либо одного региона, подобно тому как это происходит на нынешней Украине, которую украинские националисты пытаются превратить в Великую Галичину.

После победы Майдана галицкая версия «украинства» была объявлена, по сути, национальным эталоном для всей страны. Русский язык, на котором разговаривает не меньше половины населения и который является родным для 8,5 миллионов этнических русских граждан Украины, объявили вне закона. Идеологию националистического движения Западной Украины превратили в государственную, а черно-красный флаг ОУН-УПА фактически приравняли к государственному желто-голубому.

Стоит ли говорить, что далеко не все украинцы приняли эти перемены с тем же восторгом, что и майданные революционеры? Многих, особенно на Юго-Востоке, они просто напугали. И в значительной мере поэтому регион полыхнул протестными акциями. Силовая попытка их усмирения закончилась восстанием двух областей. Умиротворение Харькова, Одессы, Николаева было кровавым и стоило многих десятков человеческих жизней. Но даже несмотря на это, нет никаких гарантий, что жители этих городов смирились с единой националистической идеологией.

Новая государственно-политическая элита Украины объясняет невозможность федерализации страны еще и тем, что

она не имеет у нас естественных исторических предпосылок. Мы всегда жили в условиях унитаризма. «Ну скажите, — вопрошают представители власти, — чем отличается Полтавская область от Харьковской или Сумской?» И сами же отвечают: «Да практически ничем. А раз так, то о какой федерации можно говорить?»

Аргумент, надо сказать, совершенно несостоятельный. Полтавская область действительно не многим отличается от названных соседних. Но все три значительно отличаются от Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской. Свои культурно-исторические и ментальные особенности имеют Закарпатье, Северная Буковина, Полесье, Юго-Восток, Запорожье. Абстрагироваться от этого на уровне центральной власти — значит обрекать страну на вечное межрегиональное противостояние. Собственно, его мы и наблюдали на протяжении всех 23 лет нашей независимости.

Мне уже приходилось писать, что провести федерализацию Украины на основе нынешнего областного деления невозможно. А вот на базе исторических украинских земель — вполне реально. Украина ведь не всегда имела столь дробное административно-территориальное деление. Это опыт советского времени. Странно, что за него так держатся этнопатриоты, ненавидящие все советское. В царское время были губернии — гораздо более крупные территориальные образования. В управлении ими было меньше бюрократии и больше экономической целесообразности. А еще раньше, в «козацкие» времена, Украина имела естественное поземельное деление. Она состояла из собственно Украины (территории современных Киевщины и Черкасчины), Волыни, Подолья, Сиверии, Запорожья, Галиции (Червоной Руси). Позже, в советский период, в ее состав были включены Слобожанщина, Донетчина, Новороссия, Северная Буковина, Закарпатье и Крым.

И все эти регионы не идентичны ни по культурно-историческим традициям, ни по этническому укладу. Мерить их единым идеологическим и культурно-историческим аршином, как это происходит в нынешнее время, совершенно неприемлемо. Это неизбежно порождает не только скрытое, но и явное

сопротивление отдельных регионов, как это произошло в Крыму и на Юго-Востоке.

Наверное, в конце концов Киев сможет силой подавить вооруженный протест жителей мятежного региона и привести их к повиновению, но ему вряд ли удастся заставить их жить согласно галицким традициям. У них ведь есть свои. И если не будет кардинально решена проблема русского языка, не будут расширены права региона в сфере экономического и финансового развития, Юго-Восток обязательно когда-нибудь взорвется снова. Тем более что отныне сопротивление жителей этих регионов будет поддерживаться еще и памятью об убитых земляках.

Президент П. Порошенко в своей клятвенной речи в Верховной раде совершенно категорично заявил, что Украина была унитарной страной и останется таковой. В Брюсселе он добавил, что эта тема вообще не подлежит обсуждению. Ну что ж, «ему видней», как поется в одной песне. Но тогда почему бы не обсудить украинский унитаризм? Ведь эта форма государственного устройства тоже бывает разной. Это не обязательно жесткая централизация с единой идеологией и единым государственным языком, как это представляется нынешним руководителям Украины.

Испания — тоже унитарная страна, к тому же монархия, но состоит из семнадцати автономных областей и двух автономных городов. В ней наряду с государственным кастильским официальными считаются также местные языки в автономных регионах. К примеру, в Каталонии статусом, равным государственному, обладает каталонский язык. Унитарным государством является и Великобритания, что не мешает ей иметь в своем составе три государственных образования: Англию, Шотландию, Уэльс. А еще в ее состав входит Северная Ирландия, также обладающая значительными автономными правами. Во всех этих регионах основным языком является английский, хотя он и не обладает статусом государственного. Но кроме него официальными языками считаются в Шотландии — шотландский гэльский, в Уэльсе — валлийский, в Северной Ирландии — ольстерско-ирландский.

Казалось бы, стоит позаимствовать что-либо из европейского опыта государственного строительства, тем более что мы так хотим интегрироваться в Европу. Но нет, в этом случае мы «богаты своим умом». Создали в своем воображении хуторянский унитаризм и не желаем даже слушать о каком-то ином. Неудивительно, что эта тема была запретной и во времена консультаций посланников президента с лидерами Донецкой и Луганской республик.

Правда, если бы новые украинские власти хоть немного задумались, то непременно пришли бы к выводу, что на суверенной Украине не было и унитаризма. И дело не только в том, что в ее составе находилась Автономная Республика Крым. Более существенным являлось то, что со времени обретения Украиной независимости на положении федеральной земли находилась Галичина. Этот ее особый, не юридический, но фактический статус был признан по умолчанию еще при львовском губернаторе В. Черноволе, который пытался легализовать так называемую Галицкую ассамблею. Юридического развития эта затея не получила, но де-факто в Киеве всегда сообразовывали свои действия с мнением этого региона, полагая, что он имеет особые заслуги в достижении Украиной государственной независимости.

Так было и при авторитарном режиме В. Януковича. Областные и городские рады трех галицких областей имели смелость и возможность высказывать несогласие с решениями центральной власти. А нередко и открыто заявляли о ее непризнании. И никаких санкций со стороны Киева за этим не следовало.

С началом майданных событий Западная Украина и вовсе вышла из юридического поля президентской власти. Там были образованы новые властные институты — народные рады, которые сами определяли, как лучше жить региону. Какие памятники ставить, а какие сносить. Председателей областных государственных администраций, назначаемых В. Януковичем, от исполнения ими своих обязанностей отстраняли, а некоторых и подвергали публичной казни. Через три месяца опыт Западной Украины позаимствовали на Юго-Востоке, правда, в еще более радикальном варианте.

Президент П. Порошенко убежден, что страна, которая досталась ему в управление, является унитарной. В действительности она таковой больше не является уже в силу двухцентричности новой политической власти. Ведь мы действительно имеем два властных центра: официальный во главе с выборным президентом и фактический, возникший на Майдане. Второй осуществляет контроль над первым. При малейшем отклонении от линии Майдана его предводители устраивают протестные демарши под стенами Парламента и Администрации президента. Во многих случаях майданные бойцы несут охранную службу вместе с милицией. В том числе возле Верховной рады. Там на въездных воротах развевается флаг 17-й сотни Майдана.

И у официальной, и у неофициальной властей имеются свои вооруженные силы: регулярная армия и воинские формирования «Правого сектора». Кроме того, свою армию имеет губернатор Днепропетровской области И. Коломойский. Есть также формирования с их долевым финансированием народными депутатами и киевским градоначальником.

Сегодня вся эта разномастная рать воюет со своим гражданами на Юго-Востоке страны. А что будет завтра, когда война закончится? О роспуске частных воинских формирований речи как будто нет. Наоборот, их рассчитывают использовать и в будущем. И не только те, кто несет службу на Майдане в Киеве, но и некоторые представители официальной власти. Но как бы им не обмануться в своих ожиданиях. Безмятежное длительное сосуществование в стане победителей вряд ли получится. Как только исчезнет общий враг, они непременно начнут выяснять отношения между собой.

Так что мы имеем далеко не радужную ситуацию. «Революция достоинства», как пафосно называют майданные события некоторые националистические романтики, по сути разрушила государственность Украины, которая и до того была не очень прочной. Теперь во многих ее сферах господствует не юридическая законность, а революционная целесообразность с элементами атаманщины. И совершенно очевидно, что, несмотря на уверенное поведение, президент

П. Порошенко в настоящее время обладает весьма ограниченной самостоятельностью внутри страны. Правда, не только из-за майданного контроля, но и — в еще больше степени — из-за навязчивого американского опекунства. Можно сказать, он до сих пор не принял ни одного решения, которое бы не было согласовано с госсекретарем США Керри или вице-президентом Байденом.

Выступая в Верховной раде 4 июля 2014 года, президент заявил, что ему и его команде пришлось создавать украинскую регулярную армию практически с нуля. Наверное, так оно и есть. Но ведь таких «нулей» в нашей стране, пережившей два разрушительных Майдана, еще много. Надо немедленно прекращать бессмысленную войну с собственным народом. Она и так уже принесла слишком много горя. Ее последствия Украина будет изживать многие десятилетия. И не факт, что на протяжении всего этого времени она будет получать щедрую американскую помощь. Примеры Ирака и Афганистана скорее убеждают в обратном. А как нам залечить душевную рану Юго-Востока? И смогут ли его жители когда-нибудь простить инициаторов и вдохновителей этой кровавой бойни? А ведь они знают их всех поименно.

Когда писались эти строки, еще шли бои ополченцев с правительственной армией и формированиями «Правого сектора». И совсем не ясно, чем все это может закончиться. Только одно совершенно очевидно: независимо от исхода военной кампании, проблему Юго-Востока придется решать при помощи мирных переговоров. С нынешними лидерами или с другими, но обязательно придется договариваться. И не на условиях победителей, а исходя из необходимости решения фундаментальных проблем региона. А они и после войны будут теми же: культурная и экономическая автономия. Будет ли это решено через федерализацию или через европейский унитаризм — не столь существенно. Но без решения уже не обойтись. Слишком много крови пролито за все это.

Глава 7
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ НА НЕЗАВИСИМОЙ УКРАИНЕ

1. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

О национальной идее Украины активно заговорили в середине 1990-х годов и в начале XXI века, после того как президент страны Л. Кучма в одном из своих выступлений имел неосторожность заявить, что она у нас не сработала. Эта констатация вызвала огромное негодование в среде национал-патриотов. «Как это не сработала, — возмущались они, — если украинцы обрели собственную государственную независимость?» Не знаю, что стало поводом для такого заявления президента, но совершенно очевидными были мотивы его оппонентов. Для них национальной идеей было образование независимого государства, а коль скоро оно, после распада Советского Союза, стало реальностью, то как можно утверждать, что она не сработала?

Правда, весь их политологический пафос, сведенный к лозунгу «Главное — построить державу, а все другое может подождать», подтверждал скорее правоту президента, чем его оппонентов. Поскольку процесс государственного строительства не завершен, о торжестве национальной идеи говорить еще рано. Поразительно, но и после двадцати пяти лет независимого существования невозможно утверждать, что на Украине построено полноценное государство. Однако даже если согласиться с тем, что оно у нас полноценное, говорить о четко сформулированной национальной идее не приходится.

Ведь для чего нужно государство народу? Вовсе не для того, чтобы национальная политическая элита пришла к власти. Народ знает, что власть и до этого была в ее руках. Со своим государством он связывает надежды на лучшую жизнь. Если она наступает, то можно утверждать, что национальная идея сработала. К сожалению, о себе мы этого сказать не можем. Лучшую жизнь у нас обрела только политическая элита; народ, напротив, стал жить хуже, чем раньше в «чужом» государстве. Неопровержимым свидетельством этому являются наши демографические потери, исчисляющиеся более чем десятью миллионами человек[1].

В свое время я опубликовал статью «Имеет ли Украина национальную идею?», чем шокировал национал-патриотические круги. Разве здесь допустимы какие-либо сомнения? Многие выражали недоумение такой постановкой вопроса, полагая, что национальная идея на Украине отчетливо сформировалась уже во времена Богдана Хмельницкого. С этим действительно можно согласиться, если иметь в виду идею для конкретного исторического периода. Однако в корне неверно полагать, что она в неизменном виде пригодна и для новых времен. Национальной идеи, единой для всех эпох, не бывает. Каждый новый этап исторического развития ставит перед обществом свои задачи и приоритеты. Даже на протяжении одного исторического периода у страны и народа может быть несколько сменяющих одна другую или одновременных национальных идей. Достаточно вспомнить примеры из отечественной истории советского времени: коллективизация, индустриализация, комсомольские стройки, не говоря уже о генеральной идее построения коммунистического общества.

Объективности ради следует сказать, что национальные идеи далеко не всегда являются необходимыми обществу приоритетами. Иногда они бывают и ложными, неправильно опре-

[1] Поразительно, что это обстоятельство в суверенной Украине мало беспокоит властей предержащих. При каждом удобном случае они выражают скорбь по жертвам голодомора 1930-х годов и совершенно не озабочиваются жертвами нашего времени. Реагируя на упреки сограждан, некоторые представители украинской политической элиты цинично вопрошают: «А кто сказал, что нас обязательно должно быть 52 миллиона?»

деленными или неосуществимыми в данное историческое время, как, например, построение коммунистического общества в Советском Союзе. При этом те и другие идеи, сформулированные политическими элитами, непременно должны поддерживаться большинством населения.

Однако вернемся к нынешним украинским реалиям и попытаемся понять, сработала ли у нас украинская национальная идея. К сожалению, ответ здесь может быть скорее отрицательным. Если говорить серьезно, то у нас в это время по существу и не было национальной идеи. То, что украинская элита считала таковой, на самом деле было идеей этнической. Достаточно вспомнить слоганы того времени, чтобы убедиться в этом. Вот только некоторые из них: «Україна перед усім», «Я гордий, що народився українцем», «Україна для українців», «Росіянам чемодан — вокзал — Росія»[1] и другие.

Могла ли такая идеология стать национальной идеей Украины? К счастью, не могла. Ибо в противном случае это уже тогда привело бы страну в состояние межнационального раздора. Убежден, что ложной такая идея является и для современной Украины, хотя сторонников у нее сегодня неизмеримо больше, чем было тогда. Удивительно, что вполне солидаризовалась с национальной идеей в ее украинском этническом обличье и нынешняя власть Украины, хотя сама является интернациональной. Это очередной парадокс нашей истории.

Наверное, если бы на Украине проживали только этнические украинцы, в таком украиноцентризме не было бы особой проблемы. Но ведь ситуация иная. Исторически сложилось так, что Украина пришла к государственному суверенитету как многонациональная страна. Наряду с наибольшим украинским этносом ее населяют также русские, белорусы,

[1] Последний лозунг, не стесняясь, провозглашают и сегодня. В том числе представители власти. Пришлось его услышать и мне от заместителя министра образования и науки Украины М. Стрихи на собрании Национальной академии наук 14 декабря 2016 года. Почему этот государственный чиновник среднего звена решил, что имеет право на столь оскорбительные суждения, и какие его личные заслуги перед Украиной служат ему оправданием, неизвестно. Я не стану здесь отвечать «любезностью на любезность» и называть страну, куда он мог бы уехать со своим чемоданом. Замечу только, что, как сказано в Священном Писании, судить нас всех будут по делам нашим, а не по словам.

молдаване, крымские татары, болгары, венгры, румыны, евреи и другие этнические группы, и вряд ли всем им может быть одинаково близкой идея моноэтничного и моноязычного украинского государства.

Из уст национально озабоченных украинцев нередко можно услышать, что поскольку национальные меньшинства живут на украинской земле, они обязаны интегрироваться в украинский культурно-исторический контекст. Что касается слова «обязаны» (я бы скорее заменил его на «должны»), то уверен, что никакого неприятия оно вызвать не может. Такая интеграция — залог комфортности их жизни. Разумеется, если она не предполагает потерю представителями этнических меньшинств своей собственной культурной идентичности. Если говорить о том, на чьей земле они живут, то утверждение «на украинской» не всегда корректно. Большинство живет на своей земле, которая на определенном историческом этапе стала украинской. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что Украина в современных границах сформировалась только в годы советской власти.

Совершенно очевидно, что, определяя нашу национальную идею, национал-патриотические круги не учитывают этнокультурные особенности Украины, сосредоточивают внимание только на проблемах украинства. Здесь и плач над нашей вековой обездоленностью, и восхищение нашим трудолюбием, талантливостью и врожденной толерантностью. Со временем утверждение о толерантности было девальвировано заявлениями об особых правах украинцев как коренного народа. С обретением Украиной независимости украинцы как бы по определению заняли в ней место, которое раньше в СССР принадлежало русским. Это почетно, но и ответственно. Теперь уже они должны взвешивать свои слова и поступки, чтобы не обидеть другие народы, населяющие Украину. И, конечно же, акцент на особых правах титульной нации по существу является антитезой национальной идее, которая должна быть понятной всем этносам страны и разделяться ими.

Рассуждения на тему «коренного» народа, как мне представляется, лишены не только научной, но и нравственной кор-

ректности. Возьмем для примера Крым, где на положении «коренных» находятся крымские татары. Да, это их историческая родина. Но только ли их? Чтобы объективно ответить на этот вопрос, необходим небольшой экскурс в историю.

В 40-е годы XIII века, когда татары подчинили себе Крым, они были пришлыми по отношению к проживающим там издревле наследникам тавров, готов, скифов, сарматов, хазар, греков, половцев. Таковыми они оставались и в XV веке, когда основали Крымское ханство. От своей новой родины они унаследовали и прилагательное «крымские», хотя до этого были просто татары. С 80-х годов XVIII века ситуация изменилась. После завоевания Крыма Россией пришлыми стали русские, а крымские татары перешли в категорию коренных. После присоединения Крыма к Украине и переселения туда большого числа украинцев уже они стали пришлыми по отношению к коренным татарам и русским, не говоря о еще более древних насельниках полуострова. Но с тех пор прошло уже более полувека, и за это время коренными стали и украинцы. Кстати, русские и украинцы (по примеру крымских татар) также могли бы именоваться крымскими.

Надо сказать, что историческая практика не выработала четких критериев понятия «коренной народ» — ни юридических, ни нравственных. Неизвестно, сколько времени нужно прожить на конкретной земле, чтобы обрести право быть коренным: 50, 500 или 1000 лет? А как быть с отдельным человеком, который родился на этой земле, родил на ней детей и похоронил родителей? Он разве не коренной? В США, как известно, такое право обретается рождением.

Не следует особо уповать и на понятие «исконность проживания», ибо в таком случае окажется, что и сами украинцы по отношению к доброй половине современной территории Украины не «исконные». Во времена Киевской Руси граница расселения русичей на юге не выходила за линию рек Сулы на левобережье Днепра и Тясмена — на правобережье. Дальше начинались степи, где обитали печенеги, половцы, татары. Названные народы сошли с исторической арены и не могут претендовать на право коренных. А если бы история сложилась

по-другому? В XVIII–XIX веках кочевников на юге и юго-востоке нынешней Украины сменили хлебопашцы. Ими были переселенцы из глубинных регионов России и Украины. Демографическая ситуация в этом крае сегодня — результат длительного исторического развития, и определять, кто здесь более коренной, а кто менее, просто безнравственно.

Говоря об этом в статье (1995), я отметил, что не учитывать этнографическую специфику Юго-Востока Украины, что имело место уже тогда, опасно. К сожалению, к этому предостережению никто не прислушался. Народный депутат Украины М. Косив в статье, опубликованной в газете «Голос Украины» 4 октября 1995 года, счел возможным даже заявить, что менталитет русифицированной Восточной Украины является реакционным для нашего духовного возрождения. Имели место и более жесткие заявления, предлагавшие отгородить Донбасс от Украины колючей проволокой и обзывавшие его жителей ватниками и колорадами. Разумеется, такое отношение к огромному региону, к тому же индустриально наиболее развитому, ни к чему хорошему привести не могло. В конечном итоге сдетонировал гражданский конфликт, из-за неадекватной реакции официального Киева переросший в военный.

То есть на Украине случилось то, от чего предостерегал нас бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер. «Любые попытки одной части Украины взять верх над другой, — заявлял он, — приведут к гражданской войне или расколу».

Важной составляющей национальной идеи в представлении нынешних этноидеологов является государственный язык. Казалось бы, здесь нет места для конфликта. Конечно, им должен быть украинский. И не потому, что таким образом коренной этнос реализует свое преимущественное право, а потому, что это язык преобладающего большинства населения страны. Никто с этим и не спорил. Все как должное восприняли законодательное закрепление государственной статусности украинского языка. К сожалению, национал-патриотам этого оказалось мало. Отмена известного закона о языках Кивалова–Колесниченко, последовавшая после победы второго

Майдана, свидетельствовала о том, что украинский ими рассматривался не как основной язык страны, а в сущности как единственный.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понимать всю бесперспективность такой затеи. Она, по сути, конфронтационная. Ее не могли безропотно воспринять национальные меньшинства, справедливо расценившие это как угрозу своим языкам. Особенно это относится к русскоэтничной общине Украины, которая по последней переписи населения насчитывает 8,5 миллионов человек. А если учесть, что русский язык является вторым родным и для многих жителей Украины других национальностей, приведенная выше цифра его пользователей может быть по меньшей мере утроена. И это не предположение, а факт, зафиксированный в социологических опросах.

Позже, по-видимому, осознав всю деликатность языковой проблемы, с высоких правительственных трибун заговорили, что никакого притеснения русскому языку нет, и никто не запрещает на нем говорить. И это правда, никакого законодательного запрета действительно нет. Но ведь язык — это не только бытовое общение на кухне или на улице. Это еще и его изучение. Следовательно, нужны русскоязычные детские сады, школы, вузы, причем их количество должно соответствовать удельному весу проживающих на Украине этнических русских. Сегодня этого нет.

В свое время определенные политические силы предлагали повысить статус русского языка до второго государственного или официального, что фактически одно и то же. Теоретически ничего крамольного в таком предложении не было и нет. Во многих странах, в том числе европейских, в качестве государственных используются два, а то и три языка. Практически из-за родовой близости украинского и русского языков, а также из-за того, что русский более распространенный, и к тому же международный, это могло бы привести к тому, что именно он де-факто и стал бы первым. Разумеется, для этнических украинцев это неприемлемо. Но что можно и нужно было сделать, так это предоставить русскому языку статус официального в определенных регионах, где высокий процент этнических

русских. Уверен, что это уберегло бы нас от того, что случилось в Крыму и Донбассе.

К числу неверно определенных языковых приоритетов следует отнести и так называемую «украинизацию» украинского языка. Многим национал-патриотам показалось, что он слишком похож на русский, а то и вовсе русифицирован, а потому нуждается в реформировании. В качестве эталонного образца был предложен старогалицкий диалект, на котором разговаривает украинская диаспора в Канаде, США и других западных странах. Явочным порядком этот язык (хотя скорее наречие) стал утверждаться на радио и телевидении, в печатных средствах массовой информации, в книжных издательствах. Он непривычен для тех, кто воспитан на классическом украинском языке, и вызывает у них естественное отторжение. Им непонятно, во имя какой идеи следует отказываться от языка Котляревского, Шевченко, Леси Украинки, Нечуя-Левицкого, Рыльского, Стельмаха, Бажана, Гончара и многих других корифеев украинской языковой культуры.

В годы президентства В. Ющенко среди приоритетов страны, им же и определенных, было создание на Украине единой Поместной православной церкви. Будь эта задача правильно сформулирована, а ее решение продумано, она действительно могла бы стать общенациональным приоритетом. История знает примеры, когда Церковь становилась главной консолидирующей силой украинского народа. Один из них имел место во время Национально-освободительной войны 1648–1654 годов под водительством гетмана Богдана Хмельницкого. Главный ее лозунг «За веру православную!» стал знаменем борьбы с польско-католическим засильем, за сохранение и возрождение национальной и культурной идентичности малороссийского (украинского) народа.

К сожалению, в суверенное время православная церковь не стала силой, способной объединить нацию. Она сама оказалась расколотой. Этот раскол прежде всего на совести иерархов, не устоявших перед искушением собственного предстоятельства. Многим хотелось взойти на киевский митрополичий,

а то и патриарший престол, пусть даже ценой расколов. Активное содействие этому оказали, к сожалению, и политические руководители независимой Украины, явно не понимая, какую мину замедленного действия закладывают под Церковь. Отдавая предпочтение вновь образованным церквям, в первую очередь Украинской православной церкви Киевского патриархата, они открыто демонстрировали неуважительное отношение к исторической Украинской православной церкви, находящейся в молитвенном единении с Московским патриархатом. Уничижительно называли ее «так называемой украинской», «московской» или «церковью чужой страны». Даже если бы речь шла только о церковном клире, то и тогда эти определения были бы некорректными и несправедливыми. Но ведь речь еще и о многомиллионных мирянах, верующих этой Церкви. Они такие же украинские граждане, как и те, кто принадлежит к Киевскому патриархату. Оскорблять их традиционные вероисповедальные чувства не только грешно, но и преступно. Это же наши люди. И Церковь, в лоне которой они находятся, тоже наша, а не московская.

Поразительно, что такое отношение на нынешней Украине принято демонстрировать только к УПЦ МП. К другим определение «чужестранная» не применяется. Хотя куда больше это соответствовало бы Украинской грекокатолической и Римско-католической церквям, пребывающим не только в каноническом, но и в административно-управленческом единстве с папским престолом в Риме. В таком же положении находятся и многие другие христианские и нехристианские церкви Украины. Все они имеют свои сакральные и управленческие центры за рубежом.

Разумеется, положение в украинском православии не может вызывать удовлетворения. В идеале желательно было бы иметь на Украине единую Поместную православную церковь, а не три, к тому же находящиеся между собой в состоянии вражды. Вот только непонятно, как можно прийти к такому единству. Попытка президента В. Ющенко придать учреждению единой Православной церкви Украины статус государственного приоритета, не считаясь с канонами и традициями,

оказалась несостоятельной. Она не нашла понимания даже у Вселенского Константинопольского Патриарха Варфоломея I, к которому украинский президент неоднократно обращался с просьбой восстановить историческую справедливость и принять под свой омофор украинских православных. Нет сомнения, что патриарх Варфоломей разделял энтузиазм В. Ющенко, но, в отличие от него, понимал, что исполнить такую просьбу не в состоянии. Вот почему в выступлении на Софийской площади в 2008 году он так настойчиво объяснял, чем для православной церкви являются каноны, духовная идентичность, историческая память и традиции.

Более подробно эта тема освещена мной в книге «Украина в оранжевом интерьере» (2012), здесь же она приведена как пример неудачной формулировки национальной идеи. Как показывает опыт истории, не кесарево это дело — наводить порядок в Божьем доме. «Помощь» Церкви со стороны светских властей всегда приносила больше вреда, чем пользы. Это счастье, что Константинопольский Патриарх не прислушался к настойчивым мольбам украинского президента, иначе Украина получила бы еще один церковный раскол.

В дискуссиях на тему украинской национальной идеи приходится слышать, что таковой на современном этапе вполне может быть вхождение Украины в европейское содружество наций. Действительно, в годы президентства В. Ющенко, В. Януковича и в еще большей мере П. Порошенко для политической элиты Украины не было и нет более важного государственного приоритета, чем ее интеграция в ЕС и НАТО. Усилиями политических пропагандистов, равно как и национал-патриотической интеллигенции, не говоря уже о властных институтах, Европа предстает перед украинцами как некая земля обетованная, где есть все: экономический достаток, закон и порядок, свобода, демократия, социальная справедливость и прочее. «Выйдите на Крещатик, — заявляют сторонники евроинтеграции, — и спросите любого прохожего, хотел бы он жить так, как в Европе. И можете не сомневаться, ответ будет положительным». Похожий аргумент приводится и в пользу вступления Украины в НАТО: «Посмотрите, в каких ка-

зармах живут солдаты стран, входящих в альянс, и как они питаются — и у вас не будет сомнений, следует или не следует Украине быть его членом».

Для многих такая иждивенческая аргументация выглядит убедительной. Правда, как свидетельствуют социальные опросы, далеко не для всех. Около 40 % населения Украины не видит необходимости вхождения в ЕС. Ситуация для евроинтеграторов могла быть еще менее радужной, если бы они честно рассказывали о том, как живется в объединенной Европе не только ее наиболее развитым странам, но и тем, которые ранее входили в социалистическое содружество.

К примеру, Болгарии, интегрированной в ЕС в 2007 году, но так и не обретшей лучшей жизни. Более того, ее экономическое положение ухудшилось, страну поразил глубокий кризис. Его преодоление, по оценкам европейских специалистов, может занять жизнь не менее одного поколения. Почти 10 % болгар находятся на уровне «крайней нищеты», в условиях бедности проживают еще 50 %. По данным Национального института статистики Болгарии, черта бедности — 146 евро на человека. Доходы 21 % населения еще ниже.

Наверное, отношение украинцев к евроинтеграции не было бы столь радужным, если бы они задумались над тем, что еще на дальних подступах к Европе Украина фактически уже оказалась под внешним управлением. Оно осуществляется не только из евро-американского далека, но и из самой Украины, в которую массово хлынули иностранные чиновники. Здесь они заняли высокие должности губернаторов, прокуроров, руководителей служб МВД, железных дорог, советников президента. Примечательно, что эти «ловцы счастья и чинов» на Украине все сплошь «бывшие», оказавшиеся невостребованными в собственном отечестве, а некоторые и вовсе сбежавшие из них из-за судебных преследований. Разумеется, никакой надежды на то, что они принесут пользу нашему Отечеству, нет, но комфортная «пансионная» жизнь им у нас гарантирована. Недавно в печати прошло сообщение, что некий польский гражданин, ставший управляющим железными дорогами Украины, получает около 500 тысяч гривен в месяц, не считая различных

бонусных надбавок. Оклады украинских чиновников такого ранга раз в десять меньше.

Аналогичный пропагандистский обман имеет место и в отношении НАТО. Конечно, это не только благоустроенные казармы и трехразовое питание. Это еще и двухпроцентные расходы национального бюджета на военные нужды, участие в военных операциях по «принуждению народов к демократии и свободе», предоставление своей территории для размещения военных баз, закупка вооружения, производимого США и Западной Европой. В конечном итоге — превращение Украины в передовой форпост США и НАТО в противостоянии с Россией, а в случае военного конфликта — в первую мишень для ее ракет. Отвечает ли такая перспектива нашим национальным интересам и может ли она быть нашей национальной идеей? Здравый смысл подсказывает, что нет, хотя бывший генсек НАТО Расмуссен, ставший теперь советником президента Порошенко, убеждает его в обратном.

Из приведенного выше неполного перечня государственных приоритетов видно, что ни один из них не мог стать национальной идеей Украины, поскольку не отвечал потребностям гражданского мира и согласия. Национальная идея — это не красивый лозунг какой-либо партии, группы интеллектуалов или политических деятелей. Она не существует сама по себе, без осознания и поддержки обществом — не отдельными этническими общностями или политическими и культурными элитами, а большинством граждан страны.

В свое время, ссылаясь на известного ученого-медика, академика НАН Украины Ю. И. Кундиева, я высказал предположение, что главным государственным приоритетом должна стать забота о сохранении генофонда украинской нации. К сожалению, оно прошло незамеченным, и эта важнейшая задача так и не была осознана на общенациональном уровне. Политические кланы, поочередно рвавшиеся к власти и устраивавшие революции, меньше всего задумывались над демографическими потерями Украины. Их больше интересовали европейская и евро-атлантическая интеграция, изменение традиционных экономических связей Украины, переписы-

вание исторического прошлого, декретное утверждение роли украинского языка, так называемое государственное строительство и т. д. Но ведь народ связывал с независимостью Украины прежде всего надежды на лучшую жизнь. К сожалению, этого не случилось. Ожидания оказались обманутыми. Лучше стала жить только национальная политическая элита, но не народ. Следовательно, главная цель независимости — сделать весь народ богатым и счастливым — не достигнута. Можно сказать, что Украина как социально обустроенное государство (что записано в ее Конституции) не состоялась. И не состоится, если власти предержащие не осознают, что главным приоритетом должна быть забота о своих согражданах. Убежден, что такую национальную идею поддержит все украинское общество. Это, кстати, самый надежный и короткий путь к его консолидации.

2. СВОБОДА И ПАТРИОТИЗМ ПО-УКРАИНСКИ

После развала Советского Союза и обретения Украиной государственной независимости казалось, что теперь мы заживем свободной жизнью. Новые идеологи принялись вовсю убеждать, что до сих пор украинцы находились в неволе, а их ментальности были совершенно чужды российский абсолютизм и советский тоталитаризм. Мы — нация, от природы демократическая и свободолюбивая. В качестве примера приводилась Запорожская Сечь, где господствовал дух народоправства и побратимства. Разумеется, были и отступления от названных ценностей, но лишь потому, что украинцы вынуждены были следовать чужой воле.

К сожалению, двадцать пять лет суверенного развития не подтвердили столь идеализированного представления об украинской ментальности. В ней не все так однозначно благостно. Присутствует, в частности, такая черта, как «патриотическая бдительность», или обыкновенное доносительство. Для некоторых групп украинских граждан это малодостойное занятие превратилось чуть ли не в профессию.

Причем черта эта водилась за нами и в советское время, когда сосед доносил на соседа, а сотрудник — на сотрудника, что тот что-то не то сказал о советской власти или припрятал от нее мешок зерна. Не исчезла, к сожалению, она и в наше время, когда некоторые «патриоты» через газету призывают власти разобраться с тем или иным гражданином или самолично вершат свой «патриотический» суд. При этом, видимо, полагают, что обретенная ими на Майдане свобода дает им на это право.

Однако то, что они принимают за свободу, в действительности ничего общего с ней не имеет. Это атаманщина Гуляйполя, которая из-за слабости власти не может быть введена в рамки цивилизованного и правового общежития. Известно же, что свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого. Если этого правила не придерживаться, обессмысливается само содержание свободы: она превращается в свою противоположность. Что, к сожалению, мы и наблюдаем в нашей суверенной стране.

О свободе

Размышления о свободе — своеобразная реакция на многократно слышимые на независимой Украине проклятия в адрес нашего несвободного прошлого, далекого и близкого. Особенно советского, которое ныне подвергнуто тотальному поруганию. Я не стану заниматься его апологетикой. Скажу только, что оно не было столь безрадостно темным, как его пытаются представить новые украинские этноидеологи. Известно же, что к независимости Украина пришла одной из наиболее развитых стран Европы. И одной из наибольших по территории и населению.

Здесь мне хотелось бы поговорить о самих порицателях прошлого, утверждающих, что в советское время Украина была колонией России и не знала свободы. Если присмотреться к ним внимательно, то окажется, что это не только, а может, и не столько те, кто испытал на себе тяготы советской несвободы, сколько те, кто был вполне доволен жизнью в «тоталитарном» прошлом и немерено обласкан орденами и лауреатскими

званиями. Это видные представители партийной номенклатуры, а также творческой интеллигенции, которые только после распада СССР вдруг поняли, что в прошлом у них не было свободы.

Их оказалось неожиданно много. Для примера назову двух секретарей ЦК: Коммунистической партии Украины Л. М. Кравчука и ВЛКСМ А. С. Матвиенко. Казалось бы, уж они-то до последнего вздоха должны были защищать то, чему поклонялись многие десятилетия сами и заставляли делать это других. Да и получили от него неизмеримо больше, чем их сограждане. Именно они являлись олицетворением советской системы. Первый более 20 лет проработал в ЦК Компартии Украины, прошел путь от заместителя отдела агитации и пропаганды до второго секретаря ЦК, второй — от секретаря райкома комсомола до первого секретаря ЦК ВЛКСМ, члена ЦК Компартии Украины. Не знаю, как осуществлял свою идеологическую миссию молодой комсомольский вожак, а вот верность коммунистическим идеалам партии Л. Кравчука я имел возможность наблюдать не раз. В том числе на личном опыте. Когда в 1989 году мне было предложено возглавить Украинское общество охраны памятников истории и культуры, я должен был пройти собеседование с заведующим отделом ЦК КПУ Л. Кравчуком. Его напутствие было вполне доброжелательным, но подчеркнуто партийно-назидательным. И это за два года до развала Советского Союза. Кстати, именно в это время партийная карьера Леонида Макаровича пережила стремительный взлет. В конце 1989 года он стал секретарем ЦК КПУ, в 1990–1991 годах — членом ЦК КПСС и членом Политбюро КПУ.

В принципе в преображении партийных и комсомольских номенклатурщиков не было бы ничего предосудительного, если бы они, осознав ложность идеалов прошлого, признали собственные грехи. А еще покаялись за них и тихонько отошли в сторону. Но этого не случилось. Стряхнув с себя груз недавних заблуждений, как дорожную пыль с платья, они ловко пристроились в авангард глашатаев новой жизни. И так быстро вошли в эту роль, будто всю жизнь только тем и занимались,

что звали народ сбросить ненавистные оковы социализма. Народу бы взять да спросить: «Чего же это вы, господа, бывшие товарищи, так упоительно расхваливаете новый путь? Не вы ли еще совсем недавно вели нас в противоположном направлении? Так же горячо уверяли, что идем правильной дорогой. И так же сурово клеймили инакомыслящих, нередко обрекая их на длительные (иногда и невозвратные) командировки в места не столь отдаленные».

К сожалению, народ таких вопросов не задает. То ли забыл об их прошлом, то ли простил своих заблудших учителей. Наверное, действительно простил. Раньше мне казалось, что при всем том он не готов признать их верительные грамоты во второй раз. Жизнь показала, что я был неправ. Слишком уж много «бывших» оказалось в независимой Украине на ведущих ролях. Л. Кравчук стал председателем Верховной рады, а затем и президентом Украины, а А. Матвиенко — губернатором Винницкой области, руководителем Крымской Автономной Республики и несменяемым депутатом Верховной рады Украины. Поразительно, но именно Л. Кравчук, бывший вплоть до 1991 года верным ленинцем, буквально через два года отрекся от своего идеологического прошлого и инициировал запрет Коммунистической партии Украины.

Перечень «беспредельно преданных старой и новой системе», согласно образному выражению Б. И. Олийныка, не ограничивается названными фамилиями. Он бесконечно длинный. В нем также А. Турчинов, оказавшийся после Майдана-2 на самом верху властной пирамиды суверенной Украины. Трудно сказать, удалась бы ему столь блестящая государственная карьера, не развались Советский Союз, но ее горизонты уже тогда были достаточно определенными. На втором курсе института он был премирован поездкой в составе делегации ЦК ВЛКСМ в Индию и Цейлон. В 1987–1990 годах работал секретарем райкома комсомола и заведующим отделом агитации и пропаганды Днепропетровского обкома комсомола. Поразительно, что, имея такое комсомольско-партийное прошлое, именно Александр Валентинович стал главным инициатором запрета на Украине коммунистической партии.

Надо сказать, что удивительная приспосабливаемость чиновно-административного сообщества к меняющимся условиям жизни (вчера — коммунисты, а сегодня — националисты) — явление хотя и безнравственное, но достаточно распространенное. У этих людей в большинстве своем нет собственных убеждений, а следовательно, нет и внутренней свободы. Спросите любого из «прозревших» партийных и комсомольских деятелей, почему он поступал не в согласии с совестью, и получите ответ, что тогда были такие жесткие порядки. Но лично он всегда осознавал неизбежность крушения Советского Союза и мечтал о независимой Украине. Некоторые из старших по возрасту начали распространять слухи, что носили в лес бандеровцам съестные припасы. О голоде 1932–1933 годов ничего не знали. Разумеется, все это досужие разговоры. Были верными ленинцами, служили системе, выслуживались перед начальством. И не развались Советский Союз, продолжали бы свои административно-чиновничьи карьеры, продвигались по службе аж до ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ, не задумываясь о том, что в стране нет свободы и демократии.

К сожалению, не более нравственной в целом оказалась и элита творческая, которую принято считать совестью народа. Столь высокой аттестации соответствуют далеко не все ее представители. Многие согласны служить тому или иному режиму не потому, что их к этому принуждают, а потому, что сами того очень хотят. Ведь не обязательно славить. В то время как одни безудержно восхваляли советскую власть, другие были более сдержанны в выражении своих эмоций. А третьи и вовсе помалкивали. Власть могла вынудить замолчать критически настроенного к ней писателя и даже посадить его в тюрьму, но не могла заставить его петь ей осанну. Выбор идеологии творчества оставался за ним. Мог писать приключенческие романы, лирические стихи, прозу, исторические повести. Мог писать для будущих поколений и не выставлять на суд современников. Наконец, мог вообще не писать. Все это было его суверенным правом, и ссылки на то, что партийные чиновники диктовали свои условия, не являются оправданием. Нельзя творить по принуждению. По принуждению можно не творить.

Когда многие из неожиданно «прозревших» ссылаются на сложные обстоятельства и отсутствие в советское время свободы творчества, они, как правило, имеют в виду свободу, дозволенную сверху. Но для истинно творческой личности, имеющей свои убеждения, такая свобода не имеет определяющего значения. Ее наличие или отсутствие может облегчить творчество или усложнить. Главной и единственной свободой всегда является внутренняя — та, которая позволила Т. Шевченко сделать признание: «Караюсь, мучусь, але не каюсь», а А. Пушкину заявить: «В мой жестокий век восславил я Свободу / И милость к падшим призывал».

Философ И. Ильин утверждал, что человек, лишенный чувства внутренней свободы, не может быть творцом. Отечественная действительность не подтверждает его бесспорность. Пример большинства украинских писателей и поэтов советского времени с ним и вовсе не согласуется. Творили же, и неплохо.

Как Д. Павлычко, у которого все лучшее, что он написал, относится к периоду советской несвободы. Многие его стихи откровенно апологетические, отражающие безмерную благодарность автора «братам з-поза Збруча» за то, что ему, сыну простого лесоруба из Карпат, «всміхнулась доля люба, у сяйві Кремлівських зір». Прославлял Москву «за свободоносну вроду» и «волю українського народу», воспевал В. Ленина, в котором «всей своей плотью и кровью Правду великую мы обрели». Призывал верить, что «Ленин — будущее земли», «подобный солнцу», и стоять на этом следует «неколебимо». Клеймил бандеровскую диаспору, свившую за океаном враждебное Украине гнездо и собиравшую из «шматків тризуб, розбитий об гранітну нашу дружбу».

Это после обретения независимости Д. Павлычко стал утверждать, что он бандеровец и будто бы даже служил в их отряде. В предисловии к трехтомнику собрания его сочинений, вышедшему в 1980-е годы, сказано (несомненно, с его слов), что слухи о связях поэта с бандеровцами — не что иное, как наветы недругов. Сам Дмитрий Васильевич называл их «злісними наклепами» и даже угрожал привлечь распространите-

лей к ответственности. Судя по тому, что ему удалось сделать в советское время головокружительную общественно-политическую карьеру, его заверения в идеологической непорочности были тогда безоговорочно приняты. В течение многих десятилетий он был не только комсомольско-партийным поэтом, но также общественным и государственным деятелем. Избирался членом ЦК ВЛКСМ, депутатом Верховных советов СССР и Украинской ССР.

Признаюсь, услышав от Д. Павлычко признание в бандеровском прошлом, я не поверил в его правдивость. Принял за поэтический образ. Но случайно наткнулся на статью его школьного товарища М. Ковальчука в газете «Советский пограничник» от 22 февраля 1991 года, в котором тот приводит свидетельства в пользу нынешних показаний Д. Павлычко. Оказывается, связи «з бандеровскою зграєю» будущий трубадур советской системы таки поддерживал в 1948 году. Тогда же он отказался вступать в ЛКСМ, заявив, что теперь делать этого не станет, а дальше видно будет.

Феномен Д. Павлычко не поддается здравому объяснению. Нормальному человеку невозможно представить, чтобы кто-то несколько десятилетий восхвалял советскую власть, сочинял в ее честь хвалебные оды и при этом был ее тайным врагом. Но получается именно так. Когда он ныне заявляет, что «російська мова була мовою окупантів», а Россия триста лет топтала и унижала наших украинцев, это не какое-то чудесное прозрение, посетившее его на старости лет, но мировоззренческая позиция, обретенная еще в бандеровском схроне.

Мне искренне жаль Дмитрия Васильевича. Получается, он отрекся от самого себя. Ведь все лучшее, что ему удалось в поэзии, он создал в советское время. В его творчестве того периода не было даже и полунамека на отсутствие в стране свободы. Сейчас он утверждает, что это «тому що над нами стояли». Но звучит это неубедительно, фальшиво, особенно если учесть, что и сам он принадлежал к тем, кто стоял над другими.

Не знаю, понимает ли Д. Павлычко, что своим отречением от прошлой жизни он одновременно отрекся и от миллионов своих почитателей, которых имел на Советской Украине.

Да что там отрекся — просто предал их светлую веру в искренность его стихов. Все они оказались жестоко обманутыми. В их числе — и автор этих строк.

Д. Павлычко, может быть, наиболее показательный пример идеологического преображения, но далеко не единственный. Так поступили многие мастера «красного письменства». Определенно, ближе всех к нему находится В. Яворивский. Он стал известен благодаря повести «Вічні Картеліси», в которой воскресил трагедию волынского села Картелисы, чьи жители были уничтожены бандеровцами (которых он называет янычарами, вонзившими нож в спину украинского народа). В работе над повестью В. Яворивский пользовался поддержкой отдела агитации и пропаганды ЦК Компартии Украины и Волынского обкома КПУ, благодаря чему ему открыли все архивы. Повесть была удостоена премии Ленинского комсомола. Крепко досталось от писателя бандеровцам и в его статье «Янычары», где он развенчал одного из главных деятелей националистического движения на Западной Украине Я. Стецько.

Поразительно, но свое верноподданничество В. Яворивский демонстрировал и тогда, когда для большинства мыслящих и порядочных людей это было уже неприемлемо. Вспоминаются его очерк «Право собственного имени», в котором воспет В. Ленин, а также пафосные статьи о книгах генерального секретаря ЦК КПСС Л. Брежнева «Малая земля» и «Целина». Последние были не только восторженно оценены писателем, но еще и рекомендованы как настольные книги для каждого украинского интеллектуала.

После того как Украина стала независимой, В. Яворивский проклял советское прошлое и превратился в истового национал-патриота. Нормальному человеку просто невозможно понять, как все это может совмещаться. Причем писатель не явился с повинной к своему народу, не попросил прощения за прошлые грехи, но, как ни в чем не бывало, вновь занял место его учителя.

К моему и, думаю, многих украинских читателей сожалению, не избежал соблазна идеологического преображения и такой выдающийся писатель, как О. Гончар. Припоминает-

ся давний разговор с замечательным украинским драматургом А. Коломийцем, с которым у меня сложились доверительные отношения. В нем он рассказал о телефонном звонке О. Гончара, который сообщил ему о выходе из партии. Мудрый Алексей Федотович на это заметил: «Ти, Олесь, вийшов із партії, а як вийдуть із неї твої „Прапороносці“?»

От себя добавлю, что это относится не только к роману «Прапороносці», но и ко всему творчеству О. Гончара советского времени. На его художественной прозе, как и на поэзии Д. Павлычко, выросло не одно поколение советских украинцев. Да и сам писатель был плоть от плоти той системы. Входил в ее наивысшие представительские органы: в ЦК Компартии Украины, Верховные советы Украинской ССР и Советского Союза, возглавлял Совет мира, Союз писателей Украины и пр. Его творчество было отмечено государственными премиями, а сам он — многими орденами Ленина. И, разумеется, нет оснований утверждать, что писатель не был в то время самим собой, что творил не согласно с убеждениями и внутренней свободой, а по принуждению.

К чести О. Гончара, его идеологическое преображение не было столь публично-театральным, как у Д. Павлычко, В. Яворивского, П. Мовчана, О. Танюка и многих других украинских интеллектуалов, обретших известность в советское время. Это было скорее внутреннее преображение, не предполагавшее полного отречения от прошлого и бездумного принятия нового. Его, в частности, очень тревожила идеализация Галичины как чуть ли не главного оплота украинской идентичности. В беседе с Б. Патоном и мной, пришедшими поздравить его с 76-летием, он неоднократно подчеркивал, что Украина — это также Харьковщина, Днепропетровщина, Полтавщина и другие регионы, и нет нужды вычислять, который из них имеет большие заслуги в сохранении национально-культурной идентичности. «Надо не противопоставлять их один другому, — утверждал писатель, — а объединять, подчеркивать их историческую общность».

С сожалением могу констатировать, что синдром преображения не обошел стороной и такое, казалось бы, консервативное

научно-творческое сообщество, как Национальная академия наук Украины. Многие мои коллеги-гуманитарии, в том числе те, которые были историками Коммунистической партии, научными атеистами, неожиданно превратились в борцов с ненавистным социалистическим прошлым. Не знай мы их, можно было бы подумать, что они занимались этим последовательно всю свою творческую жизнь. Смыслом жизни некоторых из них, таких как доктор исторических наук С. В. Кульчицкий, стало драматическое отречение от всего написанного в годы советской власти.

Нередки случаи и самогероизации, поиска в своей биографии случаев несогласия с партийно-номенклатурной системой, попыток причислить себя к диссидентству задним числом. Приведу здесь одно, сравнительно недавнее признание моего академического коллеги о его «бандеровском» прошлом. Оказывается, он тоже носил им еду в лес. Зная его возраст, я выразил сомнение в достоверности сказанного. «Ты не одинок в своем неверии, — ответил он, — но так и вправду было». Позже, приняв во внимание тот факт, что бандеровское движение имело место еще и в начале 1950-х годов, я вполне мог представить мальчишку 8–10 лет, несущего в лес корзину с продуктами. И, наверное, таких мальчишек было немало, учитывая, что в лесах находились их односельчане и родственники. В продолжение разговора с коллегой, чтоб хоть как-то загладить неловкость от моего скептицизма, я добавил, что если бы он рассказал об этом, когда вступал в Коммунистическую партию, ему бы обязательно поверили.

Справедливости ради следует признать, что искушению отречения от собственного прошлого поддались на Украине не все — как в среде партийно-государственных деятелей, так и в мире людей творческих, писателей и ученых. Примеру Л. Кравчука, насколько я могу судить, не последовали С. Гуренко, Я. Погребняк, И. Гринцов — бывшие секретари ЦК КПУ; П. Тронько — многолетний заместитель председателя Совета Министров УССР; Г. Крючков — работник ЦК КПСС и ЦК КПУ, секретарь обкома партии; В. Мысниченко, Е. Мармазов, В. Матвеев — первые секретари обкомов партии;

П. Симоненко и А. Мартынюк — секретари горкомов партии. Не у всех достало сил, чтобы защищать свое и страны социалистическое прошлое, но хватило нравственности и совести не отречься от него и не проклясть.

Из названных партийных деятелей мне хотелось бы выделить Г. Крючкова, который занял активную позицию в оценке всего того, что было сделано за годы советской власти. Она не догматически ортодоксальная, отрицающая какие бы то ни было ошибки на социалистическом пути, скорее научно-аналитическая, исследующая как достижения, так и потери того времени. У него были убеждения в прошлом, есть и сегодня, другими словами, есть внутренняя свобода. Он единственный из нескольких сотен партактивистов, собравшихся в ЦК КПУ на встречу с генеральным секретарем ЦК КПСС М. Горбачевым, усомнился в разумности его перестроечных предложений. Выступая в прениях, обратился к генсеку с прямым вопросом: «Скажите, куда Вы нас ведете?» Такие неудобные вопросы Г. Крючков задавал и руководителям независимой Украины как с высокой трибуны Верховной рады, так и в своих социально-политических статьях и книгах. И никогда не испрашивал на них разрешения, поскольку всегда имел собственную гражданскую позицию.

Его авторству принадлежат десятки книг, содержащих размышления о прошлом и будущем Украины. Наиболее полно они представлены в книгах «Лестница, полная заноз» и «Тревожный зов». В первой он подытожил свой опыт в строительстве социализма, не избегая самокритичного взгляда и анализа ошибок в практической реализации, во второй подверг обоснованной критике новый выбор Украины, связанный с евроинтеграцией и отрицающий весь предшествующий исторический опыт.

Из тех представителей творческой интеллигенции, кто не предал свох убеждений, следует назвать двух выдающихся писателей Украины: поэта, общественного и государственного деятеля, академика НАН Украины Б. И. Олийныка и прозаика А. А. Сизоненко. Приняв всем сердцем независимость своей страны, они не отреклись от ее истории, от деяний своих

отцов и дедов, от нашего корневого восточнославянского единства. Можно утверждать, что они остались пленниками несвободы советского времени, что многими «прозревшими» и делается, а можно и понять, что это их нравственный императив, не позволяющий менять свои убеждения в зависимости от политической конъюнктуры. Разумеется, занимать такую позицию могут только масштабные личности, наделенные чувством собственного достоинства и внутренней свободой. Это тем более верно, если учесть, что на независимой Украине коммунистическая идеология запрещена на законодательном уровне, а восточнославянскому единству противопоставлено братание с цивилизованной Европой.

В научной среде я бы выделил крупного ученого-медика, члена-корреспондента Национальной академии наук Украины, академика Национальной академии медицинских наук Украины И. М. Трахтенберга, а также известного архитектора, профессора, академика Украинской национальной академии искусств Л. П. Скорик. Яркие публицистические статьи в защиту медицинской науки и здравоохранения, с которыми постоянно выступает И. Трахтенберг, неизменно наполнены тревогами за их деградацию на независимой Украине, призывами не разрушать в стране профилактическую медицину и не лишать граждан доступа к лекарствам из-за их дороговизны. Он неоднократно предупреждал украинские власти о пагубности немыслимой чехарды с назначениями министров здравоохранения, которых за годы независимости было около двадцати, причем некоторые не имели даже профильного образования. Обсуждая происходящее в украинском здравоохранении с коллегами, членами творческого клуба имени известного ученого-геронтолога, академика Национальной академии наук Украины В. В. Фролькиса, он неизменно повторяет: «Не надо молчать!» В книге «Бабин яр» отчетливо прослеживается тревога умудренного жизненным опытом академика за день сегодняшний, «когда вновь и вновь возникает черно-коричневый призрак, возникает реально и осязаемо»[1]. Конечно, столь высокая гражданственность И. Трахтенберга покоится на прочном фундаменте его внутренней свободы.

[1] *Трахтенберг И. М.* Бабин яр. Минуле і сьогодення. КиЇв, 2016. С. 24.

Необычайно сильным чувством внутренней свободы обладает Л. П. Скорик. В советское время она выступала одним из организаторов «Народного руху», а с наступлением независимости, убедившись в ложности идеалов у большинства его руководителей, решительно порвала с ним. Одна из немногих достаточно критично отнеслась к нашим так называемым революциям, однозначно оценивая их как схватки за власть между олигархическими кланами. По мнению Ларисы Павловны, совершенно ошибочной является тенденция распространения культурно-исторических ценностей одного региона (западноукраинского) на всю Украину. Это не помогает консолидации нации, но препятствует ей. Неоднократно Л. Скорик высказывалась по поводу непрофессионализма украинских властей. Ее статьи и интервью характеризуются четкостью формулировок и ясностью авторской позиции. В наше время такое может позволить себе только личность, обладающая собственными убеждениями и чувством внутренней свободы.

Наверное, позиция Г. Крючкова, Б. Олийныка, А. Сизоненко, И. Трахтенберга, Л. Скорик и им подобных не отражает мнения большинства украинцев. Но в этом нет ничего необычного. Так было всегда и везде. Недаром же родилась пословица «нет пророка в своем отечестве». Как правило, они появляются постфактум, когда их пророчества становятся реальностью для новых поколений. Тогда они обретают почет и уважение, о которых при жизни не могли и мечтать.

Примеров этому множество, в том числе в нашей украинской истории. Наиболее близкий — диссидентское движение 1960–1970-х годов, осужденное властями при едва ли не всеобщем «одобрямсе» широкой общественности. Многие украинские интеллектуалы, как, например, О. Бердник, В. Стус, В. Чорновил, Л. Лукьяненко, А. Марченко, С. Сверстюк и другие, получили длительные сроки тюремного и лагерного заключения только за то, что подвергли сомнению существующий правопорядок, не соответствовавший гуманистическим идеалам социализма. Были, как принято говорить, лишены свободы. Но только внешней. Внутренняя, основанная на убеждениях, осталась с ними и в мордовских лагерях. Запретить ее было

невозможно. Прошло сравнительно немного времени, и оказалось, что правы были они, а не те, кто их судил. Чем не пример для нынешних правителей?

Пожалуй, наибольшую обеспокоенность диссидентского движения вызывала русификация Украины. Эту болезненную для украинских интеллектуалов проблему обстоятельно изложил в своей работе «Інтернаціоналізм чи русифікація?» И. М. Дзюба. Компартийные руководители Украины отнеслись к ней совершенно неадекватно — как к посягательству на государственные устои. Так ее оценивает и нынешнее национал-патриотическое мнение. В действительности она не была столь радикальной. Иван Михайлович говорил в ней не о принципиальной порочности советской власти или коммунистических идеалов, а только о том, что на каком-то этапе были преданы забвению ленинские принципы национальной политики, его предостережение о том, что русификация представляет опасность для социалистического строительства. Причем русификаторами, как это следует из работы И. Дзюбы, выступали не столько центральные московские власти, сколько киевские. Говоря о композиторе Л. Грабовском, он недоумевал, почему тот не может добиться исполнения своих произведений на Украине, тогда как их охотно исполняют в Москве и Ленинграде. Приводил также пример О. Танюка, который под давлением киевских властей вынужден был переехать в Москву, где его «приглашали лучшие театры».

Конечно, процессы русификации на Украине 1960–1970-х годов имели место. Но они были скорее стихийными, чем административными. Русский язык как государственный и язык межнационального общения постепенно становился языком украинских компартийных и советских чиновников. И, разумеется, прав был И. Дзюба, когда утверждал, что это содействовало предпочтению русского и в других сферах жизни. Тем не менее ситуация с русификацией не была столь драматичной, как ее пытался изобразить автор. В сфере науки, с которой я знаком лучше, ее и вовсе не было. Практически все монографии и сборники статей издавались на украинском языке. Это было требованием соответствующих госиздатовских учрежде-

ний. Помню, как нам приходилось переводить на украинский работы наших крымских коллег.

Совершенно несправедливыми были и утверждения И. Дзюбы о низком уровне украинской литературы, упадке театра, отсутствии своего кинематографа. Если бы перечисленные отрасли культуры независимой Украины находились на том уровне, которого они достигли в 1960–1980-е годы на Украине советской, мы вполне могли бы этим гордиться. Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать только некоторые имена того времени. В литературе — М. Рыльского, М. Стельмаха, О. Гончара, А. Коломийца, П. Загребельного, В. Собко, П. Воронько, О. Леваду, Д. Павлычко, Б. Олийныка, В. Симоненко. В украинском театре — Н. Ужвий, П. Нятко, Д. Милютенко, Е. Пономаренко, Н. Яковченко, А. Гашинского. В кинематографе — С. Параджанова, Ю. Ильенко, Л. Осыку, М. Мащенко, К. Степанкова, Л. Быкова, Т. Левчука. В оперном искусстве — Б. Гмырю, Е. Мирошниченко, Б. Руденко, Д. Гнатюка, А. Соловьяненко, Ю. Гуляева, Е. Червонюка, Н. Огренича и др.

Если быть честными и не заниматься очернением прошлого задним числом, следует признать, что именно 1960–1980-е годы были для Украины временем наивысшего подъема. По мнению экономических аналитиков, перед развалом Советского Союза она находилась на уровне наиболее развитых европейских стран. За этот период ее население увеличилось на 9 миллионов человек и достигло 52 миллионов, что свидетельствовало о весьма высоких стандартах в социальной сфере страны. Вполне сбалансированной была и межнациональная политика. Соотношение украинских и русских учебных заведений было 60 на 40 %, что в целом отвечало численности двух основных этносов на Украине.

Говоря об этом, было бы несправедливо не вспомнить добрым словом тогдашнего руководителя Украины В. В. Щербицкого, более двадцати лет занимавшего должности председателя Совета министров и первого секретаря ЦК КП Украины. Его вклад в развитие республики был огромным, в том числе благодаря его высокому общесоюзному авторитету. Негласно он был вторым человеком в партийной и государственной иерархии Советского Союза.

Насколько я могу судить, В. В. Щербицкий был человеком широких и разнообразных интересов. Живо интересовался историей и, что особенно приятно автору этих строк, археологией. Это благодаря ему талантливый украинский археолог и поэт Б. Н. Мозолевский после своих замечательных «курганных» открытий получил академическое повышение и жилье. Живо мое воспоминание и о том, как Владимир Васильевич вместе со всем Политбюро и Советом министров осматривал деревянные срубы X–XII веков на Подоле. Ничего подобного невозможно представить себе сегодня. Ему принадлежало последнее слово в дискуссии о возрасте Киева и времени празднования его юбилея. Не будучи убежден в том, что наш город действительно возник 1500 лет назад, он тем не менее согласился с этой датой. «Если наши потомки определят другое время основания Киева, — говорил Владимир Васильевич, — они отметят юбилей еще раз».

Готовя рукопись к печати, я неожиданно сделал небольшое открытие, которое окончательно разрушило мое представление о том, что наши диссиденты 1970–1980-х годов являлись непримиримыми борцами с коммунистической системой и партийной номенклатурой, ее олицетворявшей. Определенно не был таким И. М. Дзюба, который чуть ли не канонизирован национал-патриотическим общественным мнением в качестве апостола нашей независимости. Оказывается, еще в 1980-е годы он заявлял, что отдает все свои силы делу коммунизма. Заверение это находится в дарственной надписи на книге «Вітчизна у нас одна», преподнесенной В. В. Щербицкому. Приведу ее на языке оригинала, чтобы, не дай бог, не исказить стиль и содержание.

«Володимиру Васильовичу Щербицькому цю невеличку книжечку з почуттям глибокої поваги та великої вдячності дарує автор, який завжди пам'ятає і пам'ятатиме, чим Вам, дорогий Володимире Васильовичу, зобов'язаний; автор, який добре відчуває свої борги і свій обов'язок усі сили, хай і скромні, сповна віддати українській радянській літературі, справі комунізму».

Возвращаясь к утверждению И. М. Дзюбы о русификации, необходимо признать, что она действительно имела ме-

сто, но распространялась не столько под давлением московских властей, сколько вследствие свободного выбора самих украинцев. Это после, когда пришла независимость, многие утверждали, что им не разрешали говорить и учиться на украинском. Тогда же они стремились отдать своих детей в русскоязычные школы, полагая, что тем самым обеспечивают им лучшие перспективы. После обретения независимости определилась обратная тенденция. Родители стали чаще отдавать детей в украиноязычные школы, все так же руководствуясь осознанной необходимостью. Теперь украинский язык стал гарантом более успешного карьерного роста. Правда, после резкого сокращения русскоязычных школ у граждан Украины не осталось и выбора.

Что касается ссылок на то, что нас вынуждали учиться в русскоязычных школах, это абсолютная неправда. Никаких циркуляров на этот счет тогда не было. Это попытки оправдать свое прежнее поведение. У меня не было предубеждения к русскому языку. И тем не менее мои дети окончили украиноязычные школы.

Аналогичная ситуация имела место и в делах издательских. Приведу здесь пример из жизни Института археологии Академии наук Украинской ССР. Когда была завершена многолетняя тема «Славяне Юго-Восточной Европы» и встал вопрос об издании монографии, ее руководитель и главный редактор, доктор исторических наук В. Баран настоял, чтобы она увидела свет на русском языке, полагая, и надо сказать, справедливо, что это обеспечит работе более широкую известность. Казалось бы, столь прагматичный языковый подход названного сотрудника должен был сохраниться и впоследствии. Но этого не случилось, после обретения Украиной независимости он потребовал перевести на украинский язык уже подготовленную к печати на русском книгу об исследовании немецкими и украинскими археологами западнославянского городища «Старигард», что на севере Германии. Здесь его уже волновала не востребованность исследования, а наше соответствие новой языковой политике.

По существу, не стало принципиально иным отношение к свободе и на независимой Украине. Об ее отсутствии

в большей мере говорят политики и журналисты, которые в силу различных обстоятельств выпали из правящей обоймы и хотели бы вернуть свои прежние позиции. Причем говорят, как правило, тогда, когда тот или иной президент попадает в немилость к так называемому цивилизованному Западу. Достаточно вспомнить демонизацию Л. Кучмы в последний год его второго президентского срока. Каких только негативных эпитетов он тогда не удостоился. Больше всего ему доставалось за то, что он задушил на Украине свободу слова. Эта «благая весть» пришла к нам с Запада, который отвел украинскому президенту шестое место среди мировых душителей свободы. Активно она была подхвачена и на Украине. Развернули даже общественное движение «Украина без Кучмы», вылившееся в так называемую «оранжевую революцию» конца 2004 — начала 2005 года.

На трибуне майдана Незалежности В. Ющенко, вскоре ставший президентом, произнес сакраментальную фразу: «Нарешті ми стали вільними». Она с энтузиазмом была встречена экзальтированной майданной толпой, хотя, если бы та была способна размышлять, должна была бы задаться простым вопросом: «Кто это — мы?» Люди, стоявшие на Майдане или на его трибуне? Но ведь на ней дневали и ночевали сплошь соратники и выдвиженцы президента Л. Кучмы. Тот же В. Ющенко, многолетний председатель Национального банка и премьер-министр, Ю. Тимошенко, занимавшая в 1999–2001 годах пост вице-премьера, А. Мороз, экс-председатель Верховной рады, А. Матвиенко, экс-губернатор Винницкой области и другие, выражаясь фигурально, «птенцы гнезда Леонидова». Поразительно, что к майданному протесту счел необходимым присоединиться и Д. Павлычко, получивший незадолго перед этим от президента Л. Кучмы звание «Герой Украины» с орденом «Золотая Звезда» и служивший при нем послом в Польше. Какой свободы не хватало названным политическим и государственным деятелям и почему они решили, что сами не повинны в ее отсутствии — одному Богу известно. А ведь еще совсем недавно В. Ющенко, будучи премьер-министром, и И. Плющ, занимавший должность председателя Верховной рады, подписали

обращение к украинскому народу, в котором назвали участников «Фронта національного порятунку», выступавшего под лозунгом «Украина без Кучмы», фашистами.

В целом ситуация на Украине повторилась при президенте В. Януковиче. Отложив подписание соглашения об ассоциации Украины с Европейским союзом, он в одночасье превратился в душителя свободы и демократии. И опять внутренние оппозиционеры получили мощную поддержку Запада. На трибуне Майдана-2 побывали десятки его политических и государственных деятелей, и все призывали украинский народ бороться за свою свободу, определенно понимая ее как безальтернативный выбор в пользу евроинтеграции и разрыва с Россией. Фактически Европа и США, считающиеся оплотом демократии, не оставили Украине ни единого шанса на свободное волеизъявление: только в Европу — и никуда более. Осторожные предположения, что европейскую интеграцию можно сочетать с интеграцией евразийской, решительно отметались. Появился даже крылатый тезис, что Украина двух интеграций не выдержит.

Надо сказать, что майданный президиум на этот раз не был столь монолитно номенклатурным, как во времена президента Л. Кучмы, но также состоял в основном из «бывших». А если учесть, что главными действующими лицами на нем были П. Порошенко, служивший министром в правительстве президента В. Януковича, а также А. Яценюк, заместитель председателя Национального банка, то аналогия с событиями 2004–2005 годов не покажется слишком искусственной. Через непродолжительное время они заняли должности президента и премьер-министра Украины, и стало ясно, какой свободы им не хватало раньше.

Здесь мне хотелось бы сделать небольшое отступление и проиллюстрировать отношение к свободе нашей интеллектуальной элиты во времена президента В. Януковича. Как известно, при нем в 2010 году была создана «Гуманитарная рада», куда вошли представители научной и творческой интеллигенции, известные политологи и журналисты. После двух или трех заседаний я убедился в бесполезности своего

участия в этом совете, написал открытое письмо на имя президента и вышел из совета. Никакого пиара не делал, разве что продублировал свое заявление на сайте Института археологии НАН Украины.

Відкритий лист Директора Інституту археології НАН України П. П. Толочко до Президента України Януковича В. Ф.

21.06.2010 р. я звернувся до Президента України з проханням вивести мене зі складу «Громадської гуманітарної ради». Виклав і причини, які змусили мене до такого кроку. Минуло понад півмісяця, але жодної реакції від адміністрації Президента я не отримав. Це ще одне свідчення на користь прийнятого мною рішення: у моїх «консультативних порадах» потреби не має. Оскільки я не впевнений, що мій лист дійшов до адресата, оприлюднюю його через сайт Інституту археології НАН України.

Президенту України Януковичу В. Ф.

Шановний Віктор Федорович!

Звернутися до Вас мене змусили два президентські акти, що були вчинені в останній час. Це вето на Закон «Про внесення змін до деяких законодавчих актів про охорону культурної спадщини», яке відкриває шлях до приватизації землі фізичними особами без попередньої археологічної експертизи, а отже і до нищення пам'яток, а також указ № 682/2010 «Про відзначення 1000-річчя заснування Софійського собору», що легітимізує абсолютно абсурдний, не заснований на жодному писемному джерелі, висновок працівників Софійського історико-архітектурного заповідника про заснування собору в 1011 р.

Мені здавалося, що появі подобних актів мусили передувати консультації зі спеціалістами, у тому числі і зі мною, як директором Інституту археології НАН України і науковцем, який від 60-х років XX ст. займається проблемами хронології Софії Київської і є автором єдиної в Україні монографії «Ярослав Мудрий». Тим більше, що я ще й член

«Громадської гуманітарної ради» з консультативно-дорадчими функціями при Президенті України.

Як виявляється, консультуватися зі мною ніхто й не думав. З огляду на це, вважаю подальше своє перебування в названій раді недоцільним і прошу Вас, шановний Віктор Федорович, вивести мене з її складу.

З повагою,

Директор ІА НАН України академік НАН України
П. П. Толочко

Ни один из членов Совета не последовал моему примеру, хотя некоторые в личных беседах и заявляли, что, наверное, это следует сделать. «Прозрели» только после переворота, дружно отреклись от президента В. Януковича и от сотрудничества с ним. Это сделала даже А. Герман, которая была наиболее близким его единомышленником и секретарем этого Совета.

Как видим, в нашей ментальности принципиально ничего не изменилось. По меньшей мере с советских времен. Верность и преданность мы демонстрируем не идеям и убеждениям, не стране и народу, а сильным мира сего. Служа очередному властителю, проклинаем предыдущего, дружно уверяем себя и других, что жить с ним было совершенно невозможно. Хотя жили, и неплохо. А большинство из хулителей и вовсе хорошо. Видимо, этим и объясняется их перманентная преданность властям предержащим. Она всегда обусловлена стремлением к личной комфортности.

В связи со сказанным позволю себе вспомнить весьма показательный случай из моей временной приближенности к власти. Кажется, он имел место в 2010 году. Из Администрации президента В. Януковича я получил приглашение принять участие в возложении цветов к памятнику Т. Г. Шевченко 9 марта. К месту сбора участников пришел загодя, как и было сказано. Пребывая в некоторой неуютной задумчивости, я услышал громкий голос И. Ф. Драча. «Петре, — воскликнул он, — нарешті твоя влада прийшла!» Удивление нашего замечательного поэта было вполне искренним, поскольку ни при одном предыдущем президенте я действительно не был

удостоен такой чести. Зная, что Иван Федорович, в отличие от меня, был постоянным участником этого действа при всех президентах и секретарях партии, я ответил: «Моя — нарешті, а твоя — завжди».

В заключение несколько слов об особенностях украинской свободы периода суверенности. Не внутренней, которая целиком зависит от убеждений личности, а внешней, дарованной властью. Если мы объективно проанализируем период независимого развития, то окажется, что в целом он характеризуется примерно одинаковым ее уровнем. Не таким, который бы удовлетворял абсолютно всех граждан Украины, но и не таким, который бы вынуждал их выйти на баррикады, что дважды случилось в нашей суверенной жизни.

Но вот что характерно. Усилиями внутренней и, может быть, в большей мере внешней пропаганды, наличие на Украине свободы определяется не объективной реальностью, а степенью преданности украинских президентов Западу и США. Не очень лояльные или казавшиеся таковыми Л. Кучма и В. Янукович были объявлены душителями свободы. Сменившие их прозападные В. Ющенко и П. Порошенко оказались образцовыми демократами, неустанно пекущимися о правах и свободах своих граждан. Причем переход от несвободы к свободе целой страны совершается чуть ли не мгновенно. Еще вчера в ней не было ни демократии, ни гражданских свобод, а сегодня, после избрания ориентирующегося на Запад президента, они в одночасье появляются. Впрочем, и обратное превращение происходит так же. При западнике В. Ющенко Украина была свободной, а при В. Януковиче, которого Запад не признал своим, несмотря на все его старания, она вновь стала тоталитарной.

Так что степень нашей свободы целиком зависит от отношений с так называемым цивилизованным Западом. В большей мере — с США. Будем с ними дружить — будет у нас и свобода. Если же попытаемся наладить добрососедские отношения с Россией, нам объявят, что свободы у нас нет.

О патриотизме

В литературе существует множество определений патриотизма. И хотя не все они согласуются одно с другим, а нередко и вовсе противоречивы, в целом верно объясняют это понятие. Точнее сказать, духовное чувство. Оно сложное и многомерное. Может проявляться на уровне подсознания, как естественное человеческое состояние, а может быть и сознательным, в том числе спекулятивно-показным[1]. Видимо, преимущественно это имел в виду Самюэль Джонсон, когда утверждал, что «патриотизм — последнее прибежище негодяя». Некоторые его последователи склонны были полагать, что первое.

В основе патриотизма — всегда любовь к родине. Не к царю или президенту, режиму или политической элите, которые в реальной жизни, как правило, пытаются отождествить себя со страной и государством, а именно к родине. К ее истории, легендам и преданиям, деяниям предков, их могилам. Лучше других об этом сказал А. Пушкин:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Чувства эти не терпят публичной суеты. Они глубоко личные, интимные, не требующие громких майданных признаний и клятв. Большинство украинских граждан, честных тружеников, создающих богатство страны, скорее всего, даже и не подозревают, что являются патриотами. Спроси их об этом — они не сумеют ответить. Так живут и трудятся не потому, что патриоты или хотят быть таковыми, а потому, что это их сущность.

[1] Пример такого патриотизма явил в свое время митрополит грекокатолической церкви Украины А. Шептицкий. В 1941–1942 годах он приветствовал «Его Экселенцию фюрера Германского рейха Адольфа Гитлера» и в направленном фюреру послании выразил уверенность в способности нанести поражение большевизму и России «под руководством Вашей Экселенции», а в 1944 году передал письмо И. Сталину, в котором поздравил Красную армию с победой при освобождении Украины. (Документи. Інститут історії НАН України. К. 2006. С. 30–32 ; Митрополит А. Шептицький в документах радянських органів державної безпеки (1939–1944 гг.). КиЇв. : КНУ, 2005. С. 434).

У чувств не может быть надсмотрщиков и судей, хотя всегда находятся люди, готовые добровольно исполнять эту роль. Очень громко они заявили о себе и на независимой Украине, при этом сделав слежку за лояльностью сограждан своей профессией. Разумеется, это не известные в стране люди, много сделавшие для нее и обретшие моральное право на нравственные оценки. Это молодежь, ничем созидательным себя еще не проявившая, но подумавшая, что любит Украину больше других, а поэтому имеет право судить тех, кто, как им кажется, ее не любит. Просто сами решили, что патриоты и могут оценивать других. Делают это вызывающе и оскорбительно, с нарушением не только морально-этических норм общежития, но также прав и свобод человека.

Так, как это имело место 7 июля 2016 года в Российском центре культуры и науки в Киеве, где должна была состояться презентация моей книги «Откуда пошла Руская земля». Незадолго до ее начала в здание по ул. Борисоглебской ворвалось 30–40 молодых людей, которые объявили, что не позволят провести презентацию антиукраинской книги.

На мой вопрос, читали ли они ее, ответили: «А навіщо нам читати, ми і так знаємо, що там все брехня». Все это сопровождалось оскорблениями автора, громким скандированием «Ганьба!», «Слава Україні!», «Героям слава!» и т. п.

Трудно сказать, что им не понравилось в моей книге. Может быть, само название, которое они успели прочитать. В нем присутствует словосочетание «Руская земля», которое, по-видимому, они отождествляют с Россией. Последняя ничего, кроме проклятий, у значительной части украинцев не вызывает. И хотя это неправильно, поскольку страны и народы не должны нести ответственность за деяния своих руководителей, реальность именно такова. Но если бы «патриоты»-налетчики прочитали еще хотя бы аннотацию, то узнали бы, что речь в книге о Руской земле VI–X веков, когда России еще не было и в помине. Как и Украины. Чтобы избежать двусмысленности, я употребил летописное написание этого слова с одной буквой «с», а не с двумя, согласно современному правописанию. В книге привел факсимильные цитаты из Лаврентьев-

ской и Ипатьевской летописей. Критики ожидал с другой стороны, а получил с этой.

Не знаю, понимали ли эти молодые люди из партии «Свобода», что нарушили экстерриториальный статус дипломатического учреждения, что оскорбили многих уважаемых на Украине людей, пришедших послушать о новой книге, что совершили фактически коллективный политический донос. Будь это в проклятые демократической общественностью 1930-е годы, загремел бы неблагонадежный автор с их подачи на Соловки или Колыму. Знаем же, что похожая патриотическая бдительность некоторых украинских литераторов стоила жизни талантливому поэту В. Стусу.

Наверное, ни о чем таком незваные гости не думали. Просто руководствовались так называемой революционной целесообразностью. Делали это не в первый раз. У многих, должно быть, еще не стерлась из памяти телевизионная картинка, как те же люди избивали в служебном кабинете руководителя Первого национального канала. Делали это без оглядки на мораль и право, будучи уверенными в своей безнаказанности. И действительно, никто из властей предержащих не сделал им ни малейшего замечания. Ни тогда, ни теперь. Начальница небольшого отряда полицейских, прибывших по вызову на ул. Борисоглебскую, заявила, что ничего противозаконного эти люди не совершили, а вот книгу Толочко в полиции будут изучать.

Разумеется, найти что-либо антиукраинское в исследовании, посвященном истории восточных славян VI–X веков, невозможно в принципе. Более благодатными для таких поисков являются мои публицистические статьи и книги, в которых действительно содержатся критические мысли. Но по отношению не к Украине, а к тем негативным явлениям, которые, к сожалению, имеются в ее жизни. Истинный патриот, болеющий за доброе имя своей страны, не может бездумно, к месту и не к месту кричать «Слава Украине!», зная, что 75 % ее граждан живут у черты бедности, а некоторые — и за этой чертой[1]. Зная также, что в ней совершаются убийства

[1] Согласно данным Института демографии и социальных исследований им. М. В. Птухи Национальной академии наук Украины, в 2016 году за чертой

журналистов, писателей и политиков, что в среде правящей политической элиты процветает коррупция, а украинское общество расколото.

Истинный патриот не может и не должен с этим мириться, делать вид, что все у нас хорошо и благолепно. Он не может об этом молчать. Слава богу, у нас есть люди, которые не боятся говорить о недостатках нашей жизни. И не вчерашней или позавчерашней, чем со сладострастием занимаются многие, а той, которую сотворило наше поколение.

Первым среди них следует назвать выдающегося украинского поэта и общественного деятеля, академика Национальной академии наук Б. Олийныка. Его гражданская лирика насквозь проникнута тревогой за сегодняшнюю и будущую Украину. Может быть, наиболее сильно это выражено в набатной поэме «Трубить Трубіж». Много и с болью в сердце пишет об этом известный политик и государственник Г. Крючков. В его последней книге «Тревожный зов» рассмотрены все болевые точки украинской жизни за последние три года. Из журналистского цеха можно выделить замечательных мастеров гражданской публицистики С. Лозунько, В. Скачко, Д. Скворцова. Всегда искренни и обстоятельны в анализе непростых и неоднозначных украинских событий политологи М. Погребинский, Р. Бортник, П. Рудяков.

Разумеется, названными именами не исчерпывается список неравнодушных к судьбе Украины. Однако нельзя сказать, чтобы он был слишком длинным. Причина в том, что именно такие люди подвергаются со стороны «профессиональных патриотов» нападкам и преследованиям. Им кажется, что это непатриотично и достойно порицания. Руководствуются при этом не холодным рассудком, а, как писал философ И. Ильин, разбуженной «буйной и агрессивной ненавистью», в которой странная смесь «воинствующего шовинизма и тупого национального самомнения». Отсюда навешивание на людей, думающих иначе, чем они, всевозможных ярлыков и даже призывы к примерному наказанию. Как это позволил себе один из кор-

---

прожиточного уровня находились 58,3 % украинцев. До «революции достоинства» 2014 года таких было 28,6 %.

респондентов газеты «День», предложивший декоммунизировать Б. Олийныка. Очень прискорбно, что находятся среди нас люди со столь ничтожными мыслями по отношению к одному из наиболее уважаемых людей Украины. Но еще хуже, что находятся издания, печатающие их на своих страницах. Для интеллигентных людей это должно быть стыдно.

Хотелось бы обмануться и сказать, что ложно воспринимаемый патриотизм — это явление, рожденное нашей непростой действительностью. Но сказать этого нельзя. Оно до боли родное и очень украинское, имеющее глубокие национальные корни. Ни на одном этапе нашей государственной истории не было недостатка в людях, которые не присваивали бы себе право на истину и на суд над другими. Они, как жена Цезаря, вне подозрений. А вот за остальными надо зорко следить, не допустили ли они чего-нибудь предосудительного. Сегодня в это трудно поверить, но ярлык «непатриота» был прикреплен «свідомими» галичанами даже к имени И. Франко. Как им казалось, поэт не любит Русь-Галичину, поскольку позволяет себе критические высказывания по отношению к русинскому общественному движению. Его реакцией на это обвинение явилось стихотворение «Сідоглавому», в котором он дал свое понимание патриотизма:

Ти, брате, любиш Русь,
Я ж не люблю, сарака!
Ти, брате, патріот,
А я собі собака.
Ти, брате, любиш Русь,
Як хліб і кусень сала,
Я ж гавкаю раз в раз,
Щоби вона не спала.

Известно, сколь острыми были споры о патриотизме во времена украинской национальной революции 1917–1919 годов. На роль патриота однозначно не подходил гетман П. Скоропадский, которого обвиняли в симпатиях к России, но доставалось за это и таким преданным украинской идее деятелям, как В. Винниченко.

Непатриотами были и украинские диссиденты 1970-х годов, не побоявшиеся в условиях советского авторитаризма возвысить голос в защиту демократических свобод и украинской культуры. Далеко не все разделяли тогда их взгляды. Многие, особенно партийные и комсомольские функционеры, которые тоже мнили себя совестью нации, считали себя вправе их осуждать. Будто бы за отсутствие патриотизма, а фактически за критику советских порядков. И это при том, что диссиденты не выступали ни против социалистического строя, ни за украинскую независимость, что им приписывает патриотическое общественное мнение в наше время. Они хотели только, чтобы тогдашний общественный строй обрел, как тогда говорили, человеческое лицо, не обезображенное компартийным барством. Можно только сожалеть, что к этим молодым людям тогда не прислушались. Наказали различными сроками лагерных «исправительных» работ, хотя исправлять надо было систему, а не ее критиков. Прошло время, и оказалось, что истинными патриотами были как раз они, а не те, кто бездумно провозглашал лозунг «Слава КПСС!». И, кто знает, прислушайся тогда партийные власти к голосу оппонентов — возможно, судьба великой страны не сложилась бы столь драматично.

К сожалению, история имеет обыкновение повторяться. Особенно в худших своих проявлениях. Советский Союз канул в Лету, на политической карте Европы появилось самостоятельное государство Украина, сложившееся в нынешних территориальных границах в условиях жизни большой страны. Коммунистическая партия перестала быть единой руководящей силой, а после принятия Закона о декоммунизации и вовсе оказалась под запретом. Однозначно несправедливым, не имеющим прецедентов ни в одной стране цивилизованной Европы, куда мы неодолимо стремимся. Но свято место пусто не бывает. Вместо коммунистической идеологии на Украине определилась радикально-националистическая. И хотя в ст. 15 Конституции сказано, что ни одна идеология не может признаваться государством как обязательная, в реальной жизни от всех нас требуют единомыслия.

И снова у нас есть те, кто заведомо патриот и любит свою страну, и те, кто ее не любит и заслуживает общественного порицания. Оказалось, что в наше время мало быть законопослушным гражданином своего Отечества. Необходима еще и беззаветная любовь. На словах — к этому самому Отечеству, а в действительности — к режиму, к новой политической элите, отождествляющей себя с Украиной. Малейшее несогласие с их действиями, особенно в области евро- и евро-атлантической интеграции, вызывает у «стоящих у трона» обвинения в непатриотизме.

Очень точно о нынешнем украинском патриотизме сказал серебряный призер Олимпиады в Рио-де-Жанейро Жан Беленюк: «Если ты против власти, ты не патриот. Вышиванка и „Слава Украине!“ — вот наш патриотизм. Надел вышиванку, крикнул „Слава Украине!“ — и делай что хочешь. Но если ты высказываешь людям трезвые мысли — ты враг народа. Чем в таком случае мы отличаемся от советской модели?». Подтверждением правоты Беланюка стало заявление министра спорта Украины И. Жданова, в котором он обвинял спортсмена в пророссийскости.

Но ведь это у нас уже действительно было. И не так давно, чтобы не помнить об этом. Казалось, ушло в прошлое, но нет, осталось. Думающие люди задаются естественным вопросом: какую Украину они должны любить? Ту, что обеспечила немногих всем и обездолила большинство? Украина же — не только географическое понятие или благостное «духовное пастбище народа», как писал И. Ильин. Это еще и социальное явление, государство. Оно ведь тоже должно любить своих граждан. Без взаимности, как известно, любви может и не быть. Но что-то не слышно таких призывов к государству.

Раздумывая над содержанием термина «патриотизм», русский писатель-демократ Н. Добролюбов вкладывал в него не только гордость за свою страну и преданность ей в минуты славы, но и боль за существующие в ней изъяны, их критику. Чтобы быть патриотом, утверждал он, недостаточно только «восхваления всего хорошего, нужно еще и неумолимое порицание и преследование всего дурного, что есть у нас».

Казалось бы, не слишком сложная мысль. Но в нашей нынешней жизни она понимания не находит. И прежде всего в кругах «профессиональных патриотов», встречающих каждое критическое высказывание по отношению к украинской действительности как свидетельство нелюбви к Украине.

Это ошибочное представление. Любовь к Отчизне не тождественна любви к ее власти. Еще вчера мы были полны энтузиазма относительно удачного выбора президента, а сегодня, особенно после повышения тарифов на коммунальные услуги и лекарства, от него не осталось и следа. Любовь сменилась разочарованием. А то и ненавистью. К Украине такого изменчивого отношения не может быть в принципе. Согласно данным социологического опроса от 29 июня 2016 года, проведенного Центром социальных исследований «София», не одобряют работу первых трех лиц украинской власти: президента — 75 %, премьер-министра — 70 %, председателя ВР — 76 %. Разумеется, это оценка их работы, не принесшей украинцам радости.

Как писал великий русский историограф Н. Карамзин, патриотизм не должен ослеплять, любовь к Отечеству есть действие ясного рассудка, а не слепая страсть. К сожалению, у нас преобладает второе. И подтверждений этому немало. Может быть, наиболее показательным является подлое убийство Олеся Бузины. Да, многое на современной Украине он не принимал, не все ему нравилось и в прошлом. Его критический ум постоянно наталкивался на негативные явления, с которыми, как ему казалось, нельзя мириться. Писал он об этом ярко. Может быть, с небольшой долей иронии и сарказма. Случалось, что и эпатировал. Но все это у него шло не от нелюбви к Украине, а от боли за ее несовершенство. Прошлое и нынешнее. Будь это не его страна, он определенно не рефлексировал бы так остро на дурные стороны ее жизни. Но Украина была его родиной, которую он любил и хотел видеть лучшей. И нигде, кроме нее, себя не мыслил. Известно, что российские коллеги, зная об угрозах в его адрес, предлагали ему на время переехать в Москву. Он не принял этого предложения, объяснив тем, что жить

может только на Украине. Разве это не патриотизм? Конечно, патриотизм. Но не показной, не трибунный, а естественный, как дыхание.

Наверное, те, кто совершил это немыслимое зло, считают себя патриотами Украины. Не исключено, что и гордятся содеянным, не отдавая себе отчета в том, какое несмываемое пятно они наложили на свою страну.

Когда писались эти строки, на Украине возникло еще одно общественное напряжение. Возникло там, где его можно было ожидать меньше всего. Вокруг крестных ходов мира, организованных Украинской православной церковью Московского патриархата. Начав свой путь от Святогорской и Почаевской лавр, молящиеся завершили его в Киево-Печерской лавре в День крещения Руси. Акция вполне богоугодная, собравшая десятки тысяч мирян. Утверждают, что 80 тысяч. Наших, украинских граждан. Казалось, ничего, кроме благодарности, эти люди не заслуживают. Но нашлись и здесь «патриоты», выступившие с нелепыми обвинениями молящихся за мир на Украине в том, что они агенты Кремля и провокаторы. Угрожали даже не пустить их в Киев. К счастью, благодаря усилиям властей обошлось без крупных неприятностей. Исполнив свой христианский миротворческий долг, православный люд спокойно разъехался по домам.

Проявлением украинского патриотизма, о чем много пишут средства массовой информации, явилась «революция достоинства». И это правда. Сотня жизней, оборвавшихся на Майдане, — убедительное тому подтверждение. Вечная память этим людям. Но давайте задумаемся хотя бы на минуту, за Украину ли они положили свои жизни? Сегодня уже для многих ясно, что это далеко не так. История, как известно, не знает сослагательного наклонения. Но попробуем все же представить другую реальность. Вожди Майдана, подписавшие мировую с В. Януковичем, которая была скреплена еще и подписями министров иностранных дел Германии, Франции и Польши, сумели бы убедить наиболее радикальных полевых командиров Майдана прекратить противостояние с властью и согласиться с досрочными выборами президента. Это значит, что

не было бы человеческих жертв[1]. Легитимная власть сохранялась бы до октября 2014 года. Не было бы отмены закона о языках и не было бы крымского референдума о независимости. Не было бы мятежа в Донбассе.

А что было бы именно так, свидетельствует вся история независимой Украины. При стабильной легитимной власти никому и в голову не могли прийти сепаратистские мысли. Достаточно вспомнить, какой была реакция на Украине на попытку России распространить свой суверенитет на песчаную косу Тузла в Азовском море. Президент Л. Кучма быстро погасил намечавшийся конфликт. Потом российская сторона заявила, что это была неуместная инициатива администрации Краснодарского края, чем, по существу, принесла извинения Украине.

Спрашивается, кто же был истинным патриотом в событиях февраля 2014 года? Те, кто пытался сохранить конституционный порядок или те, кто, не считаясь ни с чем, торопился довести борьбу с режимом Януковича до победного конца? Согласно революционной логике, несомненно, вторые. Но это привело к человеческим жертвам и территориальным потерям, что ставит такой вывод под большое сомнение. Патриотизм не должен наносить урон родной стране.

Непатриотом на Украине может быть объявлен всякий, кто не согласен с существующими порядками, не разделяет евроинтеграционные ценности и не поет осанну послемайданным властям. Не приходилось только слышать, чтобы в отсутствии патриотизма был заподозрен кто-либо из властей предержащих. И не вчерашних, а нынешних. Здесь сомнения неуместны, поскольку политики сами постоянно взывают к чувствам патриотизма сограждан. Свои выступления, в которых нет и намека на успехи их правления, они неизменно завершают словами «Слава Украине!». Экономика в упадке, население сокращается с катастрофической скоростью, коррумпированность не знает границ, живем на кабальные иностранные кредиты, преступность зашкаливает — и все равно

[1] Это страшное преступление до сих пор остается нераскрытым. Согласно информации следственных органов, участие в нем «Беркута» и других силовых структур пока не прослеживается.

«слава». Конечно, ничего патриотического здесь нет и в помине. Патриотическая власть не может допустить, чтобы народ нищенствовал и вымирал, а бандиты убивали людей, чтобы страной правили иностранные кондотьеры, чтобы деньги миллионеров и миллиардеров перетекали в офшоры.

Может, национал-радикалы действительно не там ищут непатриотов?

3. НАРОД И ЭЛИТА НА НОВОЙ УКРАИНЕ

Будем честными перед собой и признаем, что годы суверенной жизни не принесли Украине ни экономического, ни общественного процветания. Более того, за это время она потеряла многое из того, что имела в социалистическом прошлом. Население уменьшилось на 10 миллионов человек, из первой десятки промышленно развитых стран мира страна перешла во вторую сотню. Образование и наука оказались в глубоком кризисе. Высокотехнологические производства утрачены. Традиционные торговые, научные и культурные связи с Россией разорваны. Практически потеряна и государственная независимость.

Сказанное настоятельно требует ответа на вопрос, кто виноват? Если искать таковых не на стороне, что чаще всего происходит в нашей жизни, а в собственном доме, то ответ здесь очевиден: конечно, мы сами. И народ, и его политическая элита. Других виновников нет по определению. Перефразировав известное изречение, можно сказать, что каждый народ — кузнец своего счастья. О том, что это справедливо, свидетельствуют примеры многих наших соседей, вышедших на самостоятельный путь вместе с нами, но преодолевших за это время значительно большее расстояние.

Народ

Анализ причин деградации украинской общественной жизни начнем с выяснения места и роли народа новой Украины. Как принято говорить, простого народа. Тема эта деликатная,

а в условиях нынешнего «революционного» времени — даже и небезопасная. Усилиями нескольких поколений украинских интеллектуалов-романтиков за народом прочно закрепилась харизма талантливого, трудолюбивого и миролюбивого, но обделенного судьбой. В продолжение многих столетий он был жертвой агрессивных соседей: монголо-татар, литовцев, поляков, русских. Этим, как правило, объясняются его неудачи в создании собственной государственности. Казалось, освободись он от чужеземного ярма, обрети независимость — и его врожденные талант и трудолюбие сотворят чудо.

Чуда, как видим, не произошло. Но вера в народную мудрость продолжает оставаться незыблемой. В одной из публикаций еженедельника «2000» автор статьи «Не хочу быть третьим сортом» А. В. Рябишев, совершенно справедливо предъявив счет руководству страны за нищенское существование украинцев, корень проблемы видит в том, что оно не советуется с народом. «А ведь наш народ, — пишет автор, — один из самых умных и образованных. Спросите его — и он всегда подскажет нашим правителям разумный выход из любого трудного положения». Но зачем ждать, когда спросят? Можно и не дождаться. А почему бы этому умному народу не дать совет властям предержащим по собственной инициативе?

К сожалению, нынешнее положение не подтверждает столь высокую аттестацию украинского народа. Его мудрость, оказывается, не в состоянии отличить правду от фальши, интересы олигархических элит — от своих собственных. Свидетельств этому много. Может быть, наиболее показательные — два киевских Майдана. Истинные их цели не имели ничего общего с интересами народа, но были с энтузиазмом им (точнее, его частью) поддержаны.

Мне приходилось общаться с участниками второго Майдана и слышать от них уверения, что стоят они не столько за европейские ценности, не очень-то им понятные, сколько за лучшую жизнь. «Так жить, как при Януковиче, больше нельзя», — утверждали они. Определенно эта фраза родилась уже на Майдане и, скорее всего, не в народной массовке, а на агитационной трибуне. Не могли же люди не знать, что

при Януковиче они жили хотя и не богато, но лучше, чем при В. Ющенко. Теперь живут хуже, чем при Януковиче, причем намного, но Майдана не устраивают. И не устроят, если их не позовут туда какие-либо новые мессии, рвущиеся к власти и к очередному переделу собственности, и не оплатят это дорогостоящее мероприятие.

И уж, конечно, не народу принадлежали лозунги о европейском цивилизационном выборе. Ему ловко внушили мысль, что лучшая жизнь на Украине будет тогда, когда она объединится с богатой Европой. Войдем в ЕС — неустанно вещали с трибуны Майдана его вожди — и заживем так, как он. И ездить туда будем, когда захотим, без виз и разрешений. Трудно сказать, для скольких участников Майдана эта безвизовая мечта была неизбывной, но все дружно поддерживали столь радужную перспективу. А поскольку В. Янукович и его окружение решили отложить подписание соглашения об ассоциации Украины с ЕС, то народ воспринял это как предательство национальных интересов. Как заявляли трибунные ораторы, в том числе евро-американские, «Янукович украл в украинцев европейскую мечту». О том, что отсрочкой подписания он рассчитывал выторговать для Украины лучшие условия, а также получить столь необходимые для страны кредиты, никто и не вспоминал. Хоть тушкой, хоть чучелом, но немедленно в Европу. На любых условиях.

Люди, что стояли на Майдане, да и многие из тех, кто им симпатизировал, следя за событиями по телевидению, вряд ли понимали, что участвуют в чужой игре, являются статистами в кланово-олигархической схватке за власть. Это позже многие из них скажут, что их обманули. Полное прозрение, судя по всему, еще не наступило, но съеденные инфляцией зарплаты и увеличенные в несколько раз тарифы за коммунальные услуги определенно заставили рядовых майданных революционеров задуматься над тем, за это ли они боролись.

Сказанное свидетельствует о социальной незрелости украинского общества. Оно не создало гражданских институтов самоорганизации и не стало самодостаточной силой. Как свидетельствуют социологические опросы, в широких кругах

населения преобладают внушенные майданными предводителями иждивенческие настроения, ожидания лучшей жизни, достигнутой не своим собственным трудом, а с помощью богатой Европы. Именно этим объясняются столь стойкие евроинтеграционные симпатии значительной части населения Украины. О том, что это безнравственно, что цивилизованную европейскую жизнь можно создать в отчем доме, и не задумываются. И никто их к этому не принуждает.

А ведь действительно можно. Наглядным примером служит братская Беларусь. Бывая в ней, не перестаю восхищаться обустроенностью ее городов и селений, состоянием дорог, ухоженностью бульваров и парков, радушием и приветливостью людей. И это притом что стартовые условия Беларуси в час ее суверенно-государственного рождения были намного хуже тех, что имела Украина. А если учесть еще и то, как долго цивилизованный Запад оказывал давление на эту страну, обвиняя ее в отсутствии свободы и демократии, авторитаризме, сохранении социалистической плановой экономики и т. д., восхищение успехами белорусов будет еще бо́льшим. И уважение к ним — тоже. Они не отвернулись от Востока и не склонились перед Западом, не прокляли социалистическое прошлое, как это сделали мы — украинцы, а упорным трудом построили в небогатом Полесье развитое европейское государство.

К сожалению, для Украины Беларусь не стала примером. Ничего подобного мы создать не смогли. Неудачи Украины на пути независимого экономического развития нередко объясняются провластными экспертами тем, что она была намного сильнее привязана к советской социалистической «пуповине». Правда, при этом не уточняют, по сравнению с кем. С Россией, Беларусью или Казахстаном, которые и в своем суверенном статусе развиваются более успешно? Если говорить о Беларуси, то она до сих пор крепко связана с этой самой «социалистической пуповиной», сохранив государственные предприятия в городе и коллективные хозяйства на селе.

По-видимому, причины наших трудностей — скорее в бездумном отрицании прошлого опыта, чем в следовании ему. Разваливая прошлую жизнь, мы не уставали иронизировать над

коллективным трудом. Осмеяли коммунистические субботники, комсомольские стройки, великие почины. И так преуспели в этом, что потеряли вкус к работе не только на общество, но и на самих себя. Мыслимое ли дело, чтобы извечные хлебопашцы превратились в потребителей сельскохозяйственной продукции из стран, не обладающих ни такими тучными черноземами, ни такими давними земледельческими традициями? На витрины наших супер- и мегамаркетов больно смотреть: картошка из Польши, кабачки из Турции, морковка из Израиля, чеснок из Китая, яблоки из Польши и Нидерландов и т. д. Всего этого добра, действительно, много, но для большинства населения оно недоступно из-за своей дороговизны.

Помнится, наши руководители, пытаясь понравиться Западу, с энтузиазмом рапортовали о ликвидации колхозов. И действительно их ликвидировали. Ломать — не строить. В результате сельское хозяйство просто обрушилось. Создаваемые на руинах коллективных хозяйств небольшие фермерские кооперативы не могли и до сих пор не могут обеспечить украинцев своей продукцией. Во многих регионах страны, особенно западных, резко сократились площади обрабатываемой земли. Поля заросли сорняками, общее достояние разворовано. Проезжая по Украине, трудно отрешиться от мысли, что она пережила какое-то варварское нашествие. Корпуса молочных и свиноводческих ферм зияют черными дырами разбитых окон и крыш, подворья коллективных хозяйств заросли кустарниками, скрывающими кладбища проржавевшей сельскохозяйственной техники. Дополняют эту неприглядную картину почерневшие водонапорные башни, уже давно не подающие к мертвым коровникам и свинарникам воду и стоя́щие как памятники прошлой жизни украинского села.

Разрушая коллективные хозяйства, люди, облеченные на это полномочиями, определенно не задумывались над тем, что они одновременно разрушали и села. Пожилые люди лишились социальной защиты и были обречены на медленное вымирание. Молодые, не имея перспектив трудоустройства, перебрались в города. Наверное, так было не везде. Где-то удалось справиться с деградацией сельской жизни, как в хозяйстве

«Заря» на Ровенщине, которое возглавлял Герой Соцтруда В. Плютинский. Но в целом отказ от социалистической коллективной формы хозяйствования на селе имел драматические последствия.

К сожалению, процессы социальной деградации происходили и в городах. Лишившись мощного индустриального производства, они потеряли рабочий класс с его потомственными династиями, инженерно-техническими кадрами. Как-то неожиданно городской рабочий люд перешел в разряд мелких торговцев. Города превратились в средоточия оптовых рынков, «толкучек», где продавцами и коммивояжерами стали вчерашние рабочие и инженеры, учителя, научные работники. Многие промышленные города Юго-Востока страны, что мне довелось наблюдать воочию, оказались под угрозой вымирания.

Упадок экономики Украины, исчезновение многих ее традиционных сфер закономерно сказался на номенклатуре новых специальностей и профессий. Обществу предложили свои услуги разного рода посредники, заготовители вторсырья, сборщики металлолома, «черные кладоискатели», подпольные коллекционеры, старатели и т. п. В результате их активной деятельности с городских улиц стали исчезать мемориальные и охранные знаки, бюсты исторических и культурных деятелей прошлого, крышки канализационных люков, чугунные решетки бульваров. Памятники культуры, являясь общенародной государственной собственностью, оказывались в руках «новых украинцев», а нередко и уплывали за пределы Украины.

Все сказанное свидетельствует о слабости государства, неспособного обеспечить традиционную производительную занятость населения. Но одновременно является и показателем резкого упадка культуры народа, утраты им чувства собственного достоинства и ответственности за страну. Наблюдается тенденция нигилистического восприятия прошлого, неуважения к свершениям предшественников, в конечном счете — потеря самоуважения. Удивительно, но создается впечатление, что у нас исчез даже естественный инстинкт самосохранения.

Яркое тому подтверждение — «янтарная лихорадка» на Волыни, превращающая этот край в пустыню. Но не только она. Все наше отношение к природе свидетельствует об этом. Посмотрите, во что превратились у нас лесные массивы, особенно те, у которых находятся так называемые садово-кооперативные товарищества. Они напоминают загородные свалки мусора. Загаженными оказываются десятки тысяч гектаров лесных угодий. Аналогичную картину можно увидеть на берегах рек и озер, на обочинах дорог, в том числе магистральных.

Когда мне приходится дискутировать с национально озабоченными коллегами по поводу нашей, как они убеждены, исконной европейскости, я привожу и эти примеры. Разумеется, они резко диссонируют с их европейским оптимизмом, но должного впечатления не производят. Мне бы тоже не хотелось драматизировать отмеченные явления нашей сегодняшней жизни. Нельзя сказать, что разруха генетически присуща украинцам. Не водилось же за ними этого греха в прошлом, даже в поруганном социалистическом. Не повод ли это задуматься над тем, почему такая нерадивость к среде обитания проявилась в то время, когда мы, казалось бы, стали хозяевами своей жизни и своей земли? Может быть, этот ментальный сбой произошел от резкого и тотального разрыва с социальными основами прошлого, которые традиционно зиждились на общинно-коллективистском отношении к земле. Вся она была нашей. Теперь горизонт ответственности сузился только до своего личного участка — большого многогектарного или маленького, в несколько соток.

В связи с изменившимися условиями жизни изменилась и структура общества. Она, если можно так выразиться, стала более дробной. В прошлом у нас были три основные социальные группы населения: колхозники, рабочие и интеллигенция. Теперь их наберется добрый десяток, и все они живут по своим правилам, руководствуясь своими корпоративными интересами.

Аналогичная ситуация наблюдается и в сфере духовно-идеологической жизни. Здесь также царят раздробленность и противостояние. Поразительно, но это относится и к церковной

сфере, где, казалось бы, должен преобладать дух смирения. Одних только православных — три конфессии, которые нередко конфликтуют. Добро бы этот раздор разъединял «князей Церкви» и их клириков. Но он переносится и в среду верующих общин, которые также находятся в состоянии междоусобной борьбы.

Одни отстаивают нерушимость традиций и канонических устоев, другие пытаются придать Церкви национальный характер, третьи желают возродить первородную организационную структуру, когда во главе православной церкви восточных славян стоял Константинопольский патриарх. При этом все три именуются украинскими, хотя их общая прародительница называлась Руской православной церковью.

Есть на Украине еще одна Церковь, вышедшая из лона Руской православной. Она была образована Брестским униатским собором 1596 года, навязавшим вчерашним православным каноническую и управленческую связь с Римом. Сегодня эта Церковь именуется грекокатолической, что должно символизировать единение двух христианских течений. В действительности она является просто католической, пребывающей под омофором Папы Римского. Длительное время она была региональной, западноукраинской, но в годы независимости обрела всеукраинский статус. Теперь ее митрополия находится в Киеве, причем на левом берегу Днепра. Поход на Восток — давняя идея Ватикана, ставшая особенно популярной в связи с конфликтом на Юго-Востоке Украины. В день празднования Сошествия Святого Духа (19 июня 2016 г.) глава грекокатоликов обратился к ним с призывом идти на Восток. «Идем на Восток. Ибо будущее Украинской грекокатолической церкви и Украины там, где война и страдают люди». По форме призыв первоиерарха грекокатолической церкви патриотичен, а по содержанию — конфронтационен, поскольку связывает будущее Украины не с православием, а с католицизмом. Вряд ли это может вызвать энтузиазм у православных.

Помимо названных традиционных Церквей на Украине имеется множество других религий, а также сект, которые объединяют в своих рядах значительное число украинцев.

Разумеется, все это не может не сказываться на состоянии общества. Оно оказалось разобщенным в той же мере, что и сами Церкви.

Не представляет украинский народ и единого этнокультурного целого. В различных регионах имеются свои особенности. Восток, Центр и Юг в большей мере православные, тогда как Запад — римско-католический. Разной является и этническая ситуация. В Западном и Центральном регионах преобладают этнические украинцы, тогда как в Юго-Восточном достаточно высокий процент этнических русских. В некоторых районах Закарпатья и Северной Буковины крупные этнические группы составляют венгры, румыны, словаки.

Такая этнокультурная неоднородность, сложившаяся исторически, не может не накладывать отпечатка и на региональные политические предпочтения. Они чаще всего не только несхожи, но и разнонаправленны. В то время как западные украинцы живут воспоминаниями и мечтами о европейской общности, восточные и юго-восточные привержены общим восточнославянским ценностям, сохранению традиционных связей с Россией. Национальные меньшинства, которые в целом вполне лояльны украинскому государству, постоянно озабочены своими национально-культурными автономиями. Многие обзаводятся вторыми паспортами или специальными картами этнически родственных им стран.

Во время заседания Парламентской ассамблеи Украины и Польши, состоявшегося 3 декабря 2016 года во Львове, народный депутат Украины И. Подоряк выразила озабоченность тем, что Польша выдает «карту поляка» всем жителям Галичины польской этничности. При этом сравнила такие действия с теми, которые Россия проводила в Крыму. Польские депутаты успокоили ее тем, что эта карта — не паспорт и не дает права на польское гражданство. Может быть, и не дает, но это вовсе не значит, что такое право не может появиться в будущем. Ведь должен быть какой-то смысл в выдаче украинским гражданам польских удостоверений. Возможно, это первый шаг на пути к культурной автономии поляков в Галичине и на Волыни.

Уже при подготовке рукописи к печати издание «Пресса Украины» сообщило, что проживающие во Львовской области поляки инициируют выход из состава Украины. Председатель польского форума С. Лукьяненко заявил, что Польша даст львовянам большую возможность реализовать себя. В унисон с этим высказался и сенатор Польского сейма Ян Угли: «Польша должна делать больше шагов навстречу своим соотечественникам в Восточной Галиции».

Автономно-культурные проблемы возникают и у закарпатских русинов, которые считают себя отдельным этносом. Власти убеждают их в том, что они являются частью этноса украинского, и не соглашаются на их культурно-автономный статус. Русины возражают, что их сородичи проживают также в соседних западных странах — Чехии, Румынии, Сербии, Хорватии, Словакии, Венгрии, где определенно не являются украинцами[1].

Автономистские настроения имеют место также в исторической Бессарабии, вошедшей в свое время в состав Одесской области. Об этом заявили украинские власти, предъявившие двум одесским журналистам судебные иски за сепаратизм. Позже для острастки жителей края украинские власти определили его местом высадки десанта военно-морских учений. Официально это названо операцией по безопасности в кризисном регионе по стандартам НАТО.

Наиболее решительно региональный автономизм проявился на Юго-Востоке Украины, вылившись в гражданское неповиновение центральным властям — во многом по вине последних из-за неадекватного восприятия ими этого явления. По сути, оно стало общеукраинским и совершенно неправильно интерпретировано властями как сепаратизм. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует сообщение Службы безопасности Украины о некоем «плане по обеспечению федерального статуса Закарпатья», изъятом у «одного из органи-

[1] Судя по заявлению председателя Закарпатского областного совета Михаила Риваса, что если власти хотят видеть Закарпатье в составе Украины, они не должны забывать о существовании нашего края, можно сделать заключение, что там не удовлетворены своим статусом не только русины. Известно также, что 94 тыс. закарпатцев получили гражданство Венгрии.

заторов закарпатского сепаратизма». Мне уже неоднократно приходилось разъяснять, что федерализм не имеет ничего общего с сепаратизмом. Федерализм — это форма административно-территориального обустройства единой страны, тогда как сепаратизм предполагает ее разделение на части. У закарпатского сепаратиста, если он действительно был таковым, по определению не было плана федерализации Закарпатья, мог быть только план его независимого статуса. Удивительно, что этого очевидного различия на Украине упорно не хотят признавать ни власть, ни обслуживающая ее идеологическая рать. Своими постоянными подозрениями в сепаратизме регионов и их жителей те и другие, в сущности, провоцируют это явление.

Из всего сказанного видно, что народ Украины так и не стал украинским народом, не сложился в единую политическую нацию. Более того, потерял многое из того, что имел в поруганном социалистическом прошлом. Раздробился на целый ряд сегментов — территориальных, идеологических, конфессиональных, социальных и т. д. Каждый имеет свои культурные особенности, свой взгляд на прошлое и будущее Украины. Единой украинской ментальности (даже в ее этническом выражении) не существует в природе. Как и гражданской солидарности. В обществе преобладают взаимная нетерпимость, подозрительность и даже ожесточение. Можно сказать, оно все в разломах и трещинах — идеологических, социальных, конфессиональных, этнотерриториальных, политических. Во многих случаях трещины прошли по семьям. Одно и то же событие вызывает у одних одобрение, у других — неприятие. Примеров этому множество.

Наиболее свежий — крестные ходы от Святогорской и Почаевской лавр в Киев. Казалось бы, вполне богоугодное дело, к которому можно только присоединиться. Но нет. Оно поляризовало украинцев. И главный его порок для многих в том, что инициатором выступила Украинская православная церковь Московского патриархата. Посыпались обвинения в каких-то провокациях, раздавались угрозы прервать крестные ходы силой. Власти долго сохраняли молчание,

чем, по сути, поощряли формирование в народе негативного отношения к церковным маршам мира. Поразительно, что к хору противников крестных ходов присоединили свой «праведный» голос и средства массовой информации. И почему-то никому не было дела до того, что эта благородная инициатива исходила не просто от верующих Украинской православной церкви МП, но от наших людей, граждан Украины. Только на завершающем этапе украинские власти взяли крестные ходы под свою защиту.

Об их содержательном смысле очень хорошо сказали сами организаторы и непосредственные участники. Архимандрит Иосиф (Ковецкий): «В крестном ходе от Святогорской до Киево-Печерской лавры приняли участие тысячи людей. Были чиновники и депутаты. Шли целыми семьями. Шли те, кто горит желанием сделать что-то для страны и ближних своих. Мы шли с молитвой на устах для того, чтобы Бог изменил свою волю о нас и нашей земле. Покаяние и молитва — вот рецепт мира на Украине». Протоиерей Виктор Землянский: «Если говорить об общецерковном аспекте всеукраинского крестного хода, то его цель, конечно, молитва о мире. Когда идет крестный ход, очищается вся земля. Людей, которые шли, объединяла молитва о мире в нашем Отечестве».

Разумеется, все хорошо, что хорошо кончается. Но неприятный осадок от агрессивности радикалов по отношению к церковному событию остался. Стало совершенно очевидно, что они не думают о мире и согласии в нашем общем доме. Казалось, получили такой прекрасный повод сказать, что Восток и Запад Украины вместе, но воспользоваться им не смогли. Не переступили через свою неприязнь к Украинской православной церкви, находящейся в молитвенном единстве с Русской. А ведь это событие для Украины — придай ему власти должное внимание — могло стать куда более значимым, чем известный Акт соборности 1919 года.

Сказанное убедительно свидетельствует, что проблема внутреннего мира на Украине требует серьезного внимания. Его не будет, если нам не удастся преодолеть бедность, гармонизи-

ровать межэтнические и межцерковные отношения, сохранить язык, культурную и религиозную идентичность национальных меньшинств, если мы не поймем, что они такие же граждане Украины, как и этнические украинцы.

Политическая элита

В демократическом гражданском обществе за его состояние отвечает политическая элита. Она определяет основные общественные (они же государственные) приоритеты и предлагает пути их решения. К сожалению, украинская политическая элита оказалась неспособной предложить народу объединяющие идеалы. И прежде всего потому, что и сама не являет собой сообщество с единым ви́дением будущего Украины.

В стране сложилось несколько политических элит, точнее, властно-олигархических кланов, структурированных по земляческому, идеологическому или партийным принципам. Поочередно сменяя друг друга у кормила власти, в том числе с нарушением конституционных норм, ни один из них не смог возвыситься до общенационального уровня, осознать себя представителем всего украинского народа. Горизонт ответственности каждого не простирался дальше регионально-клановых интересов. Поэтому их действия были подчинены не консолидации всего украинского общества, а только той его части, которая являлась для них электоральной опорой. Фактически это создавало в стране атмосферу противостояния и раскола.

Достаточно вспомнить здесь указы президента В. Ющенко о присвоении званий Героя Украины руководителям западноукраинских националистов С. Бандере и Р. Шухевичу, или Закон о декоммунизации, принятый Верховной радой и подписанный президентом П. Порошенко. Названные президенты и их политические единомышленники не могли не знать, что эти акты не вызовут всенародного одобрения. Следовательно, сознательно шли на раскол в обществе. Когда писались эти строки, стало известно, что Московский проспект в Киеве теперь будет носить имя С. Бандеры. И это тоже гарантирует

раскол[1]. Возможно, в Киеве не обязательны названия, являющиеся производными от слова «Москва», хотя в Москве киевские спокойно существуют и никого в дрожь не бросают. Но еще менее обязателен проспект С. Бандеры. Этот региональный лидер, никогда не бывший гражданином Украины, уже достаточно полно увековечен в трех западноукраинских областях. То же самое относится и к Р. Шухевичу, чье имя присвоено улице Щорса в Киеве. В столице, если не преследовать цели разжечь внутриукраинское противостояние, переименование можно было провести с привлечением имен общенациональных деятелей, не вызывающих отторжения ни на Западе, ни на Востоке страны.

Но еще лучше было бы вовсе не менять наименование улицы. По моему глубокому убеждению, Н. А. Щорс — личность во всех отношениях более значимая для Украины, чем Р. Шухевич. Да, он олицетворяет собой коммунистическое прошлое. Но, во-первых, в самой начальной его фазе, когда идеалы социальной справедливости и равенства исповедовались большинством украинцев. Если бы это было не так, они не пошли бы за большевиками и не разрешили бы гражданское противостояние в свою пользу. К последующим деформациям этих идеалов он не имел никакого отношения. Во-вторых, Н. А. Щорс представлял собой личность необычайно талантливую и героическую. В 24 года командовал полком, который был сформирован из украинских повстанцев на Черниговщине для борьбы с немецкими оккупантами. Прославился рядом ярких побед над войсками Директории. После изгнания ее из Киева в начале февраля 1919 года был комендантом города.

Погиб при невыясненных обстоятельствах в с. Билошица Коростенского района Житомирской области. Согласно одной из версий, был предательски убит своими выстрелом в затылок. Нет ни малейших сомнений в том, что Н. А. Щорс навечно вписал свое имя в историю Украины, поэтому я считаю кощунствование майданных властей над его памятью безнравственным и греховным.

---

[1] Согласно информации телеканала «NewsOne» 1 октября 2016 года, петиция по отмене этого одиозного решения Киевского горсовета набрала более 10 тыс. подписей киевлян.

В целом массовые переименования городов, поселков, улиц, площадей в бедной стране, где 75 % населения не имеет достаточно денег на жизнь, безнравственно. По подсчетам специалистов, в одном только Киеве на эти переименования потребуется больше 10 миллионов гривен. По стране это цифра увеличится в десятки раз. Не лучше ли — задаются очевидным вопросом люди — направить эти деньги на социальные нужды?

В ряду действий нынешних политических властей, раскалывающих общество, нельзя не упомянуть и о массовом сносе памятников советского прошлого. Делают это вызывающе, не считаясь с тем, что значительной частью украинских граждан это не воспринимается и не поддерживается. Парадоксальность ситуации заключается и в том, что люди, неистово борющиеся с символами советского прошлого, спокойно себя чувствуют, работая в зданиях Верховной рады, резиденции президента, Кабинета министров, построенных советской властью и являющихся ее символами больше, чем красная звезда или серп и молот. Символами советского прошлого являются ДнепроГЭС, Запорожсталь, Мотор Сич, Южмаш, Черноморский торговый флот, Криворожсталь, киевские фабрика Карла Маркса и завод «Ленинская кузница», оказавшиеся в руках П. Порошенко, и еще сотни предприятий, многие из которых и поныне работают, хотя и не так успешно, как это было раньше.

В сущности, символом советского прошлого были и все богатства страны, которые в независимой Украине прибрали к своим рукам немногие шустрые дельцы, ставшие миллионерами и миллиардерами. Элементарная человеческая порядочность подсказывает, что безнравственно проклинать советское прошлое людям, которые на его достоянии сколотили свои капиталы. Но, видимо, благодарность у наших хулителей напрочь отсутствует.

Должен признаться, что именно тотальное отрицание историко-культурного наследия советского периода нашей истории, массовые разрушения памятников и переименования вынудили меня покинуть должность председателя Украинского общества охраны памятников истории и культуры, которую

я занимал с 1989 по 2016 год. Изменить что-либо я не мог, а быть соучастников неправедных действий властей по безжалостной расправе над памятью нескольких поколений украинцев не захотел.

Как это все не похоже на европейские традиции исторической памяти! Там не стерилизуют свое прошлое, но бережно его сохраняют. Прекрасный пример нравственного отношения к памяти преподал президент Швейцарии Йоханн Шнайдер-Амманн в интервью по случаю открытия Сен-Готардского туннеля. На вопрос российского журналиста, знает ли он, что в свое время одноименный перевал преодолевали русские солдаты под предводительством Суворова, президент сказал, что эти далекие события — часть коллективной памяти швейцарцев. Она свято чтится, в том числе в знак уважения к 15 тысячам русских, проживающих в Швейцарии.

К сожалению, нынешняя элита не демонстрирует преемственной ответственности не только в отношении далекого прошлого, но даже близкого. Убедительным свидетельством этому могут быть президентские «пересменки». Фактически каждый последующий президент приходил к власти на волне критики предыдущего. Дважды, в 2004 и 2014 годах, это происходило насильственно и незаконно. Л. Кучма заканчивал свое президентское правление не в официальной резиденции, которую захватили мятежники, а в Конче-Заспе. В. Янукович и вовсе был отстранен от власти в результате переворота. При этом всякий раз оказывалось, что ушедшая власть была преступной и бандитской.

Разумеется, это не соответствует действительности. Л. Кучма вывел Украину на траекторию поступательного развития с ростом ВВП 12 %, а В. Янукович за три с половиной года смог построить международную шоссейную дорогу от западной границы до Киева, международные аэропорты и стадионы в крупнейших городах, дорожные магистрали и развязки в Киеве. Рост ВВП в 2014 году равнялся 4 %. «Революционные события» дважды обрушили начавшую было оживать экономику страны. Теперь для ее возрождения до состояния 2014 года, как уверяют специалисты, нужно будет не менее десяти лет.

Не слишком ли дорого обходятся Украине междоусобные войны олигархических кланов?

В одном из июньских 2016 года интервью премьер-министра В. Гройсмана содержится любопытное заявление, что в стране не было и нет внутренних противоречий, порождающих конфликты. Тот, что имеет место на Юго-Востоке, полностью инспирирован Россией. По этой логике, обе киевские «революции» инспирированы Западом. Сегодня уже не тайна, сколь мощно он вложился в оба Майдана — как идеологически, так и финансово. Тем не менее неверно было бы утверждать, что они не имели внутренних причин. Причины эти известны. Главной из них являлась борьба за власть украинских олигархических элит. Точнее, за всю полноту власти, поскольку и до этого многие из руководителей Майдана находились на высоких государственных должностях. В. Ющенко и Ю. Тимошенко возглавляли Кабинет министров при президенте Л. Кучме, а П. Порошенко занимал министерскую должность при президенте В. Януковиче.

В начале 2017 года украинская общественность была огорошена проектом Закона Украины «Про державну мову». Авторами его названы более 30 народных депутатов, но это тот случай, когда количество не перешло в качество. Проект немыслимо конфронтационен. Основное его содержание заключается не столько в утверждении в правах украинского языка как единственного государственного, что уже давно определено соответствующими законами, сколько во введении на Украине монолингвизма. Разумеется, украинского. О том, что это будет реализовано принудительно, свидетельствуют предусмотренные в нем контролирующие органы (Национальная комиссия стандартов государственного языка, Центр украинского языка, Терминологический центр украинского языка, Уполномоченный по защите украинского языка), призванные следить за лояльностью граждан к государственному языку. Решения этих чиновничьих структур, которые в совокупности будут неким Министерством государственного языка, мыслятся как обязательные на всей территории Украины.

О языковых правах национальных меньшинств и юридическом статусе их языков в Проекте нет ни слова. В том числе о русском языке, являющимся родным для 8,5 миллионов украинских граждан русской национальности, что имело место в предыдущих языковых законах. По количеству носителей языка русская община Украины равняется среднему европейскому государству или нескольким малым, таким как Балтийские. Разумно ли игнорировать эту реальность? Зато в проекте прописаны права английского языка, а также языков Европейского союза, которые разрешается употреблять в высших учебных заведениях, в издательствах для публикации научных трудов, в радио- и телеэфире.

Трудно себе представить, чтобы авторы-депутаты, внося в Верховную раду столь одиозное сочинение, не понимали его разрушительных последствий для межэтнического согласия и мира на Украине. Их прогноз в Объяснительной записке, что Закон будет содействовать согласию в украинском обществе, может восприниматься как великодержавная издевка. Он еще не принят, но уже вызвал ожесточенные споры. Такое впечатление, что нас ничему не научили драматические события, вызванные отменой Закона «Про засади державної мовної політики» 2012 года, что было сделано Верховной радой 23 февраля 2014 года в состоянии эйфории от победы Майдана-2. Это поспешное решение новых киевских властей было названо ошибочным даже их европейскими покровителями. Теперь снова пытаемся наступить на те же грабли.

По сути, предложенный законопроект находится в полном противоречии с Европейской хартией региональных языков национальных меньшинств, которую Украина ратифицировала и подписала, а также с Декларацией прав лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам.

Хотелось бы надеяться, что коллективный здравый смысл Верховной рады убережет страну от очередной провокации, сеющей семена межэтнического раздора.

Если попытаться дать общую характеристику украинской властной элите, придется признать, что ее как единого соци-

ального явления нет. Есть несколько групп, которые на протяжении всего периода независимости находятся в состоянии скрытого и открытого противоборства. Особенно ярким подтверждением этому является Верховная рада, периодически являющая народу примеры кулачной демократии. И случается это не только в тех случаях, когда депутаты принадлежат к различным политическим силам, но и когда депутатский корпус состоит, как после «революций» 2004 и 2014 годов, в основном из единомышленников и «побратимов» (так называли себя народные депутаты после второго Майдана).

Об уровне единства в среде нынешней политической элиты можно судить по одной примечательной дискуссии, состоявшейся 10 сентября 2016 года на телевидении между С. Гаврышем, З. Шкиряком и А. Скоропадским, ранее носившим фамилию Бычков и так и не научившимся украинскому языку. По факту, дискуссия превратилась во взаимные обвинения. З. Шкиряк уличил С. Гаврыша в симпатиях к Кремлю, А. Скоропадский предъявил счет властям за преследование, как он выразился, наших побратимов — героев АТО. Спор между ними, особенно между З. Шкиряком, являющимся советником министра МВД, и А. Скоропадским, представленным ведущим передачи как руководитель информационной службы «Правого сектора», приобретал временами такой накал, что подумалось: имея таких единомышленников, можно обойтись и без происков Кремля.

Тем не менее в одном вопросе спорящие проявили единодушие — когда речь зашла о значении Минских соглашений. Как заявил З. Шкиряк, они изначально были мертвые. Ни о каком законе об амнистии не может быть и речи. В целом все, что в них записано, для Украины неприемлемо. Вряд ли это личное мнение чиновника. Он не отважился бы высказать его столь откровенно и публично, если бы оно не совпадало с общими настроениями в коридорах власти. То же самое утверждают в Верховной раде и в Министерстве иностранных дел. Получается, что для внешнего общественного мнения мы говорим о безальтернативности Минских соглашений и даже обвиняем Россию в нежелании их выполнять, а для

внутреннего совершенно откровенно заявляем, что они для Украины неприемлемы. Но если это действительно так, тогда мира на Юго-Востоке не будет еще долго, как не будет и его возвращения на Украину.

Не меньшими противоречиями отличаются взаимоотношения различных ветвей власти. Бо́льшая часть конфликтов происходит между президентом и парламентом, но известны также примеры, когда общего языка не могли найти президент и премьер. Симптоматично, что при пяти президентах на Украине сменилось семнадцать правительств. В среднем каждое продержалось немногим более года. За столь короткое время премьеры и остальные министры успевали обустроить только себя, но не страну и народ.

Злоупотребление властью, казнокрадство, именуемое латинским термином «коррупция», приобрели на независимой Украине неведомые ранее масштабы. Сегодня именно коррупция, по заявлению европейских высоких чиновников, не позволяет Украине интегрироваться в ЕС. Украинские власти не отрицают наличия такого порока и даже пытаются бороться с ним, но результата нет. А нет потому, что каждая новая власть борется не со своей коррупцией, но своих предшественников. Это они разворовывали народное достояние, строили себе дворцы, разъезжали на немыслимо дорогих машинах, отдыхали на лазурных берегах, уводили деньги в офшоры. Каким благородным гневом кипели все после второго Майдана по поводу злоупотреблений В. Януковича и его окружения. В качестве доказательств приводили Межигорскую резиденцию, возведенную не на свои кровные и присвоенную, мифологический золотой батон, миллиардные счета в зарубежных банках, показывали мещанскую роскошь интерьеров дворца. Нашли даже «Черную книгу» Партии регионов, в которой отражены расходные суммы на подкуп сторонников.

Но ведь в точности то же самое происходило и во времена предшественника В. Януковича. Достаточно вспомнить резонансные судебные процессы над высокими правительственными чиновниками из команды В. Ющенко. Некоторые даже получили судебные сроки. Показательно был посажен и один

из «своих» — чиновник среднего звена, но вся мощь репрессивных органов была направлена на искоренение коррупции предыдущего режима.

Аналогичная ситуация имела место и в годы правления В. Ющенко. С легкой руки майданных трибунов в общественное сознание была внедрена мысль, что «оранжевые» бросили вызов коррумпированному кучмовскому режиму, служители которого бессовестно залезли в народные закрома и присвоили себе их содержимое. Поразительно, но это говорили в том числе те «революционеры», чье состояние не уступало «бандитскому» и приобретено было в тех же самых закромах. Помнятся обещания «оранжевых», что, придя к власти, они позаботятся, чтобы коррупционеры были посажены в тюрьмы. Обещания так и остались невыполненными. То ли невозможно оказалось обнаружить расхитителей народного достояния, то ли корпоративная солидарность не позволила их наказать.

Нет слов, надо раскрывать прошлые грехи и привлекать к ответственности виновных. Но ведь это борьба с тем, чего уже нет. Было бы намного продуктивнее, если бы власти предержащие занялись искоренением коррупции в своей среде. Известно, что дворцы высоких правительственных чиновников пятого президента нисколько не уступают тем, в которых жили чиновники четвертого. Ездят они на таких же дорогих автомобилях, как и их «вороватые» предшественники, отдыхают на тех же лазурных берегах, а свои кровные сберегают в тех же офшорных зонах. Если у кого-то из доверчивых сограждан еще оставались сомнения на этот счет, их развеяли имущественные электронные декларации высоких правительственных чиновников и народных депутатов. Оказалось, что практически все они — долларовые миллионеры, владельцы многих квартир в Киеве и особняков вне его, дорогих машин класса люкс, земельных участков, коллекций картин, роскошной импортной мебели и прочего. То, что некоторые из декларантов исхитрились записать все это на жен, матерей и других близких родственников, не делает их бессребрениками.

Богатства нынешней правящей элиты просто шокируют. Какая-то ее часть собирала их при всех режимах, в том числе

и при коррумпированном режиме Януковича. Но большинство разбогатело в последние годы. Это все чиновные люди Майдана, которые так неистово обличали с его трибуны прежних коррупционеров и казнокрадов, убеждали избирателей в том, что Украине нужна честная власть, которую они и установят. Однако все эти заклинания и обещания оказались фальшивыми. Придя к власти, майданные предводители принялись воровать пуще своих предшественников. Как сказал известный киевский политолог Р. Бортник, «вместо старых сытых чиновников пришли новые голодные, которые начали грабить страну с удвоенной энергией». Это трагично. Прежде всего потому, что произошла очередная самодискредитация властной элиты, показавшая ее полное несоответствие национальным интересам страны.

Электронные декларации засвидетельствовали тотальное неверие новой власти в созданную ею же банковскую систему. Неожиданно оказалось, что для многих ее представителей более надежным, чем государственные банки, местом хранения своих денег являются их домашние сейфы. В это трудно поверить, но в некоторых из них хранятся сотни тысяч долларов. Это ли не убедительный сигнал своим согражданам поступать так же?

Не меньше, чем электронными декларациями народных депутатов и высших правительственных чиновников, украинская общественность была шокирована откровениями народного депутата А. Онищенко о совместных с президентом коррупционных «оборудках». Среди них: использование государственных средств для развития бизнеса П. Порошенко, назначение своих приближенных в систему прокуратуры Украины, массовая скупка голосов депутатов Верховной рады для принятия нужных президенту законов, неукоснительное следование указаниям администрации США и т. д. Достоверность своих свидетельств беглый нардеп подтвердил тем, что сам был два года соучастником президентских схем, к тому же тщательно записал все свои разговоры с П. Порошенко при помощи диктофона, встроенного в наручные часы. Компромат будто бы передал соответствующим службам США.

Если честно, то все сказанное А. Онищенко — не такая уж и новость. Что-то мы знали, о чем-то догадывались. Узнаем ли судебную истину? Вряд ли. Я не вижу заинтересованных в ее установлении. Определенно таковыми не будут США, на что так наивно надеется господин Онищенко. Здесь они останутся верны давнему правилу, выраженному формулой «наш сукин сын».

Для всех нас существенным в этом оглашенном конфликте между двумя олигархами является не столько его юридическая сторона, сколько морально-этическая. Два года А. Онищенко верно служил президенту и помогал ему в противозаконных действиях. Понимал, что когда-нибудь их дружба может закончиться, поэтому подстраховался аудиозаписями. Но молчал. Молчал бы и еще два года. Может быть, и вообще никогда не поведал бы миру общую с президентом тайну, если бы Генеральная прокуратура не допустила «оплошности» и не обвинила его в построении собственных коррупционных схем, связанных с деятельностью ОАО «Укргаздобыча», которые якобы нанесли ущерб государству в три миллиарда гривен. Разговорился только из лондонского и парижского далека, декларируя при этом свою жесткую политическую оппозицию нынешней власти.

Можно только представить, сколько еще таких онищенко находится в украинской политико-экономической элите. Это обстоятельство совершенно лишает общество надежд на справедливую народную власть.

На протяжении всего правления пятого президента обсуждалась проблема конфискации и возвращения в страну денег президента четвертого. О миллиардах В. Януковича говорят примерно так же, как еще недавно говорили о мифическом золоте Полуботка. Разумеется, нет ни малейшего сомнения в том, что выведенные из страны Януковичем и его окружением деньги должны быть возвращены Украине. Но точно так же несомненно, что на Украине, а не в офшорах должны находиться деньги П. Порошенко и его окружения. Почему-то разговоров об этом мы практически не слышим.

Наверное, этот вопрос встанет при шестом президенте. Сегодняшний пятый и его властно-олигархическая команда ничего

коррупционного в офшорных «оборудках» не видят. Услужливые юристы заявили, что они не входят в противоречие с украинскими и международными законами. Возможно, и не входят, но, помнится, когда премьер-министра Исландии уличили в офшорных делах, он тут же подал в отставку. Наши руководители такой нравственностью не обладают.

Мировой опыт убеждает, что в своем коррупционном грехе украинцы не одиноки. Политическая элита нигде и никогда не бывает бессребреницей. Принимая участие в управлении страной, а нередко и в переделе собственности, она не упускает шанса упрочить и свое благосостояние. Разве что украинская преуспевает в этом больше других. Сейчас, после 27 лет капиталистического развития Украины, видимо, уже поздно рассуждать, кто взял больше, кто меньше, кто в рамках принятых законов, кто с их нарушением. Кого надо сажать, а кого объявить совестью народа.

Одним из основных обязательств «оранжевой революции» было очистить украинскую власть от бизнеса. Оно с воодушевлением воспринималось не только сторонниками Майдана, но и теми, кто не разделял их радикального поведения. Вот только в реализацию этого обещания верили не все. И прежде всего потому, что звучало оно из уст все тех же олигархов, бывших властью в прошлом и собиравшихся стать ею в будущем. Минуло десять лет. Обещанной «очистки» так и не произошло. Не случилось этого и после второго Майдана. Более того, он фактически легализовал власть миллиардеров. Теперь уже о разъединении власти и капитала никто и не вспоминает. Ни те, кто обещал это сделать, ни те, кто горячо этому аплодировал. С таким положением дел можно было бы и смириться, если бы Украина демонстрировала успехи в своем экономическом развитии. Но этого тоже нет.

Наоборот, после Майдана-2 экономика продолжает деградировать. Это вполне отчетливо видно по уровню жизни населения, но, чтобы не ограничиваться общей констатацией, позволю себе сослаться здесь на результаты исследования известного ученого-экономиста В. К. Симоненко «Пятилетка крутого пике» (Киев, 2016). В ней автор на огромном до-

кументальном материале показал, что Украина оказалась в глубоком кризисе. Валовой внутренний продукт в 2015 году составил всего 34 % от уровня 1990 года, тогда как до переворота он равнялся 69,5 %. Произошла тотальная деиндустриализация, исчезли или обвалились многие базовые отрасли производства. По размеру средней зарплаты Украина занимает последнее место среди европейских стран. Стремительно уменьшается численность населения. В книге много других примеров, свидетельствующих об экономическом разрушении страны.

Ценность исследования В. К. Симоненко — не только в его драматической констатации, но и в том, что оно вскрывает причины столь бедственного положения: у новой политической элиты не было и нет сколько-нибудь внятного проекта развития государства и общества. «У власти, которая сегодня управляет страной, — утверждает автор, — нет даже понимания того, что государственное управление — это системное общественное явление». Собственно, нет в нем и профессиональных управленцев. Вместо них на всех уровнях руководят свои люди, «любі друзі» — донецкие, винницкие сообщники по бизнесу. Все они, по образному выражению автора, рассматривают власть как наиболее прибыльный бизнес. Их правление привело к тому, что Украина, имеющая территорию, границы, государственные символы и властные структуры, тем не менее не сложилась как государство. Конечно, это печальная констатация на двадцать шестом году украинской независимости.

Еще одним свидетельством непрофессионализма украинских властей, особенно послемайданного периода, является полное непонимание роли науки в жизни страны. Сознательно или по невежеству делается все, чтобы ее на Украине не было. В бюджете на 2017 год на нее было предусмотрено всего 0,18 % от валового внутреннего продукта, что однозначно приведет к вымиранию научных коллективов. В свое время мы били тревогу, когда финансирование науки равнялось 0,6–0,7 % от ВВП. Верховной радой был даже принят закон, предусматривавший повышение этих цифр до 1,7 %. И хотя в реальной жизни наука так и не получила такого финансирования,

в столь бедственном положении, как при «настоящих патриотах» во власти, она никогда раньше не находилась.

В странах Европы, куда мы хотим интегрироваться, на науку выделяется от 1,5 до 3 % ВВП. И не потому, что они богаты и могут позволить себе такую роскошь, а потому, что там есть четкое понимание, что при меньшем финансировании от науки невозможно ожидать должной отдачи. При 0,18 %, как это имеет место на Украине, наука превращается в символ. Она пока вроде бы не умерщвлена окончательно, но приносить пользу обществу уже не может.

Судя по тому, что это совершенно не волнует новую власть Украины и совсем не тревожит их западных наставников, и те и другие вполне удовлетворятся ее ролью сырьевого придатка Запада и резервуара дешевой рабочей силы. Развитая Украина с наукоемкими технологиями им не нужна.

Подводя итог сказанному, следует признать, что украинское общество оказалось неспособно ответить на новые вызовы. Это справедливо и по отношению к той его части, которая называется политической элитой, и к той, что именуется простым народом. В данном случае речь идет о сообщающихся сосудах.

4. УГРОЖАЕТ ЛИ РУССКИЙ ЯЗЫК УКРАИНСКОМУ?

Дискуссии по поводу состояния украинского языка на Украине не утихают на протяжении века. Казалось бы, с приобретением Украиной политического суверенитета и с конституционным закреплением статуса государственного языка проблема должна исчезнуть. Отныне, как говорится, Москва нам не указ, а приоритетность развития именно украинского языка гарантируется ничем не сдерживаемым стремлением народа к собственной историко-культурной идентичности. Несоизмеримо выросла и социальная престижность языка, ставшего языком министров, народных депутатов, президента. На украинский язык массово перешли вузы и школы, радио и телевидение, значительно вырос спрос на украинские газеты и журналы.

Украинский язык звучит на международных форумах, дипломатических встречах. Вошел он и в систему Интернета.

Казалось бы, можно только радоваться. Но на самом деле никакой радости нет. Скорее наоборот: плач по украинскому языку стал даже громче. Этот плач заводят в основном представители эстетствующих языковедов как на Украине, так и за ее пределами. Появился даже новый термин — «добровольная русификация Украины». Один из лучших наших литераторов Юрий Мушкетик сокрушается, что несчастному украинскому народу буквально не на кого опереться. Не служат ему опорой ни правительство, ни парламент, ни президент. В унисон подпевает писатель из диаспоры Богдан Бойчук, считающий, что «возникновение самостийной Украины имеет гораздо больше негативных импульсов в культурной жизни диаспоры (да и Украины), чем позитивных»[1].

Откуда такое отчаяние? Прежде всего, слишком медленна победная поступь украинского языка на Украине, по-прежнему очень сильны позиции русского языка. Последний широко используется не только на бытовом, но и на официальном уровне. Отдельные министры, многие народные депутаты говорят по-русски. Кроме того, на Украине выходит масса русскоязычных газет и журналов. Негосударственные теле- и радиокомпании нередко отдают предпочтение российскому вещанию. Книжный рынок Украины заполнен низкопробной литературой восточного соседа — по выражению Ю. Мушкетика, «русскоязычным непотребом». И. Дзюба даже говорит о «широком, более чем при советской власти, господстве российской и русскоязычной прессы, русской книги и русского шоу-бизнеса».

Вот уж действительно есть от чего впасть в отчаяние. Особенно эстетствующему языковеду. Все настойчивее на самых высоких собраниях с повесткой дня об украинском языке и его внедрении во все сферы нашей жизни выдвигается требование положить конец засилью русского языка. Так ведь никто не возражает. Но дать оптимальный рецепт, как же лучше это

[1] *Бойчук Б.* Украинская литература в параметрах: Украина и диаспора // Украинские проблемы. Киев, 1998. № 2. С. 116.

сделать, не в состоянии даже сами авторы такого радикального требования. Может быть, издать циркуляр по образу и подобию Валуевского, который запретил бы использование русского языка? Но это было возможно в условиях царского абсолютизма. А в демократической стране, исповедующей приоритет общечеловеческих ценностей, такой административный акт невозможен.

Призывы и воззвания к чувству гордости и украинскому патриотизму, которых у нас недостает, в вопросах языка не принесут желаемого эффекта. Язык и патриотизм — предметы, слабо между собой связанные. Можно быть патриотом Украины, иметь украинскую гордость и не говорить на украинском языке. Наверное, никто не посмеет укорить нашего известнейшего интеллектуала, академика Н. Амосова, что он не был патриотом Украины. Это был патриот высшей пробы. Но говорил и писал он по-русски, свои мысли об интеграции Украины с Западом тоже выражал на русском языке. Другой пример можно привести из области спорта. Наш выдающийся тренер В. Лобановский говорил по-русски, но это ничуть не помешало ему быть патриотом Украины и укреплять ее международный авторитет. А послушайте, на каком языке провозглашаются ультрапатриотические лозунги на олимпийском стадионе во время футбольных матчей сборных Украины и России. Порой сгораешь от стыда за некоторых наших земляков, которые именно таким способом используют великий русский язык. Но отказать им в украинской самоидентификации никак нельзя.

Украинское радио транслировало авторскую программу профессора Анатолия Погребного под впечатляющим названием «Если бы вы учились так, как надо». За исключением спорных обобщений автора передача была сто́ящая и делала доброе дело — способствовала популяризации украинского языка. Убежден, что такие публичные лекции способствуют утверждению авторитета украинского языка значительно больше, чем все обращения к официальным постановлениям или к совести соотечественников. Надо самим тащить плуг, а не проливать слезы о том, что нива не вспахана. Пишите

красиво, уважаемые писатели и поэты, и вашими стихами или романами будут зачитываться. Талантливо и с высоким качеством переводите образцы лучших произведений мировой литературы, и они, уверен, не залежатся на книжных полках. А пока давайте будем честными перед собой: вся творческая энергия наших литераторов уходит, что называется, в гудок. Потому-то нам нечего противопоставить русскоязычному «непотребу». Если нет вдохновения создавать высококачественные литературные произведения, пишите хотя бы приключенческие или детективные романы, историческую беллетристику, как это делают ваши российские коллеги. Для начала вытесните с рынка их «непотреб» своим, украинским.

И все-таки с одним тезисом уважаемого профессора, который, кстати, звучит из уст и других наших защитников украинского языка, позволю себе не согласиться. А тезис таков: без языка нет народа. Понятно, что не вообще без языка, а без собственного языка. Но ведь всем хорошо известно: в мире языков меньше, чем народов. Латиноамериканский континент, например, использует европейские языки, но это совершенно не значит, что кубинский, чилийский и бразильский народы считают себя испанцами или португальцами и не осознают своих национальных особенностей. Точно так же господство английского языка в странах Северной Америки совершенно не означает, что в США или Канаде проживает английский народ. Иллюстрацию этого очевидного факта можно продолжить примерами арабского, тюркского, немецкого и ряда других языков, но едва ли в этом есть необходимость. И так ясно, что язык не является единственным определяющим признаком народа.

Все, что я сказал, отнюдь не означает желания принизить пафос просветительской передачи А. Погребного. Я лишь хотел подчеркнуть некорректность ее отдельных положений. Потому что утверждение «без языка нет народа» не столько убеждает людей в необходимости изучения украинского языка, сколько вызывает сомнения на этот счет. Люди ведь грамотны и знают, что на самом деле все не так. Нужны иные аргументы.

Наше нетерпение по поводу замедленного внедрения украинского языка во все сферы понять нетрудно. Хотелось бы увидеть его полный триумф еще при жизни. Но у языка свои законы развития. Его утверждение даже при условии наибольшего государственного благоприятствования не может произойти мгновенно. Иной раз для этого необходима смена нескольких поколений. Как гласит казахская мудрость, для обновления народа требуется пятьдесят лет. Нельзя заставить пожилого человека, который всю жизнь разговаривал по-русски, немедленно перейти на украинский язык. Кто-то так не сделает принципиально, а кому-то не под силу выучить другой язык настолько хорошо, чтобы не стыдно было на нем разговаривать.

Надо считаться и с тем, что на Украине проживает более 8,5 миллионов этнических русских, для которых отречение от своего родного языка так же болезненно, как и для украинцев — от своего. Нетерпимость или, еще хуже, административные методы — не лучшие помощники в этом деликатном деле. Язык служит объединению людей. Он не должен быть источником постоянного напряжения.

На нынешнем этапе важнее не показатель абсолютного владения украинским языком, а тенденция его развития. Если мы взглянем на ситуацию под таким углом, то не увидим никаких оснований для истерики и отчаяния. Украинский язык, о чем шла речь еще в начале моей книги, все увереннее заявляет о себе как о языке государственном. Это нужно уметь видеть и делать все возможное, чтобы нынешняя тенденция приобрела необратимый характер.

Какой украинский язык мы должны растить?

Когда мы сокрушаемся по поводу медленного утверждения украинского языка, то обязательно сетуем, что основная причина — наше обрусение. Это в значительной степени соответствует действительности. Русский язык и в самом деле конкурент украинского. Но только ли в этом беда последнего? Нет ли у украинского языка внутренних противоречий, которые не дают ему полноценно развиваться?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к истории. В 1912 году в Киеве вышла небольшая по объему книга Ивана Нечуй-Левицкого «Кривое зеркало украинского языка». Писатель возмущается тем, что украинский литературный язык, сформированный на базе приднепровских диалектов, загрязняется галицким говором. Эта тенденция приобрела особенно угрожающий характер после того как в Киев возвратился М. Грушевский и перенес с собой целый ряд галицких журналов — «Село», «Литературный научный вестник», «Записки Киевского научного общества» и прочие. И. Нечуй-Левицкий считает, что М. Грушевский внедряет «нахрапом на Украине галицкий книжный язык и правописание», чем, по сути, «роет такую яму, в которой можно навеки похоронить украинскую литературу»[1]. В другом месте своей книги он к этому добавляет: «Галицкие издательства в Киеве со своим языком и правописанием принесли украинской письменности много вреда, возможно — непоправимого»[2].

Гнев писателя вызван не только многочисленными полонизмами и германизмами галицкого языка, но и его правописанием, которое основывалось на латинском или польском. «Получилось нечто настолько трудное, — писал И. Нечуй-Левицкий, — что его ни один украинец не мог читать. Этот замысловатый язык отбил охоту у многих украинцев читать украинские книги, отбил охоту к родной литературе»[3].

Самая большая тревога И. Нечуй-Левицкого в том, что тем самым «размывается язык наших писателей-классиков. Никто о них не думает, вроде бы их и на свете не существовало»[4]. Его пугает и агрессивность галичан, с которой те не просто утверждают свой диалект, но пытаются вытеснить им наддне-провский язык. Он в отчаянии восклицает: «Галицкая агитация не дремлет и вредит нам почище старой цензуры»[5].

---

[1] *Нечуй-Левицкий И.* Кривое зеркало украинского языка. Киев, 1912. С. 10.

[2] Там же. С. 47

[3] Там же. С. 7, 48.

[4] Там же. С. 77.

[5] Там же. С. 65.

Такая напористость М. Грушевского и других галичан в области украинского языка объяснялась будто бы тем, что Надднепровская Украина полностью обрусела, и, следовательно, настоящий украинский язык сохранился лишь в Галичине. А надднепровцы не признавали за галицким диалектом прав на всеукраинское распространение, поскольку он был слишком ополячен.

Одновременно с И. Нечуй-Левицким бьет тревогу И. Стешенко: он указывает на засорение украинского литературного языка бытовой лексикой. Разъясняя необходимость создания единого для всех украинцев языка, он предостерегает от неоправданного вмешательства в его живой организм, потому что любые перемены в языке «считаются расшатыванием основ самой нации, а борьба между реформаторами языка и его бережными хранителями порой приводит к вопросу государственного значения»[1].

С обстоятельным ответом И. Нечуй-Левицкому выступил в 1913 году Владимир Гнатюк. Он говорил: «Всякий литературный язык вырастает из такого диалекта, на котором творили известнейшие писатели. Чем больше талантливых писателей, тем сильнее они оттесняют из литературного языка другие диалекты, вводя свой, пока он не станет полностью господствовать»[2].

Казалось бы, после такого теоретически безупречного определения В. Гнатюк должен был признать именно за надднепровским диалектом право быть фундаментом украинского языка. На нем писали выдающиеся украинские писатели — И. Котляревский, Г. Квитка-Основьяненко, Т. Шевченко, П. Мирный, М. Коцюбинский, И. Нечуй-Левицкий. Но этого не произошло. Наоборот, он обвиняет И. Нечуй-Левицкого в том, что тот признает центром украинского языка только надднепровский диалект, а все остальные говоры считает неважными, «окраинными»[3]. В. Гнатюк, со своей стороны, ставит под

---

[1] *Стешенко И.* Об украинском литературном языке // ЛНВ. 1912. Кн. 2. С. 302.

[2] *Гнатюк В.* Задача нашего литературного языка // Дело. Львов, 1913. № 65. С. 1.

[3] Там же. № 66. С. 2.

сомнение желание И. Нечуй-Левицкого и других украинских писателей взять за основу литературного языка левобережные говоры, и главный среди них — полтавский. Справедливости ради надо сказать, что он не настаивает и на исключительности галицкого диалекта, поскольку убежден, что «необходимо одним брать от других все лучшее и плодотворное, отбрасывая негативное и ненужное»[1]. И все-таки, принимая во внимание потребность в «едином научном и публицистическом литературном языке», В. Гнатюк делает вывод, что у беллетристики еще долго будут оставаться свои региональные права.

К сожалению, региональные права остались у двух литературных языков — наддне́провского и галицкого. Единения так и не произошло.

В. Гнатюк опровергал авторитетность суждений И. Нечуй-Левицкого тем, что у того нет филологического образования. Но этот писатель — не первый, кто выражал беспокойство галицизацией украинского литературного языка. Еще раньше это делали Михаил Драгоманов и Борис Гринченко. В конце концов, это же признавал и сам В. Гнатюк: «Хотя украинские писатели в России жалуются на галицкий литературный язык не только сейчас, а уже целых двадцать лет... и укоряют его влиянием польского, немецкого и прочих языков, но при этом не обращают внимания на российское влияние»[2].

По М. Драгоманову, «для российской Украины пока та педагогическая галицкая литература большой ценности представлять не может как из-за разницы школьного образования, да и по причине небрежности галицких авторов и переводчиков при обработке языка. Язык этот русскоязычным украинцам кажется трудным, смешанным, порой — совершенно варварским»[3].

Еще выразительнее характеризует галицкий литературный язык Б. Гринченко. «Некоторые галицкие издания, — пишет он в одном из своих писем из Наддне́провской Украины, — таковы, что у них практически нет ничего, что могло бы быть

[1] *Гнатюк В.* Указ. соч. № 69. С. 1.

[2] Там же. № 66. С. 2.

[3] *Гринченко Б., Драгоманов М.* Диалоги об украинском национальном вопросе. Киев, 1994. С. 227–228.

литературным... Рутинный галицкий язык буквально отталкивает свежего читателя»[1]. Относясь в принципе с симпатией к галицкому национальному движению, Б. Гринченко не мог испытывать те же чувства к галицкой литературе, которая никак не хотела переходить на фонетический язык. «Очень жаль, — замечает он, — что галичане вообще (кроме нескольких исключений) не придают значения своему литературному развитию и в самом деле находятся в этой области на низком уровне, а их произведения (кроме повестей Федьковича, Франко и Кобринской), как правило, напоминают своим содержанием и языком (часто невозможным!) начало, а не конец XIX века. Это препятствует общей работе людей из обеих частей Руси–Украины»[2].

Со времен тех дискуссий — Б. Гринченко с М. Драгомановым (1892–1893) и И. Нечуй-Левицкого с В. Гнатюком (1912–1913) — прошло много лет, сменили друг друга несколько исторических эпох, а ситуация с существованием двух украинских литературных языков остается злободневной и в конце XX столетия. Разница лишь в том, что один из этих языков — надднепровский — ушел далеко в своем развитии, а второй — галицкий (в его диаспорном варианте) — по сути, так и остался на позициях конца XIX — начала XX века.

Как и при М. Грушевском, сегодня на Украину, теперь уже из диаспоры, перенеслись журналы, газеты, издательства, отнюдь не собирающиеся исповедовать правило, по которому в чужой монастырь не ходят со своим уставом. Как пример — поэт из Нью-Йорка Богдан Бойчук. Его, как и многих других представителей диаспоры, не устраивала литература Советской Украины, поэтому все они, по его словам, «писали не только для нас, но и для них, для Украины, и делали это совершенно сознательно»[3]. До возникновения суверенной Украины диаспора якобы одна несла ответственность за украинскую литературу, музыку, театр и искусство. Отныне эти обязанности должны были взять на себя украин-

[1] *Гринченко Б., Драгоманов М.* Указ. соч. С. 119.
[2] Там же. С. 143.
[3] *Бойчук Б.* Указ. соч. С. 117.

ские писатели, композиторы, театральные деятели, которых очень много, целые тысячи. Но они, по мнению Б. Бойчука, не выполняют в полной мере своей высокой миссии. А из этого следует логический вывод: диаспора и впредь должна помогать Украине.

За помощь, конечно, спасибо. Но в том, что касается украинского литературного языка, помогать надо не Украине, а диаспоре. Удивительно, что этого никак не поймут наши единокровные братья из-за океана. С энтузиазмом, достойным лучшего применения, они навязывают нам языковые формы конца XIX — начала XX века, которых давно уже нет и в самой Галичине.

В диаспорно-украинских изданиях, которые выходят на Украине, явочным порядком внедряются не только архаичные, зачастую иностранного происхождения лексемы — *амбасада, кшталт, шпальта, терень, трафити, наразі, социяльний, тяглість, спільнота, відсоток, вояк, діяспора, радіюс, діялектика,* — но и совершенно чуждые литературному языку фонетические и синтаксические формы.

Непривычны и невосприимчивы для слуха украинца окончания «и» в родительном падеже единственного числа существительных третьего склонения вместо употребляемого на Украине окончания «і». Например, *радости, смерти, любови, вісти, ментальности* и т. д. Аналогично воспринимается замена буквы «ф» буквой «т» в словах иностранного происхождения: *катедра, Атон, Атанасій, Теодосій* и пр. Со времен наших первых летописей на Руси эти и подобные им слова писались с буквой «ф». Какая насущная необходимость заставляет нас отказаться от собственных традиций? К тому же во многих случаях эта замена приведет к утрате смысла понятия. Напишите: *Фрідріх, Фауст, Фаберже,* или адаптированное украинское *Федір* с начальной буквой «Т» — и вы не узнаете этих привычных для нас имен.

Что уж говорить об искусственной букве «ґ», которой никогда не было в нашем алфавите. Теперь она ставится где надо и не надо. Как говорят на Украине, куда конь с копытом, туда и рак с клешней. За диаспорными изданиями потянулись и наши,

наверное, считая, что таким способом они станут больше украинскими. И почему-то никто не принимает во внимание читателя, не интересуется его мнением, наконец, не задумывается над тем, что действующее сегодня правописание — обязательное на Украине, и отступать от него — значит свидетельствовать о неграмотности издания.

Несколько слов об истории нормирования украинского литературного языка. Этапным в этой истории было издание четырехтомного словаря украинского языка под редакцией Б. Гринченко в 1907–1909 годах, где использовался принцип фонетического правописания. В 1918–1919 годах И. Огиенко, А. Крымский и Е. Тимченко издали основные правила украинского правописания, а в 1928–1929 годах была попытка объединить галицкую и надднепровскую орфографию в единую. Тогда пришли к компромиссу: украинские по происхождению слова должны писаться по восточнославянским традициям правописания, а заимствованные — согласно западноукраинскому правописанию. Но такой симбиоз оказался недееспособным. Об этом предупреждал И. Огиенко, но тогда к нему не прислушались. «Наша литературная традиция, — писал И. Огиенко, — начинается памятниками XI века, в этих древних наших памятках скрывается в определенной мере ответ на вопрос, в какой именно форме употреблять нам чужие слова. ...Скажем, когда мы спокон веку писали *Амвросий, Ирина, эфир,* то какой же смысл менять эти извечные свои формы на латино-польские *Амброзій, Ірина, етер*. Когда мы еще в начале своего литературного языка чужие нам *g, l, i* все передавали через *г, л, и* и писали *гигант, митрополит, Платон,* то почему я должен теперь махнуть на все рукой, писать и произносить *гігант, мітрополіт, Плятон*[1].

Сегодня наши языковые реаниматоры заявляют, что используют словарь правописания Г. Голоскевича, изданный в 1930 году в Харькове. На самом деле это далеко не так. В словаре Голоскевича есть *Ліван*, *Мадрід*, *Сірія*, *Сіцілія*, *Афон*,

[1] *Огиенко И.* Очерки истории украинского языка: система украинского правописания. Популярный научный курс с историческим освещением. Варшава, 1927. С. 123.

в диаспорных и ряде отечественных изданий эти же слова пишутся *Ливан*, *Мадрид*, *Сирія*, *Сицилія*, *Атон*. Таких же модных у нас сегодня слов, как *летовише*, *тяглість*, *наразі*, *трафити*, в этом словаре нет вообще.

Путаница с употреблением искусственной буквы «ґ» привела к тому, что в 1933 году ее исключили из новой редакции «Украинского правописания». Убежден, что это был правильный шаг. И непонятно, зачем в 1990 году решили опять возвратиться к употреблению этой буквы. Скорее всего, уступили все тому же натиску из-за океана. Некоторые наши радетели чистоты украинского языка буквально пьянели от восторга перед этим актом, называя букву «ґ» не иначе, как реабилитированной. Начали неуместно внедрять ее в современный литературный язык, и этим резко снизили ее пригодность не только для русскоязычных, но и для украиноязычных граждан Украины. Чего стоит только рекомендация писать привычное нам «Хемінгуей» как «Гемінгуей». Как справедливо отметила языковед С. Ермоленко, «украинцы из материковой Украины воспринимают *ґ* во всех заимствованных словах как влияние чужих языков, как нарушение традиционного звукового образа национального языка, потому что именно звук *ґ* — дистинктивный признак украинского языка»[1].

Когда-то вторая Государственная дума России приняла решение об извлечении из русского книжного языка букв «ъ» и «ѣ» как затрудняющих школьников при овладении грамматикой. Аналогичные процессы упрощения и универсализации наблюдаются практически во всех развитых языках мира, и только Украина почему-то идет назад.

Неестественно усложняется украинский язык и кампанией вовлечения в его лексику галицких диалектизмов (как правило, полонизмов, германизмов) конца XIX — начала XX века. Однажды в разговоре с нашим лучшим языковым стилистом академиком НАН Украины И. Дзюбой я рассказал о своем опасении по этому поводу. Он не разделил моей тревоги и ответил, что идет процесс обогащения языка. Возможно, и так. Тогда

[1] *Ермоленко С. Я.* Закономерные перемены, постепенные, а не революционные. Украинское правописание: да и нет. Киев, 1997. С. 46.

почему же мы не проявляем аналогичного интереса, скажем, к российскому, северскому, слобожанскому и другим нашим украинским диалектам? Обогащаться так обогащаться. Вот только боюсь, что в результате этого обогащения украинский литературный язык окончательно утратит свою конкурентоспособность. Он станет трудным и малодоступным даже для этнических украинцев. А в итоге люди потянутся к языку более простому и легкому, каким является русский. Неужели наши языковые реформаторы этого не предвидят?

Сегодня на Украине фактически существуют два украинских правописания и два литературных языка. Они не только конкурируют друг с другом — они разделили надвое этнос. Не знаю, встречалось ли что-то подобное в мировой практике. Как можно надеяться на призывы любить родной украинский язык, когда люди растеряны и не могут понять, какой именно литературный язык им надо любить? Тот, который в течение многовековой эволюции сформировался на Украине, или тот, который навязывают из украинской диаспоры?

В 1994 году при Кабинете министров Украины была создана Украинская национальная комиссия по вопросам правописания, которая должна была предложить новую редакцию и положить конец языковому хаосу на Украине. Прошло четыре года, но новой редакции украинского правописания у нас все еще нет. Дело оказалось не столь простым, как предполагалось. Обсуждение новой редакции подтвердило, что среди специалистов-языковедов нет единой точки зрения по вопросу, каким же должно быть украинское правописание. Одни настаивают на минимальном вмешательстве в украинское правописание, другие готовы изменить его кардинально. Кроме филологического тут, к сожалению, явно присутствует и политический аспект. Ряд исследователей практически не скрывает, что необходимость редактирования правописания вызвана желанием устранить внедряемую десятилетиями подгонку украинского языка к произношению и правописанию родственного русского языка. Они хотят извлечь заимствованные из русского языка слова, которых в украинском не было.

Следовательно, главная беда современного украинского литературного языка в том, что он похож на русский. И если мы изменим его фонетику и расширим лексический ряд за счет заимствований из польского, немецкого, английского или любого другого западного языка, то получим настоящий украинский язык, не засоренный русизмами. Не стоит долго развивать этот сюжет: его абсурдность очевидна. Украинский и русский языки в своей родословной имеют общее начало — древнерусский язык. Вот потому у них есть право на весь лексический ряд, который сохранили для нас памятники письменности времен Киевской Руси. Подавляющее большинство слов, которые принято считать русскими в украинском языке, на самом деле древнерусские, и по сути они настолько же русские, насколько и украинские. Извлечение их из современного украинского языка было бы равнозначно отречению от нашей древнерусской первородности.

Не выдерживает критики и непреодолимое желание некоторых реформаторов максимально учесть особенности языка украинской диаспоры. Не приведи господи, чтобы мы пошли этим путем. Тогда мы вообще потеряем язык. В диаспорном украинском языке царит такой хаос правописания, что о едином нормативном языке не стоит и говорить. Яр. Славутич, критикуя диаспорных реформаторов украинского языка, заметил, что они «то смотрят на букву „ґ“ как на священную неприкасаемую корову, то употребление твердой „л“ рассматривают как измену и переход в московский лагерь»[1]. Невероятная путаница произошла и в орфографии иностранных слов диаспорного языка. Кроме того, их натурализм меняет до неузнаваемости украинский язык: *каледж*, *гелікоптер*, *стейт*, *гайвей*, *окей* и пр.

Драматическим было бы возвращение к правописанию 1928–1929 годов. Даже если бы это правописание было идеальным. Но с ним Украина прожила всего четыре года, в то время как правописание 1933 года (с определенными последующими уточнениями), полностью подчиненное надднепровской

[1] *Славутич Яр.* Предполагаемые перемены в «Словаре правописания» Г. Голоскевича // Языкознание. 1994. № 1. С. 73.

традиции правописания, юридически действует и сегодня. Не считаться с этим фактом невозможно. Несколько поколений создателей и пользователей языка опиралось именно на это правописание. Был создан хороший и достаточно обработанный украинский литературный язык, который нередко называют соловьиным или калиновым. Все наше литературное наследие — от И. Котляревского до Бориса Олийныка — создано и опубликовано на этом языке. Так неужели сегодня мы должны ставить под сомнение его подлинность?

Правописание 1928–1929 годов не было не только идеальным, но и вообще жизнеспособным. Об этом говорил еще его создатель Ив. Огиенко. Об этом говорили и языковеды последующих поколений. Пожалуй, ценнейшее замечание сделал Ю. Шевелев, один из ведущих языковедов диаспоры. Он утверждал: «Правописание 1928–1929 гг., несмотря на то что оно было добросовестно обработано выдающимися языковедами, оказалось нереальным, обреченным на провал. С самого начала его приняли негативно, придерживались неохотно. Желаемое соединение двух правописаний, двух традиций правописания не состоялось, да и едва ли могло бы состояться при сохранении их обоих в своеобразном, искусственно навязанном компромиссе... новая норма не отвечала ни одной традиции»[1].

Все сказанное о правописании 1928–1929 годов можно повторить и по отношению к его новой редакции, которую готовит сегодня Украинская национальная комиссия по вопросам правописания. Зачем дважды наступать на одни и те же грабли? Не надо быть языковедом, чтобы понять: нет никакой возможности создать систему норм, которые бы одновременно охватывали нормативную сферу украинского «материкового» литературного языка и диалектов украинской диаспоры. Мы подразумеваем, как правило, под последними преимущественно американских или канадских украинцев, но есть же и те, кто живет в странах Западной Европы, в Австралии, Аргентине, России, Беларуси, Казахстане. Исповедуя принцип объе-

[1] *Шевелев Ю.* Украинский язык в первой половине двадцатого века (1900–1941). Положение и статус // Современность. 1987. С. 160–161.

динения, должны бы учитывать в новом правописании язык и их диаспор тоже.

На самом же деле ничего подобного делать не надо. Тут уместно сослаться на авторитет Ю. Шевелева. Он напоминает: «Правописание не должно сражаться с языком, не должно навязывать ему то, что чуждо. Сущность правописания в том, чтобы формулировать правила, по которым надо писать то, что есть в языке, а не реформировать язык способами правописания»[1].

Считаю, что лучшим результатом работы Национальной комиссии по правописанию было бы утверждение в правах действующего сегодня украинского правописания. Оно не требует никаких реформ. А потому не стоит искать себе горя там, где его нет. Потому что ко всем бедам — экономическим, социальным, экологическим, — которые переживает сегодня Украина, мы, вопреки здравому смыслу, пытаемся добавить еще и беду из-за реформы языка.

Русский язык: иностранный или родной?

Еще несколько лет назад такая альтернатива никому и в голову не приходила. Как можно относить к разряду иностранных язык, который знают и используют большинство украинцев, родной почти для 25 % граждан Украины?! Но сегодня это реальность. В школьных программах русский язык и литература приравнены к иностранным. Количество часов на изучение сведено к минимуму. А. Пушкину отпущено 14 часов, М. Лермонтову — 5, Н. Гоголю — 2. В 85 % общеобразовательных школ Украины русская литература изучается в переводе на украинский язык.

Интересное объяснение этого явления дал И. Дзюба. Он сказал, что русский язык сегодня расплачивается за грехи великодержавных идеологов, принесших столько горя нашему национальному развитию в прошлом. С таким подходом аналогичные исторические счета можно выставить и некоторым другим языкам, например польскому, турецкому или

[1] *Шевелев Ю.* Указ. соч.

немецкому. Но справедливо ли делать язык и культуру заложниками обиженной исторической памяти? Не стоит забывать, что именно носители русского языка и культуры подарили нам гений Тараса Шевченко. А сколько наших земляков стали выдающимися деятелями русской культуры и науки! Разве можно абстрагироваться от этого и называть русский язык «языком иностранного государства»? Такое определение показалось бы несправедливым даже И. Дзюбе, который более других делает сегодня для теоретического осмысления роли украинской культуры и ее утверждения в нашем суверенном существовании.

«Самостоятельное историческое существование украинского народа должно быть обеспечено культурой, иначе оно останется ущербным. Речь идет не о вытеснении русской культуры (это было бы драматическим самообнищанием, и в связи с этим надо говорить о неразумности новомодного украинского патриотического стереотипа воспринимать русский язык как язык иностранного государства — это же родной язык многих украинских граждан, он знаком с детства почти всем украинцам, нравится это кому-то или нет, вот почему его нынешний статус нельзя сравнить со статусом английского или любого другого языка), — то есть речь идет не о вытеснении русской культуры, а об оптимизации ее взаимоотношений с украинской»[1].

Под этими словами И. Дзюбы, очевидно, подпишется каждый украинский интеллигент. Жаль только, что продолжение его мысли несколько нивелирует пафос приведенных выше строк. Он, в частности, говорит о необходимости как-то сбалансировать присутствие русской культуры на Украине присутствием и других мировых культур. Получается все-таки, что русская культура — иностранная, а иначе зачем понадобилось бы ее сбалансировать?

Русский язык, как и вся русская культура, действительно, не могут считаться чужими для украинцев. С украинским языком и культурой они связаны общностью истоков, этни-

[1] *Дзюба И.* Идеологические децибелы «диалога культур». Украинско-русские отношения: гуманитарное измерение. Киев, 1998. С. 90.

ческим родством их носителей, а также взаимным соавторством русских и украинцев в создании обеих культур. Когда-то Б. Гринченко не мог понять, почему М. Драгоманов считал, что на русской Украине не могут «родители, даже украинофилы, дать своим детям литературное образование, опираясь только на Шевченко, без Пушкина и Лермонтова»[1]. Наконец, он признал, что указанных писателей следовало бы знать больше, чем классиков иностранной литературы. «Никто не станет возражать, что одного Шевченко для образования, пусть только литературного образования, недостаточно, точно так же, как москалям не хватает Пушкина и Лермонтова. Они берут еще Шекспира, Гейне, Гёте, Данте, Гомера. И нам мало только Шевченко. Мы тоже должны брать и Гёте, и Шекспира, и Гюго, и Пушкина»[2].

Не заметили, что Гринченко понимает место русского языка и литературы в украинском культурно-образовательном процессе примерно так, как многие думают сегодня? А. Пушкина он поставил в ряд с иностранными классиками, и к тому же не первым, а последним. Следуя этой логике, нам придется отнести к категории иностранных деятелей культуры таких выдающихся украинцев, как Феофан Прокопович, Дмитрий Ростовский, Николай Гоголь, Николай Костомаров, Пантелеймон Кулиш, Владимир Короленко и многих других. А как быть с Тарасом Шевченко? Неужели и его русскоязычное творчество — драмы, повести, дневники — будем изучать на уроках иностранной литературы?

Возвратимся еще раз к творчеству великоросса А. Пушкина. Разве можно говорить, что он для украинцев равнозначен Гейне или Шиллеру?

М. Драгоманов пытался объяснить Б. Гринченко особое место А. Пушкина для украинской культуры хотя бы тем, что именно Пушкин, а не Гейне или Шиллер, написал поэму «Полтава». А в ней идеи вольности украинцев, их тяга к государственной независимости отражены настолько сильно, как никогда не были отражены в украинской литературе.

---

[1] *Гринченко Б., Драгоманов М.* Указ. соч.
[2] Там же. С. 133.

Без милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державой
Украйне быть уже пора:
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра.

Не будем идеализировать А. Пушкина. Он едва ли симпатизировал намерениям И. Мазепы, но гениально их воспел, четко обозначив, что выступление против Петра — не спонтанно, оно давно выношено.

Украйна глухо волновалась.
Давно в ней искра разгоралась.

Мазепа у Пушкина — не одинокий заговорщик, а представитель определенной политической концепции государственного развития Украины, выразитель интересов казацких старейшин, которые уже давно настаивали на разделении с Москвой.

Теперь бы грянуть нам войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко,
Иль Самойлович молодой,
Иль наш Палей, иль Гордиенко
Владели силой войсковой;
Тогда б в снегах чужбины дальней
Не погибали казаки,
И Малороссии печальной
Освобождались уж полки.

Если бы у Пушкина была только одна эта поэма, и тогда он имел бы право занять особое место в нашей культуре, отнюдь не равнозначное месту Гейне или Шиллера. Но ведь он написал еще «Руслана и Людмилу», «Бахчисарайский фонтан», «Песнь о вещем Олеге», «Гусара» и много других произведений, в которых воспел историю и природу нашей земли. Так зачем же отказываться от этого литературного наследия потому лишь, что оно написано на русском языке и принадлежит авторству русского поэта?

Украинская история служила источником поэтического вдохновения и современнику А. Пушкина — декабристу К. Рылееву. Его перу принадлежат думы «Ольга на могиле Игоря», «Богдан Хмельницкий», поэмы «Войнаровский», «Наливайко». К. Рылеев с симпатией говорит о стремлении украинцев к свободе. Войнаровскому он вложил в уста такие слова о выступлении против Петра I:

Так мы, свои разрушив цепи,
На глас отчизны и вождей,
Ниспровергая все препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческих степей.

В поэме «Наливайко» звучит та же тема вольности Украины, которая рвется из братских объятий Польши:

Мне ад — Украйну зреть в неволе.
Ее свободной видеть — рай!
Еще от самой колыбели
К свободе страсть зажглась во мне;
Мне мать и сестры песни пели
О незабвенной старине,
Тогда, объятый низким страхом,
Никто не рабствовал пред ляхом.

Исповедь Наливайко — это переданная в поэтической форме система либерально-демократических взглядов самого К. Рылеева на историю украинских устремлений к независимости, в том числе от Варшавы.

Нелишним будет напомнить некоторым неблагодарным соотечественникам о том, сколько хорошего сделали для украинского языка и литературы такие «иностранцы», как Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, Н. Некрасов и другие русские писатели 60–70-х годов XIX века. В журнале «Современник» печаталось немало статей об украинской литературе. Среди них — «Национальная бестактность» и «Народная бестолковость» Н. Чернышевского, «Черты к характеристике русского простолюдина» и «Кобзарь» Т. Шевченко, «Сказки Марко Вовчок» Н. Салтыкова-Щедрина.

Нередко русские писатели были даже более высокого мнения об украинской литературе, чем некоторые украинские. Показательно в этом отношении высказывание Н. Чернышевского: «Когда г. Кулиш говорит, что в малороссской литературе часто и до этого времени изображается котляревщина, возразить, конечно, нам нечего. Но мы теперь видим в ней и многое другое, уже непохожее на котляревщину, именно поэтому теперь никто из нас не имеет права отзываться о малороссской литературе без уважения и сочувствия, если не хочет заслужить название невежи»[1].

Н. Чернышевскому вторит и Н. Лесков. В одной из своих публицистических статей о Т. Шевченко он писал: «У малороссского народа, слава богу, есть отныне своя литература, есть свои ораторы, свои историки... Малороссское слово приобрело права гражданства, прозвучав впервые в ораторской форме над гробом Шевченко»[2].

Чтобы делать такие публичные заявления во времена господства идеологии валуевщины, надо было иметь не только симпатию к украинскому языку и литературе, но и мужество.

Не знаю, отведено хоть сколько-нибудь часов в школьном курсе «иностранная литература» для знакомства с творчеством Н. Лескова. Он действительно был выдающимся русским писателем, но считать его иностранцем по отношению к Украине никак нельзя. Значительная часть его произведений посвящена именно Украине: «Некрещенный поп», «Архиерейские объезды», «Печерские антики», «Владычный суд», «Запечатленный ангел», «Фигура», «Заячий ремиз» и др. Изображенные в них события происходят в Киеве и на Украине, главные герои — украинцы, в литературном варианте широко употребляются элементы украинского фольклора и разговорной украинской речи. Для Н. Лескова, прожившего более десяти лет в Киеве, знание украинской истории и языка были естественными. Он и как писатель, собственно, сформировался

---

[1] *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений : в 16 т. М., 1939–1953, Т. II. С. 943. Цит. по: История украинско-русских литературных связей. Киев, 1987. Т. 1. С. 182.

[2] Русская речь. 1861. № 19–20.

на украинской почве. Уже будучи зрелым автором, Н. Лесков писал: «Меня в литературе считают орловцем, но в Орле я только родился и провел свои детские годы, а затем в 1849 году переехал в Киев»[1]. В широком освоении украинской тематики Н. Лесков стал достойным продолжателем литературного направления Н. Гоголя.

Есть свое место и у И. Тургенева, благодаря которому Марко Вовчок стала «явлением не только украинской, но и общероссийской литературной жизни»[2]. Есть И. Суриков с его стихами на украинские темы («Слеза косаря», «Прощание», «Из украинских мотивов», «В Украине»), М. Булгаков и его «Белая гвардия», М. Волошин со своими таврическими мотивами, а также много других русских писателей, творчество которых воспевает украинскую историю, этнографию и природу. В. Маяковский заслужил доброжелательное к себе отношение уже за то, что в своем стихотворении «Дань Украине» призывал учить украинский язык:

Говорю себе:
товарищ москаль,
на Украину
шуток не скаль.
Разучите
эту мову
на знаменах —
лексиконах алых,
эта мова
величава и проста:
«Чуешь, сурмы заграли,
Час расплаты настав...»

Разве это все — иностранная литература? И чем ее можно сбалансировать в нашей культуре? Наверное, лишь более глубоким изучением украинской литературы, а не уравниванием ее российской или немецкой. Такой баланс дорого обойдется прежде всего для духовного развития самих украинцев. Целый

[1] *Лесков Н. С.* Собрание сочинений : в 11 т. М., 1958. Т. 7. С. 134.

[2] *Крутикова Н. Е., Маевская Т. П.* Тургенев и восточнославянский роман второй половины XIX в. // Славянские литературы : IX Междунар. съезд славистов. Киев, 1983. С. 93.

ряд высочайших произведений русской литературы, в которых отражена история Украины, может остаться для украинцев неизвестным, а без знания языка — недоступным.

Мы должны отдавать себе отчет и в том, что вопросы языка — это не только сфера культуры. Это еще и серьезная политическая проблема. И необходимо сделать все, чтобы неумелое, часто агрессивное отношение к русскому языку, который якобы давно служит инструментом имперского и тоталитарного обрусения украинцев, не привело к политическому расколу народа. Действие вызывает противодействие. Некоторые области в ответ на форсирование процесса внедрения украинского языка объявили на подвластной им территории официальным языком русский. Аналогичные ситуации сплошь и рядом на бытовом уровне: «Ах, вы считаете русский язык иностранным? Тогда я из принципа буду разговаривать только по-русски».

О внутреннем мире и согласии в таких условиях нечего и думать. Украинцы и украиноязычные граждане будут обижены тем, что их язык не занял таких позиций, которые определила ему Конституция, а украинские русские будут укорять, что ущемляются их права говорить на русском языке, тоже, кстати, узаконенные. Когда-то В. Липинсий писал, что во время национально-государственных споров 1917–1919 годов наши лидеры не сошлись на правописании, а потеряли державу.

Нечто подобное происходит и сегодня. Нетерпимость к языковым оппонентам временами принимает неадекватный характер. Скажем, на одном из заседаний Верховной рады (21 октября 1998 г.), когда в очередной раз встал вопрос об украинском языке, В. Чорновил выступил с заявлением о необходимости привлечения к ответственности Анатолия Железного, который утверждал, что украинский язык — диалект, нечто среднее между польским и русским языками. А. Железный имел в виду, что в современном украинском языке огромное множество полонизмов, проникших в него со времен вхождения в состав Речи Посполитой и сделавших его отличным от русского языка[1]. Можно, естественно, дис-

[1] *Железный А.* Происхождение русско-украинского двуязычия в Украине. Киев, 1998. С. 81–84.

кутировать по этому и другим вопросам. В его работе таких вопросов много. Но призывать к наказанию — это уж слишком. Не было бы беды, если бы только эти два господина имели такие убеждения. Но ведь у каждого из них — единомышленники, следовательно, трещина разъединила и их. Вот это уже беда для Украины.

Язык — архиважный предмет национально-государственного развития, но все же не определяющий. И он не должен идти впереди процесса державотворчества и формирования гражданского общества, в противном случае эти действительно фундаментальные общенациональные цели могут оказаться недосягаемыми.

Чтобы закрыть тему о «родстве» или «иностранности» русского языка на Украине, необходимо соотнести наше эмоциональное восприятие проблемы с беспристрастным показателем статистики. Сегодня она такова. Русскоязычное население Украины составляет более 50 % от общего числа населения. При этом 49 % населения поддерживают придание русскому языку статуса официального, 20 % — за его статус государственного языка на Украине.

Вот они, реалии нашего языкового состояния. Нравятся они или нет, но при создании государства на почве здравого смысла не считаться с этим невозможно.

Проблемы двуязычия на Украине

Сегодня новомодные национал-патриоты (у некоторых из них российские фамилии) ударились в открытое высмеивание идеи двуязычия на Украине. При этом все ссылаются на выдающегося языковеда И. Билодеда, обвиняя его в пропаганде двуязычия украинского народа еще во время формирования «новой исторической общности — советского народа». Дай бог, уважаемые оппоненты, чтобы вы так знали украинский язык, как его знал И. Билодед, и сделали для него столько же, сколько сделал он. Он с должным уважением относился к русскому языку, который справедливо считал языком межнационального общения народов СССР. В условиях единого государства народы, входившие в его состав, неминуемо должны были

быть двуязычными[1]. Двуязычной была и Украина, беда которой состояла в том, что из-за низкого речевого барьера между языками русский все увереннее завоевывал позиции первого языка, а украинский отходил на второй план.

С развалом Советского Союза и обретением Украиной независимости языковая ситуация объективно перешла в другое измерение. Употребление русского языка больше не было обусловлено функционированием огромной страны. Зато украинский язык получил статус государственного и начал отвоевывать у русского утраченные ранее позиции. Я убежден, что он делал бы это куда успешнее, если бы не было таких бескомпромиссных его рачителей, как Пономарев, Плачинда, Мовчан, Чорновил и прочие, с их революционной нетерпимостью. Потому что ничего, кроме отвращения, у разумных людей не могут вызвать такие неуважительные наименования русского языка, как «язык соседней страны», «язык старшего брата», «имперский язык». Как тут не вспомнить пример совершенно иного отношения к русскому языку, который подал нам выдающийся украинец И. Франко: «Мы все русофилы... мы любим великорусский народ, любим и изучаем его язык и читаем на этом языке»[2].

Достаточно ли сегодня сильны позиции украинского языка? И. Дзюба считает, что нет. Он говорит, что право украинца говорить на своей земле на своем языке есть лишь теоретически, а на практике воспользоваться этим правом он не может, потому что на каждом шагу обстоятельства вынуждают его переходить на русский язык[3]. Что это за злосчастные обстоятельства, ограничивающие суверенное, гарантированное Конституцией право украинца пользоваться родным языком, И. Дзюба не уточняет. Если это давление государственных чиновников, тогда надо решительно с ними бороться, если же так называемое внутреннее добровольное обрусение, тут уж ничего не поделаешь. Любой человек имеет право выбрать для обще-

---

[1] См.: Диалог украинской и русской культуры в Украине : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. 30–31 октября 1997 г. Киев, 1998. С. 15.

[2] *Франко И. Я.* Искренность тона и искренность убеждений // Франко И. Я. Собр. соч. : в 10 т. М., 1959. С. 257–258.

[3] *Дзюба И.* Указ. соч. С. 92.

ния в быту тот язык, который считает более адекватным в каждом конкретном случае.

На самом деле в реальной жизни речевая ситуация отнюдь не столь драматична, как ее пытаются изобразить. Практически все жители Украины — украинцы и русские — отлично понимают друг друга. Если предположить невероятное — что обе общины перестали понимать языки друг друга, — то, думаю, ничего чрезвычайного на Украине не произошло бы. Для официального и бытового общения переводчики точно не понадобились бы. Ни суверенитету, ни экономическому и культурному развитию Украины такое положение никоим образом не угрожало бы.

К счастью, у нас иная, значительно лучшая языковая ситуация. Абсолютное большинство этнических украинцев не только понимает, но и хорошо владеет русским языком. Несколько хуже дела обстоят с владением украинских русских украинским языком. И это понятно, потому что в условиях существования Советского Союза в этом не было жизненной необходимости. Теперь Украина обрела статус суверенного государства и законодательным актом закрепила государственность украинского языка. Надо быть справедливым и сказать, что это уже приносит свои плоды. На украинском языке заговорили, и на достаточно хорошем уровне, даже те, кто ранее им не пользовался, а это и есть убедительное возражение тезисам национал-патриотов о якобы обрусении Украины. Язык люди слышали, знали, и когда возникла необходимость, заговорили на нем. Со временем, в этом нет сомнений, украинские русские будут знать украинский язык точно так же, как сами украинцы знают русский. Я убежден, что это единственный приемлемый путь языкового развития на Украине. И не надо бояться двуязычия, объявлять его русификацией. При государственном приоритете украинского языка ничто не будет угрожать его полноценному функционированию. В свою очередь, параллельное существование русского языка, который в местах компактного проживания русских будет выполнять и официальные функции, содействует духовному обогащению всех политических украинцев. И. Дзюба называет это «солидарным

отношением к русскому языку и использованием его культурных возможностей». Пусть так.

Кто-то из великих сказал, что человек столько раз человек, сколько языков он знает. Мы на уровне целого народа владеем двумя языками. Было бы непростительной ошибкой отказаться от такого богатства.

Как известно, нет пророка в своем отечестве. Профессор Женевского университета Жорж Нива, хорошо знающий украинскую жизнь, сказал, что его поражает двуязычие, двукультурность Украины. «Я вижу, что большинство людей думают и говорят по-русски и по-украински. Это чрезвычайно богатое и многообещающее явление. Мультикультурность всегда лучше, чем монокультурность. В этом залог европейского пути развития Украины»[1].

Говоря о русском языке как втором языке на Украине, мы не должны забывать, что он — один из шести языков международного общения. Его достаточно широкое существование в мире создает для нас, украинцев, благоприятные условия относительно нашего вхождения в мировое и культурное пространство. Конечно, более широкие возможности содержит в себе английский язык, но мы его знаем плохо. И было бы неразумно исключительно по политическим соображениям отказаться от русского языка и добровольно приговорить себя к изоляции. Пока что именно этот процесс принимает у нас все более отчетливые формы, по крайней мере в сфере социогуманитарных наук. Наши украинские научные журналы, монографии и статьи практически никто в мире не читает. Убедиться в этом легко: достаточно полистать англоязычные, немецкоязычные или даже польскоязычные издания по любой тематике. Ссылок на наши труды вы там не найдете. Этого не скажешь о русских изданиях.

Интересный разговор на эту тему состоялся в Варшаве между известным польским русистом профессором А. Поппе и молодым украинским ученым. На вопрос последнего, на каком языке следует выступать, он получил такой ответ: «Все дело в том, какую цель вы перед собой ставите. Если хотите, что-

[1] *Нива Ж.* Интервью газете «Столичные новости». 1998. 13–20 окт. № 40.

бы вас поняли, тогда лучше на русском, если же хотите, чтобы вас не критиковали, говорите по-украински». Лучше всего было бы в этой ситуации прочитать доклад на польском языке, но мы же его не знаем.

Итак, если объективно, русский язык — тот мостик, который связывает нас с цивилизованным миром. Разрушить его, не обеспечив внедрения в нашу жизнь, скажем, английского языка, было бы просто безумием. Мы уже натворили столько глупостей в экономике, когда, разрушив одну систему, не создали новую. Должны бы были кое-чему научиться.

Подводя итог сказанному, следует признать, что на Украине реально существует украино-русское двуязычие. Нравится оно, естественно, не всем, но мы, если действительно хотим добра нашей стране, обязаны мириться с такой реальностью.

К большому сожалению, языковая проблема на Украине претерпевает неоправданную политизацию. Одни считают, что украинский язык, невзирая на провозглашение его государственным, так и не занял отведенного ему Конституцией места. Другим кажется, что гораздо лучшей доли заслуживает на Украине русский язык. При этом политики и широкая общественность русскоязычного населения постоянно напоминают о предвыборных обещаниях президента Л. Д. Кучмы придать русскому языку статус языка официального. Отдельные политические партии сделали этот лозунг даже одним из основных пунктов своих программ. В свою очередь, национал-патриоты резонно замечают, что украинский язык — язык нации и знать его, говорить на нем обязаны все граждане Украины.

Недавно языковая ситуация на Украине была основательно проанализирована А. Лановенко, Ю. Швальбом и А. Кубелиусом[1], которые, исходя из реально существующего двуязычия, определили: «Закон о статусе украинского языка как единственного легитимного языка страны... не имеет веских оснований для существования и по своей сути — закон

[1] *Лановенко А. П., Швальб Ю. М., Кубелиус А. А.* Языковые и социокультурные факторы консолидации украинского общества // Украинско-русские отношения и гуманитарное измерение. Киев, 1998. С. 46–54.

дискриминационного характера»[1]. Утверждение, конечно, не бесспорное, но оно объективно отражает отношение к этому вопросу по меньшей мере половины населения Украины. Не принимать этого во внимание, а еще хуже — обвинять эту половину в отсутствии патриотизма и в неукраинстве, как мы умеем это делать, означает прибавить к языковым проблемам еще и социально-политические. Языковая сфера настолько тонка и деликатна, что любое административное вмешательство в нее неминуемо приведет к непредсказуемым негативным последствиям. Если не сразу, то в будущем обязательно.

Я убежден, что, следуя путем конфронтации и взаимного преодоления, украинский и русский языки и культуры не имеют будущего в рамках единого государства. Мы должны сделать все, чтобы эта непервоочередная проблема нашего развития не расколола нас в главном. Слишком неадекватной была бы расплата за нашу обоюдную национальную гордыню и неуступчивость. Самой большой ценностью, которой наградила нас история, является суверенность государства Украина. И все мы — украинцы, русские, татары, белорусы, венгры, представители других этносов — обязаны консолидировать свои усилия для его утверждения. Речь идет, по сути, о формировании на Украине гражданского общества, чего у нас до сих пор не было. Один из самых сильных тормозов, препятствующих этому процессу, — неоправданная актуализация языкового вопроса. Уверен, что признание двуязычия, при котором государственным и первым на Украине будет украинский, а вторым — русский, снимет психологическую и социальную напряженность и разблокирует путь к становлению украинской политической нации. Законодательный приоритет украинского языка создаст все условия для его полнокровного развития и внутренней конкурентоспособности. Но это возможно лишь при непременном условии, что мы прекратим неуместное вмешательство в природный процесс его формирования и не разрушим изнутри.

---

[1] *Лановенко А. П., Швальб Ю. М., Кубелиус А. А.* Указ. соч. С. 47.

5. УКРАИНА — АНТИТЕЗА РОССИИ?

К этим размышлениям меня побудило интервью львовского журналиста Остапа Дроздова канадскому телевидению, с которым я ознакомился в Еженедельнике «2000» от 21 августа 2015 года. Оно, как справедливо отметил в своей статье «Избранные для демократии» главный редактор издания С. А. Кичигин, с одной стороны, жестко критическое по отношению к нынешней власти, с другой — идеологически необычайно близкое ей. Это как бы дискуссия «между своими».

Как мне представляется, в интервью есть главное, что позволило журналисту некоторую вольность в мыслях — резко негативное отношение к России. Причем не к нынешней, как у нас принято говорить, путинской, а вообще к России как таковой. «Меня тешит, — заявляет О. Дроздов, — что Украина является антитезой России». В России всегда имела место «диктатура» слова «мы», тогда как Украина — это все-таки страна большого количества «я». Без таких «я», утверждает журналист, общество обречено быть «оголтелым стадом баранов» по российскому образцу.

Лихо, не правда ли? Однако оставим столь неуважительные формулировки на совести журналиста. Отнесем это на счет его молодости. Хотя и в его возрасте надо понимать, что нельзя вымещать свою злобу к властям России на всем народе. Кстати, это народ, к которому, судя по фамилии, генетически принадлежит и он сам.

А вот о содержании сказанного, думается, есть смысл поговорить. Определенно, на что уже обратил внимание С. А. Кичигин, О. Дроздов не слишком задумывался над тем, что говорил. Ибо, если бы хоть немного задумался, а еще лучше — и что-то прочитал, то обнаружил бы, что это «оголтелое стадо баранов» создало одну из ярчайших мировых культур, а «диктатура» «мы» оказалось способной построить государство, которое существует более тысячи лет. К сожалению, украинцы такими достижениями похвалиться не могут. И, несомненно, одной из основных причин, не позволивших нам создать непрерывную государственность, было и остается это злополучное «я».

Всем известна грустная пословица: «де два козаки, там три гетьмани». И ведь не откажешь ей в справедливости. Определенно, она родилась во времена (XVII — нач. XVIII в.) жестокой борьбы за гетманскую булаву. Ведь знаем же, что на Украине нередко было по три гетмана одновременно. Один правил на Левобережье, второй — на Правобережье, а третий — в Запорожье. При этом каждый пытался утвердить только свою правду, совершенно не считаясь с правдой других. Все вожделенно смотрели на разные стороны — кто на Варшаву, кто на Москву, а кто и на Стамбул с Бахчисараем. У каждого были свои конкуренты в старшинской среде, которые исправно строчили доносы на своих гетманов, пытаясь занять их место. Эта междоусобная борьба за булаву не утихала в продолжение всей истории Гетманства.

Следует признать, что дестабилизирующим фактором для украинской государственности объективно являлась и Запорожская Сечь. Вот уж где собиралось большое число казацких «я». По существу, это был постоянно действующий Майдан, вмешивавшийся в общественно-политическую жизнь материковой Украины и решавший судьбу ее гетманов. Такая двуцентричность власти оказалась губительной для украинской государственности. Это понимали и некоторые гетманы, в том числе Иван Мазепа, вынашивавший планы ликвидации запорожской вольницы, но так и не решившийся на это.

Второй шанс создать собственное государство был упущен после крушения Российской империи, в том числе из-за того, что политическая элита Украины оказалась неспособна найти между собой общий язык. В годы Национальной революции (1917–1920) на Украине было создано три государственных образования: Центральная рада, Гетманат и Директория, но их век оказался короток. Раду во главе с М. С. Грушевским разогнал (с помощью немцев) П. П. Скоропадский, его Гетманат сокрушила Директория под предводительством Главного атамана С. П. Петлюры, которая в свою очередь приказала долго жить под натиском большевиков.

Надо сказать, что последним не пришлось для этого прилагать больших усилий. Национал-революционеры обескровили

себя сами, да к тому же и потеряли доверие людей. Это вынужден был признать, уже будучи в эмиграции, один из ключевых деятелей национальной революции В. К. Винниченко. Выражаясь фигурально, украинское государство не состоялось из-за того, что ни один из его учредителей так и не смог переступить через свое «я».

К сожалению, традиция атаманства во всей полноте возродилась в новое время, когда государственная независимость упала на нас, как манна небесная, после развала Советского Союза. Казалось, на этот раз нам уже ничто и никто не помешает дружно построить свое государство. Реальность, однако, оказалась другой. Все 27 лет прошли фактически в непрерывной междоусобной борьбе: президентов с председателями Верховной рады, премьеров с вице-премьерами, национал-патриотов с коммунистами, очень национально сознательных с недостаточно сознательными, евроинтеграторов с евразийцами. По существу, всех со всеми. Когда уж тут было заниматься главным.

Временами эта борьба приобретала радикальные формы, перерастая в откровенно силовые (как во время «оранжевой революции») и даже кровавые (что имело место во время «революции достоинства») противостояния. Причем не между народом и властью, а между теми, кто правил, и теми, кто рвался к власти. Между богатыми и еще более богатыми. Недаром появилась поговорка, что в 2004 году схлестнулись интересы миллионеров и миллиардеров, а в 2014-м — миллиардеров и миллиардеров.

Разумеется, как это всегда бывает при таких катаклизмах, с обеих сторон принимали участие и простые украинцы. Одни по зову сердца, поверившие в искренность вождей Майдана, другие — ради хоть какого-то заработка, третьи — по приказу начальства. Но, как это ни прискорбно признавать, именно простые люди и оказались жертвами кровавой разборки. Нынешняя национал-патриотическая пропаганда говорит только о погибших с майданной стороны, но известно, что имели место жертвы и в стане правительственных сил. О них никто не вспоминает, но они были такими же гражданами Украины,

как и протестующие, и такими же жертвами. Они вместе испили смертную чашу. При этом с тех, кто их посылал на смерть, не упало и волоса с головы, хотя накануне некоторые из вождей Майдана (А. Яценюк), провоцируя беду, храбро заявляли, что не боятся получить и «кулю в лоб». Когда же пули действительно начали свистеть, никого из них на Майдане не оказалось. Одни отсиживались в посольстве США, другие — в служебных кабинетах.

Удивительно, что при столь страстном желании получить власть, особенно верховную, борющиеся за нее в действительности не имеют к ней ни малейшего уважения. Для них это не тяжкий крест, а инструмент достижения личных целей. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить судьбу наших президентов. Первый под давлением оппозиции вынужден был согласиться на досрочные выборы, которые проиграл. Второй заканчивал свою каденцию в Конче-Заспе, по существу, изгнанный из киевской президентской резиденции разъяренной толпой под предводительством жаждущих власти претендентов. Третьему (свидетелем чего мне пришлось быть) неоднократно устраивали брутальную обструкцию в Верховной раде, причем по инициативе его вчерашних соратников. Четвертый и вовсе лишен президентской должности в результате государственного переворота. Не минула чаша сия и пятого президента, против которого уже через год его правления был устроен «мини-майдан» на площади Конституции с кровавыми жертвами. И не оппозицией, а своими же майданными союзниками. Это кажется невероятным. Видимо, и президенту П. Порошенко тоже, если он решил смягчить это предательство заявлением о каких-то дестабилизирующих происках Кремля. За президентом этот стереотип, ставший привычным в независимой Украине, стали повторять и другие политики. И всем хорошо, и не надо серьезно разбираться во внутренних причинах произошедшего. Однако при таких друзьях и враги не нужны.

Сегодня все дружно осуждают террористический акт под стенами Верховной рады. Удивляются, как такое могло произойти по отношению к представителям власти. Но это удивление — не что иное, как обычное притворство. Ведь те же деяте-

ли, в том числе нынешний президент, еще недавно не находили ничего предосудительного в том, что в таких же представителей власти швыряли «коктейли Молотова» на майдане Незалежности. Но если можно было терроризировать законную власть вчера, почему нельзя сегодня? Как говорится, «что посеешь, то и пожнешь».

С сожалением следует констатировать, что на суверенной Украине так и не сформировалась политическая элита, которая бы осознавала солидарную ответственность за свои поступки и решала свои проблемы не при помощи улицы, а посредством легитимных демократических процедур. Наверное, мы никогда не достигнем европейского уровня уважения к своим демократическим институтам. Но, идя в Европу, эти чувства надо бы воспитывать. Можно не уважать человека, занимающего пост президента, но нельзя не уважать высшую властную должность страны.

Пока же мы имеем ярко выраженный синдром атаманщины, возвращающий нас в хаос гражданского противостояния 1917–1920 годов, когда каждый атаман, возглавлявший вооруженное подразделение, только себя считал истинным выразителем народных интересов, а центральная власть в Киеве, казалось, только для того и создавалась, чтобы было с кем бороться.

Разумеется, политическое соперничество и борьба за власть характерны для всех стран. Здесь мы не оригинальны. Но наша беда в том, что мы не научились делать это цивилизованно, в рамках закона, чтобы при этом не сотрясалась вся страна. Это неправда, что Майдан сплотил украинскую нацию, о чем неоднократно заявлял президент Порошенко. Наоборот, он еще больше расколол ее. Драматические последствия Майдана аукнулись нам выходом Крыма из состава Украины и мятежом Донбасса.

Наверное, можно винить внешние силы в постигших Украину потерях, но можно и задуматься над тем, нет ли в этом нашей собственной вины. Все ли мы сделали для того, чтобы каждый регион и каждая этническая группа чувствовали себя на Украине комфортно? Чтобы всем национальностям были

обеспечены равные права на экономическое и этнокультурное развитие? Если попытаемся честно ответить на эти вопросы, то вынуждены будем признать, что в сфере межэтнических отношений были допущены серьезные ошибки.

Основная связана с назойливой декларацией приоритета титульного этноса или, как неоднократно заявлялось в различных циркулярах, украинской этнической нации. Особенно четко об этом было сказано в Концепції державної етнонаціональної політики України, поддержанной Верховной радой. Один из ее разделов назывался «Забезпечення умов для розвитку української нації», поскольку именно это должно было стать нашей конечной целью. К сожалению, в документе все свелось к украинской этнической нации.

Как заклинания, повторялись лозунги о том, что государство должно «содействовать консолидации украинской нации», «обеспечивать всестороннее развитие и функционирование украинского языка во всех сферах жизни», «создавать условия для овладения государственным языком всем населением» и т. д. Смысл утверждения, что государство обязано гарантировать «суверенную национальную государственность украинского народа», вообще трудно постичь. Логично допустить, что поскольку на Украине объявлена только одна нация и она этнически украинская, то и государственность провозглашена именно такой. Но тогда возникает закономерный вопрос: а какое отношение к этой государственности должны иметь украинские национальные меньшинства — русские, татары, белорусы, венгры и другие? И в этой Концепции, и в других документах начисто отсутствовало понимание того, что, отделяя себя от других, мы провоцируем отделение других от нас. К сожалению, эта тенденция актуальна и поныне.

Ошибкой было также объявление русского языка на Украине иностранным. Формально вроде правильно, а фактически, учитывая, что в стране проживает многомиллионная русская община, не чем иным, как недомыслием, это назвать нельзя. Спрашивается, кем тогда являются на Украине они? Тоже иностранцами? Не приняли во внимание новые этноидеологи

и того, что русский язык — второй родной и для половины (а может, и больше) этнических украинцев.

Еще один удар по межэтническому миру был нанесен отменой Верховной радой Закона о языках, известного как закон Кивалова–Колесниченко. Никакой угрозы украинскому языку он не создавал, но зато обеспечивал (по крайней мере декларировал) развитие и других языков, в том числе русского. Решение рады было встречено резко отрицательно значительной частью украинского населения, особенно в Крыму и на Юго-Востоке материковой Украины. Люди просто испугались послемайданного официального Киева.

Здесь я прерву последовательное изложение своего отношения к государственной политике в сфере межэтнических отношений на Украине еще одним пассажем львовского журналиста. «Потеря Крыма, — заявляет он, — прекрасное событие. Мы наконец избавились от дебильной „пятой колонны“ с недобитыми русскими бабками... Наконец у нас нет двух миллионов полных неадекватов... которые всегда будут „пятой колонной“». Не более «комплиментарной» оценки удостоился и Донбасс, который «всегда был пророссийским регионом, и сколько он будет в составе Украины, это всегда будет „вата“, потому что там на „ментальном уровне заложена азиатская модель поведения“».

Полагаете, так думает только один львовский журналист? Нет и еще раз нет. После обретения независимости и долго не удававшихся попыток превратить Украину в одну большую Галичину такие оценки Юго-Востока постепенно становились чуть ли не официальной доктриной украинской национальной элиты. Население региона никак не соответствовало ее представлениям о том, каким должен быть настоящий украинец. Национал-патриоты нервничали, обзывали жителей Донбасса национально несознательными, русифицированными. И даже «пятой колонной» России. Не имея электорального успеха в регионе, Ю. В. Тимошенко предлагала даже обнести Донбасс колючей проволокой.

Поразительно, но такой же точки зрения втайне придерживался и наиболее обласканный советской властью украин-

ский писатель Олесь Гончар. В 1993 году он написал на страницах своей записной книжки страшные слова о Донбассе. «Донбасс — это раковая опухоль, так отрежьте его, бросьте в глотку империи! Ибо метастазы задавят всю Украину! Что дает Донбасс нашей духовности, нашей культуре? Колбасный регион и колбасная психология... Пусть нас будет меньше на несколько миллионов, но это будет нация. Мы способны будем возродиться. Войти в европейскую цивилизованную семью. А так никогда порядка не будет. Будет разбой и вечный шантаж».

Когда это высказывание стало достоянием широкой общественности, многие назвали его пророческим и поспешили присоединиться. Среди «прозревших» оказался и первый президент Украины Л. Кравчук, разделивший пафос высказывания О. Гончара. У меня же оно вызывает чувство горечи и стыда, поскольку совершенно разрушает мое представление о Гончаре, сложившееся на основании его творчества и публичной деятельности.

После того как началось восстание, донетчан и вовсе обозвали колорадами и ватниками. Не думаю, что это прибавило им любви к официальному Киеву. Определенно и здесь сказалась разрушительная для внутреннего мира идеология украинского «я». Национал-патриоты и мысли не допускают, чтобы Украина имела регионы с различными этнокультурными особенностями, своей исторической памятью и ментальностью, отличной от галичанской. Поразительно, что эта идеология, по сути национал-шовинистическая, овладела и интернациональным президентом Порошенко. Отвечая на предложение ввести на Украине федеративную форму государственного устройства, которое были высказано в том числе некоторыми зарубежными политиками, он решительно заявил, что Украина была и будет унитарной.

Трудно понять, почему Петр Алексеевич так непоколебимо уверен в своей правоте. Может, все же стоило хотя бы подискутировать на ту тему? Ведь речь идет не о чем-то незнаемом и крамольном. Федеративную форму государственного устройства имеют многие европейские страны, вхождением в семью

которых вы так озабочены. Да и США, ставшие нашим главным политическим наставником, — тоже федерация.

Признаюсь, у меня нет ликования по поводу ухода от нас Крыма. Не тешит и подобная перспектива для Донбасса, которая в случае отказа от Минских соглашений может стать реальностью. Есть только чувство горечи от того, что с нами не хотят жить. И ничего позитивного для Украины, как утверждал львовский журналист, в этом нет. Это не очищение от каких-то «региональных вирусов», а банальный распад, вызванный не в последнюю очередь стремлением сделать нашу страну мононациональной. Разве мы не были свидетелями антироссийской истерии госпожи Фарион, разве не слышали немыслимого в цивилизованном мире слогана «чемодан — вокзал — Россия»?

Господин Дроздов полагал, что с отпадением Крыма и Донбасса «мы наконец получили шанс сохранить свою кровь чистой». Но если будем очищаться таким способом, тогда нам придется расстаться еще не с одним регионом, в котором, с точки зрения «щирого» украинца, также живут «неадекваты» и «ватники». Может, лучше заняться созданием для них более приемлемых условий жизни на Украине и отказаться от оскорбляющих их человеческое достоинство пренебрежительных эпитетов?

4 сентября 2015 года случилось мне посмотреть шоу Савика Шустера, посвященное проблемам, связанным с принятием Верховной радой в первом чтении Закона о децентрализации и террористическим актом под ее стенами. На меня оно произвело удручающее впечатление. Вот уж где было много «я». Политические и партийные лидеры произносили длинные монологи, с упоением слушали самих себя и совершенно не слышали других. Голосовавших за закон обвиняли в предательстве идеалов Майдана и даже Украины. Однако ни один из участников передачи так и не объяснил вразумительно, чем предлагаемая децентрализация угрожает Украине. Заявление Ю. Луценко, что закон органично связан с выполнением Минских соглашений, еще сильнее накалило обстановку. Для большинства собравшихся в студии, судя по всему, эти

соглашения — тоже предательство интересов Украины, и следовать им они не собираются. Поражало необъяснимое ожесточение споривших. Ведь за исключением руководителя оппозиционной фракции в парламенте Ю. Бойко все другие вышли, что называется, из майданной «шинели».

В еще более ожесточенной обстановке проходят заседания Верховной рады, где также преобладает атмосфера эгоистического индивидуализма, даже тогда, когда подавляющее большинство депутатов представляют одну идеологическую силу и входят в единую коалицию. Каждый считается только со своим мнением.

Эта особенность украинского менталитета не кажется мне достойной восхищения. Тем не менее она находит своих почитателей не только в журналистской, но и в научной среде. За годы независимости появилось много работ, в которых обосновывается идея так называемого человекоцентризма, будто бы имманентно присущего украинскому народу, но утраченного в годы советской власти. В одной из них авторы С. И. Пирожков и Н. В. Хамитов утверждают, что в наше время принципиально необходим парадигмальный поворот от социоцентризма советского и постсоветского времени к человекоцентризму. Это, как они считают, должно стать основой продуктивного развития украинского общества, что избавит его от остатков тоталитарного мышления[1].

Теория человекоцентризма скорее модная, чем верная. В социально структурированном обществе человек не может быть в центре бытия. Он существо социальное, коллективное, и его личные интересы не могут стоять выше общинных, а иначе не было бы социального развития, общество не смогло бы обрести гражданские формы жизни. Можно, по-видимому, согласиться с тем, что украинцы всегда больше тяготели к индивидуальному. Об этом говорят и поговорки: «моя хата з краю, нічого не знаю». Но в этом не столько их преимущество, сколько недостаток. Быть может, именно эта ментальная черта и стала причиной того, что попытки создания соб-

[1] *Пирожков С. І., Хамітов Н. В.* Цивілізаційний проект України: від амбіцій до реальних можливостей // Вісник НАН України. 2016. № 6. С. 49.

ственного государства, будь то в казацкие времена или в годы Национальной революции 1917–1920 годов, всякий раз оказывались неудачными.

Если мы посмотрим на исторические примеры развития, то увидим, что оно было успешнее там, где коллективные интересы ставились над индивидуальными. В советское время своеобразным отражением именно такой идеи было выражение «раньше думай о Родине, а потом о себе». Аналогичный смысл имеют слова одного из президентов США: «Не спрашивай, что страна может сделать для тебя, спроси себя, что ты можешь сделать для своей страны». Надо признаться, все что мы, прежде всего политическая элита, не живем по этому принципу. Преобладает все тот же человекоцентризм: сначала обустрою себя, а потом и Родину, если для этого останутся силы и средства.

Философ И. Ильин утверждал, что «национальное духовное единство», или «великое духовное „мы“», является самой сущностью Родины. У нас этого великого духовного «мы» нет. Есть множество «я». И если мы не изменим приоритеты нашей жизни, трудно надеяться, что Украина состоится как самодостаточное государство.

6. УКРАИНЦЫ, КОНЕЧНО, НЕ РУССКИЕ, НО ЕЩЕ МЕНЬШЕ — ЕВРОПЕЙЦЫ

Предложенный заголовок является, по сути, общим ответом на статью московского политолога А. С. Ципко, убеждающего читателей в том, что невозможность интеграции Украины в Таможенный союз, как и в Евразийский, обусловлена какой-то особой ее европейскостью[1]. Причем убеждающего с такой страстью, как будто он лично имеет к этому отношение. Государственная независимость Украины (чего будто бы никак не могут понять нынешние власти предержащие России, но в чем он

[1] *Ципко А. С.* Особенности украинской национальной идентификации и их влияние на внешнюю политику независимой Украины // Мир перемен. 2013. № 2.

совершенно уверен) — это независимость прежде всего от России, а ее гарантом является Запад.

Если бы я не знал, кому принадлежат эти слова, то мог бы подумать, что произнесены они кем-либо из «щирих» националистов. Именно такими речами они пугают украинских обывателей: «Россия спит и видит, как бы вернуть Украину в прежнюю колониальную зависимость, а чтобы этого не случилось, необходимо срочно вступать в НАТО и интегрироваться в ЕС». Не знаю, кто посвятил А. С. Ципко в столь коварные замыслы зловещей России, но должен его огорчить: на Украине этой страшилке верят немногие.

Большая часть статьи А. С. Ципко посвящена обоснованию тезиса о вечной вражде украинцев к России — как по причине имевших место расправ над ними великороссов, так и в силу совершенно разной их ментальности и культуры. Среди исторических фактов, подтверждающих вывод автора, уже привычный набор, постоянно присутствующий и в рассуждениях украинских националистов. Это Переяславская рада, будто бы задуманная казацкой старшиной не как исторический выбор украинского народа, а как тактический ход. Это зверства Меншикова во время Русско-шведской войны, учиненные над защитниками города Батурина, в результате которых было «перебито 60 тыс. человек, включая и мирное население». И, разумеется, голодомор 1932–1933 годов, уничтоживший украинское крестьянство...

А. С. Ципко подает свои суждения об исторических фактах как непреложную истину, при этом обвиняет не названных по имени «горе-специалистов» по украинскому вопросу и политическую элиту России в том, что они не понимают: превращение Украины в независимое национальное государство «неизбежно ведет к переоценке всей совместной русско-украинской истории». Я лично не убежден в такой неизбежности. Более того, уверен, что она может привести (и уже приводит) к потери нравственных ориентиров. К сожалению, это имеет место и в статье А. С. Ципко, поражающего, в частности, астрономической цифрой потерь батуринцев в 1708 году, равно как и постигнутой им истиной, что «для украинского казачества

ненавистные ляхи были в культурном и политическом отношении ближе, чем московиты»[1].

Ни то ни другое утверждение не выдерживает критики. Возможно, на уровне философского обобщения мысли А. С. Ципко о том, что «Украина пришла в Россию с Запада», а «украинская нация сформировалась в рамках литовско-польского мира», не вызывают неприятия, но исторически они, мягко говоря, некорректны. Как и утверждение, что «русская нация формировалась в рамках империи Чингис-хана». Во-первых, для столь раннего времени о формировании наций говорить вообще не приходится, во-вторых, и русская, и малорусская (украинская) народности вышли из единой древнерусской и определенно сформировались в рамках византийско-православного мира.

Позднее, после Брестской унии 1596 года, западная часть нынешней Украины была насильственно переподчинена польскими властями Римскому престолу, однако на остальной ее территории украинцы продолжали стойко держаться веры отцов и дедов. Разумеется, это событие, как и длительное нахождение западноукраинских земель в составе Австро-Венгрии и Польши, не могло не наложить отпечатка на культуру и ментальность населения. И, конечно же, Западная, а не какая-то «Правобережная Украина», является сегодня основным ходатаем нашей евроинтеграции.

Через всю статью А. С. Ципко красной нитью проходит сравнение деспотической России с ее «жестокими пытками» и либерально-демократической Польши, якобы открывавшей украинцам широкий доступ в университеты Европы. Перечислив больше десяти европейских городов, автор воодушевленно

[1] А. С. Ципко тронут обязательством польской стороны (по трактату 1658 г.) открыть на Украине два университета и ввести свободу преподавания. Для Московской Руси, восклицает он, это неслыханно. В отличие от философа, историк продолжил бы этот сюжет констатацией, что те обязательства так и не были выполнены. Польские власти могли это сделать, если бы хотели, еще до 1654 года для всей Украины. Позднее ничто не мешало им открыть высшее учебное заведение на Правобережной Украине, чего также не случилось. Неужели автору не ясно, что поляки элементарно покупали гетмана Выговского, чтобы он разорвал договор с Россией и вернул Украину под суверенитет Речи Посполитой?

восклицает: «Вот где можно было встретить с конца XVII века украинскую молодежь в качестве студентов тамошних университетов, колледжей и школ».

Наверное, можно было встретить, хотя и далеко не массово. Да и не во всех названных городах. Но вот в государственно-политические структуры Речи Посполитой, как позже и Австро-Венгрии, украинцам, выражаясь фигурально, вход был запрещен. В России же такого запрета не было никогда. И если мы будем объективными, то должны признать, что украинцы на Западе воспринимались как второсортный народ, а на Востоке были полноправными сотворцами российской государственности.

Идеологами имперских преобразований Петра I были выдающиеся украинцы (малороссы) Феофан Прокопович, Стефан Яворский, Арсений Сатановский, вышедшие из стен Киево-Могилянской академии. Ближайшим соратником Петра на протяжении двух десятилетий являлся гетман Иван Мазепа. В 1750-х годах из десяти членов Священного Синода девять были выходцами с Украины. Правой рукой императрицы Елизаветы Петровны был украинец Алексей Розумовский, его брат Кирилл почти два десятилетия возглавлял Императорскую академию наук в Санкт-Петербурге, а сын Кирилла Алексей стал сенатором и министром образования России. Князь А. Безбородько занимал должность канцлера в правительстве Павла I и Александра I. Князь В. Кочубей был председателем Государственного Совета и Комитета министров при Николае I. Этот перечень можно продолжить сотнями имен других украинцев, бывших губернаторами, выдающимися военачальниками... В советское время выходцы с Украины были не только вторыми, но и первыми руководителями страны — Н. Хрущев, Л. Брежнев, Н. Подгорный.

Известно также, сколь существенен вклад украинцев в формирование русской культуры. По грамматике Мелетия Смотрицкого московские студенты учились вплоть до конца XVIII века[1]. В Ростове Великом жил и творил киевлянин

[1] Малорусский и великорусский языки в то время не очень-то и отличались один от другого. Оба еще много сохраняли от литературного древнерусского языка.

Дмитрий Ростовский (Туптало). В Славяно-греко-латинской академии в Москве в течение XVIII века преподавало около 100 профессоров из Киево-Могилянской академии. Феофан Прокопович стал одним из инициаторов основания Императорской академии наук в Петербурге. Многие выходцы с Украины вошли в число выдающихся русских музыкантов (М. Березовский, Д. Бортнянский, С. Гулак-Артемовский), художников (Д. Левицкий, В. Боровиковский, И. Мартос), историков (Д. Бантыш-Каменский, Ю. Венелин, О. Бодянский), литераторов (Н. Гоголь, Е. Гребинка, В. Короленко). Естественно, многие из них, будучи интегрированными в общерусский культурный процесс, не отказывались и от своего первородства. Среди них и Гоголь, чьи слова *«Киев не их, а наш»*, написанные в письме М. Максимовичу, с особым удовольствием цитирует А. С. Ципко. Они показались ему отражением мечты о самостоятельности Украины. Думаю, Николая Васильевича столь прозорливая мысль немало бы удивила. Он ведь не очень различал русских и малороссов, в том числе и в себе самом: *«Русский и малоросс — это души близнецов, пополняющих одна другую, родные и одинаково сильные»*. Примерно так же думал и друг Гоголя М. Максимович, заявлявший в письме к М. Погодину, что *«малороссийское и великороссийское наречия, или говоря полнее и точнее, южнорусский и северорусский языки — родные братья, сыновья одной русской речи»*.

Процесс интеграции украинских интеллектуалов в русскую культуру (как и наоборот) продолжался и в советское время (К. Паустовский, И. Козловский, С. Бондарчук, И. Стаднюк и др.). Есть все основания утверждать, что украинцы являются сотворцами великой русской культуры. Только полной потерей чувства реальности и ответственности перед историей можно объяснить объявление русского языка и литературы на Украине иностранными.

С особой энергией А. С. Ципко осуждает якобы распространенный среди российской политической элиты миф о русских и украинцах как о «разделенном народе», называя его продуктом поразительного невежества и незнания. Создается

впечатление, что этот миф даже обижает его. Правда, неизвестно — как украинца или как русского?

Но то, что для философа представляется несомненным, для историка не кажется таковым. Разумеется, если иметь в виду сегодняшние политические реалии, то возмущение А. С. Ципко имеет основания. Есть суверенное украинское государство, и есть суверенная политическая нация, хотя не до конца сформировавшаяся. И это надо признавать. Однако это вовсе не означает, что она не родственна русской нации и что наименование ее некоторыми российскими политиками «братским народом» должно вызывать столь бурное неприятие.

Конечно, генетически русские и украинцы — один народ, сложившийся еще в киево-русские времена[1]. И, конечно, впоследствии оказавшийся разделенным. Но не по чьей-то злой воле и не из-за распада некогда единой Советской страны, а самой историей. Правда, в процессе длительной эволюции ни русские, ни украинцы не смогли сохранить свою разделенную этническую чистоту. И речь здесь не столько об инородных влияниях, которые, несомненно, имели место, сколько об этнически родственных.

Перефразируя известное выражение, можно сказать: «Поскребите хорошенько украинца — и вы обнаружите русского». Это справедливо и в отношении русских. Ведь кроме того, что оба народа имеют общую этническую основу, они еще и развивались в тесном взаимодействии. Мы не обладаем точной статистикой, но и без нее очевидно, что нынешние русские на добрую треть состоят из украинцев, а последние — на такую же треть из русских. И можем ли мы, обсуждая вопросы русско-украинской интеграции, не принимать в расчет эту кровную связь наших народов?

В отличие от А. С. Ципко, я не считаю, что сближение с Россией подрывает основы власти и самого существования Украи-

[1] А. С. Ципко почему-то представляет эти времена как кровавые, но это от недостаточного знания киево-русской действительности. Те годы были неизмеримо менее кровавыми, чем последующие. Что же касается «непрекращающихся междоусобиц русских городов», то таковых вообще не было. Были усобицы между князьями.

ны как самостоятельной, суверенной политической силы. Речь ведь идет не о принятии Украины под «высокую царскую руку», не о вхождении в состав России на правах одного из ее регионов, а о равноправном членстве в союзах, будь то Таможенный или Евразийский. Не могу разделить и еще одно убеждение А. С. Ципко: чего, как ему кажется, никак не могут увидеть российские политики — что «идеология создания независимой, незалежной Украины — антирусская по сути». Для националистов, наверное, так и есть, но не для здравомыслящих украинцев.

Заявив в начале статьи о том, что для украинского руководства независимо от партийной принадлежности неприемлемо все, что ущемляет суверенитет страны, А. С. Ципко затем пришел к противоположному выводу. «Именно потому, что суверенитет для украинцев, — пишет он, — не так важен, как для русских, украинцы готовы отдаться Западу на любых условиях». Здесь опять неоправданно широкое обобщение. Если под украинцами он подразумевает В. Ющенко, В. Януковича и иже с ними, то это, действительно, недалеко от истины, но если меня и миллионы таких как я, то это неправда.

Чтобы не быть голословным и не руководствоваться только эмоциями, сошлюсь на социологию. Разумеется, было бы неправильно отрицать негативное влияние на общественное мнение националистической пропаганды и этноцентрической политики руководства Украины в «оранжевую» пятилетку. Тем не менее и сейчас картина не такая безрадостная, какой она представляется А. С. Ципко. В общественном сознании украинцев по-прежнему преобладает осознание единства восточных славян. Это проявляется в том, что, по данным социологического мониторинга Института социологии НАН Украины, 56 % взрослого населения положительно относится к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси. Разумеется, граждане страны, отдельные социальные группы видят это не вполне одинаково. Особенно заметны различия между регионами. На Западе Украины идею вхождения

в восточнославянский союз поддерживает только 14 % респондентов, на Юго-Востоке — 73 %[1].

В период крупных общественных трансформаций обыденное сознание людей имеет противоречивый характер. На его состоянии сказываются многие факторы, в том числе историческая память. Поэтому многие респонденты, отвечая на разные вопросы, высказывают противоречивые мнения. В частности, на вопрос «Как вы относитесь к вступлению Украины в Европейский союз?» положительно ответили 46 % опрошенных, и в этих ответах наблюдается существенное различие между жителями Запада и Юго-Востока страны. Положительно относятся к вступлению страны в ЕС 68 % жителей Запада, 36 % Юга и 29 % Востока. В то же время только 20 % заявляют, что им близки традиции, ценности и нормы поведения граждан стран Западной Европы.

Как видим, большинство населения поддерживает идею союза восточнославянских стран, как и вхождение Украины в единое таможенное пространство. И если бы политическое руководство прислушивалось к мнению большинства, Украина давно была бы в этих союзах. Этого не происходит не потому, что не позволяет обиженная историческая память украинцев, как думает А. С. Ципко. Причина куда более банальная: этого не хотят так называемые новые украинцы, они же политическая элита Украины. Все их неправедно нажитые капиталы, украденные у народа, находятся в западных банках. Там же, как выразился один из украинских президентов, находятся их скромные «хатынки», там они проводят отпуска, учат детей, лечатся. Стоит ли доказывать, что их мировоззрение определяется не в последнюю очередь этими обстоятельствами, а не стратегическими интересами страны и народа.

Я хотел бы продолжить констатацию существующего положения рассуждением над вечным вопросом отечественной интеллигенции «Что делать?». Мне не кажется верным основной вывод статьи А. С. Ципко, сводящийся к тому, что

[1] Эта статистика убедительно опровергает вывод А. С. Ципко о том, что главным препятствием на пути новой интеграции России и Украины является не Западная Украина, но православная Центральная.

надо оставить Украину в покое и не требовать от нее невозможного, например интеграции в рамках Евразийского союза. Разумеется, можно было бы сохранять эпическое спокойствие, полагая, что историческая память в конечном счете окажется сильнее политической конъюнктуры и Украина после судорожных метаний между восточно-православной идентичностью народа и западно-римской цивилизационной мечтой политической элиты все равно останется в лоне первой. Наверное, так оно и было бы, если бы история развивалась естественным порядком и Украина обладала суверенным правом выбора своей судьбы. События последних лет, особенно конца 2004 года, когда произошла так называемая «оранжевая революция», показали, что на выбор Украины огромное влияние оказывают ее западные, в том числе американские, наставники. Возможно, в первую очередь именно американские. Как они все озабочены будущим Украины — не жалеют ни сил, ни средств для ее «демократизации». Сколько западных фондов и институций трудится на этом поприще! Сколько украинских специалистов подготовлено в американских и западноевропейских колледжах и университетах для этой цели!

Аналитики справедливо отмечают, что западные миссионеры, настойчиво соблазняющие Украину европейскими ценностями, имеют в ней мощный плацдарм для своей деятельности. Это Западная Украина, цивилизационно близко стоящая к римско-католическому миру. К тому же этот плацдарм имеет продолжение на Западе в виде достаточно представительной галицкой диаспоры, ставшей реальной влиятельной силой в новой Украине.

Все это правда. Но правда и то, что остальная Украина все-таки православная страна. Этот плацдарм неизмеримо больше, и интеллектуальный потенциал его мощнее. Наша беда в том, что он не используется. Давайте зададимся вопросом, много ли на Украине общественных фондов и институций, в том числе российских, работающих на ниве сохранения нашей восточнославянской идентичности? Их практически нет. А те, что есть (отделение Собора славянских народов, Украинский

славянский комитет), в значительной мере представляют собой ритуально-декоративные структуры. Соберемся один раз в несколько лет (в Москве, Киеве или Минске), произнесем с высокой трибуны традиционные уверения в нашем восточнославянском братстве и разъедемся с чувством исполненного долга. Перед предками — возможно, но уж никак не перед современниками и потомками. Забота о сохранении восточнославянской идентичности и культурно-исторического единства должна быть постоянной. Конечно, это требует определенных организационных усилий и средств на их осуществление. Но, как показывает пример того же Запада, только такой путь и может быть эффективным.

Разумеется, большая доля этих усилий и затрат должна лечь на плечи России. И не только потому, что она великая страна, располагающая значительно бо́льшим по сравнению с Украиной и Беларусью экономическим потенциалом, но и потому, что именно она исторически является лидером восточнославянского православного мира. Россия обладает огромным опытом консолидации славян и практически неограниченными интеллектуальными возможностями.

Боюсь оказаться пессимистом, но участие в различных форумах, посвященных отношениям России и Украины, убеждает меня в мысли, что российская элита уже давно следует призыву А. Ципко «оставить Украину в покое». В большей мере это политическая элита, но и творческая тоже. По сути, за весь постсоветский период Россия так и не определила, является ли новая Украина для нее одним из основных внешнеполитических приоритетов и достаточно ли для ее сохранения в сфере своего влияния одного только этнического и культурного родства.

Неожиданно оказалось, что недостаточно. США и европейский Запад, не имея на Украине такого исторического преимущества, сумели за относительно короткое время утвердить в ней свое преобладающее влияние. Сделано это через широкое развертывание сети пропагандистских институций — различных именных фондов, институтов и центров, призванных способствовать «демократизации» Украины и ее интеграции в Ев-

ропейское сообщество. Этим фактически была скуплена, что называется, на корню большая часть украинских политологов и журналистов. Со многими из них происходили удивительные метаморфозы буквально на глазах. Еще вчера они были вполне лояльны к России, но как только получили должности в этих западных институциях, стали активными пропагандистами европейских цивилизационных ценностей.

Конечно, их чудесное преображение наступило не само по себе, а под воздействием приличного евро-долларового стимула. На мои рекомендации российским коллегам учиться у Запада неизменно следовал ответ, что, во-первых, Россия не имеет таких ресурсов, во-вторых, отношения между братскими народами не должны строиться на меркантильных соображениях.

Мне неоднократно доводилось беседовать на эту тему с Чрезвычайным и Полномочным Послом России на Украине и, несомненно, большим другом Украины В. С. Черномырдиным. На мою очередную ссылку на «опыт Запада» он с некоторым раздражением ответил: «То, что дают вам США и Запад, — это слезы, копейки по сравнению с тем, что вы получаете от России. Мы ежегодно дотируем вас на 3,5–4 миллиарда долларов, поставляя вам по низким ценам нефть и газ». И это была правда. Насколько я помню, тогда 1000 кубометров российского газа для Украины стоили 50 долларов США.

Определенно, тогда в российской политической элите так думал не один Черномырдин. При этом никто в России не отдавал себе отчета в том, что эти огромные преференции никак не работали на укрепление дружеских отношений между Украиной и Россией. «Братский» народ их не замечал, поскольку обогащалась только небольшая кучка украинских олигархов, продававших дешевые энергоносители своим согражданам втридорога.

А вот еще один пример непонимания россиянами того, как следовало бы укреплять свое влияние на Украине. В годы президентства В. Ф. Януковича известный российский тележурналист Д. Киселев в Киеве создал интеллектуальный клуб «Сковорода». Задачей клуба, согласно благородной задумке

его организатора, было приобретать на Украине добрых друзей России. Киселев приглашал на клубные встречи известных писателей, режиссеров, ученых, предпринимателей — А. Проханова, В. Дорофеева, Н. Михалкова, Н. Нарочницкую, В. Вексельберга и других. Среди участников с украинской стороны, как я обратил внимание, было больше если и не откровенных русофобов, то уж точно не сторонников России. Неизменным участником клубных дискуссий был П. А. Порошенко. Мне это казалось противоестественным, о чем я и сказал Дмитрию Константиновичу. И получил ответ: «Петр Петрович, наш клуб призван собирать не только тех, кто уже является друзьями России, но и тех, кто может стать таковым при нашей помощи. Будем воспитывать людей». Как оказалось, это было несколько наивное представление. После прихода к власти одного из «воспитанников» Д. Киселева клуб «Сковорода» был закрыт, а его организатор и руководитель стал невъездным на Украину. Не является ли это убедительным подтверждением того, что лучше поддерживать друзей, чем перевоспитывать недругов? Недаром же в народе говорят: «Старый друг лучше новых двух».

Тем не менее хотелось бы надеяться, что в конечном счете в отношениях между Украиной и Россией верх одержит здравый смысл. Украина, преодолев болезни суверенного роста, поймет, что Россия — ее естественный стратегический партнер на всю оставшуюся жизнь, а Россия, восстановив свой статус великой державы, не утратит осознания своей особой роли в славянском православном мире.

7. ФЕДЕРАЛИЗАЦИЯ УКРАИНЫ: УГРОЗА РАСПАДА ИЛИ ПУТЬ КОНСОЛИДАЦИИ?

В последние годы на Украине идея федеративного государства подверглась демонизации и шельмованию. Сознательно или по недомыслию в официальной доктрине эта идея отождествлена с сепаратизмом и превращена в запретную тему. Всякий, кто пытается вынести ее на обсуждение, рискует про-

слыть непатриотом и сепаратистом[1]. Украина была, есть и будет унитарным государством, и это, как уверен президент П. Порошенко, не подлежит никакому обсуждению.

Поразительно, что все это непостижимым образом уживается с официальным курсом на интеграцию Украины в цивилизованную Европу, которая на добрых три четверти состоит из государств с федеративным административно-территориальным устройством, а Швейцария — и вовсе конфедерация. Классической федерацией являются США, которые негласно взяли на себя управленческую ответственность за Украину. В одном из киевских выступлений вице-президент Д. Байден, с завидной регулярностью наведывавшийся на Украину, произнес фразу о необходимости предоставить украинским регионам такой же статус, как у американских штатов в рамках США. Подобные мысли неоднократно высказывали и европейские государственные деятели, не говоря уже о российских.

К сожалению, новые киевские власти этих советов «не слышат». Совсем абстрагироваться от проблемы, которая является жизненной реальностью, они не могут, но и серьезно отнестись к ней не хотят. Поэтому придумали идею так называемой децентрализации, которая в действительности не имеет ничего общего с федерализацией, предполагающей расширение прав регионов. Как сказано в национальном докладе, подготовленном рядом институтов НАН Украины, децентрализация представляет собой «расширение полномочий и увеличение финансовых ресурсов органов местного самоуправления (территориальных громад)»[2]. Это будто бы увеличит возможности для населения контролировать власть и тем самым избавит центральную власть от критики за неблагополучие на местах[3].

---

[1] Неожиданно к таковым причислена и Н. Савченко. Еще вчера она была обласкана президентом и удостоена звания Героя Украины, а сегодня уже сепаратист. И только потому, что поддержала идею федерализации. Удивительно, но этот ярлык ей охотно навешивают те же политологи и журналисты, которые раньше называли ее «Надеждой Украины».

[2] Національна доповідь. Політика інтеграції українського суспільства в контексті викликів та загроз подій на Донбасі. Київ, 2015. С. 4.

[3] Там же.

Как видно, главной целью децентрализации является не столько решение местных проблем, сколько снятие ответственности за их наличие с центральных органов власти. Это очевидное лукавство. Ведь сколько полномочий ни давай сельскому или поселковому совету (громаде), его возможности в обустройстве собственной жизни будут весьма ограниченными, если не будет аналогичных полномочий у региональных властей. Не из Киева же отслеживать проблемы местных громад в Закарпатье, Северной Буковине или Донбассе. Да и не все сводится к экономическим проблемам. Не менее важно здесь обеспечить условия культурного и духовного развития, позаботиться о сохранении этнографических особенностей сел и поселков. Без участия властей и интеллектуальных сил региональных центров сделать это невозможно.

В названном выше докладе, который является ныне научным обоснованием официальной позиции, сказано, что реализация идеи федеративного государства «неизбежно породит если и не прямой распад украинской державы на отдельные „феодальные княжества“, то превращение ее в аморфное объединение территорий с большим объемом полномочий относительно юридической и политической, в частности внешнеполитической, самостоятельности»[1].

Схожие опасения высказал в одном из декабрьских (2016) номеров газеты «Зеркало недели» директор Института гражданского общества А. Ткачук. Комментируя решение семи областных рад об установлении договорных отношений с Киевом, он заявил, что фактически это означало бы «федерализацию страны, а реально — распад государства».

Но как же быть с популярным лозунгом «Сильные регионы — сильная страна»? Такие научные заключения трудно даже комментировать, поскольку они не имеют под собой сколько-нибудь убедительных оснований, например аргументов, подтверждающих, что традиции европейского, да и мирового федерализма неизбежно сопряжены с распадом государств. Почему этого не случилось с Германией, Австрией, Швейцарией, Бельгией, Великобританией, Соединенными

[1] Національна доповідь.

Штатами, Бразилией и многими другими странами? А с Украиной непременно должно случиться?

Можно, разумеется, привести пример Югославии, но ведь сегодня ни для кого не секрет, что ей «помогли» распасться НАТО и США. Разошлись Чехия и Словакия, но у них еще раньше был опыт самостоятельной государственной жизни. У регионов Украины такого опыта нет, а наши евро-американские друзья-наставники как будто не собираются применять на Украине югославский сценарий.

Совершенно непонятно, о какой «юридической, политической и внешнеполитической самостоятельности» украинских регионов в случае обретения ими федерального статуса говорится в академическом докладе. Скорее всего, это такая страшилка. Ведь не могут же не знать его авторы, что федеративная система вовсе не предполагает такой самостоятельности. Этого нет даже в конфедерациях. Во всех государствах, построенных на федеративных началах, — единая верховная власть, единые вооруженные силы, одно внешнеполитическое ведомство и еще много других общефедеральных институтов. С чего бы это Украине придумывать какую-то не существующую в мировой практике федеративную форму?

Как антитезу «федерализации» авторы выдвигают идею «соборности». Приводят даже статистические данные, согласно которым ее поддерживают 71 % населения всей страны и 87 % жителей западных областей[1]. Очевидно, нет оснований не доверять этим цифрам. Если бы меня спросили, хочу ли я такую федерацию, какую придумали авторы доклада, я бы тоже ответил отрицательно. Известно ведь, что ответ можно предопределить вопросом — достаточно вспомнить референдумы, предшествовавшие развалу Советского Союза, когда в течение полугода люди с одинаковым энтузиазмом голосовали и за его сохранение, и за роспуск.

Что касается тождества «унитаризма» и «соборности», утверждаемого в докладе, то здесь я вынужден решительно не согласиться с авторами. Никакого тождества тут нет и в помине. Более того, это совершенно разные понятия. Первое

[1] Національна доповідь. С. 4.

обозначает государственную форму страны, а второе — способ ее территориального формирования. Если же серьезно задуматься над тем, какую форму государственности предполагает так называемая соборность, то придется признать, что прежде всего федеративную. Кстати, украинская соборность времен формирования Украинской Народной Республики теснейшим образом связана именно с федерализацией или даже конфедерализацией Украины. Как известно, 22 января 1919 года в Киеве состоялось торжественное объединение Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики. При этом оба государственных образования сохраняли суверенитет в дипломатической и военной сферах. Эта соборность оказалась в значительной мере формальной и просуществовала менее года. В том же году 20 декабря руководство ЗУНР денонсировало Акт соборности. Правда, к тому времени обе украинские республики уже представляли собой скорее виртуальные, чем реальные государственные образования.

Академический «одобрямс» украинского унитаризма. Всегда ли Украина была унитарной?

В дискуссиях со сторонниками унитарности можно услышать, что опыт ФРГ или США нам не подходит, поскольку эти государства изначально складывались из отдельных земель и штатов. Украина же будто бы всегда была унитарным государством. Что в понимании унитаристов означает слово «всегда», сказать трудно, особенно если учесть, что она не всегда была и государством. Но предположим, что это сакраментальное «всегда» начинается со времен Национально-освободительной войны под предводительством Богдана Хмельницкого и вхождения украинского гетманата в состав Московского царства. Можно ли утверждать, что Украина в то время была унитарным государством?

Ответ здесь может быть скорее отрицательным, чем утвердительным. С одной стороны, полковое военно-административное деление как будто больше соответствовало принципам государственной унитарности, но с другой — казацкие полки,

представляя собой достаточно автономные территориальные образования, как бы мини-государства со своими вооруженными силами и судами, не всегда находились в гетманской воле. Известно, что еще при Богдане Хмельницком из его подчинения вышли казаки Слобожанщины, которых ему пришлось усмирять силой. В 1658 году полтавский полк во главе с М. Пушкарем отказался повиноваться гетману И. Выговскому. Подавлять это «своеволие» пришлось с помощью крымских татар, в результате Полтава была полностью разрушена, а союзники гетмана угнали в плен тысячи украинцев. Эта карательная акция своих против своих вошла в историю под названием «руины Выговского».

В годы гетманства Ю. Хмельницкого Украина и вовсе разделилась на две части: Левобережную, оставшуюся в составе Московского государства, и Правобережную, вернувшуюся в подданство Варшавы. Гетманы обеих Украин с помощью своих суверенов пытались распространить свою власть на соседние территории, что приводило к нескончаемым конфликтам и войнам. Только к началу XVIII века, когда гетманом был избран И. Мазепа, большая часть Правобережной Украины вновь объединилась с Левобережной, возродив при этом старое полковое административно-территориальное деление.

Но, пожалуй, еще более убедительным аргументом в пользу отсутствия государственной унитарности на Украине времен казатчины является феномен Запорожской Сечи. Формально, юридически и военно-административно Сечь представляла нераздельное целое с Гетманской Украиной. Вместе они именовались Войском запорожским и вместе были приняты Земским собором в октябре 1653 года под высокую царскую руку. В действительности хортицкий военный лагерь в значительной мере был самостоятельным центром украинской государственности. В чем-то он был параллельным, а в чем-то и оппозиционным гетманской власти «материковой» Украины.

По сути, в продолжение всей истории гетманства Запорожье было постоянной головной болью для украинских гетманов. Нередко оно взрывалось вооруженными мятежами, как весной 1657 года против Богдана Хмельницкого, в 1658-м —

И. Выговского или в начале XVIII века против И. Мазепы. Были случаи, когда Запорожье сепаратно входило в сношения с Крымским ханством и даже вступало с ним в союзнические отношения.

Особенно конфликтными были отношения Запорожья с Мазепой. Гетман проявлял максимум выдержки, чтобы решить эту проблему, как он выражался, «ласково», но не исключал и силового варианта. Предлагал даже, если запорожцы откажутся от мирного соглашения, бросить на них «несколько десятков бомб». Из всех украинских гетманов он больше других понимал деструктивную роль Запорожья в становлении украинской государственности. Одно время, особенно после установления гетманской власти на Правобережье, казалось, что Мазепа сумеет подавить запорожское бунтарство и создаст единую административно-государственную систему во всей Малороссии. К сожалению, он сам и разрушил такую возможность, когда сделал ставку на союз с Карлом XII, ставшую стратегическим просчетом. Объективно его поступок, в значительной мере спонтанный, привел к утрате украинской государственности вообще.

Не представляли украинские земли в XVI–XVII веках монолитного единства и в этнографическом отношении. Они четко делились на ряд регионов, каждый со своими культурно-историческими особенностями. Среднеднепровская Украина была лишь одним из них, а еще были Волынь, Подолье, Северщина, Полесье, Галичина, Покутье, Запорожье. На разных этапах истории они входили в состав соседних государств — Литвы, Польши, России, что не могло не сказаться на их политических и религиозных традициях. Известно, что Галичина после Брестской унии 1596 года и вовсе потеряла свою православную идентичность, будучи включенной в римско-католическую церковную общность. Население южнорусских земель в связи с их длительным пребыванием в составе Великого княжества Литовского получило соответствующий политоним «литвины». В годы, предшествующие вхождению этих земель в Московское царство, их жители, массово искавшие лучшей доли в приграничных русских вое-

водствах, неизменно фигурируют в актовых документах под этим названием.

Со времен окончательной ликвидации Украинского Гетманата (1764) и введения «Учреждения о губерниях» Левобережная Украина была включена в общерусскую систему административно-территориального устройства с губерниями и наместничествами. Аналогичное административное деление было введено и на украинском Правобережье. В 1775 году перестала существовать и Запорожская Сечь.

Разумеется, утрата украинской государственности на территориях, входивших в состав Российской империи, достойна сожаления. Можно предъявлять по этому поводу исторический счет. Но все ведь познается в сравнении. В «невыносимых условиях царского гнета», как об этом можно прочесть в национал-патриотической литературе, автономная украинская государственность просуществовала более 120 лет, тогда как на территориях, вошедших в состав просвещенных и либеральных Речи Посполитой и Австро-Венгрии, ее не было вовсе.

Из всего этого следует, что Украина во времена своей бытности в статусе государства никогда не была унитарным образованием. Скорее конфедеративным, состоявшим из нескольких центров власти, каждый из которых обладал независимостью не только во внутренних делах, но и во внешних. Об унитарности украинских территорий можно говорить применительно к периоду между 1775 и 1917 годами, но она была не национальной, а общеимперской. Украины (или Малороссии) в то время не существовало даже как территориального понятия.

Не все однозначно и с формой украинской государственности, возродившейся после крушения Российской империи. Она складывалась в непростых условиях распада старых имперских государственно-территориальных связей и рождения новых, которые однозначно были федеративными. Отцы-основатели УНР во главе с С. Грушевским видели созданную ими республику составной частью Российской Федерации. Сменившая ее Украинская держава во главе с гетманом П. Скоропадским пыталась во многом повторить российскую

монархическую модель, которая оказалась не близкой большинству народа. О государственной форме Народной Республики во главе с Директорией по существу и сказать нечего. Предложенная В. Винниченко республиканско-демократическая модель не была реализована. Усилиями верховного атамана С. Петлюры она превратилась в обыкновенную атаманщину, в которой главным был «человек с ружьем». Именно он являлся единственной властью на «вверенной» ему территории. Не имея социальной базы, Директория к концу 1919 года прекратила свое существование.

Соборная Советская Украина

После Октябрьской революции возникла еще одна Украинская Народная Республика — Советская, при создании которой на харьковском Всеукраинском съезде Советов в декабре 1917 года УНР была объявлена вне закона. Новое государственное образование — Советская Украина — также провозгласила федеративную связь с Советской Россией. В конечном счете именно она, поддержанная украинцами, как это впоследствии признал В. Винниченко, и стала формой их государственной жизни почти на 70 лет.

Правда, за это время Украина в территориальном отношении разительно изменилась. Мы как-то сжились с ее нынешним картографическим образом, не особенно задумываясь над тем, что такой она была не всегда и что своей нынешней административно-территориальной структурой целиком обязана той самой проклинаемой ныне советской власти. При образовании Союза ССР 30 декабря 1922 года по инициативе В. И. Ленина в состав Украины были включены обширные территории Донецко-Криворожской республики, охватывавшие исторические Слобожанщину и Новороссию, никогда ранее Украине не принадлежавшие. Фактически названная республика являлась таким же национально-культурным образованием, как и Украинская ССР, с той лишь разницей, что основным этническим элементом в ней были русские. После вхождения в состав Советской Украины она потеряла свой автономный статус.

Второе значительное приращение территории Украины произошло накануне Великой Отечественной войны в августе 1939 года, когда И. В. Сталин заключил договор о ненападении с Германией. По секретному приложению, получившему название пакта Молотова–Риббентропа, к Советскому Союзу отошли земли Западной Украины, длительное время входившие в состав Речи Посполитой и Австро-Венгрии. Определенно тогда была восстановлена историческая справедливость. Кажется, другого мнения здесь и не может быть. Тем не менее находятся люди, считающие себя патриотами Украины, которые называют Красную армию, взявшую под защиту эти территории в сентябре 1939 года, не освободительницей, но оккупантом. Пишущие и говорящие об этом люди нисколько не задумываются о том, что тем самым признают незаконность включения Западной Украины в состав Украины Советской. Тут ведь одно из двух: если взяли незаконно чужое, то верните, если же делать этого не хотите, считаете его своим, то прекратите кощунствовать.

В 1940 году VII сессия Верховного Совета СССР приняла закон о вхождении в состав Украинской ССР Северной Буковины, включавшей Хотинский, Аккерманский и Измаильский уезды, ранее принадлежавшие Румынии. В обоих регионах преобладало украинское население, но значительный процент составляли поляки и румыны, а в городских центрах они даже численно преобладали над украинцами.

Одним из важных результатов освободительной миссии Советской армии было присоединение к Украине Подкарпатской Руси. Соглашение об этом было заключено между СССР и Чехословакией 29 июня 1945 года. Вновь образованной Закарпатской области отошли тогда и некоторые территории Словакии.

Последнее территориальное приобретение Украины относится к 1954 году, когда по инициативе Н. С. Хрущева Верховный Совет СССР передал в ее административное ведение Крымскую область. Это наиболее разнородная по своему этническому составу территория, на которой наряду с русскими и украинцами тогда проживали представители более чем 100 национальностей.

После распада Советского Союза в 1991 году Украина, будучи вполне структурированным государством, обрела независимость. Прокляла свое историческое прошлое, особенно советское, но сохранила его территориальное наследие и, что самое поразительное, государственно-территориальное устройство. По мнению новой политической элиты, оно являлось унитарным. Это определение и было внесено в Конституцию, хотя наличие в составе Украины Крымской Автономной Республики давало серьезный повод сомневаться в его правильности.

Не раз приходилось слышать, что предоставление Крыму автономии было ошибкой. Поднимался даже вопрос об ее отмене. В результате удалось упразднить только должность президента, но не саму автономию. Сегодня в связи с потерей Крыма президент П. Порошенко пытается учредить крымско-татарскую государственную автономию на территории Херсонской области. Учитывая, что на материковую Украину крымских татар переселилось все же немного, решили восполнить их численность родственными им турками-месхетинцами. Речь идет о 200 тысячах человек. Однако, по подсчетам специалистов, их число на Украине не превышает 10 тысяч. Где же взять еще 190 тысяч? Определенно в Турции. Такое предположение кажется маловероятным, но, как говорится, нет дыма без огня. За дружбу с президентом Эрдоганом и обещанную им помощь П. Порошенко надо будет чем-то платить.

Галицкие истоки идеи федерализма

Говоря о федерализации Украины, хотелось бы отметить, что это не какая-то сепаратистская провокация ее недоброжелателей или кремлевский заговор. Первым выступил с этим предложением В. Чорновил в свою бытность руководителем государственной администрации Львовской области. Многие, думается, помнят учрежденную им Галицкую ассамблею, призванную блюсти интересы трех галицких областей. Этот шаг не имел продолжения, но ради объективности придется признать, что особой его юридической легитимации и не требовалось. Галичина в продолжение всех лет независимо-

сти де-факто находилась на положении федерального региона. По многим вопросам развития новой Украины, впрочем, как и в оценках ее исторического прошлого, галицкие интеллектуалы всегда имели свое, не совпадающее с официальной позицией, мнение. Им было позволено иметь свой взгляд на украино-русские отношения, на место русского языка на Украине, на Великую Отечественную войну, на бандеровское движение и т. д.

Еще задолго до того, как их позиция получила поддержку центральной власти при президенте В. Ющенко, в Галичине, далеко не всегда с формального согласия местных рад, сносили памятники советского времени, переименовывали населенные пункты, улицы и площади называли именами руководителей националистического движения, ставили им памятные знаки и памятники. В школьные программы на факультативной основе включались темы, связанные с историей ОУН-УПА. С началом протестной акции на киевском майдане Незалежности Галичина (Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области) и вовсе заявила об отказе подчиняться центральной киевской власти. Позднее этот почин поддержали и другие украинские области, что было первой ласточкой государственного распада.

Можно по-разному относиться к галицкому «своеволию», но нельзя не признать, что во многом для него существовали объективные предпосылки. И, может быть, главной из них было уважение к своей истории и своим традициям, подавляемым в условиях советской действительности. Можно только порадоваться, что на Печерских холмах не нашлось тогда горячих голов, как в случае с Донбассом, которые бы силой принялись добиваться от галичан повиновения.

Но ведь Донбасс тоже имеет свою историю, традиции и своих героев. И людям, живущим там, они также небезразличны. Они не могли спокойно отнестись к тому, что их ценности были объявлены наследием имперского и советского преступных режимов, а их родной русский язык — иностранным, языком чужой державы. Что все жители края в одночасье стали неполноценными украинцами, гражданами второго сорта

и получили уничижительные прозвища, что немыслимо в цивилизованном обществе.

Неадекватная реакция майданных властей на митинговые события в Донбассе породила конфликт, который после попытки (бесспорно ошибочной) подавить его силой перерос в военное противостояние. Его могло и не быть, если бы в Киеве осознали всю сложность ситуации и пошли на уступки Донбассу. Ничего невозможного он и не требовал — хозяйственную самостоятельность и право на русский язык как второй официальный. Выполнение этих требований — непременное условие и разрешения конфликта, однако официальный Киев не намерен уступать. «Никакого особого статуса отдельных районов Донбасса, — заявляет П. Порошенко, — не будет». А о том, чтобы это прописать еще и в Основном законе страны, вообще речи нет.

Если называть вещи своими именами, следует признать, что вся страна и мы, ее жители, стали заложниками неоправданной фетишизации унитаризма. Почему-то власти не хотят понять, что он не стоит того, чтобы общество платило за него столь высокую цену. Когда-то известный украинский историк и общественный деятель В. Липинский, анализируя неудачи национального государственного строительства в 1917–1919 годах, отмечал, что вожди разошлись на правописании, а потеряли державу. Что-то подобное происходит и сегодня. История, как известно, имеет свойство повторяться.

Разноликая Украина

Выше уже шла речь о культурно-исторических особенностях Галичины и Донбасса. Но в аналогичном положении находятся практически и все другие регионы Украины. Известно, сколь непростая ситуация сложилась в Закарпатье. И дело не только в трудностях культурной интеграции ее венгерской, словацкой или румынской общин в общеукраинский социум. Не меньше проблем и в жизни основного этноса — украинцев. Многие годы добиваются своего признания и права на культурную автономию закарпатские русины. В Киеве либо не за-

мечают этого, либо говорят, что речь идет об этнической группе тех же украинцев. Но известно, что русины проживают и в соседних с Украиной странах, где они никак не могут быть украинскими этническими группами. Свои этнокультурные и политические особенности имеют и Харьковский регион, сформированный на базе исторической Слобожанщины, и Юго-Западное Причерноморье во главе с Одессой, которая, несомненно, помнит свое историческое прошлое, не всегда связанное с Украиной.

Вообще этническая реальность Украины заключается не только в составляющих ее меньшинствах, но также (о чем уже приходилось писать) и в разноликости самой украинской общности. Это только кажется, что она едина, в действительности состоит по меньшей мере из трех основных субэтносов: центрально-североукраинского, западноукраинского и юго-восточноукраинского. Свои особенности они обрели в условиях длительного раздельного существования и тесного взаимодействия с соседями.

Центрально-североукраинский субэтнос развился на православной культурной и духовной традиции, продолжавшейся со времен Киевской Руси. После вхождения в состав Московского государства в 1654 году этот процесс происходил в тесном единении с этнически и культурно родственным русским народом. Историческая память Поднепровской Украины сохранила героику не только казацких времен, ассоциирующихся с защитой национальной и религиозной идентичности и именем гетмана Богдана Хмельницкого, но и былинных богатырей Руси, храбро оборонявших рубежи Отечества от иноплеменников.

Западноукраинский субэтнос, несмотря на свое древнерусское происхождение, сложился, тем не менее, на римско-католических традициях, которые стали господствующими в крае после Брестской унии (1596). Длительное пребывание в составе Речи Посполитой, Польши, Австро-Венгрии, также исповедовавших римско-католическую веру, не могло не внести в жизнь западных украинцев таких черт, которых по определению не могло быть у жителей центральных территорий. Если

попытаться определить, что является основой их исторической памяти, можно сказать, что это националистическое движение времен Второй мировой войны.

Юго-восточноукраинский субэтнос сформировался в основном в советское время, хотя его корни уходят в XIX век, когда степные пространства, ранее принадлежавшие Крымскому ханству и подвластной ему Ногайской орде, перешли под юрисдикцию России и стали заселяться выходцами из русских и украинских земель. Стоит ли удивляться тому, что здесь так стойко сохраняется память о российском и советском прошлом, так уважительно почитаются его символы, связанные с Екатериной II, Потемкиным, Ришелье, Суворовым, Кутузовым, Артемом и др. Поразительно, но в этом регионе сохранилась память и о киево-русском прошлом, свидетельством чего являются, в частности, памятники князьям Святославу, Владимиру Великому, Ярославу Мудрому.

Можно было ожидать, что все эти культурные и этнографические различия регионов в условиях существования в едином украинском государстве постепенно сойдут на нет, но этого не произошло.

Украина — большая Галичина?

Вместо этого обнаружилась опасная для страны тенденция административной политической и культурной интеграции на базе ценностей одного региона — Галицкого. Стоит ли доказывать, что это невозможно без отрицания ценностей других регионов, что и происходит ныне на Украине. Общая ее история с Россией объявлена не нашей и предана анафеме. Память о Великой Отечественной войне чудовищно деформирована, запретным стало даже такое именование. В качестве более приемлемой альтернативы рекомендуется общая с европейскими странами история Западной Украины, что нашло отражение в учебниках для средней и высшей школы.

Всеукраинский статус обрели деятели националистического движения на Западной Украине С. Бандера, Р. Шухевич, Е. Коновалец и др. Их именами уже названы улицы и площади

населенных пунктов, находящихся далеко от родной им Галичины. Этот процесс имеет продолжение и в столице Украины. Улицу, носившую имя героя Гражданской войны уроженца Черниговщины Н. Щорса, назвали именем Е. Коновальца. Проспект Н. Ватутина, освободителя Киева в годы Великой Отечественной войны, — именем С. Бандеры.

Явочным порядком в качестве нормативного литературного языка вводится галицкий диалект. В этом легко убедиться, читая литературу, изданную в последние годы, или слушая ведущих на радио и телевидении. Лексика тех и других изобилует словами, непривычными для уха, которое воспитано на классическом украинском языке, основанном на киево-полтавском диалекте: «летовище», «наразі», «шпиталь», «шпальта», «провід», «трафити», «файно» и др. Перефразируя известное изречение, можно сказать, что новая Украина — это унитарная власть плюс галицизация всей страны.

Конечно, путь насильственного утверждения ценностей одного региона для всей Украины ошибочен. А главное — он не нужен, поскольку обедняет нашу страну во всех отношениях. Я давно предлагаю согласиться всем с так называемым нулевым идеологическим принципом. Его суть заключается во взаимном признании всех региональных культурно-исторических ценностей или хотя бы в смирении с ними. При этом ни один регион не должен навязывать другим свою историю, культуру, религию. На Западной Украине вольны исповедовать католицизм, почитать деятелей ОУН-УПА, признавать законным только украинский язык. На Юго-Востоке признается такое же суверенное право пользоваться русским языком в качестве второго официального, свято чтить Переяславскую раду, героику Великой Отечественной войны. В результате взаимной толерантности не только сохранятся региональные особенности, но и, несомненно, постепенно сформируются и общенациональные ценности.

Достижение внутриукраинского согласия возможно только в условиях федеративного административно-территориального государственного устройства. Мировая практика давно

придумала такую форму государства, способную сбалансировать региональные и общенациональные интересы. Она на практике доказала свою бо́льшую жизнеспособность, чем унитарная. Федерализм лучше учитывает интересы регионов и создает более благоприятные условия для развития экономики и культуры. Можно сказать, он ближе к людям. Опасение, что он таит в себе потенциальный сепаратизм, не подтверждается историческим опытом. Сепаратизм порождается разным уровнем жизни регионов и центра, делением граждан на первый и второй сорт, национально сознательных и национально несознательных, непредоставлением меньшинствам равных прав с титульным этносом в сфере национально-культурного развития, делением церквей на наши и не наши и т. п. Не будет таких несправедливостей — не будет и сепаратизма. А если он возникнет, то от распада страны не спасет и унитаризм.

Невозможно механически превратить нынешнюю унитарную систему в федеральную. Чтобы она была экономически целесообразной, необходимо строить ее на основе исторических регионов. Каждая из федеральных земель (а их было бы не больше 10–12) представляла бы собой крупное территориальное, экономическое и демографическое образование, способное к оптимальной организации внутренней жизни. Выравнивание экономических потенциалов регионов избавило бы их от подозрений, что кто-то живет за счет другого. Концентрация же усилий регионов на своем экономическом развитии погасила бы остроту идеологического противостояния, не оставила бы времени для выяснения, кто больше любит Украину.

Разумеется, путь к федеративному устройству непрост. Но это не значит, что он невозможен, а тем более не нужен.

8. «В НЕНАВИСТИ К РУССКИМ МЫ ПРОКЛИНАЕМ И САМИХ СЕБЯ»[1]

Я беседую с Петром Петровичем в его скромной, уютной от обилия книг «келье» — так он называет свой кабинет на Вла-

[1] 2000 : еженедельник. 2018. 20–26 апр. (беседу вела Елена Вавилова).

димирской в старом здании с табличкой «Отдел археологии Киева». На мой вопрос, что дает ему смелость защищать историческую правду во времена, когда она воспринимается как сепаратизм, он отвечает словами своего учителя — известного российского ученого Бориса Александровича Рыбакова: «Мне поздно бояться, устраивают ли мои научные выводы кого-то или нет». Говорит об этом со спокойной уверенностью и доброжелательной улыбкой. Он так не похож на своих экзальтированных оппонентов, что я не могу не спросить:

— Петр Петрович, Вы часом не благородных кровей будете? Что Вам известно о своем генеалогическом древе?

— Древом своим мы немножко занимались когда-то с братьями. И узнали, что род наш по линии матери происходит из двух казацких ветвей. Прабабушка моя, урожденная Якименко, была переяславской дворянкой, которая имела земли в селе Пристромы, что недалеко от Переяслава-Хмельницкого, откуда я родом. А прадед носил фамилию Хмельницкий. Но я не возвожу себя к Богдану, как один из наших президентов — к Калнышевскому. По линии отца мы тоже из казаков. В казацких сотнях брат нашел две фамилии Толочко, и в нашем селе эта фамилия числится уже с XVII века. Но это обрывочные сведения. С собственной родословной у меня гораздо хуже, чем с родословной Украины.

Когда Пушкин становится врагом

— Хорошо, давайте перейдем к нашей общей родословной. Но сперва хочу узнать Ваше мнение об инициативе перехода с кириллицы на латиницу, которую озвучил недавно министр иностранных дел Климкин. Если случится так, что инициативу поддержат законодательно, какими будут последствия для страны?

— Разговоры о латинице не новы. После обретения Украиной независимости латинские буквы время от времени

появлялись в славянских словах на рекламных плакатах. Просто Климкин с радикальным простодушием, не свойственным профессиональным дипломатам, оформил мысль перехода на латиницу. Мне кажется, не следует воспринимать его инициативу всерьез. Впрочем, от нынешней политической элиты можно ожидать чего угодно.

Я недавно прочитал в Интернете донос мамы десятилетней школьницы на учительницу русского языка. Она жалуется, что ее бедную Маричку заставляют учить оригинальные строки из поэмы «Руслан и Людмила». Женщина негодует: «Та як вона сміє змушувати мою дитину вчити вірші, написані мовою ворога!»

Я задаю себе вопрос: это что же получается, Александр Сергеевич Пушкин — наш враг? Ведь это он создал литературный русский язык на основе церковнославянского языка, который пришел из Киева. И вот такие строки написал на этом языке, вложив их в уста Мазепы в поэме «Полтава»:

Без милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державой
Украйне быть уже пора:
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра.

Не думаю, что Мазепа так красиво изъяснялся и был таким большим патриотом; более всего этот человек заботился о собственном благополучии. Но именно Пушкин, которого сегодня делают врагом, создал в своей поэме образ романтического героя Украины.

Помню, как четыре года назад власть и оппозиция дружно кричали о новом цивилизационном выборе. Я грешным делом думал тогда: наверное, эти люди чего-то не понимают. Ведь цивилизационный выбор сделал Владимир Святославич еще в X столетии, и с тех пор мы нормально существуем в нем, создав собственную богатую культуру, литературу и язык. О каком еще выборе может идти речь? А потом я понял, что хотят

переформатировать нашу ментальность, наше естество. Вот и заявление Климкина — из того же ряда.

— Но, с другой стороны, логика Климкина вроде бы ясна: коль Украина выбрала ориентацию на Запад, то и переход на латиницу, мол, закономерен. Вон и страны СНГ в этом направлении подтягиваются — Азербайджан давно перешел, Казахстан и Кыргызстан заявили о намерении провести реформу...

— На латиницу перешли страны, у которых не было собственной письменности: сначала они заимствовали кириллицу, а потом перешли на латинский алфавит. Но мы ведь с IX–X веков пользуемся кириллической письменностью. Кириллицей написаны наиболее ранний из дошедших до нас древнерусских летописных сводов — «Повесть временных лет», и бесценный литературный памятник Древней Руси — «Слово о полку Игореве», и множество других произведений вплоть до нынешнего дня. Отказавшись от кириллицы, мы отсечем себя от огромного литературного наследия, от своих тысячелетних корней и станем латинизованным перекати-полем. Но я надеюсь все-таки, что здравый смысл возобладает.

— Помню, как без малого два года назад радикалы сорвали презентацию Вашей книги «Откуда пошла Руская земля». Как Вы думаете, почему ответ на вопрос, которому Вы посвятили этот труд, — откуда пошла Русь, варяги ли ее создали, хазары ли, или сами славяне, — вызвал столь бурную реакцию Ваших идеологических противников?

— Причина в элементарном невежестве тех ребят, которые не дали нам возможности провести презентацию. Когда я у них спросил, читали ли они эту книгу, услышал презрительный ответ: «Не читали и читать не собираемся, и так знаем, что у вас там сплошное вранье!» Думаю, им просто не понравилось в названии книги слово «Русь», которое они отождествляют с Россией. Хотя это наше коренное слово, давнее. По моим

убеждениям, у него южное происхождение, днепровское, а не варяжское. И в этой моей книге речь идет о том, откуда мы начинались.

Причем, если вы обратили внимание, я пишу «руская» как производное от слова «Русь» — в соответствии с грамматическими нормами древних летописей. Но вряд ли это интересно тем, кто по своему усмотрению толкует историческое прошлое. Этим новым толкованием заполнены сегодня все учебники.

В поисках «древних укров»

— Кстати об учебниках. Когда-то нам говорили, что советский народ — это особый этнос, историческая общность людей разных национальностей, имеющих общие характерные черты. С тех пор как мы разбежались по разным квартирам, нам постоянно внушают, что Украина — это Европа, а россияне — дикие варвары, которые на тысячи лет отстают в развитии от других народов. Что Вы думаете о том, что мы слышим буквально ежедневно: украинцы и русские — разные этносы?

— Если честно, мне даже неудобно на этот вопрос отвечать. Это совершенная спекуляция, фантастика, порожденная физиологической ненавистью украинских националистов к русским. Я никак не могу понять: пусть им не нравится Путин, нынешнее правительство России, но зачем эту ненависть переносить на весь русский народ? Ведь в этой ненависти к русским мы проклинаем и самих себя!

Вот посмотрите на это дерево (протягивает листок с изображением на нем дерева с разветвленной корневой системой и названиями восточнославянских племен. — *Е. В.*). Это родословное древо, итог моей научной деятельности. Образно говоря, я всю жизнь к нему шел — изучал, поливал, взращивал, но визуально не мог себе представить. И только года два-три назад я вышел на такой образ нашей единой восточнославянской истории: Белая Русь, Малая Русь и Великая Русь — три мощные ветви, берущие начало из единого корня.

В конце XI — начале XII века с Киевщины, Переяславщины, Поднепровской Руси шел мощный колонизационный поток переселенцев в Суздальское ополье, Суздальско-Залесский край. Тем путем ушли князья, ремесленники, крестьяне, в результате образовалась реплика Южной Руси. Появились города — Владимир, Переяслав, Звенигород, Галич. Туда перенеслась вся южнорусская гидронимия — Десна, Ирпень, Трубеж, Лыбедь — все эти названия переселенцы перенесли с собой из Среднего Поднепровья.

И получилось так, что один брат остался в Киеве или Переяславе, а второй ушел в Суздальское ополье и пустил там свои корни. Так почему же мы сегодня этого брата называем угро-финном, если он точно такой же русич, как и тот, что остался здесь, в Поднепровье? Это выходцы из единого славянского этноса, единой страны, образовавшейся в результате слияния 12–13 восточнославянских племен в единое государственное образование — Русь, Рускую землю. Ну а затем разветвились на три народа. Как говорится, это медицинский факт, с которым невозможно спорить, если хоть мало-мальски знать историю.

— Почему же некоторые наши с Вами земляки столь болезненно воспринимают Ваши слова о том, что во времена Киевской Руси никакой Украины не было?

— Тогда не было ни Украины, ни России, ни Беларуси. Была Русь, Руская земля и русичи. И нашим далеким предкам в страшном сне не могло присниться, что кто-то из них потом станет украинцем, кто-то русским, а кто-то белорусом, потому что все они были едины. В своей книге «Древнеруская народность» я показываю это огромное пространство — от Киева до Новгорода, от Карпат до Волго-Донского междуречья, которое было заселено единой общностью — древнеруской народностью. А потом Русь была раздроблена на части монголо-татарским нашествием. Часть отхватило Великое княжество Литовское, часть — поляки. Тогда и стали формироваться этнографические особенности регионов

и три восточнославянских народа. Но — на базе единого древнеруского народа.

У нас до XVIII века был один общий язык. «Грамматика» южноруса Мелетия Смотрицкого, написанная им в 1619 году, была учебным пособием как в Киево-Могилянской академии, так и в Славяно-греко-латинской академии в Москве. Так какие же мы разные, если наши предки учились по единому учебнику! И мне кажется, что сейчас творится чудовищная несправедливость. А еще непонимание того, что если мы оторвемся от этого нашего питательного корневища, то просто-напросто потеряем себя.

— А как же раскопки на Украинском Триполье и в Костенках под Воронежем, где якобы обнаружены следы «древних укров»?

— Это глупость несусветная. Никаких «укров» никогда не было, хотя кому-то очень хотелось бы их найти. Где только не искали: и на севере, и среди западных славян — нет укров! Но кому-то с этим трудно смириться. Как и с тем неоспоримым фактом, что название нашего с вами государства происходит от слова «окраина».

— Вот сейчас Вы опять кого-то крепко обидели...

— Да ничего обидного здесь нет! Это географическое название[1], а не этническое, не родовое. Мы действительно в последревнерусское время были окраиной между крупными европейскими державами, которые тогда уже консолидировались: с одной стороны — Русское государство, с другой — Великое княжество Литовское, Польша (потом они объединились в Речь Посполитую). И мы находились на этом порубежье,

[1] Географические, то есть образованные от географических понятий, названия стран — явление довольно частое, например, Соединенные Штаты Америки, Эквадор («экватор»), Нидерланды («Нижняя земля»), Исландия («Ледяная земля»), Черногория, Польша (от «поле»), Австрия («Восточная страна», Южная Африка, Центрально-Африканская Республика и т. п.). — *Примеч. ред.*

будучи окраиной по отношению и к одним и к другим. Слово писалось дифтонгом: «оукраина» — это такое греческое соединение двух букв «оу». Позже буква «о» отпала и осталось «украина».

Мы добровольно отказались от названия «Русь». Большая заслуга в этом Шевченко и других наших писателей, демократов, которым страшно нравились слова «украина», «украинцы» — они хотели как-то выделить нас из общего восточнославянского массива отдельным названием. Слова эти прочно вошли в обиход только в XIX веке, а до этого мы были малороссы.

Федерализация как нулевой вариант

— Слово «малоросс», как и слово «окраина», сегодня режет слух многим украинцам. Зато соседям, с которыми мы рассорились, слух ласкает. Я знаю, что в марте в Доме Российского исторического общества в Москве состоялась презентация коллективного научного труда под Вашей редакцией «История Украины. VI–XXI век». Украинские СМИ сразу написали, что «академик-сепаратист выполнил заказ, унижая украинцев и возвеличивая русских». Как россияне восприняли расставленные Вами акценты?

— Слышал, как российская журналистка, комментируя мое интервью, говорила, что мы презентовали историю «государства, которого не было». Я считаю, что это от неграмотности. Ведь Россия тоже из восточнославянских племен вышла, и ее тоже в то раннее время не было. И белорусы начинаются с дреговичей и кривичей. И точно так же они включают славянский период в свою историю.

— Так с какого периода, по-вашему, следует отсчитывать историю Украины — с эпохи Хмельницкого или с XIX века, когда топоним стал этнонимом?

— Я считаю, что абсолютно справедливо писать историю нашего государства, начиная с восточнославянских племен,

потому что там наши корни, мы оттуда произошли. Истории всех народов пишутся именно так.

— Еще в середине 1990-х Вы предупреждали о том, что не учитывать этнографическую специфику Юго-Востока крайне опасно. Тогда Вас не услышали. А теперь случилось то, что случилось. Как все эти годы должна была действовать Украина, чтобы сохранить Крым и не допустить кровопролития в Донбассе?

— Скажу откровенно, я не был в восторге от распада СССР. Когда начиналась наша самостоятельная жизнь, признал реалии, но никогда не думал, что Украина станет такой, какой она стала.

Еще в 1990-е годы в своих статьях и книгах я стал писать о необходимости федерализации Украины. И до сих пор убежден, что это оптимальный путь развития нашей страны. Ведь посмотрите, что происходит: пришел президент из Днепропетровска — днепропетровский клан правит Украиной; пришел президент из Западной Украины или тот, который олицетворяет себя с ней, — власть у галичан; донецкий президент пришел — стали донецкие преобладать. А потом донецкие схлестнулись с галичанами. Клановость правящих режимов ни к чему хорошему никогда не приводила. Для достижения мира и согласия на Украине должно быть 9–10 регионов, и чтобы каждый из них имел свое представительство в парламенте. Таким образом мы получим нулевой идеологический вариант. У нас будут регионы со своими этнокультурными особенностями, исторической памятью и ментальностью, и ни один из них не будет навязывать свои ценности и предпочтения остальной Украине.

Признаюсь, у меня нет ликования по поводу ухода Крыма. Не тешит подобная перспектива и для Донбасса, которая из-за саботирования Минских соглашений становится все более реальной.

Есть только чувство горечи от того, что с нами не хотят жить.

Большинство стран давно поняли, что унитарный строй — не панацея. Украина при унитарном строе потеряла Крым, теряет Донбасс. А если бы мы были федерацией, возможно, сумели бы их сберечь. Но у нас каждого, кто озвучивает идею федерализации, сразу записывают в сепаратисты. Вот и в мой адрес тогда понеслось: «Толочко продвигает эту идею по заданию Кремля!»

Когда-то я был оптимистом и не верил в то, что Украина может стать большой Галичиной. Сегодня я убеждаюсь, что мы постепенно ею становимся. Идеология, герои, ценности — все переносится оттуда. При этом наши традиционные, вековые ценности вытесняются и уничтожаются. Через колено ломают нашу украинскую идентичность. Для меня это личная трагедия. С одной стороны, я не мыслю себя без Украины, с другой — понимаю, что это уже не моя Украина, это другая страна.

Европейские объятия и одиозный Хмельницкий

— Когда-то Черчилль сказал: «Если мы поссорим прошлое с настоящим, то потеряем будущее». Похоже, нас это предостережение не пугает. Мы продолжаем искать врагов среди бывших героев. Хмельницкий на очереди?

— Да, он уже становится подозрительной личностью, поскольку привел нас в «московское рабство». Спекулируют на теме Переяславской рады, говорят о том, что никаких юридических документов там принято не было, людей собралось совсем немного и объединение было нелегитимным. На самом же деле Переяславская рада стала актом присяжным, ратификационным.

Киевская старшина во главе с Богданом Хмельницким обратилась к царю Алексею Михайловичу с прошением о принятии под высокую царскую руку. В конце 1653 года последовало решение Земского собора принять Войско запорожское. А в Переяславе уже была принесена присяга верности царю, при этом присутствовала вся казацкая старшина, что олицетворяло

нашу тогдашнюю государственность. После Переяслава боярин Бутурлин, принимавший присягу Хмельницкого на подданство России, проехал еще по 182 полковым и сотенным местечкам и принял такую же присягу от них на верность русскому царю.

Поэтому легитимность Переяславской рады и акта объединения или присоединяя была несравненно более высокая, чем все, что было до этого. Например, когда была учреждена Люблинская уния, нас в нее впихнули, не спрашивая, хотим ли мы этого, а тут все-таки была соблюдена легитимность.

Но сегодня никто не хочет задуматься: а почему Богдан Хмельницкий вынужден был обратиться к России? Да потому, что стало невмоготу. Мы теряли свою идентичность, фактически потеряли свой язык — государственным языком был польский, и о малороссийском никто не вспоминал. А наши митрополиты? Знаменитый Петр Могила писал свои произведения на польском языке. Польские кляшторы и костелы дошли уже до Новгород-Северского, была фактически потеряна православная иерархия. Ее восстановили в 1620 году, но она едва дышала.

Если бы Богдан Хмельницкий не пошел на объединение с Россией, то малороссов просто не существовало бы, все они давно были бы ополячены. Впрочем, сейчас этот процесс успешно возобновлен. Нам открыли безвиз, мы очень податливые люди, быстро ассимилируемся. И то, что полякам не удалось сделать с нами в XVII веке, они успешно делают в XXI. В Польше уже работают полтора-два миллиона наших соотечественников. Но этот урок истории никто почему-то не хочет анализировать. Если малороссам было так хорошо в объятиях Речи Посполитой, то почему они ушли оттуда?

Во времена господства поляков на Украине жизнь была просто невыносимой. Поэтому люди массово переселялись в пределы Российского государства. У нас есть тысячи свидетельств того, как народ шел под царскую руку. Переселился и брат Богдана Хмельницкого, Григорий. Еще до Переяслава, в 1649 году, он написал прошение Алексею Михайловичу и, будучи в полковничьем звании, переселился в Белгород и там служил царю.

Переселенцев из Малороссии в порубежных российских городах (таких как Путивль или Глухов) было столько, что воевода писал царю: «Наших людей меньше, чем черкесов». В ту пору так называли черкасчан. В 1649 году Черниговский казацкий полк в полном составе — 1100 казаков с семьями — переселился в Воронежскую губернию, в Острогожский уезд. Сейчас наши националисты кричат: «Воронежская область — украинская земля! Там украинцы живут!» Да, действительно, там живут украинцы. Но только потому, что их приютили в 1649 году. А вы теперь заявляете, что Воронежчина ваша?

Если нашим пращурам было так хорошо под Польшей, что ж они массово, десятками тысяч эмигрировали в Россию? А сейчас выходит так, что потомки Григория Хмельницкого — брата Богдана там, в России, — это «проклятые москали», «угро-финны», а потомки Богдана Хмельницкого здесь, на Украине, — это «чистые украинцы»? Нам надо бы хоть немного думать!

Если изучать факты, а не идти на поводу у пропаганды, мы должны понимать, что из «братских» европейских объятий нам с трудом удалось вырваться благодаря гетману Богдану Хмельницкому. И если Европа сегодня собирается обнимать нас так же крепко, то рано или поздно произойдут аналогичные процессы...

Хай живе Кубанская Украина!

— Два года назад Вы оставили должность директора Института археологии, которым руководили 30 лет. Некоторые украинские ресурсы назвали это событие «большим праздником». Наконец-то, мол, уволен, «крестный отец» украинской «исторической мафии», который «топчет редкие ростки всего прогрессивного, что есть в нашей историографии». Что произошло на самом деле?

— Меня никто не увольнял. Я собирался уйти еще 5 лет назад, поскольку считал, что нехорошо, когда один человек занимает должность так долго. Люди вырастали и старились,

а я все директорствовал. Внутренне мучился, что нехорошо поступаю, надо оставить это место для молодых. Решил пойти за советом к Борису Евгеньевичу Патону. Выслушав меня, он сказал: «Пока я жив, работайте. А когда меня не станет, поступайте как хотите».

Когда подошел очередной срок переизбрания, я уже не стал с ним советоваться, а предложил на свое место молодого человека, Виктора Петровича Чубая, который раньше возглавлял крымское отделение археологии, а после известных событий в Крыму переехал в Киев. Во время общего собрания, на котором должны были утверждать нового директора, Борис Евгеньевич спросил: «Может, все-таки передумаете?» Я ответил: «Нет, не передумаю. Потому и советоваться к вам не пришел — чтобы не передумать».

— В каком состоянии сейчас украинская академическая наука, в частности, институт, которым Вы руководили?

— Археология давно плохо себя чувствует, еще с обретения Украиной независимости. Мы практически не получаем финансирования на полевые исследования, не имеем средств на проведение конференций, издание книг. Ухитряемся выживать за счет сотрудничества с коллегами в соседних странах — с поляками, румынами, французами. Долгое время с россиянами сотрудничали, проводили совместные экспедиции, делали общие издательские проекты, конференции.

Немного денег получаем от новостроек. Есть закон, согласно которому прежде чем затевать строительство на месте археологического памятника, застройщик обязан оплатить археологам исследование местности и публикацию материалов. Сегодня вот на Почтовой площади строительство развернулось, но строители неожиданно «сели» на роскошные кварталы древнего Подола разных периодов — от XVIII до XI века. Мы хотели провести их консервацию, создать музейную экспозицию, но оказалось, что это практически невозможно. Сейчас, насколько я знаю, эта строительная организация ушла оттуда, и что там дальше будет, трудно сказать.

— Руководство страны проявляет интерес к археологии?

— Последним, кто проявлял интерес, был Виктор Ющенко. Интересовался Трипольем, приезжал на раскопки трипольского поселения Тальенки, что на Черкасчине. Возил меня на Днепр и показывал трипольские погребения, которые оказались, правда, не трипольскими, а позднесредневековыми.

А вот кто действительно интересовался нашей работой, так это первый секретарь ЦК КП Украины Владимир Васильевич Щербицкий. Когда в 1972 году на Красной площади Подола мы открыли кварталы срубных построек X–XI веков, Щербицкий вместе со всем политбюро приезжал осматривать эти раскопки. Затем он дважды знакомился с находками из скифских курганов юга Украины, которые накопал известный археолог Борис Мозолевский. Это только то, что вспоминается сразу.

Так что как бы сегодня ни охаивали прошлое и «проклятых коммунистов», но они были государственниками и понимали, что история — это то, на чем мы стоим. А в советское время у нас были деньги на тематические раскопки независимо от того, планируются там новостройки или нет. Когда мы хотели исследовать Новгород-Северское городище, в котором жил Игорь Святославич, у нас были средства на это. Сейчас их нет. Просить бессмысленно, да мы уже и не просим.

— Зато находятся деньги на переименование улиц. Например, улицу Жукова хотят переименовать в Кубанскую Украину. Исторические основания для такого переименования есть?

— Та же история, что с Воронежем. Когда Екатерина II ликвидировала Запорожскую Сечь, она переселила запорожцев на Кубань, в пределы Российского государства. А мы теперь говорим, что это украинская земля. Но эта земля нас приютила! Так же как и Курская, Белгородская области, которые националисты считают нашими.

Несколько дней назад я был на Президиуме НАНУ, где обсуждался вопрос будущей переписи населения Украины.

Смотрю — в одном из документов в одной графе написано: «украинцы», а дальше расшифровывается: гуцулы, лемки — этнографические группы. И вдруг среди них вижу: кубанцы. Но какие же они украинцы? Возможно, что-то и осталось у них украинское в менталитете, но никакого отношения к Украине они не имеют. На таком же основании можно включить в перепись канадских, аргентинских, американских украинцев.

Ген победы и ген пораженчества

— Почему же мы занимаемся мифологизацией вместо того, чтобы искать то, что нас объединяет? Россия консолидирует общество вокруг былого имперского величия, исторических побед. Украина же с первых лет независимости надела на себя терновый венец жертвы. Посмотришь на календарь государственных дат — там больше дней скорби и памяти жертв, чем торжеств по случаю побед. Сейчас уже говорят о том, что прошедшие десятилетия были годами советской оккупации, что вплоть до 1991 года украинцы были угнетаемой нацией, чуть ли не нацией рабов, и т. п. Есть ли перспектива у государства со столь пораженческой идеологией?

— Я не раз писал о том, что этот страдальческий образ Украины, над которой «не знущався тільки лінивий», — путь в никуда. Это навязывание психологической несостоятельности, неуверенности. Если вы постоянно утверждаете, что на протяжении всей истории не были способны что-либо сделать, то где гарантия, что завтра вы сможете это осуществить?

И действительно, мы ведь ничего не празднуем, а только оплакиваем свое прошлое. Понятно, если речь идет о голодоморе. Но мы оплакиваем и Конотопскую битву, к которой казаки не имеют никакого отношения (там татары немножко потрепали российские войска). Мы оплакиваем Круты, не задумываясь над тем, что тогда ведь бросили необученных гимназистов навстречу войскам Муравьева. А в это время несколько полков в Киеве пьянствовали и палец о палец не ударили, чтобы

отразить наступление. Такого события следовало бы стыдиться, а мы его отмечаем.

Отечественная война, оказывается, была не нашей. Воевали Сталин с Гитлером, СССР с Германией, а Украина никакого отношения к ней не имела, и освободили ее вовсе не советские войска, а бандеровцы. Как сказал Кравчук, «Нашими справжніми визволителями є бандерівці».

— Может, причина в том, что мы не можем увидеть величия в наших датах?

— В какой-то степени да. Если говорить откровенно, мы, украинцы, всегда имели «пунктирную» государственность. Немножко при Богдане до Мазепы, немножко во время революции 1917–1919 годов: в эти годы была создана Центральная рада, гетманат. Больше в советское время, когда мы входили в Союз на правах автономии. Поэтому в наших генах нет ощущения того, что мы государствообразующая нация. И поэтому на подсознательном уровне мы все время представляем себя в образе страдальцев.

— Вы посвятили жизнь исследованию истории Киевской Руси. Что пока не удалось «раскопать»? Остались ли в этом периоде для Вас «белые пятна»? Какие районы Киева наименее изучены археологами? Или время археологических открытий уже прошло?

— По моим подсчетам, историческая часть Киева занимает примерно 400 гектаров. И, конечно, «белых пятен» на ней гораздо больше, чем исследованных. Когда-то, по моим подсчетам, стационарные археологические исследования охватывали примерно 4 % этой территории, а сейчас, возможно, мы приблизились к 10 %, точнее сказать не могу. Но время археологических открытий не прошло, и мы с этим постоянно сталкиваемся. И в Киеве, и на ближайших окраинах.

В городе очень трудно работать, потому что все застроено. Но каждые новые раскопки приносят новые открытия. Раскопки

на Почтовой площади свидетельствуют о том, что в X–XIII веках там, скорее всего, был очень хороший, благоустроенный причал и киевская гавань. Там найдено много пломб и печатей, которыми опечатывались товары. Мы еще не знаем толком, где конкретно была эта киевская речная гавань и набережная, но похоже, что подходим к этому.

Мы многого еще не знаем. Совсем недавно открыли поселение в Феофании, где начинается строительство нового района. Мы стали копать и обнаружили артефакты XI–XIII веков. Определили, что там находилось социально значимое поселение, потому что были найдены княжеские печати, застежки от книг. Дальняя околица Киева совершенно не исследована, и еще многое предстоит открыть.

В Киеве нам очень хотелось бы найти берестяную грамоту. Таких находок много в Новгороде и других северных городах, даже в нашем Звенигороде на Волыни. А вот в Киеве за все годы исследований нам так и не удалось обнаружить ни одной грамоты. Хотя берестяные изделия — туески и стаканчики — мы находили на Подоле. Это, кстати, наименее исследованный район города.

Ярослав Мудрый — украинец, русский или белорус?

— Когда на презентации Вашей книги в Москве был задан вопрос, как ее воспримут на родине, Вы ответили: «Думаю, что остро, но это не наши проблемы, мы объективно рассказали об истории, и она нас рассудит». Но возможен ли объективный взгляд на историю? Ведь зачастую историки обслуживают государственную идеологию.

— Историк, если он настоящий, не имеет права никого обслуживать. У историка С. М. Соловьева есть хорошие слова: «История — дело неспешное». Никто не может диктовать ученому, что и как писать. Он должен сам определиться со своим взглядом на события на основании совокупности изученного им материала и только тогда выдать результаты и выводы. Историк обязан представить объективную картину независимо

от того, понравится это кому-то или нет. Если же он обслуживает власть, то это не ученый, а пропагандист. К сожалению, сегодня такие «историки» преобладают.

Я знаю человека, который написал кандидатскую на тему «Критика буржуазно-націоналістичних концепцій етногенезу українського народу». Как он там чихвостил всех, кто не признавал официальную партийную точку зрения! Особенно досталось буржуазно-националистическим историкам украинской диаспоры. Сегодня он с таким же энтузиазмом утверждает противоположное. Это приспособленцы, конъюнктурщики, если хотите, шулеры в науке. Настоящие ученые так не поступают.

В книге «История Украины. VI–XXI век» мы попытались показать исторический процесс во всем его многообразии, сложности и противоречивости. Мы рассказали о голодоморе, хотя и не квалифицировали его как геноцид украинского народа. Мы не обошли и бандеровское движение, но показали его как коллаборантское, запятнанное сотрудничеством с фашистами. Мы не идеализировали прошлое, но и не проклинали его.

— В одной из своих книг — «И прошлое не проклиная» — Вы говорите о том, что надо уважать выбор поколения и не плевать в то, что пройдено. Но в истории каждого народа есть страницы, которые хочется забыть. Вот Вы кого причисляете к великим украинцам, а кого к антигероям?

— Этим-то и отличается государственная нация от негосударственной, что она сохраняет у себя все — и хорошее, и плохое, и великое, и малозначимое на первый взгляд. А негосударственная пытается отыскать что-то одно, к чему можно прислониться, отрекаясь от всего остального. Что касается героев, то я, честно говоря, не понимаю, что такое герой Украины.

Когда-то был телепроект, где путем голосования определяли великого украинца. Большинство, и я в том числе, проголосовали за Ярослава Мудрого. А через какое-то время было

сделано «открытие», что Софию Киевскую построил не Ярослав, а Владимир. Но мы знаем, что построил ее именно Ярослав, который действительно был великим правителем. Хотя, строго говоря, никаким украинцем он не был. Мы можем причислять его к своим, но при жизни он не знал, что будет украинцем. Точно так же и Россия его может считать своим, и Беларусь.

Однажды меня попросили назвать выдающихся людей в истории Украины. Я поставил в этот ряд князя Ярослава, Нестора Летописца, Тараса Шевченко, а из современников — Николая Амосова. Что касается антигероев... Мазепа. Это человек, который думал о себе, а не об Украине. И сколько бы ни пытались его героизировать сегодня, вряд ли это получится, поскольку существуют документы, где описываются его деяния. Он был влиятельным вельможей, имел поместья, огромное богатство. И все благодаря России и дружбе с Петром. Двадцать лет они были друзьями, а потом Мазепа предал Петра. Наши националисты сейчас кричат: «Он же не Украину предал, а русского царя!» Но если ты предал человека, с которым столько лет дружил, то как это назвать? И хотя Пушкин в своей «Полтаве» поэтически представил Мазепу как борца за независимость, на самом деле гетман к этому не стремился. Все, чего он желал, — перейти от одного хозяина к другому, а не добиться независимости Украины. И когда он счел, что пробил час Карла XII, решил переметнуться к нему.

Народ и элита в роли «злих воріженьок»

— Вы были одним из инициаторов создания Украинского общества охраны памятников истории и культуры, возглавляли его четверть века. Насколько эффективной была эта структура и почему три года назад Вы решили сложить свои полномочия?

— Общество охраны памятников — это хорошее и нужное дело. Наивно думать, что эта организация способна защитить исторические памятники на все 100 %, но она поднимает про-

блему, пробуждает общественное мнение. Я был председателем этого общества с 1989 года. А в заявлении об уходе написал, что если в наше время уничтожаются памятники Великой Отечественной войны, переименовываются улицы, важнейший исторический период оказывается беззащитен перед произволом, а я ничем помочь в этой ситуации не могу, то соучастником этих бесчинств быть не хочу и не буду.

В последние годы мы терпели одно поражение за другим. Нам не удалось отстоять названия улиц, предотвратить снос памятников советским воинам на Волыни и во Львове, защитить памятник Ленину в Киеве работы замечательного скульптора Меркурова. Этот монумент многие годы находился в реестре памятников национального значения Украины.

Мы оказались бессильны противостоять варварству и вакханалии. И я больше не хотел оставаться номинальной фигурой, которая ничего не может изменить.

— Во многих своих публикациях и книгах Вы размышляете о современном историческом периоде Украины, о поисках национальной идеи, о свободе и патриотизме, о майданах и их последствиях. Одной из таких книг Вы дали название «Заблудшие». И говорите в ней о том, что причина всех наших бед — в нас самих. Почему Вы считаете, что виноват народ, а не «злі воріженьки»?

— К этому печальному выводу мудрые люди пришли гораздо раньше меня: каждый народ имеет то правительство, которого заслуживает. Вот говорят, что украинцы — народ работящий, добрый, музыкальный, один из самых образованных и умных. Но откуда берутся такие иваны не помнящие родства? Они же из этого народа вышли! Оказывается, его мудрость не в состоянии отличить истину от фальши, интересы олигархических элит — от своих собственных.

Свидетельств этому множество. И, может, наиболее показательные — киевские майданы. Ведь истинные их цели ничего общего с интересами народа не имели, но были с большим энтузиазмом поддержаны многими. Это говорит о социальной

незрелости общества, о его привычке жить эмоциями, а не разумом. И все, что происходит с нами сейчас, говорит о том, что украинское общество оказалось неспособно ответить на новые вызовы. Это справедливо в отношении и той его части, которая называется политической элитой, и той, что именуется простым народом. Поскольку элита и народ — это сообщающиеся сосуды.

— А что же наш духовный авангард — интеллигенция, которая должна быть движущей и направляющей силой?

— Интеллигенция у нас конформистская, продажная и мимикрирующая. Так было всегда. Что говорить, если Кравчук был секретарем ЦК Компартии Украины и сам же инициировал ее запрет!

В 2010 году, во время президентства Януковича, была создана Гуманитарная рада, куда вошли представители научной и творческой интеллигенции. Пригласили и меня. Помню, как на праздновании Шевченковских дней меня впервые за много лет позвали на торжества и возложение цветов к памятнику. Иван Драч — известный украинский поэт — подошел тогда ко мне и улыбнулся: «Ну що, Петре, нарешті твоя влада прийшла!» А я ему ответил: «Моя, Іване, нарешті, а твоя завжди».

После двух-трех заседаний Гуманитарной рады я понял, что в моих советах никто не нуждается, убедился в абсолютной бесполезности своего участия и ушел, написав открытое письмо президенту. Зато все остальные члены рады сидели там до конца, до самой «революции достоинства». А потом дружно и рьяно стали проклинать Януковича.

Я же никогда не вписывался в комфортность режима. И считаю, что истинное призвание интеллигенции — быть в оппозиции к власти. Интеллигенция острее чувствует нерв жизни, несправедливость, а поэтому должна не растворяться в режиме, а корректировать его действия. Если же она не выполняет этой роли, то не имеет права называться интеллигенцией.

— В одном из недавних публичных выступлений Вы сказали, что «Заблудшие» — Ваша последняя публицистическая книга. Что подтолкнуло Вас к тому, чтобы поставить точку?

— Я не хочу больше писать, потому что разуверился в пользе своих писаний. Когда Льва Николаевича Толстого спросили: «Почему Вы больше не пишете беллетристику?», он ответил: «Закончилась энергия заблуждения». Толстой был гением и нашел красивый образ. Что-то похожее произошло и со мной: я увидел бесплодность своих попыток разговора с обществом, ничего в этом смысле не достиг, никого не перевоспитал, не достучался.

Поэтому, как в старину говорили, если Бог прибавит мне лета, то, может быть, я еще что-то хорошее сделаю в науке. Сейчас вот заканчиваю книгу «Киев и Новгород» — это очень интересная тема, над которой я давно размышляю. В историографии эту тему обошли, поскольку все время старались противопоставить два города. Дескать, Новгород всегда стремился уйти из зоны влияния Киева, потому что в Новгороде была республика, а здесь — монархия.

Я же хочу показать, что это ошибочное мнение, что эти два города были опорой Руси — как общединастическое родовое наследие. Первый князь пришел в Киев из Новгорода, и последний — в предмонгольское время — пришел оттуда же.

— То есть по-прежнему будете объединять то, что сейчас изо всех сил пытаются разорвать?

— Да. И ведь не только наши разрывают, некоторые российские историки тоже. Такой вот парадокс. Я чужой здесь, но не вполне свой и в России. Там также не всеми воспринимается идея единой Руси во главе с Киевом вплоть до монгольского нашествия. Имеет место тенденция несколько спрямить исторический процесс из Новгорода на Владимир и далее на Москву.

Я доказываю, что именно Киев был символом единой Руси, центром всего восточнославянского пространства — не только

политическим, но и духовным. Киев оставался метрополией Руси вплоть до конца XIII века. Но этот киевоцентризм не всеми воспринимается, особенно в условиях ухудшившихся отношений между Украиной и Россией. Получается, что моя защита единства Древней Руси как бы не ко времени. Но я историк, а не политик. И смысл своей жизни вижу в том, чтобы воссоздать по возможности правдивую картину нашего общего прошлого.

Как известно, искажение фактов чревато нагромождением не только лжи, но и трупов. А грех историка сравним с ошибкой врача, но применительно к целым народам.

Глава 8
УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ТЕКСТЫ. ВЫСТУПЛЕНИЯ В СПбГУП

1. ДИАЛОГ ИЛИ МОНОЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ?[1]

Диалог культур, предполагающий взаимное уважение культурной идентичности народов, скорее идеальная философская категория, чем жизненная реальность. Ни на одном историческом этапе не была представлена такая благообразная картина. Развитие всегда носило экспансионистский характер, причем не только военно-политический, но и духовно-культурный. Оно больше похоже на монолог, а если и напоминает диалог, то отнюдь не равноправный, а зачастую и не мирный.

Формирование культурной, или цивилизационной, общности — это всегда сложный и противоречивый процесс, сопряженный с приобретениями и потерями. Как правило, эта общность создавалась при участии военно-политической силы в лице государственной бюрократии и далеко не всегда мирно. В истории редко удавался естественный синтез многих культур, чаще всего это насильственное распространение в определенном регионе одной культурной традиции, в «плавильном котле» которой сгорали другие. Это же относится и к носителям традиций, которые также исчезали в процессе их ассимиляции основным этносом цивилизации.

---

[1] Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. СПб. : СПбГУП, 2009. С. 142–144.

Древней истории известно много таких примеров. Возможно, наиболее показательным является формирование римской цивилизационной общности, которая утверждалась на территориях, удаленных от глобализационного источника на тысячи километров. Это утверждение носило преимущественно характер завоевания. Римское имперское влияние и римский порядок на огромных пространствах Европы и Африки поддерживали воинские гарнизоны, базировавшиеся в мощных укрепленных лагерях. Из этих «военных баз» римские легионеры предпринимали походы против варваров, которые не всегда покорно воспринимали принудительное приобщение к римской цивилизации.

Кроме того, всегда существовали межцивилизационные противоречия. Глобализуясь на определенной территории, цивилизация рано или поздно соприкасалась с другой, развивавшейся в сходных или отличных условиях на сопредельной территории. Нередко между ними происходили драматические столкновения. В большей мере они были характерны для культурно различных цивилизаций (например, разгром Византии турками или Киевской Руси монголо-татарами), но случались и между родственными культурами. Примером этому может служить длительное противостояние православно-византийской и римско-католической цивилизаций, в результате которого европейский католический мир нанес непоправимый урон своим восточным «братьям во Христе». В 1204 году крестоносцы, выступавшие под знаменем Папы Римского, разрушили Константинополь и фактически погребли под его руинами одну из ярчайших мировых цивилизаций.

В эпоху Великих географических открытий европейская римско-католическая цивилизация оказала разрушительное воздействие на культуры различных регионов мира. Многие из них вообще прекратили свое существование, в том числе культуры ацтеков, инков, майя. Были истреблены в значительной мере и их носители.

Постепенно на карте мира вместо многих культур образовалось несколько крупных мировых цивилизаций, различающихся между собой культурно-исторически и, что особенно

важно, духовно-религиозно. Не случайно при их определении мы чаще всего прибегаем к религиозным терминам: католический, православный, исламский мир и др.

Со времени образования этих цивилизационных систем между ними идет соперничество не только за души людей, но и за пространства, которые они занимают. Как правило, эти соревнования, к взаимному неудовольствию, сопровождаются военными столкновениями, но, к счастью, до сих пор без глобальных мировых катаклизмов. Лидирует в этом споре западный католический и протестантский мир, который, с одной стороны, стал своеобразным «локомотивом» мирового технологического прогресса, с другой — благодаря своему превосходству сумел сделать остальной мир своим «донором». Начиная с XVI века это стало возможно посредством создания европейскими государствами колоний в различных регионах, после крушения классической колониальной системы — за счет господства крупных корпораций и картелей. Правда, и сейчас иногда используется военная сила и принуждение.

В. С. Соловьев утверждал, что все должны стать европейцами. Понятие «европеец» должно совпадать с понятием «человек», а понятие «европейский культурный мир» — с понятием «человечество». В этом он видел смысл истории[1]. В наше время эта мысль получила развитие в трудах западных политологов и культурологов. Некоторые из них рассматривают понятие «европейская культура» как наднациональную категорию. Ее особенность заключается в приверженности к демократии, уважении прав человека, следовании христианской религиозной традиции, создании социально ориентированной рыночной экономики[2].

Западные цивилизационные ценности объективно обладают большой притягательной силой и могут быть мечтой многих народов, но далеко не всех. Эти ценности не должны насаждаться силой, что, к сожалению, имеет место.

---

[1] *Соловьев В. С.* Сочинения : в 2 т. 2-е изд. М., 1990. Т. 2. С. 695–697.

[2] *Шнайдер Э.* Европейская культура. Диалог культур и партнерство цивилизаций. СПб., 2008. С. 78–79.

Новое время сделало глобализацию всепланетным явлением. Наиболее развитые в экономическом и военном отношении страны озаботились проблемами перераспределения жизненных ресурсов планеты и связанной с ними задачей доминирования в мире. Главным глобализатором сегодня выступает Североатлантический альянс во главе с США. Им движет имперский интерес, который камуфлируется благородными лозунгами: свобода, демократия и цивилизация. Американо-натовские просветители уверены, что обязаны «осчастливить» мировое сообщество своими жизненными ценностями. А поскольку оно не понимает своего счастья и не хочет добровольно принимать их, то следует его принудить к этому силой. Они так много твердят миру о демократии, свободе, цивилизации, что, кажется, уже уверовали в свое исключительное знание сути этих понятий и убеждены, что именно на них лежит историческая миссия «демократизации» народов, пусть даже ценой потери этносами своей культурно-исторической идентичности.

К примеру, приняв решение, что в Югославии правит недемократический режим С. Милошевича, нарушающий права этнических меньшинств, натовские стратеги развязали войну. Они не остановились ни перед чем, вплоть до бомбежек сербов тысячами бомб с обедненным ураном. В результате «разорвали» некогда процветающую славянскую страну на несколько небольших государств, подчинив их Вашингтону и Брюсселю.

Стала ли лучше жизнь на Балканах после того, как натовцы принесли туда свой «мир» и «свободу»? Безусловно, нет. Принуждение к демократии унесло во много раз больше жизней, чем межэтнические конфликты. Натовские бомбы превратили в руины целые кварталы сербских городов, древние памятники культуры, мосты над Дунаем. Около 200 тыс. сербов были вынуждены уйти со своей исторической родины Метохии (запад Косово). Вернутся ли они туда когда-нибудь? И кто ответит за военную интервенцию в Югославию? Гаагский трибунал (Международный трибунал по бывшей Югославии), судя по всему, такие «мелочи» не интересуют.

Особенно прискорбно, что Сербию предали все славянские страны, за исключением России. Одни ответили на произвол США и их союзников молчаливым согласием, другие открыли свое воздушное пространство для натовских бомбардировщиков. Такую позицию трудно назвать моральной. В сущности, предали не только Сербию, но и свою историческую память, заветы великих славянских просветителей Караджича, Шафарика, Шевченко, Дринова и других, которые мечтали о всеславянском единстве.

Освободив народы Балкан от «диктаторского» режима Милошевича, лидеры Североатлантического альянса принялись за поиск очередного «обездоленного» народа. Таковыми оказались иракцы. Они также управлялись строптивым и неподконтрольным Западу правителем и якобы также ждали, чтобы американцы вызволили их. США вместе со своими натовскими союзниками (на этот раз, правда, не всеми) ввели свои войска в Ирак и сравнительно быстро оккупировали суверенную страну.

Как и следовало ожидать, американцы не принесли Ираку ни мира, ни свободы. Если при диктаторе С. Хусейне жертвами его режима были, как уверяет западная пропаганда, тысячи людей, то в результате его свержения и установления демократии по-американски погибли сотни тысяч. Зыбкое равновесие в стране, поддерживаемое авторитарным режимом Хусейна, было разрушено. Фактически сегодня Ирак находится в состоянии гражданской (межэтнической и межконфессиальной) войны. Как, впрочем, и Афганистан, которому цивилизованные европейцы под руководством американцев безуспешно пытаются силой навязать свободу и демократию. На очереди Иран, Северная Корея и др.

Справедливости ради следует сказать, что «демократизацию» многих стран мира Запад осуществляет посредством не только военного вторжения, но и мирного идеологического, поддерживаемого мощными финансовыми вливаниями. США не скрывают этого, убеждая мировую общественность в том, что выделяют средства для поддержания

демократических сил, разделяющих общие с ними цивилизационные ценности[1].

Как показывает пример Украины, с этой целью на американские и западноевропейские деньги создаются многочисленные общественные фонды и институты, основным содержанием работы которых является борьба за «свободу» и «демократию». Украинской молодежи открыт широкий доступ в различные западные, преимущественно американские, учебные заведения. После завершения обучения и возвращения на Украину большинство из них последовательно отстаивают идею приоритета западных цивилизационных ценностей.

Так постепенно готовятся «демократические» «цветные» революции. На постсоветском пространстве они уже совершились в Грузии, Кыргызстане, на Украине. Следующей должна была стать Беларусь. Узнав о раскрытом плане государственного переворота, который намечался на 19 марта 2006 года — день выборов президента Беларуси, Дж. Буш не смог скрыть своего отношения к этому. Первым «отместным» актом с его стороны был донос в Сенат о доходах А. Лукашенко, вторым — угроза санкциями, если власти Беларуси применят силу против оппозиции. Примечательно, что к последней с таким предостережением Буш не обратился. Белорусская власть определенно заявила: сила будет применена только в ответ на насилие оппозиции. Но оппозиции американский президент готов был позволить что угодно, лишь бы она свергла режим А. Лукашенко, как это имело место на Украине в 2004 году. Тогда Запад также предостерегал от применения силы только власти Украины и не адресовал этих призывов оппозиции, которой дозволялось все, даже насильственное отстранение законно избранного президента от исполнения своих конституционных обязанностей.

«Демократизация» Украины обошлась Альянсу, что называется, малой кровью. Дали денег на «оранжевую революцию», устранившую не слишком покорный Западу режим Л. Д. Кучмы и водрузившую на президентский трон западни-

[1] В 2008 году Сенат США выделил почти 500 млн долларов на поддержку так называемых молодых демократий.

ка В. А. Ющенко. Победа оказалась неполной, и теперь натовские стратеги (на Украине и за ее пределами) пытаются закрепить ее посредством вступления Украины в военный блок.

Примеры глобализации по-американски можно, к сожалению, продолжить. Но моя цель не столько в том, чтобы выразить отрицательное отношение к этому явлению, сколько в том, чтобы привлечь внимание к тому, что никакого равноправного диалога культур, а тем более цивилизационного партнерства в мире не существует. Безусловно, мир несовершенен. Конечно, хочется, чтобы он был «нормальным». Но совсем не обязательно, что идеальный образец этого «нормального» мира создан странами Североатлантического альянса.

Почему западные политические деятели не задумываются о том, что не только им многое не нравится в мире, но и лидеров других стран может многое не устраивать в западном мире? И как бы они отнеслись, скажем, к тому, если бы какая-либо страна, достаточно сильная и влиятельная и также одержимая навязчивой мессианской идеей переустройства мира под себя, занялась тем, чем занимаются США? Вряд ли такое мессианство было бы признано за этой страной. Достаточно вспомнить, как Запад болезненно реагировал на претензии Советского Союза глобализировать мир по своему образу и подобию.

Одна из особенностей современного этапа мирового развития — терроризм. Он также глобален. И как бы ни пытались представить это явление вне цивилизационных и духовных противоречий, в действительности оно является и их порождением. Вынуждая другие народы жить по новым правилам, хотя объективно и более цивилизованным, но ментально неблизким, глобализаторы неизбежно будут сталкиваться (и уже сталкиваются) с отторжением своего мессианства[1]. Это отторжение нередко приобретает уродливые формы, от него страдают ни в чем не повинные люди, но справиться с ним

[1] Как считает академик НАН Украины Ю. Н. Пахомов, Западу важно осознать, что мусульманскому Востоку нельзя, не вызвав катастрофических последствий, навязывать формы жизни, основанные на западных ценностях. Реакцией на такое мессианство могут быть лишь ужесточение сопротивления и приход фанатиков-фундаменталистов вместо умеренных режимов. См.: *Пахомов Ю. Н.* Мировые цивилизации и отечественный парадокс // София. 2005. № 2–3. С. 15.

сложно. Особенно если учитывать, что причины и следствия этого явления тесно переплелись.

Из сказанного явствует, что современная идеологема закономерности процесса глобализации мира на базе единой западоцентристской либеральной модели является глубоко ошибочной. Мир изначально многолик и мультикультурен. Таким он и должен быть. Разумеется, мир полон противоречий, но это региональные разногласия, которые не несут опасности мирового конфликта. Последний же становится вполне реальным в условиях глобализации, когда одна цивилизация признает за собой право на «разумное» мироустройство. Необходимо избавиться от этого заблуждения пока не поздно и начать строить отношения между народами на основе взаимного уважения традиций, культур и жизненных укладов.

2. О ПРОБЛЕМЕ ВНУТРИКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА[1]

На Лихачевских чтениях 2009 года я выступил с докладом «Диалог или монолог культур и цивилизаций?», в котором пришел к выводу, что на всех этапах истории человечества культурное развитие было похоже на монолог, а если шел диалог, то отнюдь не равноправный, а часто и не мирный. Разумеется, это не означало, что не было взаимовлияний и взаимообогащений, но все в конечном счете сводилось к экспансии одной культурной традиции по отношению к другой. В этих столкновениях далеко не всегда выживала объективно более развитая культура, чаще та, носители которой обладали бо́льшими военными и людскими ресурсами.

Казалось бы, процессы, характеризующие межкультурные отношения, не должны иметь места во внутрикультурном развитии. Однако оказывается, что динамическая ситуация и здесь принципиально не отличается от межкультурной. Фактически нигде в мире нет политических сообществ (государств), которые бы представляли собой монокультурные обра-

[1] Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб. : СПбГУП, 2010. С. 217–220.

зования, не отягченные внутренними противоречиями. Чаще всего они состоят из нескольких субкультурных общностей, оспаривающих одна у другой право на высшую истину.

Примеров сказанному в мировой истории немало. Среди них и украинский, демонстрирующий всю противоречивость процессов становления нашей суверенной государственности и национальной общности. Даже и после двадцатилетнего независимого существования говорить о единой духовно-культурной идентичности украинского народа невозможно. Фактически он продолжает быть разделенным на три основных субэтноса: центрально-североукраинский, западноукраинский и юго-восточноукраинский[1]. Сформировались они исторически и в условиях длительного раздельного существования обрели весьма заметные различия — не только культурно-исторические, но и ментальные.

Центрально-североукраинский субэтнос со времен Переяславской рады (1654) развивался на православной культурной и духовной традиции в тесном единении с этнически родственным русским народом. Историческим мифом для этого региона является героика казацкого прошлого, с которым ассоциируется в народе защита его национальной и вероисповедальной идентичности. Стержневым событием в этой борьбе является Национально-освободительная война украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого.

Западноукраинский субэтнос, начало формированию которого положила Брестская уния (1596), был интегрирован в западно-католический цивилизационный мир и вплоть до Второй мировой войны пребывал в составе различных европейских государств: Речи Посполитой, Польши, Австро-Венгрии и др. Содержанием его национально-патриотического мифа является убеждение в своем мессианстве, в исключительных заслугах по сохранению чистоты украинской нации и достижению ее государственной независимости. Одним из главных символов этого мифа служит националистическое движение сопротивления времен Второй мировой войны.

[1] На Украине имеются и другие этнокультурные сообщества, но поскольку они принадлежат к иным культурным традициям, их анализ в данной статье не предусмотрен.

Третий субэтнос, проживающий преимущественно на юге и востоке страны, своим становлением в качестве украинского целиком обязан территориальному формированию Украины советского времени. Согласно правительственным декретам, в ее состав были включены земли, преимущественно заселенные русскими, — Донбасс, Новороссия, Крым. Историческим мифом здесь выступает память об освоении этого края Российской империей в конце XVIII — первой половине XIX века, а также убеждение в том, что он является естественной частью «русского мира». Свидетельством того, что этот миф живет в ментальности нынешних насельников региона, является наличие здесь политических партий, в названиях которых присутствует определение «русские», а также движений за восстановление (или сохранение) символов российского имперского прошлого, коими являются, в частности, памятники Екатерине II, Потемкину, Ришелье и др.

Если сравнивать степень взаимной культурно-исторической близости, то большей она, несомненно, окажется между центральноукраинским и юго-восточноукраинским субэтносами. И не только потому, что их формирование происходило в сходных исторических условиях, но и потому, что они в большей мере, чем западноукраинский субэтнос, сохранили память о своем едином киево-русском прошлом. Об этом свидетельствуют в том числе памятники князьям — Святославу, Владимиру Святому, Ярославу Мудрому и другие, установленные в Киеве, Чернигове, Переяславле, Новгород-Северске, Запорожье, Харькове, Севастополе. Ничего подобного в западноукраинском регионе, конечно, нет. Там глубина исторической памяти не простирается дальше так называемой Галицко-Волынской державы второй половины XIII века и Даниила Галицкого, который именуется не князем, но королем.

Можно было ожидать, что объединенные в собственном и независимом государстве вышеназванные субкультурные образования обнаружат тенденции к консолидации. Но этого не произошло. Принципиально никто не против политической и культурной интеграции, но каждая сторона хотела бы, чтобы свершилась она на основе ее культурных традиций. Это

не всегда декларируется, но неизменно присутствует в региональных поведенческих стереотипах.

Наиболее пассионарный этнос — западноукраинский (галицкий), позже других осознавший свою украинскость, но почему-то присвоивший себе право считаться единственным носителем и выразителем высшей украинской истины. Он знает, что такое украинский патриотизм, какой должна быть Украина, а какой не должна ни при каких обстоятельствах, куда ей необходимо интегрироваться, на каком языке говорить и даже думать. С приходом к власти националистов на улицах и площадях городов Украины появились в том числе лозунги «Любите Украину!», «Я горд, что родился украинцем», «Думай по-украински!».

Не меньшая этнорегиональная агрессивность была привнесена и в сферу образования. По сути, за «оранжевое» пятилетие предпринята попытка тотальной замены центральной и восточноукраинской культурно-исторической традиции единой западноукраинской. В качестве более приемлемой альтернативы рекомендована история Западной Украины, общая с европейскими соседями, что нашло отражение в учебниках истории для средней и высшей школы. Общая история Украины с Россией на всем ее протяжении объявлена не нашей и предана анафеме.

Стоит ли доказывать, что столь агрессивное утверждение своей истины одним из субэтносов невозможно без отрицания таких же истин других. Центрально-североукраинский субэтнос объявлен русифицированным, а русско-украинский — юго-восточный — и вовсе обозван пятой колонной России. Родовым грехом обоих западноукраинские этноидеологи считают их приверженность к русской культуре. При этом совершенно не считаются с тем, что по меньшей мере для 8,5 миллионов украинских граждан она является родной по рождению, а для остальных русскоязычных — родной по ее созиданию.

По грамматике украинца Мелетия Смотрицкого московские студенты учились вплоть до конца XVIII века. В Ростове Великом жил и творил киевлянин Дмитрий Ростовский (Туптало). В Славяно-греко-латинской академии в Москве в течение

XVIII века преподавали около ста профессоров из Киево-Могилянской академии. Киевлянин Феофан Прокопович был идеологом создания Российской империи и инициатором основания Императорской академии наук в Петербурге. Среди выдающихся русских деятелей культуры много выходцев с Украины: музыканты М. Березовский, Д. Бортнянский, С. Гулак-Артемовский; художники Д. Левицкий, В. Боровиковский, И. Мартос; историки Д. Бантыш-Каменский, Ю. Венелин, О. Бодянский; литераторы Н. Гоголь, В. Короленко и др. Процесс интеграции украинских интеллектуалов в русскую культуру продолжался и в советское время. Достаточно вспомнить такие выдающиеся имена, как Н. Островский, К. Паустовский, И. Козловский, С. Бондарчук и др.

Следовательно, украинцы имеют все основания утверждать, что являются сотворцами великой русской культуры. Только полной потерей чувства реальности и ответственности перед памятью соотечественников можно объяснить объявление русского языка (и литературы) на Украине иностранным. Фактически в годы правления националистов его вообще лишили гражданских прав, запретив употребление в сфере образования и культуры целым рядом актов исполнительной власти. Эти решения по своему содержанию оказались намного более жесткими, чем печально известный Валуевский циркуляр. Языковые ограничения этого указа относились только к общественно-политической литературе, тогда как акты «оранжевой» власти запрещали пользование русским языком в сфере культуры, образования и даже в быту.

Конечно, будь русский язык для украинцев чужим, колониально-имперским, как уверяют националисты, в таком тотальном на него наступлении не было бы никакой необходимости. Он ушел бы из суверенной украинской жизни естественным образом. Но этого не происходит, потому что для большинства населения страны он такой же родной, как и украинский. И никакие запретительные меры не в состоянии изменить это положение.

Поразительно, но борьба с русским языком продолжилась на Украине борьбой с литературным украинским. Он объяв-

лен этноидеологами не вполне украинским, русифицированным, не выражающим лингвистической полноты западноукраинского и диаспорно-украинского диалектов. Исправлять ситуацию принялись через коренное реформирование правописания, которое было принято еще в советское время и уже поэтому будто бы является не вполне национальным. Заменить его новым не удалось, но внести в литературный язык орфографическую и лексическую неразбериху вполне получилось. Теперь на Украине фактически два литературных языка: традиционный — центральноукраинский, развившийся на киево-полтавском диалекте, и новый — западноукраинский, основанный на галицком диалекте. Удивительно, но это никого особо и не волнует.

Еще одной сферой субкультурного противостояния является религия. Придавать этому явлению слишком большое значение, учитывая секулярность большей части украинского общества, возможно, и не следует, однако и абстрагироваться от него нельзя. Со времен Брестской унии на Украине было положено начало не только религиозному, но и цивилизационному разлому, в результате которого жители Западной Украины, исповедовавшие православие со времен Владимира Святого, были обращены в католицизм. Ныне Украинская грекокатолическая церковь, находящаяся в каноническом и административном единстве с римским престолом, из региональной превратилась во всеукраинскую. Ее сакральный центр перенесен из Львова в Киев.

Учитывая историческое соперничество православия и католицизма, такое стремительное продвижение последнего на традиционную каноническую территорию первого не может не вызывать противоречий в украинском обществе. Тем более что «оранжевые» этноидеологи подводят под это распространение и «научную» основу. Будто бы католицизм более привлекателен, поскольку демонстрирует свои преимущества в том числе экономической успешностью западного мира. Некоторые даже сожалеют, что Владимир Святославич не принял христианство от Рима, а то Украина уже была бы частью западной цивилизации.

К сожалению, вирус регионализации поразил и Украинскую православную церковь, от которой откололись в суверенное время две конфессии. Они не признаны вселенским православием, но агрессивно позиционируют себя как единственно национальные. От высших иерархов этих конфессий нередко можно услышать весьма сомнительные призывы к созданию на независимой Украине единой самостоятельной православной церкви, которую они именуют то национальной, то поместной. Правда, самостоятельность эта понимается ими весьма своеобразно — только по отношению к Русской православной церкви. А вот быть зависимыми, к примеру, от Константинопольской они не против и даже предпринимали конкретные шаги в этом направлении. На этом поприще потрудился и бывший президент В. А. Ющенко, правда, без особого успеха. Его настойчивые просьбы к Константинопольскому патриарху Варфоломею взять под свой омофор Украинскую православную церковь остались без ответа.

Неудивительно, что в условиях столь конфронтационного противостояния христианские конфессии оказались неспособны ни консолидировать украинское общество, ни предложить ему единые этические нормы общежития и смыслообразующие истины.

В принципе субкультурное соперничество не должно вызывать сильного беспокойства. Это естественный процесс, характерный для всех времен и народов, но лишь при условии, что он не осложняется административными предпочтениями, что власть не подавляет другие субкультуры в угоду одной, по ее мнению, истинно национальной. Именно так было в «оранжевое» пятилетие. В таких условиях мирное сосуществование становится невозможным. Ведь за традиционными субкультурными явлениями стоят конкретные сообщества, не готовые расстаться со своими ценностями. Жесткая конфронтация между ними неизбежна, что мы и наблюдаем в нынешней Украине. Объективно процессы, подчиненные исключительно идее монокультурной чистоты украинской жизни, несмотря на, казалось бы, патриотические помыслы их вдохновителей, ведут к ее обеднению и примитивизации, ослабляют созида-

тельные силы общества, делают его неконкурентоспособным в современном мире.

Имеются ли возможности для консолидации поликультурного украинского общества? На том пути, по которому до сих пор шла независимая Украина, достичь этого практически невозможно. Нужно принципиально иное отношение к историческому прошлому, а равно и к организации общественной жизни страны в настоящем.

Первое, что необходимо сделать, — вернуть украинскому народу историческое достоинство, отобранное у него «оранжевыми» этноидеологами. Народ Украины был не жертвой, но полноценным субъектом исторического процесса, в том числе государственно-политического, в России и Советском Союзе. Напомню, что правой рукой императрицы Елизаветы Петровны был украинец Алексей Разумовский. Его брат Кирилл почти два десятилетия возглавлял Императорскую академию наук в Санкт-Петербурге. Сын Кирилла Алексей Разумовский стал сенатором и министром образования России. Князь Александр Безбородько занимал должность канцлера в правительстве Павла I и Александра I. Князь В. Кочубей был председателем Государственного Совета и Комитета министров при Николае I... В советское время выходцы с Украины были не только вторыми, но и первыми руководителями страны — Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев.

Как же можно, зная все это, говорить о каком-то колониальном статусе Украины в имперское и советское время? Какая еще колония может похвастаться тем, что ее уроженцы становились королями метрополий? Если какая-то часть Украины и была колонией, так это Западная, историю которой сегодня нам ставят в пример.

Чрезвычайно важно также отказаться от культивирования в народе чувства исторической безответственности. Это очень плохая услуга. Ведь, не взяв на себя ответственности ни за одно событие в прошлой истории, общей с другими народами, он не сможет быть ответственным и за то, что происходит в настоящем. Этот комплекс мы испытываем все 20 лет нашей суверенности. В своих нынешних неуспехах виним кого угодно,

только не себя. Но до тех пор, пока мы будем позиционировать себя как народ-жертву, народ-страдалец, народ, который не несет ответственности за прошлое, рассчитывать на успех в будущем нам не приходится.

И, может быть, самое главное. Нам следует наконец понять, что историческое прошлое невозможно рассматривать исключительно через украинскую этническую призму. Поиск украинца в его нынешней культурно-языковой ипостаси в далекой глубине веков — занятие не только научно несостоятельное, но и идеологически небезопасное. Оно как бы выводит украинцев за пределы исторических закономерностей этно- и культурогенеза, ставит их в положение народа избранного, существовавшего всегда.

В заключение следует сказать, что государственно-политическая форма, которую приобрела Украина после обретения независимости, не отвечает ее субэтнической и субкультурной разноликости. Унитарность в специфической украинской форме, когда центром страны на очередные пять лет становится один из регионов, никогда не решит внутренних противоречий. В мире давно придумана федеративная форма государства — политическая и административно-территориальная, которая одна только и способна сбалансировать региональные и общенациональные интересы.

3. «РУССКИЙ МИР» И УКРАИНА[1]

В последние годы в России активно обсуждается идея (или проект) так называемого «русского мира» как одного из факторов интеграции на постсоветском пространстве. Она несомненно интересна. Однако, являясь тематически порубежной, требует не столько романтической декларативности, способной оттолкнуть от нее потенциальных сторонников, сколько научной обоснованности, прежде всего в содержательном наполнении.

[1] Диалог культур в условиях глобализации : XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. Т. 1 : Доклады. СПб. : СПбГУП, 2012. С. 213–215.

Предполагаемое или мыслимое интегрированное пространство «русского мира» не должно ассоциироваться с единым государственно-политическим образованием, напоминающим то, что у нас уже было. Следует учитывать мощную инерционность постсоветских властных элит, буквально зацикленных на идеях национальной идентичности и государственной суверенности. И хотя эти приоритеты в эпоху глобализации выглядят несколько архаичными, к тому же не принесшими лучшей альтернативы развития народам, составлявшим многие сотни лет единый социально-экономический и культурно-исторический организм, политические (они же и экономические) элиты постсоветских стран ревностно оберегают свой обретенный статус.

Эта ситуация особенно знакома мне по Украине. У нас даже невинный намек на возможность восстановления порушенного единства, идущий от России, вызывает энергичное неприятие, а нередко и раздражение, сопровождаемое проклятиями в адрес нашего общего исторического прошлого, в котором Украина представляется не как полноправный субъект государственно-политического развития Российской империи и Советского Союза, а как колония, вечно притесняемая и унижаемая Москвой.

Новый всплеск этнонациональных патриотических эмоций вызвала на Украине, в частности, речь Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Ассамблее «Русского мира» 3 ноября 2009 года. Наделив слова святейшего исключительно политическим смыслом и подменив таким образом их содержательный смысл, украинские этнопатриоты принялись энергично развенчивать не то, что сказал патриарх, а то, что он будто бы имел в виду. А в виду он имел, как им кажется, возвращение Украины к ее прежнему колониальному статусу.

Конечно, ничего подобного в патриаршей речи не содержалось. И вряд ли именно так она была воспринята большинством украинской православной паствы. В ней представлено духовное и философское осмысление православной цивилизационной общности, которая действительно созидалась общими усилиями трех восточнославянских народов, а изначально

их общим этническим предшественником — древнерусским народом. Не может быть и малейшего сомнения в том, что эта цивилизация является общим достоянием русских, украинцев и белорусов.

Будучи хранителем древних духовных традиций, Русская православная церковь и ее предстоятель проявляют понятный и естественный интерес к их нынешнему положению. И забота здесь не только о церковном единстве, имеющем тысячелетнюю историю и освященном подвигом наших православных подвижников (что, разумеется, чрезвычайно важно), но и о единстве культурном, которое созидалось общими усилиями восточнославянских народов.

Все три народа, выросшие из единого этнического корня, имеют во многом общую последревнерусскую историю, родственные культуры, близкие языки. Даже при большом желании невозможно без нравственного урона для русских, украинцев и белорусов разделить их общее культурное наследие, как и созидавших его деятелей. Известно, как много выходцев из Украины приняло участие в формировании русской культуры в имперское и советское время. Их интеграция в общерусский культурный поток была столь естественной и органичной, а вклад настолько велик, что было бы оскорблением их памяти не признавать сегодня это нашим общим (с русскими) достоянием.

К сожалению, после распада единой страны и образования трех суверенных восточнославянских государств чувство их исторической и культурной общности стало ослабевать, а нередко даже отрицаться. Причем не только на Украине или в Беларуси, что имело место и ранее, но и в России, что является неожиданной новацией. Особенно это коснулось древнерусских истоков. В каждой из стран озаботились поиском собственной, отличной от других этнополитической и даже культурной идентичности. На Украине реанимировали старую теорию об исключительно украинской основе Киевской Руси. В Беларуси определилась тенденция считать началом своего этнополитического самостояния Полоцкое княжество. В России принялись искать свою первую столицу и, разумеется, на своей

суверенной территории. Решили даже отмечать 1150-летний юбилей российской государственности, не сообразуясь с тем, что ей столько же лет, сколько украинской и белорусской, и можно было отметить это событие вместе, как это было сделано в 1862 году. И хотя в царском указе говорилось о тысячелетии России, событие это, несомненно, мыслилось как общевосточнославянское. Неоспоримым свидетельством этого является памятник «Тысячелетие России», установленный в Великом Новгороде. Его скульптурные и горельефные композиции отразили отечественную тысячелетнюю историю во всей ее полноте. На фризе нижней части монумента представлены горельефы 109 исторических деятелей с середины IX до середины XIX века. Среди них — государственные и культурные деятели Киевской Руси, а также славнейшие представители русского, малорусского (украинского) и белорусского народов. Остается только жалеть о том, что 1150-летие российской государственности не станет общевосточнославянским событием и не послужит делу утверждения чувства исторического единства трех братских народов.

Трудно понять, как нынешняя тенденция поиска своей генетической особости, совершенно несостоятельная в научном отношении, уживается в России с идеей единого «русского мира». Ведь в своей основе они являются антитезами. Лучше всего, как мне кажется, это понимает Русская православная церковь, которая через патриарха Кирилла неустанно напоминает всем нам, что «русский мир» был рожден в днепровской купели.

Но отчего же тогда эта идея не находит всевосточнославянского понимания и поддержки? Особенно яростное неприятие она встречает на Украине. В чем причина? Я много лет занимаюсь проблемой этнического развития в эпоху Киевской Руси и давно пришел к выводу, что в основе прошлого историографического, а теперь и политологического непонимания и предубеждения в значительной мере лежит терминологическая неопределенность. Была Киевская (Древняя) Русь и есть нынешняя Россия. В отношении обеих названий используется единое прилагательное — **русский**. Хотя определение

«русский», отсылающее к слову «Русь», совсем не тождественно определению «русский», соотносящемуся со словом «Россия».

В 2005 году, публикуя книгу «Древнерусская народность», я предложил писать прилагательное, образованное от слова «Русь», с одним «с». Это не соответствует грамматической норме современного русского языка, но в большей степени отвечает древнерусскому правописанию. Как правило, все слова, производные от названия «Русь», в летописи написаны с одной буквой «с»: «Руская земля», «страна руская», «род руский», «люди руские», «летописец руский», «закон руский», «князья руские», «руские полки» и т. д. В тех случаях, когда в названных прилагательных употребляются две буквы «с», они всегда разделены мягким знаком: «русьские».

Такое терминологическое различение чрезвычайно важно для избежания понятийной двусмысленности, как в случае с ассамблейной речью патриарха Кирилла. Дипломированные украинские историки Ю. Черноморец и С. Сидоренко, переведя выражение «русский мир» как «российский», обвинили патриарха в том, что он не способен по-настоящему признать особость украинцев и белорусов и не понимает, сколь сильно можно оттолкнуть и оскорбить их этим утверждением.

Конечно, это слишком вольное толкование содержания патриаршей речи. В ней все-таки говорилось не о «российском мире», но о «русском» — мире православной восточнославянской идентичности, начало которому было положено еще в эпоху Киевской Руси, когда не было ни украинцев, ни русских, ни белорусов, а был единый «древнеруский» народ и единый «руский» мир.

Безосновательность обвинений в непризнании патриархом особости украинцев или белорусов хорошо иллюстрируется его призывом развивать украинскую и белорусскую культуры и их языки, которые суть составные части единого «**руского**» (но не **российского!**) мира.

Во избежание такой терминологической двусмысленности, когда реально существуют как бы два «русских мира» (нынешний российский и традиционный цивилизационный «рус-

кий»), думается, было бы целесообразно ввести понятие более нейтральное, но более точное — **«восточнославянский православный мир»**. Оно вполне могло бы рассматриваться в качестве синонима определению **«русский мир»**.

Невозможно не признавать, что восточнославянский православный мир представляет собой особую цивилизационную общность. Безусловно, в наше глобализованное время эта общность подвергается испытаниям на прочность. Здесь можно вспомнить непрестанные заявления представителей украинской политической элиты о том, что интеграция в западноевропейское сообщество для Украины является судьбоносным цивилизационным выбором. В украинском общественном мнении постоянно муссируется провокационная идея, что наше технологическое отставание от цивилизованного Запада объясняется меньшими структурообразующими возможностями православия по сравнению с католицизмом и протестантизмом. Раздаются даже голоса, что если бы Владимир Великий принял христианство не из Константинополя, а из Рима, то Украина находилась бы сегодня на том уровне развития, что и Запад.

Справедливости ради следует признать, что понимание содержания «русского мира», демонстрируемое Русской православной церковью, далеко не всегда разделяется или совпадает с тем, как оно трактуется в официальной российской пропаганде. Судя по декларациям чиновников, занятых в этом проекте, «русский мир» для них не сопрягается с нынешними украинцами или белорусами. Речь идет, как правило, об этнических русских, которые после развала Советского Союза оказались в других государствах. Именно их и призван объединять проект «русский мир».

К сожалению, и здесь не обходится без терминологической путаницы. Этнические русские, проживающие вне границ России, почему-то именуются соотечественниками. Это, мягко говоря, некорректное определение. Оно порождает сомнения в признании их нынешнего статуса: хотя и проживают на Украине, но являются соотечественниками граждан России. А кем же тогда они приходятся украинцам? И разве они

проживают не в одном с ними Отечестве? Определенно, слово «соотечественники» нуждается в уточнении, которое может быть выражено прилагательными «бывшие» или «исторические».

Из вышесказанного следует, что понятие «русский мир» не стало на Украине идеей, к которой оно могло бы быть причастно, в значительной мере из-за теоретической аморфности в определении его главной цели и неадекватных усилий по реализации. Вольно или невольно эти усилия сводятся российскими культурными центрами на Украине к акциям не общевосточнославянского звучания, но российского по существу, к популяризации истории и культуры России. Разумеется, это тоже важно, но далеко не достаточно для реализации продуктивной цивилизационной задачи, получившей название «русский мир».

4. ИМПЕРИИ КАК ВЕРШИНЫ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ[1]

Когда в 1991 году распался Советский Союз, ликованию так называемой демократической общественности (мировой и отечественной) не было предела. Многим тогда казалось, что с уходом с исторической арены последней империи мир наконец обретет более справедливое устройство. При этом понятие «империя» в политологической пропаганде стало отождествляться с чем-то не вполне естественным в истории мирового развития.

Наверное, такую эйфорию испытывали варвары, сокрушившие Рим, или европейские крестоносцы, уничтожившие Византию. Возможно, они тоже полагали, что совершили благие деяния, хотя в действительности в обоих случаях обрушили историческое развитие, нанесли ему невосполнимый урон.

Дело в том, что империи во все времена были не просто закономерными, но еще и закономерно прогрессивными стадия-

[1] Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации : XIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 16–17 мая 2013 г. СПб. : СПбГУП, 2013. С. 173–177.

ми государственного развития, выводившими человечество на пик его культурной эволюции. Разумеется, это не были миры всеобщего благоденствия. Все империи представляли собой мощные военно-бюрократические образования, всегда экспансивные по отношению к другим странам и народам и существовавшие за счет жестокой эксплуатации своих подданных как в колониальной периферии, так и в метрополии. Конечно, они не пользовались особой любовью у покоренных народов, но были именно теми государственными структурами, которые позволяли аккумулировать экономические ресурсы больших пространств и обращать их на культурное развитие в самом широком значении этого понятия. Не случайно многие империи со временем становились цивилизациями.

Особенно показательным примером является Античность, ставшая, по существу, фундаментом нынешней европейской цивилизации. Человечество и сегодня восторгается афинским Акрополем и римским Колизеем, не задумываясь над тем, сколько в них рабского пота и крови. Греция и Рим были крупными рабовладельческими империями древности, подчинившими себе огромные пространства. Греция господствовала в бассейнах двух морей — Средиземного и Черного, а владения Рима простирались до Атлантического океана. Жизненные ресурсы этих территорий направлялись в метрополии, овеществляясь там в великолепных дворцах и храмах, предметах искусства, школах, обустроенной инфраструктуре.

Однако, паразитируя на покоренных народах, Греция и Рим не только брали, но и отдавали. Регионы их присутствия вовлекались в единую социально-экономическую и военно-политическую систему, окрашивались в культурные цвета империй. Разумеется, речь идет о провинциальных вариантах греческой и римской культур, но и в этом случае население подвластных областей многое приобретало. Варвары становились, если можно так выразиться, немного греками и римлянами. И не случайно европейские народы, которые оказались в имперской орбите античных государств, в последующие периоды постоянно опережали в развитии своих соседей, которых миновала судьба быть покоренными.

Сказанное о Греции и Риме справедливо и по отношению к империям Средневековья. Известно, сколь велика была культурно-историческая миссия Византийской империи, ставшей наследницей античной цивилизации. Она объединила десятки европейских и азиатских народов и была наиболее развитой цивилизацией средневекового мира — несомненно, христианско-православной.

Составной частью византийского содружества наций была Киевская Русь. Она также была империей и выполняла важную культурно-историческую миссию на огромных пространствах Восточной Европы. Благодаря ей многие народы (угро-финские на северо-востоке и тюркские на юге) приобщились к христианской традиции в ее византийско-русском православном варианте и в конечном счете приняли участие в создании общерусского культурного пространства.

Для стран средневековой Европы важнейшим фактором экономического и культурного развития стало образование Священной Римской империи.

В Новое время имперский статус имели Великобритания, Франция, Австрия, Россия, Турция и некоторые другие страны. Исследуя становление, развитие и упадок этих империй, историки оценивают их преимущественно с точки зрения гуманизма и справедливости, указывая на их авторитарный и эксплуататорский характер, а также на шовинизм по отношению к покоренным народам. Некоторые из этих империй удостоились весьма нелестных оценок. Особенно досталось России, получившей определение «тюрьма народов», а также ее преемнику — Советскому Союзу, к которому был приклеен ярлык «империя зла».

Оба определения не имели никакого отношения к действительности, а были продуктом чистой идеологии, стремления западной пропаганды опорочить конкурента и тем самым ослабить его. Во время правления президента США Рейгана, которому якобы принадлежит сомнительная честь изобретения одного из приведенных эпитетов, Советский Союз, вошедший в стадию экономического и социального застоя, никакой империей зла давно не был. Такое определение больше подходило

к самим США. Это на их совести истребление индейских аборигенов Северной Америки, тогда как в России и Советском Союзе не был потерян практически ни один малый народ. Это американские военные базы находились на всех материках. Наконец, это они, а не Россия, вели и ведут перманентные войны в разных регионах мира[1].

Сказанное, впрочем, не дает оснований ни идеализировать, ни демонизировать имперский путь развития. Необходимо понимать, что становление империй всегда сопряжено с насилием. Тот, кто сильнее, неизбежно в той или иной степени распространяет власть на более слабых, не сообразуясь с их жизненными интересами и традициями. В Новое время власть европейских империй (Испанской, Британской, Французской и др.) распространилась на народы Африки, Индокитая, Южной и Северной Америки — часто с трагическими последствиями для местного населения, как это имело место с народами и культурами Южной и Северной Америки. Благодаря распространению власти европейских стран на другие материки в их закрома потекли богатства со всего мира, обеспечив им бурное технологическое и культурное развитие.

Аналогичное ускорение приобрела и Россия, в значительной степени потому, что овладела огромными пространствами и природными ресурсами в азиатском регионе. Вспомните пророчество М. Ломоносова, что «богатство России будет прирастать Сибирью». Хорошо это или плохо? Наверное, и то и другое. Однако вряд ли продуктивно рассуждать о возможных лучших альтернативах. История не знает сослагательного наклонения. Произошло именно так, и только свершившаяся реальность подвластна нашему анализу.

Если говорить о цивилизационных обретениях, то необходимо признать, что именно имперский путь развития обеспечивал человечеству максимальный прогресс. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о таких имперских (и цивилизационных) символах Нового времени, как Лувр, Эрмитаж, дворцовые и храмовые комплексы Санкт-Петербурга, Парижа,

[1] Американский писатель Гор Видал саркастически называл эти войны США «вечными», ведущимися «ради вечного мира».

Вены, Будапешта, Лондона и др. В каждом из них воплощены высшие мировые достижения архитектуры и искусства.

Однако, как и в далеком прошлом, в Новое время развивались и богатели не только метрополии. Многое получала и имперская периферия. Она втягивалась в государственные правоотношения европейского типа, обретала социально структурированные сообщества и собственные управленческие бюрократические аппараты, а в ряде случаев также приобщалась к европейской христианской вероисповедальной и цивилизационной традиции. Не случайно после крушения классической имперско-колониальной системы многие народы Азии, Африки и Южной Америки оказались подготовлены к независимому государственно-политическому саморазвитию.

Разумеется, Россия и ее преемник Советский Союз не были исключением из правил. Хулители этих имперских образований, усердно трудившиеся над развалом «последней империи», называли Советский Союз неестественным, тоталитарным и экономически неэффективным образованием, в котором Россия только тем и занималась, что эксплуатировала и угнетала национальные окраины, удерживая их в колониальном статусе. Некоторые из этих утверждений справедливы, но в целом внедрявшийся в сознание людей зловещий образ Советского Союза не имел ничего общего с реальностью. Ведь именно это имперское государство оказалось способно создать мощную индустрию, передовую науку, высокую культуру, выстоять и победить в смертельной схватке с немецким фашизмом и в конечном счете первым отправить человека в космос. Определенно, это требовало огромного напряжения сил всего общества, что было невозможно без жесткой централизации системы управления и экономического отчуждения, одинаковых на всем пространстве огромной страны.

В отличие от многих империй, в Советском Союзе по существу не было метропольного центра и колониальной периферии. Все эти определения — из области идеологической пропаганды. Индустриализацией были одинаково охвачены все регионы. В некоторых национальных республиках, как, например, на Украине, уровень развития промышленности

и сельского хозяйства был даже выше, чем в самой России. После развала Советского Союза Украина, по оценкам многих зарубежных специалистов, входила в десятку наиболее развитых европейских стран[1].

Все союзные республики представляли собой национальные государственные образования, в которых были подготовлены собственные управленческие кадры, национальная научная и творческая интеллигенция, четко определены административные границы. С распадом Советского Союза они в одночасье стали суверенными государствами, фактически на той же национально-территориальной основе и с той же национальной администрацией. Первые секретари центральных комитетов коммунистической партии легко превратились в президентов суверенных государств.

В связи с этим возникает вопрос. Если государства-империи являются закономерными этапами в развитии человечества, к тому же демонстрирующими необычайную культурно-историческую эффективность, то почему они неизменно терпят крушение? Ответ на него одновременно прост и сложен. Прост, если исходить из общих законов диалектики. Ничто в мире не вечно, в том числе форма государственной организации общества. На ее жизнеспособность влияет множество факторов — как внешних, так и внутренних.

Внешние факторы — это жесткое, а часто и жестокое противостояние с аналогичными имперскими образованиями, стремящимися избавиться от конкурента. В давние периоды — посредством войн, в новые — войн и идеологических диверсий. В наше время наглядным примером может служить распад Советского Союза. Конечно же, он «умер» неестественной смертью. Ему помогли, в том числе США. В этом они признались устами государственного секретаря А. Даллеса и президента Б. Клинтона. Первый, как известно, для разложения СССР предложил культивировать в нем национализм и ненависть к русскому народу, способствовать созданию хаоса и неразберихи, а другой подытожил проделанную работу: «Расшатав

[1] В настоящее время ее совокупный производственный потенциал не превышает 70 % от уровня 1990 года.

идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составлявшее основную конкуренцию Америке». Поразительно, но выстоявшая в «горячих» войнах со странами Антанты и гитлеровской Германией Российская империя, трансформировавшаяся в СССР, не выдержала конкуренции в идеологической холодной войне.

Внутренние факторы — это естественное старение имперских систем, подтачиваемых в том числе извечными размышлениями интеллектуальных элит над вопросом разумности существующего государственного мироустройства. Их оппозиционное недовольство, как правило, всегда находило сочувствие и материальное стимулирование со стороны конкурирующих стран. Нередко такая кооперация приводила к революционным взрывам, сокрушавшим империи, как это случилось с царской Россией и цесарской Австро-Венгрией. Правда, быстро выяснялось, что «новый мир» ничуть не лучше «старого». Никакого освобождения народов от имперской тирании не происходило и все ограничивалось банальной сменой правящих элит[1].

Теперь попробуем разобраться, в чем сложность ответа. Думается, она в том, что в реальной жизни рушились империи, но не имперская идея. В действительности имперский феномен никогда не покидал историческую арену. Потерпев поражение в одном регионе, он проявлялся в другом. Нередко одна имперская система сменялась другой практически на той же территории, как мусульманская Османская, пришедшая на смену православной Византийской. Еще более показательный пример являет отечественная история, когда коммунистический Советский Союз сменил капиталистическую Российскую империю, сохранив все ее территориальное наследие.

Меньше всего в этом повинен субъективный фактор. Неизмеримо больше здесь объективной закономерности. Человечество, раз осознав, что прогрессивное развитие невозмож-

[1] По сути, идеологическая война против России продолжается и поныне. Запад и США финансируют сотни общественных институций России, которые под видом борьбы за демократию подрывают государственное единство страны.

но в условиях разобщенности, было не в состоянии отказаться от создания крупных государственных образований. Не могло в прошлом и не может в наше время. Рассуждения о гибели «последней империи», коей был Советский Союз, — не что иное, как криводушное фарисейство, особенно когда они звучат из уст американских и западноевропейских государственных деятелей и идеологов. Сами-то они живут в империях.

Без каких-либо натяжек под это определение подходят США, наиболее мощная страна в мире. Она, как в свое время Великобритания, является владыкой морей и океанов, и о ней также можно сказать, что на подконтрольных ей территориях никогда не заходит солнце. Имперским образованием является и Европейский союз, имеющий надгосударственные управленческие органы, единую валюту, унифицированные вооруженные силы и военный блок в лице НАТО. Стоит ли доказывать, что столь мощный в экономическом и военном отношении союз способен не только оказывать существенное влияние на развитие Европейского континента, но и навязывать свою глобализационную волю народам других регионов. Нередко, к сожалению, и посредством военной силы[1].

Между тем слухи о гибели «последней империи», выражаясь словами классика, оказались сильно преувеличены. Россия продолжает оставаться великой державой и без отделившихся от нее территорий. К тому же логика исторического развития на постсоветском пространстве неизбежно приведет к его экономической, политической и военной реинтеграции. Разумеется, на новых началах. Это объективный процесс, хотя еще и не до конца осознанный новыми элитами постсоветских стран. Над ними довлеет синдром неожиданно обретенной суверенности, хотя она в условиях глобализации является весьма относительной. Так что если они рассчитывают

[1] Как считает профессор славистики Лозаннского университета Э. Надточий, «в рассуждениях борцов с агрессией проклятого НАТО содержится очевидная ошибка: они все еще живут в мире „публичного европейского права“ неких „суверенных государств“. А <...> мир этого права давным-давно умер, и живем мы во всемирном мегаполисе, где порядок поддерживает всемирная полиция». Вот только не объяснил лозаннский профессор, кто уполномочил США и НАТО исполнять роль всемирного полицейского.

на успешное развитие своих стран и благополучие народов в нынешнем агрессивно-конкурентном мире, то будут вынуждены идти по пути реинтеграции или интеграции с другими объединениями — так, как это сделали страны Восточной Европы и Балтии, быстро сдавшие свою суверенность Европейскому союзу и НАТО.

По сути, процессы, аналогичные европейским, определились уже и на постсоветском пространстве. Это подтверждается созданием Таможенного союза между Россией, Беларусью и Казахстаном, на очереди вхождение в него Кыргызстана и других стран.

Как известно, приглашение войти в ТС получила и Украина, однако ее политическое руководство не спешит его принять — будто бы из-за опасения потерять свой суверенитет и вновь оказаться в имперском образовании во главе с Москвой. Удивительно, но аналогичные соображения напрочь отпадают, когда речь заходит о возможной интеграции Украины в Европейский союз. В империи во главе с Брюсселем согласны быть и без суверенитета. Правда, туда Украину не только не приглашают, но и откровенно дают понять, что в обозримом историческом времени вообще не примут. Стоит ли доказывать, что стояние в одиночестве на историческом распутье хуже, чем движение в любом направлении? Тем более в восточном, где сосредоточены все основные цивилизационные и экономические интересы Украины. С одной Россией она имеет товарооборот в два раза больший, чем со всеми странами ЕС.

Разумеется, объединенная Европа и США не хотят возрождения Российской империи даже в новой конфедеративной форме. Предпринимаются различные попытки помешать этому процессу, о чем свидетельствует заигрывание с Украиной, Грузией, Молдовой и другими постсоветскими странами. В них устраиваются (в значительной степени на американские деньги) так называемые «цветные революции», приводятся к власти лояльные Западу и, естественно, антироссийские политические режимы.

Тем не менее, несмотря на активное противодействие, объединительные процессы на постсоветском пространстве не-

обратимы. И нет сомнений, что в итоге они приведут к созданию мощного политического и экономического объединения во главе с Россией. Разумеется, с наднациональными органами управления, которые будут действовать на основе консенсуса и располагаться необязательно в Москве. Есть основания полагать, что к Евразийскому союзу после долгого и безответного стучания в европейскую дверь будет вынуждена присоединиться и Украина. Может показаться парадоксальным, но такое развитие событий не столько в интересах России или огромного евразийского региона, сколько в интересах всего мира, поскольку определенно придаст ему большую стабильность[1].

Говоря о современных империях, мы должны отдавать себе отчет в том, что они не похожи на своих предшественниц. В большей мере это проявляется в их внутренней полицентричной структуре, обретающей конфедеративные формы, а также в лучшей сбалансированности экономических интересов стран, образующих эти неоимперии. Что касается их отношения к внешнему миру, то здесь принципиальных изменений не произошло. Как и прежде, они экспансивны и диктуют свою волю слабым.

Примеров этому множество. Наиболее свежий — так называемая «арабская весна». Инспирированная США и Североатлантическим альянсом, она ввергла народы арабского Востока в пучину хаоса и гражданского противостояния. Внешне это представляется как забота о свободе и демократии в странах арабского мира, в действительности же преследуется цель стратегического господства и беспрепятственного доступа к энергетическим ресурсам региона. Как это раньше имело место в Ираке, на Балканах, в Афганистане.

Можно сокрушаться по этому поводу, обвинять имперские образования в экспансионизме и эгоизме, но нельзя не признать того очевидного факта, что благодаря именно этим особенностям они являются локомотивами мирового

[1] К такому выводу пришел в последнее время, в частности, Збигнев Бжезинский. Говоря о взаимоотношениях Украины и России, он отметил, что они могут быть добрыми соседями. В противном случае Европейский континент разбалансируется и потеряет равновесие.

цивилизационного прогресса. И, конечно же, без мобилизации сил и ресурсов многих стран и народов, в том числе и посредством военного принуждения, достичь такого положения было бы невозможно.

Из сказанного не следует, что США и Европейский союз будут править миром вечно. Придет время — и они так же уйдут с мировой арены, как и их предшественники. Евросоюз уже трещит по швам. Явно не в лучшую стадию развития входят и США. В наше время процесс старения империй проходит неизмеримо быстрее, чем в прошлом.

Но это не означает, что на данном этапе завершится имперский путь развития мира. На смену развалившимся придут новые империи. Они уже складываются. На пространстве бывшей Российской империи и Советского Союза это Евразийский союз, на Дальнем Востоке — Китай, который, несомненно, является мировой экономической империей. Не исключено, что со временем обретет имперские очертания АСЕАН. Рано или поздно по пути консолидации пойдут и страны мусульманского мира. Причем «помогут» им в этом США и ЕС. Проводя там политику «разделяй и властвуй», они наглядно показывают, сколь губительна для этих стран политическая разобщенность.

Таким образом, мировое развитие всегда определялось и будет определяться процессами глобализации, а следовательно, и образованием империй как наиболее эффективных форм организации государственной жизни — безусловно, несовершенных, но лучших исторический опыт не придумал.

5. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПО-ЕВРО-АМЕРИКАНСКИ И КРУШЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО МИРОУСТРОЙСТВА[1]

Мировое развитие происходит удивительно противоречиво. Это только кажется, что в нем преобладает тенденция к объединению, а в действительности наряду с глобализацией про-

[1] Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 165–168.

исходит и дезинтеграция. Причем последняя, как это ни парадоксально, порождается первой. Наглядным примером может служить так называемая новая Европа. Объединяясь в целостное сообщество, а фактически формируя новый тип империи, она одновременно дробится на все большее число стран. Только бывшие Югославия и Чехословакия пополнили ее девятью суверенными национальными государствами. И нет гарантии, что процесс деления не будет иметь продолжения, в том числе за счет стран старой Европы, где все отчетливее заявляет о себе культурный и политический сепаратизм. В Бельгии желают самоопределиться фламандцы, в Испании — баски и каталонцы[1], в Англии — североирландцы и шотландцы, во Франции — корсиканцы, в Италии — жители севера страны. Гренландия тяготится зависимостью от Дании, а Бавария настаивает на бюджетной независимости от Берлина.

Похожие процессы наблюдаются и на постсоветском пространстве, где не без помощи Запада вместо одного государства в одночасье образовались пятнадцать. Причем процесс деления на этом не закончился: в России неожиданно забурлил мятежами Северный Кавказ, от Грузии отделились Абхазия и Южная Осетия, в Кыргызстане столкнулись киргизская и узбекская общины, Армения и Азербайджан оказались в состоянии войны из-за Карабаха, из состава Молдовы вышло Приднестровье. На Украине все больше обостряется проблема крымских татар, требующих восстановления своей государственности.

Разумеется, межэтнические и межкультурные противоречия не являются чем-то новым в истории — они были всегда. И причины, их порождающие, тоже не новы: неравномерное экономическое развитие регионов, несправедливое распределение доходов, отсутствие равного доступа к государственному управлению, языковая и религиозная дискриминация и др. Новым сегодня является масштаб этого явления, обусловленный глобализацией, которая сопровождается не только технологическим прогрессом и региональной политической

[1] Парламент Каталонии принял декларацию, провозглашающую ее территорию «суверенным субъектом».

консолидацией, но и мировыми экономическими кризисами, а вместе с ними и сепаратизмом. Германия, Франция, Великобритания тяготятся тем, что им приходится дотировать бюджеты Греции, Португалии, Кипра, а те, в свою очередь, протестуют против того, что богатые страны проводят по отношению к ним социально несправедливую политику жесткой экономии. И нет, как говорится, мира под европейскими оливами.

Союз, который еще недавно демонстрировал успехи интеграции, в настоящее время стоит перед трудным выбором своего будущего[1]. Старая модель исчерпала себя, и многие в Европе заговорили о возможном распаде сообщества (полном или частичном, посредством выхода некоторых стран). Наверное, это перспектива не завтрашнего дня, но и не такого уж далекого будущего.

В свое время русский философ И. А. Ильин, исследовавший проблему конфликтов между народами, пришел к выводу, что ее разрешение вполне возможно при условии выработки мировым сообществом системы правового регулирования международных отношений[2]. В 1930-е годы такого правового механизма действительно не было и могло казаться, что именно он и станет гарантией недопущения межнациональных, а следовательно, и межкультурных столкновений. Позже он появился. Уставом Организации Объединенных Наций за всеми народами было признано право на государственное самоопределение, которое стало одним из фундаментальных принципов международного права. Однако вопреки надеждам это не только не исключило конфликты, но сделало их еще более частыми и, к сожалению, военными. Можно сказать, что к их традиционным причинам добавилась новая: трудноразрешимое противоречие между желанием самоопределиться и практической невозможностью сделать это.

Дело в том, что это право не сопровождается четкими нормами его применения. К тому же в реальной жизни оно не-

---

[1] Как показывают социологические исследования, богатые страны не поддерживают дальнейшее разрастание Евросоюза, в то время как бедные являются сторонниками его расширения.

[2] *Ильин И.* Путь духовного обновления. М., 2003. С. 263.

редко зависит от воли сильных мира сего. К примеру, НАТО и США пришли к выводу, что албанцы Косово имеют право на самоопределение, и оно состоялось. Аналогичную роль в самоопределении Южной Осетии и Абхазии сыграла Россия. При этом ни то, ни другое самоопределение не получило взаимного признания. Россия полагает, что у албанцев, переселившихся на исторические земли Сербии, нет юридического права на создание там собственного государства. Страны НАТО и США, даже не имея такого козыря, утверждают то же самое по отношению к Абхазии и Южной Осетии. Разумеется, эти случаи самоопределения не нашли понимания в Сербии и Грузии, а это означает, что между ними и отделившимися от них государственными образованиями созданы очаги напряженности, как говорится, на всю оставшуюся жизнь. По-видимому, таким же продолжительным будет и патронат над новыми государствами ведущих мировых держав, поскольку без него они не смогут защитить свой суверенитет.

Примечательно и то, что цивилизованный Запад (вместе с США), так энергично отстаивающий право народов на самоопределение в различных регионах мира, не демонстрирует аналогичного энтузиазма по отношению к своему сообществу. До сих пор не было ни одного случая, чтобы та или иная страна Запада разрешила самоопределиться своему национальному меньшинству. А ведь некоторые из них добиваются этого права на протяжении многих десятилетий и даже столетий, в том числе посредством вооруженной борьбы (баски в Испании, североирландцы в Великобритании). Не проявляет Запад солидарности с международным правом и тогда, когда речь идет о самоопределении национальных меньшинств в союзных с ним государствах. Например, совсем не слышно его голоса в поддержку курдов Турции, составляющих почти 20 % населения страны и ведущих борьбу за политический и культурный суверенитет, в последнее время — как будто за автономию, но и это умеренное желание курдов не находит сочувствия у либеральной Европы.

В сказанном выше нет осуждения позиции европейских лидеров, не желающих поддерживать сепаратистские

настроения в своих странах. Скорее всего, они поступают правильно: исходят из интересов всех народов, а не только меньшинств, культурная и политическая элита которых желает во что бы то ни стало самоопределиться. Это право, хотя и освящено высоким авторитетом ООН, далеко не безусловно. Его реализация практически всегда сопряжена с нарушением традиционного миропорядка, политической и экономической стабильности в стране и регионе. К тому же оно резко расходится с интересами титульных этносов, которые внесли основной вклад в строительство страны и поэтому также должны иметь право голоса при определении ее дальнейшей судьбы.

Говоря о предстоящем в 2014 году референдуме о независимости Шотландии, которая до 1707 года была суверенным государством, премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон заявил, что в интересах не только британцев, но и шотландцев сохранить целостность страны. От ее разделения никто ничего не выиграет. Содержательно близким было и высказывание Жозе Мануэла Баррозу о референдуме по самоопределению Каталонии. Решаясь на такой шаг, заявил высокопоставленный европейский чиновник, Каталония должна понимать, что она никогда не сможет стать членом ЕС без согласия Испании. Как говорится, золотые слова. Вот только произносятся они почему-то только тогда, когда речь идет о целостности своей страны. Их не было слышно, когда та же либеральная Европа и США с упоением разваливали Югославию и Советский Союз, причем в первом случае — при помощи военной силы. А ведь объективно от этих разделений действительно никто ничего не выиграл. Ни народы, вдруг обретшие суверенную государственность и не всегда знающие, что с ней делать, ни мировое сообщество. Распад Югославии послужил детонатором для длительного военного конфликта на Балканах, а с распадом Советского Союза мир и вовсе заполыхал нескончаемыми войнами, развязываемыми США и НАТО, которые почему-то присвоили себе роль мирового жандарма.

Из сказанного следует, что мировое сообщество сегодня нуждается не столько в реализации права народов на самоопре-

деление, сколько в выполнении известного Хельсинкского соглашения о нерушимости государственных границ. Отказ от него Запада, одержимого идеей развала социалистического содружества, как показывает опыт истории, ни к чему хорошему не привел. Мир не стал от этого более стабильным, наоборот, все больше погружается в состояние хаоса. Как утверждают политологи, управляемого хаоса, но вряд ли это в полной мере соответствует реальности. Он только создается управляемо, а дальше развивается неподконтрольно.

Еще одним тревожным и потенциально взрывоопасным последствием глобализации является новая форма «великого переселения народов». Объявляя себя оплотом демократии и свободы и пытаясь навязать эти гуманистические ценности другим народам, Запад спровоцировал огромные миграционные потоки, каких не было в прошлом. На каком-то этапе это приносило ему существенные дивиденды. Остро нуждаясь в «черновых» рабочих руках, европейцы получали их из азиатских и африканских стран. О последствиях политики «открытых дверей» задумались только тогда, когда переселенцы стали исчисляться десятками миллионов и начали решительно заявлять о своих правах на культурный суверенитет. Лидеры ведущих европейских стран заговорили о кризисе мультикультурализма, правда, не очень корректно обозначив проблему. В действительности имели в виду другое — крушение иллюзий относительно способности западной цивилизации окультурить и ассимилировать мигрантов.

Что касается мультикультурности, то она в странах Западной Европы не только не испытывает кризиса, но все больше утверждается. Причем тем успешнее, чем активнее европейцы пытаются распространить свои ценности среди других народов. Глобализация ведь не улица с односторонним движением. Трудно сказать, сколь успешным окажется европейский проект в странах мусульманского мира, а вот то, что мусульманский проект в Европе демонстрирует свою перспективность уже сегодня, сомнений нет. Она проявляется в огромных масштабах миграции, которая сродни мирному завоеванию Европы. Фактически Запад повторяет судьбу глобализаторов всех

времен, которые в конечном счете разрушались глобализированными народами. Наглядный пример — Римская империя, рухнувшая под напором облагороженных ею варваров.

Особенностью мигрантов из стран Африки и Азии является не просто их приверженность своим культурным ценностям, в чем, разумеется, нет ничего плохого, но совершенная неготовность принимать ценности стран их нового места жительства. Переселенцы и в инородной для себя среде продолжают вести традиционный на их родине образ жизни. К тому же создают замкнутые сообщества, так называемые культурные анклавы, которые активно, а часто и агрессивно утверждают свой цивилизационный суверенитет.

Осознаю́т ли на Западе, сколь потенциально опасной является его мусульманизация? Похоже, что далеко не все и не в полной мере. Когда у католического священника одной из крупных европейских стран спросили, видит ли он здесь конфликт между христианством и исламом, тот ответил, что не видит. По его мнению, речь может идти скорее о конфликте культурных идентичностей. Но ведь это одно и то же. Две идентичности зиждутся на традициях христианства и ислама.

В большей мере новыми европейскими реалиями озабочены политические и государственные деятели. Наиболее откровенно о них высказался премьер-министр Австралии Кевин Радд. В частности, он заявил мигрантам: «Если вы здесь несчастны, тогда уезжайте. Мы не заставляли вас приезжать сюда. Вы просились быть тут, следовательно, принимайте страну, которая приняла вас». Голландский политик Герт Вилдерс, проводящий параллель между исламом и фашизмом, полагает, что из страны должны быть выселены те мусульмане, которые «не желают интегрироваться». Аналогичных взглядов придерживается председатель Национального фронта Марин Ле Пен, считающая, что Франция должна «восстановить пограничный контроль, сделать программу социальных пособий менее привлекательной для иммигрантов, депортировать нелегалов». В 2010 году она сравнивала массовые моления мусульман на улицах с нацистской оккупацией. Федеральный канцлер ФРГ Ангела Меркель, а раньше и президент Фран-

ции Николя Саркози были более политкорректны, но также заявили о недопустимости создания в их странах инокультурных анклавов.

Иногда можно услышать, что Европа стареет и не может обойтись без притока рабочей силы извне, а потому и дальше будет вынуждена принимать мигрантов. Однако имеют место вполне убедительные экспертные оценки, что миграция из стран мусульманского Востока, как и из стран Черной Африки, ощутимой пользы экономике Запада не приносит. Выясняется, что в большинстве случаев мигранты бегут из своих стран не потому, что лишаются там работы или подвергаются преследованиям диктаторскими режимами, а потому, что в Европе можно безбедно жить на социальное пособие, не работая. Когда шведский журналист спросил одного африканского безработного, почему тот покинул теплую Италию и перебрался в холодную Швецию, тот ответил: «Потому что в Швеции более высокие социальные стандарты для мигрантов».

С проблемой неконтролируемой миграции столкнулась и Россия. После распада СССР и либерализации российского правящего режима в нее на заработки устремились миллионы вьетнамцев, китайцев, жителей стран Средней Азии. И так же, как в Европе, лояльность властей России по отношению к мигрантам объясняется острым недостатком рабочей силы, особенно в строительном секторе и сельском хозяйстве. На первых порах никто не видел в притоке мигрантов какой-либо угрозы. Однако со временем ситуация изменилась. В их руках неожиданно оказалась вся рыночная торговля Москвы и других крупных городов. Они же организовали подпольные производства, продукция которых под брендами мировых фирм наводнила российский рынок. В их руках оказался и городской извоз. При этом вся деятельность мигрантов «крышуется» их же этническими криминальными группировками.

Осознав степень опасности от нашествия мигрантов с Востока, в России наконец-то принялись наводить порядок в этой сфере. Но неизвестно, удастся ли справиться с этой трудной задачей. На Западе реальных мер по ужесточению

миграционной политики, несмотря на заявления лидеров некоторых стран, так и не последовало. Разве что больше внимания стали уделять внутриевропейскому источнику миграции. Кстати сказать, он оказался достаточно масштабным и более перспективным для старой Европы. В результате развала социалистического содружества и Советского Союза, во-первых, рухнул так называемый «железный занавес», за которым находились восточноевропейские страны, во-вторых, в большинстве из них обрушились и экономики. Обретя свободу, но лишившись работы и средств к существованию, граждане этих стран потянулись к своим благодетелям: в Евросоюзе нет внутренних границ, и можно выбирать для нового места жительства любую страну. Восточные европейцы сполна воспользовались такой возможностью, в результате чего практически все их страны понесли существенные демографические потери.

Ярким символом внутриевропейских переселенческих тенденций недавно стал виртуальный польский сантехник, оказавшийся звездой рекламы в западных средствах массовой информации. Теперь, видимо, пробил час и для украинского сантехника. Не случайно Брюссель так настойчиво добивается подписания Украиной Соглашения об ассоциации с ЕС. На политическую и экономическую элиту Украины осуществляется беспрецедентное давление. Главная его цель, которая особо и не скрывается, — во что бы то ни стало оторвать Украину от России, чтобы не дать возродиться новому имперскому образованию на постсоветском пространстве. Запад почему-то полагает, что без Украины такое возрождение невозможно.

Наряду с этим присутствует и экономический интерес: приток в европейское сообщество миллионов дешевых украинских рабочих рук и умных голов, а также хороший рынок сбыта для европейских товаров. Пойдет ли это на пользу Украине, покажет время, но это обстоятельство Запад определенно волнует в последнюю очередь. Думаю, что украинская политико-экономическая элита это прекрасно понимает. Но она уже давно де-факто интегрирована с Западом своими капиталами, а под-

писанием соглашения рассчитывала закрепить свой статус де-юре[1].

Неизвестно, рассматривается ли восточноевропейский мигрантский поток как альтернатива арабо-мусульманскому, но объективно он, конечно, намного выгоднее для европейского сообщества. Во-первых, иммигранты из стран Восточной Европы более образованны, чем переселенцы из стран Азии и Африки. Во-вторых, что более важно, они не представляют никакой угрозы для Европы в плане мультикультурализма. Восточноевропейцы легко интегрируются в западноевропейскую жизнь, в том числе культурную, и, конечно, не создают опасности изменения этнонациональной и культурной идентичности тех стран, куда переселяются на постоянное место жительства. В худшем случае в первом поколении они будут сохранять двойную культурную лояльность, что естественно для людей христианской цивилизационной общности. В лучшем — свежая кровь вольется в дряхлеющие либеральные общества Запада, многие ценностные ориентации которых не только несовместимы со здравым смыслом, но и находятся в явном противоречии с Божьим промыслом. Речь, в частности, идет о «гомосексуальных революциях», которыми гордятся европейские демократы и призывают остальной мир следовать их примеру. Результатом этих «революций» стали конституционализация однополых браков и разрешение таким семьям усыновлять детей. Вот только где брать таких детей? В Европе, где на одну традиционную семью приходится от 1,2 до 1,4 ребенка, их сейчас уже нет. С легализацией однополых семей детей будет еще меньше.

Ранее уже говорилось о последствиях для европейской цивилизации так называемой «мягкой» глобализации мира при помощи «цветных революций». Но ведь параллельно с ней происходит еще и жесткая, силовая, также, согласно западным ревнителям свободы и демократии, совершаемая в интересах «угнетенных» народов. Не обнаружив таковых в какой-либо

[1] Лидер Национального фронта Франции Марин Ле Пен заявила, что «Украина может развиваться и без ЕС. Европейский проект провалился, и теперь его хотят покинуть».

стране, особенно обладающей большими запасами энергоносителей или находящейся в стратегически важном регионе, американские и европейские стратеги обрушивают на нее всю мощь своей военной машины. Таким способом «свобода» и «демократия» были последовательно утверждены на Балканах, в Афганистане, Ираке, Ливии. На очереди Сирия, «демократизировать» которую лауреат Нобелевской премии мира президент США Барак Обама решил при помощи ракетного удара. Примечательно, что на этот раз свое решение он не стал даже вуалировать какими-то эвфемизмами. Сказал откровенно и просто: «Ракетный удар по Сирии диктуется национальными интересами США».

Практически всегда и везде такая «демократизация» сопровождается кровопролитием. Даже если бы США и НАТО были действительно искренни в своих намерениях осчастливить народы перечисленных стран благами свободы и демократии, платить за это столь высокую цену было бы тягчайшим преступлением перед человечеством. На совести диктаторов (Милошевича, Хусейна, Каддафи, Садата, Асада), как неустанно уверяет западная пропаганда, — тысячи невинных жертв. Но ведь на совести демократических руководителей США и НАТО их намного больше. А если прибавить сюда полностью разрушенные экономики, доведенные до состояния гражданских и религиозных войн общества, разрушенные памятники культуры, разворованные музеи, то получится достаточно полная и, к сожалению, далеко не радостная картина цивилизаторских усилий американцев и их европейских подручных.

События «арабской весны», по сути, со всей очевидностью подтвердили справедливость вывода Хантингтона о конфликте цивилизаций. В данном случае — христианской и мусульманской. В ответ на силовое навязывание арабскому миру европейских ценностей он радикализуется, отвечает казнями христианских священников, разрушением христианских храмов и святынь на своих землях. В этом ряду находятся и чудовищные террористические акты, один из которых в свое время потряс США и весь мир. Не исключено, что и вызывающе агрессивное поведение мусульман в Европе обуслов-

лено в значительной мере местью за попранное достоинство их родины.

Европейцы, опасаясь за свои жизни, вынуждены бежать из «освобожденных» от тирании диктаторов стран, что тоже не способствует утверждению там ценностей свободы и демократии. Как правило, на смену просвещенному авторитаризму там приходит религиозный фундаментализм.

Формально США и НАТО всегда одерживают победы в военных кампаниях, развязываемых в различных регионах мира. Фактически же эти победы в конечном счете оказываются пирровыми. Перефразируя высказывание известного английского полководца XIX века после выигранного крупного сражения в Крыму («Еще одна такая победа — и Британия останется без армии»), можно сказать: «Еще несколько таких „арабских весен" — и Запад может оказаться Востоком». Разумеется, в цивилизационном смысле.

6. ЕВРОИНТЕГРАЦИОННАЯ ДРАМА УКРАИНЫ[1]

Необходимо признать, что в глобальном соревновании за Украину между Россией и США–ЕС победа осталась за евро-американцами. Они были более последовательны в подготовке на Украине своих сторонников, тогда как Россия уповала преимущественно на традиционное этническое родство русских и украинцев, полагая, что оно и без дополнительных стимулов будет нерушимым и никуда эти украинцы не денутся. Такое представление оказалось глубоко ошибочным.

Лавры евроинтегратора в западный мир, несомненно, увенчают пятого президента Украины П. А. Порошенко, но если быть справедливым, то придется признать, что посильную лепту в этот процесс внесли и четыре его предшественника. На заре своей государственной суверенности Украина заявила о внеблоковом статусе, но затем постепенно и независимо от политического окраса президентских команд стала все реже вспоминать

[1] Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2015 г. СПб. : СПбГУП, 2015. С. 172–175.

о своей декларации. Во времена президентства Л. Д. Кучмы Верховная рада приняла закон об основах внешней политики, в котором курс на сближение с ЕС и НАТО был объявлен одним из важнейших государственных приоритетов. Правда, в нем оговаривалось, что наряду с этим Украина остается верной и стратегическому партнерству с Россией.

После так называемой «оранжевой революции» конца 2004 — начала 2005 года и прихода к власти президента-западника В. А. Ющенко о декларируемом стратегическом партнерстве с Россией забыли, но зато в пользу вхождения Украины в ЕС и НАТО была развернута беспрецедентная агитационная кампания. Объявили даже всеукраинский натовский всеобуч. По распоряжению Министерства образования и науки Украины новый учебный год (2008) в общеобразовательных школах начался с единого урока, посвященного Североатлантическому альянсу. По всему чувствовалось, что «оранжевыми» властями выполнялось негласное обещание американским и натовским чиновникам подготовить Украину к определенному сроку к членству в НАТО.

По сути, мало что изменилось в вопросе о европейской интеграции и во время правления президента В. Ф. Януковича. В полном согласии с оппозицией власть развернула активную пропаганду европейских ценностей и образа жизни. Дружно убеждали народ в том, что с подписанием ассоциации он обретет все возможности, которыми обладают европейцы. На обоснованные предостережения ведущих украинских и российских экономистов (В. Мунтияна, С. Глазьева, В. Гееца и др.), что Украина в случае включения ее в европейскую систему политических и хозяйственных отношений потеряет основные технологические производства, превратится в рынок сбыта европейских товаров и источник дешевой рабочей силы, старались не обращать внимания. Как и на предупреждения России о невозможности сохранения нынешнего уровня экономической кооперации с Украиной в случае подписания Соглашения об ассоциации с ЕС.

Янукович и его окружение прозрели лишь за несколько дней до Вильнюсского саммита, где должно было состояться

подписание этого соглашения. То ли раньше не читали этого многосотстраничного текста, то ли были невнимательны к его содержанию, то ли, что более реально, до последних дней надеялись на многомиллиардную помощь Европы. Полагали, и, надо сказать, не без оснований, что отрыв Украины от России стоит того, чтобы быть хорошо оплаченным.

Оказалось, однако, что европейский золотой дождь над Украиной проливаться и не собирался. Кроме демократических ценностей, ничего более существенного обещано не было. Команда Януковича решила отложить подписание соглашения на некоторое время, пока не будут более четко определены объемы и условия экономической помощи от ЕС, а главное — статус зон свободной торговли с Россией и Западом.

Но США и ЕС ждать уже не хотели. Совместно с украинской оппозицией, ими же вскормленной, они устроили в центре Киева так называемый Евромайдан. С его трибуны евро-американские чиновники призвали украинцев к свободе и демократии, а фактически — к восстанию против законной власти. По сути, Майдан, центр управления которым, как теперь выяснилось, находился в посольстве США на Украине, на долгие месяцы стал альтернативной властью. Яркое подтверждение этого — синхронный штурм 12 областных администраций, последовавший 23–24 января 2014 года, 9 из которых оказались в руках майдановцев. После оставления Киева президентом Януковичем в ночь с 21 на 22 февраля 2014 года власть полностью перешла в руки Майдана. Именно с его одобрения Верховная рада утвердила временное правительство и временного президента Украины. Правда, суверенные действия Майдана были весьма относительными. Судя по телефонному разговору посла США на Украине Д. Пайетта и помощника госсекретаря В. Нуланд, именно США принимали решение, кто должен возглавить новую власть в Киеве. Неслучайно исполняющий обязанности премьер-министра А. Яценюк был немедленно принят президентом США Б. Обамой.

После этого никаких препятствий к подписанию Соглашения об ассоциации с ЕС не стало. Уже 21 марта 2014 года Яценюк в присутствии лидеров 28 государств — членов ЕС

поставил под ним свою подпись. Правда, только под его политической частью, но это уже было не столь существенно. Всем стало ясно, что за политической ассоциацией неизбежно последуют и остальные: экономическая, военная и др. 27 июня 2014 года президент Украины Порошенко подписал полностью все Соглашение. 16 сентября 2014 года его синхронно ратифицировали Европарламент и Верховная рада Украины.

Конечно, это были юридические формальности. Фактически уже после государственного переворота Украина рассматривалась США и европейским сообществом как союзная им страна, властям которой они стали оказывать не только экономическую, но и военную помощь, в том числе для ведения войны с собственными регионами — Донецкой и Луганской областями. Примечательно, что решение и. о. президента Украины А. Турчинова о начале так называемой антитеррористической операции было принято в дни визита в Киев директора Центрального разведывательного управления США Д. Бреннана. Вслед за ним последовали наставнические визиты в Киев вице-президента США Д. Байдена, сенатора Д. Маккейна, помощника госсекретаря В. Нуланд. О том, что именно США были «посредником» при смене власти на Украине, признался в конце января 2015 года президент Б. Обама.

Навязчивое американское наставничество привело к тому, что в стране фактически было введено внешнее управление. В министерствах были учреждены должности иностранных советников, а вскоре, после очередного визита в Киев Байдена, Порошенко и вовсе объявил о «своей» инициативе назначить на некоторые министерские должности специалистов из других стран, мотивируя это тем, что они не будут связаны ни с кем на Украине ни родством, ни кумовством. Ну а то, что они связаны «кумовством» с Вашингтоном и Брюсселем и их участие в управлении неизвестной им страной начисто лишит ее суверенной конфиденциальности, его никак не озаботило. Поразительно, что «рулить» Украиной приглашаются даже люди, преступившие закон в собственной стране и находящиеся в розыске по линии Интерпола.

Можно сказать, что у США и ЕС с Украиной начался медовый месяц. Однако если продолжить этот ряд метафор, то придется признать, что брак неравный и заключен не по любви, а скорее по расчету, причем обоюдному. США и ЕС полагают, что получат дополнительный рынок сбыта своих товаров и дешевую рабочую силу, а Украина надеется без особых усилий обрести европейские стандарты жизни. Именно этим власти объясняют своему народу столь неестественный мезальянс.

«Что мы можем получить от России? — вопрошают они. — Там такая же бедность, как и у нас, и такая же коррупция. А вот у богатых Европы и США, являющихся образцами свободы и демократии, мы можем обогатиться принципиально иными цивилизационными и технологическими ценностями».

Как говорится, дай Бог. Но только как бы не просчитаться. Ведь точно такие же расчеты строили Болгария, Румыния и некоторые другие новые члены ЕС, которые радикального улучшения жизни так и не получили. Да и многие другие страны сообщества, такие как Греция, Кипр, Португалия, не могут похвалиться таким уровнем развития и жизни, как Германия, Франция или Великобритания. Отчего же для Украины будут созданы особые условия, позволяющие ей встать в ряд наиболее развитых стран?

Недавно мне довелось прочитать книгу известного украинского экономиста П. Гайдуцкого «Незалежна економіка України» (2014). Две ее главы посвящены проблемам интеграции Украины в евразийское и евросоюзовское сообщества. Несмотря на евроинтеграционный пафос автора, не скрывающего своих симпатий к ЕС, фактологический материал заставляет усомниться в безусловности такой ориентации. Оказывается, товарооборот с Евросоюзом в 2014 году все еще меньший (31,4 %), чем с Таможенным союзом (33,3 %). При этом отрицательное сальдо внешней торговли Украины с ЕС возросло в 8 раз и составило 10,5 млрд долларов. Что касается торговли продукцией АПК, то Украина имеет положительное сальдо с Таможенным союзом (2 млрд долларов), тогда как с ЕС — только 0,8 млрд. В торговле продукцией машиностроения с Таможенным союзом Украина имеет положительное сальдо

4,8 млрд долларов, а с ЕС — отрицательное в размере 7,2 млрд долларов[1].

Автор приводит и другие содержательно близкие показатели, которые свидетельствуют, что интеграция в ЕС на безальтернативной основе грозит Украине серьезными экономическими трудностями. Разумеется, все это знает и президент Порошенко, поэтому и заявил перед подписанием экономической части Соглашения с ЕС, что интеграция с Европой не должна исключать нормальных экономических отношений с Россией и другими странами Таможенного союза. Только удастся ли это?

Одним из неоспоримых аргументов в пользу евроинтеграции является якобы «извечная европейскость» украинцев. Но это скорее свидетельство исторического невежества новых руководителей Украины. Во-первых, в стране проживают не только украинцы, во-вторых, даже и они больше евразийцы, чем европейцы. Разумеется, это не приговор и ничего плохого в этом нет. В течение тысячелетий цивилизационная граница между Европой и Азией проходила не столько по Уралу, сколько по линии разграничения степи и лесостепи. В исторически обозримое время в лесостепи жили восточные славяне, в степи — гунны, авары, печенеги, торки, половцы, монголо-татары. Большинства этих народов сегодня нет на исторической карте, но они не исчезли без следа, а растворились в восточнославянском, а позже и в украинском этносах. Это заметно по антропологическому облику населения современной Украины, языку, культуре, стереотипам поведения и др.

Сказанное не означает, что Украина не может интегрироваться в Европу. Конечно, может. Но, строя планы на будущее, новым ее поводырям необходимо осознавать, что значительная часть населения Украины не готова отречься от своего прошлого, не может принять формулу «одно государство — один народ — один язык». Пренебрежение к интересам второй по численности этнической группы населения Украины — русской (и шире — русскокультурной), по существу, и стало причиной гражданского конфликта на Юго-Востоке.

---

[1] *Гайдуцький П.* Незалежна економіка України. Київ, 2014. С. 472–477.

Далеко не второстепенную роль здесь играет и религиозный фактор. Многие исповедующие православие украинцы, верные Украинской православной церкви Московского патриархата, не могут смириться с тем, что их церковь подвергается гонению как церковь чужой страны. И только потому, что она пребывает в каноническом единстве с Русской православной церковью. Ни грекокатолики, ни католики, ни многие другие конфессии, имеющие свои сакральные и управленческие центры за рубежом, не рассматриваются как приверженцы чужих церквей. Надо ли доказывать, что столь несправедливое отношение к основной религиозной конфессии не может не порождать в обществе серьезных противоречий?

Разумеется, сотрудничество Украины с Западом не только возможно, но и необходимо. Важно только, чтобы оно не вело к новому цивилизационному выбору Украины, как об этом неустанно твердят евроинтеграторы. Это означало бы фактическую утрату украинцами, большей их частью, культурно-исторической идентичности. В дискуссиях на эту тему от новых этноидеологов постоянно слышатся успокоительные заверения, что ни они, ни Запад такой цели не преследуют, да это и невозможно в принципе.

Однако это как сказать. Наверное, и во времена Брестской церковной унии 1596 года православных русинов Галичины также уверяли, что этот церковный акт ничем не угрожает их религиозной идентичности. Тем не менее значительная часть населения исторической Киевской Руси, столетиями исповедовавшая православие и находившаяся в каноническом единстве с Константинополем, в одночасье превратилась в католиков и стала окормляться римским престолом. Тогда на Украине, по сути, произошел цивилизационный разлом, разделивший некогда единый этнос на два — родственных по языку, но различных по цивилизационной принадлежности. Негативные последствия брестского церковного переворота, осуществленного Римом и Варшавой, Украина ощущает до сих пор.

Определившись со столь радикальным выбором в пользу интеграции с США и ЕС, нынешние власти (как и их евро-американские наставники), думается, не осознавали, на что обрекали

Украину — как оказалось, на гражданское межкультурное противостояние и даже на утрату целостности страны. И как бы ни обвиняли в этом Россию, надо признать, что механизм распада был запущен Майданом, так заботливо взлелеянным США и их европейскими союзниками.

К сожалению, ничего нового в этом нет. Украина не первая и, наверное, не последняя в ряду стран, «осчастливленных» американской свободой и демократией. И не было еще случая, когда американское вмешательство завершилось бы миром и процветанием. Наоборот, везде неутихающие гражданские войны и распад государств, а еще десятки и сотни тысяч беженцев. Из-за войны на Юго-Востоке свои дома покинули около 1 млн граждан, в основном женщины и дети. Большая их часть бежала в Россию, меньшая — на материковую Украину. Когда и как они вернутся к своим пепелищам, не знает никто.

И, конечно, не надо обманываться: США и Запад воспылали такой любовью к Украине вовсе не из гуманистических соображений. Она им нужна в первую очередь как форпост против России, как территория, на которой они собираются разместить свои военные базы. А о том, что будет именно так, говорит исторический опыт. Нет ни одной страны, вошедшей в ЕС или НАТО, где бы не было их военного присутствия. Будет оно и на Украине, тем более что новоизбранный президент уже попросил об этом Б. Обаму. Но вызов, как известно, всегда порождает ответ. И нетрудно предположить, чьим и каким он будет. Определенно это в интересах старых и новых членов ЕС и НАТО. В случае военного конфликта с Россией не они первыми окажутся на передовой. Но почему Украину должна устраивать такая перспектива?

Наблюдая, с каким упоением новые украинские руководители ведут Украину на Запад, невозможно отрешиться от мысли, что они делают это не столько в интересах своей страны, сколько в пику России. При этом режут, что называется, по живому как в экономической, так и в гуманитарной сфере. Есть что-то противоестественное в разрыве вековых отношений, а тем более в противостоянии Украины и России, особен-

но учитывая историческое прошлое наших народов. Общей их родиной была Киевская Русь. Затем более 300 лет украинцы и русские жили в единой стране, которую вместе же и создавали. В нашей общей истории все настолько тесно переплетено, что мы просто не в состоянии без нравственных потерь разделить это наследие между украинцами и русскими.

Здесь нет места подробному экскурсу в историю (этой теме я посвятил отдельную монографию «Украинцы в России в XVII–XX вв.», 2013), поэтому остановлюсь только на особенностях этнического развития двух народов. Политически они, безусловно, разные, поскольку живут в отдельных государствах, разговаривают на разных, хотя и близких, языках и имеют разное гражданство. Но этнически являются, в сущности, единым народом. И дело не только в том, что оба проросли из общего корня и имеют одного предка — древнерусскую народность. Может, намного существеннее их позднейшая смешанность, обусловленная межэтническими брачными связями и широкой взаимной переселенческой подвижностью. Не уверен, что есть точные данные статистики, сколько украинцев проживают в России и русских на Украине, но определенно их десятки миллионов. А людей со смешанной русско-украинской этничностью и того больше. Перефразируя известный афоризм, можно сказать: «Поскребите русского — и вы увидите украинца» или «Поскребите украинца — и вы обнаружите русского».

Может ли сказанное быть залогом того, чтобы два восточнославянских народа и сегодня жили в дружбе и согласии? Теоретически ответ здесь очевиден: конечно, может. Но практически так получалось не всегда. Вот и сейчас восточнославянское единство подвергается серьезным испытаниям. Новая политическая элита Украины, экономически и политически интегрированная с Западом, не только спровоцировала кризис в отношениях с Россией, но и разрушила хрупкий межэтнический и межкультурный мир внутри страны — страны, которая в современных границах не представляет собой органичного этногеографического и культурного единства. По сути, это административно-территориальное образование, сформированное

в советское время. В тот период в ее состав вошли Новороссия, Галичина, Закарпатье, Буковина и Крым. За небольшой по историческим меркам срок совместного проживания они не смогли стать Украиной в культурно-историческом смысле, чего не понимали украинские националистические элиты, затевая очередной майдан. К сожалению, не хотят понимать и теперь, упорно настаивая на незыблемости унитарной формы украинского государства. Между тем мирное будущее Украины возможно только при условии федеративного государственно-территориального устройства.

Если исходить не из временны́х и конъюнктурных соображений — наличия у политико-экономической элиты Украины счетов в европейских банках и «хатынок» на лазурных берегах, а из долговременных и прагматичных для всего украинского народа, то разрыв Украины с Россией представляется драматической ошибкой. Украина идет в союз, обладающий высокими технологиями, но практически исчерпавший свои природные ресурсы и очень перенаселенный, который при этом стремительно меняет свою цивилизационную сущность. Уже сейчас некоторые его страны на четверть состоят из переселенцев из мусульманского мира, не поддающихся европейской аккультурации. И, судя по всему, этот процесс будет продолжаться. Нет никаких сомнений, что он захватит и Украину.

Прогнозы ведущих украинских и российских экономистов относительно технологического будущего Украины в составе Европейского сообщества также далеко не радужны. Она, скорее всего, утратит статус индустриальной державы, потеряет машиностроительные отрасли, превратится в рынок сбыта европейской продукции и источник дешевой рабочей силы для стран ЕС.

Наверное, можно жить и так. И все же интеграция с Россией, обладающей несметными природными ресурсами и бескрайними жизненными пространствами, для Украины была бы более приемлемой альтернативой. При умной кооперации страна могла бы стать фактическим пайщиком всех этих богатств. Как известно, на нефтяных и газовых промыслах Рос-

сии и сейчас работает большое количество украинцев. К тому же существенной долей Украины в этом общем пае была бы ее газо- и нефтетранспортная инфраструктура. Вместе бы добывали и продавали. И не было бы никаких обходных газопроводов, как «Северный поток» по дну Балтийского моря, «Голубой» и «Турецкий» — по дну Черного.

Нет сомнений, что тесное сотрудничество с Россией и другими странами постсоветского пространства помогло бы Украине сохранить и развить такие отрасли промышленности, как космическая, авиационная, судостроительная. Необъятный рынок России мог бы стать залогом успешного развития сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Украины. К сожалению, в нынешних условиях о евразийской интеграции Украины можно говорить только как об утраченной возможности. Но, хотелось бы верить, утраченной не навсегда.

7. УКРАИНА: ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЕ БУДУЩЕЕ БЕЗ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ПРОШЛОГО?[1]

Наблюдая за драматичным украинским евроинтеграционным процессом, который привел, к большому сожалению, к территориальным потерям и многочисленным человеческим жертвам, трудно отрешиться от мысли, что брак между Европой и Украиной совершается не по любви, но по расчету. Причем с украинской стороны — копеечному, рассчитанному на возможность для бедных людей без приложения больших усилий обрести европейские стандарты жизни, а для богатых — легализовать свои европейские счета и «хатынки». У американских и натовских стратегов ставки куда более крупные, можно сказать, геостратегические. Свято веря в доктрину Бжезинского, что Россия без Украины не может быть великой державой, они упорно добиваются ее полного отрыва от России.

[1] Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 240–244.

«А что плохого в том, что Украина посредством ассоциации получит возможность более тесного экономического сотрудничества с Евросоюзом?» — постоянно вопрошают евроинтеграторы. Там передовые технологии, которых у нас нет, и гигантский рынок с более чем полумиллиардным населением. И трудно отказать такому аргументу в убедительности. Но в нем ведь только часть правды. Вся правда в том, что Евросоюз и США меньше всего интересуются Украиной как экономическим партнером. Единственное, что для них важно, — получить в лице Украины политического и военного союзника, своеобразный антироссийский «таран» непосредственно у ее границ.

Решение этой задачи объективно сопряжено с коренными изменениями самой Украины. По замыслам натовских стратегов, в своем новом статусе она не может оставаться добрым и дружественным соседом России, иначе натовский плацдарм на ее территории просто невозможен. В связи с этим принимаются различные меры по переформатированию традиционной жизни Украины во всех областях — политической, экономической, военной и даже культурной.

Многие полагают, что это началось со времен киевских майданов, но в действительности значительно раньше, по сути, сразу после распада Советского Союза и обретения Украиной независимости. Майданы стали результатом системной работы западных спецслужб по созданию на Украине мощного проевропейского и проамериканского лобби среди ее новой политической элиты. Первый ее приход к власти в 2004 году не во всем оправдал надежды американо-европейских политических кругов, второй, в 2014-м, судя по всему, их вполне устраивает. Новый украинский режим еще на Майдане определился со своим евро-американским выбором и антироссийской позицией. К тому же он оказался вполне управляем из США и ЕС.

Сегодня от украинских и европейских политиков можно услышать сожаления по поводу решения России о прекращении беспошлинной торговли с Украиной. Но это не более чем притворство, а в действительности произошло то, чего Запад

и добивался. Украина, тесно связанная с Россией экономически, ему не нужна. Да и началось это не 1 января 2016 года. Украина еще раньше по своей инициативе ограничила сотрудничество с Россией в промышленной сфере, к тому же поддержала экономические санкции, наложенные США и ЕС.

Свою лепту в разрушение кооперационных связей между Украиной и Россией внес Запад, поддержавший строительство газотранспортных систем в обход Украины. Как оказалось, не без дальнего умысла. Теперь Украина покупает российский газ у европейских стран, причем, как свидетельствуют некоторые украинские экономисты, в целом по более дорогой цене. Еще до фактического вступления в зону свободной торговли с ЕС Украина отказалась от авиационного сообщения с Россией. Это привело к тому, что пассажиропоток между двумя странами, который существенно не уменьшился, идет через Беларусь и ей же приносит доходы.

О том, сколь чувствительна для Украины потеря российского рынка, свидетельствуют следующие данные. До Майдана торговый оборот России с Украиной почти равнялся торговому обороту Украины со всеми странами ЕС. К концу 2015 года он сократился в пять раз, а после вхождения Украины в беспошлинную торговую зону Евросоюза и вовсе устремился к нулю. В результате оказались разрушены целые отрасли украинской промышленности — космическая, авиационная, судостроительная, в значительной мере химическая и др. После отказа России от беспошлинной торговли с Украиной и введения ответных зеркальных украинских мер экономическая ситуация еще более ухудшится. Особенно если учесть, что доля России на рынке Украины в 2015 году составляла 16,37 %, а Украины на рынке России — только 2,70 %.

Действительно, Европейский союз имеет неизмеримо больший рынок, чем Евразийский, и, наверное, мог бы стать для Украины более привлекательным. Но это возможно при одном непременном условии, что ЕС предоставит Украине статус наибольшего благоприятствования и к тому же вложится финансово в модернизационные проекты на Украине. Но этого не происходит. Пока массово посещающие Украину

европейские и американские чиновники ограничиваются советами и рекомендациями относительно реформ, а не реальными инвестициями.

В канун Нового года премьер-министр А. Яценюк с энтузиазмом поведал украинцам, что «2016 год явится годом настоящей европейской интеграции», чему будет содействовать вхождение Украины в «наибольший европейский рынок». По сути, то же самое он произносил и с майданной трибуны. Но если тогда это еще можно было как-то понять, то после почти полуторалетнего пребывания на столь ответственном посту и доведения страны до состояния банкрота новые оптимистические обещания многими воспринимаются как свидетельство его профнепригодности. Не исключено, правда, что премьер элементарно обманывает своих сограждан. Не может же он не знать, что «настоящая евроинтеграция» в экономической сфере рассчитана не на один год, а на десять. Что и после этого останутся квоты и нетарифные ограничения на поставки украинской продукции в ЕС. Что после подписания Соглашения об ассоциации экспорт из Украины в ЕС упал на 30 %, а квота украинского зерна на европейском рынке определена всего в 0,9 млн тонн. Судя по массовым протестам украинских фермеров в декабре 2015 года, вылившимся в том числе в блокирование автострад, в премьерские сказки никто не верит.

Таким образом, политические руководители Украины с помощью западных советников экономически оторвали-таки ее от России. Наверное, надеялись, как и в свое время режим президента В. Януковича, что такое усердие будет вознаграждено Западом миллиардными вложениями. Но ничего подобного не случилось. Где же здесь национальные интересы Украины?

Следующей областью украинских коренных изменений является идеология. Здесь преследуется та же цель — полный отрыв от России и адаптация к европейским демократическим стандартам. Яркой демонстрацией этого является принятый Верховной радой закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и запрете пропаганды их символики».

Можно сказать, прошлись катком по коммунистической идеологии, запретили не только ее символы (пятиконечную звезду, серп и молот), но и нынешнюю Компартию Украины. Трудно сказать, является ли это самодеятельностью майданных младореволюционеров, стремящихся всеми силами угодить своим западным хозяевам, или последние их надоумили, но совершенно очевидно, что столь немотивированный идеологический радикализм ничего хорошего для Украины не несет — ни для общественного взаимопонимания внутри страны, ни для ее международного авторитета. Подумали ли президент и Верховная рада о том, как после такого проклятия и запрета коммунистической идеологии они будут общаться с коммунистическими странами — Китаем, Вьетнамом, Кубой? Или с некоммунистическими, использующими в качестве государственных символов красное знамя, пятиконечную звезду и серп с молотом? Логично было бы разорвать нормальные отношения и со странами Евросоюза, в которых вполне легально действуют коммунистические партии (в некоторых даже по две).

Учитывая все это, трудно отрешиться от мысли, что нынешние власти Украины, стремясь как можно дальше дистанцироваться от России и своего прошлого, живут в мире абсолютного абсурда, очевидно саморазрушительного. Убедительным подтверждением этого является и вторая часть вышеупомянутого закона, касающаяся запрета национал-социалистической (фашистской) символики. Она в несколько раз меньше, чем первая и в значительной мере формальная. Некоторые нацистские символы то ли по неграмотности законотворцев, то ли по определенному умыслу вообще не попали в реестр запрещенных. Но здесь абсурд заключается даже не в этом, а в том, что формальное «осуждение» нацистских символов произошло тогда, когда они фактически стали приметой новой украинской власти, запестрели на касках и нарукавных шевронах добровольческих отрядов, борющихся с донецкими «сепаратистами», когда националистическая идеология ОУН-УПА (Организации украинских националистов — Украинской повстанческой армии) стала на Украине

официальной. На ее знамени — портрет С. Бандеры, который тесно сотрудничал с национал-социалистами Третьего рейха. Сегодня именно он стал символом новой Украины. В Галичине возводятся памятники Бандере, его именем называются улицы, школы, день его рождения отмечается ночными факельными шествиями в Киеве, Львове, Днепропетровске, Одессе и других городах, напоминающими шествия национал-социалистов 1930-х годов, на его биографии воспитывается молодое поколение.

Наверное, в этом не было бы ничего драматичного, если бы С. Бандера был героем всей Украины, а его националистическую идеологию разделяли все украинцы. Но этого не было в прошлом и нет сегодня. Для большей части украинского общества национализм Бандеры совершенно неприемлем. Его решительно отвергают этнические украинцы, проживающие в центре, на востоке и юге страны, граждане Украины других этнических групп — русские, поляки, евреи, испытавшие в годы Великой Отечественной войны все ужасы радикального национализма. Стоит ли доказывать, что насильственное утверждение такой идеологии раскалывает общество, провоцирует скрытое и открытое сопротивление.

Не знаю, насколько корректным является определение военного мятежа в Донбассе как «этнической гражданской войны», о чем пишут в порыве откровенности национально сознательные патриоты, но несомненно то, что одной из главных его причин, как и выхода Крыма из состава Украины, стал фактор их этнокультурной несовместимости с галицким национализмом.

Власти США и Евросоюза выразили Украине решительную поддержку в связи с понесенными ею территориальными потерями, обвинили во всем Россию, наказали ее экономическими санкциями — и ни слова о собственной вине. А ведь не прояви они в конце 2013 года столь откровенного нетерпения в связи с отсрочкой подписания Украиной соглашения об ассоциации, не подтолкни так называемый Евромайдан к вооруженному государственному перевороту 22 февраля 2014 года — никакой аннексии Крыма и мятежа в Донбассе не было бы. Не прихо-

дили же эти сепаратистские мысли на ум в условиях политической стабильности в стране.

Одним из драматических последствий интеграции Украины в Европу, как теперь становится понятно, должно стать изменение ее цивилизационной идентичности. Всем памятно, как режим Януковича в полном единении с политическими оппонентами постоянно твердил о том, что европейский выбор для Украины не только безальтернативный, но еще и цивилизационный. Вначале казалось, в том числе и автору этих строк, что все это от элементарного непонимания содержания понятия «цивилизация». Даже как-то странно было это слышать, зная, что наш цивилизационный выбор в пользу христианского православия был сделан еще в конце X века Владимиром Святым. Но постепенно выяснилось, что это не от неграмотности, а от стремления интегрироваться с католической и протестантской Европой не только политически и экономически, но и культурно. По сути, эта тенденция исподволь утверждалась на Украине в течение всех лет независимости. О том же свидетельствует превращение Украинской католической церкви из региональной институции во всеукраинскую. Ее сакральный центр был перенесен из Львова в Киев, причем на левый берег Днепра, что должно было символизировать распространение этой церкви дальше на восток. Заметно оживились на Украине римско-католическая и протестантская церкви.

Одновременно с этим велась системная работа по расколу украинского православия. К ней приложили руку и первые лица государства, одержимые идеей создания на Украине единой поместной православной церкви, независимой от Московского патриархата. Из этой затеи ничего путного не вышло. К единству не пришли, но зато еще больше «разодрали» украинское православие. Теперь на Украине три православные церкви, оспаривающие друг у друга право не только на всеукраинскость, но и на имущественное наследие, что сопровождается ожесточенным противостоянием, нередко с трагическими последствиями.

Поразительно, что этот раздор подогревается людьми, зачастую не имеющими никакого отношения к православию.

Их лозунг — «Независимой Украине нужна независимая православная церковь» — не имеет ничего общего с радением за «нэньку» Украину. Это циничное политиканство, направленное на эрозию православной общности. Примечательно, что такая претензия предъявляется только к Украинской православной церкви, пребывающей лишь в молитвенном единении с русской. Ничего похожего не слышно по отношению к тем украинским церквям и конфессиям, которые связаны с зарубежными центрами канонически и административно.

Еще одной претензией к православию является якобы его архаичность, неспособность адаптироваться к нынешнему быстро меняющемуся миру. Порой даже высказывается сожаление, что князь Владимир не на того «коня» поставил. Вот если бы принял христианство из Рима, то сейчас и мы жили бы не хуже, чем католический Запад.

Одним из наглядных свидетельств утраты Украиной своей православной сущности является активное внедрение в церковную праздничную обрядность католических традиций. Деда Мороза, который был символом новогодних празднеств на Украине, заменили Санта-Клаусом. От его непременной спутницы Снегурочки и вовсе отказались. Празднованию католического Рождества придали всеукраинский размах. Правда, называют его почему-то «европейским». То ли не хотят лишний раз травмировать православных, то ли стараются подчеркнуть, что Рождество, отмечающееся 7 января, не является европейским. Раздаются призывы, в том числе от высокопоставленных государственных деятелей, вообще отказаться от празднования Рождества Христова в январе и отмечать его только в декабре. Удивительно, что такую готовность выразили также предстоятели Украинской православной церкви (Киевского патриархата) и Украинской грекокатолической церкви, правда, оба оговорились, что на это надо бы получить согласие верующих.

Практически полный разрыв между Украиной и Россией произошел в культурной и научной сферах. Появились черные списки невъездных на Украину российских артистов, музыкантов, писателей, запретные перечни российских филь-

мов, литературных произведений. Раздаются даже призывы «почистить» украинские библиотеки и освободить их от «русскоязычной макулатуры». Постепенно разорвались научные контакты, академические и университетские, не стало централизованного обмена литературой, прекращено функционирование двусторонних научных комиссий, проведение конференций. От этого плохо всем, но особенно негативно это отражается на уровне украинской науки и культуры, которые заметно провинциализируются. Наверное, в области точных и естественных наук потери из-за разрыва связей с Россией можно будет с течением времени (правда, длительного) компенсировать налаживанием связей с Западом. Но в области гуманитарных наук, в частности исторических, где у нас единый предмет исследования, такая компенсация в принципе невозможна. Однако, судя по тому, что финансирование украинской науки каждый год сокращается, эта сфера не является приоритетной для новой Украины.

В системной работе по отрыву Украины от России большое место отводится переоценке исторического прошлого двух стран. Новые этноисторики и этнополитологи фактически изъяли Украину из общевосточнославянского и общероссийского исторического контекста. В учебниках для средней школы и вузов теперь утверждается, что украинцы генетически не имеют ничего общего с русскими, что объединение с Россией в 1654 году было навязано нашим предкам коварными москалями, что советскую власть принесли на Украину на штыках русские большевики, что никакой Отечественной войны у украинцев не было, что пакт Молотова–Риббентропа, в результате которого удалось присоединить к Украине ее западные регионы, — не что иное, как преступный сговор двух агрессоров, а освобождение народов Европы от фашистской чумы было их порабощением Советским Союзом...

Можно сказать, произошла тотальная перелицовка украинской истории. Из ее полноправного субъекта украинцы по недомыслию национал-патриотов превращены в объект. Но, во-первых, это совершенно расходится с объективной реальностью, которая неоспоримо свидетельствует, что они такие же

сотворцы общей истории, как и русские. Во-вторых, это плохая услуга нынешнему украинскому обществу, поскольку формирует в нем негативное историческое самосознание, воспитывает комплекс неполноценности. Ведь если у народа в прошлом были одни беды, то где гарантия, что в будущем станет по-другому? Определенно, это слишком высокая цена за призрачную возможность стать европейцами.

Брутальная евроинтеграционная непреклонность майданных политических элит, ставших новой властью, породила тенденцию к разрушению украинской государственности. Наглядным свидетельством этого могут служить регулярные кулачные бои в Верховной раде, скандалы в правительстве и окружении президента, атаманщина командиров добровольческих батальонов, неподконтрольных силовым структурам, «мусорная люстрация», подрывы линий электропередачи и др. Похоже, этот управленческий хаос на руку западным опекунам Украины, поскольку создает благодатную почву для их востребованности и в этой области. Наблюдая за тем, как встречают высшие государственные чиновники вице-президента США Д. Байдена, трудно отрешиться от мысли, что именно он является верховным сувереном Украины. Характерно, что до его последнего приезда в ноябре 2015 года в прессе усиленно муссировались слухи о скорой отставке премьера А. Яценюка. Был организован даже мини-майдан у стен кабинета министров. Однако после его отъезда об этом все в одночасье позабыли. И, видимо, не случайно мудрый народ сочинил поговорку: «Вот приедет Байден, Байден нас рассудит».

О разрушении украинской государственности свидетельствует также широкое привлечение на ответственные управленческие посты — министерские, губернаторские, прокурорские и другие — иностранцев, не обязательно американцев, но непременно их ставленников. Президент немедленно снабжает их гражданскими паспортами, правда, от этого они не становятся украинцами. Практически все не могут связать и двух-трех предложений на «соловьиной мове», зато в критические моменты, как в случае скандала между министром А. Аваковым и губернатором М. Саакашвили, прекрасно поль-

зуются «ненавистным» на Украине русским языком. К сожалению, некоторые из них руководят ведомствами, не имея соответствующего профильного образования. И судя по тому, что экономика и финансы (при министрах-иностранцах) оказались почти полностью разрушенными, руководят не лучше украинцев.

Объясняя назначение иностранных «ловцов счастья и чинов» на высокие правительственные должности, президент Порошенко отметил, что эти люди не связаны на Украине родством и кумовством, а следовательно, не будут подвержены коррупции. Аргумент более чем сомнительный, но если руководствоваться им, то логично распространить это условие также на премьера, президента, а может, и на народных депутатов. Здесь ведь тоже не обходится без кумовства и коррупции. Правда, из обнародованной видеозаписи конфликта между Саакашвили и Аваковым выяснилось, что коррумпированность не является специфической особенностью только украинцев. Грузин и армянин, судя по их взаимным обвинениям в воровстве, также не лишены этого порока.

Из всего этого следует, что послемайданная Украина обладает весьма относительной государственностью вообще и украинской в частности. Евро-американские наставники не озабочиваются такими сантиментами, как самолюбие и достоинство украинцев, поэтому нисколько не щадят их. Наших национал-патриотов, которые при каждом удобном случае кричат о тысячелетней украинской государственности, это должно было бы оскорблять. Оказывается, нет, не оскорбляет. Если в Европу, то можно и без национальной гордости.

Трудно сказать, станет ли Украина когда-либо полноправным членом Европейского союза, но что касается ее интеграции в Североатлантический альянс, то здесь у украинских руководителей оптимизма значительно больше. Можно сказать, что де-факто Украина уже там. НАТО, не в пример ЕС, оказывает финансовую поддержку Украине в проведении военных реформ, осуществляет поставки вооружения и военного снаряжения, электронного оборудования, на постоянной основе обучает украинских солдат военному делу, выделяет деньги

на развитие и обустройство пограничной инфраструктуры. Не ожидая, когда украинские вооруженные силы будут отвечать всем стандартам НАТО, в сентябре 2014 года было подписано соглашение о формировании литовско-польско-украинской бригады. Украина заключила договоры о сотрудничестве с Польшей и странами Балтии, что узаконивает получение военной помощи от НАТО. В 2015 году на территории Украины (Львовская область) были проведены масштабные международные учения войск США, Канады, Германии, Бельгии, Великобритании, Турции, Польши и других стран. Генсек альянса Йенс Столтенберг провел переговоры в Киеве о доведении оборонного сектора Украины до полномасштабных стандартов НАТО.

Видимо, этому подчинен и военный бюджет Украины на 2016 год, о котором министр обороны С. Полторак с удовлетворением сказал, что он «очень хороший». Нет ни малейших сомнений и в том, что ничего подобного не сможет сказать ни один из руководителей других министерств и ведомств. На образование, науку, здравоохранение, социальную сферу, культуру денег нет, но военный бюджет «очень хороший». Он будет еще лучше, когда на территории Украины появятся военные базы НАТО. О том, что это неизбежно, свидетельствует опыт соседних с Украиной стран. По существу, не отрицает этого и министр обороны Украины, заявивший, что пока так вопрос не стоит. «Обнадеживает» и госсекретарь Д. Керри, отметивший, что США «рассчитывают получить на Украине дополнительные возможности», которых требуют их национальные интересы.

Учитывая все вышесказанное, не стоит ожидать, что Украину ждет в Европе светлое будущее. Во-первых, она придет туда измененной до неузнаваемости, во-вторых, претендующей на опасную роль антироссийского «тарана». Неужели это в интересах украинского народа?

P. S. Социологические опросы показывают, что и сегодня, после столь резкого ухудшения отношений с Россией, около половины населения Украины не поддерживает ее вступление в НАТО.

8. ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ?[1]

Вопрос, вынесенный в название лекции, — один из важнейших в отечественной историографии со времен летописца Нестора. В «Повести временных лет» он стоит в одном ряду с другим, органично связанным с ним вопросом: «Кто в Киевѣ нача первеѣ княжити?»[2] В Ипатьевской летописи, содержащей одну из редакций «Повести...», слово «в Киевѣ» заменено на «в ней». То есть в Русской земле[3]. Определенно это смысловая замена, а не случайная. Для первых летописцев было ясно, что Киев и Русская земля суть тождественные понятия. Подтверждением этому являются слова о Киеве, вложенные в уста князя Олега: «Се буди мати градомъ русьскимъ», а также особая рекомендация полян, которые «ныне зовомая Русь»[4].

Отвечая на свой вопрос, Нестор внес на страницы летописи предание об основателях Киева — братьях Кие, Щеке и Хориве. Полемизируя с «не свѣдущими», полагавшими, что Кий был «перевозникъ», он отметил: «Аще бо былъ перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду: но сей Кий княжаше в родѣ своемь, приходившю ему ко царю»[5]. Предание не датировано, не назван по имени и византийский император, но историчность события засвидетельствована наличием на Старокиевской горе остатков древнейшего киевского града. По-разному определяют исследователи время его жизни, но то, что он существовал задолго до «призвания» варягов, ни у кого сомнений не вызывает. Аналогичные киевскому укрепленные центры, о чем пойдет речь ниже, обнаружены на всей территории расселения восточных славян, и все они построены в VI–VIII веках. В них и берет начало восточнославянская государственность.

Исторически так сложилось, что точкой отсчета государственной истории Руси стал 862 год, когда, согласно лето-

---

[1] День знаний в Университете: 1 сентября 2016 года. Вып. 22. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 10–19.

[2] Повесть временных лет. С. 12.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 13.

[5] Там же.

писному преданию, северные восточнославянские племена призвали на княжение варяжских братьев Рюрика, Синеуса и Трувора. Спор по этому поводу антинорманистов и норманистов был разрешен в пользу последних не научными аргументами, а правительственными указами: в 1862 году — царским, в 2011-м — президентским. Как можно заключить на основании работ, опубликованных российскими историками в связи с празднованием 1150-летнего юбилея Российского государства, тема норманнского приоритета в его создании больше не подвергается сомнению.

Иноземное начало Русской земли и ее государственности засвидетельствовано установлением в Старой Ладоге 12 сентября 2015 года памятника варягам Рюрику и Олегу Вещему. Оба отрекомендованы основателями российской государственности и даже великими князьями. И это притом, что о государственном строительстве Рюрика на Руси в летописи вообще ничего не сказано, а в Киеве задолго до варяжского «призвания» княжили Кий и его наследники, а также Аскольд и Дир, предпринявшие поход на Константинополь за два года до прихода к славянам Рюрика и за 22 года до вокняжения в Киеве Олега. Зная все это, трудно согласиться с «первоучредительной» государственной ролью Рюрика и Олега.

Конечно, это слишком упрощенный взгляд на политическую эволюцию восточных славян. Он в принципе исключает признание у них внутренней самоорганизации в доваряжское время. Не было наряда у славян, как простодушно отметил летописец, но пришли из-за моря варяги (Рюрик, Синеус и Трувор) и установили его[1]. В реальности, разумеется, все было намного сложнее, что, собственно, и следует из внимательного прочтения летописи, а также анализа археологических источников, полученных в результате многолетних раскопок восточнославянских памятников.

Коротко остановимся на вопросе происхождения названия «Русь», которое, согласно одной из историографических

[1] Принципиально ситуация не изменилась бы и в том случае, если бы оказалось, что Рюрик и его окружение были выходцами не из Ютландии, но из славянской Южной Балтики. Такая точка зрения также имеется в исторической литературе.

традиций, как и государственность, также принесли в восточнославянскую среду варяги. Исходные данные для вывода историков о северном, а точнее шведском, происхождении термина «русь» находятся в летописной статье 862 года. Однако она настолько противоречива, что сделать по ней однозначное заключение нет ни малейших оснований. Заявив, что новгородские словене «идоша за море къ варягомъ, к руси», летописец затем привел перечень скандинавских народов, в котором места для руси не нашлось. «Сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся свеи, друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте»[1].

Еще более существенным в этом летописном свидетельстве является то, что оно не отождествляет русь со шведами. Наоборот, утверждает, что шведы относительно руси такой же другой народ, как и норвежцы или датчане. Несколькими строчками ниже русы у летописца выступают и теми, кто участвовал в приглашении, и теми, кого приглашали: «Рѣша русь, чюдь, словѣни и кривичи, и вси... И изъбрашася три братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь»[2].

Этническая разность руси и шведов засвидетельствована и в Бертинской хронике епископа Пруденция. Рассказывая о пребывании посольства русов в 838–839 годах в Константинополе и Ингельгейме, автор отметил, что в столице Византии они отрекомендовались представителями народа «Рос» (Rhos) и посланниками хакана (chacanus), а в столице Франкского королевства назвались не русами, а свеонами. Стоит ли доказывать, что смысл этого признания послов противоположен тому, который пытаются придать ему сторонники скандинавского происхождения русов? Они не были этническими русами, но лишь находились у них на службе. Аналогичные ситуации имели место и во времена Олега и Игоря, чьи послы-норманны также заявляли, что они «от рода рускаго».

Исходя из свидетельств Бертинских анналов, а также «Баварского географа», разместившего Русь (Ruzzi) в непосред-

[1] Повесть временных лет. С. 13.

[2] Там же. Как показали А. А. Шахматов, А. Н. Насонов, Б. А. Рыбаков и другие исследователи, Русь была отождествлена с варягами автором или редактором «Повести временных лет».

ственном юго-западном соседстве с хазарами (Caziri), можно полагать, что русы были известны на юге восточнославянского мира задолго до их летописного «призвания» из-за моря[1].

Собственно, и наиболее резонансное событие, связанное с русами (поход 860 г. на Константинополь), состоялось также раньше их «призвания». Предположение, что поход был предпринят из далекого и малонаселенного Волховско-Ильменского края, совершенно нереалистично, о чем автору этих строк уже приходилось писать[2]. Однако парадокс в объяснении этого события заключается в том, что исследователи, даже те, которые разделяют практическую невозможность такого дальнего похода, упорно не хотят признать исходным его пунктом Киев и Среднее Поднепровье. Для них это незнаемая земля, находящаяся где-то севернее Причерноморья, но при этом, как утверждает А. А. Горский, не слишком далеко к северу[3].

При ответе на вопрос, кто такие русы и откуда они происходят, нельзя абстрагироваться от тех летописных свидетельств, которые связывают это название исключительно с насельниками Среднего Поднепровья. Единственным восточнославянским племенем, получившим новое имя, были поляне: «Поляне, иже ньнѣ зовомая Русь»[4]. «Матерью городов русских» был назван их город Киев[5], а не Ладога или Новгород, где раньше всего утвердились северные пришельцы. Ничего не сказано в летописи о русах в рассказе о походе Олега из Новгорода в Киев. В его войске были варяги, чудь, словене, меря, весь, кривичи.

Не дают оснований отождествлять русов с варягами и более поздние летописные свидетельства, в частности те, в которых рассказывается о борьбе за Киев Ярослава и Святополка. В собранной Ярославом в Новгороде многотысячной дружине,

---

[1] *Толочко П. П.* В поисках загадочного Русского каганата // Київ і Русь. Вибрані твори 1998–2008 рр. Київ, 2008. С. 29–39 ; *Он же.* Откуда пошла Руская земля. Киев, 2016. С. 38–69.

[2] *Толочко П. П.* Русь изначальная // Археологія. 2003. № 1. С. 100–103.

[3] *Горский А. А.* Первое столетие Руси // Средневековая Русь. М., 2012. № 10. С. 50.

[4] Повесть временных лет. С. 15.

[5] Там же. С. 14: «Се буди мати градомъ русьским».

с которой он выступил на Киев, были «варяги и прочие вои», но не было русов. В то время как Святополк выступил навстречу из Киева «пристрои бе-щисла вои, Руси и печенѣгъ»[1]. О русах в войске Ярослава говорится в статье 1018 года, когда он, будучи уже киевским князем, отражал наступление Болеслава Храброго и Святополка: «Ярославъ же, совокупивъ Русь, и варяги и словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку»[2]. В приведенных свидетельствах важными являются два обстоятельства: летописец, во-первых, не отождествляет варягов с русами, во-вторых, обнаруживает последних только в дружинах киевских князей.

О южном происхождении этнонима «Русь» и его носителей свидетельствуют также византийские письменные источники. В них название «росы» постоянно заменяется словами «скифы» и «тавроскифы», что было бы совершенно невозможным, если бы эти росы являлись жителями далекого скандинавского севера. К тому же греческие авторы всегда четко различали варягов и русов. В частности, во всех императорских хрисовулах, регламентировавших пребывание иностранных наемников в Византии, варяги и русы неизменно предстают как различные этнические группы.

Так что, перефразируя известное изречение классика, можно сказать, что выводы о тождестве варягов и руси сильно преувеличены[3].

Однако независимо от того, кем были летописные варяги, очевидно, что не они положили начало восточнославянской государственности. Это невозможно ни теоретически, ни практически. Если мы внимательно вчитаемся в летопись, то обнаружим, что варяжские находники не принесли в среду восточных славян новую административно-политическую организацию, но воспользовались уже существующей. «И раздая (Рюрик. — *П. Т.*) мужемъ своимъ волости, и городы рубати, овому Полътескъ, овому Ростовъ, другому Белоозеро». Отметив, что в этих городах сели находники-варяги, летописец

[1] Повесть временных лет. С. 62.
[2] Там же. С. 63.
[3] Подробнее см. : *Толочко П. П.* Откуда пошла Руская земля. С. 126–154.

пояснил, что «пѣрвии насельници в Новѣгородѣ словенѣ, въ Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣозерѣ весь, в Муромѣ мурома»[1].

Аналогичная ситуация имела место и на юге восточнославянского мира. Аскольд и Дир, названные в летописи боярами Рюрика, по пути в Царьград увидели на «горѣ городокъ» и, выяснив, чей он, решили в нем остаться. «Асколдъ же и Диръ остаста въ городѣ семъ... и начаста владѣти Польскою (Полянскою. — *П. Т.*) землею»[2].

Еще более убедительным свидетельством существования административной и политической организации восточных славян доваряжского времени является рассказ о походе Олега в 882 году на юг. «И приде къ Смоленьску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужь свой, оттуда поиде внизъ, и взя Любецъ, и посади мужь свой». В Киеве он сел сам, убив Аскольда и Дира. «И сѣде Олегъ княжа въ Кыевѣ»[3].

Как видим, варяги не основывают новые города, но овладевают уже существующими, не учреждают в них администрацию, но меняют прежнюю на свою, не создают волости-земли, но распространяют свой суверенитет на уже существующие.

Чтобы завершить этот сюжет, следует сказать, что в наше время вопрос о том, кому принадлежит приоритет в создании Древнерусского государства, потерял свою остроту. С одной стороны, уже никто не спорит с тем, что варяги принимали участие в начальной русской истории, с другой — всем стало очевидно, что государства являются прежде всего продуктами внутреннего социально-экономического развития обществ. Что касается варягов, то здесь и спорить не о чем. Они никак не могли принести в восточнославянский мир структурированную государственность, поскольку еще не имели таковой у себя на родине.

Оказавшись по воле случая в чужой стране и в чуждом для себя мире, варяжские пришельцы должны были очень

[1] Повесть временных лет. С. 13.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 14.

быстро адаптироваться к новым условиям жизни, перенять от восточных славян традиции их государственности, принять их властную титулатуру. Неслучайно Рюрик и его ближайшие преемники назывались не конунгами, коими они были в прошлом, но князьями. Да и по существу натуральными варягами были только Рюрик, Олег и Игорь. Остальных ближайших к ним князей можно называть варяжскими лишь весьма условно. Ольга была славянкой, ее сын Святослав — наполовину славянином, а Владимир и вовсе на три четверти славянином.

Трудно сказать, сколь долго сохранялся в киевском княжеском роде пиетет по отношению к своему норманнскому происхождению, но совершенно определенно уже со времен Ольги и Святослава этот род не мыслил себя вне интересов государства, во главе которого находился. Судя по именам, княжеский род на Руси вообще надолго забыл о своем легендарном первопредке. Память о нем всплыла только в третьей четверти XII века и не получила сколько-нибудь широкого распространения. Его именем за всю историю Руси домонгольского времени были названы только два князя. Не было и «гордого именования князей Рюриковичами», как об этом пафосно сообщается в издании, посвященном открытию памятника Рюрику и Олегу в Старой Ладоге. «Ярославичами», «Мономаховичами», «Ростиславичами», «Ольговичами» князья именовались, а вот «Рюриковичами» — нет.

Из летописных свидетельств явствует, что начало восточнославянской политической организации относится к третьей четверти I тысячелетия н. э. Перечисляя восточнославянские племенные объединения, Нестор и его предшественники называют их поименно — поляне, древляне, северяне, дреговичи, словене и другие, а там, где пытаются определить их социальную организацию, — княжениями. После смерти полянского князя Кия, замечает летописец, «почаша родъ ихъ княженье в поляхъ, а въ деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое»[1]. Род здесь определенно выступает как правящая княжеская династия.

[1] Повесть временных лет. С. 10.

В юбилейном сборнике «Средневековая Русь», посвященном 1150-летию зарождения российской государственности, историк А. А. Горский пришел к выводу, что предложенный им ранее термин «племенное княжение» не вполне удобен в употреблении, поскольку определение «племенное» сохраняет иллюзию, будто эти общности носили родо-племенной характер. Теперь он предлагает применять к ним термин, известный в византийских источниках, — «славинии»[1].

Должен огорчить А. А. Горского. Термин «племенное княжение» был введен в научное обращение не им, но Д. Я. Самоквасовым еще в начале XX века. «Формой общежития русских славян IX века, — писал он, было племенное княжение, племенное государство... Таких государств на всем пространстве земли между Ладожским озером и Черным морем, Карпатами и верхним течением Волги было только двенадцать»[2]. В 1960–1970-х годах этот термин широко применялся по отношению к летописным племенам третьей четверти I тысячелетия н. э. В том числе и автором этих строк в книгах «Історична топографія древнього Києва», «Древнерусский феодальный город»[3] и др.

Опасения А. А. Горского, что определение «племенные» порождает иллюзию некоей архаичности этой общности, безосновательно. О терминах ведь договариваются. А то, что летописные племена — не мелкие родоплеменные образования, а крупные территориальные объединения, союзы племен, ни у кого из занимавшихся этой проблемой не вызывало сомнений уже со времен А. А. Спицына и Д. Я. Самоквасова.

И уж, конечно, его никак не может заменить византийский термин «славиния», поскольку он не имеет социально-политического содержания, а является этническим определением, уточняющим, что «поляне», «древляне», «северяне» и прочие являются славянами[4]. Этот термин не отвечает на вопрос,

---

[1] *Горский А. А.* Указ. соч. С. 35.

[2] *Самоквасов Д. Я.* Происхождение русского народа. М., 1908. С. 6.

[3] *Толочко П. П.* Історична топографія древнього Києва. Київ, 1970. С. 55 ; *Он же.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 34.

[4] «Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми россами из Киева и отправляются в полюдья... а именно в Славонии вервианов,

на каком этапе политического развития находились восточнославянские «славинии». Попытки объяснить их социальную сущность новомодными терминами «сложного и сверхсложного вождества», что предлагает А. А. Горский, не кажутся удачными. Да и зачем придумывать какое-то вождество, когда в летописи имеется термин «княжение»? Не проще ли соотносить эти ранние восточнославянские княжения с военно-демократической стадией государственности, установленной Ф. Энгельсом?

Практически каждому из племенных княжений соответствует своя археологическая культура, памятники которой покрывают большие территории. Их социальные центры в летописи названы «градами». В рассказе об основании Киева читаем: «И створиша городокъ во имя брата ихъ старѣйшаго»[1]. Говоря об уличах, летописец замечает, что те сидели по Днепру до моря «и суть грады ихъ и до сего дне»[2].

Археологические исследования выявили такие ранние городки в Киеве, Чернигове, Зимно, Пастырском, Битице, Хотомеле, Колочине, Тушемле, Изборске, Пскове, Старой Ладоге и др. Типологически все они очень близки между собой и определенно являлись административными центрами племенных союзов[3].

В свое время П. Н. Третьяков применил по отношению к раннесредневековым племенным или, точнее, межплеменным центрам термин «эмбрион города»[4]. При всей условности он в целом верно отражает социальную сущность восточнославянских градов VI–VIII веков. Видеть в них истоки древнейших городов так же естественно, как и в племенных княжениях — начало древнерусской государственности.

друговитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами россов». См. : *Багрянородный К.* Об управлении империей. Гл. 9 (текст, перевод, комментарий) / под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 51.

[1] Повесть временных лет. С. 9.

[2] Там же. С. 10.

[3] Подробнее об этом см. : *Толочко П. П.* Древнерусский феодальный город. С. 19–34.

[4] *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М. ; Л., 1966. С. 245.

Исследуя проблему происхождения древнерусских городов, я пришел к выводу, что ранние восточнославянские «грады» социально и стадиально очень близки к таким же центрам западных славян (Макульчицы, Стары Замки, Ленчица, Шелиги), а восточнославянские союзы племен или княжения политически напоминали раннегосударственные образования моравов и словаков (государство Само), полянский и мазовшанский союзы племен в Польше[1].

О наличии у восточных славян собственной общественно-политической организации еще до прихода варягов наглядно свидетельствуют военные походы Олега против них. Цель этих походов — подчинить местное население новой киевской власти. «Поча Олегъ воевати древляны, и примучивъ я, имаше на них дань по черной куне». «Иде Олегъ на сѣверяне, и побѣди сѣверяны, и възложи на нь дань легъку, и не дасть имъ козаромъ дани платити»[2]. Вслед за древлянами и северянами Олег распространил даннические отношения и на радимичей. С уличами и тиверцами, как отметил летописец, новый киевский князь находился в состоянии войны.

«Примучиванием» восточнославянских княжений пришлось заниматься и преемникам Олега, причем по нескольку раз одних и тех же. Из летописной статьи 913 года следует, что поход Игоря на древлян был вызван тем, что они после смерти Олега вышли из подчинения Киеву: «Затворишася отъ Игоря по Олговѣ смѣрти»[3]. В результате нового похода на них была возложена дань еще большая, чем при Олеге. Неумеренные даннические аппетиты Игоря закончились, как известно, восстанием древлян и казнью киевского князя[4]. Окончательно покорить древлян удалось только Ольге. Дважды ходил на вятичей Святослав, в результате чего они также оказались данниками Киева: «В лѣто 6474. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи»[5].

---

[1] *Толочко П. П.* Древнерусский феодальный город. С. 25–28.

[2] Повесть временных лет. С. 14.

[3] Там же. С. 21.

[4] В обращении древлян к Ольге после убийства Игоря последний назван князем русским: «се князя убихомъ рускаго» (Там же. С. 27), что свидетельствует о том, что себя в это время они русичами еще не считали.

[5] Там же. С. 31.

К сожалению, лаконичные летописные известия не сохранили (за редким исключением) имена племенных князей, которых «примучивали» первые киевские Рюриковичи. На этом основании некоторые исследователи вообще не находят им места в ранней государственной структуре Руси, отдавая приоритет варягам.

Между тем административно-политическая система восточных славян, сохранявшаяся практически неизменной вплоть до административных реформ Святослава и Владимира, хорошо отражена в летописи. Говоря об укладах на Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и другие города, летописец в статье 907 года отметил, что «по тѣмь бо городамъ сѣдяху велиции князи подъ Ольгомъ сущее»[1]. Содержательно близкие записи находятся и в договоре 911 года. Послы «от рода Рускаго» представляли не только Олега, но и «всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлых бояръ», а греки должны были хранить любовь «кь княземъ же свѣтлымъ нашимъ Рускым и къ всѣмъ, иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего»[2]. В договоре 944 года говорится, что большое русское посольство было направлено в Царьград «отъ Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья, и отъ всѣхъ людий Руския земли»[3].

Мимо этих не совсем понятных летописных дефиниций не прошел ни один историк Киевской Руси. Объяснение они получили разное. Одни (М. П. Погодин, С. М. Соловьев, Х. Ловмянский, А. В. Назаренко и др.) видели в «князьях под Олгом сущих» или во «всяком княжье» договора 944 года членов семейства Рюриковичей, другие (С. В. Юшков, Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, П. П. Толочко и др.) полагали, что летописец

---

[1] Повесть временных лет. С. 17. Исследователи несправедливо обвинили летописца в намеренной фальсификации: договор был один, от 911 года, а он сделал из него два, переместив часть текста в статью 907 года. Если признать поход Олега в 907 году на Константинополь реальностью, то такой же реальностью следует считать и договор этого года. См.: *Толочко П. П.* Русско-византийские договоры и время включения их в летопись // Київ і Русь. Вибрані твори 1998–2008 рр. Київ, 2008. С. 59–60.

[2] Повесть временных лет. С. 18.

[3] Там же. С. 23.

под этими определениями имел в виду местных славянских князей, покоренных центральной киевской властью[1].

М. С. Грушевский, обратив внимание на стабильное число послов в договорах, считал, что оно отражало «состав государства из двадцати княжеств до середины X века». При этом не исключал, что в некоторых уже могли быть князья, посаженные из Киева, но в большинстве «нерушимым оставалось собственное управление и свои князья»[2].

В наше время близкую мысль высказал Г. Г. Литаврин. Согласно ему, русские послы договора 944 года и свиты Ольги, нанесшей визит в Константинополь, числом 22 представляли интересы 22 «городских и одновременно крупных административных центров»[3].

Для историка, владеющего не только письменными, но и археологическими источниками, такое понимание летописных свидетельств кажется естественным и единственно возможным. Ведь посольства в Константинополь снаряжались киевскими князьями после военных походов, а поэтому определенно должны были иметь такое же представительство, какое было и в военных акциях. Невозможно представить, чтобы для походов привлекались силы многих восточнославянских племенных объединений (полян, северян, древлян, кривичей, словен, тиверцев и др.), а при заключении мирных договоров их интересы никто не представлял.

А. В. Назаренко, посвятивший этим свидетельствам летописи специальное исследование, фактически вернулся к объяснениям, предложенным еще С. М. Соловьевым. При этом отказал в аутентичности уточнению «по тем бо градам седяху велиции князи, под Олгом сущее»[4], завершающему список

---

[1] Подробнее об этом см.: *Назаренко А. В.* Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X века: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света : материалы междунар. конф. СПб., 2009. С. 411–425. (Труды Государственного Эрмитажа. XLIX).

[2] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Київ, 1994. Т. 1. С. 423–425.

[3] *Литаврин Г. Г.* Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора // Византийские очерки : Тр. сов. ученых к XVI Междунар. конгр. византинистов. М., 1982. С. 82.

[4] Повесть временных лет. С. 17.

городов. Ему кажется, что это разъяснение летописца начала XII века, который не мог представить себе никакой другой уместной для князя позиции, кроме стола в том или ином «граде»[1].

К сожалению, это сомнение не подкреплено какими-либо аргументами. Скажем, хотя бы тем, что в источниках известен прецедент, когда все «княжье» земли сосредоточивалось в одном городе. Ссылка на авторитет А. Е. Преснякова, что в «древнейшее — Игорево время семья княжая сидит, по-видимому, нераздельно в Киеве», неубедительна, поскольку это не источник, а тоже мнение. К тому же мы не располагаем какими-либо документальными данными, которые бы свидетельствовали, что семья Игоря состояла, кроме Ольги и Святослава, также из многочисленного «княжья».

В связи с этим основной вывод А. В. Назаренко, что «князья под Ольгом сущее» и «всякое княжье» — это «довольно многочисленный кровнородственный коллектив, княжеский род в широком смысле слова», корпоративность владения которого выражалась в том числе в совместном пребывании в общей столице[2], подтвердить нечем. Из текста договоров это никак не следует[3]. Наоборот, свидетельства о том, что это «княжье» находилось во власти Олега — «под Олгом сущее», или «под его рукою», к тому же представляло не только киевский княжеский род, но и «всѣхъ людий Рускои земли», а греческая дань распределялась между древнейшими городами (даже если их было меньше, чем перечислено в летописи), указывают на то, что русские посольства действительно представляли интересы всех административно-территориальных единиц, подвластных или временно подконтрольных Киеву.

---

[1] *Назаренко А. В.* Указ. соч. С. 413.

[2] Там же. С. 418.

[3] Во время дискуссии на международной конференции в Институте всеобщей истории РАН 29 октября 2012 года А. В. Назаренко призвал своих оппонентов внимательно анализировать византийские источники, в частности произведения Константина Багрянородного. Однако даже самое внимательное чтение византийского автора не может приблизить нас к пониманию того, кто скрывается под определением «всякое княжье» договора 944 года. У Константина об этом ничего не сказано. Лучше все же тщательно проанализировать русскую летопись, в которой присутствует имя одного из этих «всяких» князей. Это древлянский князь Мал.

Отказывая послам в широком поземельном представительстве, А. В. Назаренко неожиданно предположил, что таковыми следует считать «гостьев»[1]. Но эта интересная мысль, по существу, опровергает его же собственный вывод об исключительно киевском составе посольств. Если города и земли могли быть представлены купцами, то почему не могли послами? Тем более что в договоре 944 года, где упомянуты послы и гости («съли и гостье»)[2], они не разделены по этим двум категориям и скорее всего совмещали в себе обе функции.

И, конечно же, у нас нет оснований видеть во всяком княжье исключительно членов семейства Рюриковичей. Если исходить из свидетельств русской летописи — а других источников о семействе первых киевских князей северного происхождения у нас нет, — то говорить о Рюриковичах во множественном числе до конца IX — первой половины X века вообще не приходится. Рюриковичем был Игорь. К этому роду, возможно (но не обязательно), принадлежал Олег, укорявший Аскольда и Дира в их некняжеском происхождении и рекомендовавший таковым себя («но азъ есмь роду княжа»)[3]. Но это и все Рюриковичи, которые утвердились в Киеве. Большая кровнородственная семья из них явно не получается, даже в широком смысле слова.

Против расширительного понимания киевского семейства Рюриковичей конца IX — первой половины X века как многочисленного кровнородственного коллектива свидетельствует и тот факт, что ни один из предполагаемых его представителей не заменил собой кого-либо из племенных князей. Первыми Рюриковичами, посаженными на земельные столы, были сыновья Святослава[4].

Не убежден, что нам стоит слишком концентрировать свое внимание на виртуальном, когда имеем столько реальных сви-

---

[1] *Назаренко А. В.* Указ. соч. С. 422.

[2] Повесть временных лет. С. 23.

[3] Там же. С. 14.

[4] Согласно Константину Багрянородному, в Новгороде при Игоре княжил Святослав. Из наших летописей это не следует. Скорее всего, в реальности этого и не было, ибо трудно представить в роли князя-наместника двух- или трехлетнего ребенка. К тому же, согласно летописи, он в это время находился в Киеве.

детельств о характере и структуре восточнославянской власти накануне и в первые десятилетия утверждения на Руси варяжских князей. Наглядное представление об этом дает пространный летописный рассказ о взаимоотношениях князя Игоря и княгини Ольги с древлянами.

Конфликт между Киевом и Искоростенем возник из-за неупорядоченных даннических отношений. Древляне требовали установления нормированной дани и сохранения автономии своей земли, а Киев стремился устранить местную администрацию и заменить ее киевской.

Из статьи 945 года явствует, что древляне, вопреки не очень благосклонному представлению их киевским летописцем, в социально-политическом отношении ничем не отличались от полян. У них был свой князь, лучшие или нарочитые мужи, дружина, вече, то есть все те институты, которые характеризуют раннегосударственную форму общественной жизни. Причем сложились они задолго до середины X века. Это видно из речи древлянских послов, обращенной к Ольге. В ней говорится не только о нынешнем древлянском князе Мале, но также о его предшественниках, которые обустроили Древлянскую землю. «А наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьскую землю»[1].

Центральным или стольным городом Древлянской земли был Искоростень. Однако это не единственное городское средоточие древлян, имелись и другие, о чем свидетельствует летописная статья 946 года. После неудачного сражения с киевской дружиной, водимой Ольгой и Святославом, древляне отступили в свои «грады» и закрылись в них: «Древляне же побѣгоша и затворишася в градѣхъ своихъ»[2]. О градах во множественном числе говорит и Ольга в своем послании к осажденным искоростенцам: «А вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань»[3].

---

[1] Повесть временных лет. С. 27. Думается, спор о том, кого следует понимать под «нашими князьями», лишен предметности. Конечно, это предшественники Мала, а не его современники. Вряд ли можно предположить, что в середине X века у древлян было много князей.

[2] Там же. С. 28.

[3] Там же.

Археологические исследования последних лет, выполненные Б. А. Звиздецким, показали, что как город Искоростень ничем не уступал Киеву. Имел двухчастную планировочную структуру, располагал мощными укреплениями, имел достаточно богатую материальную культуру, развитые ремесло и торговлю. Найденные в нем золотые и серебряные височные кольца находят ближайшие аналоги в древностях Великой Моравии, Венгрии и Малой Польши, железные фибулы и серебряные гарнитурные бляхи — в Балтийском регионе, серебряные диргемы — на Арабском Востоке, предметы вооружения — в Средней и Северной Европе[1]. Все эти вещи обнаружены под слоем пожарища 945 года, следовательно, их верхние даты не выходят за пределы первой половины X века.

Взятием и сожжением Искоростеня Ольга определила новый статус Древлянской земли в административно-территориальной структуре Киевского государства. С автономией было покончено. Местная администрация была пленена и уничтожена: «Старѣйшины же града изънима, и прочая люди овых избы»[2]. Ее место заняла киевская. Система взимания дани была упорядочена, но ее размеры стали еще больше, чем это было при Игоре. Кроме того, в Древлянской земле появились опорные пункты киевской власти: «И иде Вольга по Деревьстѣй земли с сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; и суть становища еѣ и ловища»[3].

Летописный рассказ о драматических взаимоотношениях Киева с Искоростенем в середине X века позволяет утверждать, что точно такими же они были и с другими восточнославянскими административно-политическими центрами[4].

В свое время А. Е. Пресняков полагал, что древнерусские волости появились постепенно, уже на глазах истории, и не представляли собой наследия «докняжеских» времен. Они

---

[1] *Звіздецький Б. А., Петраускас А. В., Польчуй В. І.* Нові дослідження стародавнього Іскоростеня. Сб. Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 51–86.

[2] Повесть временных лет. С. 29.

[3] Там же.

[4] *Толочко П. П.* Киев и Искоростень в середине X века // Київ і Русь. Вибрані твори 1998–2008 рр. Київ, 2008. С. 69–74.

явились на развалинах племенного быта, «не из него выросли, а его разрушили»[1]. Подобное утверждал и С. В. Юшков, считавший, что крупная феодальная сеньория Киевской державы возникла на развалинах племенных княжений[2]. Сторонники такого взгляда на начало древнерусской государственности есть и в наше время.

Наверное, летописные известия о противостоянии племенных княжений и варяжской княжеской власти Киева дают основания для таких выводов. Внешне это действительно выглядело как отрицание наследия племенного этапа и создание нового строя власти. Известно ведь, что «примучивание» восточнославянских племен сопровождалось истреблением их князей и сожжением административно-политических центров. Археологические исследования укрепленных «градов» VII–IX веков обнаружили практически повсеместно мощные слои пожарищ, которые как бы разделили их жизнь на два этапа — племенной и киево-русский[3].

И тем не менее у нас нет оснований отрицать естественную преемственность этих двух периодов отечественной истории. Изучение процессов формирования старейших древнерусских городов показывает, что практически все они имеют культурные слои третьей четверти I тысячелетия. Их социальное и общественно-политическое значение как племенных средоточий не пресеклось и на следующем этапе развития. Только теперь они стали стольными городами уделов, а Киев — столицей объединенной Руси.

Все это в полной мере справедливо и в отношении новых городов, которые строились княжеской властью на не обжитых ранее местах. Речь идет о необжитости конкретных топографических точек, но не территорий, где они основывались. Новый Искоростень, к примеру, был сооружен не более чем в километре от старого. И с тем же названием. Этот и другие подобные примеры свидетельствуют, что города, строившиеся княжеской властью, накладывались на сформировавшуюся

---

[1] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. С. 62, 93.

[2] *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. ; Л., 1939. С. 172.

[3] *Толочко П. П.* Древнерусский феодальный город. С. 61–69.

до них социальную округу. По сути, на княжеском этапе и племенная территориальная структура не претерпела особых изменений. Она естественным образом трансформировалась в удельную.

Из сказанного следует, что мы не должны исключать «племенной» этап в жизни восточных славян из эволюции их государственности, равно как и начинать политическую историю Древней Руси лишь с прихода варягов, что имеет место в наше время. И даже сопровождается поиском первой русской столицы где-то на севере восточнославянского мира — в Старой Ладоге или Новгороде. Это контрпродуктивное занятие как в научном, так и в общественно-политическом смысле. Мы в лучшем случае определим административно-политические средоточия отдельных восточнославянских межплеменных объединений. При этом, если не будем прибегать к насилию над источниками, придем к выводу, что все они в социальном плане явления одного порядка. Ни один существенно не старше другого и политически не значимее. Ладога и Новгород на севере — такие же локальные центры роста ранней государственности, как Киев и Искоростень на юге или Полоцк на северо-западе. И ни один из этих городов не может рассматриваться в 860-х годах как столица Руси.

Общая столица для всех восточных славян появилась тогда, когда север и юг восточнославянского мира объединились в общее государственное образование. Столицей в 882 году стал Киев, в котором утвердилась варяжская по происхождению княжеская династия. И хотя появление названия «Русская земля» в летописи приурочивается к началу царствования императора Михаила III[1], числа в ней положены не от княжения Рюрика или Аскольда, но от княжения Олега. «А от перваго лѣта Михаилова до первого лѣта Олгова, рускаго князя, лѣт 29»[2]. Несомненно, летописцы осознавали, что только с этого события и следует отсчитывать историю восточнославянского государства с центром в Киеве.

[1] Реальнее относить это событие к 860 году, когда Русь заявила о себе мощным нападением на столицу Византии.

[2] Повесть временных лет. С. 12.

В заключение хотелось бы сделать образное сравнение. Представьте себе большое дерево, которое пустило корни глубоко в землю. Корни — это те восточнославянские племена, которые питали это древо жизни. Ствол — Древняя Русь с IX по XIII век, до разгрома ее монголами, а три его ветви — это три восточнославянских народа: русские, украинцы и белорусы. Сейчас, как вы знаете, украинцы с чего-то решили, что им больше по душе друзья на Западе, чем на Востоке, отвергнув общую историю и забыв, что именно восточные славяне, русские не раз спасали их от крупных неприятностей. Думаю, что это затмение не продлится долго, надеюсь, на вашей памяти все восстановится, потому что это противоестественно, когда древо славянской жизни, разветвляясь, отрывается от своих корней, своей истории, своих традиций.

Вопросы и ответы

Александр АГЕЕВ, I курс, факультет искусств: — *Уважаемый Петр Петрович, по одной из теорий, варяги — это название групп населения некоторых норвежских земель, которые были наемниками, захватывающими территории. Как это укладывается в Вашу теорию или, напротив, опровергается ею?*

— Вообще у нас есть несколько разных теорий, в том числе и такая. Но точно известно, что это были северные народы, пришельцы с севера. Это в большей мере шведы и датчане, и Рюрик как историческая личность немножечко не совпадает с нашим Рюриком. Рерик Ютландский много лет служил полководцем Франкской империи и вплоть до 863 года был там на ведущих военных ролях. Но тот ли Рюрик пришел к нам, неизвестно. Мы думаем, что, может быть, и другой. В среде западных славян, в северно-германском поморье жили ободриты, вагры, и там был город Рерик. И есть теория, что, может быть, к нам пришел не тот исторически известный франкский кондотьер, а Рюрик из города Рерика. В Средневековье бывало, что по названиям городов именовали воинов и полководцев.

Так что, в общем, это тоже не исключено. Но, конечно, варяги — это северные народы, и они четко отождествляются с норманнами, шведами, датчанами и пр. Так что это все непросто. Еще в XIX веке существовало название «варязе», в переводе — впереди идущие, путешествующие. Но это не относится к делу. Варяги — это название конкретных народов.

Н. В. БУРОВ: — *Петр Петрович, а ведь до сих пор в Восточной Померании, в этой части Германии, есть старые городки с вполне русскими именами — Петров, Бартов, Буров. Как Вы это можете объяснить?*

— Дело в том, что это не русские имена, а славянские. И мы знаем, что до реки Травы на севере Германии был западнославянский лимес. И название реки Трава пошло от травы, и Свентина — святая речка, и много населенных пунктов названы славянскими именами. И город Старигард, в раскопках которого лет шесть назад я участвовал вместе с немецкими коллегами, — это центр славянского племени ободритов, бодричей или вагров. Поэтому славянский мир выходил в северную Прибалтику. Польские славяне тоже прильнули к Прибалтике и очень рано соприкоснулись с миром балтийских норманнов, северного народа балтийского поморья. Многие полагают, что еще до прихода на берега Днепра эти северные пришельцы уже наполовину были славянами. Они подозрительно быстро интегрировались в восточнославянский мир, никаких проблем не испытывали, потому что прошли через западнославянский фильтр.

Александр БЕЛЯЕВ, I курс, факультет искусств: — *Правда ли, что славянские летописи впервые стали изучать в Германии?*

— Это действительно так. Первыми учеными, которые начали читать наши летописи, в том числе «Повесть временных лет», были в основном немцы, в частности Шлецер. И, конечно, им очень нравилась теория о том, что пришли варяги

в какой-то славянский мир, не обустроенный и дикий, и навели там порядок. Она до сих пор еще бытует в среде западно-немецких и части норманнских ученых. Первыми, кто выступил против этой теории, были Ломоносов, Гедеонов и некоторые другие российские ученые. В самом начале рождения норманнской теории появилась и теория местного происхождения. Тогда говорили, что это из патриотических побуждений. Но непонятно, почему по каким-то причинам можно утверждать, что нам все принесли, а нам самим нельзя думать, что у нас было все свое. Эта борьба норманистов и антинорманистов продолжалась практически до последнего времени. Сейчас она отчасти потеряла остроту, потому что мы имеем такие убедительные данные.

Для Миллера, Шлецера и других западных ученых восточные славяне были некой виртуальной реальностью. Но когда археологи раскопали эти материалы и оказалось, что восточные славяне до варягов жили не хуже, чем с ними, то восточнославянский мир стал представляться совершенно по-другому. И сегодня мы можем опереться на факты. Но в последнее время для нас всех стало как-то почетно, что наша отечественная история начинается с варягов. Мы как бы приобщены к Европе, в которую стремимся, по крайней мере у нас на Украине. Однако и в России есть такая тенденция. Поэтому уже не считается чем-то зазорным начинать отечественную историю с призвания варяжских князей — и указы, и памятники, и все остальное. Но по большому счету все начиналось с тех городков и княжений VI–VIII веков, о которых я только что рассказывал.

Ирина ЯКУШЕВА, I курс, факультет конфликтологии: — *Вы сказали, что если мы обратимся к византийским и арабским источникам X века, то сможем заметить, что Черное море называется Русским. Хотелось бы уточнить, что это за источники?*

— Их много. Самый главный — труды Ибн-Хордадбэха, историка IX века, который больше всех писал о славянах.

Он называл русов подразделением славян, которые торгуют и возят товары в самые дальние страны. Еще есть Ибн аль-Факих, Ибн Русте и многие другие. Все это есть в моей книге «Откуда пошла Руская земля», которая теперь будет в вашей университетской библиотеке, вы сможете взять ее и обо всем этом прочитать.

Н. В. БУРОВ: — *Разрешите реплику. История русского профессионального театра отсчитывается от года, следующего за годом создания Московского государственного университета. Мы знаем точную дату учреждения театра из указов, подписанных Елизаветой Петровной. Так вот самая первая пьеса, премьера, можно сказать, открытие русского профессионального театра, была как раз на эту тему. Это была трагедия Сумарокова «Синав и Трувор». Если подвернется под руку, почитайте, это интересно. Во-первых, другой язык, язык XVIII века, еще задолго до Пушкина; во-вторых, любопытный взгляд на историю — наивный, трогательный, слезливый, но в духе XVIII века. Можно ощутить аромат эпохи.*

— Первым историком для нас, старших поколений, был Николай Михайлович Карамзин. Он написал многотомную «Историю государства Российского», при этом пользовался летописными источниками — восточными и европейскими. Это был очень образованный человек, но изложил историю доступным языком для всеобщего чтения. В начале XIX века этим изданием все восхищались, Александр Сергеевич Пушкин тоже был в восторге. Тогда Николая Михайловича Карамзина называли Колумбом русской истории. Как Колумб открыл Америку, так Карамзин открыл историю Руси, историю восточных славян. Хотя до Карамзина был Татищев, написавший «Историю Российскую», но эта работа академическая, сложная, язык приближен к летописному. Читать ее могли только специалисты. А Карамзин, можно сказать, открыл нам историю.

Кстати, в этом году исполняется 250 лет со дня рождения Николая Михайловича Карамзина. Это был потрясаю-

щий историограф. Он много путешествовал по Европе. Задавался вопросом: «Что есть Родина?» и отвечал: «Родина — это не территория, не красивые пейзажи, а пленительные воспоминания». Когда он обратился к истории Нестора и показал ее согражданам, это по существу и были его пленительные воспоминания о нашей прошлой героической жизни. И кем бы мы ни были, где бы мы ни оказались, конечно, эти пленительные воспоминания всегда будут питать и наш патриотизм, и нашу гражданственность, и гордость. Я, как представитель старшего поколения, хочу сказать, что хотя наша большая Родина была несовершенной, у меня о ней тоже остались пленительные воспоминания.

Полина ШЕМЯКИНА, I курс, факультет конфликтологии: — *Как Вы считаете, все-таки Крым — это Россия или Украина?*

— Вопрос сложный. Нужно дать такой ответ, чтобы удовлетворить одних и не обидеть других. Я вам так скажу: генетически Крым — это и не Украина, и не Россия, а административно-политически — все-таки Россия. Россия присоединила эту территорию в конце XVIII века по договору с Крымским ханством, и с тех давних пор Крым входил в состав России. Там стоял черноморский флот, как известно, Севастополь — гордость русских моряков. А в 1954 году, когда праздновалось 300-летие Переяславской рады, Н. С. Хрущев, не знаю из каких соображений, административно передал Крым в состав Украины. Тогда это происходило в рамках единого Советского Союза и не считалось, что Россия потеряла эту территорию. А после распада СССР оказалось, что Крым остался в составе Украины, а не России. Хотя, как уверяют осведомленные люди, Ельцин мог его спокойно «взять» еще тогда, в Беловежской Пуще. Но Борис Николаевич был человеком широкой души — берите, что хотите. Ему лишь бы поцарствовать.

Сейчас Крым снова стал российским. На Украине относительно Крыма преобладает термин «аннексия» Крыма.

Но если считать, что это все же было волеизъявление крымского народа, то было бы не вполне корректно говорить об аннексии. Я, как украинец, жалею, что Крым ушел от нас. И тем национал-патриотам, с которыми дискутирую, говорю: «Ребята, хорошо, вы патриоты, а я нет, но если бы я был президентом, то и Крым бы наш был, и в Донбассе бы войны не было». Ведь чего хотели эти люди? Говорить на русском языке и иметь экономическую самостоятельность. Ну получил бы Донбасс автономию в конституционных рамках — что в этом страшного? Сказали бы им: лишь бы вы были законопослушными гражданами Украины, и все. Нет, наши молодые «послемайданные» революционеры в раже своем — всех к ногтю, всех через колено. Люди испугались. И крымчане быстренько сообразили, да и Россия подсуетилась. А в Донбассе началось восстание, которое продолжается до сих пор. Это, в общем, наша трагедия. И она, конечно, накладывает отпечаток на наши отношения. Ну что сделаешь. «Маємо те, що маємо», — сказал наш первый президент Кравчук.

Екатерина КОВАЛЬЧУК, I курс, факультет искусств: — *Какую веру в основном исповедовали славяне до появления христианства? Только ли язычество?*

— В каждом городке существовало языческое капище, совершались жертвоприношения, в том числе человеческие. Как пишет летописец, в Киеве после 983 года, когда убили христиан Федора и Иоанна: «И осквернися земля Руская кровью и холм тот», холм — это старокиевская гора над Днепром. Есть теория, что с принятием христианства мы потеряли свою восточнославянскую идентичность. Но ведь это путь всех народов, по крайней мере европейских, — через язычество к христианству. Другие пришли к мусульманству и прочим религиям. Вся Европа ушла от язычества и приняла монотеистическую религию — христианство. Мы — в ее византийской, православной редакции, западные страны — в римской, католической. Но, конечно, это был шаг вперед. Нельзя держаться за старое, когда оно уже отжило.

В IX веке жертвоприношение уже было нонсенсом, потому что пресвященная Византия демонстрировала миру потрясающую христианскую культуру, науку, просвещение, экономику. Так что если бы Русь дольше задержалась в языческом состоянии, она бы, конечно, сильно отстала от Европы. Прибалтика немного задержалась, и, в общем, там ничего путного не получилось. А Русь, приняв христианство, вошла в Византийское содружество наций, и Константинополь на Руси стал называться Царьград — «царский город». Русские князья как бы негласно приняли верховенство византийского императора. Название «Царьград» означало, что наш царь — в Константинополе, откуда присылали митрополита Киевского и всея Руси, а нередко и епископов. И на русскую землю пришло просвещение — литература, письменность, роскошная архитектура, искусство мозаики, фрески, стекловарения: и иконные стекла, и браслеты. Конечно, для Руси это был большой рывок, и мы не должны сегодня оплакивать то, что произошло в 988 году. Это было событие чрезвычайной важности для всех восточных славян.

Сегодня на Украине есть приверженцы язычества, которые называют христианство религией чужой, чужеродной, говорят, что ее навязали евреи и подсунули нам Иисуса Христа. Это течение называется РУН-вира, то есть Родная украинская народная вера. Но его приверженцы — не более чем оригиналы, которые пытаются чем-то выделиться.

Как я сказал, принятие христианства было закономерным этапом развития всей Европы. Во времена Киевской Руси благодаря тому, что страна приняла христианство и вошла в Византийское содружество наций, она была не хуже любой европейской страны. Это была развитая страна, очень крупная — 1,5 млн квадратных километров территории. При Ярославе Мудром многие европейские монаршие дома считали за честь породниться с Киевом. Дочери правителя были выданы замуж за королей Венгрии, Франции, Норвегии, а сыновья женились на дочерях византийских, польских, германских королей. Тогда Русь играла значительную роль на международной арене. Так что не стоит жалеть о язычестве.

9. «НАС ЖДЕТ ТО, ЧТО МЫ СДЕЛАЕМ САМИ»[1]

Мир изначально противоречив. Его главной движущей силой являются интересы — человека, общества, государства. Они, как правило, не совпадают. Национальные интересы чаще всего не согласуются с интернациональными, причем и в тех случаях, когда то или иное государство является членом единого сообщества — европейского, евразийского или какого-либо еще. Во всех таких союзах есть лидеры, достигшие более высокого уровня экономического развития и обладающие значительно большими военными возможностями. Именно они определяют содержательные смыслы союзов — политические, экономические, военные и др.

Они и есть главные выгодополучатели в этих союзах, что не всегда безропотно принимается остальными. Одни члены таких союзов задумываются над целесообразностью своего участия в них, другие и вовсе намерены покинуть их, как, например, Великобритания, народ которой высказался за выход своей страны из Европейского союза. Аналогичные процессы характерны и для Евразийского сообщества, члены которого, в том числе потенциальные, постоянно озабочены тем, как бы не оказаться в сильной зависимости от России, несомненного интеграционного лидера на постсоветском пространстве. Наиболее заметно это в отношениях России и Беларуси, которые никак не могут достигнуть разумного уровня цен на энергоносители, а также таможенной прозрачности на внешней границе.

Какие бы идеальные декларации или договоры ни лежали в основе таких союзов, они не в состоянии обеспечить в них всеобщую справедливость. В реальности приоритет всегда остается не за общими интересами, а за национальными. Как гласит народная мудрость, «своя рубашка ближе к телу».

---

[1] Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 189–191. (Эта простая истина была четко сформулирована Д. С. Лихачевым. См.: Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. СПб. : СПбГУП, 2007.)

Неизмеримо бо́льшие противоречия возникают между отдельными экономическими и военно-политическими союзами. Наглядным примером являются отношения Евросоюза (по сути контролируемого Соединенными Штатами), с одной стороны, и Евразийского сообщества во главе с Россией — с другой. Противоречия эти давние, сформировавшиеся еще во времена существования Советского Союза. Они были порождены, как уверяли западные политические и государственные деятели, органическим неприятием ими социалистической системы, советского общественного строя. Казалось, исчезни этот принципиальный раздражитель — и путь к взаимопониманию между Западом и Востоком будет открыт. Действительность не оправдала этих надежд. Прошло более 25 лет с тех пор, как обрушилась социалистическая система во главе с Советским Союзом и милый сердцу старой Европы и США капитализм вернулся в Россию, но отношение Запада к ней принципиально не изменилось. Может, стало еще более жестким, о чем свидетельствует усиление и расширение Североатлантического альянса — НАТО. Теперь его воинские подразделения и базы размещаются уже в непосредственной близости от границ России.

А ведь еще сравнительно недавно, после ликвидации Варшавского военного блока, многим казалось, что такая же участь постигнет и НАТО. Он в новых условиях стал анахронизмом, оставшимся со времен холодной войны между Западом и Советским Союзом. Ожидания оказались напрасными. С холодной войной и ее атрибутами простился только Восток, Запад же остался ее приверженцем, тем самым подтвердив, что его противостояние с Россией не зависит от общественного строя. Оно более глубокое, в том числе цивилизационное, вызванное традиционными противоречиями между римско-католическим и православным мирами. В Новое время, когда религиозный фактор перестал играть определяющую роль в европейской политической жизни, это больше исторический стереотип, но он оказался на удивление живучим.

Аналогичные противоречия имеют место и в других цивилизационных общностях. Нет мира под «исламскими оливами».

Традиционно враждуют между собой сунниты и шииты. В Новое время этот перманентно тлеющий конфликт был разожжен брутальным вторжением в традиционную мусульманскую жизнь западных цивилизаторов. В результате мир получил террористическую организацию «Исламское государство», терзающую народы Ближнего Востока и Северной Африки. Получил также и миллионы беженцев, хлынувших в Европу и создавших реальную угрозу ее внутренней стабильности.

Будет ли грядущий мир более спокойным? Хотелось бы на это надеяться. Но, исходя из того, что будущее, по крайней мере ближайшее, создается уже сегодня, причем в значительной мере политическими деятелями из прошлого, рассчитывать на его принципиальное отличие от настоящего вряд ли правомерно. Было бы неплохо, если бы удалось хотя бы прекратить погружение в состояние новой холодной войны, что имело место в течение всего времени президентства в США Барака Хусейна Обамы.

Некоторые признаки потепления действительно появляются. Их можно увидеть, в частности, в новых политических лидерах Запада. Вновь избранный президент США Дональд Трамп во время выборной кампании неоднократно заявлял, что он надеется на взаимопонимание с президентом России Владимиром Путиным, особенно в том, что касается усилий по борьбе с мировым терроризмом. Не в восторге он и от санкционной политики Запада, которая взаимно разрушительна, а также от деятельности НАТО. В интервью немецкой и британской прессе за четыре дня до инаугурации Трамп сказал, что НАТО является анахронизмом в нынешних условиях и нуждается в реформировании. Разумеется, реальность не всегда соответствует пожеланиям и намерениям, но, учитывая деловую прагматичность Трампа, можно надеяться, что в своих заявлениях он был искренен.

Обнадеживающие сигналы идут и из Франции. Судя по всему, президента Франсуа Олланда, послушного воле США, сменит более самостоятельный политик. Хорошие шансы у известного государственного деятеля социалиста Франсуа Фийона. По мнению бывшего президента Франции Саркози, поддер-

жавшего кандидатуру Фийона, такой выбор был бы не худшим для Кремля. Но и для Европы — определенно тоже, так как от продолжения противостояния с Россией ничего хорошего ее не ждет. Так можно дойти и до открытого конфликта. Первым шагом в налаживании отношений Запада с Россией, по мнению Фийона, должна быть отмена санкций. С близких позиций проводит предвыборную кампанию и правонационалистический политик Марин Ле Пен, известная своей лояльностью к России.

Относительно смены лидера в ФРГ оптимизма меньше, хотя, учитывая ведущую роль этой страны в Европе и то, что канцлер Ангела Меркель была наиболее последовательным адептом конфронтационной международной политики президента США Барака Обамы, ее уход был бы крайне желателен — прежде всего для Европы, но также и для самой Германии, которая устала от миллионов мигрантов с Ближнего Востока и севера Африки, любезно приглашенных Меркель. Трудно сказать, найдется ли в нынешних политических кругах Германии человек, способный бросить вызов Меркель, но совершенно очевидно, что она для завоевания очередного канцлерского приза вынуждена будет изменить свою риторику, да и реальную политику, вероятно, тоже, особенно по отношению к мигрантам. Если этого не случится, то хаос Ближнего Востока, перетекающий с одобрения Меркель в Германию, окажется роковым для обоих.

Определенные перемены в риторике высокопоставленных государственных чиновников происходят и в Великобритании, которая традиционно отличается своей антироссийской политикой. Министр иностранных дел Борис Джонсон после визита в США и консультаций с окружением президента Трампа неожиданно заявил, что, наверное, хватит демонизировать Россию.

Выражаясь фигурально, на мировом политическом небосклоне действительно стали появляться «голуби разрядки». Разумеется, не сами по себе, а под влиянием общественного мнения. Люди устали от бесконечного нагнетания напряженности, от войн, ведущихся на Ближнем Востоке, в Афганистане,

на севере Африки, устали от гражданских конфликтов, сдетонированных этими войнами. Устали также от навязчивой идеи Запада принести другим народам свободу и демократию. Они хотят жить в традиционном для них мире, стабильном и предсказуемом.

Все это дает некоторую надежду на лучшее будущее. К сожалению, только некоторую. Голуби появляются, но ведь и ястребы никуда не делись. Американские, в лице уходящего президента Обамы и его администрации, только за последние месяцы своего правления ухитрились предпринять столько враждебных по отношению к России действий, что другим их хватило бы на десятилетия. Здесь и однозначная оценка России как врага США, угрожающего их интересам, и лихорадочное расширение и продление экономических и политических санкций. В этом же ряду антироссийских действий — демонстративная высылка из США тридцати пяти российских дипломатов, а также срочная отправка в Польшу американского воинского десанта численностью 3,5 тыс. человек с 80 танками и бронемашинами.

Зачем он Польше — одному Богу известно. Нападать на нее как будто никто не собирается. Россия об этом официально заявляла не раз. От Украины или Беларуси ничего подобного ожидать, понятно, не приходится. Тем не менее поляки, как демонстрировалось по телевидению, с энтузиазмом встречали заморских спасителей, видимо, полагая, что за этим воинством они будут как за каменной стеной. Конечно, это не так. В случае, не дай бог, масштабного военного конфликта Запада с Россией именно из-за этих американских защитников он не минует Польшу. Россия неизбежно будет вынуждена реагировать на эту и подобные ей провокации тем, что поставит натовские и американские военные базы в странах Центральной и Восточной Европы под ответный прицел. Стоит ли доказывать, что нагнетание военной напряженности не сделает жизнь в регионе более спокойной.

В отличие от Западной Европы, где все слышнее раздаются голоса здравого смысла, призывающие не доводить противостояние с Россией до точки кипения, страны, которые

ранее входили в состав Советского Союза или в социалистическое содружество, не скрывают своего антагонистического отношения, действуют по известной украинской пословице «не так тії пани, як підпанки». В чем-то их можно понять. Каждая имеет свой счет к России как к правопреемнице Советского Союза, с которым они связывают не лучшие страницы своей истории. О том, что именно СССР, как раньше Россия, не раз спасал их от фашистских и других завоевателей ценой жизни сотен тысяч своих сынов, стараются не вспоминать. Об этом, кажется, забыли даже «братья» болгары, обязанные России своей идентичностью и государственностью, но в критические моменты истории неизменно оказывающиеся в союзе с ее врагами.

Однако надо жить не прошлым, а настоящим и будущим. Мстительность — удел слабых, ни к чему хорошему она не приведет. Жаль, что нынешняя политическая элита упомянутых стран этого понять не может или не хочет, а их союзники — наставники в США и Брюсселе — верят в страшилки относительно захватнических намерений России. Впрочем, возможно, не просто верят, а заботливо пестуют эту геополитическую лояльность и противостояние с Москвой своих молодых союзников. За это страны Балтии, Польша, Болгария, Украина и другие получают финансовую и военную помощь, постоянную политическую поддержку.

Перед новым 2017 годом Украину и страны Балтии посетили американские сенаторы-республиканцы Джон Маккейн и Линдси Грэм, где они заверили руководство этих стран в том, что в Конгрессе США по-прежнему существует серьезная поддержка оказания им военной помощи. На Украине воинствующие сенаторы получили высокие государственные награды — ордена Свободы и Ярослава Мудрого. Как отметил президент Петр Порошенко, «за персональный вклад в укрепление отношений Украины и США». 16 января 2017 года, за четыре дня до прекращения своих полномочий, Украину посетил вице-президент США Джо Байден, некогда в шутку заявивший, что с президентом Украины он встречается и перезванивается чаще, чем со своей женой. И на этот раз он твердо

заверил киевские власти в поддержке борьбы Украины за независимость и территориальную целостность. Правда, как считают осведомленные аналитики, смысл этого визита состоял больше в том, чтобы поблагодарить Порошенко за содействие бизнес-интересам на Украине Байдена-младшего.

Все эти лихорадочные действия уходящей администрации президента Обамы имели двухадресную направленность — разумеется, против России, но одновременно и против президента Трампа, чтобы усложнить ему жизнь, не допустить или хотя бы максимально затруднить нормализацию отношений с Россией. Мелочные предшественники создали на этом пути немыслимые завалы, к тому же заручились поддержкой законодательной власти — демократической определенно, но и республиканской тоже. Неслучайно члены команды нового президента — будущие государственный секретарь, кавалер российского ордена Дружбы Рекс Тиллерсон и министр обороны Джеймс Мэттис, проходившие утверждение в Конгрессе и Сенате, были вынуждены говорить, что Россия угрожает интересам США и является их основным противником. Разумеется, это в большей мере политес, рассчитанный на благосклонное отношение сенаторов, но оглядка на Конгресс и Сенат будет сопровождать и их практическую деятельность. С мнением законодательной власти вынужден будет считаться и президент Трамп, чтобы не подвергать себя угрозе импичмента.

Европейский политический истеблишмент будет не меньше американских консерваторов противиться улучшению американо-российских отношений, особенно в странах бывшего социалистического содружества и постсоветских. И, конечно, не столько из-за российской угрозы, мифичность которой они, надо полагать, осознают, сколько из-за опасения потерять помощь богатого Запада, которую они регулярно получают в условиях вражды между США, странами НАТО и Россией. Об этом вполне откровенно заявил министр иностранных дел Польши Витольд Ващиковский: «Нельзя критиковать кого-то, кто хочет улучшить отношения с Россией. Мы соседи России и тоже хотим этого. Вот наше послание американцам: нам это нравится, но только не за наш счет».

Определенно, так скажут и в остальных странах, получающих от США и ЕС финансовую и военную помощь. Несомненно, в сказанном польским министром больше лукавства, чем искренности. Он не может не понимать, что именно этот «польский счет», в том числе в виде 3,5-тысячной американской военной бригады с 80 танками и бронемашинами у границ России является реальным препятствием на пути к улучшению международной обстановки. Такие же «счета» имеются в странах Балтии, в Болгарии, Румынии, на Украине. И до тех пор пока они будут щедро оплачиваться США и ЕС, надеяться на добрососедские отношения этих стран с Россией не приходится.

Отчетливые признаки здравомыслия были продемонстрированы в статье редактора американского сайта «National Interest» Роберта Мерри «Перестаньте дразнить медведя» от 24 декабря 2016 года. Есть предположение, что она лишь пересказала план Генри Киссинджера (давнего сторонника разрядки) по нормализации отношений между США и Россией, разработанный для президента Дональда Трампа. Как полагает автор, в нем дан сигнал миру срочно «переобуваться». Завтра США и Россия перестанут быть врагами, и те, кто не успеет это понять, могут пожалеть.

Определенно, все надежды на будущее связаны с тем, чтобы США и Россия перестали быть врагами, как это имело место в годы правления администрации Обамы. Полагать, что они станут друзьями, видимо, было бы неоправданным оптимизмом. Между великими странами идиллических отношений не бывает. Но миру достаточно и того, чтобы две ядерные державы не враждовали между собой. От этого всем на земле станет спокойнее.

10. КУЛЬТУРА РУСИ X–XIII ВЕКОВ[1]

Дорогие студенты!

Сегодня по просьбе ректора Вашего университета А. С. Запесоцкого мы поговорим о культуре Руси X–XIII веков. Огромное Древнерусское государство — Русская земля (или Русь, как она называлась в летописях) — раскинулось от новгородского Севера до киевского Юга и от Волго-Окского междуречья до Карпат. Управляли им князья династии Рюриковичей. Сначала их власть сосредоточивалась в Ладоге, Новгороде и Киеве, а затем, во времена Владимира Святославича (980–1015), распространилась на все восточнославянские земли. Постепенно число «багрянородных принцев», мечтавших занять великокняжеский стол Киева, увеличилось до нескольких десятков, что стало важнейшей скрепой государственного единства страны. Князья были не только «единого деда внуками», но также сватьями, шуринами, зятьями, тестями. Разумеется, это порождало внутрисемейные противоречия и даже конфликты, но никогда не приводило к отчуждению. Все они смотрели на Русь как на свое родовое наследие. Когда Мономаховичи заявили черниговским Ольговичам, что имеют особое право на Киев, те его не признали, заявив: «Мы есмь не угры и не ляхове, но единого деда есмь ми внуки и сколько вам до Киева, столько и нам». В этом заключалась особенность древнерусского государственного устройства — все были порфирородные и все обладали равными правами на общединастическое наследие.

Говоря о культурном развитии восточных славян, мы должны отдавать себе отчет, что на раннем этапе истории Руси оно основывалось на народных языческих традициях. После принятия Владимиром Святославичем христианства в 988 году Русь познакомилась с византийской культурой, вошла в византийское содружество наций. Таким образом на восточнославянском пространстве образовалась реплика провинциально-византийской культуры. Это была культура высокого

[1] День знаний в Университете: 1 сентября 2017 года. Вып. 23. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 105–109.

уровня. Хотя сегодня на Украине, особенно в Киеве, можно услышать утверждение, что Владимир поставил не на того коня, и если бы принял христианство из Рима, то мы бы находились в семье католических стран Запада и, разумеется, на том же уровне развития.

Но история не знает сослагательного наклонения. Что касается выбора князя Владимира, то он был оптимальным. Византия являлась мировой державой, в культурном отношении превосходившей все европейские страны. Приобщение к ее достижениям придало Руси необычайно быстрый культурный прогресс в различных областях: в письменности и литературе, архитектуре, монументальном искусстве, ремесле и прочем. Можно с уверенностью утверждать, что Русь X–XIII веков относилась к числу наиболее развитых стран Европы.

Иллюстрацией необычайной грамотности древнерусского населения могут быть новгородские берестяные грамоты XI–XIII веков. Их обнаружено уже более полутора тысяч. Это договорные обязательства, долговые расписки, письма, бухгалтерские расчеты. Прочитанные и осмысленные академиком В. Л. Яниным, они обогатили историю Новгорода новыми фактами и сюжетами, не имевшими освещения в летописях.

Нет сомнения, что подобные грамоты были распространены во всех городах Руси, в том числе в Киеве. Не обнаружены они на юге Руси только потому, что культурные напластования древнерусских центров там не сохранили органику. Ни один из них не обладает консервирующей особенностью новгородских слоев. В пользу высказанного предположения свидетельствуют находки грамот в небольшом городке Галицкого княжества Звенигороде, где структура культурных слоев напоминает новгородскую. На севере, кроме Новгорода, грамоты найдены в Старой Руссе, Ярославле, Твери и других городах. Это свидетельство достаточно широкой грамотности в среде древних русичей.

Из летописей мы знаем, что на Руси уже во времена Владимира Святославича были основаны школы, в которых обучались грамоте княжеские и боярские дети. Летописцы отмечают, что мамы плакали, когда их детей забирали в эти школы.

Такие школы действовали в Киеве, Новгороде и в других городах. Известно, что Нестор Печерский научился грамоте в провинциальном городке Курске.

Ручками в то время служили так называемые писала, костяные и металлические, которыми наносились надписи на бересте, на пряслицах, корчагах, ювелирных формочках, стенах храмов. На одной из новгородских дощечек была обнаружена азбука, состоящая из 36 букв и заканчивающаяся буквой «юс малый». Лицевая сторона этой дощечки красиво оформлена резным орнаментом. Определенно, по этой азбуке дети обучались грамоте в одной из новгородских школ. Более ранняя азбука была обнаружена С. А. Высоцким на стене Софии Киевской. Она состояла из 23 греческих уставных букв и четырех славянских — Б, Ж, Ш, Щ — и, вероятно, свидетельствует о наличии школы грамоты при Софийском соборе.

Чрезвычайный интерес представляют благожелательные надписи на стенах древнерусских храмов. Их нацарапывали на стенах прихожане, молившие Бога о помощи. Содержательно они стереотипные: «Господи, помози рабу своему Василию». Наиболее изучены надписи Софийских соборов Киева и Новгорода. Сегодня в филологической среде Украины нередко можно услышать, что не было никакого общедревнерусского языка, а уже в X–XIII веках в пределах нынешней территории Украины существовал украинский язык. Доказать это нечем. Все имеющиеся в распоряжении науки факты убеждают в том, что вплоть до 40-х годов XIII века, да и позже, бытовал единый церковнославянский литературный язык.

В качестве убедительного доказательства существования староукраинского языка чаще всего приводится утверждение, что на Севере Руси были распространены окончания «у», «ю»: Ивану, Петру, а на юге, в частности в Киеве, — преимущественно «ови», «еви»: Иванови, Петрови и т. д. Действительно, в современном украинском языке больше закрепилась форма «ови»–«еви», а в русском «у», «ю», но в древности такого территориально-языкового различения не было. В надписях на стенах Софийского собора в Киеве нередки окончания на «у», «ю». «Господи, помози рабу своему Михаилу», а в над-

писях Софии Новгородской известны окончания на «ови», «еви». «Господи, помози рабу своему Васильеве». Процентное соотношение этих форм в Новгороде и Киеве примерно 50 на 50. Аналогично распределяются названные окончания и в берестяных грамотах.

Я провел эксперимент: выбрал пять надписей из Софии Киевской и пять надписей из Софии Новгородской и попросил одного украинского филолога разделить их на новгородские и киевские. Все слова с окончаниями «ови», «еви» он отнес к Киеву, а с «у», «ю» — к Новгороду, тогда как в действительности обе языковые формы равномерно присутствовали в обоих блоках надписей.

Существует много лексических примеров, когда «украинизмы» и «русизмы» нельзя строго распределить по регионам. Слово «рожь» сегодня общеупотребительно в русском языке, а «жито» — в украинском. Но если мы посмотрим на берестяные грамоты и летописи, то окажется, что обе формы использовались в разных регионах Руси, причем слово «жито» даже чаще употреблялось на севере Руси. В Лаврентьевской летописи оно употреблено не менее десяти раз, в Новгородской — около двадцати, а в Ипатьевской только два раза. Каким образом потом «жито» закрепилось в позднейшем украинском языке, а «рожь» — в русском, трудно сказать. В древнерусском языке в ходу были оба слова. Типично украинское слово «парубок» в древности также не было локализовано каким-либо одним регионом. Оно упоминается в «Повести об убийстве Андрея Боголюбского» (1175), а также в новгородских берестяных грамотах.

Подобных примеров можно приводить множество, но и названные убеждают в том, что применительно к древнерусскому времени говорить о различных восточнославянских языках невозможно. Был единый древнерусский язык, разумеется, со своими диалектными особенностями. О том, что он пережил даже Киевскую Русь, которая была разгромлена в 1230–1240-х годах, свидетельствует тот факт, что когда в XVI–XVII веках началось возрождение Руси, то и в Киеве, и в Москве учились по одной «Грамматике» Мелетия

Смотрицкого (1619). Как установил российский филолог С. Трубецкой, классический русский (сначала церковнославянский, а потом и литературный) язык скорее основывается на киевской редакции церковнославянского языка, чем на северо-восточной. Это объясняется тем, что в XVII веке многие просветители (Арсений Сатановский, Симеон Полоцкий и многие другие) из Киева переехали в Москву и привезли свой язык.

Когда я спорю с украинскими националистами, считающими, что у Украины с Россией нет общих корней, что украинцы происходят от другого корня (даже придумали мифических укров), то привожу им и этот пример. Как объяснить, каким образом в 1619 году студенты Киево-Могилянского коллегиума и Славяно-греко-латинской академии могли учиться по одному учебнику, если бы уже в это время были разные языки?

Высоко характеризует культуру Руси историческая письменность, или летописание. Это уникальное явление древнерусской истории. Ничего подобного ни в одной другой стране нет. Даже в Византии, где имели место авторские литературные произведения. Наиболее известной хроникой является «Повесть временных лет», которая окончательно сложилась в первых десятилетиях XII века в Киеве и затем стала основой поземельного летописания. В Лаврентьевском списке Повесть озаглавлена «Се повесть временных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть». В Ипатьевской летописи добавлено, что составлена она «черноризцем Феодосиевого монастыря Печерского».

До наших дней дошло много летописных сводов, написанных если и не в каждом удельном центре, то в большинстве из них. В летописях отражена и общедревнерусская история, и своя поземельная. Чрезвычайно интересны новгородские летописи, в которых рассказывается о том, что происходило в городе и земле. Очень подробно описаны неурожайные и голодные годы, отмечены наводнения и вызванные ими разрушения, мятежи черни против боярской власти и др. При чте-

нии берестяных грамот возникает ощущение, что мы слышим живые голоса новгородцев и жителей других городов, общавшихся с ними. В одной из берестяных грамот (южанин пишет северянину) написано: «Приезжай в Киев, у нас дешев хлеб», на другой стоит подпись: «Пришелец Никола из Киева».

Кроме исторической письменности на Руси сложилась и богатая литературная традиция. Когда исследователи обнаружили ее первые образцы, даже растерялись. Одно из известнейших произведений — «Слово о полку Игореве», по поводу которого ведется много дискуссий. Некоторые исследователи считали, что такое совершенное литературное произведение не могло появиться на Руси в XII веке. Исследования Д. С. Лихачева, Б. А. Рыбакова, А. А. Зализняка неоспоримо показали его историческую подлинность. В «Слове о полку Игореве» рассказывается о неудачном походе северского князя Игоря Святославича против половцев в 1185 году. Он был разгромлен, и летописец оплакивает это поражение, не очень жалуя самого Игоря. Одним из главных героев «Слова», как считал Д. С. Лихачев, является сама Русь, полная городов, рек и широких просторов. Когда русские полки вышли из лесостепи и начали продвигаться по степи в район половцев, автор воскликнул: «О Русская земля! Уже за шеломянемъ еси». Он призывает русских князей встать в «злат стремень» и защитить Русскую землю.

В XI веке митрополит Киевский Иларион, соратник Ярослава Мудрого, сочинил знаменитое «Слово о законе и благодати». Это произведение лежит, по сути, в основе нашего юридического и нравственного права. Главный вывод Илариона таков: сперва закон, а после благодать. В «Слове о законе и благодати» дана характеристика ранней Руси. Иларион пишет, что русские князья не в глухой, «неведомой стране владычествоваша, но в русской, яже ведомо и слышимо всеми четырьмя концами Земли». Тем самым он вписал Русь в пространство европейской истории. О Софийском соборе в Киеве он пишет: «Церковь дивна и славна всем окружным странам, и иная такая не обрящется во всем полунощи земном от востока до запада». «Во всем полунощи земном» — чрезвычайно важное

уточнение, потому что на юге, в Константинополе, стоял собор Святой Софии и он был величественнее Софии Киевской. А вот в широте «полунощи» ничего подобного в XI веке действительно не было.

София Киевская в современном виде отражает черты барочной архитектуры XVII–XVIII веков. Но в целом этот собор (до купольного завершения) сохранился с древнерусских времен в первозданном виде. Храм был построен Ярославом Мудрым в подражание Софии Константинопольской, правда, немного в иных формах. Собор Святой Софии в Константинополе гораздо масштабнее (построен в VI в., во времена Юстиниана). Во времена Ярослава уже не строили таких больших храмов и в самой Византии. После Софии Киевской была построена София Новгородская, по мнению петербургского историка архитектуры П. А. Раппопорта, теми же мастерами, что и Софийский собор в Киеве. Софию Киевскую строил Ярослав Мудрый, а Софию Новгородскую — его сын Владимир Ярославич. Софийский собор в Киеве был завершен в 1037 году, а Новгородская София была заложена в 1045-м.

Немногим позже был построен и третий Софийский храм — в Полоцке. Наверное, этим русские власти манифестировали полное вхождение Руси в византийское православное церковное пространство.

На главной апсиде в киевском Софийском соборе изображена Мария Оранта — защитница Руси, или, как ее называли в Средневековье, «Нерушимая Стена». Несмотря на войны, происходившие на киевской земле, разграбления во время монгольского нашествия, последующие лихолетья, апсида с мозаикой сохранилась невредимой. Мария Оранта, как утверждают специалисты, выложена из 172 оттенков золотистой смальты. Определенно, ее выполнили греческие мастера, хотя рядом с ними набирались опыта и их русские подмастерья.

Большее пространство стен Софийского собора в Киеве было покрыто фресками (роспись по сырой штукатурке естественными красителями). Среди них выделяется портретная композиция семьи Ярослава Мудрого, его дочерей и сыновей. Как предполагают, на западной стене были изображе-

ны сам Ярослав и его отец Владимир Святославич, а также жена Ярослава.

Фресковые и мозаичные росписи Софии Киевской, Софии Новгородской и других храмов — все это знаки византийской культуры, именно так в Византии украшались соборы.

Еще один пример высокого искусства мозаики являет собой храм Михайловского Златоверхого монастыря, построенный в начале XII века и разрушенный в 1930-х годах. Часть мозаик удалось спасти. Композиция «Евхаристия» из центральной апсиды была перенесена на новое основание в Софийский собор. «Евхаристия» — удивительная, не имеющая себе равных в древнерусском искусстве, мозаика. Она отличается необычайной динамичностью. Апостолы пребывают в движении: одни обращены к кресту, другие как бы переглядываются друг с другом. Мозаика «Евхаристия» имеет каноническую композицию, общая схема которой, несомненно, восходит к византийским образцам. В создании этой мозаики, согласно историкам древнерусского искусства, принимал участие знаменитый киевский художник Алипий, который в начале XII века упоминается в Патерике как искусный мастер иконописи. Другой известный киевлянин — Агапит — излечил от недуга Владимира Мономаха. Еще один известный древнерусский зодчий — Петр Милонег, киевский архитектор, который построил Михайловский собор Выдубицкого монастыря.

Чрезвычайный интерес представляет оклад книги с изображением святого Василия. И не только мастерством исполнения, но и тем, что найден был во время раскопок днепровского городища, являющегося остатками небольшого городка Чучина. Искусство Древней Руси, кроме больших храмовых фресковых и мозаичных композиций, знает много других церковных предметов: икон, крестов, иконок на камне, крестов-энколпионов, окладов богослужебных книг, резных шиферных и мраморных архитектурных элементов.

В книге «Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков» я показал стилевое единство церковных сооружений на всей территории огромной Руси. Образцом послужил Успенский собор Киево-Печерского монастыря,

возведенный в 70-х годах XI века. Вслед за ним подобные храмы появились во Владимире-Волынском, Чернигове, Суздале, Переславле-Залесском.

Несколько слов хотелось бы сказать еще об одном виде древнерусского искусства — резьбе по камню. Ярчайшим образцом является саркофаг Ярослава Мудрого в Софийском соборе в Киеве. Есть много оснований предполагать, что эта роскошная гробница украшена рельефной резьбой в Византии. Однако не исключено, что это делалось и в Киеве. Но на тыльной стороне имеется разметка узора, который не успели вырезать. Возможно, из-за неожиданной кончины Ярослава.

Примерами местного камнерезного искусства являются резные плиты парапетов хоров Софии Киевской, Михайловского Златоверхого и Успенского храмов. Наиболее известные из них — плиты с изображениями Геракла, борющегося со львом, Диониса, едущего на колеснице, запряженной парой львов, а также плиты со «святыми воинами» Георгием Победоносцем и Федором Стратилатом — на одной, святым Меркурием и Дмитрием Солунским — на другой.

Высоким художественным мастерством отличаются нательные и нагрудные кресты, кресты-энколпионы или кресты-складни с изображениями Иисуса Христа, Матери Божией, а также святых апостолов. Техника изготовления таких крестов пришла на Русь из Византии. В основном мастерские, изготавливающие кресты, располагались в Киеве, затем, в XI — начале XIII века, они появились в Новгороде и других городах.

Особой изысканностью отличаются керамические изделия, покрытые разноцветной поливой. Это плитки для церковных полов, столовая керамика, пасхальные яйца-писанки. Местом изготовления последних был Киев. Из него они не только расходились по Руси, но и попадали в соседние страны.

Особой отраслью культуры Руси было ювелирное искусство, представленное находками серебряных черненых браслетов, золотых эмалевых диадем и барм, височных колец, изготовленных в технике филиграни. Парадные платья древнерусской княжеской знати также были богато украшены.

На одной из реконструкций, выполненных мною, представлен условный молодой князь. Его шапку украшает золотая диадема (корона) с изображением сцены вознесения Александра Македонского на небо, а также золотые эмалевые медальоны с деисусным чином. Украшениями княжны являются высокий кокошник, золотые рясна и колты, трехбусинные золотые серьги, нагрудное золотое ожерелье, расшитый золотом ворот платья.

Вопросы и ответы

Александр БЕЛЯЕВ, II курс, факультет искусств: — *Уважаемый Петр Петрович, хочу поблагодарить Вас за Вашу деятельность, которая направлена на объединение братских народов — украинского и русского. Хотелось бы сказать Вам отдельное спасибо за то, что ровно год назад 1 сентября Вы прочитали нам первую лекцию. Именно тогда я понял, что существует огромный багаж знаний, который можно получить в стенах этого вуза.*

Вопрос, который я хотел бы задать, сегодня стоит очень остро и связан с опасностью возникновения новых конфликтов. Как Вы считаете, чью сторону в военном конфликте займет Украина, наши братья по крови, — России или другой страны? И может ли Россия надеяться, что Украина вернется?

— Ситуация очень сложная. Когда-то я считал, что невозможно разрушить фундамент нашего общего родства, где у основания корневой системы — 12 восточнославянских племен: поляне, древляне, северяне, славяне и так далее, а ствол — это единое Древнерусское государство, от которого отходят три ветви — Малая Русь, Великая Русь и Белая Русь. Но, оказывается, если дерево не поливать и не удобрять, оно может засохнуть. Продолжая этот образный ряд, можно сказать, что одна ветка этого дерева начала отсыхать. Сегодня на все события накладывается отпечаток, связанный с ситуацией в Крыму

и в Донбассе. На мой взгляд, мы, украинцы, потеряли Крым по глупости, хотя он, конечно, всегда был русским.

Будучи руководителем Крымского научного центра, я выступал там почти каждую неделю и чувствовал настроения, витавшие там. Считаю, что результаты референдума о вхождении в Россию не были сфальсифицированы.

Конфликт в Донбассе усугубил ситуацию. Жители Донбасса хотели сохранить русский язык и экономическую самостоятельность, не хотели, как они говорили, кормить галичан, которые им навязывали свои жизненные ценности и своих героев-бандеровцев. Киевской власти нужно было договариваться с Донбассом. Допустим, чтобы русский язык был вторым государственным, нужно было предоставить им экономическую самостоятельность, но они направили туда войска с самолетами и танками. Это была трагическая ошибка. Военного противостояния в Донбассе можно было избежать.

В настоящее время на Украине уже выросло молодое поколение, которое не знает прошлой жизни, не обременено сантиментами нашего общего родства, нашими общими героями и святынями. Население расколото: примерно 50 % — сторонники дружбы с Россией, а 50 — уже совершенно другие люди, которые не задумываются над тем, стрелять или нет. Россию они рассматривают как врага.

Второй вопрос поставлен в чисто имперском духе: может ли Россия надеяться, что Украина вернется? Я бы его сформулировал по-другому. Можем ли мы надеяться, что Россия и Украина снова будут вместе? Такой вариант я не исключаю. История подобную ситуацию уже знала. Когда-то Украина уже была оторвана от общего восточнославянского пространства (и от России), когда по Люблинской унии вошла в состав Речи Посполитой. При этом, правда, мнением наших далеких пращуров никто не поинтересовался. Потребовалось шесть лет кровавой национально-освободительной войны Богдана Хмельницкого (с 1648 по 1654 г.), чтобы Украина (Малороссия) смогла вырваться из «братских» объятий польской шляхты. То есть мы уже были в Европе и еле ноги унесли оттуда с помощью Богдана Хмельницкого. Се-

годня нашими поводырями и наставниками вновь выступают поляки.

Не исключаю, что после «медового месяца» с Евросоюзом, наверное, длительного, который не принесет Украине обещанного процветания (украинцы нищают и вымирают: раньше на Украине проживало почти 53 миллиона человек, сегодня — меньше 40), наступит отрезвление. Но пока мы наблюдаем странное положение: власти Украины оплакивают прошлые жертвы украинцев, в том числе голодомора 30-х годов XX века, и совершенно не озабочены вымиранием украинцев сегодня. Наверное, когда-нибудь ситуация улучшится. Но боюсь, что, как сказал великий русский поэт Н. Некрасов, «жить в эту пору прекрасную / Уж не придется — ни мне, ни тебе».

11. КИЕВ И НОВГОРОД: У ИСТОКОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ[1]

Насколько мне известно, в этой аудитории собрались культурологи и конфликтологи. Поэтому найти тему, которая заинтересовала бы всех одинаково, чрезвычайно трудно. Конфликтологам я рассказал бы о Майдане, культурологам — о культуре Древней Руси. Но поскольку я историк и археолог, то предлагаю рассмотреть тему, связанную с Киевом и Новгородом X–XIII веков. Это особенно важно потому, что именно эти два города стояли у истоков Древней Руси.

Предлагаю мысленно перенестись в далекое прошлое, где начиналась наша восточнославянская Родина, наша государственность, культурная и цивилизационная идентичность. Слово «наша» здесь одинаково относится к украинцам, русским и белорусам.

В историографии Древней Руси так сложилось, что исследователи Новгорода ревниво относились к исследователям Киева и в большей мере пытались противопоставить эти два центра. Новгород — это республика, вече, европейское народоправие, а Киев — монархия, там управлял князь. Меня давно занимала

[1] Киев и Новгород: у истоков Древней Руси. СПб. : СПбГУП, 2018. (Избранные лекции Университета ; Вып. 182).

эта тема, но все время что-то мешало приступить к ее исследованию. Хотя чувство неудовлетворенности противопоставлением Новгорода Киеву всегда оставалось.

Однажды в большой аудитории я слушал выступления наших археологов, которые вели раскопки в Киеве, Владимире, Новгороде, Чернигове и других городах. Каждый из них обращал внимание аудитории на региональные особенности их находок, хотя все они были схожи между собой. Я предложил провести такой эксперимент: выложить на столе материалы одного раскопочного сезона из всех названных городов, перемешать их, а затем рассортировать по месту находок. И если это будут делать не авторы раскопок, уже присмотревшиеся к своим находкам, а их коллеги, то они скорее всего не справятся с такой задачей. Причина — удивительное единство материальной культуры X–XIII веков на всей великой Руси.

Мне всегда казалось, и сегодня это особенно актуально, что важно обращать внимание не столько на различия и особенности, сколько на общее, что роднило все древнерусские земли, что помогло им создать яркую и единую культуру.

Тенденция поиска своего, частного, особенно возобладала после распада Советского Союза в 1991 году, когда общее древнерусское наследие оказалось разделенным между тремя суверенными странами: Беларусью, Россией и Украиной. Новая государственная ситуация необъяснимым образом подтолкнула историков к поиску нынешней национальной идентичности уже во времена Руси. Особенно преуспели в этом украинские историки, отождествляющие Русь (Киевскую) с украинской державой. Нечто похожее имеет место и в нынешней российской историографии, когда истоки русской государственности выводятся из Новгорода во Владимир, а затем и в Москву, минуя Киев. Белорусы также озаботились поиском своей древней государственности и увидели ее в Полоцком княжестве, будто бы независимом от Киева уже с X века.

Мне неоднократно приходилось высказываться на эту тему, причем иногда и не очень академическим стилем. Древним русичам X–XIII веков и в страшном сне не могло присниться, что кто-то из них является украинцем, кто-то русским, а кто-

то белорусом. Все они были русичами, большим этнокультурным сообществом с единым языком и религией. Большую роль в создании этого единства и восточнославянской государственности сыграли Киев и Новгород.

Попытаюсь наметить основные вехи этой истории. В 882 году, пройдя с севера на юг, Олег захватил власть в Киеве, убив Аскольда и Дира, и стал киевским князем. В том же году произошло объединение восточнославянского пространства вдоль знаменитого торгового пути «из варяг в греки» (водный путь из Балтийского моря в Черное). На двух концах пути, этой ранней экономической и политической оси восточных славян, находились Новгород и Киев. Новгород контролировал вход в Балтийское море, Киев — в Черное. Киев был последним крупным русским центром, где собирались флотилии судов, которые шли в Константинополь. Уже само географическое расположение городов на этом торговом пути диктовало, что эти два центра должны жить в тесном единстве, потому что органично зависели один от другого, а от них зависело раннее государственное пространство Руси.

Один нюанс: в IX веке Олег стал киевским князем, а новгородские археологи не нашли в древнем Новгороде слоев IX века. Это неразрешимое противоречие объясняется легко, если вспомнить, что рядом с Великим Новгородом находится так называемое Рюриково городище. Это, как утверждает петербургский археолог А. Н. Кирпичников, Предновгород — небольшой город, который в скандинавских источниках называется Хольмгард (Holmgård), он располагался на возвышенности, окруженной водой. Предновгород — предшественник Новгорода, и первоначально связь Киева и севера осуществлялась посредством этих двух центров.

Позднее, в середине X века, киевские князья основали на севере свои опорные пункты. В летописи сказано: «Иде Ольга к Новгороду и устави по Мьстѣ погосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани». Это было своеобразное возвращение княжеской власти на север, но уже из Киева. Результатом стало основание в земле словен новых княжеских центров. Именно тогда был основан и Новгород, который мы знаем. Новый город —

не эволюционно возникший, но основанный по княжескому велению. Нам известны Новгород-Святополчич, Новгород-Северский, Нижний Новгород.

По существу, конец IX и весь X век прошли в тесных контактах Киева и Новгорода: киевские князья (Олег, Игорь и потом Святослав) предпринимали походы в Византию, Ольга посещала Константинополь. Эти походы совершались объединенными силами большинства восточнославянских племен. Активное участие в них принимали словене новгородские, кривичи смоленские и полоцкие, чудь, весь, варяги, а также южные племена — поляне, древляне, северяне.

Примечательно, что в Новгороде в то время не было своих князей, там правили посадники Киева. Киевские князья назначали своих наместников, которые управляли Новгородской землей. В конце X века новгородцы попросили киевского князя Святослава Игоревича назначить им князя. Старшие сыновья Святослава, Олег и Ярополк, отказались (отпрѣся) идти в Новгород, и тогда Добрыня, дядя Владимира, предложил его кандидатуру. И Святослав отправил младшего сына на новгородский стол. Вместе с ним туда был послан и Добрыня. Вплоть до середины XI века Новгородом управляли сыновья великого киевского князя: сначала Владимир, потом его сын Ярослав, затем сын Ярослава Владимир. В это время Киев и Новгород представляли собой двуединое средоточие Русской земли.

Владимир Святославич — наиболее яркая княжеская фигура начальной Руси. Вернувшись в Киев из Новгорода после смерти Святослава, он посмотрел на город и обнаружил, что тот практически беззащитен перед угрозами степных кочевников (в его время — печенегов). И тогда он произнес знаменитую фразу: «Се не добро, еже мало город около Кыева», после чего развернул грандиозное по тем временам строительство крепостей. «И нача ставити городы по Десне и по Востри и по Трубежеве и по Суле и по Стугне». Эти реки были естественными рубежами, ограждавшими Киев от вторжений кочевников. Именно на них в конце X — начале XI века появляется целая сеть порубежных богатырских застав, кото-

рые позднее будут связаны с именами былинных защитников Руси — Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича и др. Самое интересное, что, поскольку Владимир пришел из северных земель и лучше всего был знаком с жизнью Новгородчины и славянского Севера, он населил эти города «лепшими мужами от славен, от кривичей, от чуди» и от других. Это чрезвычайно важно. Во-первых, потому что людского резерва на юге Руси для этого не хватало, а во-вторых, Владимир мог положиться на этих людей, которых знал еще в бытность новгородским князем.

Когда слышишь, как на Украине новые толкователи истории говорят, что украинцы — чистокровные, а вот русские — с угро-финским субстратом, ничего, кроме снисходительной улыбки, это вызвать не может. «Чистых» народов в природе нет вообще, и если на севере Руси русский этнос обогащался за счет балтийских и угро-финских народов, то на юге в такой же мере — за счет ирано- и тюркоязычных. Во времена Владимира в порубежные крепости на юге Руси переселялись также представители балтских племен, в частности чудь. В XI веке один из них — Чудин Микула (явное указание на этническое происхождение) — управлял Вышгородом.

В конце X — начале XI века объединение севера и юга Руси дало совершенно новое качество: Южная Русь укрепилась системой крепостей по вышеупомянутым рекам, что обеспечило ей защиту от печенежских орд, которые вторгались в пределы Руси, достигая Киева. Однажды (в 969 г.) печенеги чуть не овладели городом, и огромной заслугой Владимира Святославича было то, что он, выражаясь фигурально, закрыл «Полю» ворота.

Его дело продолжил сын Ярослав, получивший прозвище Мудрый. По его велению была обустроена оборонительная линия по реке Рось. Когда-то академик Б. А. Рыбаков именно с этим регионом связывал первичное расселение Руси. Примечательно, что Ярослав, как и Владимир, прежде чем стать киевским князем, обретал княжеский опыт на северо-востоке и севере Руси — в Ростове и Новгороде. Уже будучи в Киеве, он постоянно заботился о безопасности этих земель. С этой

целью совершал походы на беспокойных соседей Руси — чудь и литву. Во время одного из них, состоявшегося в 1030 году, он основал русский город Юрьев («постави град Юрьев»), нынешний эстонский Тарту. Как правило, такие походы сопровождались захватом пленных и выводом их в Русь. Один такой случай зафиксирован в летописи. Воспользовавшись, как пишет летописец, мятежом «в земли Лядьской», Ярослав вместе с черниговским князем Мстиславом предпринял поход на Польшу (в 1031 г.). В результате Руси были возвращены Червенские города, а также захвачены «многы ляхы». Приведенные в Русь, они были поселены в Поросье. Летописец, писавший об этом в начале XII века, заметил, что они живут там «суть до сего дне».

В археологическом сезоне 2017 года мы обнаружили на Роси уникальный памятник — городище и большой могильник, где похоронены представители балтских племен. Датируется могильник началом XI века. Таким образом, археологически было подтверждено то, о чем говорится в летописи. К этому следует добавить, что представители поляков, литовцев или чуди были не единственными инородцами в Поросье. Кроме них, здесь оседали тюркские племена, так называемые «свои поганые», которые постепенно подвергались русской ассимиляции и аккультурации.

При Ярославе Мудром (1016–1054) отчетливо прослеживается единство северного и южного центров, которое наметилось на начальных этапах становления Руси. Прежде всего в духовной сфере. В Киеве и Новгороде практически одновременно было принято православное христианство. Киев стал центром митрополии с кафедральным Софийским собором, а Новгород — центром епископии также с Софийским собором. София Киевская, по примеру византийских храмов, была богато украшена мозаиками и фресками, каменными резными плитами, мраморными архитектурными элементами. Русичи восторгались собором, митрополит Иларион писал: «Церковь дивна и славна всем округным странам, яко же ина не обрящется во всем полунощи земленем от востока до запада». В первой половине XI века ничего подобного «во всем полунощи земле-

нем», если исключить Византию, действительно не было. Этот храм стал духовной опорой Древней Руси, при нем была основана первая библиотека на Руси, которая, по подсчетам наших историков книги, насчитывала около тысячи томов, причем не только богослужебной, но и учительной литературы. При Софии была открыта школа письменности.

Ярослав Мудрый заботился также о том, чтобы все то же самое было и в Новгороде. После завершения Софии Киевской строительная артель была переведена в Новгород для строительства Софии Новгородской. Уже в 1052 году строительство собора было завершено, и он также был богато украшен. По свидетельству новгородских летописцев, инициатива возведения епископского храма в Новгороде принадлежала Ярославу Мудрому и его сыну Владимиру. В 1052 году Владимир умер и был похоронен в Софии Новгородской.

Символично, что обе святыни, киевская и новгородская, являвшиеся двумя православными опорами всей Руси, пережили многовековые лихолетья и сохранились до наших дней. В исторической литературе эта духовная связь Киева и Новгорода в ее софийской символичности не оценена должным образом, хотя ее роль в формировании древнерусской цивилизационной идентичности едва ли не определяющая. Если бы мы попытались найти аналогии двуединой государственной центричности Киева и Новгорода в последующей отечественной истории, то обязательно обратились бы к феномену Москвы и Санкт-Петербурга, которые в сознании политической элиты Российской империи являлись равнозначными символами государственности.

Следует упомянуть еще об одной государственно-политической особенности Киева и Новгорода. С течением времени многочисленный род Рюриковичей разветвился: на Руси к началу XIII века было несколько десятков князей, каждый из них претендовал на какой-то удел. Одни получали, другие нет — впоследствии их называли изгоями, выпавшими из ряда. Но все они были порфирородными, все имели одинаковые права. На Руси было около двенадцати крупных удельных княжеств, их территории примерно совпадали с границами двенадцати

восточнославянских племенных объединений, лежавших в основании Древней Руси, и за каждой землей закрепилась та или иная ветвь рода Рюриковичей. И только два города не имели своих семейных династий — Киев и Новгород: они считались общим родовым наследием всей княжеской династии.

Когда князя из Южной Руси посылали в Новгород, а он туда не особенно стремился и отговаривался тем, что «ему отчина Белгород» (или Курск, или Переяславль), ему напоминали, что Новгород для него такая же отчина. «Отчина» — буквально отцовское наследие, но также и наследие всего рода. Это хорошо осознавали новгородцы. Приглашая суздальских князей на новгородский стол, они говорили: «Придите в отчину свою». На Киев и Новгород в течение всей домонгольской истории Руси претендовали все порфирородные князья рода Рюриковичей как на свое родовое наследие, на свою «отчину». И в этом особенность Киева и Новгорода — они не закрепились, не стали обособленными земельными княжествами, а на протяжении всей истории являлись общеродовым наследием.

Когда я углубился в эту тему, то обнаружил, что выходцы из Новгорода были первыми киевскими князьями из династии Рюриковичей (Олег) и последними. Это Ярослав Всеволодович, которому в Орде дали ярлык на Киев и на всю землю Русскую, а затем его сын, Александр Невский. Вот так круг истории замкнулся: и первые, и последние князья одного и того же рода (последние — уже в предмонгольское время) пришли в Киев из Новгорода. И вряд ли это случайно. В этом определенно заключается глубокий сакральный смысл, который осознавался даже татарскими ханами.

О том, что Киев и Новгород были сакральными центрами Руси, свидетельствует особое отношение в них к культу Бориса и Глеба, а также Владимира Святого. Новгородцы понимали, что это их корни, с которыми у них существует глубинная связь. Несмотря на то что новгородские бояре часто конфликтовали с князьями, приходившими из Киева, общая духовная память объединяла эти два центра на протяжении всей древнерусской истории.

Представляется чрезвычайно важным, что у истоков нашей государственной, культурной, религиозной истории стояли Киев и Новгород — два крупнейших центра не только Руси, но и средневековой Европы. Нужно исследовать и показывать эти элементы нашего единства. Сегодня, когда связи между родственными восточнославянскими народами рвутся, заявленная мной тема не очень популярна. И напрасно. Прошлое не должно стать заложником нынешнего политиканства.

В заключение расскажу об археологических находках, которые наглядно иллюстрируют летописные свидетельства о расселении жителей Прибалтики и северных районов на юге Руси. На реке Рось с русской стороны располагается сравнительно небольшое городище (остатки укрепленного городка), а через реку находится большой могильник. В нем и обнаружены погребения, совершенно не характерные для Руси конца X — начала XI века. В могилах были найдены элементы одежды и украшения: фибулы (из тех, что называют арбалетными, — на них угадываются даже некие антропоморфные детали), цепи, браслеты, украшенные драконьими головами, железные топоры. Прекрасно сохранились бронзовые предметы. Аналогичных находок у нас на Руси нет, но они есть в Прибалтике. Совершенно очевидно, что люди, захороненные в этом могильнике, принадлежали к балтским народам.

К настоящему времени исследованы 16 захоронений. Они находятся практически под самой поверхностью земли. Мы не знаем, были ли над ними в древности курганные насыпи. В последнее время поле активно распахивает техника, отчего захоронения оказались буквально в 30 см от поверхности земли. Из-за этого могильник грабят «черные копатели», некоторые из них даже составили свои «музейные коллекции». Среди типичного балтийского инвентаря — фибул, браслетов, колец — встречается древнерусская гончарная посуда, наконечники копий и железные топоры конца X — начала XI века.

О нерусском характере могильника свидетельствуют не только вещи, но и обряд захоронений. Он языческий. Как известно, балтские народы сохраняли свои языческие верования и тогда,

когда на Руси уже господствовало христианство, для которого нехарактерны захоронения с инвентарем.

Городище Суховицы на русском берегу — небольшое, несоразмерное с могильником. Но к нему примыкает огромный посад, судя по распространению культурного слоя. Интересно, что люди, жившие на левом берегу Роси, были воинами, и все говорит о том, что они защищали русское пограничье от кочевников. В то же время они не боялись хоронить умерших на правом берегу, который был территорией кочевников. Судя по аналогичным находкам из других районов Поросья, можно подумать, что балтское представительство здесь было более широким и достигало устья Роси. По останкам из захоронений учеными были реконструированы древние балтские костюмы с украшениями (в частности, с брошками), аналогичными поросским. В чем-то они перекликаются с женским убранством скандинавов.

К сожалению, в наше время распространено такое явление, как нелегальные раскопки. Вещи, добытые таким образом, найдены, например, в «коллекции» депутата Верховной рады Рябунова. Оказывается, еще до прихода археологов памятник подвергся разграблению «черными копателями», которые сбывали находки в частные руки. Надо признать, что это явление общее: и украинское, и русское, но таких масштабов, как в наше время, оно не достигало никогда. Сегодня «черные копатели» вооружены хорошими металлоискателями, поэтому легко обнаруживают металлические предметы, выкапывают их, как картошку, и создают свои «музеи». Это очень печально, потому что, во-первых, сама земля много теряет от такого грабежа, во-вторых, вещи, изолированные от археологического контекста и незадокументированные, практически не пригодны для научного анализа.

Этот могильник — прекрасная иллюстрация того, что русские князья вывозили с севера поселенцев на юг Руси. Если бы мы не нашли его, этот факт остался бы только летописной деталью. Но вот конкретное свидетельство этих событий, происходивших в конце X — начале XI века. Эта находка чрезвычайно важная и интересная, особенно в контексте нашей темы

«Киев и Новгород: у истоков Древней Руси». Она наглядно показывает, как объединялись потенциалы севера и юга. Сначала север «приходит» на юг и дает Руси княжескую династию, затем юг основывает на севере становища и погосты, потом север «населяет» южнорусские города-крепости. Этот процесс внутренних миграций был характерен для Руси и в XI–XII веках.

Подводя краткий итог нашему разговору, следует сказать, что мы должны быть благодарны нашим далеким предкам — киевлянам и новгородцам — за то, что они создали великое восточнославянское государство Русь, ставшее общим достоянием трех нынешних восточнославянских народов — белорусского, русского и украинского.

Вопросы и ответы

Е. А. КАЙСАРОВ, заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования, почетный профессор СПбГУП: — *Мне как историку чрезвычайно интересна Ваша лекция, поскольку она позволила ликвидировать некоторые пробелы в моих знаниях. Вы рассказали о двуцентричности, раньше я не подозревал, что двуцентричность имеет такие глубокие корни. У нас есть дисциплина «История Петербурга», в рамках которой мы изучаем Петербург как один из центров русской культуры и говорим, что если мы утратим один из центров, то русская культура рухнет. Двойная преемственность, которая была Вами прослежена, позволила совершенно по-другому взглянуть на подобные явления. Также мне понравилось, что Вы показали, насколько для современных людей, особенно для политиков, важно знать нашу древнюю историю: кто мы, откуда мы? К сожалению, многие из студентов не знают истории Древней Руси, средневековой Руси. Думаю, что Вы заинтересовали их. Мы будем ждать выхода Вашей монографии, где все это будет изложено более подробно.*

Павел МЕЛЬНИК, II курс, факультет конфликтологии: — *Уважаемый Петр Петрович, Вы сегодня много говорили о прошлом нашего Отечества. Думаю, всем нам было бы интересно поговорить о будущем. Считаете ли Вы возможным совместное будущее России и Украины? Можно ли ликвидировать существующие противоречия между братскими народами?*

— Иногда вопрос может поставить в тупик — если больше часа говоришь об одном, а тебя спрашивают совершенно о другом. Я подарил библиотеке СПбГУП свою последнюю книгу «Заблудшие». Это слово в церковнославянском языке означает людей, сбившихся с правильного пути и в прямом, и в переносном смысле. В данном случае я рассматриваю нас, украинцев: мне представляется, что это мы — заблудшие. Можно списать все на режим, Майдан, но мне кажется, что заблудился весь народ, потому что если в стране происходит то, что происходит, то виноваты не только молодчики, которые правят бал на майданах, но и те, кто не способен этому противостоять. Так что можете пойти в библиотеку и почитать эту книгу.

Что касается вашего вопроса, то у меня долгое время была иллюзия: все это очень ненадолго — то, что произошло с нами, с Россией и Украиной, скоро это пройдет. Часть Украины, в данном случае Галиция, принялась навязывать нам своих героев. Щорс и Ватутин — уже не герои, а Бандера и Шухевич — герои. Меняются названия улиц и даже городов, сносятся памятники одним и устанавливаются другим. Мне казалось невозможным, чтобы Украина стала одной большой Галичиной. Но теперь я уже в этом не уверен, потому что происходящее сегодня — полная галицизация Украины, причем и ментальная тоже. Православная идентичность активно размывается грекокатолическим флером. Я не могу понять, что такое грекокатолицизм: есть католическая вера, есть православная. А эти умудрились быть одновременно и греками, и католиками. И вот уже православные священники начинают носить стоячие воротнички. Когда на Майдане говорили: «Европа — наш цивилизационный выбор», мне казалось, что

эти люди неграмотны, не понимают, что говорят. Цивилизационный выбор мы сделали еще Бог знает когда — при Владимире Святом, и этот выбор — наша православная идентичность. Оказывается, я ошибался. Они поставили себе цель переориентировать нас в другую сферу, другую веру, другую ментальность, в другие культурные традиции, и сейчас для них плохо все, что было в прошлом, все, что нас связывает с Россией. Хорошо только там, за «бугром». И хотя людей, которые едут туда, ожидает жалкая участь — они получили безвизовый режим и возможность уехать в Польшу, где им платят в три раза меньше, притом что рабочий день длится дольше, — они рады и этому, потому что на Украине нет работы, экономика разрушена. И когда это изменится, мне трудно сказать. Наверное, когда-нибудь мы вернемся к тому, что у нас было раньше. Правда, это будет не скоро. Помните знаменитые строчки Некрасова о том, что русский народ вынесет все?

Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

Ну, по крайней мере мне. Вы, может быть, доживете до того момента, когда украинцы и русские объединятся в одну семью.

Антон КУТУЗОВ, III курс, факультет конфликтологии: — *Как Вы считаете, почему Новгород не стал столицей Древней Руси?*

— Этим вопросом задаются многие ученые. Действительно, чего не хватило Новгороду, чтобы стать столицей Древней Руси? Во-первых, давайте вспомним, что во время образования Древнерусского государства на месте Новгорода был всего лишь Холмгард — Рюриков городок среди болотной поймы. Во-вторых, хотя Новгород, по сути, был в ту пору «окном в Европу» для восточнославянского мира, более важной проблемой, вероятно, представлялась защита от кочевников и, следовательно, укрепление со стороны юга, связь с Константинополем

и, значит, «окно в Византию». В противостоянии с кочевыми народами, совершавшими набеги на Русь, было разумно заручиться поддержкой Византии, которая была крупной и мощной империей. Очевидно, что стратегические задачи восточнославянского мира в начальный период его становления, то есть в IX–X веках, решались на южных границах. Именно это обстоятельство, скорее всего, повлияло на то, что центр Руси оказался именно там. Это как Петербург в XVIII веке.

Е. А. КАЙСАРОВ: — *Петр Петрович, существуют три основные теории возникновения Древнерусского государства: славянская, центристская, норманнская. Какую Вы считаете наиболее правильной?*

— О центристской теории мне ничего не известно. Что же касается славянских и норманнских корней Русского государства, то это извечный вопрос нашей историографии. Мы долго придавали неоправданно большое значение иноземному фактору: якобы пришли варяги и организовали государственность. Но если внимательно прочитать летописи, то мы увидим, что, когда появились варяги, у восточных славян уже были основы государственности. Двенадцать восточнославянских племен — это уже ранние государственные образования. На всем пространстве, где жили восточные славяне, были укрепленные центры племенных объединений: Киев, Пастырское, Зимно, Битица и многие другие. А на севере уже были Старая Ладога и поселение, где был построен городок Рюрика. Как показал петербургский археолог Е. Н. Носов, который уже 30 лет исследует Рюриково городище, задолго до прихода варягов там жило славянское племя — словене.

Есть еще одно свидетельство. Когда Олег спускался по Днепру, он захватил Смоленск и Любеч и «посадил» там «мужей своих», потом пришел в Киев, убил местных князей и сел сам. Так что зачатки государственного развития на Руси уже были. Да, династия Рюриковичей по происхождению балтийская или варяжская, трудно более определенно назвать их этнические истоки. Скорее всего, это шведы, но, возможно, и датчане.

Однако поразительно, что уже во втором поколении эти люди не мыслили себя норманнами — они русичи.

Давайте восстановим ход событий. Олег пришел в Киев и «принес на руке» малолетнего Игоря, который с четырех или пяти лет воспитывался в восточнославянской среде. Игорь женился на славянке — псковитянке Ольге, в их браке родился князь Святослав, который лишь наполовину скандинав. Святослав имел внебрачную связь с Малушей, ключницей Ольги, и у них родился сын Владимир — уже на три четверти славянин.

Во времена Владимира киевские князья пользовались услугами варяжских дружин, но не привечали их. Владимир отослал в Константинополь варягов, которые помогли ему завладеть Киевом, а впереди послал гонца к византийскому императору, чтобы тот предупредил: «Это хлопотные люди, поэтому надо расселить их розно». Ярослав Мудрый, которому конунг Эймунд тоже помог в овладении Киевом, отказался платить ему обещанную мзду серебром, поэтому в скандинавских сагах Ярослав выступает как скупой и не заслуживающий доверия. Дружина Эймунда тоже покинула киевские земли.

Таким образом, уже Святослав и Владимир не помнили о своей связи с варягами. Конечно, они были русичами.

Давайте вспомним более поздние эпохи царствования династии Романовых. Что касается этнической составляющей, то в этой династии происходил обратный процесс: русских по крови в ней с каждым поколением становилось все меньше. Александр III по крови был больше европейцем, чем русским, но по мировоззрению и самоидентификации — абсолютно русским человеком. «У России есть только два союзника — ее армия и флот», — это его слова. Это говорит о том, что гораздо важнее сознание, а не мифический «голос крови». Главное — кем себя человек осознает. Российские цари, как и древнерусские князья, воспринимали себя как правителей великой русской страны.

Интересно, что только в конце XII века кто-то вспомнил о Рюрике и князей стали называть Рюриками. Но вообще я бы

не придавал большого значения норманнской теории. Сегодня это уже не актуально. Политическое развитие Руси происходило на базе восточнославянского этноса.

Е. А. КАЙСАРОВ: — *А каково происхождение этнонимов двух типов?*

— В вашей библиотеке есть моя книга «Откуда пошла Русская земля», где две главы посвящены происхождению названия Руси. Это южнорусское слово, но его источник, скорее всего, надо искать в иранском языке. На каком-то этапе оно закрепилось за местными славянскими племенами. Летописец пишет о полянах: «Еже ныне называемая Русь». Поляне — южно-восточнославянское племя, оно первым взяло это название. Варяги становятся русскими, когда попадают в Киев, а когда потом возвращаются на север, их тоже иногда именуют русскими, так как они служили русским князьям. Это уже обратная миграция слова на север.

Так что название «Русь» имеет южно-восточнославянское происхождение. Так считали многие известные лингвисты и историки: Олег Трубачев, Василий Абаев, бывший директор Эрмитажа Михаил Артамонов и другие исследователи. Разумеется, это слово — неславянского происхождения, но оно быстро прижилось в южно-восточнославянском регионе.

Е. А. КАЙСАРОВ: — *Вопрос от преподавателя кафедры Натальи Владимировны Алявдиной. Она пишет: «Согласно исследованию американских историков, профессоров Вернадского и Прицака, Киев возник как еврейско-хазарский центр работорговли. Евреи грабили славян-язычников, сгоняли их к Киеву, и киевские партии рабов продавали западноевропейским христианам и ближневосточным мусульманам». Как Вы можете прокомментировать эту теорию возникновения Киева?*

— В той же книге я подробно рассматриваю идею Прицака и Голба, которые пытались связать Киев с хазарским центром.

Их идея заключается в том, что было два купеческих образования: одно шло с северо-востока, другое — с запада, от франков. Где-то на севере или северо-востоке они объединились и совместно перекочевали на юг. Это искусственное построение, ничем не подтвержденное. Но Прицак и Голб не историки, а филологи.

Если даже допустить, что левый берег Днепра был хазарским, а правый — славянским, то Киев-то возник на правом берегу! Между тем в летописи написано, что поляне, северяне и другие племена на каком-то этапе действительно пребывали в зависимости от хазар и платили им дань. Но однажды им это надоело, и они заплатили дань обоюдоострыми мечами. Хазарские старцы посчитали это плохим предзнаменованием: сегодня мы с них берем дань, а завтра они с нас будут. Так и случилось. Святослав разгромил хазар, разрушив их государство. Да и в славянской культуре нет ничего хазарского. В Киеве есть несколько находок так называемой салтово-маяцкой культуры. Ее носители — вероятно, предки болгар и венгров, которые входили в состав Хазарского государства. Эта культура была распространена по берегам Донца, в Киеве же найдены буквально единицы артефактов: один кувшин, несколько обломков, два погребения с подбоями, напоминающие хазарские. Все остальные находки, безусловно, славянские. Поэтому мы можем согласиться с тем, что в какой-то период были зависимы от хазар, но то, что они и Киев основали и что государственность мы от них унаследовали, — чистая выдумка.

Е. А. КАЙСАРОВ: — *Петр Петрович, еще один вопрос. А. Н. Кирпичников и В. Д. Сарабьянов написали книгу «Старая Ладога. Первая столица Руси». Ваше отношение к этой позиции?*

— Анатолий Николаевич Кирпичников — мой хороший друг. Он блестящий археолог и большой знаток оружия Древней Руси. Очень яркая личность. Кирпичников несколько десятилетий проработал в Старой Ладоге. Тем не менее я не могу согласиться с его точкой зрения на историю этого города.

Ладога — памятник очень давний, в основе своей скорее славянский. Да, в Ладоге, согласно летописи, правил основатель династии — Рюрик. Но только два года. В летописи сказано: «По двоѣ уже лете сяде Рюрик в Новегороде». Следовательно, он ушел на Ильмень, где срубил город, известный ныне как Рюриково городище. Я могу согласиться с Анатолием Николаевичем, что Ладога была первой столицей северной части славянского мира, но Руси в те времена еще не существовало.

А. Н. Кирпичников иногда употребляет термин «первая империя Рюриковичей». Однако если Ладога и была столицей, то не империи Рюриковичей, а только самого Рюрика и только два года.

Когда ученый 40 лет работает на одном памятнике, он склонен преувеличивать его значение. Например, я считаю Киев «пупом земли», но, по-моему, у меня для этого больше оснований. Евгений Николаевич Носов полагает, что самым ранним политическим центром северо-восточных славян было Рюриково городище. Но надо исходить не из того, что могло быть, а из того, что было в действительности. На самом деле мы знаем, что первой столицей Руси был Киев, и об этом прямо пишут летописцы. Когда Олег пришел в Киев и объединил север и юг вдоль Днепра, он сказал: «Се буде мати городам русским». Думаю, что метафора «Киев — мать городам русским» не должна подвергаться ревизии, так как последующая история показала, что именно Киев был центром Руси. Не думаю, что это ущемляет великоросскую гордость. У нас были общая история, общие предки и общая столица.

На Украине есть люди, яростно выступающие против России. Я им иногда возражаю: «Представьте себе, что в конце XI или в XII веке брат вашего далекого пращура ушел на Северо-Восток, а теперь вы проклинаете его наследников, то есть своих дальних родственников». Мы же знаем, что Северо-Восточную Русь в основном колонизовали выходцы из Поднепровья, с Киевщины и Переяславщины. Отсюда туда была перенесена и южнорусская гидро- и топонимика: Десна, Трубеж, Лыбедь, Владимир, Переяславль, которая, разумеется, перешла вместе с большими потоками людей. Призы-

ваю всех не забывать об этом. Наши общие предки, конечно, ни сном ни духом не ведали, что когда-нибудь станет возможно то, что происходит сейчас. Историю необходимо рассматривать независимо от политической конъюнктуры.

Е. А. КАЙСАРОВ: — *В связи с этим последний вопрос. Та проблема, которую мы сегодня рассматривали, нашла отражение в образовательных стандартах Украины?*

— У нас уже третий раз переписывают учебники истории. Когда страну возглавлял Виктор Ющенко, был сделан политический заказ на новый учебник, и наши услужливые историки его быстро написали. После второго Майдана опять раздались призывы написать новый учебник. Спрашивается: чего не хватает в старом? Оказывается, в нем не было героизировано националистическое движение на Украине и т. п. Переписали еще раз. Мы с коллективом авторов под моей редакцией издали очерки истории Украины, где старались объективно изложить разные точки зрения, представить все процессы в контроверсионном виде. Но наша работа не пришлась ко двору на Украине. Сейчас мы пытаемся сделать второе издание, включив новые данные, в том числе такие события, как Майдан. Авторы боятся откровенно писать, чем объективно обернулся Майдан для Украины, чтобы не нарываться на неприятности. Все же, думаю, мы постараемся объективно рассмотреть это событие. На Украине у нас вряд ли получится опубликовать свои очерки в новом варианте. Люди есть люди: кто-то боится потерять работу, кто-то одурманен пропагандой. Особенно внушаема оказалась молодежь, которая в значительном большинстве придерживается радикальных взглядов и является движущей силой различных демонстраций и других политических акций. Молодые люди пока мало что знают и еще ничего не сделали, но уже многого хотят, и это противоречие порождает неадекватную реакцию. Но будем надеяться...

Е. А. КАЙСАРОВ: — *Уважаемые коллеги, для меня Петр Петрович — образец настоящего ученого, который не меняет*

своих взглядов в зависимости от политической конъюнктуры. Это очень трудно. Петр Петрович, приезжайте к нам почаще. Мы будем читать Ваши книги, а Вам желаем успехов в дальнейших исследованиях и, конечно, мужества.

— Случилось так, что я не пришелся ко двору ни старой власти, ни новой. Компартийные чиновники говорили, что я страдаю киевоцентризмом, а это, как им казалось, недалеко от национализма. Новой власти я тоже не совсем угоден, на этот раз из-за своего недостаточного нациоцентризма. Что тут поделаешь?

Е. А. КАЙСАРОВ: — *Спасибо, Петр Петрович, за интереснейшую лекцию.*

12. «НЕ ДРАЗНИТЕ МЕДВЕДЯ»[1]

В конце 2016 года редактор американского сайта «National Interest» Роберт Мерри в статье под примечательным названием «Перестаньте дразнить медведя» высказал предположение, что «завтра» США и Россия перестанут быть врагами. Надежды эти были связаны с избранием Дональда Трампа президентом США, в котором автор увидел сигнал миру срочно «переобуваться», а тот, кто этого не поймет, может впоследствии пожалеть. Подобные надежды испытывало и российское политологическое сообщество, а депутаты Думы даже подняли бокалы с шампанским в честь перемен в Белом доме.

Сегодня по этому поводу в либеральном стане России не иронизирует разве что ленивый. Не вполне понятно, что так воодушевляет этих людей — политическая наивность и простодушие тех, кто надеялся, что с приходом к власти Трампа улучшатся отношения между двумя странами, или собственная прозорливость в том, что этого не должно было произойти.

[1] Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 185–187.

На Лихачевских чтениях 2017 года я тоже выразил сдержанный оптимизм в связи с избранием Дональда Трампа. Друзьями США и Россия, как я полагал, не станут, но если перестанут враждовать, то всему миру будет спокойнее. К сожалению, этого не случилось. Трамп не осушил «вашингтонское болото», и «переобуваться» никому не пришлось ни в самих Соединенных Штатах, ни в подконтрольных им странах. Более того, новый президент США сам стал органичной частью этого «болота», поддержав его усилия по обострению отношений с Россией, хотя, будучи кандидатом, не исключал возможности их улучшения.

Особенно обрадовались этому некоторые малые страны Европы, только недавно ставшие членами НАТО или всеми силами стремящиеся войти в блок. Беззаветная преданность Хиллари Клинтон, декларируемая их руководством вплоть до дня объявления результатов американских выборов, не стала основанием для перемены в США отношения к ним. Новый президент сделал вид, что не заметил их едких высказываний в свой адрес, или ему не дали это заметить политические оппоненты. Быстро забыли об этом и сами критики Трампа, принявшиеся теперь искать его благосклонности.

Особенно наглядно это видно на примере президента Украины Петра Порошенко, который еще «вчера» расточал комплименты Хиллари Клинтон и только ее видел президентом США, а теперь ищет любую возможность пожать сюзеренную длань Трампа.

К сожалению, новая администрация США не прислушалась к совету мудрого политика и государственного деятеля Генри Киссинджера и не избрала путь нормализации отношений с Россией. Следуя метафоре Роберта Мерри, можно сказать, что «медведя» теперь не просто дразнят, но и травят. Чего стоит хотя бы циничное, ничем не аргументированное отлучение российских спортсменов от участия в зимней Олимпиаде 2018 года в Южной Корее. Это недостойно цивилизованного сообщества. При любом отношении политических элит коллективного Запада к властям России постыдно вымещать свою злобу на целой стране и ее народе. Такая брутальная

демонстрация силы в действительности оборачивается своей противоположностью. Мстительность — удел слабых.

Поразительно, но и в этом случае больше всех воодушевляются новоявленные европейские союзники США, которые мечтают о реванше за прошлые обиды от России. Они же постоянно требуют от США и Запада все новых санкций против России, причем не только экономических, но и политических. С каким ликованием было встречено в политических кругах Украины лишение права голоса в ПАСЕ российской парламентской делегации. Робкие попытки руководства этой авторитетной организации как-то исправить ошибку и вернуть российских парламентариев в Страсбург встретили решительный протест. Руководитель парламентской делегации Украины заявил: «Если Россия будет возвращена в ПАСЕ, то из нее уйдет Украина». Эта угроза, скорее всего, не была бы реализована, но в ПАСЕ вынуждены с ней считаться.

Не менее бестактным выглядит и заявление министра иностранных дел Украины Павла Климкина в интервью немецкой газете «Rheinische Post»: «Отмена санкций против России, — утверждает он, — приведет к расколу Европы». Их еще не взяли в эту самую Европу, а он уже пугает ее возможностью раскола! Конечно, не будь у Климкина за спиной американского наставника, он вряд ли отважился бы на такое менторское заявление, адресованное ведущим европейским странам.

Такая позиция украинских властей представляется контрпродуктивной. Кроме удовлетворения личных амбиций от сознания нанесенного России оскорбления, ничего существенного она не даст, накопившихся за четыре года проблем в отношениях между Украиной и Россией не решит. Неучастие России в работе ПАСЕ практически исключает какое-либо влияние этой организации на позицию страны. А с учетом того, что Украина принятием закона «О реинтеграции Донбасса», по существу, отказалась и от Минских соглашений, возможность для выхода украино-российских отношений из глубокого кризиса оказывается нулевой.

Серьезным препятствием на этом пути станет и строительство американской военной базы в Очакове — якобы для за-

щиты Украины, но в действительности в интересах США, как это уже произошло в Румынии и Болгарии. Украинские власти воодушевлены этой перспективой, как и поставками летального оружия из США. При этом постоянно подчеркивают, что Украина защищает не только себя, но и всю демократическую Европу от российской агрессии — вероятно, виртуальной, поскольку реальной нет и не предвидится.

Не знаю, осознают ли нынешние руководители Украины, что эти заявления — не что иное, как признание того, что они являются инструментом чужой политики в чуждых народу Украины интересах. Сиюминутные выгоды в виде получения кредитов от США, Международного валютного фонда, некоторых европейских структур даже в малой степени не компенсируют потерь Украины от разрыва экономических отношений с Россией. И это не теория, а печальная действительность. Украинские граждане стремительно нищают, их численность угрожающе сокращается. Более 10 миллионов человек ушли в мир иной, не менее 5 миллионов уехали на заработки в Россию и страны Европы.

Печальной констатацией экономических проблем Украины и низкого уровня жизни ее населения является тот факт, что, согласно исследованию Международного института социологии, опубликованному в январе 2018 года, 45,2 % украинцев не видят своего будущего на родине и хотели бы уехать за рубеж. К сожалению, эта реальность не до конца осознана большей частью украинских граждан, которая продолжает верить оптимистичным заявлениям президента о светлом европейском будущем страны.

Насколько известно, не обрели земного рая и другие постсоветские страны — Эстония, Литва и Латвия, уже вошедшие в Европейский союз и угодливо предоставившие свои территории для размещения военных баз и контингента США. Их население, и без того не очень многочисленное, также неуклонно сокращается. Не знаю, испытывают ли простые эстонцы удовлетворение от того, что размещенные у них американские истребители и бомбардировщики могут достичь Санкт-Петербурга за 16 минут. Если испытывают, то это глубокий

самообман. В случае (не дай бог!) военного конфликта они могут вообще не взлететь, и их печальную участь разделит и небольшая Эстония.

Когда слушаешь польских политологов, активно участвующих в шоу на российском телевидении, невольно создается впечатление полной потери ими чувства реальности. Союзнические военные отношения с США приводят их в состояние эйфории. Они с восторгом говорят, что для их защиты американцы прислали 3,5-тысячный военный корпус с 80 танками и бронемашинами. И хотя ничто не указывает на то, что Россия собирается нападать на Польшу, жупел российской угрозы у поляков — самый продаваемый товар.

Вряд ли сами «младоевропейцы» верят в злокозненные захватнические планы России, но страшилки о российской угрозе приносят им неплохие дивиденды от богатого Запада, в первую очередь США. Конечно, это обман, но американцы сами «обманываться рады», поскольку он в определенной мере легитимирует размещение ими военной инфраструктуры у границ России. Так, страдая историческими комплексами, некоторые страны бывшего СССР и Организации Варшавского договора в лице своего политического руководства оказались на переднем крае глобального противостояния США и России.

И, конечно, особая роль здесь принадлежит Польше, ставшей временным поверенным в делах США в Европе. Она первой из европейских стран удостоилась чести принимать Дональда Трампа. Президент Польши Анджей Дуда на встрече с Рексом Тиллерсоном в Давосе приветствовал расширение санкций США против России и выразил уверенность, что они будут усиливаться. В свою очередь, госсекретарь США, посетивший своего стратегического партнера после Давоса, выступил в поддержку Польши в ее противостоянии планам России и Германии по строительству газопровода «Северный поток – 2».

Безоговорочное следование Польши, Украины, южнобалтийских и некоторых других восточноевропейских стран в кильватере американской политики доминирования и про-

тивостояния с Россией свидетельствует об отсутствии у руководства этих стран не только сознания ответственности за европейское будущее, но и элементарного чувства самосохранения. Ведь если постоянно травить медведя, он может и огрызнуться, и тогда появятся уже не мнимые, а реальные причины для обид. Нельзя все время жить русофобией — это тупиковый и опасный путь. По нему долгое время шла и старая Европа, пытавшаяся расширять так называемую «территорию свободы», не считаясь с интересами России, а зачастую и в ущерб им. Это и сегодня делается — не посредством вовлечения России в свободное европейское экономическое пространство и демонстрации преимуществ западных экономических моделей, но при помощи военной силы, укрепления блока НАТО, втягивания в него все новых стран, которым, вероятно, это дает уверенность в своей большей безопасности, но при этом лишает такой уверенности Россию, порождая взаимное недоверие и новые взаимные страхи.

Казалось, после развала Советского Союза и роспуска Организации Варшавского договора необходимость в НАТО должна была отпасть сама собой. В новой жизни Североатлантический блок стал анахронизмом, что отмечал даже Трамп в своих предвыборных речах. Однако анахронизм продолжает жить и укрепляться, и почему-то цивилизованным европейцам не приходит на ум, что вызов всегда порождает адекватный ответ. Спокойнее от этого не будет никому.

В последнее время в странах старой Европы растет понимание, что невозможно долго жить в условиях конфронтации, которую США навязывают миру, — военной, экономической, идеологической. Экономические санкции против России негативно сказываются не только на ней, но и на европейских странах. По заключению Института мировой экономики, опубликованному в декабре 2017 года, Германия от собственных санкций ежемесячно теряет 618 млн евро. Вполне определенно о необходимости их отмены высказались некоторые премьер-министры земель Германии. Министр иностранных дел Зигмар Габриель, отвечая противникам «Северного потока – 2», подчеркнул, что это внутреннее дело Германии.

Эти настроения начала разделять и федеральный канцлер Ангела Меркель, высказавшая на Всемирном экономическом форуме в Давосе несколько важных мыслей. «Мы считаем, что следует сотрудничать, что протекционизм — неверный путь. Спорные вопросы нужно решать с учетом мнения разных сторон, а не в одностороннем порядке». Но, пожалуй, главным ее политическим посылом было заявление: «Мы должны взять свою судьбу в собственные руки».

«Мы» — это, надо думать, Германия и другие страны Европы. В некоторых из них также говорят о необходимости прекращения конфронтационной санкционной политики. Это обсуждают и в бельгийском парламенте, и в палате лордов Великобритании. Вполне определенно на данную тему высказываются президент Чехии Милош Земан, премьер-министр Венгрии Виктор Урбан, премьер-министр Бельгии Шарль Мишель. Как представители стран Европейского союза, они связаны корпоративными правилами поведения, но вполне отдают себе отчет в абсурдности навязываемой США миру политики американского доминирования, основанной на военном принуждении.

Контуры будущего, обозначенные в американской ядерной стратегии, предусматривающей применение атомного оружия в условиях обычного военного конфликта, как и назначение на роль врагов США России, Китая, Ирана и КНДР, не должны устраивать мировую общественность. Это апокалиптические контуры. Будущее всей планеты не может определять одна страна. Настало время, когда все народы мира и их правительства должны осознать свою меру ответственности перед будущим и вслед за госпожой Меркель решительно заявить о своем желании «взять свою судьбу в собственные руки».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Предложенная книга — плод многолетних раздумий над трудной судьбой суверенной Украины. Казалось, после распада Советского Союза перед ней открывались радужные перспективы поступательного развития. Стартовые условия для этого были одними из лучших на постсоветском пространстве[1]. Но воспользоваться ими мы не сумели, на суверенном марше потеряли больше 10 млн человек, разрушили промышленность и сельское хозяйство. Особенно обидно за последнее, кормившее во времена Союза не только Украину, но и другие республики. Только зерна мы производили по одной тонне на человека, чего не было даже в наиболее развитых странах Европы. Но поступила команда к определенному сроку ликвидировать коллективные хозяйства — и все обрушилось. Из экспортера Украина в одночасье превратилась в импортера сельскохозяйственной продукции. И это страна, где сосредоточена почти десятая часть мировых черноземных почв.

Так же, как экономику, разрушили идеологию и традиционные устои жизни, посеяли семена раздора, причем не только между Украиной и Россией, но и между различными частями Украины. Взяли курс на Запад. Точнее, нам его определили, как и развал колхозов. Мы откозыряли и стали настойчиво убеждать самих себя, что альтернативы европейскому выбору у нас нет.

Удивительно, но за годы суверенного развития, несмотря на то что вожделенный Запад нисколько не стал нам ближе, мы так и не поумнели. Продолжаем повторять, как ритуальное заклинание, о своем стремлении интегрироваться в цивилизованный Запад. Причем с одинаковым усердием это делают и «оранжевые», и «бело-синие» политики. Возможно, в этом не было бы ничего плохого, если бы не два существенных обстоятельства.

Первое — цена нашего прозападного курса. Она неимоверно высокая. Это разрыв традиционных, можно сказать, тысячелетних, отношений с Россией. Прежде всего

---

[1] Перед распадом Советского Союза удельный вес экономики Украины в мировом балансе составлял более 2 %. Сегодня он не превышает 0,2 %.

политических, но и экономических, научных, культурных тоже. «Никаких союзов и сообществ на Востоке, — заявляют национал-радикалы. — Это помешает нашей интеграции с Западом». Практически ни один из проектов сотрудничества Украины и России, рассматриваемых на моей памяти в Верховной раде, ими не был поддержан. Когда же парламент принял постановление об одобрении создания Единого экономического пространства Украиной, Россией, Беларусью и Казахстаном, наиболее радикальные из них пообещали, придя к власти, персонально разобраться с предателями украинского народа.

Второе обстоятельство — это нечестность самого Запада. Настойчиво подталкивая Украину к разрыву с Россией, убаюкивая наших «оранжевых» деятелей баснями об «исключительной европейскости Украины» и ее естественном месте в семье европейских народов, принимать нас туда не спешат. Сравнительно недавно обо всем этом нам рассказывал «большой друг Украины» Збигнев Бжезинский. Правда, при этом он заметил, что никто нас в Европу приглашать не будет в ближайшие 10–20 лет. Пока что цивилизуйтесь сами, а уже потом, возможно, ваши мечты и осуществятся. Важно, чтобы вы сделали правильный стратегический выбор.

Получается не очень порядочно: «С Россией не сближайтесь, но в Европу мы вас пока что не можем взять». А как же тогда нам жить сегодня? Ни господин Бжезинский, ни другие «доброхоты» Украины над этим не задумываются. Да и зачем им? Это нам надо думать, чтобы не оказаться в конечном счете у разбитого корыта. А тенденции развития европейских экономических связей свидетельствуют о реальности такой перспективы.

Отказавшись от тройственного газотранспортного консорциума (Украина, Россия и Германия), Украина стимулировала Россию и другие заинтересованные страны строить газотранспортные системы в обход Украины. Наиболее радикальные недруги России, когда велись переговоры о консорциуме, увидели в этом сдачу позиций Украины. Помнится, ругали президента Л. Д. Кучму последними словами, говорили, что такое решение несовместимо с курсом Украины на европейскую интеграцию.

Но это чудовищное заблуждение. Все как раз наоборот, и Кучма это чувствовал. Отказ от консорциума отдаляет нас от Европы. Предоставляя свои транспортные системы для прокачки газа и нефти в ту же Европу, а тем более расширяя их на кооперативных началах, Украина стала бы ее крупным экономическим партнером на многие десятилетия вперед. Естественно, и Россия тоже. Но именно этого и не приемлют ортодоксальные евроинтеграторы, уподобляясь известному животному, жалящему самого себя.

Для меня, как, думаю, и для большинства людей, не ослепленных антироссийским дурманом, совершенно очевидно, что лучшее будущее Украины невозможно построить на конфронтации с Россией. Это безнадежный, тупиковый путь, и рано или поздно с него придется сойти. Разумеется, лучше раньше, чтобы экономические потери не стали для Украины необратимыми.

Возможно, антирусизм наших национально озабоченных политиков не был бы столь радикальным, если бы его не раскручивал мощный пропагандистский маховик. Подавляющее большинство средств массовой информации с усердием, достойным лучшего применения, выискивает в нашей общей истории компроматы на Россию. Во всем виновата она, и она же за все ответственна. И за зверства Меншикова в Батурине, и за «нашествие орд» Муравьева, и за голодомор 1932–1933 годов. И ни слова о своих грехах — а их тоже достаточно, и гордиться тут особенно нечем. Зверствам Меншикова предшествовали такие же зверства Сагайдачного в Подмосковье. Орды Муравьева уравновешиваются ордами немцев, приглашенных национал-патриотами на Украину. Действительно, были трагической жертвой голодомора, но ведь и палачом тоже. Вчитайтесь в архивные документы того времени — и вы увидите, что продразверстными комиссарами на Украине были не только «Ивановы» и даже не столько они, сколько «Иваненки».

Только скудоумным недомыслием можно объяснить обвинение России и в том, что она, как правопреемница Советского Союза, должна отвечать за «предательский» пакт Молотова–Риббентропа и другие предвоенные и послевоенные соглашения. Такое наше поведение не только исторически ущербно, но и по-человечески безнравственно. Ведь если нынешняя Украина не считает себя преемницей Советского Союза и всячески дистанцируется от всего содеянного им, то она ставит под сомнение и легитимность своего нынешнего статуса. Если не государственного, то определенно территориального.

При таком отношении к истории моральным был бы отказ от несправедливых имперских приобретений и возврат в этноисторические границы. А то не очень порядочно получается: проклинать дарителя и со спокойной совестью пользоваться его наследством. Если такого желания у нас нет, то необходимо в корне изменить оценки прошлого и не делать его заложником настоящего. На земле нет народа-счастливчика, который бы не испил свою горькую чашу. Представляете, что бы произошло в мире, если бы все народы начали вспоминать причиненные им обиды. К счастью, похожих на нас немного.

Это только на первый взгляд кажется, что мы преодолеваем прошлое и, как говорил А. П. Чехов, по капле выдавливаем из себя раба.

В действительности преодолеваем и настоящее, что не дает нам сосредоточиться на будущем. По сути, разрываем и без того хрупкий внутренний мир. Работники, как выражались в недалеком прошлом, идеологического фронта должны понимать, сколь огромными возможностями влияния располагают средства массовой информации. Они способны спровоцировать совершенно непредсказуемые выбросы.

Например такие, как случившийся у памятника Богдану Хмельницкому 4 ноября 2006 года. То, что там произошло, кажется невероятным в XXI веке — какое-то дикое средневековье. Люди, пытавшиеся возложить цветы к памятнику, подверглись настоящей атаке национал-радикальных молодчиков. Они бесновались, улюлюкали, посылали проклятья в адрес «москалей»: «Москалям смерть!», «Москалів у могилу!», «Ви нам відповісте за Батурин!» и т. д. И это притом, что цветы предназначались не какому-то русскому деятелю, а выдающемуся украинскому гетману. Да и возлагали их не «москали», а граждане Украины, в том числе этнические украинцы.

Спросите, откуда у этих юнцов столько ненависти к своим же согражданам? Да все оттуда же. В том числе от бесчисленных шоу, которыми с регулярным постоянством «радуют» нас телеканалы. Ведь все построены по принципу «стенка на стенку». Постоянно нагнетая в стране атмосферу вражды, будь то к России или к своим согражданам, не разделяющим официальной точки зрения, мы не можем рассчитывать на консолидацию общества. Разломы имеем не только по затронутой проблеме, но и по другим, о чем читатель сможет составить собственное представление, ознакомившись с содержанием этой книги. Практически ни в одной сфере жизни Украина не достигла общественного согласия.

Такое впечатление, что, получив независимость слишком поздно, когда она уже пережила свою классическую форму, мы никак не можем разумно распорядиться этим даром. Мир уже стал глобальным, а мы, украинцы, остались в эпохе этнонационального романтизма. Вместо того чтобы засучив рукава взяться за реализацию фундаментальной задачи — построение современного конкурентоспособного государства, занялись проблемами собственной идентификации, отличности от русских, предались воспоминаниям о былом величии, принялись создавать абсолютно нереалистические мифы. Собственно, занялись тем, что народы цивилизованной Европы прошли еще в первой половине XIX века. При этом так и не определились, что для нас должно быть главным, что второстепенным, а что и вовсе не стоящим того, чтобы тратить на это силы.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А
Абаев В. 568
Абазинда Дж. 212
Аваков А. 198, 208, 253, 255, 256, 506
Агапит, врач 549
Агеева А. 527
Адлерфельдт 62
Азаров Н. 16, 238
Аксаков К. 149
Аларих, вождь вестготов 219
Александр I 398, 459
Александр II 149
Александр III 567
Александр Невский 51, 560
Александров К. 87, 88
Алексей Михайлович 24, 431, 432
Алексей, сын Петра I 68
Алексий, патр. Моск. 106, 108
Алёша Попович 557
Алимпий, худ. 549
Антонович В. 23
Антонов-Овсиенко В. 40
Апостол Д. 62, 63
Аргунов И. 28
Артамонов М. 568
Артем С. 420
Асад Б. 486
Аскольд, кн. Киев. 510, 514

Б
Багрянородный Константин 522
Бажан М. 294
Байден Дж. 203, 207, 270, 286, 407, 490, 506
Бальцерович Л. 208
Бандера С. 43, 119–136, 140, 219, 194, 243, 248, 253, 258, 275, 343, 344, 420, 421, 502
Бантыш-Каменский Н. 23, 165, 399, 456
Баран В. 314
Баранович, еп. Черн. 23
Баррозу Ж.-М. 223, 480
Беер А. 126
Безбородко А. 39, 164, 398, 459
Беляев А 528, 551
Бенюк Б. 251
Бердник О. 311
Береза Ю. 267
Березовский М. 151, 165, 399, 456
Бернес М. 31
Бжезинский Зб. 94, 475, 497, 551
Билодед И. 379
Билый С. 253, 262, 266
Бобрынский А. 77
Боголюбский Андрей 469, 545
Бодянский О. 32, 40, 165, 399, 456
Боженко В. 40, 165
Бойко Ю. 394
Бойчук Б. 357, 364, 365
Болеслав Хр. 513
Бондарчук С. 32, 40, 399, 456
Боровиковский В. 40, 165, 399, 456
Бортко В. 32
Бортник Р. 324, 352
Бортнянский Д. 28, 399, 456
Брагинец А. 221
Брежнев Л. 39, 306, 398, 459
Бреннан Дж. 261, 270
Бузина О. 328
Буковский В. 181
Булгаков М. 377
Бульба-Боровец Т. 119–127, 129, 132, 140
Бунин И. 74
Буров Н. 528, 530
Буш Дж. 450
Быков Д. 69, 70
Быков Л. 27, 313
Быстрицкая Э. 31

В
Вавринка В. 77
Варфоломей I 105–108, 117, 458
Ватутин Н. 137, 421
Вексельберг В. 406
Венелин Ю. 165, 399, 456
Вернадский В. 32
Вертинский А. 31
Вехтер О. 135
Видал Гор 469
Виктюк Р. 32

Вилдерс Г. 482
Вильгельм II 59
Винниченко В. 41, 165, 325, 387, 414
Владимир Глебович 259
Владимир Мономах 549
Владимир Святой 49, 51, 52, 54, 91, 196, 224, 259, 420, 424, 440, 454, 457, 465, 515, 549, 556, 557, 560, 567
Владимир Ярославич 559
Владимир, митр. Киев. 106
Власов А. 87, 88
Волошин Г. 82, 377
Вольтер 62
Воронько П. 313
Ворошилов К. 39, 165
Вощиковский В. 540
Врангель П. 81
Всеволод Большое Гнездо 55
Всеволод Чермный 51
Выговский И. 23, 66, 411, 412
Высоцкий С. 544
Вяземский П. 29

Г

Габриель Зиг. 577
Гаврыш С. 349
Гайдуцкий П. 491, 492
Галаган И. 62, 63
Гашинский А. 313
Гедеон Четвертинский, митр. Киев. 110
Гедеонов С. 529
Геец В. 189, 488
Гейне Г. 373, 374
Герелло В. 33
Герман А. 319
Гёте И.–В. 373
Гизель И. 23
Гимлер Г. 135
Гитлер А. 124, 321, 437
Глазьев С. 189, 488
Глинка М. 29
Глушков В. 35
Гмыря Б. 313
Гнатюк В. 362–364
Гнатюк Д. 35, 313
Гоголь Н. 23, 29–32, 40, 165, 199, 371, 373, 377, 399, 456
Голб П. 569
Голицын В. 59
Гомер 373
Гончар О. 294, 306, 307, 313, 392
Горбачев М. 309
Гордиенко 62
Горошко О. 123
Горский А. 512, 516
Грабовский Л. 312
Гранин Д. 68
Гребинка Е. 26, 399
Греков Б. 519
Гринцов И. 308
Гринченко Б. 363, 364, 366, 373
Гриценко А. 182
Гройсман В. 347
Грушевский М. 41, 59, 76, 145, 361, 362, 386, 413, 520
Губарев П. 245, 246
Гулак-Артемовский С. 25, 26, 29, 165, 456
Гуляев Ю. 313
Гуренко С. 308
Гуцуляк Д. 217
Гучков А. 70, 71, 73
Гюго В. 373

Д

Давыдченко А. 245, 246
Даллес А. 471
Даниил Галицкий 95, 96, 107, 259
Даниил, игум. Черн. 56
Данилевский Г. 29
Данте 373
Деникин А. 81
Дещица А. 199
Джонсон Б. 321, 537
Дзиговский Н. 24
Дзюба И. 312, 314, 357, 367, 371, 372, 380, 381
Дионисий, патр. Конст. 111
Дир. кн. Киев. 510, 514
Дмитрий Ростовский 329, 373, 399, 455
Добкин М. 246, 275
Добролюбов Н. 327, 375
Добрыня Никитич 557
Довженко А. 27, 32
Долмат, еп. Новг. 51
Донцов Д. 23, 131, 132
Дорофеев В. 406
Драгоманов М. 23, 41, 363, 364, 373

Драч И. 58, 319, 320, 442
Дринов М. 449
Дроздов О. 385, 393
Дуда А. 576

Е
Екатерина II 164, 259, 420, 435
Елизавета Петровна 164, 398, 459
Ельцин Б. 531
Ельченко В. 199
Ермоленко С. 367
Еханурoв Ю. 209

Ж
Железный А. 378
Жуков Г. 84, 265, 435
Жуковский В. 29

З
Загребельный П. 313
Запесоцкий А. 32
Звиздецкий Б. 524
Зебро Зб. 208
Зееман М. 578
Землянский В. 342
Зурабов М. 74

И
Игорь Рюрикович 53, 511, 515, 521–523, 556
Игорь Святославич 259, 435
Иеремия, патр. Конст. 109, 110
Изяслав Мстиславич 50, 107
Иларион, митр. Киев. 56, 547, 558
Ильенко А. 251
Ильенко Ю. 313
Ильин И. 324, 327, 395, 478
Илья Муромец 557
Иннокентий III, папа Рим. 93
Иоаким, патр. Антиох. 110
Иоанн Павел II, папа Рим. 94, 107
Иоахим Лют 62
Иов, патр. Моск. 109, 110
Иона, патр. Моск. 107
Исидор, митр. Моск. 107
Искра, полк. каз. 60

К
Кавафис К. 215
Каддафи М. 486
Кайсаров Е. 563, 566, 568–572
Кандыба А. 62
Караджич Р. 449
Карамзин Н. 54, 83, 328, 530
Карбышев Д. 88
Карл XII 58–69, 412, 440
Карпенко-Карый И. 33
Картер Эш. 212
Квитка-Основьяненко Г. 26, 362
Керенский Н. 71, 73
Кернос Г. 257
Керри Дж. 212, 260, 278, 286, 508
Кивалов С. 230, 240, 246, 292, 391
Кирилл, еп. Сузд. 51
Кирилл, митр. Киев. 51, 107
Кирилл, патр. Моск. 116, 183, 461
Кирпичников А. 555, 569, 570
Кирпонос М. 88
Киселев Д. 181, 405, 406
Киссинджер Г. 292, 541, 573
Кичигин С. 385
Клим, митр. Киев. 107
Климкин П. 214, 423, 425, 574
Клинтон Б. 471
Клинтон Х. 573
Кличко В. 218, 232, 246, 247
Ключевский В. 26, 32, 40, 46, 54
Кобзон И. 31
Кобринская Н. 364
Ковальчук Е. 532
Ковальчук М. 305
Ковпак С. 127
Кожара Л. 222
Козловский И. 399, 456
Колак А. 81
Колесниченко В. 240, 246, 292, 391
Коломиец А. 307, 313
Коломойский И. 140, 200, 269, 285
Коновалец Е. 133, 135, 425, 426
Корнилов Л. 81, 82
Королев С. 31
Короленко В. 165, 373, 399
Косив М. 292
Костомаров Н. 40, 175, 373
Костюк П. 35
Котляревский И. 294, 362, 375
Кох Г. 134
Коцюбинский М. 362
Коцюбинский Ю. 40, 165
Кочубей Вад. 398, 459

Кочубей Вас. 23, 60, 164
Кравчук Л. 131, 236, 247, 301, 302, 308, 392, 437, 442, 532
Краснов П. 81, 82
Кропивницкий М. 33
Крутикова Н. 377
Крутов, генер. АТО 138
Крымский А. 366
Крючков Г. 308, 309, 316
Кубелиус А. 383, 384
Кулиш П. 30, 32, 373, 376
Кульчицкий С. 308
Кундиев Ю. 298
Кутузов М. 420, 565
Кучма Л. 70, 72, 113, 151, 166, 169, 176, 185, 186, 188, 202, 227, 264, 277, 287, 316, 317, 330, 346, 347, 383, 450, 488, 580
Кушнарев Е. 168

Л
Лавров С. 260
Лазунько С. 324
Лановенко А. 383, 384
Лановой В. 32
Лебедь Н. 119–122, 128, 133
Левада О. 313
Левицкий Д. 40, 165, 456
Левчук Т. 313
Ленин В. 80, 83, 148, 157, 218–220, 244, 265, 414, 441
Леонтий, еп. Ростов. 116
Лермонтов М. 371, 373
Лесков Н. 376, 377
Леся Украинка 33, 41, 165, 170, 294
Липинский В. 23, 104, 105, 147, 378, 418
Литаврин Г. 520
Лихачев Д. 49, 56, 116, 534, 547
Лобановский В. 358
Ловмянский Г. 519
Ломоносов М. 469, 529
Лосенко А. 28, 40, 165
Лукашенко А. 450
Лукьяненко Л. 130, 131, 311
Лукьяненко С. 340
Луценко Ю. 218, 393
Лысенко Н. 26, 33
Львов М. 89
Ляшко О. 143

М
Маевская Т. 526
Мазепа И. 23, 59–68, 155, 249, 250, 374, 398, 411, 412, 424, 437, 440
Маккейн Д. 488, 539
Максимович Д. 60
Максимович М. 32, 40, 399
Мал, кн. 523
Малуша 54
Марин Ле Пен 144, 482, 485, 537
Марко Вовчок 377
Мармазов Е. 308
Мартос И. 23, 165, 399, 456
Мартынюк А. 309
Марченко А. 311
Марчук П. 133
Матвеев В. 308
Матвиенко А. 301, 302, 316
Мащенко М. 313
Маяковский В. 132, 377
Медведев А. 180, 222
Мелетий, патр. Алекс. 110
Мельник А. 124, 133–136
Мельник П. 564
Меньшиков Д. 581
Меркель А. 482, 537, 578
Меркуров С. 219, 441
Мерри Р. 541, 572, 573
Миклош И. 208
Милбенк Дж. 231
Миллер Г.-Ф. 529
Милошевич С. 448, 449, 486
Милюков П. 73
Милютенко Д. 313
Мирный П. 362
Мирослав, посад. Новг. 50
Мирошниченко Е. 35, 313
Мирошниченко Ю. 251
Миттеран Ф. 137
Михаил III, имп. Визант. 526
Михаил Романов 70, 71
Михалков Н. 88, 406
Мовчан П. 307, 379
Могила П. 23, 104
Мозолевский Б. 314
Мороз А. 153, 357
Мстислав Великий 54
Мстислав Изяславич 51
Мунтиян В. 189, 488
Муравьев М. 165, 436, 581

Мухаммед II 94
Мушкетик Ю. 357
Мысниченко В. 308
Мэттис Дж. 540

Н
Надточий Э. 473
Назаренко А. 519–522
Наливайко С. 374
Нарочницкая Н. 406
Насонов А. 511
Некрасов Н. 375, 553, 565
Нестор, летоп. 445, 509
Нечуй-Левицкий И. 33, 92, 294, 361–363
Нива Жорж 382
Николай I 73, 175, 398, 459
Николай I, папа Рим. 93, 164
Николай II 70, 78, 80
Николай, митр. Киев. 56
Никон. патр. Моск. 22
Носов Е. 566, 570
Нуланд В. 191, 203, 212, 222, 223, 269, 490
Нурдберг Е. 62
Нятко П. 313

О
Обама Б. 212, 213, 270, 271, 486, 489, 490, 494, 537
Овсянико-Куликовский Д. 31
Огиенко И. 102, 366, 370
Огренич Н. 313
Оланд Ф. 144
Олег Вещий 510, 511–515, 518, 521, 526, 556, 560, 566, 567, 570
Олийнык Б. 58, 302, 311, 313, 325, 370
Ольга, кн. 53–54, 515, 518–524, 556
Ольховский И. 123
Омелюсик М. 128
Онищенко А. 352, 353
Онуфрий, митр. Киев. 113
Орлык П. 60, 66
Островский Н. 40
Осыка Л. 313

П
Павел I 398, 459
Павлычко Д. 130, 304–307, 313, 316
Пайет Дж. 212, 489
Пантилеймонов А. 251
Параджанов С. 313
Паркер Ник. 212
Парубий А. 229, 245
Пархоменко А. 165
Пастухов В. 73
Патон Б. 35, 307, 434
Паустовский К. 40, 399, 456
Пахлевска О. 183
Пахмутова А. 89
Пахомов Ю. 451
Пашинский С. 145
Песков Д. 221
Петлюра С. 23, 34, 41, 165, 386, 414
Петраускас А. 524
Пётр I 39, 58, 60–66, 68, 164, 250, 374, 398
Петренко А. 32
Петрик (Петро Иваненко) 249
Пирожков С. 394
Платонов С. 175
Плачинда С. 380
Плетнев П. 29
Плещеев И. 24
Плютинский В. 336
Плющ И. 316
Побегущий Е. 134
Погодин М. 399, 519
Погребинский М. 324
Погребный А. 338, 359
Погребняк Я. 308
Подгорный Н. 39, 398
Подоряк И. 339
Познер В. 174
Поликарп, мон. К.-П. лавры 116
Полищук В. 129–137
Полоцкий С. 31, 546
Полторак С. 212, 213, 508
Полуботко П. 353
Польгуй В. 524
Пономарев 380
Пономаренко Е. 313
Поппе А. 382
Порошенко П. 16, 18, 70, 71, 112–114, 141, 142, 183, 187–192, 199, 203, 207, 208, 212, 230, 273–278, 283–286, 296, 317, 320, 343, 345, 347, 352, 353, 388, 389, 392, 406, 407, 416, 418, 457, 490, 573

Потебня А. 32
Потёмкин Г. 259, 420, 453
Потий И. 96
Пресняков А. 521, 524, 525
Прицак О. 569
Пришвин М. 27
Прокопович Ф. 39, 40, 164, 165, 373, 399
Проханов А. 406
Пруденций, еп. 511
Прютцман 116
Птуха М. 323
Путин В. 180, 199, 251, 536
Пушкар М. 411
Пушкин А. 29, 30, 170, 176, 304, 321, 371–375, 424, 440, 530
Пюц 126

Р
Радд К. 482
Разумовский А. 39, 164, 398, 459
Разумовский Ал. 39, 164, 398, 459
Разумовский К. 39, 164, 398, 459
Райс Кондолиза 19
Раппопорт П. 548
Расмуссен Анд. 212
Репин И. 165
Рибас М. 340
Ришелье А.-Ж. 259, 420, 454
Родзянко М. 73
Романов Б. 49
Ростислав Мстиславич 50
Руденко Б. 32, 313
Рудяков П. 324
Рустс (ибн) 530
Рыбаков Б. 423, 511, 519, 547, 557
Рылеев К. 375
Рыльский М. 35, 294, 313
Рюрик 510, 515, 527
Рюрик Ростиславич 55
Рябышев А. 11, 32

С
Саакашвили М. 185, 207, 506
Савченко Н. 407
Сагайдачный П. 96, 235, 581
Садовский Н. 33
Саксаганский П. 33
Салтыков-Щедрин С. 375
Самойлович И. 59
Самоквасов Д. 516
Саркози Н. 483, 536
Сатановский А. 65, 398, 546
Сафроний, патр. Иерус. 110
Сванидзе Н. 87, 89
Сверстюк Е. 311
Свичка В. 62
Свичка Л. 62
Святополк (окаянный) 512, 513
Святослав Владимирович 420
Святослав Всеволодович 50
Святослав Игоревич 53, 259, 453, 515, 518–523, 556, 557
Семин К. 87
Сидоренко С. 114, 464
Сизоненко А. 309, 311
Симон, еп. Сузд. 116
Симоненко Вас. 313
Симоненко Вал. 354, 355
Симоненко П. 143, 153, 184, 275, 309
Скачко В. 324
Скворцов Д. 324
Скорик Л. 310, 311
Скоропадский А. 349
Скоропадский П. 23, 34, 325, 386, 413
Скорупский М. 120–122, 128, 133
Славенецкий Е. 40
Славутич Яр. 369
Смотрицкий М. 165, 398, 428, 455
Собко В. 313
Солженицын А. 88
Солнцева Ю. 27
Соловьев В 447
Соловьев С. 438, 519, 520
Соловьяненко А. 35, 313
Сосюра В. 35
Спицин А. 516
Стаднюк И. 399
Сталин И. 84, 88, 321, 415, 437
Стельмах М. 35, 313
Степанков К. 313
Стецько Я. 124, 306
Стешенко Л. 362
Столтенберг Й. 508
Стринберг А. 65
Стриха М. 289
Ступка Б. 26, 27
Суворов А. 420
Сулима И. 62
Суриков И. 377

Т
Таирова-Яковлева Т. 63, 250
Танюк О. 307, 312
Тарасюк Б. 211
Тарута С. 245
Татищев В. 530
Твердислав, посад. Новг. 51
Терлецкий, еп. 97
Тиллерсон Р. 540, 576
Тимошенко Ю. 143, 180, 316, 347, 391
Тито И.-Б. 135
Ткачук А. 408
Толочко П. 54–57, 318, 319, 323, 431, 512, 513, 516, 517, 519, 524, 525
Толстой Л. 443
Толстой П. 89
Томенко Н. 183, 184, 221
Трамп Д. 536, 537, 540, 541, 572, 573, 576
Трахтенберг И. 310, 311
Третьяков П. 517
Тронько П. 308
Трубачев О. 568
Трубецкой С. 22, 146, 147, 546
Трюдо П. 141
Тургенев И. 377
Турчинов А. 145, 235, 251, 253, 260–262, 270, 271, 276, 302, 490
Тухачевский 70
Тымченко Е. 366
Тягнибок О. 143, 218, 232, 246, 247

У
Угли Ян 340
Ужвий Н. 313
Ульянов М. 27
Урбан В. 578
Урдессон С. 65

Ф
Факих (ибн-аль) 530
Фараж Найд. 144
Федькович О.-Ю. 364
Феофан, патр. Иерус. 96
Филарет, митр. Киев. 101, 114
Филиппов Н. 32
Фотий, патр. Конст. 93
Франко И. 41, 75, 153, 165, 170, 176, 233, 325, 364, 380
Франсуа Ф. 536, 537
Фролькис В. 310

Х
Хайнц О. 65
Хамитов Н. 394
Хантингтон С. 486
Хараф Мари 278
Хмельницкий Б. 24, 40, 44, 59, 95, 154, 155, 249, 288, 294, 410, 411, 419, 431–433, 437, 453, 552
Хмельницкий Г. 24, 432, 433
Хмельницкий Ю. 25, 411
Ходорковский М. 70
Хордадбех (ибн) 529
Хрущев Н. 39, 157, 398, 415, 459, 531
Хуссейн С. 449, 486

Ц
Царев О. 143, 246, 256, 275, 279
Ципко А. 87, 395–402

Ч
Чабай В. 434
Чайковский П. 28
Червонюк Е. 313
Черноморец 114, 464
Черномырдин В. 405
Чернышевский Н. 375, 376
Чехов А. 27, 581
Чорновил В. 167, 284, 311, 378, 380, 416
Чубинский П. 24
Чудин Микула 557

Ш
Шарль Миш. 578
Шафарик П.-Й. 449
Шахматов А. 511
Швальбо Ю. 383, 384
Швыдкой М. 69
Шевелев Ю. 370, 371
Шевченко Т. 30, 31, 145, 165, 176, 225, 294, 304, 319, 362, 372–376, 429, 440, 449
Шекспир В. 373
Шемякина П. 531
Шептицкий А. 75, 77, 102–104, 321
Шиллер Ф. 373, 374
Шкиряк З. 354

Шлецер А.-Л. 529
Шнайдер Э. 447
Шнайдер-Амман Й. 346
Шокин В. 207
Штайнмайер Ф.-В. 144
Шульгин А. 70
Шуляк А. 120, 122, 134
Шустер С. 85, 180–182, 222, 236, 393
Шухевич Р. 118, 131, 161, 219, 229, 243, 248, 253, 343, 344, 420

Щ
Щербицкий В. 313, 314, 435
Щорс Н. 344, 421

Э
Эймунд 567
Энглунд П. 63
Эппблаум Э. 147
Эштон К. 223, 253, 254

Ю
Юденич Н. 81
Юлдашев С. 106
Юшков С. 519, 525
Ющенко В. 18–20, 37, 57, 58, 65, 99, 105–112, 118, 131, 151, 153, 160, 166–170, 179, 181, 184, 185, 209, 227, 247, 254, 264, 294, 296, 316, 333, 343, 347, 350, 351, 401, 417, 435, 451, 458, 488, 571

Я
Яворивский В. 306, 307
Яворский С. 40, 398
Яковченко Н. 313
Якушева И. 529
Янукович В. 146, 153, 166, 189, 190, 196, 204, 205, 216, 223–226, 232–247, 250, 253, 260–264, 273–277, 279, 284, 296, 317–320, 329, 332, 333, 346, 347, 350, 353, 405, 442, 488, 500
Ярема В. 206
Ярослав Всеволодович, кн. Сузд. 560
Ярослав Всеволодович, кн. Черн. 55
Ярослав Мудрый 49, 54, 107, 259, 420, 439, 440, 454, 512, 513, 539, 547–550, 556–559, 567
Яценюк А. 489, 500, 506

Петр Петрович ТОЛОЧКО

УКРАИНА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ

ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Ответственный редактор *Я. Ф. Афанасьева*
Дизайнер *А. В. Костюкевич*
Технический редактор *Л. В. Климкович*
Редакторы: *В. Г. Даниленко, Т. А. Источникова, Т. В. Никифорова*
Корректоры: *С. А. Зинченко, Т. А. Кошелева*

Подписано в печать с оригинал-макета 26.10.18
Формат 60×84 1/16 Гарнитура SchoolBookC
Усл. печ. л. 37,0. Тираж 500 экз. Заказ № 18864

Издательство Санкт-Петербургского
Гуманитарного университета профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в ООО «Типография «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15

ISBN 978-5-7621-0973-4

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

www.gup.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ СПбГУП

ФАКУЛЬТЕТ КУЛЬТУРЫ

ФАКУЛЬТЕТ ИСКУССТВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Начни работу с этой кнопки!

www.gup.ru

Предлагаем также посетить сайт «Площадь Лихачева»

www.lihachev.ru

основные рубрики сайта:

Научное наследие Д. С. Лихачева

Библиография Лихачева

Международные Лихачевские чтения

Декларация прав культуры

и другие материалы